

История колоколов и колоколотейное искусство Н.И. Оловяшников

А.Ф. Бондаренко. Николай Иванович Оловяшников и его «История колоколов». (Вместо предисловия)

А.Ф. Бондаренко. Николай Иванович Оловяшников и его «История колоколов». (Вместо предисловия)

Книга Н.И. Оловяшникова «История колоколов и колоколотейное искусство» вышла в свет в 1912 г., когда колоколотейный завод товарищества «П.И. Оловяшникова сыновья» существовал уже полтора столетия. Колокола Оловяшниковых пользовались огромным спросом, как в самой России, так и за ее пределами. Они успешно конкурировали со своими собратьями, отливавшимися на более чем двадцати российских заводах аналогичного профиля, среди которых были такие именитые предприятия, как завод Бакулевых в Слободском, братьев Усачевых на Валдае, А.Д. Самгина и П.Н. Финляндского в Москве.

Книга стала вторым, дополненным изданием «Истории колоколов и колоколотейного дела на заводе Товарищества П.И. Оловяшникова сыновья», вышедшей в свет в Ярославле в 1906 г. Задуманная первоначально весьма узко с акцентом на деятельности фамильного колоколотейного завода с приложением каталога отлитых на нем колоколов, работа была значительно расширена во втором издании. Объем ее увеличился почти в три раза, но главное – изменилась направленность, что видно уже из нового заглавия.

Составитель и издатель ежемесячного журнала конца XIX – начала XX в. «Русский архив» Петр Бартенев дал ей очень точное определение: «Весьма замечательная книжка, написанная, как надо полагать, не для зазыва только к заказу колоколов, а из потребности опознаться исторически в своем деле».

Действительно, видимо именно потребность опознаться исторически в своем деле и побудила автора к созданию этого фундаментального труда. Его значение трудно переоценить. «История колоколов...» явилась первой попыткой обобщения знаний о колоколах за их многовековую историю и в результате стала своеобразной колокольной энциклопедией начала XX в. Поскольку же автор, инженер-технолог по профессии, стоял ближе к производству колоколов, чем к их истории, отличительная особенность его работы состоит в том, что, по сути, она является еще и практическим руководством по отливке и эксплуатации колоколов.

Н.И. Оловяшников, изучив большое количество как отечественных, так и иностранных источников, связанных с историей и производством колоколов, собрал богатейший фактологический материал и дал максимально полную для своего времени картину развития колокольного искусства в России и частично в Западной Европе.

До начала XX в. отечественная наука не имела монографического труда, в котором тема колоколов, как огромного пласта российской истории и культуры, была бы рассмотрена с разных сторон. Это тем более удивительно, что к тому времени колоколотейное дело в России насчитывало уже не одно столетие.

Первое летописное известие о литье колоколов на Руси относится к 1259 г., археологические же находки позволяют считать, что в древнем Киеве колокола отливались еще в начале XIII в. По мере распространения и укрепления православия и совершенствования технологии производство колоколов расширялось, как следствие возрастало их количество, увеличивался вес, оттачивалось декоративное убранство. К колоколам на Руси всегда относились с особым почтением и любовью, в результате в силу целого ряда причин в нашем отечестве они получили небывалое распространение.

Российская историческая наука впервые обратила свой взор на колокола во второй половине XVIII в., что было отмечено появлением ряда сочинений, посвященных колоколам и колокольному звону. На протяжении XIX в. интерес к этой теме постепенно возрастал, количество публикаций увеличивалось. Как правило, большинство из них печаталось в различных периодических изданиях, трудах Археологических съездов и Общества истории и древностей российских. Большая часть этих сочинений была не научного, а информационного характера. Год от года круг интересов авторов постепенно расширялся, тематика публикаций становилась все более разнообразной. Преимущественно это были исследования в области литейного дела, отдельные публикации о конкретных наиболее знаменитых колоколах и колокольном звоне.

Н.И. Оловянишников в процессе работы над книгой знакомился со всеми этими источниками. Кроме того, поставив перед собой задачу рассмотреть проблему гораздо глубже, он провел по истине титаническую работу по выявлению литературы, на первый взгляд казалось бы не связанной непосредственно с колоколами. На самом же деле она содержала богатейшие сведения, представляющие огромный интерес для изучения поставленной проблемы.

Речь идет о литературе, в которой описываются древности и достопримечательности храмов, монастырей, а также городов и других населенных пунктов Российской империи. В этих описаниях упоминаются колокола, находившиеся в конце XIX – начале XX в. на многочисленных колокольных в самых разных уголках нашей необъятной Родины. Особое значение эти сведения приобрели после печально знаменитой «колокольной кампании», хладнокровно спланированной и проведенной Советской властью в 1920-е – 1930-е годы, когда в плавильных печах металлургических заводов погибли десятки тысяч колоколов, некогда оглашавших Россию на всем ее пространстве. Это была невосполнимая утрата, ведь как отдельные колокола, так и формировавшиеся веками колокольные наборы представляли не меньшую художественную и духовную ценность, чем собрания икон в храмах, городские или монастырские архитектурные ансамбли, древлехранилища.

Сегодня по большей части благодаря литературе именно такого рода мы можем составить, к великому сожалению, лишь самое общее представление о навсегда утраченных, зачастую поистине уникальных памятниках литейного искусства тех веков, когда сотни тысяч колоколов, отлитых многими поколениями замечательных мастеров, вызывали удивление и восхищение иностранцев, посещавших Россию в то или иное время.

Список литературы, приведенный Н.И. Оловянишниковым в конце своего труда, стал первой отечественной библиографией по истории колоколов. Фактически же при работе над книгой автор использовал 297 источников, из них 276 на русском языке и 21 – на иностранных. Весь этот список можно условно разделить на несколько разделов:

- история и описание достопримечательностей городов, церквей и монастырей;
- литература о колоколах;
- историческая литература;
- исторические документы и древние рукописи;
- дневники и воспоминания;
- периодические издания;
- фольклор;
- художественная литература.

Раздел, посвященный истории и описанию достопримечательностей городов, церквей и монастырей, самый обширный, он включает 146 названий. Здесь содержится описание около тридцати городов и других населенных пунктов, более пятидесяти храмов, свыше семидесяти монастырей, причем не только существовавших в начале XX в., но также к этому времени уже упраздненных.

Особый интерес представляет литература о колоколах. Всего 59 названий, из которых 21 на французском и немецком языках. Все они содержат описание или какую-либо другую информацию более чем о семидесяти конкретных колоколах, находящихся не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в самых отдаленных уголках России, однако по тем или иным соображениям вызвавших интерес авторов. Из них восемь – непосредственно о колоколах Московского Кремля, в том числе о Большом Успенском и Царь-колоколе.

Менее обширен список используемой автором исторической литературы, он включает 23 названия. Однако источники такого рода неоценимы для понимания места колоколов в социально-политической, экономической и культурной жизни государства, а также их роли в формировании национального самосознания.

То же можно сказать и об исторических документах и древних рукописях. Здесь особо следует отметить такие источники, как русские летописи. Н.И. Оловянишников использовал их в своем труде около десятка. Это Лаврентьевская, Никоновская, Первая, Вторая, Третья Новгородские и некоторые другие. Материал, содержащийся в них, еще ждет своего исследователя.

Раздел, содержащий 30 названий дневников, писем, воспоминаний паломников к святым местам охватывает период с XII по XIX вв. Особый интерес вызывает материал, взятый из путевых заметок, описаний, впечатлений одиннадцати иностранцев, посетивших Россию в разное время, в которых содержится немало сведений о русских колоколах в Москве, Великом Новгороде и других городах.

В разделе, посвященном периодическим изданиям, собран большой материал из различных периодических изданий конца XIX – начала XX в., как-то: Ярославские и Рязанские епархиальные ведомости, Вологодские, Ярославские и Владимирские губернские ведомости, всевозможные издания Императорского московского археологического общества, материалы исторических ежемесячных сборников «Древняя и новая Россия», «Русская старина», «Русский архив» и многих других.

Несомненный интерес представляют былины, народные сказания, собрания пословиц и поговорок, песни, причитания, стихотворения, которые придают изложению определенный колорит.

Свежую струю, образное представление вносят и целые выдержки из художественной литературы четырех русских и трех зарубежных авторов, среди которых имена таких знатоков человеческих душ как В.М. Гаршин, А.И. Куприн, Ф. Шиллер, Ж. Роденбах. В отрывках из их замечательных произведений в основном описывается влияние колоколов и колокольного звона на человека.

Таким образом, даже столь краткий библиографический обзор книги Н.И. Оловянишникова убеждает нас, что автор не только обозначил в ней все основные проблемы отечественной campanологии, но также наметил по некоторым из них широкую историческую и искусствоведческую перспективу.

Однако, начавшееся в начале XX в. широкое изучение колоколов и колокольного искусства прервалось большевистским переворотом октября 1917 г. Колоколам и всему, что было связано с ними, объявили войну, окончившуюся почти полным уничтожением колоколов и запрещением звонов.

Более чем на 60 лет огромная страна, звуковым наполнением которой на протяжении столетий был колокольный звон, сопровождавший русского человека в течение всей его жизни, стала безгласна. Только в нескольких ее уголках тщательно береглась и передавалась из поколения в поколение традиция звона в колокола. Хранили ее немногочисленные подвижники, свято верившие в возрождение православной Руси, и не представляющие ее без храмов, колоколов, церковного пения, храмовой живописи. Ведь это неповторимое слияние веры, искусства и уклада жизни и составляет основу духовности нации.

Долгие годы советского периода книга Н.И. Оловянишникова была невостребованной и пылилась на библиотечных полках. Лишь единицы брали ее в руки и, прочитав, поражались величию и мощью державы, способной взрастить таких талантливых мастеров, произведения которых вызывали удивление и восхищение посещавших Россию иностранцев.

И вот в последней четверти XX в. наметился существенный сдвиг в сторону повышения интереса к истории памятников литейного искусства. Год от года все больше и больше специалистов включалось в круг людей, изучающих отечественную колокольную традицию. Будет долгим перечислять здесь имена всех энтузиастов, которые, проводя многие часы в пыльных архивах, по крупницам собирали чудом сохранившиеся сведения о колоколах, об отливавших их мастерах, о православном колокольном звоне. В конце настоящего издания читатель сможет познакомиться с библиографией по campanологии (науки о колоколах) советского периода и последнего десятилетия XX в. и еще раз убедиться, что Россия сильна людьми, в ней живущими и творящими.

Однако, если в Западной Европе campanология насчитывает не менее двухсот лет, в России она начала складываться лишь недавно. Отечественная campanология, в связи с огромными утратами вещественных памятников и документальных источников, находится в стадии выявления, накопления и упорядочивания материала. О серьезных теоретических обобщениях, пока не создана надежная фактологическая база, говорить преждевременно.

Здесь и становится понятна актуальность книги Н.И. Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство». Автор, располагая фундаментальными преимуществами перед современными исследователями, а именно непосредственным наблюдением живой традиции, успел осознать важнейшие категории колокольного искусства и, сам не ведая того, обозначил основополагающую проблематику, связанную с его изучением.

Не подлежит сомнению, что для начала XX в. труд Н.И. Оловянишникова был величайшим событием в русской исторической науке и стал выдающимся вкладом в развитие теории колокольного искусства. По прошествии 90 лет с момента выхода книги в свет, она не только не потеряла свою актуальность, но в свете происшедшей с российскими колоколами трагедии, приобрела еще большее значение.

Однако, никоим образом не умаляя ее достоинств, необходимо отметить, что за последние десятилетия в изучении колоколов произошли значительные перемены. Наука в этом направлении продвинулась далеко вперед, были выявлены и введены в научный оборот источники, неизвестные и потому неиспользованные Н.И. Оловянишниковым.

В виду этого следует признать тот факт, что на сегодняшний день книга Н.И. Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство» не отвечает требованиям современной науки. Поскольку же литература подобного рода не только крайне необходима каждому специалисту-campanологу, будь то практическая или теоретическая деятельность, но также представляет большой интерес для самого широкого круга интересующихся отечественной историей читателей, назрела острая необходимость ее переиздания.

Для работы над третьим изданием книги был создан научно-редакционный совет, в следующем составе: кандидат исторических наук А.Ф. Бондаренко, кандидат искусствоведения М.В. Есипова, доктор технических наук О.Н. Магницкий, этномузыковед-campanолог А.Б. Никаноров и кандидат физико-математических наук Ю.В. Пухначев. Перечисленных лиц, несмотря на то, что каждый из них специализируется в различных областях знаний, объединяет то, что все они, будучи campanологами, состоят членами Ассоциации колокольного искусства России –

общественной организации, основанной в 1989 году для изучения и пропаганды отечественного колокольного искусства.

Научная работа по обработке текста распределялась соответственно специализации каждого участника. Самым важным было выверить всю библиографию, поскольку в ссылках на источники в книге содержалось огромное количество неточностей, а зачастую даже ошибок, особенно в написании иностранных работ. Отечественным тоже не повезло: целый ряд книг оказался, мягко говоря, неверно описан. Ошибки в годах, произвольные названия, а порой фамилии авторов были просто заменены фамилиями издателей.

Эту, самую сложную и ответственную часть работы, выполнил А.Б. Никаноров, который нашел все выходные данные не только из списка литературы, приведенного в конце книги, но также и все источники, приведенные в подстрочных примечаниях, но отсутствующие в списке. Им же была проведена сверка цитат с подлинными книгами или статьями, выявлены границы цитирования, исправлены опечатки.

Не так хорошо обстоит дело с источниками на иностранных языках. Они как правило, либо цитируются автором, либо пересказываются. К сожалению, выверить данную по ним информацию не представилось возможным, поэтому эта часть книги осталась без комментариев.

Поскольку Н.И. Оловянишников привел в конце своего труда не полный список используемой им литературы, мы посчитали правильным включить в настоящее издание всю литературу, на которую он ссылается в своем труде. Кроме того, этот список был дополнен за счет выявленных нами источников. Он мог бы быть значительно шире, однако, к сожалению, не все источники, цитаты из которых содержатся в книге, удалось идентифицировать. В этом случае в примечаниях дается комментарий «Источник не выявлен».

В результате работы над книгой были составлены научные комментарии, вынесенные в примечания. В них уточнены многие положения с учетом развития современной науки, исправлены неточности и ошибки, разъяснены непонятные места в тексте, даны ссылки на современные источники, в которых читатель может подробнее познакомиться с упоминаемыми в книге колоколами, явлениями, событиями.

Кроме комментариев, вынесенных в приложения, были внесены поправки в основной текст. Это приведение текста в соответствие к нормам современного языка, перевод дат с летоисчисления от Сотворения мира на летоисчисление от Рождества Христова, исправление всех авторских подстрочных примечаний с учетом выверки библиографии, перемещение в нескольких случаях целых блоков текста с целью внесения последовательности в изложение. Текст издания структурирован – произведена разбивка на части и главы (разбивке подверглись и многостраничные абзацы), что безусловно облегчит чтение книги. В большинстве случаев восстановлены пропуски и сокращения (за исключением прямого цитирования). Все редакторские внесения в текст заключены в квадратные скобки.

В конце книги помещены указатели: именной, который поможет читателю сориентироваться в тексте среди огромного числа персоналий, упомянутых в книге, а также географический.

Необходимо сказать, что кое-что осталось за рамками комментариев. Так, например, работающий с текстом должен иметь в виду, что сведения об описываемых колоколах отражают положение дел не на время написания книги, а на те годы, какими датируются используемые автором источники, а информация, которая по той или иной причине пока не попала в круг интересов современных исследователей, может быть со временем по мере развития науки подвергнута переосмыслению.

Поскольку книга Н.И. Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство» должна быть не просто литературным памятником, а пособием по изучению

колоколов и колокольного искусства, редакционный совет посчитал необходимым поместить в настоящее издание список литературы и рукописей, состоящий из наиболее важных работ, вышедших в свет после 1917 года, на которые смогут опереться современные кампанологи.

Часть 1. История колоколов

О колоколах в древние времена

Изготовление колоколов относится к глубокой древности: они были известны евреям, египтянам, употреблявшим их при священнодействиях на празднике Озириса¹, и римлянам, у которых употреблялись маленькие звонки (*tintinnabulum*) для призыва прислуги и для многих целей, как например, для военных сигналов, для сбора народа на общественные собрания, для принесения жертв, и, наконец, такие звонки прикреплялись к колесницам победителей при триумфальных шествиях.

Позднее, в IX веке, под именем *tintinnabulum* были известны музыкальные инструменты, которые состояли из ряда маленьких колокольчиков, висевших на перекладине^{2,3}.

Грекам также были известны колокола: у афинян при храмах Прозерпины⁴ и Цибелы существовали колокола с той же целью, как и у нас, – ими народ призывался к богослужению. Об них говорится по случаю древнейшего в Греции оракула в Додоне⁵ и при описании гробницы Порсены⁶.

Звонили в колокола в Дельфах⁸, при таинствах Вакха, Корибантов и пр. Греки привешивали колокола на городских стенах; звонили при похоронах и звоном прогоняли злых духов и тени умерших из домов. В Древнем Риме колокольный звон служил знаком поливания улиц от пыли.

Тибул Страбон и Полибий, жившие за двести лет до Р.Х., говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий⁹ подробно описывает их своих еврейских антиквариях¹⁰.

У древних евреев такие небольшие звонки или бубенчики, называемые $\chi\omega\delta\acute{\omega}\nu\epsilon\zeta$ ¹¹, служили для одежды первосвященника – «при пуговице злат звонец» (Исх.28:33–35), вероятно, такие же, какие делают ныне на архиерейских саккосах¹². На это указывает особенно 2Пар.4:13, где слова «шипок златый и звонец» соединяются в одно, в еврейском слове: Беамен – Рамен¹³.

На одежде первосвященника, как известно, шипок златый и звонец следовали попеременно, как на архиерейском саккосе чередуются простые пуговицы и бубенчики.

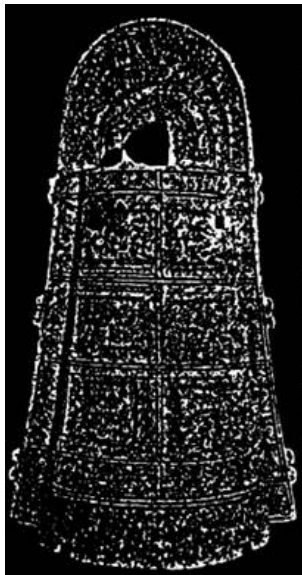
«Окружи их, – говорит Сирах, – шипки златыми и звонцы многими окрест глашати глас в ступаниях его, слышан творити глас в церкви в память сыном людей своих» (Сир.45:11)¹⁴.

Эти бубенчики¹⁵ с их звуком были символом звуков Божьего слова, откровений Божиих и возвещения их. В одежде, снабженной бубенчиками, еврейский первосвященник был олицетворением и носителем сходящего с Неба Божественного слова и свидетельства о нем. Только в этой одежде мог он приближаться к Богу, приносить жертвы и молиться за народ¹⁶.

Из этого видно, что звонки были уже в глубокой древности известны евреям, и очень вероятно, что, рассеявшись по разным странам, они познакомили с ними другие народы. Полагают, что в Китае¹⁷ и Японии древность некоторых колоколов не уступает несколько древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта¹⁸.

Оскар Мюнстерберг пишет в своей «Chinesische Kunstgeschichte» (В. II S. 94–95): «Мои новые открытия подтверждают уже ранее мною высказанное предположение, что наистарейшие докитайские колокола были в Японии род бронзовых денег, введенных там южным Китаем из провинций, богатых медью»¹⁹.

Таковые же колокола-деньги, казалось, пришли и в Китай, где воспоминания о старой форме колокола в медных монетах сохранились от древнейших времен. Мы видели монеты-ножи, которые имели скифы около 2 столетий до Рождества Христова, как прообраз монет. То также наверно и колокола были прообразом находящихся тогда в употреблении монет-колоколов.

Дотаку или Хотаху

Японский колокольчик XI–XII века

Китайский колокол

Базовый колокольчик XI-XIV в. (3–4 подобных колокольчиков составляли «Куранты»)

Ассирийский колокольчик времени Салманассара II (860–824 г. до Р.Х.)

Китай вывозил бронзу вначале на юг и затем на восток; тогдашняя форма – род вывоза осталась мерой для вида разменной монеты.

Старейшие, находимые в Японии колокола, которые впоследствии сильно отличались от богато орнаментированных китайских, кажется, имеют нечто общее с бронзовыми инструментами-барабанами, которые отливались китайцами для вождей

племени Ман²⁰. При этом мы должны иметь ввиду, что китайцы в это время образовали маленькое Государство на севере, а Миаутцы населяли далекие пространства по длинному южному берегу далее Шанххая²¹.

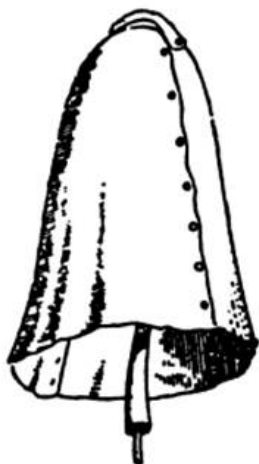
В противоположность Мюнстербергу, О. Кюммель в своей «Kunstgewerbe»²² указывает на нелепость предположения, что подобная утварь, имеющая несколько внешний вид колокола, могла бы служить монетой, меной между Японией и Китаем, как это некоторые предполагают. Редкая утварь эта носит название *Дотаку*²³ или *Хотаку*. Внешний вид этого предмета, тонкость стенок и ни малейших признаков, должных бы остаться от удара, заставляет думать, что он никогда не служил для извлечения звука. (см. рис. выше).

К сожалению, ничего неизвестно, как и при каких условиях появилась впервые идея звонка, и из какого материала они тогда изготовлялись.

До нас звонки дошли сравнительно уже позже.

Наистарейший до нашего времени сохранившийся ассирийский колокольчик со времен Салманассара II, 860–824 г. до Р. Х., взят из дворца Нинивея²⁴ и находится теперь в берлинском музее. Рисунок его помещен почти в натуральном размере. Нижний диаметр 4,5 см, высота 8 см. Вокруг него расположены фигуры ассирийских злых духов. На верхней части виден рельеф двух черепах и одной ящерицы.

В древние времена звонки были очень небольших размеров. Они не отливались, как это делается теперь, а клепались из листового железа. Образец такого склепанного из двух железных листов колокола 613 г. имеется в Кёльне в городском историческом музее, переданный сюда из церкви Св. Сицилии²⁵ и известный под именем *Sanfang*²⁶ (см. рис.). Самая распространенная форма таких звонков была овальная, но иногда их делали и кубическими (как, например, в Скандинавии), склепывая медными гвоздями. Затем вместо железа начали употреблять листовую медь, отчего звук стал получаться громче и чище.

Колокольчик 613 г. г. Кёльн

При раскопках в Помпее²⁷ на улице Меркурия найдены были пять бронзовых колокольчиков²⁸.

В конце семидесятых годов прошлого столетия в одном из древних могильников около Мурома найден предмет, имеющий вид толстой проволоки, согнутой коромыслом, к концам которого привешено по три колокольчика, посредине в дуге два сквозные отверстия, вероятно для насадки на развилостое дерево.

Предполагают, что украшение это могло служить знаком какой-либо власти.

Клепальный колокольчик VII–IX века, родина – Британские острова

Описание отливки колоколов из сплава четырех частей меди и одной части олова, а также об изготовлении форм находим впервые у монаха Бенедиктинского монастыря *Теофилуса*, 1110 года²⁹.

Пламенной печи для отливки Теофилус не знал, он описывает отливку из железного тигля, выложенного глиной как снаружи, так и изнутри. Вокруг тигля воздвигается очаг, внутри которого разводится огонь, раздуваемый кузнечными мехами.

Когда требовалось отлить, то печь эту разбирали, и тигель с [рас]плавленным металлом переносили к приготовленной раньше форме.

В любопытном списке «Сказание о Святой Софии в Цареграде», находящемся в Патриаршей библиотеке, рассказывается о литье статуй так: «Съкупи бо всяку вещь земну от золота и серебра и от камня всякаго и бисера и медижь и прода и олова и железа и прочее от инех, в горнило и вложи в огонь и смяте, и егда смесиша подобное, обое изливав образ и егда истыде и сече ю».

В том же сказании говорится, что в собор Св. Софии были принесены 4 трубы иерихонские: «Еже суть в образ труб, яже держаху тогда ангелии, егда падоша стены Иерихона»³⁰.

Легенда о Павлине Милостивом

Когда, при каких условиях и кем колокола стали применяться при богослужении, в точности неизвестно. Долгое время существовало мнение, что родиной колоколов является город Нола, в провинции Кампана, в Италии, где они будто бы работали впервые, а также приписывали, ни на чем не основываясь, изобретение колокола известному духовному писателю епископу *Понтию Меронию Павлину Милостивому* из города Нола, жившему в 353–431 годах.

Предание передает легенду о полевых цветах-колокольчиках, мелодичного шелеста которых заслушался епископ, возвращаясь однажды с обхода своей паствы.

Погруженный в глубокие думы, св. Павлин шел раз в далекий свой кафедральный город, Нолу. Он возвращался с обозрения своей епархии, заходил из деревни в деревню, с торга на торг, чтобы ободрять христиан и укреплять их в вере во Христа.

Встретил он много равнодушия, много суеверий, много неверия; поэтому-то душа верного епископа и была печальна. Занятый тяжелыми мыслями о холодности и духовной смерти многих христиан, он обратился с молитвой к Богу:

«Воззови, Господи, к этой бедной темной земле гласом свыше, – молился он тихо. – Открой облака, что нас разделяют от Тебя. Соедини сердца наши при нашей разрозненности, узами крепчайшими цепей. Собери блуждающее, Боже и Господи наш! Не скрой лица Твоего от нас. Дай нам чувствовать дыхание Твоего Духа, чтобы сердца наши были привлекаемы к Тебе и не блуждали в безграничной темноте».

Страна между тем мало-помалу становилась пустыней. Благочестивый путешественник едва замечал это, потому что лишь ноги его касались пыльной этой земли, душа же его искала тихого соприкосновения с Божеством.

Когда солнце склонилось к западу, епископ поднялся на утес, лежавший близ дороги; члены путника, утомленные путешествием и душевной работой, чрезвычайно ослабли; глазные веки отяжелели; пред взором его все предметы ближайшей окрестности в беспорядочном движении стали изменять свои места.

С минуту утомление путешественника боролось еще против сна; потом еще раз он обратил глаза свои к небу, распространившемуся над ним пурпуровым сводом; еще раз едва двигавшиеся уста прошептали тихо и невнятно моление: «Воззови, Господи, воззови к нам гласом свыше», и он начал было засыпать.

Тут вдруг заколыхались при легком вечернем ветре на краю по стенам и расселинам утеса удивительно прелестные цветы. На тонком, почти невидном стебельке качались тихо эти цветы-колокольчики.

В состоянии наполовину бодрственном, наполовину сонном видит епископ, как с пурпуровых вечерних облаков сходят светлые образы Ангелов, качают колокольчики за нежный стебелек; и слышит он, как тихо, нежно раздаются из цветочной чашечки серебристые звуки, в которых, как бы в пении духов, слышались восхищенному уху слова: «Воззови, зови».

«Воззови, Господи», – молитвенно еще раз произнес благочестивый пастырь, потом закрыл глаза и проснулся только тогда, когда поднявшееся над горизонтом солнце стало согревать окрестность.

Укрепленный телесно и душевно пришел св. Павлин в г. Нолу и скоро снова отдался обычным своим занятиям. Но постоянно обращал он свои мысли к голубым колокольчикам, стоявшим у него на виду в стакане с водой.

Если потом церковные служители ходили по улицам с кимвалами³¹, созывая христиан к Богослужению, то представлялось епископу, что голос свыше повелевает ему вытеснить из церковной практики этот остаток языческого Богослужения.

Но как было это сделать? Это как св. Павлин и желал, и думал разрешить. И вот он раз пригласил к себе соседа, медника по ремеслу, ловкого и благочестивого человека; по часам и по дням оставался епископ с мастеровым в запертой комнате.

Пытливый взором наблюдали они строение нежных цветков. «Так должно быть», – сказал, наконец, удовлетворившись расследованием, опытный мастер.

В просторном низменной саду построил он печь, слепил из глины форму точь-в-точь как цветок-колокольчик, только гораздо шире и выше, врыл ее в землю. Потом расплавленную смесь из меди, олова и висмута наполнил он глиняную форму; и когда она охладела, то металлическое содержание было очищено от инородной кожуры.

Радостно схватил епископ молоток и с трепетом стукнул во впервые отлитой колокол: его уход тронуто было серебристыми волнами голоса свыше. Содрогаясь от восхищения, обнажил св. Павлин свою седую голову и пал на колени, благодаря Бога за удавшееся дело.

Таково сказание о первом изобретателе церковных колоколов. Полевые цветки будто бы дали ему образец колоколов, и им будто бы потом он старался подражать при литье их. При взгляде на тысячи колокольчиков, растущих по нашим дорогам, в нашей душе действительно могут пробуждаться звуки других колоколов.

Таким образом, как говорит предание, цветы-колокольчики дали образец металлических колоколов.

Но это только предание, поэтическая сказка, так как в сочинениях самого Павлина об этом нигде не упоминается. В конце прошлого столетия археологи пришли к одному мнению, что введенное в город Нола епископом Павлином производство колоколов не представляло ничего нового, им были лишь увеличены размеры колоколов³².

Била и клепала

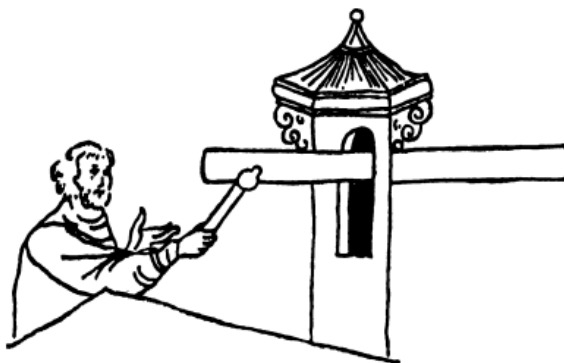
Во времена гонения христиан о колоколах, конечно, не могло быть и речи; призыв к богослужению производился через особых лиц из низших клириков (называвшихся на востоке *лаосинактами*, т.е. народособирателями). Позже в монастырях призывали в храм возгласением перед дверями каждой келии – аллилуйя или употребляли молоток, ударяя им в дверь келии, а еще позже вошли в употребление при монастырских церквах так называемые *била и клепала*.

На немецком языке язык колокола называется Klöppel от одного корня с нашим *клепалом*.

О σήμαντρον³³ в словаре Ioh. Caspari Suiceri Thesaurus ecclesiasticus e patribus graecis ordine alphabetico concinnatus. Amsterdamii³⁴ находим: «Так называется деревянный инструмент, которым пользуются греки вместо колоколов»; σήμαντρον иначе называется по-гречески ξύλον³⁵; под этим словом в том же словаре значится: «греческие священники еще с того времени, как греческая церковь подпала под владычество турок, употребляют для созыва греков в церковь деревянный инструмент, который называется ξύλον». Этот инструмент описал L.Allatius, писатель 17 столетия, грек, перешедший в католицизм и живший в Риме, в соч. «de Templis»³⁶.

В нашем церковном уставе (Типиконе³⁷) тот же инструмент разумеется под именами: *била*, *клепала* («клепать в малый кампан³⁷, или в ручное клепало по обычаю». Тип. Гл. 7 повечерие), *древа*, или просто под именем «великое» («ударяет в великое и клеплет довольно». Тип. посл. Пасхи).

У греков железные доски назывались *агиосидерон* (ἀγιοσίδηρον).

Древние *било*, миниатюра из рукописи XVI века: «Житие Николая Чудотворца»

*Било или билцо*³⁸, металлическая или деревянная доска, около сажени длиной, в которую ударялось особой колотушкой.

Различали 2 *била* – *великое* и *малое*; *малое* носили в руке, *большое* вешали на башне или на столбах.

В уставе Саввы Сербского³⁹ говорится, что после вечерни братия отходит ко сну, «дондеже восклеплет в *малое* бильце, возбуждая вас на полуночную службу, иже и той (клепающий) сам поет, вжигая в церкви кандила и свечи, также в *великое* клепало клеплет, потом и в медное, созывает всех вас на утрени славословие, ему же начало подобает творити. По ударении в звон, благословляет Бог от дневного иерея» (Гласник 20, 172).

Кроме церковных, призывающих к богослужению, в некоторых монастырях есть ещё *било*, так называемое – *трапезное*, в которое тремя сильными ударами призывают братью к совершению трапезы.

В настоящее время *била* и *клепала* употребляются почти на всем Востоке: на Афоне, на Синае, в Иерусалиме, в трех или четырех церквах в Константинополе, в

Болгарии и отчасти в Сербии⁴⁰.

Кроме деревянных бил встречались металлические и даже каменные. Так, в описании Соловецкого монастыря значится «клепало каменное, строения преп. Зосимы»^{41 42}.

К нам перешли из Византии, где, по свидетельству Антония⁴³: «Колокола не держат во святой Софии, но, билцо мало в руке держа, клеплят на заутрени, а на обедни и на вечерни не клеплют: а по иным церквам клеплют и на обедни и на вечерни. Било же держат по Ангелову учению; а в колокола латыне звонят»⁴⁴.

У греков била для большей звучности делали из особого дерева явора, но, за неимением подобного, у нас делали била из меди или железа.

Иногда била заменялись просто досками, как, например, в Греции, где их называли *симандрами*, это были просто деревянные или железные полосы, в которые били палками или колотушками. Подобные доски находились в 12 и 14 веках в новгородских и псковских церквах, – они и теперь еще употребляются на Алтае и в Сибири в старообрядческих скитах⁴⁵.

В Иерусалиме, при храме Воскресения, особенно хвалят, по гармоническому звуку, деревянное било с приделанными к нему стальными пружинами, которые, сотрясаясь от удара в било, производят приятный звук.

Диакон Троице-Сергиевского монастыря Иона, по прозвищу «Маленький», бывший в Иерусалиме в 1648–52 годах, так описывает⁴⁶ звон в било в храме Воскресения: «В святую и великую субботу за пять часов до ночи, прежде ударяют в било деревянное и в железное в великом отларе, и клеплют с полчаса».

Била особенно были распространены в Ростове, за что ростовцев и дразнили в старину: «Звоните вы в свои била и клепала».

На давнее употребление у нас била мы имеем многочисленные летописные указания. Так, например, о Печерском монастыре говорится в летописях, что пред кончиною Феодосия⁴⁷ братия «ударига в била, собращася вси»⁴⁸.

Под 1074 годом о Матвее Прозорливом сказано: «Седе, опочивая, под билами»⁴⁹.

Под 1091 г. «оному глаголящу ко мне удариша в било, мне же рекущу: прокопах уже»⁵⁰.

Хотя о колоколах упоминается еще в 10 веке, но они были редки и малы и долго не могли вытеснить из употребления била, на что есть также летописные указания. Так, например, говоря о погроме Москвы, произведенном ханом Тохтамышем в 1382 г., летопись замечает, что «не бе звонения во колоколы ни в била». Это ясно указывает, что в то время во многих церквах била еще заменяли колокола.

В киевской летописи под 1182 г., где говорится об избрании нового печерского игумена, упоминается об употреблении била: «Во вторник же удариша братья в била и снидоша в церковь и почаша мольбы творить».

В выписках из *переписных* книг Новгородской области находим указание, что даже в половине 16 столетия колокола почти совсем не были в употреблении. Не только в приходских церквах, но и в монастырях всюду были била и клепала.

Да и повсеместно в России колокола не скоро вытеснили древние била, может быть в силу известных традиций или даже народных суеверий; недаром Антоний говорит, что «било же держат по Ангелову внушению, а в колокола латыне звонят».

Мы знаем, с каким недоверием наш народ постоянно относится к разным новшествам, а особенно если таковые касаются церкви или религии.

Он с фанатическим упорством отстаивает свою старину и на всякое даже несомненно полезное нововведение вначале смотрит недоверчиво и недружелюбно.

Вернее всего, что и к первым колоколам он отнесся именно таким образом, и нужен был значительный промежуток времени для того, чтобы он примирился с мыслию о «новом звоне».

Но даже и признав за колоколами известное право, старина продолжала еще довольно крепко держаться, особенно в монастырях и сельских храмах.

О Новгородской Филипповской церкви, по случаю слития первого колокола в семьдесят пудов в 1558 году, сказано: «И не бысть колокола большого и никакова и от создания церковей каменных св.апостола Филиппа и великого чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепало».

Употребление била и клепала мы видим до самого последнего времени.

На Афоне⁵¹ била употребляют до сих пор.

Дюканж приводит описание железного била на Афоне, сделанное Петром Белоном в 14 веке: «Это кусок железа, толщиной в три пальца, длиной в руку, несколько изогнутый в дугу. Оно висит на гвозде у дверей церковных и при ударе издает звук, подобный колокольному. Монахи на Святой горе не имеют иных звонков, кроме этого била, и когда нужно идти на молитву, то призывают звуком этого железа».⁵²

Точно также и в Синайском монастыре за неимением колоколов до сих пор сохранилось «било». Ночью еще, часу в пятом, вас пробуждает церковное било, на котором дробно и громко выбивает ключарь призыв к службе⁵³.

Идущему на Голгофу, в Иерусалиме, встречаются в переходе над проходом, что за алтарем, висящие железные и деревянные била, оглашающие церковную службу⁵⁴.

В одном из писем Святогорца⁵⁵ к друзьям⁵⁶ находим любопытное описание афонского звона:

«Часа за два до заката солнышка начался бой в *деревянную* доску к наступающему всенощному бдению; довольно долго разносили по отдаленным частям внутреннего расположения лавры слабые звуки призывной токи⁵⁷ и замирали за обителью, на первых соседних холмах. Деревянный бой через полчаса сменился *металлическим*: несколько времени ударяли в *чугунную* доску и, наконец, отозвалась на пустынных высотах шумная игра нескольких колоколов.

По совести надобно признаться, что мало значит, кажется, и самый московский великан – Иван, в стройном говоре своей металлической семьи, в сравнении со здешними немногими колоколами, когда они томно отзовутся своими нестройными звуками в Святогорской пустыне...

В самой нестройности их переборов есть что-то неизъяснимо-приятное, питающее мысль и сердце меланхолическим чувством.

В нашей матушке-России в немногих только пустынных обителях сохраняется в точности устав первых веков аскетичества: токи или деревянные доски уже вышли из употребления и заменились колоколами, в призыве на службу отшельников.

Между тем, разнообразие здешнего созыва в *церковь* сперва *деревянную*, а потом *чугунную* досками и, наконец, игрою колоколов имеет свою важность и значение высокое, даже акустическое, между нашим временем, отдаленным, протекшим и будущим.

Вы знаете, что греческая *церковь* хотя и приняла колокола во второй половине девятого века, но с той поры, даже и доныне, не устранила от себя и *чугунных* бил или *желез* и самых *деревянных* ток; даже в тех местах на востоке, где христиане живут между турками, и поныне нет колоколов, потому что магометане не жалуют их шумного звона. Значит, не по-пустому введены в состав внешнего чиноположения нашей церкви *деревянные* токи и металл; слабые звуки дерева и металла что-нибудь должны знаменовать собою, равно как и торжественный звон колоколов...

Ужели это причуды только восточного вымысла?..

Совсем нет!

Загляните в новую скрижаль⁵⁸ гл.21, параграф 3, там вот как объясняется значение призывных ток и колоколов на службу и прочие случаи: «Через малое ударение, яко не громкое и тусклое (разумеется, В *деревянную* и *чугунную* доски), означаются древние

пророки и будущих событий сени и преобразования; а великое ударение (разумеется в колокола), яко громкое и повсюду разносящееся, знаменует во всю землю исшедшее вещание Евангелия. Валсамон (там прибавлено), книга 7 Закона Греко-Римского: для благовестия Божественного Евангелия и для священного при общем собрании прочих книг чтения, по общему уставу Св. града Иерусалима, собирателя (св. Саввы), великое ударение изобретено, а бываемое ударение в железное или медное било будущий суд и трубу Архангельскую, из гробов к общему суду имеющую, означает».

Итак, вот что значит ударение в здешние токи или доски и в колокола!.. *«Слабые звуки дерева и железа напоминают нам неясные, таинственные речи пророков, а шум и стройная игра колоколов – благовестие Евангелия, торжество его во всех концах вселенной и наводит на мысль на Ангельскую трубу последнего дня».*

Архимандрит, впоследствии епископ, Порфирий Успенский, посетивший в 1845 году Афон, говорит: «Пока я все это рассматривал и затверживал в своей памяти, вне собора слышны были трели деревянного тока, глухие звуки била, пронзительные бряцания железного клепа, блавест колокола и наконец – стучания во все *тяжкая*, т.е. во все тяжеловесные вещи. Подобное⁵⁹ оглушительно *шаривари*, я слышал в Святогробском храме в Иерусалиме».

Несмотря на все несовершенство устройства древних бил, при известном искусстве и виртуозности можно и из них извлекать гармонические звуки, при том соединенные в одну общую мелодию.

Вот как описывает о. Антонин звон в било в Руссике на Афоне: «В пять часов ударили на колокольне в больше било, стучали в него сперва медленно, потом скоро и живо, и быстрым переходом от низших к высшим и наоборот, или медленным их переводом, через полутоны с постепенным замиранием, до совершенного прекращения и с неожиданным воскресением их к новой живости и силе.

Такой звон или стук возобновлялся три раза после остановок для отдыха художника, как называли звонаря греки, видимо, умиленные его искусством, и каждый раз он позволял им слушать все новые и новые звукосочетания, разнообразные от первого удара молотка до последнего».

На Афоне и до настоящего времени вместо колоколов употребляют бронзовые кольца – кимвалы, подвешенные одним краем за петлю. В 1911 году для монастыря Руссик на Афоне был отлит кимвал весом около 50 пудов. Звон в него производят ударом молотка.

В самом начале употребления бил, когда они еще были малы и легки, их обыкновенно носили в левой руке, а в правой находилась деревянная колотушка, которой и производили удар. Но по мере того, как число христиан увеличивалось и многие из них были значительно удалены от церкви, – звон в малое било уже не достигал своей цели – созывать молящихся.

Благодаря этому пришлось озаботиться об изготовлении большого била, обладавшего большей силой звука. Естественно, что такое било нельзя уже было держать в руке и приходилось воздвигать для того специальное сооружение.

Правда, в первое время, это сооружение было не очень замысловато, оно представляло из себя обыкновенный столб, к которому на веревках и подвешивались била. Иногда в таких случаях вместо столба пользовались непосредственно деревом, на сучьях которого укрепляли била и клепала.

Но в более позднее время, когда вошли уже в употребление и колокола, – била помещались на колокольнях, о чем свидетельствуют многочисленные летописные указания.

В слободе «Плотной», составляющей одно из предместий нынешнего города Пронска⁶⁰, на колокольне тамошней приходской церкви, хранится древнее било, по преданию, заменявшее некогда, в старину «вечевой колокол».

По рассказам старожил, это било неизвестно для чего неоднократно переносили из Пронска, верст за пять в село Ельшину, но било опять уходило на старое место в Пронск.

Предание говорит, что оно принадлежало женскому монастырю, ныне уничтоженному, бывшему на том самом месте, где теперь сооружена приходская церковь, сохранившая и доселе чудное било. У этой церкви похоронены многие княжны и княгини Пронские. Било это положено «кладью» в церковь с тем, чтобы оно принадлежало вечно одной и той же церкви. И, по народному поверью, никакой силою невозможно присвоить било с того места, которому он завещано⁶¹.

У нас в России била и клепала можно видеть кое-где, как остаток старины. Во многих наших монастырях они применялись до самого позднего времени.

Так, например, в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевской лавры, основанном в 1844 г., и в настоящее время имеется большое деревянное било, состоящее из длинной, тонкой, сухой доски, изогнутой коромыслом; оно подвешивается на веревке и издает при ударе деревянной колотушкой довольно приятный, хотя и глухой звук.

В Псково-Печерском монастыре, Псковской губернии, находится неподалеку от колокольни старинное било. Это очень длинное железное коромысло, издающее при ударе палкой приятный звук, весьма близко напоминающий колокольный звон.

Било⁶² это находится около ризницы и в него в настоящее время бьют ночные сторожа.

В церковно-археологическом музее при петербургской Духовной академии находится железное в виде коромысла било 14 века, снабженное железным болтом и цепью для подвешивания⁶³.

После Константина Великого⁶⁴ вошли в употребление духовые инструменты – трубы, но они просуществовали недолго. Известный исследователь Сванетии Бартоломей упоминает о большой трубе⁶⁵, которой Латальцы ссылаются на совещания к церквам⁶⁶.

Колокольный звон и Христианская церковь

Первый, упомянувший в своих сочинениях о церковном применении колоколов на Западе, был Gregor von Tours (6 в.)⁶⁷. Он часто упоминает о «Signa»⁶⁸; «Signum ecclesie»: называли прежде колокол, который служил для собирания общества в утренние, обеденные и вечерние часы богослужения. Из его описаний видно, что тогда больших колоколов еще не существовало. В 7 в. при церквях колокола уже встречали чаще.

Предполагают, что британские и ирландские миссионеры познакомили с колоколами Германию, где в монастырях и церквях они встречались в 8 веке, но только с 9 входят во всеобщее употребление.

Официальное введение колокольного звона приписывают папе Сабинианусу (604–606).

Похоронный звон ввел Beda der Ehrwürdige⁶⁹ в 703 году.

Спеклин (писатель в 16 в.) рассказывает, что во время чумы, свирепствовавшей в 1427 году в Страсбурге, колокол, называемый Святой Дух, дал трещину, благодаря усиленному звону по случаю многочисленных похорон, и что пришлось его потом переплавить. Он прибавляет, что богатые граждане города, во время плавки металла бросали много золота и серебра в плавильные печи⁷⁰.

В России, как и на Западе⁷¹, во время заразных эпидемий звонили в колокола и служили молебны. Т.П. Пассек⁷¹ в своих воспоминаниях говорит по этому поводу следующее:

«В октябре месяце преосвященный митрополит Филарет учредил крестный ход и молебствие, «да мимо идет скорбная чаша».

В назначенный день для молебствия погода стояла мрачная, туманная; из серых облаков, заволакивающих небо, сеялся мелкий дождь, но, несмотря на это, помосты всех церквей были покрыты народом.

В церквях раздавался унылый звон колоколов, призывающих всех на молитву миром»⁷².

Во время морового поветрия в Казани подняли икону Смоленской Божией Матери. Когда икона была внесена в Воскресенские ворота, то по всем церквям приказано было начать колокольный звон, который продолжался до тех пор, как чудотворный лик обнесли вокруг стен кремлевских⁷³.

Ограничения и запреты колокольного звона

В начале 19 столетия во Франции (26 января 1806 г.) циркуляром Министра Внутренних Дел^{74 75}, запрещен похоронный звон во время смертоносной эпидемии, запрещены также и погребальные церемонии.

Издавая этот циркуляр, министр основывался на том, что во время эпидемий, частый похоронный звон вредно действует на психику населения, усиливая в народе панику и угнетая и без того упавший дух.

«Само собой разумеется, – говорит циркуляр, – принимая меры в этих случаях, не надо впадать в обратную крайность и поражать народ совершенным запрещением колокольного звона, привычка к которому особенно сильна у деревенского населения».

Далее, законом 4 марта 1896 г. колокольный звон запрещается в следующих случаях: «Когда допущение его могло бы произвести нежелательное действие на народные умы». «Запрещение может и даже должно быть произведено муниципальной властью, когда раскачивание колоколов угрожает общественной безопасности» (16, 24 августа 1790 г. и 19, 22 июля 1791 г.). «Во время гроз предпочтительно воздерживаться от колокольного звона и ограничиваться для возвещения церковных служб небольшим перезвоном».

Хотя известный ученый Араго говорит, что научными исследованиями не доказано, чтобы колокольный звон был опасен во время грозы, однако комитет общественной безопасности не счел возможным согласиться с ним и признал колокольный звон во время грозы опасным. Этот комитет основывал свои соображения на следующем. Во время звона колокол, раскачиваясь, усиливает струю воздуха, идущую от колокола к звонарю, и так как воздух во время грозы бывает сырым, то представляет из себя прекрасный проводник для электричества. Следовательно, опасность для звонаря неизбежна.

Другая опасность от колокольного звона во время грозы – это вибрирование воздуха, которое притягивает электричество к колокольне, уже и без того находящейся в опасности, как кульминационная точка. В 1718 году Десланд довел до сведения научной академии, что в ночь с 14 на 15 апреля в Бретани во время особенно сильной грозы молния ударила в 24 церквах, в которых в это время звонили, пощадив те, в которых не было звона.

Приказом от 7 июня 1784 года парижский парламент запретил колокольный звон во время грозы, нарушение которого карается штрафом в 18 ливров; в случае же повторения проступка – 50 ливров.

Французская академия в числе своих изданий выпустила несколько сочинений, относящихся к этому предмету. Так, она напечатала труд, который был прочитан на заседании 20 ноября 1781 г. и в котором автор, аббат N., исследовал: может ли звон колоколов во время грозы заставить молнию разрядиться, заставить ее спуститься на колокольню, как только туча, заряженная электричеством, будет находиться над местом, где звонят.

Автор дает перечень любопытных опытов, которые он произвел и которые укрепили его в мнении, противоположном общему предрассудку. «Все физики знают, – говорил он, – что высокие здания, высокоствольные деревья и колокольни вообще, если они не снабжены громоотводами, более всех других тел подвергаются опасности быть пораженными».

Автор заключил свой труд, говоря, что не надо мешать звонить в колокола во время бури, но что единственное средство избежать столь грозных несчастий – это ставить колокольни под защиту от всякой опасности, т.е. снабжать их громоотводами,

помещенными на верхушках и сообщающимися с землей, затем изолировать звонарей, делая часть веревки из шелка, что будет мешать молнии достичь их.

Следствие того, что не были соблюдены эти предосторожности, такие разумные и простые, разразились во многих случаях катастрофы в то время, когда хотели звоном их удалить.

Эти гибельные заблуждения происходили очевидно из ошибочных мнений народа, который думал, что достаточно звонить как можно быстрее, чтобы рассеять грозу и облака, скопившиеся над полями или деревнями, которым они угрожают.

Богослужебные правила учат нас, что эти бичи уступают лишь силе молитвы, к которой колокол созывает верующих, и действию этого священного предмета, который сам по себе имеет силу и таинственные средства.

Один старый писатель утверждал это уже давно в специальном трактате: «Мы употребляем еще колокола, чтобы отвращать грозы, град и другие воздушные бедствия. Это обыкновенно удавалось не вследствие шума, который колокола производят, как думают некоторые, полагая, что сила звона отталкивает тучи и рассеивает их плотность, но вследствие божественной силы их освящения и молитв, произносимых церковью при их освящении».

Слова молитв, которые произносятся при освящении колоколов, свидетельствуют, впрочем, о правильности этого толкования. Священник говорит: «Господи, где бы ни прозвучал этот колокол, да отступят далеко смелость умышляющих козни, мрак привидений, набег несчастий, удар молнии, нападение громов, бедствие ненастья и всякое дыхание бурь. И когда звон его услышат сыновья христиан, да возрастет в них вера, чтобы, спеша на лоно благочестивой матери, они воспели Тебе в церкви новую песнь святых, разнося в звуках глас трубы, стройность струнных инструментов, приятность органа, услаждение кимвала и пусть возможно долго во святом храме славы Твоей они своим послушанием и молитвами пожелают привлечь множество ангельского воинства».

И затем далее: «Когда мелодия его прозвучит в ушах народов, да увеличится сила веры, да отгонятся далеко все козни врагов, сокрушительная сила града, бури, вихрей, нападение бурь» и т.д.

Это та же мысль, которую мы находим, много раз выраженную неизгладимыми буквами на металлической одежде колоколов:

Вот несколько кратких примеров:

Колокол в церкви Августинов, в Ананьи, помеченный началом прошлого века, имеет следующую надпись:

Rogavi vox Domini clamat pius adsit

Abeste procellae

Per te acedant fulmina.

(Я молился и глас Божий возгласил: благочестивый да присутствует, отойдите бури, через тебя да отступят молнии.)

Чтобы доказать древность этого обычая, мы укажем здесь надпись 13 века, заключающуюся в таких выражениях:

Sum Jacobus Dictus. Fugo fulgura

Grandinis inctus. A M CC LV.

(Я назван Якобом. Обращаю в бегство сияние молнии и удары града. 1255 г.)

В Дижоне один из колоколов церкви St. Benigue, отлитый в 1751 г., имеет надпись в том же роде:

Sit nomen Domini benedictum. A figure et

tempestate libera nos Domine.

(Да будет благословенно имя Божие. Избавь нас, Боже, от молнии и бурь.)

В Биденкопе один колокол имел надпись:

**Dum turbor, procul cedant igus, grado,
Tonitru, fulgor, fames, pestis,
Gladius, satan et homo malignus.**

(Пока я звоню, пусть далеко отступят огонь, град, гром, молния, голод, зараза, мечь, сатана и нечестивый человек.)

Употребление колоколов, запрещенное в 1796 году, было восстановлено только для созыва прихожан к божественной службе, и что в случае какой-нибудь другой религиозной надобности священник обязан был испрашивать согласие местной администрации.

Тем не менее уставы префектов и епископов направлены к тому, чтобы выяснить известное число случаев, когда разрешение местной власти не необходимо. Но эта свобода, дарованная священнику, в некоторых случаях ограничена; мэр может вмешаться, чтобы воспретить всякий род звона в некоторых обстоятельствах, например, во время ночного отдыха звон колоколов безусловно запрещен.

Вот §2 распоряжения архиепископа Камбрэ в 1843 г.:

«Священник, исправляющий его должность или викарий, не может, какая бы ни была причина начать звонить раньше 4-х часов утра и позднее 9 часов вечера, начиная с Пасхи и до 1 октября, и не ранее 5 часов утра и не позднее 8 часов вечера, начиная с 1 октября и кончая Пасхой» (исключая Рождественской ночи).

В городах очень часто случается, что это запрещение не соблюдается и что звон церковных колоколов продолжается сверх предела, назначенного уставами в интересах покоя жителей.

Из всего вышесказанного очевидно, что гражданская власть даже при настоящем положении законодательства достаточно уполномочена, чтобы сократить в случае нужды злоупотребление колоколами.

В общинах, где церковные колокола употребляются и для гражданских надобностей, церковь в праве требовать вознаграждение с общины.

Государственный Совет, впрочем, признал это право в своем предписании от 17 июня 1840 г., он говорит, что хотя § 37 устава от 30 декабря 1809 г. возложил на церкви обязанность пеших о содержании звонаря, община, если она пользуется колоколами для нужд посторонних богослужению, должна вносить известную долю в плату для содержания звонаря.

Постановление 1809 г. §33 предписывает церковным старшинам, назначение звонаря и других церковных служителей, а также и отрешение их от должности.

После королевского приказа от 12 января 1825 г. это распоряжение применяется только в городах; в сельском приходе право назначения церковных должностных лиц принадлежит только священнику.

Если община купила колокол для башенных часов и если этот колокол, помещенный в одном из приделов церкви, вследствие соглашения муниципальной власти с приходским священником был освящен и назначен на нужды богослужения, гражданская власть не имеет права прекратить это назначение.

«Приобретая колокол, – говорит решение, состоявшееся между Министром Внутренних Дел и министром церкви, – предполагается назначить его не только для церковных часов, но и для приходской божественной службы. Так как священник прямой начальник над колоколами, нет нужды делать различия между колоколами, приобретенными общиной и купленным на средства церкви.

С другой стороны, так как право заведывания церковными зданиями принадлежит церкви, очевидно, что городская власть, поместив колокол в церковной постройке, не может помешать использованию его для церковной службы».

Но права мэра сохраняются во всей силе, когда представляется необходимость ограничить употребление колокола. Однако он не может под тем предлогом, что в

колокольне помещаются общинные часы, иметь в своем распоряжении ключ от нее.

С другой стороны, ни священник, ни администрация церкви не имеет права ни под каким предлогом воспротивиться возвещению времени, а также и заведению часов.

Из этого вытекает, что полномочия светской власти и духовной должны соединиться⁷⁶.

Agelus-Läuten утром, в обед и вечером ввел папа Григорий 9 (Gregor) в 1230 году.

Распространение колоколов

Назывались колокола первоначально «Кампана», «Самрапае», производя от провинции Италии–Кампании, «Sampanien»; маленькие колокольчики назывались «Нола–Nola», от г. Нола этой провинции.

Название «Кампана» колокола получили от провинции Кампании, где они главным образом изготовлялись; местность эта известна богатыми рудниками и залежами глины, необходимыми материалами для отливки колоколов.

Начав изготовлять для внутреннего употребления, она отсылала свои изделия и в другие страны, где, зарекомендовав себя, изделия ее получили название провинции для отличия от подобных же изделий других стран. Этой провинции надо отдать честь изготовления колоколов больших размеров.

Только в восьмом столетии стали называть колокола Clocam (Клокем), подходящее к теперешнему их названию; указание это найдено в письме английского аббата Cutbert к немецкому пастору. В 9 в. слово «Clocke» встречается и в немецких описаниях.

В Древней Руси колокола назывались также *тяжкая*, от «тяжких», т.е. сильных, густых звуков больших колоколов. Отсюда и пошла поговорка «во вся тяжкая», что означает во все колокола.

Середину 9 века можно отметить как эпоху всеобщего церковного употребления колоколов не только при монастырях и в городах, но даже и в селах.

В продолжении почти 10 веков, количество и вес колоколов каждой церкви рассматривались как знак ее важности, как доказательство ее богатства и могущества ее покровителей. Так, например, обе колокольни Собора Парижской Богоматери заключили в себе 8 больших колоколов, два в Южной башне (Жакелина и Мария) и шесть в северной башне: Габриэль, Вильгельм, Паскье, Тибольд и два небольших колокола; к ним надо прибавить еще 6 маленьких колоколов, находившихся в срединной башне, всего, следовательно, четырнадцать.

Святой Альдерик, епископ Монский, желая утвердить превосходство своего епископства перед соседними, подарил ему двадцать колоколов.

Бонифаций Восьмой, питавший особую склонность к церкви Св. Анании, возле Рима, увеличил число ее колоколов до 7, из которых два были отлиты Андреем и Жаном из Пизы (1292–1295).

Король Роберт, из особого почитания, приказал отлить 5 колоколов, к Святому Эньяну Орлеанскому, которые он и подарил этой церкви. Мы могли бы привести много подобных примеров.

В 16 веке святой Карл Борромейский издал устав, который позволял иметь кафедральным соборам от 5 до 7 колоколов, церквям училищным 3 и только 2 приходским церквям; но это правило, не произведя переворота, не было строго соблюдено, и церкви продолжали владеть числом колоколов пропорционально великодушью их покровителей.

Мы говорим здесь только о больших колоколах, так как во всех религиозных учреждениях было множество колоколов меньшей важности. «Мы знаем, – говорит Жан Гулэн в своем переводе «Rational» Дюрана, – что в церквях имеется пять родов колоколов: бубенчики, звонки, перезвоны двух размеров и собственно колокола. Колокол звонит в церкви, колокола меньшего размера в трапезной, звонок в монастыре и т.д.

Но одни только большие колокола, благодаря своему весу и ценности, играли роль и они одни только составляли гордость церкви»¹⁷.

Во время революции во Франции законом 22 Жерминаля 4 года было запрещено церковное употребление колоколов. Это запрещение продолжалось шесть лет и только

18 Жерминаля 10 года было уничтожено циркуляром правительства.

«Епископ, – говорит 48 параграф этого циркуляра, – должен вступить в соглашение с гражданской властью для урегулирования способа созыва молящихся звоном колоколов.

Для других же целей звонить в колокола запрещается без разрешения местной полиции»⁷⁸.

На Востоке⁷⁹ колокола появились в первый раз в конце 9 века, когда по просьбе Императора Василия Македонянина (в 867–886)⁸⁰ венецианский дож Орсо I (864–881)⁸¹ прислал в Константинополь для вновь сооруженной церкви св. Софии⁸² двенадцать колоколов.

Бароний об этом говорит следующим образом: «Сего лета (865) колоколы у греков начаша употреблятися, егда Урсус-Дож Венецианский колокол к Кесарю Михаилу, прошенный от него, прислал»⁸³.

Распространение здесь колоколов подвигалось очень медленно: вследствие старых традиций повсюду употребляли еще била. В 1204 г. крестоносцы начали вводить вновь колокола, но в 1452 г., год завоевания Константинополя турками, они были уничтожены, за немногими исключениями.

В летописи об этом говорится так: «В лето 6962 (1454. – А.Б.), мая в 29 день, взят бысть Царьград безбожным царем Турским, и христианство погубиша, и церкви пограбиша, и кресты и колокола сняша и святых Апостол церкви последи ту пограбиша»⁸⁴.

Судя по некоторым историческим данным, здесь колокола употреблялись не только для религиозных, но и для военных целей.

Во время осады города царь приказывал «велможам и начальником разделитьи воином градские стены и стрельницы и врата, и на местех отнюду ти чаяху приступу быти поставити пушки, и пищали и колокола»⁸⁵.

В 610 году, когда армия Клотара осадила город Санс, то епископ орлеанский Лу, который был заперт в башне церкви Св. Этила, заметив намерение неприятеля пойти на приступ, приказал, чтобы били в набат во все церковные колокола, которые с самого начала осады оставались безмолвными.

Звон был так силен, что солдаты Клотара, испугавшись, обратились в бегство, приняв колокольный звон за голос ангела. Со времени падения Иерихона, звук не производил такой паники в армии⁸⁶.

Святогорец, посетивший в 1843 году Константинополь, рассказывает следующее: «Православных церквей в Константинополе немного, а если и есть, то в роде домовых – без куполов и без звона. Только католический костел имеет колокола, а по какому праву, об этом не могу сказать вам решительно.

Рассказывают некоторые, будто бы в день его освящения французский посланник приказал ударить во все колокола, без позволения Порты; игра их так пленила читателей пророка, что с тех пор звон был разрешен в этом костеле. Это, впрочем, невероятно, потому что если бы звон действительно был приятен туркам, то греки и само русское посольство не упустили бы воспользоваться таким случаем»⁸⁷.

Полагают, что турки запрещали звон в колокола под тем предлогом, что будто бы звук их возмущает покой душ, витающих в воздухе⁸⁸.

Звонницы и колокольни

Когда колокола были небольшие, их подвешивали на стене или на крыше, но с увеличением их размеров пришлось изменить и характер церковных построек; при церквях стали делать пристройки – колокольни или звонницы, первоначально отдельно, а затем в соединении с церковью.

Первые колокольни, упоминаемые в истории, находились в Риме при базиликах св. Иоанна Латеранского и св. Петра. Самые древние из сохранившихся до наших дней находятся в Вероне и Равенне. Это – круглые башни, стоящие отдельно от церквей.

В Западной Европе, начиная с 11 века, число колоколен быстро возрастает – не потому, чтобы их требовала величина и вес колоколов, все еще не значительные, а потому, что в наступившие смутные времена церквям и монастырям угрожала опасность нападения со стороны баронских дружин и хищников.

Эти сооружения, кроме религиозной цели, удовлетворяли и мирской, а именно – играли роль подзорных башен, с которых можно было наблюдать приближение неприятеля и предупредить о нем окрестных жителей посредством набата.

У нас в России первоначально колокольни или *вежи* были самого примитивного устройства. В большинстве случаев они представляли из себя деревянные козлы, на особой перекладине которых висели колокола. Впоследствии эти козлы послужили прототипом древних звонниц; что же касается колоколен в виде башен, то они появились уже значительно позже.

Колокольни, по-видимому, впервые появляются у нас в Пскове и Новгороде, по образцу тех, которые мы встречаем в Греции в византийский период, а также на западе, т.е. в виде стенки с несколькими пролетами для колоколов, каковы, например, многие уцелевшие до нашего времени звонницы в Пскове и Новгороде.

Построение первых новгородских колоколен должно относить к построению первых церквей в Новгороде, хотя летописи не упоминают о них вместе с построением храмов. А что действительно в 11 уже веке были колокольни, это видно из повествования о приходе в Новгород полоцкого князя Всеслава Брючиславича, снявшего с Софийской колокольни колокола в 1066 году и из жития преп. Антония Римлянина, прибывшего в 1106 году во время утрени к Новгороду и слышавшего в нем великий звон.

Известно даже и о том, что древние колокольни в связи с церквями не были строены до 17 столетия, исключая только того случая, когда церковь служила вместе и колокольнею, имея на верху своем колокола.

По устройству своему древние Новгородские колокольни или звонницы были продолговаты и стенообразны, подобные оставшейся колокольне Софийского собора (1439), и некоторым другим в меньших размерах.

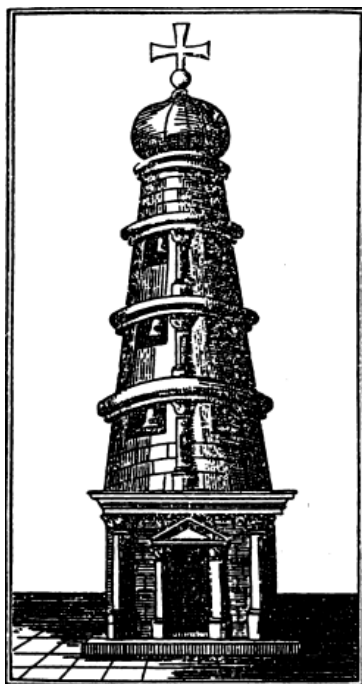
С 16 и особенно с 17 века начали строить колокольни шатровые [в]осьмиугольные с каменным или деревянным наверху широким шпилем. На них с 15 века упоминаются вместе с колоколами и боевые часы, по коим евфимиевская колокольня, или вернее башня, в 1436 году названа часозвоннею⁸⁹.

Эта форма с северо-востока перешла в Москву, по крайней мере на основании многих данных, можно судить, что до 16 века там, кажется, колоколен не было и что даже в начале 17 века они имели весьма малое распространение, а наша избитая каменная шатровая колокольня в ее окончательно развитом виде, т.е. с несколькими ярусами слухов и луковичною главой, есть всецело принадлежность Роман[ов]ской эпохи⁹⁰.

Мы знаем из летописи, что при царе Федоре Ивановиче (1591–98) главный колокол, весом в тысячу пудов, висел на деревянной колокольне среди кремлевской площади⁹¹.

Затем у Олеария на изображении одной из московских церквей нарисованы колокола, подвешенные просто на деревянной перекладине, опирающейся одним концом в церковный подоконник, а другим на столб (см. рис.), а на виде Нижнего Новгорода представлены два больших колокола, которые висят на толстых раскошенных столбах с перекладиной.

В некоторых старых московских церквях уцелели еще звонницы. Так, например, в церкви села Дьякова, основанной в начале 16 века Великим Князем Василием Иоанновичем, сохранилась звонница, совершенно сходная по своему виду с Псковско-Новгородскими⁹², но только с разными добавочными украшениями московского характера .

Ивановская колокольня по рисунку Де-Ламартиньера, помещенная в его книге «Путешествие в северные страны»

Любопытное описание таких древних колоколен находим в так называемой «Описной книге церкви Княгининского уезда, 1672 года», например, – «колокольница – поставлен столб, покрыт тесом» или: «Колокольня на четырех столбах, покрыта шатром тесовым, с крестом, а на ней пять колоколов»⁹³.

Точно так же и в летописи есть описание таких древних колокольных, так, например, под 1572 г. летописец говорит: «Да того же месяца в 2, в субботу, на Дворищи колокол новой поставили, у Жен Мироносиц, у двора государского на четырех столбах на переклади»⁹⁴.

Впрочем, в это время были уже колокольни, отличавшиеся красотой формы. Летописец 1547 года говорит так: «У Вознесенья, у хороших колокольных за Неглимною на Никитской улице»⁹⁵.

Как и в Западной Европе, колокольни служили у нас вместе с тем и сторожевыми башнями, а на колокольне Дивногорского монастыря в 1714 году было даже три железных и одна медная пушка⁹⁶.

Вообще, наши монастыри, особенно в смутное время, представляли из себя нечто в роде крепостей. В синодике Святогорского монастыря упоминается даже о пушкарех-монахах Иакове⁹⁷.

С течением времени колокольни служили главным образом не более, как архитектурной частью, а древние звонницы совершенно пропали.

Свящ. Сергей Полянский⁹⁸, описывая Часовую башню в селе Коломенском, говорит, что наверху, где помещались колокола для курантов, а ныне находится звон Вознесенской церкви в разных местах были вмазаны голосники. Указания на существование голосников на других колокольнях мы нигде не находим.

Иногда при храмах воздвигалось по несколько колоколен, как например, при храме Христа Спасителя в Москве, в Исакиевском соборе в Петербурге и во многих норманских церквях.

Колокола в Древней Руси

К нам в Россию колокола перешли не из Византии, а с Запада, на что также указывает их русское название от немецкого Glocke. Но некоторые полагают, что слово колокол произведено от старинного русского *коло* – круг, окружность, а другие – что оно составилось следующим образом: *кол о кол*, т.е. от удара одного кола о другой, намекая этим на древние била и клепала. По догадкам некоторых ученых слово колокол имеет корень с греческого «калкун», означающее клепало или било^{99, 100}.

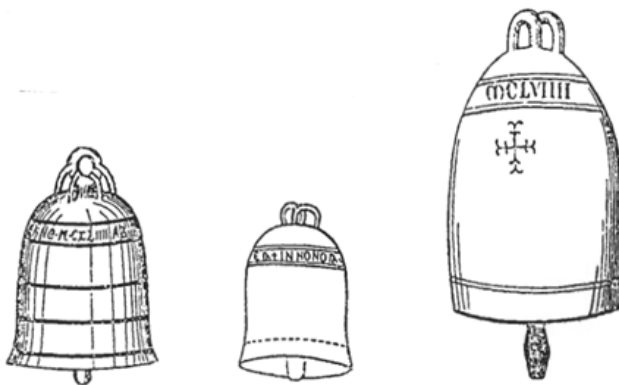
О колоколах в России впервые упоминается в летописях 988 года¹⁰¹.

В начале 11 века колокола были повешены при храме св. Софии в Новгороде, при Десятинной и Ирининской церквях в Киеве, во Владимире-на-Клязьме (около 1170 г.), Полоцке, Новгороде-Северском и некоторых других.

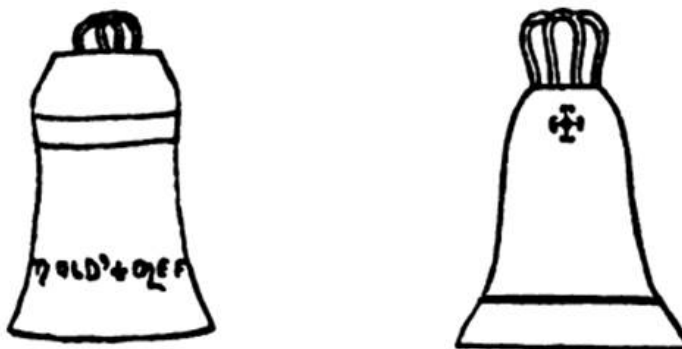
В развалинах Десятинной церкви, на которые обратили внимание Киевский Митрополит Евгений в 1824 году, найдены были два колокола: один из них коринфской меди¹⁰², довольно хорошо сохранившийся, за исключением дужки, к которой привешивают язык.

Высота этого колокола 9 вершков, высота ушей 3 вершка, нижний поперечник 10 верш[ков], верхний 7, а толщина стен 5/8 верш[ка]. Весу в нем 2 пуда 10 фунтов.

Полагают, что это древнейший из уцелевших русских колоколов¹⁰³, может быть, даже тот, который в начале 11 века был повешен при Десятинной церкви¹⁰³.

Образцы старинных колоколов

Колокольчики 10–11 в. с плоским верхом

К сожалению, на нем нет никакой надписи, на основании которой можно бы было установить степень его древности.

Надписи и рисунки начали появляться на колоколах уже значительно позже, а в те отдаленные времена, когда они начали только входить в употребление, они были

совершенно гладкими (т.е. без узоров и надписей), что, конечно, объясняется несовершенством техники и неопытностью самих мастеров.

Когда впервые появились надписи и рисунки на колоколах, установить довольно трудно, так как древнейших колоколов почти не сохранилось до нашего времени.

В 13 веке попадались на колоколах надписи, идущие справа налево. Объясняется это тем, что мастера на рубашке формы колокола вырезали требуемые слова, а в отливке те же слова выходили как в зеркале обратными.

Лишь в середине 14 века начали делать выпуклые надписи на колоколах, приклеивая восковые модели к телу глиняного колокола.

Размеры колоколов в России первоначально не превышали нескольких пудов, причина была – неумение отливать большие, а получать из Германии, по случаю дурного сообщения, было слишком трудно, да и в самой Германии не встречались тогда колокола значительных размеров.

Кроме того, и сами церкви в большинстве случаев были очень невелики и не позволяли по своим размерам помещать большие колокола.

В Хутынском монастыре, например, была церковь св. Григория Арменского, про которую летописец говорит, что она «не вельми высока и кругла, яко стоит противу северных дверей, и не велика *токмо сажени единыя внутри и со алтарем* на ней же колоколы в версе бывали и прежних лет, но не велики и некоторые лепоты не имущи»¹⁰⁴.

Эта церковь существовала до 1535 года, когда и была заменена новой: «Выстроена была церковь о едином версе, вельми чудна, яко таковы несть делано в Новгородской области; яко окольная стена, еже округ церкви, имея углов восемь, а двери пятеры, в высоту весьма высоко, на ней же в версе колоколы уставиша, два колокола больших, егда начнут звонити – яко страшными трубами гласящими, тако и прочие колоколы уставиша» (П.С.Л. 6–296)¹⁰⁵.

Когда в 11 в. при соборной церкви города Гильдесгейма был повешен колокол в сто пудов, он всех поразил своей величиной.

Сами русские стали лить колокола впервые в Киеве в половине 13 века¹⁰⁶, а после татарского ига их вновь привозили из Германии, где впервые колокола стали отливать при Карле Великом, хотя образцы их до нашего времени не сохранились. Искусство это в Германии прочно основалось лишь в 10 и 11 веках.

Первоначально искусство отливать колокола как на западе, так и в России, было искусством «странствующих мастеров». Колокола отливались вблизи той церкви, для которой они предназначались. Лишь с развитием транспортных приспособлений искусство это приобрело оседлость.

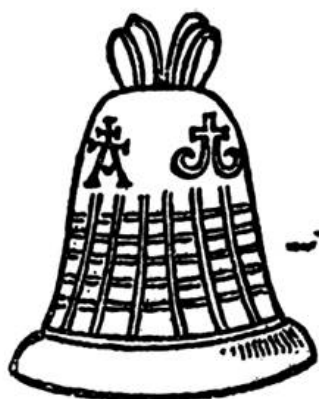
До настоящего времени иногда отливка колоколов производится при некоторых монастырях и церквях, хотя обычай этот с каждым годом становится все реже и реже в виду многих неудобств такой работы.

Отливка больших колоколов была вещь довольно редкой и этим и объясняется появление пришлых специалистов.

2 Так, 22 сентября 1453 года эдиллы Орлеана приказали вызвать Ренэ Буовен из Мулэн, для отливки громадного колокола для их дозорной башни. Кардинал Жорж д'Амбуаз также поручил одному Шартрийцу, по имени Жан Маншон, отливку для Руанского собора колокола, который и был назван его именем.

Существует легенда, по которой литейщик умер от радости, увидев успех своей работы. Этот колосс весил 1075 пудов; размер его был 10 метров в окружности и 3,33 м вышины. Чтобы его раскатать, требовалось по крайней мере 16 человек. Понятно, конечно, беспокойство, вызываемое подобным предприятием и избыток радости, когда все благополучно кончалось.

В 1682 году, когда надо было отлить «Эмманюэль», предназначавшийся в собор Парижской Богоматери в Париже, была устроена мастерская недалеко от Сены, прилегающая к собору Notre Dame, где теперь разведен сад¹⁰⁷.

Украшение колоколов XI–XII века (сверху буквы: альфа и омега)

Украшение колокола в XII в. Верх колокола плоский, а не полукруглый

Украшение колокола в XIII в. Появляются изображения икон

О трудностях перевозки больших колоколов с завода в церковь и о изобретательности простого русского человека находим любопытную справку.

«В городе Валдае отлит был колокол в 2000 пудов для Петербургского Троицкого собора, что в Измайловском полку. Чтобы доставить этот колокол на место, требовалось, по расчетам инженеров, восемьдесят лошадей. Это загородило бы все шоссе и стоило бы дорого.

К Алексею Николаевичу Оленину, бывшему членом при построении собора, явился валдайский мещанин и объявил, что он привезет колокол на шести или даже на четырех лошадях.

– Каким манером? – спросил его Алексей Николаевич.

– Это секрет, если я его скажу, то и всякий привезет.

– Будь уверен, что я твоего секрета никому не открою.

– Я сделаю в величину колокола четыре обода, – объявил мещанин, – в боковых ободах сделаю оси, обошью досками и покачу его так, что не только не испорчу дорогу, а еще укатаю шоссе.

После доклада об этом государю, Алексей Николаевич снабдил подрядчика задатком и формальным предписанием. Колокол привезен был из Валдая в Петербург благополучно. Мещанин получил 5000 рублей и золотую медаль на анненской ленте»¹⁰⁸.

В *Волынской* летописи говорится, что князь Данило, создавая новый город Холм, поставил в нем церковь св. Ивана, и что для этого храма «колоколы принесе из Киева, *другия ту солья*»¹⁰⁹.

Из этой же летописи видно, что литейное искусство в то время достигло уже некоторого совершенства. Летописец, рассказывая о помянутой выше церкви Ивана Златоуста, говорит, что помост церкви *слит из меди и олова*.

Далее, в той же летописи рассказывается, что князь Владимир Волынский в 1287 году «в Любомли постави церковь каменну св. Георгия» и что для этой церкви «полия же и колоколы дивны слышаньем, таких же не бысть во всей земли»¹¹⁰.

Под 6798 (1290) годом значится: «Князь Дмитрий Борисович посла на Устюг владыку Тарасия, свящати церковь великую Успения Святыя Богородицы и *послал с ним колокол* Пречистой, и священа бысть церковь на праздник Успения, месяца августа в 15 день»¹¹¹.

Иоанн Данилович Калита в 1338 году взял колокол из тверского Спасского Собора и перенес в Москву.

В 1248 году смоленский князь Федор Ростиславич: «Выдал Аркановича и с дворьмь немьцом за колокол»¹¹².

В 1403 году «в Твери слит бысть колокол Святому Спасу благовестник князем Иваном Михайловичем и бысть глас его красен» (П.С.Л., 15–4710)»¹¹³.

Под 1410 г. значится, что «колоколы политы в Ростове»¹¹⁴.

О русских литейщиках упоминается в летописи 1194 г. Рассказывая о возобновлении обветшалой Суздальской церкви, летописец говорит: «А то чуду подобно молитвою и верою Епископа Иоанна, не ища мастеров от немец, но налице мастера от *клеврет* Св. Богородицы и своих, *иных олову льяти*, иных крыти, иных известью белити»¹¹⁵.

В 14 столетии встречаются в Москве мастера, отливающие колокола для московских и новгородских церквей. Из литейщиков этого времени особенно славился, по словам летописца, «россиянин Борис», который отлил много колоколов для соборных церквей.

В летописи под 1342 г. находим следующее: «Повеле владыка Василий слить колокол велик к святой Софии и привезе мастера с Москвы, человека добра, именем Бориса»¹¹⁶, а под 1346 г. говорится, что по воле великого князя Симеона Иоанновича «на Москве слиты три колокола больших да два меньших, а лил мастер Бориска» (П.С.Л., УП-210)¹¹⁷. Никоновская летопись называет этого Бориску – Римлянином. Таким образом богатый и знатный Новгород, процветавший торговле, воспользовался

художеством колокольного литья из Москвы, успевшей начать самостоятельную, независимую работу на этом поприще народного развития¹¹⁸.

На колоколе соборной Юрьевской церкви во Львове есть надпись: «6849 г. (1341 г.) соляян бысть колокол сии Юрью при князи Дмитриии игуменом Евфимьем»¹¹⁹

Колокола XVI–XVII вв

При Иоанне Грозном и сыне его Феодоре литейное искусство в Москве процветало. Было отлито много колоколов не только для Москвы, но и для других городов, между прочим Николаем Немчиновым¹²⁰ колокол *благовестник* в 1000 пудов¹²¹.

Из русских мастеров этого времени известны: Игнатий¹²² 1542, Богдан¹²³ 1565, Андрей Чохов¹²⁴ 1577, Кузмин первый¹²⁵ 1581, Семенка Дубинин¹²⁶ 1590 г.

Они лили колокола и пушки больших размеров, образцы которых сохранились в Петербургском и Московском арсеналах.

Произведения Чохова отличались тщательной и красивой отделкой. На крупнейшей пушке его работы *Дробовике*¹²⁷, известной в Москве под именем Царь-пушки, довольно искусно изображен царь Федор Иванович на коне в полном царском облачении со скипетром в руке.

Кроме того, его имя находится на древнейших пушках кремлевских; на *Дробовике* (весом 2400 пуд[ов])¹²⁸, *Троиле* и *Аспиде*; первая вылита в 1586, а вторая и третья, называемые *пищальями*, – в 1590 году.

От царствования Годунова не осталось других образцов литейного искусства, кроме колоколов в Москве и Троицкой Лавре.

С прибытием в Москву 1475 г. Фиоравенти Аристотеля, учрежден был Пушечный двор, где начато литье пушек и колоколов¹²⁹.

«Возвратился посол Толбузин (Толбузин был послан Великим Князем в Венецию для отыскания опытного мастера), – замечает летописец, – и привел с собою мастера *Муроля*, кой ставил церкви и палаты, Аристотель именем, также и пушечник, он нарочит лити их и бити из них, и колоколы и иное все лити хитр вельми»¹³⁰.

Фиоравенти отливал колокола и пушки, чеканил монеты и построил Успенский собор. В 16 столетии уже русские выученики самостоятельно продолжали отливку колоколов.

В это время, по описанию греческого епископа Арсения¹³¹, русские в литейном искусстве достигли значительного совершенства, они отливали не только из меди, но и из золота, и из серебра, и притом тонкие художественные вещи.

Этот Арсений «с изумлением видел множество огромных серебряных и золотых сосудов во дворце; одни имели образ зверей: единорога, львов, медведей, оленей; другие – образ птиц: пеликанов, лебедей, фазанов, павлинов, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человек едва могли переносить их с места на место. Сии чудные сосуды делались, вероятно, в Москве, по крайней мере некоторые и самые тяжелые вылиты из серебра ливонского – добычи Иоаннова оружия»¹³².

Кроме Фиоравенти, венецианцы Павел Дебоше¹³³ и мастера Петр и Яков¹³⁴, прибывшие в Россию, занимались литейным делом.

Павлом Дебоше в 1482 г. была отлита огромная пищаль, царь-пушка, находящаяся в московском Кремле, но не та, которая теперь слывет под этим именем, – эта вторая, как сказано выше, была вылита в 1586 году Андреем Чоховым, как означено на ней,

В 1490 году, если еще не раньше, великий князь Василий Иванович посылал двух немцев Ивана да Виктора на Печору отыскивать руду, которые и нашли руду на реке Цимле, серебряную и медную в 1491 году, на пространстве десяти верст, за три с половиною тысячи верст от Москвы¹³⁵.

Цари Михаил и Алексей обращали особенное внимание на отечественное рудопромышленное дело, так как в то время чувствовался большой недостаток металлов.

В делах их царствования упоминаются вызванные из чужих краев *рудознаты*, *золотознаты*, *лозоходцы* и *рудокопцы*.

В 1618–22 годах англичанин Джон Ватер, ав 1626 г. Фрич и Герольд отправлены в Пермь с дворянином Загряжским для отыскивания руд. В 1634 г., когда уже утверждены были некоторые фабрики, устроены мельницы и стеклянные заводы в Москве и ее окрестностях, открыты в Сибири медные рудники, для разработки которых царь выписал из Саксонии рудопромышленников¹³⁶.

В 1636 году гость Надей Светешников отыскал на Каме медную руду¹³⁷. Такие открытия доставили материалы для литья колоколов и пушек¹³⁸.

В это время русские литейные мастера начинают вытеснять иностранных, как видно из следующего списка: 1606 года Проня Федоров¹³⁹, 1621 г. Игнатий Максимов¹⁴⁰, 1622 г. Андрей Данилов¹⁴¹ и Алексей Якимов¹⁴², 1626 г. Кондратий Михайлов¹⁴³, 1627 г. Богдан Васильев¹⁴⁴, 1628 г. Григорий Наумов мастер¹⁴⁵ и Фальк¹⁴⁶, 1648 г. Петр и Тимофей ученики¹⁴⁷, 1650 г. Евсей Данилов¹⁴⁸, Тимофей Воин¹⁴⁹, Федор Аникин мастер¹⁵⁰, 1652 г. Емельян Данилов¹⁵¹, 1661 г. Андрей Нейгарт¹⁵², 1665 г. Александр Григорьев¹⁵³, 1668 г. Харитон Иванов мастер¹⁵⁴, Мартьян Осипов мастер¹⁵⁵ и Яков Дубина¹⁵⁶ или Дубинин ученик, 1672 г. Яким Никифоров¹⁵⁷, 1673 г. Андрей Якимов¹⁵⁸ и Яким Гаврилов¹⁵⁹, 1674 г. Пантелей Яковлев¹⁶⁰, 1679 г. Осип Иванов¹⁶¹, Василий и Яков Леонтьевы¹⁶², Федор Моторин¹⁶³, 1680 г. Евсевий Данилов¹⁶⁴ и пр.

Огромные колокола, удивлявшие иностранцев, вылиты были при царях Михаиле и Алексее: 1622 г. *Реут* Андреем Чоховым, весом около 2.000 пудов¹⁶⁵, 1654 г. *Царь-Колокол* в 8000 пуд., после перелитый и повешенный на двух каменных столбах у церкви Рождества Христова в Кремле.

Замечательная по своей величине и красоте медная пушка 1617 г. *Царь-Ахиллес* была весом в 220 пуд[ов]¹⁶⁶ отлита Андреем Чоховым. При царе Алексее Михайловиче пушечный мастер Мартьян Осипов в 1670 г. вылил *Единорог* в 779 пуд[ов] и другие мастера – пушки меньшего калибра¹⁶⁷.

Хотя горное дело получило уже свое начало в России в 15 веке, однако постановлено на твердом основании Петром I, который послал в разные стороны своего государства мастеров из греков и немцев для отыскания руд и для устройства заводов¹⁶⁸. В 1701 г. им был учрежден в Москве Рудный приказ¹⁶⁹, а в 1519 г.¹⁷⁰ вместо него в Петербурге *Берг-Коллегия* и тогда же издана Берг-привилегия, одно из коренных горных узаконений!¹⁷¹

В первые годы царствования Петра I литейное искусство не было успешным¹⁷², но с 1701 г. появились замечательные произведения мастеров: Якова Дубинина, Карпа Осипова, Иосифа Балашевича, Логина Жихарева, Ивана Маторина, Семена Леонтьева¹⁷³.

Московские мастера, рассеявшись по России, выучили других своему искусству.

Кроме Пушечного двора в Белом городе, еще был основан в Земляном городе литейный завод Маторина, в приходе Сергия чудотворца в Пушкарях¹⁷⁴. На этих заводах литы мастерами колокола и пушки.

На Пушечном дворе производилась неустанная работа своим чередом. Так кроме колоколов выливались пищали, пушки, мортиры, и мастера получали частые награды¹⁷⁵.

В 1717 г. Петр повелел слить для Новоспасского монастыря колокол в 1100 пудов. В это же время Иван Маторин вылил для Троице-Сергиевского монастыря колокол в 4000 пудов¹⁷⁶ и в 1714 г. набатный из старого, почитаемого за *Вечевой* новгородский.

В 1760 г. Константин Слизов отлил большой *Успенский* колокол в 3551 пуд 4 фунт[а]¹⁷⁷.

Указывают, что мысль о представлении света, овладевшая умами Европы, повлияла также на литье колоколов. С того времени размеры их начали увеличиваться, и в 16 веке мы встречаем исполинские для того времени колокола.

Например, в 1530 году архиепископ новгородский Макарий, в память рождения Иоанна 4, соорудил для Софийской церкви колокол в 250 пудов, о котором летописец

замечает: «Что тако николиже не было»¹⁷⁸. В 1582 году¹⁷⁹ литейщик Николай Фрязин¹⁸⁰ слил в Москве колокол в 500 пудов, а в 1533 году, как было сказано выше, Николаем Немчиновым¹⁸¹ был слит колокол благовестник в 1000 пудов и поставлен на деревянную колокольню¹⁸².

Смуты в московском государстве в начале 17 века остановили на некоторое время деятельность литейного искусства, но со вступлением Романовых на Всероссийский престол оно опять возобновилось: тогда уже в России было больше русских, чем иностранных мастеров.

Изготовление колоколов, заимствованное нами из Германии, развилось и окрепло на русской почве, достигнув таких размеров, которое не наблюдается в Западной Европе.

Причину эту надо искать в религиозности нашего народа. Ему сразу пришелся по сердцу могучий звон церковных колоколов, он слышал в этом благовесте великий призыв Неба отречься, хотя на время, от земной суеты и тревоги.

Стройный церковный звон умиротворяющим образом действует на душу. Рассказывают, что Годунов, ссылая царицу Марию Нагих, мать царевича Димитрия, в Белозерский край, представил ей право самой выбрать место для жительства.

Плывя вверх по реке Шексне, она услышала приятный серебристый звон Азарьевой пустыни, отстоящей от Шексны на пространстве трех верст. Этот звон до того понравился ей, что она решила поселиться около этой пустыни.

Когда она была вызвана в Москву, на свидетельство Самозванца, то прислала оттуда большой колокол, приятного серебристого звука¹⁸³, с надписью ее имени. В сороковых годах, невежественный церковный староста променял его на медь и слил из нее *новый* колокол несравненно, конечно, худшего достоинства¹⁸⁴.

Употребление при церквях нескольких колоколов ведется еще исстари. Так, в Троицкой летописи под 1394 г. написано следующее: «Заложиша Псковичи перси у Крома, стену камену и колокольницу поставиша»¹⁸⁵, что свидетельствует об употреблении нескольких колоколов. С течением времени число колоколов все увеличивали и увеличивали.

В 16 веке в Кремле считалось 35 каменных церквей, а всех в столице более четырехсот, кроме приделов, колоколов же не менее пяти тысяч, так что в среднем приходилось более 12 колоколов на каждую церковь¹⁸⁶.

Петрей, бывший в Москве при Годунове и после, пишет: «Церквей, монастырей и часовень в городе и за городом будто бы 4500, однако нет ни одной столь большой, как самая малая из немецких церквей; потому то можно за правду принять, что в некоторых церквях еле помещается пять или шесть человек. Однако не найдешь ни одной, где бы не висело по меньшей мере четырех или пяти, а в некоторых даже девяти или двенадцати колоколов, так что, когда они зазвонят все разом, то поднимается такой гул и сотрясение, что друг друга нельзя расслышать»¹⁸⁷.

Архиепископ Арсений Елассонский, говоря о строительстве Бориса Годунова, пишет: «Он же (Борис Годунов) отлил два большие колокола, один для Москвы в патриархию, в который звонят в большие праздники, а другой в монастырь святой Троицы. Подобной величины колоколов и такой красоты нельзя найти в другом царстве во всем мире. Он возобновил и украсил девичий (Новодевичий) монастырь близ Москвы и совершил другие прекрасные дела и украшения»¹⁸⁸.

Кроме Петрея и другие иностранцы, описывая Москву, говорили, что в часы праздничного звона не могли в разговоре слышать друг друга.

Принимая во внимание, что Москва в 16 столетии была еще очень невелика по занимаемой площади и не имела высоких зданий, задерживающих звуки, как это наблюдается теперь в больших городах, это указание иностранцев вполне вероятно. Да и колокола в это время достигали уже довольно значительных размеров.

Главный колокол, весом в 1000 пудов¹⁸⁹, висел на деревянной колокольне среди кремлевской площади. Упомянутый выше Петрей вот что пишет об этом колоколе: «На ружейный выстрел от великокняжеского дворца на большой и широкой площади висит чрезвычайно большой колокол, весом в 336 центнеров, вылитый еще при жизни Бориса Годунова, по приказанию этого государя; звонят в него в большие праздники, также когда приезжают из чужих краев послы и бывают допускаемы к Великому Князю»¹⁹⁰.

В Musskow. Reise означен вес этого колокола: 120 Schiffpfund или 33.600 немецких фунтов. Миллер, ссылаясь на Адама Олеария и Бранд[т]а, ошибкою поставил 10.000 пудов вместо 1000 (см. его Versuch einer N.Gesch. V. R. 90)¹⁹¹.

Далее Петрей говорит, что «при реке Неглинной, протекающей городом, находится Великокняжеская литейная, где льют пушки и колокола»¹⁹².

Во времена Самозванца, по словам польского писателя Маскевича, на одной только колокольне Ивана Великого находилось 52 колокола.

Вот, что он пишет про Ивановскую колокольню:

«Прочих церквей считается в Кремле до двадцати, из них церковь Св. Иоанна, находящаяся почти среди замка (Кремля) замечательна по высокой каменной колокольне, с которой далеко видно во все стороны столицы.

На ней 22 больших колокола, в числе их многие не уступают величиною нашему краковскому *Сигизмунду*, висят в три ряда, одни над другими; меньших же колоколов более тридцати.

Непонятно, как башня может держать на себе такую тяжесть. Только то ей помогает, что звонари не раскачивают колоколов, как у нас, а бьют в них языками, но чтобы размахнуть иной язык, требуется человек восемь или десять.

Недалеко от этой церкви есть колокол, вылитый для одного тщеславия, висит он на деревянной башне, в две сажени вышиною, чтобы тем мог быть виднее; язык его раскачивают двадцать четыре человека.

Незадолго до нашего выхода из Москвы *колокол подался немного на литовскую сторону*, в чем москвитяне видели добрый знак, и в самом деле вскоре нас выжили из столицы.

По свидетельству Олеария, сей колокол, вылитый при Борисе Годунове, имел весу 356 центнеров; звонили в него в большие праздники»¹⁹³.

Теперь колоколов на колокольне Ивана Великого только 34. общий вес их свыше 16.000 пудов. Одни из них замечательны древностью, другие красотой формы и отделки, своим звуком и прозванием, как-то: Реут, Лебедь, Медведь, Баран, Полиелейный и Голодарь, названный так потому, что в него звонят в Великий пост¹⁹⁴, воскресный, будничный, праздничный, ясачный, глухой. Некоторые из них имеют свои названия от известной местности: Корсунский, Новгородский, ростовский, Слободский, Татарин.

Приводим описания иностранцев, посещавших Москву. Все они удивляются обилию колоколов и их громадными размерами.

Барберини¹⁹⁵, бывший в Москве в 1565 году, говорит: «Церквей невероятное число, иные из них побольше, иные поменьше, каменные и деревянные; нет улицы, где бы не было нескольких, так что в день Св. Николая и накануне множество звонивших колоколов были докучны и невыносимы»¹⁹⁶.

Степан Какаш¹⁹⁷ (1602 г.) пишет:

«В городе более полутора тысяч церквей и монастырей, две из них построены в замке (Кремле), красивые, с семью прекрасными золотыми главами, стоящими нескольких бочек золота, с прекрасными большими колоколами, далеко превосходящими эрфуртский по величине и звучности»¹⁹⁸.

Посетивший Москву в том же 1602 г. принц Иоанн рассказывает: «Выдавали за правду, будто в замке (Кремле) вместе с монастырем церквей и часовень (Capellen) всего тридцать пять. Некоторые из наиболее чтимых церквей стоят с вызолоченными

башнями, высокими и круглыми: во-первых, одна с девятью вызолоченными, большими и малыми, другая – с пятью вызолоченными, и еще некоторые, имеющие вызолоченные башни.

При одной церкви отдельно была высокая прекрасная восьмиугольная башня, выбеленная, наверху вызолоченная, снабженная вокруг сверху до низу пролетами все увешенными большими и малыми колоколами, кои можно было все видеть снаружи.

Неподалеку от нее стояла большая, прочная деревянная башня, но невысокая, где висел прекрасный большой колокол, весом около 120 корабельных фунтов.

В колокол этот звонят, когда царь справляет торжество или празднует особенному святому и идет в церковь, а то и тогда, когда он выезжает в город; когда он принимает в замке чужеземных послов или веселится, звонят тоже в него (вместо литавр и труб) особенным радостным звоном.

В колокола звонят не полным размахом, как в Германии, но или их тихо раскачивают, так что язык легко ударяет в оба края, или же висят они спокойно, а о край ударяют языком за веревки»¹⁹⁹.

Далее, описывая площадь и храм, принц Иоанн говорит: «Здесь же около стоит высокая стена с несколькими арками, где висят двенадцать больших и малых колоколов»²⁰⁰.

Де-Лемантиньер, описывая Москву, пишет: «Колокола Иерусалимской (церковь Василия Блаженного) церкви самые большие в мире; один из них, говорят, весит тридцать тонн, и когда в него звонят, можно оглохнуть, если стоять близко. Императору доставляет большое удовольствие слушать звон колоколов»^{201 202}.

В одной рукописи, писанной на сербском языке, принадлежащей Белградской народной библиотеке (№ 91), читаем: «Повесть житию од земле Москве; нека се знату двори цара Петра». В этой повести сообщаются удивительные сведения о России, между прочим там находим: «Московы имеют 12000 малых церквей, в которых служат попы и 13000 великих монастырей. Царь Петр имеет свою во имя св. Петра, о восемнадцати позолоченых главах; в нее он ходит молиться со своим двором («господом»). На церкви св. Иоанна находится три золотых купола. *Громадный колокол этой церкви имеет восемнадцать сажень ширины и четыре пяди высоты (глубины);* когда приходится звонить в него, требуется много людей. Оберегают церковь две тысячи наемников»^{203 204}.

Благовест в колокола при разных случаях производился по особому уставу. Москва была средоточием царской и святительской власти, и вещей голос ее колоколов был ей тогда понятен.

Колокольный звон, его употребление и виды

Вначале колокола разделяли на две категории: одни благовестили для созыва на службу, другие же имели назначение оборонять от демонов и их злых влияний; как для тех, так и для других были выработаны правила, по которым и совершался звон²⁰⁵.

Правила эти были различны для разных государств: например, римско-католическая церковь запрещала звонить в знак траура, греческая же, наоборот, такой звон разрешает. Так напр[имер], из летописи мы видим, что по случаю кончины царя Михаила Федоровича 1645 г. «весь тот день от преставления царского и до погребения благовест был в большой колокол»²⁰⁶.

В былинке «Смерть Ивана Грозного»²⁰⁷ говорится, когда умер царь «как ударили да в большой колокол»²⁰⁸.

Иностранец Масс²⁰⁸, бывший в Москве в смутное время, пишет: «На носилках принесли тело царевича Димитрия из Углича и на них же оно было положено в Архангельском соборе. Я не думаю, чтобы в это время в Москве был хотя один колокол, который бы не гудел. Люди были оглушены звоном в колокола, а как только²⁰⁹ моци поставили в собор, так и стали происходить над некоторыми чудесные исцеления»²⁰⁹.

В выписке о кончине Царя Иоанна Алексеевича говорится: «А до выноса тела Великого Государя из хором в церковь Архангела Михаила, на Ивановской колокольне был благовест, также и во время выноса тела его, Государя, к той церкви был звон по обыкновенному чину тихогласно»²¹⁰.

Встречать и провожать кого-либо колокольным звоном считается большой честью. Колокольным звоном встречают и встречали царей, патриархов и высших представителей церкви.

Известный переводчик и библиотечарь Императорской Публичной библиотеки, записавший много анекдотов из жизни Екатерины II, рассказывает такой случай:

При открытии губерний, по учреждению Екатерины, Калужскую губернию открывал генерал Кречетников.

Митрополит Платон, управлявший Московской и Калужской епархиями после долгих ожиданий получил от генерала церемониал открытия.

Митрополит согласился на все статьи церемониала, кроме одной; во время шествия наместника в церковь, производить во всех храмах колокольный звон.

Начались переговоры через чиновников – митрополит не соглашался. Приехал сам наместник, настаивал, убеждал. Митрополит не соглашался.

– Это почесть, – говорил он, – воздается только царскому величию.

Дело сделалось без колокольного звона.

Несколько лет спустя, Кречетников и Платон, сблизенные дружбой и взаимным уважением, свиделись как-то в Москве и в дружеской беседе вспомнили о прошлом.

– Да, есть, что вспомнить, преосвященный, – сказал Кречетников, – а вот чего вы не знаете: какая мне была назидательная отповедь. По открытии Калужской губернии, я приехал в Петербург с донесениями и отчетом. Императрица милостиво и благосклонно выслушала и изъявила мне свое благоволение. Потом сделала несколько разных вопросов, между прочим таинственно спросила:

– Да митрополит-то усердно ли вам содействовал?

– С полным усердием, ваше величество.

– Да не было ли с его стороны каких-нибудь странных желаний, например, не требовал ли он от вас пушечной пальбы, при выезде своем в город?

– Нет, государыня.

Она все знала и нарочно обратила оружие свое на вас, чтобы больше поразить меня.

– Я что-то такое слышала. Но согласитесь, что ведь это было бы так же смешно, как если бы вы потребовали, чтобы он сопровождал вас колокольным звоном²¹¹.

По уставу действенных чинов Успенского собора 1627 года, во время выезда государя накануне храмового праздника к вечерне в Введенскую, ныне упраздненную, церковь положен был трезвон во все колокола на Ивановской колокольне²¹².

Кроме того, в колокола звонили в особенных исключительных случаях. В летописях мы находим следующий довольно характерный эпизод: «Г. 1473... человек некий во граде Москве ходив по обыкновению к селу скудельничу, иже имеют граждане на погребение странным: имеют же обычай то погребение делать в Четверток седьмые недели по Пасце; тамо поют панихиды; и сей помянутый болен идяше и творя то, что и людие: стары ямы засыпая, а новы выкапывая, и нечаянно упал в тесноте народа, ибо нес из новой ямы на старую землю: оглох и онемел... и нача прикладываться ко всем гробам (в Успенском соборе), и яко же к Феогностову приложися и проглагола и прослыша и сказаша Митрополиту Геронтию и Великому Князю. *Они же неверием одержимы быша, не повелели звонити и всему народу славити его*»²¹³.

Отсюда можно заключить, что в таких исключительных случаях, как, например, проявление какого-нибудь чуда, когда оно было достаточно очевидно, звонили в колокола.

Это подтверждает следующее летописное указание: «1372 г. в Москве 15 авг. у гроба Св. Петра Митрополита прощен (исцелен) бысть некий отрок семи лет, зане не имяше руки, прикорчившися к персям, и тому сущу ему; егда же Митрополит Алексий скончеваше Литургию, тогда проглагола отрок и простресе ему рука. *То же видя, Митрополит повеле звонити*»²¹⁴.

В некоторых местах звонили во все колокола, когда вели на казнь преступников, То же самое было и на Западе; там, как и у нас, казни преступников сопровождалась колокольным звоном.

Один из колоколов собора Лозаннской Богоматери носит имя «Милосердие». Это имя – почти ирония.

В то время, как преступник, осужденный на смерть, проходил длинное расстояние, отделяющее Лозанну от Выди – места казни, «Милосердие» напутствовало его своим могучим голосом.

На этом колоколе есть один барельеф, представляющий коленопреклоненную женщину на эшафоте.

Палач, держа ее за волосы, готовится нанести смертельный удар, в тот момент, когда ангел приносит ей помилование. Это изображение относится к происхождению колокола, пожертвованному, следуя традиции, знатной дамой, осужденной на смерть и получившей, благодаря этому подарку, изменение наказания.

Событие произошло около 1518 г., дата, обозначенная на колоколе, со следующей надписью:

«Народы, хвалите Господа под звон звучных цимбал. Хвалите Его с праздничными инструментами. Пусть каждый хвалит Господа!»

Во многих городах есть колокола, посвященные для той же цели, что и лозаннское «Милосердие»; их называют то колоколом «преступников», то колоколом «бесчестия». Бернский колокол интересен тем, что внутри содержит настоящую «красную книгу», так как, имена несчастных, сопровождаемых похоронными звуками тоски и смерти, выгравировывались по мере того, как их казнили.

Надпись Веронского колокола не ограничивается тем, что возвещает о казни виновных; она говорит еще о том, что колокол предупреждает об ужасном конце тех, которые могли бы соблазниться оставить праведный путь, чтоб идти преступным путем: «Я возвещаю казнь виновным и я предупреждаю имеющих надобность в этом уроке, чтобы они не увлеклись побуждением к преступлению».

18 марта 1511 г. рыцарь *François d'Arient*, бывший *Avoyer de Fribourg*, был несправедливо осужден на смертную казнь за измену отечеству.

После чтения приговора, несчастный был публично лишен знаков дворянства и отличий рыцарства. Его одели в белое платье и повели на казнь босоногим, чего он сам хотел, желая в этом подражать Господу.

В продолжение этого мрачного шествия, коллегиальный колокол все время звонил; по этому поводу *Aushelm* замечает, что никогда этот колокол не служил для подобного употребления.

В Англии казни производятся всегда при похоронном звоне специального колокола. В Женеве еще в 18 веке, наказания за преступления второй важности происходили под звон колоколов; как доказательство, приведем здесь несколько строчек из консульского Регистра от 28 июля 1702 г.: «*Gabriel Grosyeux*, парижский сапожник, обвиняемый в том, что укусил и отрубил палец у другого сапожника, искупил свою вину здесь, при открытых дверях, на коленях в госпитальном дворе, при звоне колокола, наказанием кнутом, и 20-ю экю в пользу пострадавшего и судебных издержек, и, кроме того, будет изгнан из города и страны под страхом наказания кнутом».

Во многих швейцарских кантонах преступники, осужденные в каторжные работы, выполняют свои работы публично; их употребляют для чистки улиц и на земляные работы; эта организация называется *Schellenwerk*. Немецкое слово означает собственно «работа под звон колокольчика», потому что осужденные носили железное кольцо, сзади которого был укреплен вертикальный прут, переходивший через голову и на конце у него находился колокольчик.

У древних, некоторые преступники были отводимы на казнь с колокольчиком на шее. *Magius* дает нам по этому поводу изображение, где несчастный осужденный идет, подгоняемый плетью пакача, неся на шее злополучный колокол, звон которого предупреждает толпу, чтобы она не приближалась и не осквернялась таким образом лицезрением или прикосновением к существу изгнанного из человеческого общества.

Розги и колокол, предметы, употребляемые в главных наказаниях, привешивались к колеснице триумфаторов, чтобы напомнить последним о непостоянстве фортуны и превратности человеческой судьбы.

Père Marin Mersenne de l'Ordre des Minimines в своей книге, озаглавленной «Всемирная гармония», говорит, что Афиняне так же, как и Римляне употребляли колокола, чтобы возвестить час, когда преступники были отводимы на казнь, чтобы тени и призраки удалились с пути следования преступников.

Звонили в колокола и тогда, когда крестили иноверцев. Вот как об этом рассказывает летописец: «Тое же осени приехаша на Москву 3 Татарина, ко Князю Великому в ряд рядишася, и биша ему челом, хотяще ему служити, иже беша почестни и знакомити двора Церева – и восхотеша креститися. Киприан Митрополит приими я, нача учити, и облечеса сам во вся своя священныя ризы и со всем своим Клиросом бело образующим и позвониша во вся колоколы и собрася мало не весь град и снидоша на реку Москву...»²¹⁵.

В летописи под 1382 г. говорится: «В Москве сотвориша вече, позвониша во все колокола»²¹⁶. В Новгородской летописи, где рассказывается про битву князя Михаила Ивановича Воротынского с царем крымским, летописец замечает: «И того же дни в Новгороде звонили по всим церквам весь день в колоколы, и до полуночи звонили и молебны пели по церквам и монастырям всю ночь (2 Новг. лет. 1572 г.)»²¹⁷.

Затем далее, когда наши воеводы победили крымцев, то «государь жаловал воевод добре, и звонили в колоколы того дни у Софии Премудрости Божии много»²¹⁸.

В Петербурге, во вторую половину царствования Николая Павловича и позднее, колокола звонили как-то застенчиво, и на Невском громкий звон раздавался только от Армяно-Грегоринской церкви. Уверяют, что это ослабление колокольного звона было

делом человекоугодия: чтоб не пугать болезненную Государыню. Конечно, императрица Александра Федоровна огорчилась бы, узнав о том, так как она отличалась живым православным благочестием, и в ее спальне находились портреты Филарета и Серафима Саровского»²¹⁹.

С воцарением Александра Александровича развязаны колокольные языки, а на церкви Аничкова дворца колокола звонят по старине, музыкально.

В Троицкой Лавре находится письменный устав звонам²²⁰. В России существует до настоящего времени подразделение колоколов: в одни звонят лишь по праздникам, в другие по будням. Обыкновенно звон состоит из большого колокола или благовестника, полиелея малого или будничного, ясака и зазвонных.

Устав определяет характер звона в известные дни: так, например, благовест к великопостному служению бывает *косный* и *медленный*, а в большие праздники – более продолжительный и менее косный.

Иногда уставом определяется и самый колокол, в который надлежит благовестить: так, в постные дни Великого поста благовест производится в средний простодневный колокол, а в Пасху «ударяют в великий кампан».

В некоторых случаях церковный устав определяет даже и количество ударов в колокол, например, при начале третьего часа «кандиловжигатель, взял благословение у настоятеля и сотворив поклон, изщед ударяет в кампан трижды, а перед великим поверием бьет в било 12 раз».

В Киево-Печерской лавре, по пустынному обычаю, звону предшествует ударение в било. В летнее время к заутрени звон бывает в двенадцать часов ночи, а зимою в два часа пополудни²²¹.

На девятой песни канона пономарь бьет в железное било вне церкви, по обычаю восточных обителей, в честь Пресвятой Богородицы, да и находящаяся братия в послушаниях восхваляет Ее совокупно с поющими. Таковое ударение в било к Честнейшей на девятой песни ежедневно на утрених совершается²²².

В Серпуховском Владычнем девичьем монастыре существует, например, такой устав: в четвертом часу пополудни, а в воскресенье и праздничные дни в третьем часу, две будильницы обходят все келии, начиная с настоятельской, – у дверей каждой творят молитву и, заключив ее словами «*пению время, молитве час*», отправляются далее. Между тем, после трех ударов в *повесточный колокол*, – монастырское било пробуждает тех, которые, вследствие дневных трудов, будучи обременены сном, не могли слышать голоса будильниц: *колотайщица* обходит с билем вокруг всех келий, и когда обойдет все, на колокольне начинается благовест²²³.

У нас при церквях обыкновенно бывает несколько колоколов, и они различаются между собою своею величиною, силою звука. Не во всех храмах, но в очень многих, различаются следующие колокола: 1) праздничный; 2) воскресный; 3) полиелейный; 4) простодневный, или будничный; 5) пятый или малый колокол. При этом бывает несколько маленьких (зазвонных) колоколов различной величины²²⁴.

Самый звон в колокола бывает неодинаков. Звон соответствует службе. Иной звон бывает при службе праздничной, иной – при будничной, иной – при великопостной, иной – при некоторой заупокойной.

Главным образом различаются два рода звона: *благовест* и собственно *звон*. Благовестом называется тот звон, при котором ударяют в один колокол, или в несколько колоколов, но не все вместе, а по очереди в каждый колокол. В последнем случае благовест называется «*перезвоном*» и «*перебором*»²²⁵.

Слова «благовест» нет в Типиконе; в нем для означения благовеста употребляются слова: бить, клепать, знаменать, ударять; название же «благовест» весьма хорошо соответствует церковному звону.

Собственно, звоном называется тот звон, при котором ударяют в два и более колоколов вместе.

В грамоте Новгородского Митрополита Корнилия (1692 г.) читаем: к божественным службам *благовестити* и сперва в *один колокол*, по благовесте же в подобное время *звонити* в рядовые дни в *два колокола*, а в воскресные дни и Господские праздники и нарочитых святых благовестити и звонити по уставу²²⁶.

Когда звон в несколько колоколов бывает в три приема, тогда он называется *тризвон* или *трезвон*. *Ударяют во вся кампаны и клеплют довольно три звоны*. (Тип., послед. пасхи, утренняя): «Трезвон в двои», т.е. в два колокола (Тип., часы в вел. среду). «Трезвон во вся» (хромовая 35 глава в Типиконе).

Благовест в продолжение дня бывает три раза к общественному Богослужению: к вечернему, утреннему и дневному. Ибо хотя в православной Церкви считается девять вседневных служб общественного Богослужения (вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, 1-й, 3-й и 6-й часы, литургия, 9-й час), но в приходских церквях в большую часть года они совершаются по три вместе, именно: 1) 9-й час, вечерня, повечерие. 2) Полунощница, утренняя и 1-й час. 3) 3-й и 6-й часы и литургия. В монастырях эти службы иногда совершаются отдельно между собою, и к ним бывает особый звон. Так, кроме вечерни, там бывает особый звон к повечерию. Типикон указывает все случаи, когда и как надо звонить.

Кроме церковного назначения при храмах, колокола имеют и иное употребление, так они в сельских церквях служат для путешествующих спасительным звоном. Постановлено: 1) производить в селах, во время вьюг и метелей, днем и ночью, по согласию сельского начальства с церковным причтом, до тех пор, пока не стихнет буря, охранительный для путешествующих метельный звон, который для отличия от церковного благовеста и от пожарного набата, должно производить не постоянно, но прерывисто, с некоторыми промежутками времени; 2) производство сего звона должно быть возложено на церковного сторожа, в помощь которому местное сельское начальство обязано назначить несколько человек (Ук. Св. Син. 1851 г. сент. 15; также Определ. Св. Син. 10 янв. 1877 г. Ц. В., № 4 Снес. Собрание мнений, отзывов Митропол[ита] Филарета, том дополнительный, стр. 257).

Но есть и такое приказание, чтобы в церквях священно- и церковно-служители в случае драк к набатным тревогам никого не допускали, и для сего делали бы затворы крепкие на колокольню (Ук. Св. Син. 1771 г., окт. 7).

В 1750 г, декабря 18, Указом Св. Синода назначен был благовест на московской Ивановской колокольне к преподаванию народу Катехизиса в московских – Успенском, Архангельском и Благовещенском соборах. Благовест²²⁷ должен²²⁸ быть полчаса – затем перестать во время учения Катехизиса и опять начаться к литургии²²⁸.

Первое упоминание о звоне колокольном во время коронации находим в описании венчания на царство царя Феодора Иоанновича. В этом описании говорится, что «воины едва могли очистить путь для духовника Государева, когда он нес при звоне всех колоколов из царских палат в храм Успения святыню Мономахову»²²⁹.

Далее, во время коронования царя Михаила Феодоровича сказано, что «звонили во все кремлевские колокола» и что после коронации «пиры, милостина, *колокольный звон* и веселье продолжалось три дня»²³⁰.

Точно также, при описании венчания на царство Алексея Михайловича, летописец говорит: «Когда отошли ночные часы и *торжественно заблаговестили* на Иване Великом к царскому венчанию, патриарх Иосиф, в лучшем клобуке, украшенном золотом и драгоценными камнями, в богатой мантии, шествовал в Успенский собор».

При короновании царей Иоанна и Петра Великого сказано: «Сопровождаемый священным пением и колокольным звоном, патриарх вошел в Успенский собор».

Во время коронования императрицы Екатерины первый колокольный звон производился три раза. «В начале девятого часа утра на Иване Великом начали благовестить в один большой колокол».

Затем «раздался залп из пушек и ружей и благовест во все колокола обыкновенный к литургии». После этого в описании говорится: «Как скоро вышла Государыня из церкви, то в третий раз зазвучали колокола и загремели орудия».

Подробное положение о колокольном звоне во время коронации находим в церемониале венчания на царство Государя Императора Александра II.

После торжественного выезда Государя в Кремль «последует 101 выстрел из пушек», во всех церквах начнется колокольный звон, «*продолжающийся во весь день*».

«Накануне коронования в четыре часа пополудни, по всем церквам отправлено будет молебен со звоном, а ввечеру всенощное бдение. В самый день коронования по сделанному в семь часов утра из поставленных на площади и кремлевских стенах пушек сигналу, 21 выстрелом, начнется от Успенского собора Благовест».

Далее «с выступлением процессии из дворца начнется звон во все колокола». После возложения венца, пение «*Многая лета*» сопровождается звоном во все колокола. Затем после пения «*Тебе Бога хвалим*» вновь раздается колокольный звон. После этого звон будет производиться после принятия Миропомазания и во время обратного шествия из собора, и наконец «первые три дня по коронации быть колокольному звону и иллюминации».

Прежде на Западе у католиков, в дни страстной недели, когда колокола в знак скорби умолкали, для созыва молящихся употребляли особые ручные деревянные *трещетки-колотушки*.

В Риме на эти дни замолкал и бой часов, и мальчики с трещетками в руках, бегая по улицам, извещали треском время. Этот обычай был распространен и в некоторых католических городах Германии.

Во время запрещения «*Inderdikts*» звон приостанавливается и даже *Kanonschenstunden* не должны были вызванивать, только иногда разрешалось звонить к проповеди утром, в обед и вечером.

Первые упоминания о подобном запрещении встречаются с первой половины 17 века.

В народе существует предание, что колокола у отлученной церкви сами теряют свой звук, который возвращается к ним только после снятия запрещения.

Точно так же и у нас в некоторых случаях запрещался колокольный звон. Запрещение это было вызываемо каждый раз исключительными обстоятельствами.

В самое последнее время, по поводу дела епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Телеграфным приказом из Саратова епископа Досифея Свято-Духовский монастырь закрыт. Церковная служба теперь совершается исключительно для монахов. *Монастырю запрещено даже звонить в колокола*.

В 1838 году Государь Николай Павлович повелел отобрать всех беглых священников, где бы они ни были – при церквах ли, или часовнях у старообрядцев, и всех их возвратить в те епархии, из коих они самовольно отлучились, церкви их закрыть и *звон уничтожить*. Высочайшая воля эта со всею строгостью была исполнена²³¹.

Протоиерей Верховский рассказывает о том, какое впечатление произвело его открытие старообрядческой церкви, когда он с этой специальной миссией был послан в 1846 году в посад «Чуровичи». Вот что он говорит: «*Пойдемте-ка в церковь* и пусть отец Петр отслужит молебен, а мы помолимся с чуровцами Богу». – Все засуетились... Старосте сказал я: «Послушай, друг любезный, ступай в *церковь*, отопри ее и заставь звонить, а мы вслед за тобою все придем». «Да где же ваши певцы-то?» – сказал я собранию. Мне отвечали, что вот их двое, и у нас более нет. – Да с нас, – отвечал я, – довольно и двух. – Мы пошли в церковь, а за нами двинулись и все, бывшие в

собрании, включая и любопытных, собравшихся в церковь и из домов своих. Остановившись на паперти, под колокольней, где над дверями церковными был образ Успения Божией Матери, я молился дотоле, пока не начался трезвон, который замедлился по причине привязывания к языкам колоколов веревок, *отрезанных с 1838 г. распоряжению начальства.*

Едва ударили в большой колокол и произвели звон во все колокола, как некоторые женщины и девицы упали на пол и подняли вой. – Что это вы делаете, негодяйки? Я прикажу вас всех перевязать... – Как по команде фанатички проворно все встали. Эта история не имела дурных последствий, а скорее всех только рассмешила...²³²

Когда начинать звон в колокола во время богослужения, обыкновенно дается сигнал в маленький колокол – *ясак*²³³.

Об употреблении таких колоколов находим следующее летописное указание: «Да того же лета, за святою Софией за алтарем Акима и Анны колокол новый на брусу повесили, повещать сторожам Софийским, как звонить в другии колоколы в большие, да того же лета на колокольницы на Софийской поставили семь колоколов меньших»²³⁴.

Кроме того, колокола носят еще следующие наименования: повестка, шестерик дневной, постовой, подзвонник, перечасный, боевой.

На Афоне в алтарях есть звонок церковный, имеющий форму опрокинутой чашки с молоточком сверху, в роде наших комнатных колокольчиков, который там называется греческим словом – *кодон*. В него ударяют три раза после совершения проскомидии, тогда братия, стоя каждый на своем месте, скинув клобуки и наклоняясь, поминает своих родных – живых и усопших, а служащий в алтаре вынимает части.

В ризнице Софийского собора находится небольшая металлическая *кандия* в виде чаши. Вокруг поддона находится надпись: «Лета 779²³⁵ (1541 г.) поставил сию кандию в дом святому Николы на Боровно старец Андрей».

При кандии небольшой железный язычок для удара, которое совершалось в старину, например, во время чтения Евангелия в первый день Пасхи.

В письменном уставе 17 века Софийского собора на Св. Пасху сказано: «И на всяком возгласе протодьяконов Евангелия ударяют в кутейнике по единощи в каждого и в вестовой колоколец»²³⁶.

Освящение колоколов. Колокольные имена

Перед повешением колокола на колокольню его освящают. Обряд освящения так же стар, как и употребление колокола при церкви. На Западе уже во время Григория Великого²³⁷, которому приписывают введение колоколов при церквях, обряд освящения колокола был уже почти выработан. В то время воображали, что обрядом освящения даруются колоколу особые способности и сила, которые не имеются без освящения.

Подобные суеверные представления о священном колоколе и злоупотребления, связанные с этим, вынудили Карла Великого в 789 г. запретить обряд освящения.

В католической же церкви обряд освящения постоянно существовал; она не стремилась разубедить народ в неправильности взглядов на этот обряд, наоборот, старалась вселить в нем церемониалом разные суеверия, приписывая освященному колоколу силу укрощения злых духов бури, грома и т. п.

Наш простой народ говорит, что колокол вызванивает души из ада, Он также издревле верит, что где звонят в колокола, оттуда злые демоны²³⁸, враждебные святости и миру, волей и неволей удаляются бегут, сами отступают.

Некогда колокола в католических странах играли роль в тайных науках. Искусство предсказания будущего по их звону есть одна из самых неизвестных и заброшенных областей оккультизма.

Книга *Левита* формально запрещает трогать с целью гадания священные колокола.

Точно также у католиков существует примета: если увидеть во сне качающийся колокол – значит несчастье, перезвон – предрекает клевету, падающий колокол – душевное расстройство, лопнувший – огорчения и страдания.

Кроме того, у них каждая часть колокола имеет определенное символическое значение. Согласно *Дюран[у] Гильому* твердость металла означает силу проповедника; удар языком о края выражает ту мысль, что проповедник должен бичевать сам себя, чтобы исправить свои собственные пороки, прежде чем упрекать других за грех. Деревянная балка, к которой подвешивается колокол, самой формой своей представляет крест Христов, а веревка, которой его раскачивают, аллегорически изображает знание писания, которое вытекает из самой тайны Креста.

Более древние знатоки литургии открывают нам почти такие же символы.

Жан Белет, живший в 1200 году, объявляет также, что колокол есть образ проповедника и прибавляет, что его качания, когда он приведен в движение, учат, что священник должен то повышать, то понижать свою речь с целью сделать ее доступнее толпе.

Для Гюго язык колокола есть язык священнослужителя, ударяясь об оба края, он возвещает истины Ветхого и Нового завета; наконец, если обратимся к древнейшему, быть может, знатоку литургии *Фортунаму Амалеру*, мы найдем, что тело колокола означает уста проповедника, а удары их – язык его.

У нас при освящении колокола читается: «О еже гласом звенения его утолитися и утишится и престати всем ветром зельным, бурям же, громам и молниям всем вредным безвредиям и злорастворенным воздухом. О еже отгнати всю силу коварства и навета невидимых врагов от всех верных своих, глас звука его слышащих. Кампан сей благослови и освяти, и влей в он силу благодати Твоея. Яко да услышавше вернии раби Твои глас звука его, в благочестии и вере укрепятся и мужественно всем диавольским наветом сопротивостанут».

Что касается имен, даваемых колоколам, то стали их давать лишь с употреблением при церквях нескольких колоколов, для отличия одного от другого. Что имя, даваемое колоколу, ничего общего с обрядом освящения не имело, доказывает то, что и китайцы давали имена колоколам.

Имена колоколам начали давать с 13 столетия; так, в Устюжском рукописном летописце сказано: «Князи Ростовские, Дмитрий и Константин Борисовичи, послали из Ростова на Устюг Великий архиерея Тарасия, ради освящения соборная церкве Успения, а с ним образ пресв. Богородицы Одигитрия, да колокол Тюрин»²³⁹.

Первоначально на Западе давали колоколам лишь мужские имена, затем стали давать и женские, но потом мужские имена попадались редко.

Иногда имена уступали место прозвищам. Этамп владеет колоколом, пожертвованным церкви в 1400 году герцогом Жаном Беррийским, на котором можно прочесть следующую надпись: «Мария, прозванная Жаном, герцогом Беррийским, «Толстушкой» («Marie au nom et (fus) nommée la grosse engrassée par jean duc de Berry»). В Св. Морисе Анжерском, маленький серебряный колокол, в который звонили только на масленице, был поэтому прозван *Harainier* (от слова *Hareng* – Селедка)²⁴⁰.

В Юрьевском монастыре в Новгороде находятся колокола, носящие следующие имена: *Гавриил* в 267 пуд[ов], *Георгий* в 523 пуд[а], *Крест* в 1400 пуд[ов] и *Неопалимая Купина* в 2100 пуд[ов].

Первый, положивший начало крещению колоколов, был папа Иоанн 14, давший в 968 г. колоколу имя «*Johannes*».

Крещение колоколов

В 12 столетии на Западе колокола крестили подобно младенцам, приглашали восприемников – мужчину и женщину, которые, держась за веревку, обвязанную вокруг колокола, повторяли за священником имя колокола, затем надевали на него крестильную рубашку. После крещения восприемники устраивали праздничный обед и делали церкви подарок, почему обыкновенно восприемниками приглашались люди богатые. Имена восприемников вырезались иногда на колоколе.

Все предметы, каковы бы они ни были, предназначенные для употребления в обиходе католической религии, всегда готовятся к священному их употреблению специальным освящением. Колокола не составляют исключения из этого общего правила и определенно включают их в категорию священных предметов.

Многочисленные подробности этих богослужебных церемоний своим высоко-символическим характером указывают на все то религиозное значение, которое церковь признавала за колоколами.

Прежде всего священнодействующий опускает в воду предназначенные для помазания колоколов соль и масло, чтобы обозначить этим христианскую мудрость и кротость.

Затем священник, обмыв колокол внутри и снаружи, обращается к Богу с горячей молитвою о том, чтобы Он даровал колоколу силу призывать верующих в святой храм, отвращать от них опасности, которые могут им угрожать и переносить к Богу молитвы верующих в него.

Помазание делается священным елеем – семь раз снаружи и четыре раза внутри колокола. Священник делает эти помазания в форме креста, в то же время обращаясь к небу с новой мольбой: «Удостой, Господи, освятить и благословить во славу Твоего имени этот колокол чрез это помазание и наше освящение».

После этого колокол окуривается ладаном; затем сообщают голос колоколу, т.е. после наречения имени, которое отныне он должен носить, священник, крестный отец и крестная мать ударяют в него каждый по три раза.

Освященные таким образом и сделавшиеся предметами священного почитания, колокола заботливо покрываются полотном или даже драгоценными покрывами, которые остаются на них до того момента, когда колокола окончательно будут помещены на место.

Этот обычай освящать колокола по обряду твердо установленных религиозных церемоний восходит до глубокой древности²⁴¹.

Даже французская революция, эта неумолимая разрушительница колоколов, прежде чем уничтожить последние колокола, иногда хотела создать род светского крещения, что можно заключить из надписи, которую носит на себе один из колоколов в Брейле.

Вот эта надпись: «1793 г. П месяц революции. Я был благословлен гражданином Филиппом Мишелем, крестным отцом я имел гражданина Франца Шарлэ, городского чиновника и фермера из Монтральтена. Крестной моей матерью была гражданка Мария Монфокон, жена гражданина Гильома Монфокон, фермера из Моранда. Граждане Жан Венсена и Матюроль Кретьен при этом присутствовали. Заводчик Вилегьдие Лазарь Луазо, собственник Филипп Шолио».

Назначение колокола это – проповедь, и вот почему его всегда сравнивают с проповедником.

Бэд Венерабль в 7 веке утверждает уже, что когда миссионеры основывались в неверной стране, то после постройки какой-нибудь часовни они заботились о том, чтобы

богато снабдить ее колоколами или колокольчиками, серебряный звон которых раздавался бы по языческой стране, как слово проповеди и призыв к обращению²⁴².

Что обычай окрещения колокола сохранился во Франции до настоящего времени, видно из дела постройки нового колокола для церкви «Sacré Coeur de Montmartre» в Париже. Колокол этот был отлит 13 мая 1891 г.; привезен к церкви 13 октября 1895 г.; крещен 20 ноября 1895 г. кардиналом Richard'ом; повешен окончательно на колокольню 13 марта 1907 г. Восприемником был архиепископ из Шамбери. Крестной матерью графиня Ernest de Voigne, рожденная Labran–Pontevés. Вес колокола 18,835 кг; вес языка 850 кг. Приспособление 6,530 кг. Всего 26,215 кг.

Протестанты вместо крещения колокола читают перед ним проповеди на тему о значении колокола в жизни человека: колокол оповещает о радости, о горе, о важных событиях жизни и переход из одной жизни в другую.

В последнее время из западных церквей одна англиканская оставила обычай народно-религиозного празднования при приобретении нового колокола, заимствованный ею еще от католиков.

Колокола и чудеса

Колоколам часто приписывали чудесные события: при необыкновенных случаях они сами звонили. Так, например, в летописи мы находим следующее: «В 1372 г. у Св. Спаса в Новгороде в Нижнем колокол болний позвонил сам о себе трижды»²⁴³.

Под 6917 (1409) годом в летописи говорится: «Того же лета в Новгороде Великом, в церкви святого Михаила звук был в маковице по два дни»²⁴⁴.

В летописи есть такое указание: в 1091 г. разыскивали мощи св. Феодосия, так как братия Печерского монастыря не знала места, где он был положен.

Долго копали в разных направлениях, но никак не могли найти и решили, наконец, ударить в било, и «егда удариша в било, видеста три столпа ако дугы зарны, и стоявше придоша над верх церкви, идеже положен бысть Феодосий»²⁴⁵.

В Хутынском монастыре 1470 г., перед покорением Новгорода Иоанном III, Херсонские колокола²⁴⁶ не трогались с места, когда их хотели перевезти из одного города в другой, и сами собой издавали печальный звук. Звон Троице-Сергиевских колоколов дважды заставлял литовцев прекращать осаду монастыря.

Летописец рассказывает, что: «Князь Александр (Васильевич Суздальский) из Володимера Вечный колокол св. Богородицы возил в Суждаль, и колокол не начал звонити, яко же был в Володимере; и виде Александр, яко сгрубил св. Богородицы, и повем его паки везти в Володимер, и поставиша его в свое место и паки бысть глас, яко же и прежде богоугоден»²⁴⁷.

В известной легенде о «Великом Китеже» говорится, что до сих пор в глубине озера можно видеть церкви Божии, монастыри и ясно слышать звон колоколов.

В селе Ратьмир, Коломенского уезда, рассказывают, что в прежние времена произошел провал, поглотивший церковь вместе с колокольней. На этом месте теперь болото. Только недавно, по рассказам стариков, перестал слышаться из этого болота звон прежнего колокола.

Предание о провале должно принадлежать самой глубокой древности, ибо один из нынешних колоколов этого села старше многих московских. На нем вылиты крокодилы и единороги, а кругом, пониже ушей, сохранилась следующая надпись: «Лета 7065 [1557], Марта 12, на память преподобнаго отца нашего Феофана, при державе Царства Великого Князя Ивана Васильевича Всея Руси, и при Архиепископе Пимине Великаго Нова-города и Пскова, а лил колокол Иорь Иульян».

Иванчин-Писарев при описании этого колокола говорит: «Эта надпись выводит загадку о прежней значительности села Ратьмира, о соотношениях его с Новгородом и о судьбе колокола».

Не увезен ли был этот колокол в 1570 году вместе с несколькими новгородцами царем Иоанном 4, по совершении им губительного путешествия в этот город и его область, которых храмы были им обобраны? История повествует о снятии им колоколов. Тогда и означенный святитель сделался жертвою царского гнева. Не принадлежал ли тогда Ратьмир одному из важных опричников, и этот новгородский благовестник не был ли даром Иоанна? Он пережил несколько здешних деревянных колоколен: последняя построена вместе с храмом в 1779 году»²⁴⁸.

Эти соображения о судьбе колокола кажутся нам довольно сомнительными, так как до покорения Новгорода имя Иоанна Васильевича никогда не ставилось на новгородских колоколах²⁴⁹.

Из летописи Раифской пустыни в Казани видно, что еще и прежде водворения в ней отшельников происходили некоторые чудеса. Некто из братии, выходя однажды из кельи, увидел благословляющую из светлого облака руку, другие слышали звон колокольный!

Известный исследователь, архимандрит Леонид, рассказывает о чрезвычайном происшествии в Цареконстантиновом монастыре!²⁵⁰

Наместник Зосима консистористам объявил следующее, «Сегоде 9 числа, в отдачу ночных часов, по утру, реченного Царя-Константинов монастыря служители Иван, Яков, Лев, Яков Степанов, Иван Фролов, пришед к нему Зосиме в келью, объявили ему словесно: как-де шли они из домов своих к нему настоятелю в келью, по званию его, за монастырскими нуждами и по входе ко вратам монастырским послышали колокольный звук и, остановясь, стали слушать, откуда он происходит, понеже-де в том монастыре и в приходской в селе Добром, состоящей близ того монастыря церкви, такого звона не имеетя.

И вошед на той монастырь, услышали в самых святых вратах колокольный звук, якобы в разные колокола с перебором толстых и тонких голосов произносится.

По которому их объявлению он наместник призвал того монастыря иеромонаха Иннокентия и монаха Мартирия, во святых врата ходили и оной созвук слышали, который в тех святых вратах из-под земли явственно, яко-бы больших и малых колоколов перебором слышан был с великим звуком, на который звук уведомясь о том друг от друга приходили к тем святым вратам, как и в учрежденной в часы монастыре следственной комиссии обретающиеся у правления дел писцы и караульные, и того монастыря служители и вотчины онаго монастыря упоминаемого села Доброго священник Степан Петров, и того села староста и сотский со многими крестьяны, тот звук, происходящий в святых монастырских вратах, явственно слышали.

А потом, по данному от него Зосимы известию, приехали в тот монастырь имеющиеся в реченной комиссии в присутствии Владимирской семинарии учитель, Богородицкого монастыря настоятель Палладий, Боголюбова монастыря иеромонах Варлаам, и тот звук, якобы от колокол происходящий во святых вратах подлинно слышали, которой звон с великим звуком и в тех святых воротах с малого, например через четверть часа, а иногда и менее, перемежкою продолжался слыхом с самого утра даже до вечерняго в том монастыре благовеста.

И оную удивительную и никогда в том монастыре неслыханную оказию видя и слыша, он наместник велел написать о том доношение и заруча послал для подания о подлинном того свидетельствовании в духовную его преосвященства консисторию онаго же монастыря со служителем Терентьем Ивановым.

А как-де начали в том монастыре к вечерне благовестить, то оный во святых вратах звук прекратился до прибытия в тот Царя-Константинов монастырь, упоминаемых в консистории присутствующих, за полчаса или менее и никому приходящим того звука стало уже не слышно. К подлинной записке наместник иеромонах Зосима руку приложил»²⁵¹.

На Западе, особенно в католических странах, колоколам часто приписывали силу прогонять бесов и даже болезни. На большом колоколе в Женеве находится следующая надпись: «Pestem fugo pello daemones». В Женеве же в церкви St. Gervais на колоколе 1493 года помещена такая же надпись, с некоторыми изменениями: «Хвалю и призываю Бога! Оплакиваю мертвых. Тушу пожары. Обращаю в бегство демонов».

В прежнее время некоторые ученые занимались вопросом, производят ли колокольные звоны, подобно звону Авиньонскому или Кельнскому, т.е. звону тысячи колоколов одновременно на небольшом пространстве, какое-либо действие на больных во время заразных эпидемий.

Легенда о «глухом колоколе»

В нашем народе сохранилась любопытная легенда о «глухом колоколе».

В далекие, прежние времена жил человек один, именем Власий. Не любил народ этого Власия, – крутого нрава был человек. Никому пощады не давал, кто по нужде попадал в его руки. Большие богатства имел он, а все ему было мало. Так и норовил, как бы лишнюю копейку сорвать с бедного человека. Многих разорил он на своем веку, многих пустил по миру.

Время шло, стариться начал Власий, спина колесом согнулась, ноги трясутся, глаза плохо видеть стали.

Повстречал однажды Власий странного человека, что шел с котомочкой за плечами по святым местам.

Остановил его Власий и говорит:

– Помолился бы за меня, странничек, у святых угодников, чтобы из меня хворь вышла, вот тебе грошик, помолись, батюшка.

– Но странный человек не взял денег:

– Помолиться я за тебя помолюсь, а денег мне твоих не надо... Кровь и слезы на них, на деньгах-то этих...

Рассердился Власий.

– Никакой, – говорит, – на них крови нету, деньги, как деньги; а не хочешь брать, не надо, нам больше останется...

– То-то, что много, – отвечает странник, – ишь от тяжести их всю спину тебе скрючило, верно тяжело носить такие богатства, не под силу... с другим бы поделился, глядишь и легче станет.

Сказал это странный человек и ушел, а Василий крепко задумался над его словами.

«А может и в самом деле, – думал он, – полегчает, коли я сделаю доброе дело».

А в это время в селе новая церковь строилась. «Пожертвую я в эту церковь новый колокол, – решил Власий, – дело святое, Божье, глядишь, и легче станет, да и народ спасибо скажет».

Думал, думал Власий: хочет колокол повесить, да денег жаль. А хворь все сильнее развивается в нем.

– Может полегчает, пожертвую, – и заказал большой колокол, а на нем надпись велел сделать, что пожертвован он во славу Божию таким-то.

Отлили колокол, привезли, повесили. Власий ходит, на народ самодовольно поглядывает – смотрите, мол, каков я есть, ваш благодетель!

Как все было готово, пошел на колокольню пономарь, стал язык раскачивать, а народ стоит вокруг колокольни и ждет первого удара.

Долго раскачивал пономарь язык, наконец ударил, а звука не вышло, а так, не то стон, не то хрип какой-то...

Дивится народ, что, мол, за притча такая? Побагровел Власий, сам полез на колокольню.

– Пономарь-то, – говорит, – видно никуда не годится: ни силы у него нет, ни уменя.

Сам начал раскачивать, ударяет, а звука нет...

Отыскался в толпе дюжий парень, силища такая, что смотреть страшно, один нагруженный воз из грязи вытаскивал.

– Дайте, православные, я ударю; авось, у меня силы хватит...

Пустили его на колокольню. Живо раскачался язык, ударил, но молчит колокол, только так хрип один несется...

Стал народ молебны служить, но не хочет звонить колокол.

Призадумался Власий. Опять повстречал того же странника и говорит ему:

– Скажи ты мне, странный человек, что за притча такая, сделал я Божье дело, повесил колокол, а не звонит он.

Посмотрел странный человек прямо в глаза Власию и говорит:

– И не будет звонить!..

– Почему?

– На несправедные деньги сделан он... Но слушай, власий, научу я тебя, как заставить звонить колокол... только дорого это будет тебе стоить...

– Ничего не пожалею я, – отвечает Власий, – чтобы зазвонил оон, на людей мне смотреть зазорно... Говори, сколько будет стоить...

Взял странник Власия за руку и говорит ему:

– Много ты горя сделал бедному люду, многих разорил, никого ты не щадил: ни старого, ни малого, ни больного, ни увечного; много слез пролито по твоей вине... Слушай, ты еще можешь загладить вину свою великую. Раздай свои богатства тем, кого ты обездолил и хворь твоя пройдет, и колокол зазвонит, и помирать легче будет...

Потупился Власий, стоит трясется, а странник продолжает:

– Раздай, Власий, пока не поздно, все равно в могилу с собой не возьмешь... Раздай, говорю тебе...

Заплакал Власий, упал на колени перед странником:

– Спасибо тебе, Божий человек, что просветил меня... пойдём!

Собрал Власий народ возле церкви, перекрестился, поклонился на четыре стороны и говорит:

–Простите меня, православные, что столько лет грабил вас; берите все мои богатства, ничего мне не нужно; пойду я в монастырь Божий замаливать свои грехи великие...

– Бог тебе простит, – кричит народ.

А странник говорит:

– Служите, православные, молебн, да бейте в колокол!

И случилось чудо великое. Едва коснулся железный язык колокола, вместо прежнего глухого стона пронеслись могучие раскаты благовеста.

Широкой волной разливается блавест... Весь народ, как один человек, опустился на колени и плачет и крестится...

И начал с той поры звонить этот колокол во славу Божью, а Власий ушел в далекий монастырь, где и сложил свои старые кости.

Надписи на колоколах

Надписи на древних колоколах в России составляют богатый материал для русской эпиграфики и истории; между ними встречаются не одни церковно-славянские, но и на латинском, голландском старонемецком языках, свидетельствующие об иностранном происхождении колоколов.

В Симоновом монастыре (в Москве) хранится так называемая *Кормовая* книга, где между прочим сказано: «В лето 7069 (1561) Государь Царь Иван Васильевич пожаловал дать на Симонов монастырь колокол *Англинская* земли по Великом Князе Константине иноке Кассиане, а весу в нем 33 пуда, а круг колокола слова немецкие»²⁵².

В церкви Св. Архангелов в селении Лафсхали в Сванетии²⁵³ находится колокол с первыми словами латинской молитвы: «Ave Maria». Как он попал сюда остается загадкой.

На гауптвахте у Красного крыльца в Московском Кремле висит колокол голландской работы. Колокол этот около пол-аршина вышины, ушко в виде двух орлиных голов, врозь клювами; на самом колоколе две каймы чрезвычайно тонко и изящно исполненного мелкого узора, в верхней части каймы виноградная лоза и гений со свирелями, в нижней – виноградная лоза и головы ангелов с длинными крыльями. На колоколе четкая надпись, отличной, как и сам колокол, сохранности: «+С: NOORDEN. ETJ: A: DE GRAV: ME FECER: AMSTMELODAM: A 1702» (т.е. К. Норден и И.А. де Граве сделали меня. Амстердам, г. 1702).

Тип букв – эльзивир²⁵⁴. Язык у колокола – с отбитым концом, довольно груб, и, по-видимому, взят от другого колокола²⁵⁵.

На древнем соборе Покрова Пресвятой Богородицы, в селе Покровском (бывшем Рубцове), на колоколах находятся следующие чрезвычайно любопытные надписи.

На большом: «1742 году апреля 22 дня вылит сей колокол в царствующем граде Москве при державе Благочестивейшей и Самодержавнейшей Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской в первое лето вступления престола ея, в село Покровское к соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы милостивым Ея Императорского Величества Указом; весу в нем 138 пуд. 7 ф., лил сей колокол мастер Константин Михайлов Слизов». На поверхности колокола изображен Спаситель с двумя ангелами по бокам и двуглавый орел с поднятыми крыльями, в середине его, вместо всадника, портрет Императрицы Елисаветы Петровны. Вокруг орла следующие буквы: «Б.М.Д.Р.Е.С.В.П.И.В.В.».

На втором колоколе: «Покрову в село Рупцово Сентября в 14 день».

На третьем: «Божиею милостию, повелением Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руссии и благословением отца ево Государя Светейшаго Патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси и по обещанию великие Государыне иноки Марфы Ивановны слит колокол Покрову Пресвятыя Богородицы в село Рупцово лета 1637 году Сентября в 14 день».

На четвертом: Me fesit Amsterodami, anno 1641. Assuerus Koster, т.е. «Меня сделал в Амстердаме 1641 года Асвер Костер». На поверхности двуглавый орел, с опущенными вниз крыльями, с коронами на головах и со всадником; между голов изображение креста; в когтях нет ни державы, ни скипетра.

На пятом: «Божиею милостию повеленьем Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руссии и по благословию Великаго Государя Светейшаго Патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси и по обещанию Великие Государыни иноки Марфы Ивановны слит колокол к храму Покрова Пресвятыя Богородицы в село Рупцово лета 1627 Сентября в 14 день мастер Филипп Григорьев»²⁵⁶.

Такие же в высшей степени любопытные надписи мы находим на колоколах церкви Св. Николая Чудотворца у Красных Колоколов в Китай-городе в Москве. Одно название этой церкви показывает, что в старину она славилась своими колоколами или красным звоном. Между ними особенно замечателен полиелей: на стенах его отлиты в клеймах три лилии с буквами Е. Т. и сбивчивая надпись: «Espor en tout... de ce cloche es Chenaem st tas en fraci»²⁵⁷. Неизвестно, когда и откуда поступил в церковь этот колокол.

Но известно, что во время счастливой войны царя Алексея Михайловича с Польшей, во многие города России и даже в Сибирь были посланы вместе с поляками и литовцами и пленные колокола²⁵⁸.

Существует предание, что церковь эта называется так потому, что все колокола ее были выкрашены красной краской, но это едва ли правдоподобно, так как относительно этого нет никаких летописных указаний.

Гораздо вернее предположение, что название свое она получила от *красного* звона, т.е. веселого, хорошего. В церковном уставе звон на святой неделе и от Фоминой до недели всех святых во все колокола, без большого, именуется *красным*.

Иногда на колоколах отливались надписи, буквы которых были расположены таким образом, что их прочесть мог только тот, кто владел ключом этого криптографического или тайного письма.

К числу колоколов с такими тайными надписями принадлежит знаменитый колокол Саввино-Сторожевского монастыря. Он отлит мастером Григорьевым в 1667 г. 15 сентября, весит 2.425 пуд[ов] 30 фун[тов]. Кроме превосходного звука он замечателен и по двум надписям, из которых верхняя состоит из шести строк, окружающих колокол и отлитых старинным русским письмом, ясно сохранившимся до сих пор. В ней упомянуты все особы царского семейства с полным их титулом и вселенские патриархи: Александрийский, Антиохийский и Московский.

Вот эта надпись: «Бога Всемогущаго, в Троице славимаго, всех благ дателя, милостию, Пресвятые Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии помощию, святаго Саввы чудотворца молением, повелением христолюбиваго монарха, великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца в 23 лето Богохранимыя его державы, при его государевой благочестивой царице и великой княгине Марии Ильиничне и царскаго его величества при благороднейших царевичах: благоверном царевиче и великом князе Алексие Алексиевиче, благоверном царевиче и великом князе Федоре Алексиевиче, благоверном царевиче и великом князе Симеоне Алексиевиче, благоверном царевиче и великом князе Иоанне Алексиевиче, и при благоверных его царскаго величества сестрах: благоверной царевне и великой княжне Ирине Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Анне Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Татиане Михайловне, и его царскаго величества при благородных дщерях: благоверной царевне и великой княжне Евдокие Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Марфе Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Софии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Екатерине Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Марии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Феодосии Алексиевне и при Святейших Вселенских архиерарсех, Паисии Папе и патриархе Александрийском Макарии, патриархе Антиохийском, Иосафе патриархе Московском и всея России, слит сей колокол в Пречестную Пресвятяя Богородицы, Честнаго и Славнаго Ея Рождества и Преподобнаго, Чудес источника, Саввы Сторожевскаго обитель, в той же досточудней Святей Лавре, в лето от сотворения света 7176, а от воплощения едиnorodнаго Божьяго Слова 1667 месяца сентября в 25 день, весу в нем 2125 пуд, 30 гривенок. Лил мастер Александр Григорьев».

Другая же, нижняя надпись, окружающая колокол тремя строками, состоит, как было сказано выше, из криптографического или «тайного» письма, употреблявшегося у нас в

17 столетии в дипломатических переписках, а иногда для записывания более или менее важных предметов, которые хотели скрыть от современников и сохранить для потомства. В этом письме буквы с первого взгляда кажутся славянскими, но между тем, каждая из них до того изменена какою-нибудь чертою, точками или другими знаками, что делается совершенно непонятною; в этих чисто русских иероглифах значение имеют особенные титла²⁵⁹.

Эта надпись состоит, как мы видим из приложенного рисунка, из 425 знаков; из числа их некоторые повторяются и имеют сходство между собой, но последние 85 знаков совершенно не сходны с первыми и имеют особенную форму.

Все это страшно затрудняло прочесть ее. Криптографическая надпись с этого колокола в первый раз была списана историком Миллером и напечатана библиотекарем Академии Наук Бакмейстером, но оставалась неразобранною до 1822 года.

В том же, 1822 году, занялся чтением ее князь П.И.Л.²⁶⁰; штаб-ротмистр Скуридин разобрал ее еще более, а А.И. Ермолаев прочел ее всю. Вот ее содержание: «Изволением прееблагого и прещедраго Бога нашего, и заступлением милостивыя заступницы пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и за молитв отца нашего и милостиваго заступника преподобнаго Саввы чудотворца, и по обещанию, и по повелению раба Христова, царя Алексея, и от любви своея душевныя, и от сердечнаго желания, слит сей колокол в доме Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рождества и великаго и преподобнаго отца нашего Саввы Чудотворца, что в Звенигороде, нарицаемый Сторожевский»²⁶¹.

Кроме этого колокола на колокольне были три колокола, слитые на иждивение царя Михаила Феодоровича, два в 1620, третий в 1636 году, но один из них перелит в 1677 году²⁶², два другие в 1831 году. В последних весу: в одном 261 пуд, в другом 125 пуд[ов]. Колокол, называемый Кесарийским, вылит в 1792 году и весит 41 пуд. В верхнем ярусе колокольни устроены большие боевые часы, польской работы, привезенные царем Алексием Михайловичем из Смоленска и подаренные им в монастырь. На часовом колоколе следующая надпись: «Kylianus Wegewart me fecit Campis. Anno 1636, si Deus pro nobis, quis contra nos?»^{263 264}.

На колокольне церкви Св. Федора Стратилата в Новгороде находится колокол иностранного литья с латинскими надписями около ушей: «Soli Deo Gloria. Anno 1680. Gloria inexcelsis Deo. Me fundebat NOI MIAC». Вокруг [тулова] этого колокола криптографическая надпись, по-видимому голландская, до сих пор неразобранная²⁶⁵.

б.	ⲃ	Ⲕ	ⲕ	ⲛ
в.	Ⲅ	ⲕ ⲕ	Ⲍ	ⲛⲛⲛⲛ
г.	ⲅ	ⲌⲌⲌ	ⲍ	ⲏ
д.	Ⲇ	ⲍ ⲍ	Ⲏ Ⲏ ⲏ	Ⲑ ⲑ
ж.			ⲏ	Ⲓ
з.	ⲇ Ⲉ	ⲏ Ⲑ		
к.		ⲑ		ⲓ
л.	ⲉ	ⲑ ⲑ	Ⲓ Ⲓ	Ⲕ ⲕ
м.	Ⲇ ⲇ	ⲏ ⲏⲏ		ⲑⲑⲑ
н.	Ⲉ ⲉ	ⲏ ⲏ	ⲑ ⲑ	ⲓ Ⲕ
п.	ⲉ	ⲏ	ⲑ ⲑ	ⲓ
р.	Ⲇ	ⲇ ⲇ	ⲑ	Ⲓ
с.	Ⲉ ⲉ ⲁ Ⲃ	ⲏ Ⲑ	ⲑ Ⲓ	ⲓ Ⲕ ⲕ
т.	Ⲇ	ⲏⲏⲏⲏⲏ	ⲑ	Ⲓ
х.			ⲑ	
ц.	Ⲇ	ⲏ ⲏ	ⲑ	ⲓ Ⲕ ⲕ
ч.	Ⲇ	ⲇ	ⲑ	ⲓ Ⲕ ⲕ
ш.	Ⲇ	ⲇ	ⲑ	ⲓ Ⲕ ⲕ

а.	ⲉ ⲇ	ⲇ ⲇ ⲇ	ⲉ ⲏ ⲏ ⲏ	ⲑ ⲑ
е.	ⲏ ⲏ	ⲑ	ⲏ ⲏ	ⲑ ⲑ ⲑ
ї.	ⲉ	ⲇ ⲇ ⲇ	ⲉ	ⲑ
о.	ⲉ ⲑ	ⲏ ⲑ	ⲏ ⲏ ⲏ ⲏ	ⲑ ⲇ ⲇ
у.	ⲑ ⲑ	ⲑ ⲑ	ⲑ	
ю.			ⲏ ⲏ ⲏ	
ѧ.	ⲇ		ⲏ	ⲏ ⲏ
Ѩ.	ⲏ ⲏ	ⲑ	ⲑ	ⲏ ⲏ
ѩ.			ⲏ ⲏ	
Ѫ.	ⲏ	ⲑ	ⲑ ⲑ	ⲑ
ѫ.			ⲏ ⲏ	
Ѭ.	ⲏ	ⲑ	ⲑ ⲑ	ⲑ
ѭ.			ⲏ ⲏ (?).	

Ключ к тайнописи на колоколе Саввино-Сторожевского монастыря

Часто на колоколах ставились и до сих пор ставятся имена их жертвователей или тех, по чьей инициативе они отлиты. Так, например, на одном из колоколов церкви Иоанна Предтечи в Новгороде мы находим следующую надпись: «1774 года гевваря 17 дня вылит сей колокол на церкви в соборе Рождества Иоанна Предтечи, что на Опоках, тщанием доброхотных дателей и усердием тоя церкви священника Тимофея Васильева и того мастера Алексея Никитина, весу 62 п. 5 ф.»²⁶⁶

В Лубенском уезде сел. Исачек есть Троицкая церковь, каменная, основана в 1801 г., окончена в 1808 году помещиком Иваном Андреевым Новицким и сестрою его Ириной Андреевой Хорват; из церковных вещей сохранились: шесть колоколов, старинной отливки, и у трех приделаны оси для коромысла, употреблявшегося при звоне посредством раскачивания колокола (способ католический)²⁶⁷.

На одном из колоколов отлиты изображения Богоматери «Нерушимая Стена» и Преображения Господня, а также следующая надпись: «1735 Апреля 10 отлился звон сей до обители Красногорской Чернуской до храму святых и живоначальния Троицы, коштом честнаго отца Герасима Соколика за отпущение грехов. А весу в нем 11 п. 22 ф.» На другом отлиты изображения Благовещения Пресв. Девы, Св. Николая и надпись: «1758 року»²⁶⁸.

В городе Ромне в церкви Вознесения Господня сохранился замечательный колокол, пожертвованный, как видно из надписи на нем, «паном Филиппом Бунтеем 30-го июня 1732 года»²⁶⁹.

В Спасопреображенском монастыре в Старой Русе на большом праздничном колоколе находится следующая надпись: «Лета 7200 (1692) года вылит сей колокол, при державе великих государей благоверных царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцев. Февраля во 2-й день дал сей колокол вкладом в монастырь Всемилостивейшаго Спаса, что в Старой Русс, крестнаго монастыря архимандрит Иосиф, да келейной его старец Макарей, по своей душе и по своих родителей в вечной поминак, весом 120 пуд. 8 ф.». Внизу колокола подпись: «Лил сей колокол мастер Моторин».

Кроме большого, здесь находятся еще семь колоколов: первый – полиелейный, около пятидесяти пудов, на котором значится: «Лил сей колокол мастер Михаил Мотора»²⁷⁰, второй – вседневный с подписью: «1780 года ноября 22 дня, сей колокол города Старой Русы бывшего Кречева монастыря церкви преподобнаго отца Сергия Радонежскаго Чудотворца тщанием священника Иоанна, подаянем мирских людей. Весу 15 пуд. 16 фун.».

На остальных зазвонных находятся следующие надписи, на одном: «Сей колокол города Старой Русы бывшего Кречева монастыря церкви преподобнаго отца нашего Сергия, Радонежскаго Чудотворца. Весу 4 пуд. 4 фун. 1778 г.», и на другом: «Лета 7109 (1601) г. марта слит был сий колокол при благоверном царе великом князе Борисе Федоровиче всея Руси». Внизу подпись: «В Старую Русу к Богоявлению Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на Остров...», далее надпись разобрать не представляется возможности²⁷¹.

В той же Старой Русе, с упраздненной за ветхостью колокольни снят колокол со следующей надписью: «Лета 7186 (1678) г. августа во 2-й день, вылит колокол сей в Старой Русе в Спасский монастырь, при настоящей власти тоя обители при игумене Иосифе»²⁷².

Судя по надписям, сохранившимся на колоколах, можно еще предположить, что в рязской²⁷³ церкви Благовещения усердствовали царственные особы и местное тогдашнее духовенство. Так, на древнем колоколе надписано: «Тояж соборной церкви протопопа Григория Иванова, весу 27 пуд, а перелит в 1769 году августа 1 дня степенным Сафоном Ушаковым, а ныне 27 пуд 25 фун.» – А на другом, меньшем колоколе, такая надпись: «Лета 7184 марта в 19 день по указу государя царя и великаго князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца дан колокол рязской церкви Благовещения пресвятыя Богородицы по челобитью»²⁷⁴.

Новгородские колокола

На колокольне, построенной в 16 веке, Св. Великомученика Никиты в Новгороде замечательны пять колоколов с одинаковой надписью: «Сей колокол дал к церкви Андрея Первозванного Щитной улицы торговый посадский человек Григорий Сильверстов лета 7206 (1698)».

Кроме того, на двух из них следующие латинские надписи: I – «1643. Gloria in excelsis Deo» и II – «Anno Domini 1673»²⁷⁵.

В том же Новгороде на колокольне церкви Св. Архистратига Михаила на Торговой стороне замечателен колокол 16 века с подписью: «+ и христолюбиваго царя и государя великаго князя Феодора Ивановича всея Руси и благоверной царице и великой княгине Ирине».

Из этой неполной надписи на колоколе видно, что вместе с ним лит был другой колокол, которого теперь нет.

Здесь же находятся два колокола 17 века. Из них один без ушей с надписью: «159 (1651) марта 7 дал сей колокол Благовещению Богородице Михаилу Архангелу Василей Степанов по своим родителей в Великий Новгород». На другом колоколе надпись: «В лето 7200 (1692) купил сий колокол в Великий Новгород к церкви всемилостиваго Спаса и пресвятыя Богородицы Благовещению и Воздвижению Честнаго Креста и Архангела Михаила на Михайлову улицу Дому Премудрости Божии приказной Андрей Богданов Сназин в вечное поминование о себе и родителей своих. Весу в нем 42 пуда и 2 фунта».

В Антониевом монастыре в Новгороде сохранился замечательный колокол в 165 пудов, слитый по повелению царя Ивана Грозного в 1573 году. Очевидно, Иван Грозный, разорив Новгород и обитель преподобного Антония, впоследствии сожалел об этом, так как он вернул все драгоценные сосуды, взятые из монастыря и приказал отлить названный выше колокол.

В этом же монастыре на паперти собора находится небольшой колокол в 1 пуд 10 фунт[ов], считаемый современным преподобному Антонию.

Далее, в Новгородских церквях находятся следующие колокола:

В церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Десятинном женском монастыре в третьем этаже висят девять небольших колоколов, но древних из них, судя по надписям, нет. Из них третий колокол, в 15 пудов, лит 1754 году, и большой, в 60 пудов, лит 1838 году на вечное поминование о. архимандрита Фотия.

В церкви святых мучеников Флора и Лавра на Софийской стороне на третьем ярусе в пролетах 6 колоколов небольшой величины, из коих один времен Петра Великого и лит по его повелению.

Недалеко от Николо-Дворищенского собора стоит к западу сажень в 8 колокольня. Она построена в конце 17 века. В верхней части ее шесть просветов, в коих шесть колоколов. Из колоколов только один 1686 года с надписью, из св. писания о сотворении Моисеем труб кованых и серебряных и употреблении их во время новомесячий.

Почти рядом с колокольней к северу невысокая башня, известная под именем Ярославовой вечевой. На ней находился будто бы вечевой колокол, взятый 15 января 1478 года в Москву. (Хранящийся ныне в московском Арсенале вечевой колокол перелит из прежнего в 1714 году, как свидетельствует о том сделанная на нем надпись.)

Недалеко от церкви св. великомученика Димитрия Солунского на юге устроена в 1691 году каменная колокольня в роде круглой [в]осьмигранной башни, в два яруса с 6 пролетами. Всех на ней колоколов 9. Из них один в 76 пудов лит 1735 года в сибирских Невьяновских заводах Демидова, другой в 12 пуд[ов] 14 фунтов 1667 года, третий в 2

пуда 8 фунтов 1627 года; четвертый в 4 пуда 1779 года с нерусской надписью; на прочих надписей не имеется, кроме колокола в 44 пуда, что лил его мастер Филипп Андреев.

На колокольне церкви святого пророка Илии на торговой стороне колоколов всего семь разной величины. На четырех колоколах имеется надпись, что они вылиты в 1697 году после пожара из старых колоколов.

К западной стороне трапезы Борисоглебской церкви пристроена колокольня каменная четвероугольная в три яруса. На верхнем ее ярусе в четырех пролетах находится пять разной величины колоколов, из коих большой с русской надписью 1705 года, а самый меньший в один пуд с латинской надписью: «Gloria in Exselsis Deo. Anno 1636».

На восточной стороне от Троицкого собора над св. воротами устроена 1805 года колокольня в три яруса в 19 саж[еней] вышины. Из 9 находящихся на ней колоколов более древние: два с русскими надписями 1531 года, один с немецкою 1647 года и вместе с русской 1654 года, а прочие два с надписями (без года) и прошлого века.

На западном углу от Богословской церкви в конце настоятельских келий устроена круглая колокольня с 8 колоколами. Из древних колоколов один большой 1627 года, два малые гораздо более древние, но без надписей»²⁷⁶.

В Воскресенской церкви на Мячине колокол с надписью: «Лета 7177 (1669) года марта 12 дня выменен колокол в Великом Новгороде при благоверном государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси к Воскресению Христову».

Здесь же сохранились два колокола с одинаковою вылитой надписью на латинском языке по верхней части их: «M. Kordt Kleiman me fesisit». Другая одинаковая русская надпись на них вырезана внизу кругом: «Лета 7155 (1647) года марта 1 дня при благоверном государе царе и в. князе Алексее Михайловиче всея Великия и Малыя России самодержца дали сии три колокола Великаго Новгорода церкви Всемилоствяго Спаса Нерукотворенному образу у Новинских ворот... Бога молить, а по смерти за их души поминать, доколе сей св. церкви Бог благоволит по вере христиан стояти, а прием подписан в 1776 (1669) году мая 1 дня».

В Перекомском монастыре колокол с надписью: «В лето 7189 (1681) году дал сей колокол в Новгородской уезд в Николаевской Перекомской монастырь Роман Федорович Боборыкин по себе и по родителех».

В Никитинской церкви на пяти колоколах находится следующая одинаковая надпись: «Сей колокол дал к церкви Андрея Первозванного Щитной улицы торговой посадской человек Григорий Сильверстов лета 7206 (1698) апреля в день». На двух колоколах год вылит 7206, а на трех 7205 (1697) и месяца марта в 25 день. В Феодоровской церкви на двух колоколах одинаковая надпись: «71205 (1697) марта в 4 день вылит сей колокол в Великий Новград к церкви великомученику Феодору Стратилату на Торговую сторону, весу в нем 41 пуд 12 фунтов». На другом колоколе вес написан: «12 пуд. 9 фунт.».

В Ильинской церкви, на трех колоколах одинаковая надпись: «Лета 7205 (1697) марта в 1 день, сей колокол В. Новаграда церкви св. Пророка Илии Славной улицы, а вылит после пожара из старых колоколов тяж церкви. Лил сей колокол мастер Иван Матвеев».

К 17 веку относятся два колокола в Успенской Колмовской церкви, литые при царе Василии Иоанновиче Шуйском и Новгородском митрополите Исидоре (1606–1610).

В Вяжицком монастыре большой колокол с надписью: «Божьей милостью, повелением благовернаго христоролюбиваго государя царя и в. князя Михаила Феодоровича всея Руси, и по благословению отца его государева, великаго государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси, слит сей колокол в Новгородской уезд в некончаемый дом великому чудотворцу Николе в Вяжицкой

монастырь при игумене Варламе еже о Христе с братиею, лета 7135 (1627) года месяца мая в 22 день; мастер Дмитрий (правильно – Данила²⁷⁷) Матвеев».

На колокольне Софийского собора три колокола ХУП века. На одном из них надпись: «Лета 7145 (1637) февраля в 25 день дала сей колокол Ивана Афонасева сына Юдина жена Ксения Федорова дочь о сыне своем Григории в обитель Пречистыя Богородицы Введению девичь монастыря на Тифину в вечный помянок по их родителех; а тот колокол не продать, не заложить».

На другом большом колоколе надпись: «Божией милостью и великих новгородских чудотворцев молитвами перелит бысть сий колокол в Богоспасаемом В. Новеграде к соборной и апостольской церкви святыя Софии, еже есть Премудрости Божии в лето 7168 (1659) месяца октября в 20 день царства благоверного и христоролюбиваго и великаго государя царя и в. князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя России самодержца и при его благоверной и христоролюбивой царице великой княгине Марье Ильинични и при его великаго государя сыне благоверном царевиче князе Алексее Алексеевиче всея Великия и Малыя и Белья Росии и при святейшем Никоне патриархе Московском и всея Руси, повелением смиреннаго Макария Божию милостию митрополита В.Новограда и В.Лук, Христу Богу на вечную хвалу и славу, а любящим церковное собрание и молитву на многую душевную пользу, а перелит сей колокол софейской домовою казною, а весом 1614 пуд, а лил софейский домовою мастер Ермолай Васильев».

На третьем, вседневном, надпись: «Лета 7185 (1677) августа в 20 день в царство благочестивыя державы благовернаго и христоролюбиваго великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца о Святем же Дусе при отце его и богомольце святейшем Иоакиме патриархе Московском и всея Росии, тщанием же бысть сие дело смиреннаго Корнилия, Божию милостию митрополита В.Новограда и В.Лук, в честь же и хвалу славимому в Троице Единому Богу, а любящим благолепие на многую пользу, – излился сей благовестник в дому премудрости Божии домовою казною в триста пудов, а лили мастера Василий, Яков, Феодор Леонтьевы дети».

Через двадцать два года после построения нового светлого придела церкви Св. Филиппа на торговой стороне был слит в 1557 году колокол в 70 пудов, со следующей надписью: «В лето 7066 (1557) году ноября в 21 день милостию Божиею и Пречистыя Богородицы и всех святых молитвами слит бысть сий колокол в Богохранимый Великий Новгород к святым церквам – святому и всехвальному Апостолу Филиппу и великому чудотворцу Николу на пречестное Введение пречистой Богородицы, в царство благочестиваго царя и при преосвященном архиепископе Пимене Великаго Новграда и Пскова, повелением христоролюбивых раб Божиих православных христиан прихожан Житные улицы и Бардовы. А лил Иван да Филипп с Городища».

В деревне Шлагсдорф, близ Рацебурга, находится колокол, вылитый в Новгороде для церкви 40 мучеников в 1558 году, с надписью на нем: «Божией милостью и святых великомучеников 40, лета 7067 месяца сентября 2 день, святыи колокол слит в Великом Нове городе, святых 40 мучеников при великом царе Иване Васильевиче всея Руси, и при царевичех Иване и Феодоре, и при митрополите Макарье всея Руси и при архиепискупе Пимине Великаго Новограда и Пскова, повелением раб Божиих уличан 40 десятицаго прихода не многи, от мастер Власко да Юшко Поберешковы и Ян Дьячков».

В Успенской церкви упраздненного Колмова монастыря два колокола, литые при Иоанне 4²⁷⁸ и при Новгор[одском] архиепископе Макарии (1533–1542); а в Соф[ийском] соборе два колокола, литые в 1566 году, с одинаковою почти на них надписью: «Лета 7074 благоизволением Отца и поспешением Сына и совершением Святого Духа, а слеты быша два колокола сии святому Христову Вознесению на Прусскую улицу, при

благоверном цари и великом князи Иване Васильевиче и всея Руси рабе Божии Вознесенскаго прихода всех православных христиан Прусскаго Заполя, мастер Иван».

На втором колоколе надпись отличается по началу: «Помощию Христа Бога нашего», и по концу: «Повелением всех православных христиан Прусскаго, а мастер Иван с пасынком с Метею».

В Дух[ове] женском монастыре три колокола 16 века. Из них на первом колоколе надпись: «Лета 7076 (1568) слит бысть си колокол к Николе чудотворцу и святых Апостол Петра и Павла в монастырь на Остров, при царе Иване Васильевиче всея Руси, при игумене Трифоне, а мастер Дмитрий Кононов сын». На втором колоколе: «Лета 7095 (1587) г. марта в 30 день, при благоверном царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси, слит был си колокол к Симиону Богоприимцу, при архиепископе Александре В.Новограда и Пскова, при игумени Симиони с братиею Сплавского монастыря, при Христоролюбцах, которые милостину дах Федор, и всех милостину давших в колокол сей – старица Парасковья». На третьем колоколе: «Лета 7097 (1589) марта в 25 день при благочестивом царе и в. князе Федоре Ивановиче всея Руси самодержце, при его при благочестивой и великой царице и в. княгине Ирине, сей колокол поставил в В.Новогороде, в монастыре Сшествие Святаго Духа и Живоначальныя Святыя Троицы, конюшей боярин Борис Федорович Годунов». Здесь же находятся два колокола 1678 года с одинаковою надписью на них: Лета 7186 (1678) дал сей колокол в обитель Сшествие Пресвятаго и Животворящаго Духа вкладом по своему обещанию тояже честныя обители архимандрита Мисайла по своей души и по своих родственников к своему вкладу. А весом сий колокол полтора пуда и шесть гривенок». Вес на другом колоколе означен: «2 пуда и шесть гривенок».

В Хутынском монастыре три колокола конца 16 века. Из них один полиелейный с надписью: «Лета 7107 (1599) июня 1 дня, при государе царе и в. князе Борисе Федоровиче всея Руси самодержце и при святейшем патриархе Иове Московском и всея Руси и при преосвященном митрополите Варлааме В.Новограда и в. княжества в дар ко всемилостивому Спасу и преподобному Варлааму чудотворцу на Футыне – Тимофей Андреевич Хлопов во иноцех Тихон по себе да по своей семье Варсонофьи и по своих родителей денег в двести рублей, да его Павел да Мирон дали денег двести рублей и ту всю дачу на четыреста рублей слит колокол в двести пудов при игумене Аркадии и при келаре старце Варлааме, при казначеи священнике Варлааме и при яже о Христе братии Футын монастыря. Делал колокол пскович Василей Иванов да Афанасей Панкратьев да Иаким Иванов. Богу Совершителю. Аминь!». По краям колокола вылиты государственные гербы и разные животные. Другой небольшой колокол со следующей надписью: «Божиею милостию и помощию Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и молитвами преподобнаго Варлаама, вылит сей колокол в 7105 (1596) году сентября, при державе благовернаго и христоролюбиваго царя и государя Феодора Ивановича и всея Руси при преосвященном митрополите Варлааме Великаго Новограда». На третьем небольшом колоколе надпись показывает, что он лит «при царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси, при преосвященном митрополите Варлааме В.Новограда, при настоятеле игумене Аркадии и при келаре Парфении и при казначее Митрофане и всей же о Христе братии».

Вседневный колокол с надписью сверху и внизу: «Божиею милостию царя и государя всея Руси Владимирскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иных, при державе царства благоверных и христоролюбивых и великих князей Василя Ивановича и при его детех благоверных князех Иване и Георгии, слит сей колокол в лето 7041 (1532) месяца октоврии в 1 день на Покров Пресвятыя Богородицы во обитель Боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и его угодника чудотворца Варлаама игумена милостию святой Софии и неизреченныя Премудрости Божия

благословением архиепископа Великого Новаграда и Пскова владыки Макария, при наместнике великого князя Феодоре царевиче Мелех Даировичь и при князе Михаиле Васильевиче Горбатом, и богомолением Хутынского монастыря игумена Феодосья и всей яже о Христе братии, а мастер делал преименитого и славнаго града Пскова Андреев сын Михайлов Псковитин. Слава свершителю Богу, аминь».

Петрей, бывший в Новгороде в 17 столетии, пишет: «По всему городу несколько сотен церквей, монастырей и часовен, очень красиво построенных из дерева и камня, по русскому способу постройки. Колокольни большей частью обиты листовою, желтою и красною медью и позолочены ярким чистым золотом; на них несколько тысяч колоколов, больших и малых: самый большой принадлежит церкви Святой Софии»²⁷⁹.

* * *

В Переяславском Никитском монастыре существует две колокольни: одна – старая, при теплой Благовещенской церкви, а другая при святых воротах. О старой колокольне во вкладной книге написано так: «В лето 7078 (1570) Царь Иван Васильевич строил трапезу каменную с теплою церковью во имя Благовещения и с келарнею, и колокольницею каменною». В монастырской описи 1768 года о ней сказано так: «При трапезной церкви колокольня каменная построена из государственной казны, блаженныя памяти при государыне царице Марье Ильиничне в 7176 (1668) году».

По описи 1701 года были на этой колокольне боевые часы и 10 колоколов, в числе коих даже был колокол в 368 пудов. Теперь же, за построением новой колокольни нет ни колоколов, ни часов.

Новая колокольня построена над святыми воротами в 1818 году, при архимандрите Лаврентии. Ныне на колокольне 8 колоколов. Большой колокол (в 450 пудов) перелит в 1859 году из прежнего большого разбитого, в 350 пудов, с прибавлением 20-пудового колокола и медной посуды за 1421 р[убль] 50 коп[еек]. Другой колокол, в 52 п[уда] 15 ф[унтов]. Лит в 1716 году при игумене Иосифе; 3-й колокол, в 14 пудов 33 фунта, новый, 4-й (новый) около 10 пудов, 5 и 6 около 5 пудов, 7 и 8 около 4-х пудов. Во вкладной монастырской книге записаны также вклады колоколами: в 1619 году царь Михаил Федорович пожаловал 1 колокол повседневный; в 1690 году стольник Иван Релант колокол в 1000 рублей; в 1756 году архимандрит Нифонт привез из пустыни Толпыгиной 3 колокола небольшие. Были перелиты колокола: в 1715 году при Иосифе старый в 24 пуда 15 фунтов и другой в 4 пуда – и вылиты: один в 52 пуда 15 фунтов, а другой в 1 пуд и 3 фунта; в 1825 году перелит большой колокол из прежнего, литого в 1725 году²⁸⁰.

С западной стороны к древнему храму Гуслицкой обители примыкает колокольня однарусная, деревянная с конусообразной кровлей. Колоколами она не богата; находящиеся теперь на колокольне, числом шесть, все перенесены сюда вместе с церковью. В 1862 году Его Величеством государем императором Александром Николаевичем пожертвован сюда колокол со следующими надписями на нем: 1) «Лета 1860 года дарован сей колокол Благочестивейшим государем императором Александром Николаевичем, в Богохранимую Спасо-Преображенскую Гуслицкую обитель»; 2) «Отлит сей колокол из украшений в Петропавловском соборе при погребении тела в Бозе-почившей императрицы Александры Федоровны». Колокол сей, весом в 23 пуда, хотя и небольшой, имеет звук очень громкий и весьма нежный и приятный. Повешен он близ соборнаго храма на временной вновь устроенной колокольне²⁸¹.

Владимирские колокола

При Кафедральном Успенском соборе во Владимире Кляземском существует колокольня в 4 этажа. В третьем этаже, украшенном полуколоннами коринфского ордера, висят колокола. Из старой соборной описи видно, что прежде всех колоколов было 16, – ныне только девять.

Самый большой колокол в 500 пудов 8 фунтов слит в 1810 г. колокольных дел мастером костромским купцом Синцовым.

В 30 сажнях от собора, в западной стороне его, находились обширные квадратные ворота из белого камня с пространною в середине аркою, над которой находилась церковь во имя Свв. Иоакима и Анны. Впоследствии наложен был третий этаж для колоколов, оканчивающийся конусом.

Здесь-то, вероятно, находился древний Вечевой колокол Успенского храма, который звуком своим собирал верных граждан судить о делах важных. Суздальский князь Александр Васильевич, внук Андрея, старшего брата Александра Невского, перевез было этот колокол из Владимира в Суздаль, но, уstraшенный глухим звуком его, возвратил во Владимир.

В одной летописи ХУ века, между прочим, сказано: «Князь Александр из Володимеря Вечный колокол Св. Богородицы возил в Суждаль и колокол не почал звонити якоже был в Володимере; и виде Александр яко сгрубил св. Богородицы и повеле его паки везти во Володимер; и поставиша его в свое место и паки бысть глас якоже и прежде богоугоден»²⁸².

По описи 1665 года в Успенском женском монастыре в губернском городе Владимире значится устроенною на средства святейшего патриарха Иосифа колокольня и на ней три больших колокола благовестных и шесть зазвонных²⁸³. Но не долго эти «благовестные и зазвонные» колокола украшали новую колокольню, не долго и монашествующие наслаждались их звоном.

В 1700 году был получен указ перевесить все колокола и за подписью игумены Неонилы была отобрана расписка в числе и весе колоколов, копия с которой хранится в монастырском архиве: «1700 года декабря 26 дня во Владимире перед стольником Федором Алексеевичем Дедиковым Владимирскаго Успенскаго Девичьяго монастыря игуменья Неонила с сестрами показала по иноческому своему обещанию, что в том девичье монастыре десять колоколов: в первом колоколе семьдесят четыре пуда, в другом тридцать два пуда десять фунтов, в третьем тридцать пудов, в четвертом тридцать же пудов, в пятом двадцать три пуда, в шестом три пуда десять фунтов, в седьмом три пуда, в восьмом полтрети (1 ½) пуда²⁸⁴, в девятом один пуд, в десятом тридцать фунтов, а пушек у нас в монастыре нет никаких, а буде я игуменья с сестрами в сей своей сказке, что показала ложно и за лживую нашу сказку указал бы великий государь взять пеню, а пени что великий государь укажет, в том наша сказка».

Затем повелено было четвертую часть колоколов отвезти в Москву на Пушечный двор. В приеме их также имеется расписка. «1701 года февраля 28 дня. По указу великаго государя и царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца принято в его великаго Государя казну на пушечный двор в пушечное и мажерное литье города Владимира успенскаго Девича монастыря того монастыря у казеннаго подъячего у Гаврилы Моисеева колокольной меди четвертую часть: два колокола весом пятьдесят три пуда восемнадцать фунтов и в тех колоколах переходу три пуда двадцать фунтов с полфунтом и за ту переходую медь отдано ему Гаврилу с Пушечнаго двора колокол, весом три пуда двадцать фунтов с полфунтом. А принимали те колокола бурмистр Антип Иванов с товарищи. Стольник Тимофей Кудрявцев».

Таким образом, два колокола в 30 и 23 пуда были отобраны и перелиты на пушки, а на колокольне остались только два благовестных колокола в 74 пуда], в 32 п[уда] и 30 п[удов] и пять зазвонных²⁸⁵, в том числе один полученный взамен «перехожей меди» с Пушечного двора. В 1792 г. колокольня была разобрана, но надстроить новую не представлялось возможным, а потому нижний ярус был покрыт и здание обращено в палатку, а колокольня устроена вновь над входными воротами в 1796 г. при участии доброхотных дателей.

Сюда же были перенесены и часы, которые в пожаре 1855 г. сгорели и возобновлены не были, остался только ход на то место, где заводились часы.

Во время того же пожара многие колокола упали и дали трещины, а на возобновление их монастырь не имел никаких средств, так что игуменья Мария принуждена была обратиться к благотворителям со специальным воззванием. Из этого воззвания мы узнаем, что «пожаром повреждены самый большой и полиелейный колокол», из коих слит один большой колокол. В настоящее время на колокольне девять колоколов, из них семь вылиты и приобретены в 1870 году, а два малого размера остались от прежних времен.

На большом колоколе имеется следующая надпись: «Во Владимирский девичий Успенский монастырь по благословию Высокопреосвященнейшаго Антония архиепископа Владимирскаго и Суздальскаго усердием игумении Марии 1870 г. лит в Ярославле в заводе потомственного почетнаго гражданина первой гильдии купца Порфирия Оловянишникова».

На одном из малых колоколов сохранилась следующая надпись: «Лета 7075 апреля в 25 день слит сей колокол и в наколокольник в Великом Нове городе при державе всея Руския земли царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и Владимирском и Московском и Новгородском и Казанском и всея Можайския земли и града Юрьева и инех многих и при отце его и богомольце Филиппе митро полите всея Руси и при архиепископе Пимене Великаго Новаго града и постави сии три колокола Никифор Никитич Суцев по бабке по своей по Варваре Федоровне по Семеновой жене Васильевича Суцева, а во иноцех Варсонофия в дом Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа и Успения Пречистыя его Богоматери Володимерском уезде на колокольни на реки, а погребено бысть тело его в том же монастыре на память Ивана Лествице Списателя одесную церкви страну и подписал сей колокол Митя Иванов сын от Благовещения з Городища»²⁸⁶.

Казанские колокола

На колокольне Владимирского собора в Казани всего колоколов – девять. Из них: 1) Колокол, в коем весу 109 пудов и 37 ½ ф[унтов]. Лит мастером Иваном Ефимовым (Астраханцевым) в 1804 г. 11 марта при протопопе Василии Семеновиче. На колоколе вылита икона Владимирской Божьей Матери. За этот колокол, с прибавлением в него старого 64-пудового, отдано было казанскому купцу Ивану Ефимову Астраханцеву 450 рублей, собранных от доброхотных подателей; 2) Колокол в 62 пуд[а] 12 1/2 ф[унтов], на нем вылиты две иконы: Спасителя и св. Николая Чудотворца. Лит г. Разумовым в 1810 г., 15 февраля; 3) Колокол в 42 пуда 13 ф[унтов]. На нем икона Божьей Матери. Лит в 1812 г. 20 марта; 4) Колокол в 14 пуд[ов] 8 фун[тов] (разбит); 5) Колокол в 7 пуд[ов] 18 3/4 ф[унта]; 6) Колокол в 6 пуд[ов] 12 фунтов; 7) Колокол в 7 пуд[ов] 14 [фунтов]; 8) Колокол в 38 ф[унтов] и 9) Колокол около 4-х пудов. Он без языка²⁸⁷.

При Введенской церкви (при земской школе для образования народных учительниц) в Казани особой колокольни нет; колокола помещаются в особой арке, устроенной в церковном здании. Колоколов всего три: 1) 4 пуд[а] 17 фун[тов], 2) 1 пуд 29 фун[тов] и 3) 1 п[уд] 29 ф[унтов],²⁸⁸ колокола пожертвованы бывшей начальницей школы Анной Петровной Веригиной.

Над папертью Никольской Гостиннодворской церкви в Казани выстроена часовня, рядом же с ней каменная колокольня. На ней всех колоколов 13, во всех весу 407 пуд[ов] 12 фун[тов], ценностью в 6672 р[убля] 64 к[опейки]: 1) Колокол праздничный или воскресный весом в 204 пуда 5 фунтов. Лит в 1866 г. иждивением казанского купца Ф.Е.Постникова с участвовавшими с ним казанскими купцами Евдокимом Савватеевым и Егором Шамшиным; 2) Полиелейный колокол в 100 пуд[ов] 20 фун[тов] со стихом: «Радуйся Благодатная Господь с Тобю»; 3) Вседневный – 54 пуда 18 фун[тов] со стихом: «Архангельский глас вопиет Ти, чистая» и проч.; 4) Великопостный в 24 пуда 38 фун[тов] со стихом: «Благовестуй, земле, радость велию»... а ниже: «Заутра услыша глас мой, Царю мой и Боже мой!» и проч. Все колокола литы в 1866 г. в гор. Слободском Вятской губернии братьями Бакулевыми в царствование государя императора Александра II, при архиепископе казанском Афанасии.

Когда в 1778 году Троицкая церковь в Казани приняла вполне благоустроенный вид снаружи и внутри, прихожанам осталось подумать о новом большом колоколе. Правда, что не прошло еще и 15 лет, как подымали на колокольню (в 1774 г.) большой новый колокол, но он казался теперь для прихожан незначительным. Все они сознавали, что для их благоустроенной церкви нужен теперь и колокол побольше. Начались усердные приношения на колокол. В июле 1788 г. колокол уже был куплен. «1788 г. июля 5 дня города Чебоксар втораго Николаевского собора диакон заштатный Григорий Иванов, будучи в Казани, дал сию расписку Троицкой церкви священнику Ивану Иванову, старосте Петру Вязломцеву с мирскими людьми в том, [что] продан мною ко оной церкви колокол весом 76 пуд 29,5 фунтов, ценою по 10 руб[лей] по 20 копеек пуд, за который получено мною диаконом старой колокольной меди 59 пуд 5,5 фунтов и за работу со оной меди за каждый пуд по рублю, итого 59 рублей 13,5 коп[еек], новой меди в деле 17 пуд 24 фунта по 10 рублей по 20 коп[еек] – 179 руб. 20 коп[еек], а всего состоит 238 руб[лей] 65,5 коп[еек], который колокол на место привешен и оныя деньги при написании сего письма получены мною все сполна». (Следует своеручная расписка дьякона Григория Иванова»²⁸⁹.)

На колокольне при теплой церкви, во имя Знамения Пресвятой Богородицы в Казани, всех колоколов 8. Большой в 100 пуд[ов]. На нем следующая надпись: «В царствующем граде Казани ко храму Живоначальной Троицы в царство благочестивейшего, самодержавнейшего великого государя нашего императора

Александра Павловича всея России и при супруге его, благочестивейшей государыне императрице Елизавете Алексеевне, при Казанском и Симбирском архиепископе Серапионе того же храма священник Иоанн Иоаннов с прихожанами и прочих приходов прихожанами, всеобщим их усердием, вылит сей колокол во 100 пудов. 1802 г. мая 22».

Полиелейный в 70 пуд. 31 фун. На нем слова: «Перелит сей колокол в царствующем граде Казани, старанием священника Ивана Никитина и старосты церковного, купца казанского Михаила...»²⁹⁰.

На колокольне Смоленско-Варлаамовской церкви, что в Казани, еще в 1774–1789 гг. было семь колоколов: 1) большой в 69 пудов; 2) полиелейный – без весу; 3) повседневный – 22 пуда 1 фун[тов], и четыре малых без весу. В настоящее время всех так же семь колоколов. На большом находится следующая надпись: «1855 года вылит сей колокол в царствование государя Александра Николаевича, по благословению высокопреосвященнейшаго Григория, архиепископа Казанскаго и Свяжскаго в Смоленско-Варлаамовскую церковь. Весу 127 пуд. 27 фун. усердием крестьянина Михаила Платонова и другими лицами при священнике Иоанне Стратилатове»²⁹¹.

Колокола России

Из зданий Хотькова монастыря интересна колокольня каменная. Построенная в 1834 году, с боевыми часами. В первой половине 17 века колокольня была малая деревянная, на четырех дубовых столбах, и занимала место около Никольского храма.

Колоколов на ней было тогда больших и малых пять.

В 1648 году Янов, близ церкви Покрова с западной стороны, построил новую колокольню, вместо которой, по причине ее обветшалости, в 1768 году, при вновь построенном Никольском храме, построена новая каменная колокольня, а старая при Покровской церкви в 1779 году была уничтожена.

В прошедшем столетии на колокольне висел один замечательный колокол, вывезенный из Данцига; на нем была вверху следующая надпись: «Vigilate, quia nescitit diem neque horam, in qua Tilius Hominus veniet. DLXXXVIII. MIT GOTES Hv FE COSMISH HERMAN. BENNCK ZV DANTZICK. ANN. 1560».

В настоящее время на колокольне находятся колокола: а) большой праздничный в 493 пуда, пожертвованный неизвестным в 1870 г.; б) полиелей в 212 пуд., 1831 г.; в) колокол в 131 пуд, 1795 г.; г) колокол в 80 пуд., вылитый в 1794 г. к церкви Воскресения Христова на Дмитровке в Москве; д) колокол в 29 пуд., вылитый в 1694 г. и принадлежавший Казанской церкви в Сущеве в Москве и др.

В описи Троице-Сергиевской лавры и приписанных к ней монастырей 1643 [г.] показано: «В Киржачском монастыре колокольница деревянная, рубленая, брусеная, а на ней шатер, крест и глава паяна железом немецким. А на колокольнице колоколов: колокол благовестник, колокол ефимонный и часовой тот же, да зазвонных, малых и середних шесть колоколов; на той же колокольнице часы боевые»²⁹³. |

В настоящее время в Киржачском монастыре колокольня каменная шатровая, устроенная над Спасскою церковью. На большом колоколе вылита следующая надпись: «В лето осьмая тысяча 196 (1688) марта в 3 день вылит сей колокол Пресвятыя Богородицы в Киржачский монастырь из старого колокола с прибавочною медью монастырскою казною, весу в нем 100 пуд».

На другом колоколе такая надпись: «Лета 7167 (1469) марта колокол сей в Киржачский монастырь дал вкладу окольничий Алексей Иванович Ржевский по дяде своем по боярине Иване Андреевиче Мстиславском, по его родителех, которые с ним погребены в оном монастыре под церковью Всемилоствигаго Спаса; в нем весу 49 пуд»²⁹⁴.

В Соловецком монастыре, при игумене святом Филиппе для звона к церковным службам вместо каменных плит, называемых в старину клепалом, билом, бывших в то еще время при церквах, на присланную от царя Иоанна Васильевича сумму 720 рублей по старанию князя Александра Ивановича Воротынского вылиты во Пскове колокола: 1-й в 173,5 пудов, 2-й в 80 пудов 14 гривенок, а 3-й в 30 пудов²⁹⁵.

Царь Борис Федорович Годунов между прочими денежными вкладами пожаловал в Соловецкий монастырь меди на большой колокол, который был вылит в монастыре 1600 года и назывался Борисовичем. Весу в нем состояло 700 пудов, с прибавлением ста пудов меди монастырской²⁹⁶.

В 1548 году государь царь Иоанн Васильевич пожаловал при игумене Филиппе два колокола, вылитые по старанию князя Александра Ивановича Воротынского: 1-й в 180 пудов, ценою 870 рублей, а 2-й в 95 пудов, ценою в 300 рублей, и на малые зазвонные колокола 50 рублей²⁹⁷.

Соборная колокольня каменная в смежности с церковью Св. Николая Чудотворца, на фундаменте старой трехглавой, построена вновь старанием архимандрита Досифея 1777 года по новой архитектуре о двух ярусах, вышиною 27 сажень. На ней колокола:

большой, вылитый в 1762 году из старого, называвшегося Борисовичем, в 527 пудов; третий, полиелейный, в 284 [пуда], вылит в 1771 году; 4-й всенедельный соборный, в 283 пуда 16 фунтов, вылит в 1775 году.

На всех четырех колоколах отлита одна и та же нижеследующая надпись: «Во славу Святыя Единосущныя Животворящия и Неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, при благополучной державе благочестивейшия самодержавнейшия Великия Государыни нашея императрицы Екатерины Алексеевны всея России, при наследнике ея благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче, и при супруге его благоверной государыне и великой княгине Наталье Алексиевне, благословением же Святейшаго Правительствующаго Синода, вылит сей колокол ко святой Соловецкой обители в ставропигии тогожде Святейшаго Синода при архимандрите Досифее, в лето от сотворения мира **џѣпѣ** (7282), от Рождества же по плоти Бога Слова 1774. Весом сей колокол 1100 пудов. Лил мастер Санкт-Петербургский купец Петр Евдокимов сын Евдокимов».

На колоколе Преподобническом, вылитом при игумене Филиппе, весом в 173,5 пуда, следующая надпись: «Лета 7065 (1557), июля в 20 день, на память огненное восхождение Святаго и славнаго Пророка Ильи, при державе благочестиваго царя государя, великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, и при освященном Макарие, и при архиепископе Великаго Нова-града и Пскова владыке Пимене, слит бысть колокол сей в пределе Новгородской в пречестую обитель боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистыя Богородица, честнаго и славнаго Ея Успения и великаго Чудотворца Николы, и святых преподобных Чудотворцов Зосимы и Савватия, тое честныя обители начальников, повелением игумена Филиппа, и всей еже о Христе братиа. А лит в преименитом и славном граде Пскове, строением князя Александра Ивановича Воротынского. А делали мастера псковские из-за Псковскаго конца, Матфей Григорьев сын, да Кузьма Михайлов сын. Слава совершителю Богу, аминь».

На старинном же колоколе, весом в 150 пудов, таковая надпись: «Слит сей колокол в Нове-граде на Соловки, лета **џѣѣ**²⁹⁸ (1597), при царе великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси и при ево царице великой княгине Ирине; строил боярин дворецкий Григорий Васильевич Годунов, в дом Спасу и Пречистой Богородицы и преподобным Чудотворцем Зосиму и Савватию, а лил Иван Матвеев сын Псковитин».

На двух зазвонных одинакового веса по 80 пудов отлиты подписи. На 1): «Божиею Милостию и Святыя живоначальныя Троица помощию, лета **џѣѣ** (год записан неверно, правильно – **џѣѣ**)(7056 г. от СМ – 1547 г. от Р.Х.) месяца Сентевриа в ѣ (8) день, при державе благовернаго и Христоролюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, царя и государя всеа Руси Владимирскаго и Московскаго, и Новгородскаго, и Псковскаго, и Смоленскаго, и Тверскаго, и Югорскаго, и Пермскаго, и Вятскаго, и Болгарскаго и иных, при архиепископе Великаго Нова-града и Пскова владыке Феодосии, слит колокол сей на Океан море, в пречестную обитель Соловецкаго монастыря, ко храму Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, повелением раба Божия игумена Филиппа с братией; а делал мастер Тимофей Оскарёв Псковитянин».

На 2): «При державе благочестивейшаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, вылит сей колокол здес в Соловецком монастыре, при настоятеле Господине отце Архимандрите Маркияне Ярцове, в лето **ѣѣѣ** (7228 г. от СМ – 1720 г.), от воплощения же Бога Слова года месяца декемвриа в ѣ (8) день. Мастер Василий Осипов». На старинном же зазвонном колоколе, весом около 30 пудов, следующая надпись: «При державе благочестиваго и Христоролюбиваго царя, великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси,

и при благоверных царевичах Иоанне и Феодоре Иоанновичах, лит сей колокол в преименитом граде Пскове; а мастера Михайловы дети Матфей да Кузьма, аминь. А вылит в лето 7133 (год записан неверно, правильно – 7133 – 7067 г. от СМ – 1559 г.) года».

Всех вообще разновесных колоколов на двух ярусах колокольни с часовыми, находящимися на Успенской колокольне, считается до 42; в Анзерах в Троицком скиту 6; на Голгофе в Распятском скиту 8 колоколов; итого всех колоколов 55. В 1830 году вылиты 18 колоколов новых²⁹⁹.

В Свято-Троицком Анзерском скиту есть колокольня каменная, выстроенная в том же 1803 году над братскими келиями, находящимися в связи с церковью. На ней 6 колоколов: наибольшие весом от 40 до 90 пудов с немецкими надписями, а один средний с латинской таковою: «Asseurus Coster Amsterdami me fecit; sole Deo gloria» («Асвер Костер сделал меня в Амстердаме; слава Единому Богу»).

На малом, весом в два пуда, написано: «Лета 7132 (1623) сентября в 1 день, слиты сии два колокола по повелению Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келаря старца Александра»; надругом малом, такого же веса, надпись голландская: «Niclaes is min niem 1572»³⁰⁰.

При приписной Новосоловецкой Марчуговской пустыне колокольня имеется каменная, на которой было 7 колоколов: большой весом 41 пуд и 9 фунтов; на ней часы боевые³⁰¹.

На одном из колоколов Успенского Зилантова монастыря находится надпись, из которой видно, что он слит при царях Иоанне и Петре Алексеевичах в 1690 году³⁰².

В Ипатьевском Костромском монастыре сохранились интересные колокола.

В 1603 году устроена Димитрием Годуновым колокольня (ныне существующая) на пространстве в длину 11 при ширине 3 1/2 сажень; на ней был большой колокол (600 пуд[ов]), вклад матери Бориса Годунова, монахини Сандулии, и 2-й (в 172 пуда) Ивана Ивановича Годунова. Последний существует донныне с подписью на нем: «Лета 1603 при державе царствия Российского благоверного государя царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси: слит колокол по приказу Ивана Ивановича Годунова по отце государе своем по Иване Васильевиче Иноке скимнике Иосифе, в доме Живоначальныя Троицы и великаго Чудотворца Ипатия».

Ныне же существующий большой колокол, также в 600 пуд[ов] вылит в 1647 году (вероятно, перелит из прежнего) Алексеем Никитичем Годуновым и дядею его Василием Ивановичем Стрешневым. На колоколе надпись: «Лета 1647 месяца Сентября в 20 день, при державе царствия Российскаго благовернаго царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси Самодержца и по его царскому указу и по грамоте, в дом Живоначальныя Троицы в Ыпатской монастырь апостола Филиппа и Чудотворца Ипатия по приказу стольника Алексея Микитича Годунова да дядя его боярин я Василей Иванович Стрешнев продал племянника своего Олексееву вотчину село Семеновское в дом Живоначальной Троицы по нем Олексее и по его отце и по матери и по родителех и в вековечную поминку при архимандрите Сергии з братьею а за тое его вотчину монастырскою казною слит си колокол (600 пуд[ов]), а колокол вылил по государеву указу колокольной государев мастер Данило Матвеев».

В продолжение 17 в. на колокольне было 18 колоколов, да боевые большие часы с перечащем.

Часовой колокол (донныне существующий) имеет такую надпись: «Лета 1659 Августа в 1 день перелит сии колокол в дом Живоначальныя Троицы в Ыпатской монастырь, при державе государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и при его благоверной царице и великой княгине Марье Ильиничне, и при благородном царевиче Алексее Алексеевиче, и при архимандрите

Тихоне з братьею. Дача боярина и конюшего Дмитрея Ивановича Годунова, а колокол лил мастер Федор Васильев, а весу **ѣи** (68) пуд». В последних годах 17 в. колокольня покрыта листовым железом, а конусообразный верх ее, с главою, покрыт зеленою черепицею³⁰³.

В Путивльском соборе замечательны колокола, которые своими надписями повествуют о длинной истории его. Тут есть два колокола, доставшиеся собору еще от Духова Девичья монастыря, первый в 155 пуд [ов], с надписью: *ѣг* (т.е. 7203 от создания мира или 1695 от РХ.) «Сей колокол вылит в град Путивль в Духов Новодевичь монастырь игуменію Анисию Батовриной для вечнаго поминовения родителей своих»; второй небольшой колокол в 30 пудов, с надписью: «Лета 1775 г. марта в 9 д. сей колокол в Духов девичь монастырь гор. Путивля». Есть еще «Никитский» колокол, в 11 ½ пудов, доставшийся собору от упраздненной церкви св. великомуч. Никиты (смотри упраздненные церкви, № 10)³⁰⁴; на нем надпись: «1775 г. генваря 27 д. сей колокол к церкви великомуч. Никиты».

Колокол весом 12 п[удов], пожалованный государем Михаилом Федоровичем в 1630 г. в бывший деревянный на городской крепости Преображенский собор и оттуда доставшийся по наследству настоящему собору по упразднении первого; на нем надпись: «Сей колокол лит по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича указу на Москве, лета 7138 (1630 г.)». Один из соборных колоколов называется «самозвоном»; по преданию, записанному в церковной летописи, название это дано колоколу по той причине, что во времена давно прошедшие, перед несчастьями для города Путивля от татар и поляков, этот колокол «сам звонил»³⁰⁵.

В Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале сохранилось несколько колоколов, имеющих большое историческое значение.

Колокольня невысокая, продолговатая, в виде галереи. На ней колокола разной величины; в самом большом 566 пуд[ов], слит в 1691 году; в полиелейном 350 пуд.; на нем надпись: «В лето 7107 (1599 г.) слит сей колокол коштом Демида Ивановича Черемисинова и в пожар 7118 (1610 г.) разшибся; а в 7126 (1618 г.) слит князем Дмитрием Михайловичем Пожарским». (103): колокол часовой с надписью: «Лета 7090 (1582 г.) дал сей колокол Дементий тот же Демид (что выше) Черемисинов в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, а весу в нем 67 пудов». На одном из малых колоколов написано: «Лета 7069 (1561 г.) августа слит сей колокол: вклад князя Василь Ивановича Горбошина». Поверх колоколов на срединной части колокольни устроен шатер для боевых часов.

При Викторе епископе в настоящей церкви (Рождество-Богородицком соборе) местные иконы украшены богатыми серебряными позолоченными шатрами, в теплой сделан гипсовый иконостас и на колокольню слит колокол в 750 пуд.

В Кидакшеской Борисоглебской церкви на колокольне, отдельно от храма построенной уже в позднейшее время, в числе колоколов нового времени находится древний колокол в 30 пудов весу и аршин в диаметре, со следующей надписью: «В лето 7066 (1558 г.) зделан сей колокол при царе государе великом князе Иване Васильевиче всея Руси и Макарии Митрополите. Царь государь дал сей колокол в дом Вознесения Господа нашего в Печерский монастырь при архимандрите Иоакиме в Новгород Нижний»³⁰⁶.

В описной книге Сольвычегодского Благовещенского собора 1579 года помещена следующая опись к колоколам:

«Колокол большой Реут, весом сто семьдесят пудов. Положение Семиона да Максима, да Никиты Строгановых.

Колокол *Лебедь*, пятьдесят пудов. Положение Семиона да Максима, да Никиты Строгановых.

Колокол *Сокол*, весом сорок пудов. Положение Иякова да Григория да Семиона Аникеевых детей Строганова.

Колокол *красной*, весом полсемнадцать пуда.

Другой колокол *красной*, весом четырнадцать пудов. Положение оба красные колокола Иякова да Григория да Семиона Строгановых.

Колокол Осиповский, а в нем меди двадцать три пуда без четверти было. Положение Иосифа Захарьина сына. И тот колокол звонечи разбился и переливали тот колокол снова его Максим да Никита да Петр да Андрей Строгановы, и своей меди тому колоколу прибавили одиннадцать пудов без четверти, и всего весом тридцать пудов и полчетверти пуда.

Колокол *красной*, весом пять пудов. Положение Иякова да Григория да Семиона Аникеевых детей Строганова.

Другой колокол *красной*, весом шесть пудов. Положение мирское.

Два колокола *завонья*, весом оба колокола четыре пуда. Положение Спиридона Ждана Костычева.

Два колокола малых *завонных*, весом оба колокола пуд и восемь фунтов. Положение Никиты Григорьевича сына Строганова.

А у большого колокола *Реута* язык ковал и колоду оковывал железом, и у *Лебеда*, и у *Сокола* и у *Осиповского* колоколов колоды оковывал железом с веретены, опроче языков, и у всех *завонных* колоколов крюки поцепные железные. Положение Никиты Строганова.

Часы железные с боем и с перечаем, с гириями железными. Положение Никиты Григорьева сына Строганова»³⁰⁷.

В Валаамском монастыре колокольня стоит рядом с Успенской церковью. В начале 18 века были в ней железные боевые часы и шесть колоколов в 196 пудов, но в пожаре 1722 года часы перегорели, а колокола растопились. В настоящее время имеется 7 колоколов; весу в большом – 123 пуда, а во всех – 284 пуда³⁰⁸.

По рассказам, в Коневском монастыре (на Ладожском озере) есть колокол в 600 пудов, висящий на козлах и отлитый одним петербургским тряпичником, который, разбогатев, желал замолить свои грехи. Услышав, что в Коневском монастыре собираются отливать колокол, он сделал на этот предмет следующее пожертвование.

В Кронштадте разбирали старый корабль, деревянные части которого были скреплены медными болтами; упомянутый тряпичник послал туда людей скупать болты, которые и пожертвовал на колокол³⁰⁹.

В западной стороне ограды Троицкого Козловского монастыря устроена каменная колокольня о четырех ярусах, вышиною в 70 аршин. Она начата была строением в 1818 г. июля 14 и окончена 23 октября 1820, при архимандрите Анастасии, на добровольные пожертвования, главным образом, жителей Козлова. Колоколов на ней 11. Первый 442 п[уда] 20 фунтов]; по приятному звуку это редкий колокол. Второй в 120 п[удов] 28 ф[унтов], третий в 70 п[удов], три колокола от 25 до 12 пуд[ов], и пять небольших колоколов³¹⁰.

Колокольня при ярославском Спасопробойном обыденном храме каменная трехъярусная, вышиною около 25 сажень, увенчанная главою и крестом железными, позолоченными и со всех сторон обставленная колоннами, устроена в 1831–1832 годах. В числе семи колоколов самый большой имеет весу 142 пуда 37 фунт[ов]. И вылит в 1835 году при протоиерее Иосифе и церковном старосте Чулошникове, второй 60 пуд[ов] 35 фунтов], третий 24 пуда [19 фунтов], четвертый 7 пуд, пятый 4 пуда, шестой 1 пуд 24 фунт[а] и седьмой 1 пуд 20 фунтов³¹¹.

Каменная колокольня Казанской обители города Ярославля, устроенная в одной линии с теплым храмом и оградю монастыря, состоит из четырех ярусов; в нижнем

находятся святые врата, а в третьем повешены колокола, числом десять, из которых самый большой в 325 пудов весу³¹².

Около собора в селе Микулино-Городище, Тверской губернии, стояла русская шестигранная колокольня, крытая тесом в чешую, на этой колокольне висело семь колоколов и железное било.

На колокольне упраздненного Сновидского монастыря, в шести верстах от Владимира на Клязьме, замечательны колокола со следующими надписями: «Лета 7149 (1641) году выменен сей колокол во Володимирском уезде в монастырь Сновицкой Благовещенье Пресвятыя Богородицы при игумене Евфимии а заделать дал старец Макарий три рубля». На другом читаем: «Лета 7169 (1661) приложил в долг Благовещения Пресвятыя Богородицы в Сновидский монастырь колокол Иван Федоров Соболев».

Колокольня Сатисо-Градо-Саровской пустыни – здание крупнейшее, новейшей архитектуры, в 38 сажень высоты. Она имеет вид четырехэтажного столпа и стоит в середине двух братских корпусов, со стороны западной. В первом этаже колокольни – Св. врата. В третьем и четвертом – колокола, числом 18-ть; первый из них весит 1200 пудов; 2-й – 555 п[удов]; 3-й – 355 пудов; 4-й – 213 [пудов]; 5-й – 137 пудов; 6-й – 86 пудов; прочие меньшего размера, а всего весу с мелкими 2684 п[уда]. В середине купола устроены боевые часы с четвертями. Не излишне заметить, что звон Саровской пустыни отличается особенным благозвучием, которое возбуждает в душе глубокие, таинственные мысли. Кто посещал эту обитель и слышал согласный звон колоколов ее в дни праздничные, тот не потребует в сем уверения³¹³.

Колокольня Псковского собора имеет 22 колокола, из которых самый большой, имеющий в диаметре 3,5 арш., весом 600 пуд[ов]³¹⁴.

Колокольня при Мещевском Георгиевском мужском общежительном монастыре, в одной связи с церковью, новой архитектуры, построена в 1820 году вместо разрушенной бурей в 1768 году и разобранной до основания в 1809 году, квадратная четырехъярусная; три яруса украшены двойными колоннами, а вместо окон пролеты; в верхнем – палатка для часов, покрыта куполом, который увенчан грушевидною главою, а на ней позлащенный крест, утвержденный в яблоке. На колокольне находится 11 колоколов: самый большой весом в 136 пудов 4 фунта. На нем вычеканена надпись: «1754 года февраля 2-го дня, вылил сей колокол в обитель св. великомученика Георгия, что близ города Мещовска, а в оном в новом положено старого бывшего колокола оной же обители весу 51 пуд 20 фунтов, а вновь приложено к старому колоколу тому архимандритом Силою 84 пуда 24 фунта, впредь для поминовения души своей. Итого в оном колоколе старую и с новою медью 136 пуд. 4 ф.; лил сей колокол мастер Константин Михайлов сын Слизов». На другом колоколе надпись: «1793 года декабря 27 дня, перешел сей колокол из старого города Мещовска в Егорьевский монастырь при строителе Мельхиседеке, весу 37 пуд. и 30 фунтов»³¹⁵.

В настоятельство о. Израиля (1820–1831), в коренной Рождество-Богородицкой пустыни, колокол 70 пуд[ов] разбитый с прибавкою 10 пудов новой меди, перелит вновь и еще для согласного звона куплено три новые колокола; в 53 пуда, 28 пудов и в 20 фунтов³¹⁶.

На колокольне коренной Рождество-Богородицкой пустыни 9 разновесных колоколов. На большом изображено: «Колокол сей Курского уезда в Коренную пустыню тщанием архимандрита Михаила, коштом монаха Иоанна Алаторцова сделан ко храму Рождества Пресвятыя Богородицы», весу в нем 150 пудов. Полиелейный в 20 пудов, повседневный в 17 пудов 15 фунтов; четвертый в 9 пудов; а пять колоколов малых, каждый в 1 ½ (из них 4 променены, а взято на место их у тульского купца Котельникова), большие боевые железные трехъярусные самой простой работы разломанные ветхие русские часы³¹⁷.

На колокольне Ниловой Столобенской пустыни интересны следующие колокола: 1) Первый колокол в 300 пудов, перелитый, как показывает надпись на нем, в 1755 году из прежнего колокола в 160 пудов, пожалованного в пустынь в 1670 году *Царем Алексеем Михайловичем*. Вот надпись на нем: «Сей колокол, в лето 7178 (1670) жалованный в Нилову пустыню блаженныя и вечно достойныя памяти царем Алексеем Михайловичем, во 160 пудов, переливал в 1755 году в реченной пустыне в благополучное царствование благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея, императрицы Елизаветы Петровны всея России (далее следуют титулы и имена наследника и супруги его), в бытность игумена Александра, старанием иеромонаха Вениамина и Санкт-петербургскаго купца Саввы Яковлева, мирским подаянием доброхотных подателей, весом с прибавкою в 300 пуд. Лил сей колокол мастер Димитрий Евдокимов». 2) Четвертый в 64 пуда 12 фунтов, перелитый в 1845 году из старого разбитого пятидесятипудового колокола, пожертвованного в пустынь князьями Иваном и Юрием Ивановичами *Ромодановскими*. В первый раз внесен был в опись этот колокол Ромодановских с наименованием жертвователей в 1672 году. 3) Пятый в 41 пуд с надписью: «174 (1666) года января в 20 день великий государь *царь* и великий князь *Алексей Михайлович*, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, пожаловал сей колокол по своему государеву обету в пустыню чудотворна Нила в Столобенский монастырь, а весом 41 пуд»³¹⁸.

«Божиею милостию, по благословению великаго господина преосвященнаго Маркелла, архиепископа Вологодскаго и Великопермскаго, заведены книги писать Успения Пречистыя Богородицы Семигородския церковному строению, образом, и книгам, и ризам, и церковным сосудам...

Да том же теплом храму придел Николая Чудотворца, а не освящен. Настоящий образ Николая Чудотворца с житием; да книг припасено; Евангелие на престольное печатное, подето бархатилью, Евангелисты медные, да сосуды церковные белые, да *три колокола*»³¹⁹.

В ограде Крестовоздвиженской церкви в гор. Шуе находится древняя колокольня, с девятью колоколами, из которых большой в 430 пудов весу, усердием прихожан сооруженный в 1846 г. На колокольне устроены боевые часы³²⁰.

В городе Новомоскве, при Троицком соборе, колокольня с колоколами составляет особую ценность. Из колоколов самый большой в 262 пуда 24 фунт[а]; он один ценился в 7220 руб[лей]. «В детстве слышал я, – говорит Григорий Надхин, – от кого-то, что один из этих колоколов пожертвован Потемкиным, но потом ни от кого нигде не случилось мне слышать подтверждение этого»³²¹.

При Запорожском Самарском Пустынно-Николаевском монастыре в числе других церковных строений имеется и колокольня, построенная в 1828 году, на место деревянной; прежняя колокольня имела четыре яруса и поставлена в 1798 г. учителем Новых Кайдак, Карпом Яковенком. На нынешней колокольне главный колокол весом в 169 пуд[ов] 22 [фунта] куплен за 8320 р[ублей] 90 к[опеек]³²².

Колоколов на Софийской колокольне, города Тобольска, в двух ярусах 15. Большой колокол замечателен тем, что больше всех колоколов, существующих по Сибири: весит 1011 пудов 22 фунта. Слит он в 1738 году на Тагильском заводе, старанием митр[ополита] Антония Стаховского и иждивением, как показывает надпись на нем, дворянина Акинфея Никитича Демидова. Колокола в 500 п[удов] и в 293 п[уда] 4 ф[унта] литы в Москве известным мастером Фед[ором] Моториным, при Тоб[ольском] митр[ополите] Павле I, между 1682–1690 г. на счет архиерейского дома; этот последний, весивший сначала 300 п[удов], во время пожара 1788 г. растопился, потому был переливаем; а в 160 п[удов], в 103 п[уда] и 40 п[удов] жертвованные, первый, как гласит надпись, царями Иоанном и Петром Алексеевичами в 1682 году, а второй и третий царем Федором Алексеевичем в 1678 году. Был еще и 4-й колокол (царя Алексея

Михайловича) в 110 п[удов], но он, по словам одних, разбился при падении старой колокольни, а по другим растопился во время пожара 1788 г.

К числу соборных колоколов принадлежит и *корноухий колокол*, который висел под небольшим деревянным навесом, при домово́й архиерейской церкви. Этот колокол исторической важности: он из Углича, тот самый, в который били в набат, по случаю убиения царевича Димитрия. Годуновым в Тобольск прислан в 1593³²³ году, висел сначала на Спасской колокольне, потом какими-то судьбами попал на соборную, и при пожарных случаях [в него] били в набат; снят он с соборной колокольни и помещен при домово́й архиерейской церкви, по распоряжению архиеп[ископа] Афанасия, в 1837 г., перед прибытием в Тобольск государя Наследника, дабы, если будет нужно, показать Его императорскому высочеству и по случаю отстройки крестовой церкви, при которой дотоле поболее колокола не было.

Угличский колокол имеет весу 19 п[удов] 20 ф[унтов], и что замечательно, корноухий: одно ухо у него отсечено перед ссылкой в Сибирь, по повелению Бориса Годунова, в наказание на нем вырезана (а не вылита) при том буквами формы новейшего времени, следующая надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия, в 1593³²⁴ году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемиловитоваго Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной». Надпись, очевидно, не древняя; да есть слух, что и колокол этот не тот самый, который был прислан из Углича: настоящий Угличский будто бы, по словам одних, в пожаре 1778 г. растопился, а по словам других еще дорогой где-то и как-то разбился, и потому перелит; ухо отсеки и у вновь отлитого, для того, что так было у его первообраза.

Другое замечание: [Н.М.]Карамзин в 254 примечании в 10 т[оме] своей Истории Росс[ийского] гос[ударства] сказал, что «в Тобольске между колоколами Всемиловитоваго Спаса показывают набатный Угличский, коего звук известил тамошних жителей о убиении Царевича». Некогда, впрочем, никак не ранее половины прошедшего столетия, это было так, но когда писалась и издана История Росс[ийского] госуд[арства], было уже иначе³²⁵.

В свое время этот колокол вызвал многочисленные споры, только недавно подлинность его вполне установлена, и он возвращен в Углич. (См. о нем ниже.)

К числу царских даров в Балакле́йском Соборе, Харьковской епархии, по описи 1828 года принадлежит и колокол со следующей надписью: «191 (1683) г. июля 9 по указу великих государей из разряду вестовой колокол, веса 10 пуд[ов], послан в Балаклею»³²⁶.

В 1732 г. Грайворонский священник Прокопий писал, что отец его Стефан Райкович служил в г. Золочеве при *Троицкой* церкви, и когда та за малолюдством опустела, служил в *Богоявленской* церкви, и что заботливостью отца его приобретены для церкви «4 колокола, а пятый привез он с собою из гор. *Машурова*, и еще привез общую *Миню* и *Служебник*, иконостас и нап[рестольную] сень»³²⁷.

При Покровском соборе города Ахтырка, Харьковской епархии, имеется и колокольня каменная с храмом в честь *Входа Богоматери* во Храм с колоколом в 250 пудов³²⁸.

Каменная колокольня города Сумы при соборной церкви заложена была 1797 года июня 15 дня и окончена 1801 года. По огромности ли здания, или по непрочному устройству, в этой колокольне оказались большие трещины, почему для безопасности и разобрана она в 1812 году, на место ее из того же кирпича устроено четыре номера лавок, со входом посередине в ограду церкви. Остальной кирпич употреблен на колокольню, вновь устроенную 1821 года, и на ограду церкви. Колокол большой взят из Сумского Успенского монастыря. Надпись его говорит, что он устроен статским советником Яковом Алексеевичем Шубским; весу в колоколе 60 пудов. Другой колокол,

меньший, пожертвован сумским жителем Даниилом Ивановым Забродским; весу в колоколе 44 пуда³²⁹.

В упраздненном монастыре Василия Кесарийского, в Галиче, на колокольне было шесть колоколов³³⁰.

По писцовым книгам Бутурлина, 1628 года, видно, что в ныне упраздненном Крестовоздвиженском, а в старину Ризположенском Анастасьином, Костромском девичьем монастыре, было «на колокольнице пять колоколов»³³¹.

Из Галичских писцовых книг князя Мещерского 1632 года видно, что на колокольне ныне упраздненного Зачатиевского Галичского Успенского монастыря было восемь колоколов³³².

Некто из нерехтчан приложил в Сыпанов Нерехтский, ныне упраздненный, монастырь два колокола, а третий купили на сумму вкладчиков³³³.

В этом же монастыре кроме большого колокола, приложенного купцом Загряцким Лапшиным, весом около 100 пудов, почти все колокола относятся к 7195 (1687) году³³⁴.

В двух западных куполах, которые устроены над теплыми церквями во имя Покрова Пресвятой Богородицы, в селе Новоспасском, помещены колокола с согласным звоном. Из числа этих колоколов большой вылит в 108 пуд[ов] от усердия Василия Васильевича Головина, в 1805 году. Полиелейный перелит в 1837 году Василием Павловичем Головиным из соборной меди в 65 пудов, найденной после церковного пожара. Будничный в 40 пудов, жертвованный Гавриилом Павловичем Головиным, а все прочие маленькие куплены вновь в 1818 году на иждивение Павла Васильевича Головина, исключая одного Великопостного, в двадцать пудов, который прислан из Москвы Я.Д. Башиловым. Во всех колоколах весу триста пудов³³⁵.

Кроме соборного храма, в Козельской Введенской Оптиной пустыне, по описи (составленной игуменом Аристархом при приеме обители от казначея Серапиона) 1771 года, значится в монастыре еще колокольня каменная; небольшая и тонкая шейка и голова обиты железом по дереву, крест местами позлащен, а большая часть выкрашена ярью: состроена в 1769 году. На ней пять колоколов небольших³³⁶.

На западной стороне, против собора Козельской Введенской Оптиной пустыни, четырехъярусная колокольня, готической архитектуры. В третьем ярусе девять колоколов: 1) *Бденный* или *праздничный*, с надписью: «Колокол сей устроен в Козельскую Введенскую Оптину пустынь 1815 года февраля 23 дня. Лит в Туле, на заводе Черниковых; весу в нем 213 пуд. 34 ф. при игумене Авраамии. Мастер Аким Воробьев». На нем образа: Казанской Богоматери, Св. Николая Чудотворца. 2) *Полиелейный*, с надписью: «Во славу Божию и святых угодников Его от усердия Христолюбцев, вылит сей колокол полиелейный, для Козельской Введенской Оптиной пустыни, при строителе иеромонахе Моисее 1828 года января 15 дня в Москве. Весу 100 пуд. 35 ф.». Образа на нем Георгия Победоносца, Федора Стратилата, Пафнутия Боровского Чудотворца, Собор Иоанна Предтечи и Владимирской Богоматери. 3) *Повседневный* с надписью: «1832 года августа при строителе иеромонахе Моисее с братиею, иждивением неизвестнаго вкладчика; в Москве, весу в нем 56 пуд. 15 ф.». Образа на нем: Казанской Богоматери, Святителей Московских: Ионы и Алексея, и Иоанна Крестителя. 4) *Трапезный*, весу 24 пуд[а] 2 фунта]. Лит в Туле, на заводе Черниковых. Образа на нем: Казанской Богоматери и Св. Николая Чудотворца. Пять *Зазвонных* колоколов; все вылиты в 1828 году³³⁷.

Набожный старец Ханайченков, столь украсивший Успенский собор в Харькове в 1851 году увенчал свои приношения тем, что купил на свой счет колокол в 364 пуда³³⁸.

Рядом с церковью в Сольвычегодском Введенском монастыре против западного входа находится невысокая колокольня со шпилем, похожая на башню, на ней большой колокол весом в 160 пудов, немецкого литья. В куполе отличные старинные боевые часы³³⁹.

Колокольня, принадлежащая к соборам города Вологды, имеющая сообщение со стеною, окружающей архиерейский дом, построена в 17 веке. Большой ее колокол, весом около 400 пудов, вылит в Любеке в 1689 году, как об этом говорит на нем надпись³⁴⁰.

За валом и ручьем, к западу от церквей Устьвыма, стоит отдельно каменная соборная колокольня. На ней примечателен колокол, самый большой, литый в Гейдельберге в 1628 г., с голландско-немецкими надписями. На верху колокола надпись в одной стороне: «NICKLAVS NOLD SCHVLTHES IN ZEITERN – ANDEREAS MAYER PFARHER ZV DER ZEITD. 1628». В середине между отлитыми изображениями страстей Христовых и распятых двоих разбойников, с предстоящими Матерью Господа и любимым его учеником Иоанном Богословом, находится в двух строках: «IASOB:ZANOT:VON:MERLE:LANDT:FAVT:INM:BRVRHAIN». Внизу креста изображен человек, без надписи, обнимающий колени распятого Господа. Нижняя на колоколе надпись: SANDT MARTIVNNS GLOCK HEIS ICH DIE GROSSE WETTER SCHEIDT ICH IN GOTTES NAM BIN ICH AVS DEM FEIR GEFLOSSEN MAKTW SCHMANE VON CVSTRIN NAT MICH GEGOSSEN IN GEIDELBERG IM IAK 1628.

В первый раз копии с этих надписей сняты устюжским штаб-лекарем Фризом в 1793 году и отправлены им в Академию Наук, с подстрочным переводом. Но буквальный перевод надписей, особенно последней, сделанный Фризом, неудовлетворителен и во многих местах противоречит смыслу подлинника.

С переводом первой надписи Фриза мы согласны; он переводит ее: «Николай Нольд градоначальник – Андрей Майер помощник». Среднюю он объясняет так: «Яков Цант областной губернатор в Мерле Бурггаиме». Здесь Фриз видимо отстывает от подлинника, которого точный перевод будет: «Яков Цандт Мерлский (т.е. родом из Мерля) областной губернатор в Брурене». Смысл последней надписи совершенно искажен в переводе Фриза. Она переведена им: «Мартин Шамане из Кистрина лил меня в городе Гейдельберге 1628 года, по названию моего мастера, называют и Мартином. Глухих крестьян к церкви бужу (этих слов вовсе нет в подлиннике) с помощью Божьею гром расшибу».

Настоящий смысл этой надписи, по нашему мнению, должен быть таков: «Св. Мартина колоколом называюсь я; бурю заглушаю я; во имя Бога вытек я из огня; Мартин Шмане из Кистрина лил меня в Гейдельберге, в 1628 году».

Вероятно, в подлиннике в слове SANDT ошибка; правильнее следует читать – SANCT, т.е. sanctus – святой. По мнению редакции точный перевод этих слов несколько разнится от перевода, представленного Г. Михайловым, и должен быть:

«Николай Нольд, начальник во время Андрея Майера священника, в 1628 году // Яков Зандт Фон-Мерле, областной начальник в Бурггаиме // Святого Мартина колоколом называюсь я, грозу разгоняю я, во имя Бога вытек я из огня, Мартин Шмане Кюстринский вылил меня в Гейдельберге в 1628 году»³⁴¹.

Колокольня Великоустюжского Успенского Собора состоит из двух корпусов, в разное время построенных, соединенных между собою, равно как и с зимней церковью. На большой колокольне находятся два колокола: первый в 1054 пуда, литый в Устюге в 1754 году при преосвященном Варлааме, епископе Велико-Устюжском и Тотемском, второй около 500 пудов, литый в 1786 году в Устюге же при преосвященном Иоанне Устюжском и Тотемском. На другой колокольне 23 колокола, из них древнейший лит в 1643 году. На этой же колокольне медные недельного завода боевые часы с четвертями, на место суточных часов³⁴².

В 1793 году бывший тогда епископ Архангельский и Олонецкий Вениамин взял, между прочим, из Свирского монастыря один большой колокол, принадлежащий некогда Кожеозерскому упраздненному монастырю³⁴³.

При той же соборной церкви имеется колокольня деревянная, а на ней 5 колоколов³⁴⁴.

На колокольне ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря колокола: колокол большой Воскресенский, весом пятьсот пудов, а на нем вылито: Образ Воскресения Христова, и на нем надпись: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному». Четыре Евангелиста. По сторонам Воскресения Христова: государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великой, и Малой и Белой России самодержец, тридцатилетен, и его благочестивая государыня царица и великая княгиня Мария Ильинишна, двадцатидевятилетняя, да благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич, седьмого года. В подножии у благоверного царевича вылит лев. Да Никон патриарх, в правой руке держит церковь, а в левой колокол, а над ним подпись: «Никон, Божию милостию, патриарх». Да в верхнем поясу подпись: «От зачала всего мира бытия 7167 года, от воплощения Божия Слова 1658 года, сентября 1-го дня, начало святых вещей сей бытия, Новаго Иерусалима Воскресения Христова монастыря». Да местами подпись же около колокола: «Восток, Запад, Север, Юг; весна, лето, осень, зима». Да в нижних в двух поясах подпись же: «Приидите убо, и видим и навикнем, кии вещи и образу разум, и кая истина, к ней же образ сей знаменует, не бо туне и яко же прилучися сию потребу узакониша божественнии закони, но разум имуще яко да ради знамене и образа к началом образных истин, восхолити возможем начальное коло (круг), не имуще конца, Безначальнаго Отца собезначальное, горнее коло от венца собезначальное рождение Сына от Отца, а звукогласное исхождение от коло венца исхождение Святаго Духа от Отца, нераздельное Троицы всенераздельное бытие рещи, и несть ни един кроме инех, или без инех глаголему, или разумеваему, идеже аще именуется; четверо же Евангелисты, четыре столпа миру и четырех добродетелей от Евангелия научаемся: мужеству, мудрости, целомудрию, правде, ибо четыре части миру суть: Восток, Запад, Север и полудние; и четверою частью круг лету венчается: весною, летом, осенью, зимою, и четверою частью земля состоится: Европою, Азиею, Америкою, Африкою».

Колокол Всесвятский, весом двести пуд. А на нем вылиты святые во весь год. В верхних поясах подпись: «В древнем законе повеле Моисею Господь Бог сотворити себе две трубы серебряные кованые Царю, да будут тии на создание сонму и составляти полки и да трубими има и да соберутся к тебе весь сонм пред дверьми храма свидения, и да трубите знамение; сынове же Аарона жерцы да трубят трубами, и да будет вам в закон вечный, в рождение ваше, в день веселия вашего, и в праздниках ваших и в новомесячиях ваших, да вострубите трубами, и на всесоздание и на трубы спасений ваших, и да будут вам на воспоминание пред Богом вашим, яко Аз Господь Бог ваш. Еще и в Новом Законе устрояная божественная благодать духовные трубы новому Израилю доброгласные кинвалы, или рещи общим словом колокола, и елицы слышав доброгласныя сия и духовныя трубы в праздники Господские и на всяку молитву во дни и в нощи усердно без лености собирания, не како пред храмом свидения древняго сеннописанного закона, но внутрь храма Господня, и не на едины чувственные вополчашуся враги, и на невидимые, по писанному: «Облечете бо ся во вся оружия Божия, яко возможи вам стати противу козням диавольским яко»... В нижних поясах подпись: «Несть наша брань к плоти и к крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, в духовом злобы поднебесным, и елицы победиша от таковых, сбьсться другое писание: святию вси победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, и паки: побеждающаго сотворю столпа церкви Бога моего, и по мале рече: побеждающему дам сести со мною па престол Моем, яко же и Аз победив и седох со Отцем Моим на престоле Его, и паки побеждаяй наследити вся, и будет ему Бог, и той будет мне в Сына паки: побеждающему дам ясти от древа животнаго, еже

есть посреде рая Божия; о них же есть инде речеся: сии суть, приидоша от скорби великия и испраша ризы своя в крови Агнчи, сего ради суть пред престолом Божиим, и служат Ему день и ночь в церкви Его поюще песнь нову, глаголюще: достоин еси прияти книгу и отверсти печати сия, яко заколен бысть и искупи Богови нас кровию Своею от всякаго колена и языка, и люди и племен, и сотворил еси нас Богови нашему Царя Иерея и воцарихомся на земли. С нами Бог их, и отымет Бог всяку слезу от очию их, и смерти не будет к тому, ни плача, ни вопля, ни болезни не будет к тому, яко первая мимо идоша блажени творящи заповеди Его; да будет область им на древо животне и враты внидут во град, с ними же сподоби, Боже, и нас причастником быти, страшливым же и неверным, и скверным, убийцам, и блуд творящим, идоложерцем и всем лживым, часть их в езере горящем огнем и жупелом». «Слит сей кимвал во славу Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, в монастырь Святаго Его Воскресения, рекомаго Новаго Иерусалима, тщанием и труды смиренного Никона, Божию милостию патриарха, с прочими трудившимися, при архимандрите Герасиме, лета 7173, ноемврия в 3 день, и от воплощения Бога Слова 1664 года, индикта 3-го, вылил колокол того же монастыря монах Сергей, а святцы набирал того же монастыря трудник Заборский».

Колокол Тресвятский, весу сто пудов, а на нем вылиты образа трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго; да подле них подпись, вылиты тропари и кондаки. Да в нижнем поясе подпись же: «Лета 7174, января в 21 день, и от Воскресения Бога Слова 1666, во славу Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, и Святаго Его Воскресения слит сей колокол на имя Святых трех Святителей: Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго и с воображенми образов тех, во царство великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малыя и Белья России самодержца, мздою и трудами смиренного Никона патриарха, с прочими резными хитрости, монахом Паисеом и колокольного дела монахом Сергием того же монастыря».

Да средних и малых колоколов двенадцать. Да колокол разбит в 30 пудов. Да на той же колокольне часы железные боевые с перечаьем, три колокольчика, да пять чашек медных, да часовой колокол³⁴⁵. Да колокольные меди слитков и лому триста семдесят один пуд десять гривенок³⁴⁵.

В одном из фронтовых куполов Петровской во имя Всех Святых каменной церкви находится колокольня с пятью колоколами. Колокола эти отлиты в 1850 году из материала, оставшегося от колоколов прежней церкви, во время пожара в 1848 году расплавившихся³⁴⁶.

Колокольня Варшавского кафедрального православного Свято-Троицкого собора в средней главной башне. В середине колокольни к устроенным из толстых брусьев связям прикреплены десять колоколов. Самый большой, весом 500 пудов; второй в 250; третий в 125; четвертый в 65; пятый в 32 пуда 27 фунтов; шестой в 18 пудов 27 фунтов; седьмой в 8 пудов 35 фунтов; восьмой в 4 пуда 27 фунтов; девятый в 1 пуд 39 фунтов и десятый в 1 пуд. Кроме того, есть еще один колокол *сигнальный*, имеющий весу 1 пуд 50 фунтов³⁴⁷. Колокола эти отливались на месте – в архиерейском саду вызванным из Москвы русским мастером. В материал на них употреблены пушки, из коих действовали поляки противу русских во время мятежа 1831 года. Наверху башни устроены большие часы. В клетке, в которой они укреплены, два окошка со стеклами, окованные и выкрашенные масляною краскою; в других двух отверстиях два циферблата из листового железа, стрелка и цифры бронзовые вызолочены³⁴⁸.

На колокольне Покровской церкви гор. Шуи – большой примернозвучный³⁴⁹ колокол вылит усердием прихожанина сей церкви почетного гражданина Ф.Г. Попова³⁵⁰.

При Троицкой, кладбищенской церкви, бывшем Троицком мужском монастыре, колокольня деревянная, на коей пять колоколов, да один разбитый. Внутри той колокольни часы боевые, железные, ветхие³⁵¹.

В 1654 году, во время похода царя Алексея Михайловича в Литву, в числе ратных людей, были и дуниловцы. Доказательством сему служит Царская грамота, присланная в Дунилово, 7192 (1684). Этою грамотою повелевалось им отыскать и отослать в Литву колокола, взятые дуниловцами в Литовских местечках Дубровне и Орлово. Это было после Андрусовского мира с Польшей. Один из этих колоколов висел на Покровской колокольне до 1818 года. После, несмотря на древность и значительность, – вместе с прочими разбили и его, при переливке колоколов³⁵².

На колокольне Шартомского мужского монастыря около города Шуи интересны два колокола: первый из них: древнейший, со следующей надписью: «Лета 7134 (1626) года мая в 20 день дали сей колокол, вклада к Николаю Чудотворцу, в Шартомский монастырь: старец Савватий дал тридцать три рубля, да старец Стахей дал двенадцать рублей четырнадцать алтын, по своим родителям и по своей душе; а весу 15 пудов, три гривенки». Второй колокол вылит в Москве мастером Федором Маториным при царях Иоанне и Петре Алексеевичах, лета 7193 (1685)³⁵³.

Здесь же интересен колокол в 198 пудов, по краям надпись: «Первый вкладчик Илья Михайлов (фамилия неразборчива), отлит 1790 года», наверху, с одной стороны, изображение Троицы, с другой – Николая Чудотворца³⁵⁴.

Очень интересен древний колокол в селе Шестакове. Утверждают, что царь Иоанн Васильевич в Шестаково подарил колокол, который будто бы шестаковцы, как дар царский, заботливо берегли и из липовых лык (отсюда и пошло пословие о «липовом Шестаковском колоколе») устроили на него чехол для защиты от непогоды. Действительно и поныне на Никольской колокольне находится древней наружности и особого звука колокол; на нем видна старинная славянская с титлами надпись: «Лета 7170 (1662)...(нельзя разобрать)... колокол Шестакова города Николаю Чудотворцу Великорецкому». Тот или другой пожалован, неизвестно³⁵⁵.

На колокольне надвратной Иоанно-Предтеченской церкви, что в Спасокаменном монастыре на Кубанском озере, было десять колоколов: из них большой, благовестный, весом 107 пудов, другой – 37, третий 25, четвертый 15, пятый 7, шестой – 2. Об этих шести колоколах в описи замечено, что их «после пожара переделывал архимандрит Ефросин на Москве из горелой меди», а об остальных четырех колоколах сказано: «Да старых колоколов от пожара осталось четыре колокола маленьких». Между колокольней и ризницей в каменной палатке помещались «часы боевые с перечаьем»³⁵⁶.

Колокольня Супрасльской Благовещенской церкви в виде триумфальных ворот каменная, 3-ярусная, построена во 2-й половине 18 столетия средствами монастыря с помощью княгини Феодоры Сапеги, урожденной Салтан. На ней 6 колоколов. Первый весом 150 пуд[ов], со следующей на славянском языке надписью: «Во славу и честь Богу в Троице Святей славивому и громогласнаго проповедника Его св. Иоанна Богослова, сей колокол паки наздася». На боковых частях имеются выпуклые изображения: с одной стороны орла, с надписью, как бы на ленте, на латинском языке 1 и 14 ст., глав. 1 евангелия Иоанна. Внизу под орлом рифмованное четверостишие, на польском языке, смысл какового следующий: как орел парит в небесах, так и звон колокола разгоняет громы, а приносит милость Божию. С другой, противоположной стороны, – апокалипсической жены, с надписью на латинском языке 1 ст., глав. 12 видения Иоанна. С третьей стороны распятие Спасителя, с надписью на латинском языке 14 ст., глав. 6, послания Галатам. С четвертой стороны рифмованная на польском языке надпись, в которой говорится, что колокола, отлитые архимандритами Кимбарем и Шибинским, во время пожара колокольни, бывшего 1702 года мая 21 дня, разбились, которые снова отлиты при архимандрите Ланевском 1704 года августа 2 дня. Второй колокол, весом 100 пуд., со следующей сверху на славянском языке надписью: «В честь и славу св. Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа». На боковой стороне сего колокола рифмованная на польском языке надпись, содержание коей следующее:

«Вышник, Кмита и Мокось», бывшие три колокола с такими названиями, «во время бывшего страшного пожара разбившиеся, в один перелиты, дабы единогласно в Троице Единого Бога славить, – в Супрасле, 1704 года августа 23 дня». На другой боковой стороне выпуклое изображение св. Троицы, помещенное в треугольнике, в виде Всевидящего Ока, с лучами – сиянием, которое имеет такой образный вид: в одной главе сочтаны три человеческих лица, чем выражена мысль единства Божества в трех лицах. Ниже сего изображения имеется на латинском языке надпись следующего содержания:

«Gloria Tibi Trinitas – Aequalis una.
Daeitas – Et ante omnia saecula –
Et nunc et in Perpetuum».

Архимандрит Модест в своем описании Супрасльского монастыря, при описании сего колокола, ошибочно утверждает, что на этом колоколе имеются изображения лиц, переливших колокола – Вышинки, Клипки и Мокоси, как это видно из латинской надписи на нем, относящейся к прославлению Троице Единого Бога. «Вышинка, Кмита», а не Клипка, «и Мокоси» не есть фамилии лиц, переливавших колокола, а есть название трех бывших колоколов, во время пожара разбившихся. «Вышник», должно быть, назывался потому, | что висел выше других колоколов. «Кмита и Мокосей – Шибинский» – носили фамилии тех лиц, коими они пожертвованы. Третий колокол, весом 30 пудов, современный двум перелитым со следующей на славянском языке надписью: «Буди имя Господне благословенно от ныне и до века». Затем еще три малых колокола: 3 пуда, 1 пуд и 30 фунт, приобретенных в 1879 году архимандритом Иннокентием. На сей колокольне имеются часы с недельным заводом, которые между прочим не в ходу, испорчены³⁵⁷.

На колокольне Ревельского Преображенского собора колоколов всего восемь: большой, весом 65 пудов, вылитый в 1751 г. 25 декабря; второй, весом 35 пудов, разбитый в 1884 году и для звона негодный; третий – весом 11 пуд[ов] 32 фунта; четвертый – весом 6 пуд[ов] 12 [фунтов], пятый – весом около 10 пудов (вес не обозначен) с надписью готическими буквами: «Dum trahor audite voco vos ad gauda vitae 1575 anno fecit me Matias Beninck», т.е. «когда в меня звонят, то слушайте, я зову вас к радостям жизни. В 1575 г. сделал меня Матиас Бенинк». Шестой – тоже около 10 пуд[ов] весом (вес не обозначен) с надписью такими же буквами: «Verbum Domini manet in aeternum. Anno 1623. Stoebt mich Hans Kemmer у Helshenor», т.е. «Слово Божие пребывает вовеки. В 1623 году вылил меня Ганс Кеммер в Гельшеноре» (Гельзингер портовый датский город при Зунде). Седьмой – небольшой, весом 30 фунтов. Восьмой – весом 20 фунтов. Кроме того, еще колокольчик под навесом в ограде для повесток к звону.

Затем сохранился еще Указ С.-Петербургской Духовной Консistorии от 17-го июня 1842 г. за № 4624 на имя Эстляндского Духовного Правления относительно обмена колоколов, произведенного между ревельским Преображенским собором и Балтийско-Портской церковью. «По указу Его императорскаго величества С.-Петербургская Духовная Консistorия слушали рапорт Эстляндского Духовнаго Правления от 5 минувшаго мая за № 221 следующий:пвследствие резолюции Его преосвященства Венедикта, епископа Ревельского, викария С.-Петербургского и кавалера, объявленной сему Правлению Указом С.-Петербургской Духовной Консistorии от 12 генваря сего года за № 400, разбитый колокол Балтийско-Портской Георгиевской церкви снят с колокольни и, по вывешании и составлении акта, представлен в Ревельский собор, где и хранится в церковном чулане, на место же сего отдан ревельскими соборянами колокол из упраздненной Феодоро-Стратилатовской церкви. Духовное Правление, рапортуя о сем, препроводило составленный Балтийским причтом и некоторыми прихожанами за собственноручным их подписанием акт. В акте сем прописано: 1842 года марта 14 дня,

по предписанию Эстляндского Духовного Правления от 27 января за № 52, вследствие Указа СПб. Духовной Консисории от 12 января с. г. за № 400, в Балтийско-Портской Георгиевской церкви находившийся разбитый большой колокол снят и свешен, в коем оказалось весу 30 пуд. 26 ф., вместо же онаго полученный из Ревельского собора, из упраздненной Феодора-Стратилатовской церкви колокол, весом в 20 п. 27 ф. По справке оказалось:

1) Благочинный ревельского Преображенского собора протоиерей Алексей Смирнов рапортом к Его преосвященству от 19 сент. вследствие прошения причта Балтийско-Портской церкви испрашивал дозволения на неизъясненную передачу колоколов из Рев. собора в Балтийско-П. церковь, а из оной в Рев. собор, при чем объяснил, что разбитый колокол будет храниться в Соборе, доколе найдется возможность увеличить вес его до ста пудов и перелить, собрав от доброхотных дателей потребную для того сумму и прибавив ктому другие поврежденные колокола, которые имеются при соборе. 2) На представленном от протоиерея Его преосвященства 7 января 1842 г. предписано: колокол упраздненной Феодоровской церкви, 20 п. и 27 ф. Ревельским Соборянам отдать в Балтийскую церковь, а из оной по взаимному соглашению, взять в Собор разбитый, дозволить на тех основаниях, которые изложены в рапорте благочинного, протоиерея Смирнова, от 19 сент. 1841 г. за № 69 с тем, касательно последняго, чтобы он 1) вслед за снятием с колокольни Балтийской свешен был надлежащим образом и о количестве весу его составлен был акт за подписанием причта, старосты и нескольких почетнейших прихожан; 2) акт тот доставит подлинником в Консисорию и точныя копии с него иметь как при Балтийской церкви, так и при Соборе, и 3) когда откроется возможность по Рев. собору на перелитие сего колокола рапортовать об этом, послать указ, а дело затем подать». – Приказали: 1) присланный при рапорте Эст Дух. Правления акт о вывешивании колоколов Рев. собора и Балтийской церкви, обмененных по взаимному согласию причтов сих церквей и по резолюции Его преосвященства, приложить к делу; 2) об означенной перемене колоколов причтом: Балтийской и Ревельской церквей с церковными старостами сделать отметку в церковных описях; 3) причту Рев. собора предписать, чтобы учинил исполнение по 3 пункту резолюции Его преосвященства 7 января отрапортованием, когда откроется возможность по Ревельскому собору на перелитие колокола; 4) об исполнении по сему, в чем следует предписать (и предписывается) Указом Эстляндскому Духовному Правлению. Июня 17 дня 1842 года. Подлинное подписали: Спасосенновский протоиерей Иоанн Иванов. Секретарь М. Верещагин. В должности столоначальника Ив. Богословский. С подлинным верно письмоводитель диакон Карнин. Указ сей принят причтом и записан по описи под № 288».

Разбитый колокол хранился в церковной ограде на особом столбике, наконец, был продан и на вырученную от продажи сумму приобретено 4 билета 5% с выигрышами внутреннего займа 1864 г. и два билета Харьковского Земельного банка по 100 руб. каждый, и все эти шесть билетов составляли особый капитал, со специальным значением, на покупку нового колокола. Но по указам Русской Духовной Консисории от 10 июля и 8 августа 1887 г. за №№ 3513 и 3877 этот колокольный капитал, вместе с прочими наличными капиталами, как церковными, так и причтовыми получил другое назначение, т.е. употреблен на покрытие долгов, образовавшихся при перестройке соборного причтового дома³⁵⁸.

Колокольня Белевской Жабынской пустыни находится недалеко от Знаменской церкви. Время построения ее утвердительно неизвестно: монастырское предание говорит, что она построена одновременно со старою Знаменскою церковью строителем монахом Серафимом в конце прошлого столетия (на ней 9 колоколов).

В верхнем ярусе помещены колокола; в большом весу 56 пудов; из надписи на нем видно, что он принадлежал некогда Тульскому Предтечеву монастырю, перелит из

старого в 1776 году при архимандрите Иоакиме, мастером Николаем Котельниковым³⁵⁹.

Во вкладной книге Белевского Жабынского монастыря под № 12 записано так: «Белевца посацкаго человека Афанасия Стефанова сына Скопина, укладу дано Богородицы в церковь колокол, 12 рублей»³⁶⁰.

По описи 1800 года в числе других строений в Малоярославецком Черноостровском Николаевском общежительном монастыре и колокольня небольшая каменная, на ней четыре колокола, вес не обозначен³⁶¹.

Игуменом Макарием для Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря приобретено от добротных дателей 4 колокола, из коих большой весом в 251 пуд, за ним следующий в 172 пуда, средний в 87 пудов и меньший в 47 пудов³⁶².

Нынешняя колокольня в Малоярославецком Черноостровском Николаевском общежительном монастыре находится при входе на среднюю монастырскую площадку прямо против соборного храма. Во втором ярусе колокола, а в третьем боевые часы. Колоколов всех 10: большой, весом в 254 пуда 10 фунтов, вылит в Москве в 1822 году, по усердию купца Михаила Гаврилова Богданова. Полиелейный, весом в 189 пуд[ов] 10 фунтов, вылит в 1805 году в Москве, по усердию купца Василия Иванова Веневцева³⁶³.

Колоколен в Псково-Печерском монастыре две³⁶⁴. 1) К востоку от Успенской церкви, по той же линии, на площадке стоит отдельно главная монастырская колокольня, каменная из нескольких столбов, поставленных в одну линию от запада к востоку. Колокола, числом 18, висят в два ряда; некоторые из них без надписей, и надписанные не восходят далее 17 века, кроме одного, который вылит при Иване Грозном. В три большие колокола звон производится качанием посредством коромысел³⁶⁵. По всему устройству видно, что колокольня эта современна нынешней Успенской церкви. Рядом с колокольней, или вернее сказать, к ней приделана со стороны часовая башня. Близ часов изображен Ангел, возвещающий скоротечность времени и краткость человеческой жизни. 2) При Никольской церкви устроена, в одно время с нею, каменная небольшая колокольня. На трех каменных столбах ее висят 8 колоколов; три небольших колокола принесены сюда от Дмитриевской упраздненной церкви и отбиты в 1851 году у неприятеля, похитившего их в погосте Напольном от храма св. Николая Чудотворца³⁶⁶.

В 1748 году июля 7 в Туле для Брянского Свенского Успенского монастыря отлит колокол весом в сто тридцать пудов и другой колокол в пятнадцать пудов тридцать три фунта, а в следующем 1749 году перелит колокол в триста пудов³⁶⁷.

Колокольня при Брянском Свенском Успенском монастыре была каменная, на которой глава и кровля обгорелые. На колокольне было девять колоколов больших и малых; а десятый колокол висел на земле на козлах, в 200 пудов; и часы боевые большие железные без перечастья»³⁶⁸.

На колокольне Владимирского Рождественского монастыря (Архиерейский дом) восемь колоколов. Большой колокол (без образов), весом в 300 пудов, пожалован царем Михаилом Федоровичем, как видно из вырезанной вглубь вязью надписи: «Божиею милостию повелением великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца слит сей колокол в лето зѣмѣ (год записан неверно, правильно – зрѣмѣ – 7144 г. от СМ – 1636 г. от РХ.) в ѣд-е (24) лето государство Его при царице и великой княгине Евдокее Лукияновне и при благородных чадех царевиче князе Алексее Михайловиче, и царевиче князе Иване Михайловиче, и царевне и великой княжне Ирине Михайловне, и царевне и великой княжне Анне Михайловне, и царевне и великой княжне Софии Михайловне, и царевне и великой княжне Татиане Михайловне, и при их богомольце Святейшем Иоасафе патриархе Московском и всея Руси в третье лето патриаршества его и дал государь сей колокол во град Володимир Пречитые Богородицы в Рождественской монастырь и великаго чудотворца князя

Александра Невского по отце своем Государеве блаженныя памяти великом государе святейшем Филарете Никитиче патриархе Московском и всея Руси в вечную память³⁶⁹.

На колокольне Боголюбова монастыря на большом колоколе имеется надпись: «7198 (1690) года сей колокол лил гостинный пасти (сотни) Иван Миначек»³⁷⁰.

На колокольне Юрьевского Архангельского монастыря интересны два колокола: 1-й весом в 109 пудов; куплен в Москве в 1688 году на монастырские средства; 2-й весом в 60 пудов в 1685 году приложен вдовою Анфисой Печатовой в вечное поминовение мужа ее, Федора Матфиева³⁷¹.

Колокольня Никольского мужского заштатного монастыря, в городе Гороховце, каменная стоит отдельно от Троице-Никольской церкви. На ней имеется больших и малых 9 колоколов, из них самый большой колокол весит 157 пуд[ов] 27 фунтов], слит в Москве иждивением гостинного сотника Петра Иванова Ширяева в 1742 г. ноября 11 дня³⁷².

Среди церковных вещей в Скопинском Свято-Духовом монастыре интересен колокол весом в один пуд два фунта, он замечателен своею древностью и несомненным доказательством бывшего на том месте Троицкого монастыря, по сохранившейся на нем славянской надписи: «РПН (7188 г. от СМ – 1680 г.) мая 10 дня, изложил сей колокол в пустыне Святыя Троицы, что в Скопине, съезжей избы подъячий Колиник Васильев сын Канищев, по своих родителях»³⁷³.

Близ соборного храма Флорищевой пустыни, Гороховецкого уезда, к западу, находится монастырская каменная колокольня, построенная одновременно с собором и равная с ним по высоте. На ней несколько колоколов, из коих большой весит 535 пудов. Между малыми колоколами есть жертвованные царем Федором Алексеевичем, из коих один в 200 пудов, подаренный им Иллариону, перелит при строителе Иерониме и в другой раз при игумене Порфирии уже в недавнее время³⁷⁴.

Во время пожара в 1855 году, истребившего почти весь Успенский Первоклассный Княгинин монастырь в губ. гор. Владимире, колокола упали с колокольни, дали трещины, что вынудило впоследствии перелить их на новые. Из числа прежних колоколов остались два маловесных колокола. На одном из них есть исторически интересная надпись: «Лета 7075 (1567) апреля в 25 день слит сей колокол и 2 наколокольник в Великом Нове городе при державе всея Русския земли царе и великом князе Иване Васильевиче и всея Руси и Владимирском и Московском и Новгородском и Казанском и всея Можайския земли и града Юрьева и иных многих и при отце его и богомольце Филиппе митрополите всея Руси и архиепископе Пимене Великаго Новаго града и постави сии три колокола Никифор Никитич Суцев по бабке по своей по Варваре Федоровне по Семеновой, жене Васильевича Суцева, а во иноцех Варсонофия, в дом Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа Успения Пречистыя Его Богоматери Володимерском уезде на Колокши реки, а погребено бысть тело ея в том же монастыре на память Ивана Лествица Списателя одесную церкви страну, а подписал сей колокол Митя Иванов сын Благовещения з Городища»³⁷⁵.

На колокольне Николаевского женского монастыря в гор. Переяславле старинный большой колокол, от времени потемневший; на нем в три ряда надпись выпуклыми полууставными буквами, от времени несколько стертymi: «1746 году октября в 30 день вылит сей колокол в город Переяславль-Залесский во обитель Чудотворца Николая, что на Болоте, в бытность тех христоробивых дателей, а весу в нем 321 пуд 20 ф... лил сей колокол мастер Константин Михайлов Слизов... Обители отца игумена Иакова Певницкого с братиею вновь прибавлено к старому колоколу 100 пудов по обещанию Московских купцов Максима и Ивана Ивановых детей Щелягиных, Алексея Борисова сына Счелягина, Ивана и Бориса Ивановых детей Глухаревых и от прочих, их родителей вкладному»³⁷⁶.

Из колоколов на колокольне Святоозерской женской пустыни, Гороховецкого уезда, замечателен 3-й, весом около 8 пудов; на нем имеется надпись: «Te Deum laudamus? Te Dominum conf.»; немного ниже вязью написано: «Лета 7178 г. марта в 10 день (1670) дал вкладу сей колокол в пустыню на Свято озеро Пречистыя Богородицы Иверския до преподобнаго отца Афонского Гороховленин Семен Ершов»³⁷⁷.

Колоколов на колокольне Ростовского Рождественского женского монастыря шесть: первый большой колокол имеет весу 112 пуд. 36 фунтов (он куплен взамен разбитого в 1795 г.), второй колокол – в 30 пуд., третий – в 15 пуд., четвертый – в 6 пуд., пятый в 2,5 пуда и шестой в 2 пуда. На колокольне устроены в половине 1899 года боевые часы с четвертями иждивением ростовской купеческой вдовы Елисаветы Дмитриевны Мальчиной. Циферблат часов виден с трех сторон: северной, западной и восточной³⁷⁸.

Колокольня Троицкого Желтоводского Монастыря у Старого Макарья с разными архитектурными украшениями потерпела в разное время некоторые переделки, но все-таки в общих чертах сохранила свою форму. В ней до разорения монастыря было 12 колоколов, имевших прекрасный звон, так как колокола были подобраны по тонам, и звонари, как передают, имели для своего руководства ноты. Самый большой колокол весил 314 пудов и имел надпись: «Лета 7194 (1685) году месяца октоврия милостею Божией при державе государей царей и великих князей Иоанна Алексееича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Роси самодержцах, по благословению преосвященнейшаго Филарета митрополита Нижегородскаго и Алаторскаго вылит сей колокол в Макарьев монастырь Желтоводскаго при архимандрите Сергии, при келаре старце Галактионе, при казначее бывшем игумене Варлааме, монастырскою казною, весу в нем 314 пуд, лили мастера чебокаренския Савва Никитин да сын его Петр». Теперь все эти колокола сняты и проданы попечительством в новый ярморочный собор. Три или четыре небольших колокольчика, чуть слышным звоном, призывают богомольцев принести мольбы к преподобному о возобновлении обители, сокрушенной не стихией и временем, а людской алчностью и непониманием красоты архитектурных памятников допетровской Руси, составляющих нашу гордость³⁷⁹.

По описи 16 июня 1797 года в числе других вещей Виленского Свято-Духова монастыря значится четыре колокола: Большой в 376 пудов, вылит 1769 года ноября 12; другой, в 80 пудов – 1769 года июня 16; третий, в 35 пудов, вылит 1731 года и четвертый, в 3 пуда, того же года; колокольчика два – один *над алтарем*, другой *внутри церкви употребляемый*³⁸⁰.

Здание колокольни Виленского Св.-Духова монастыря в нынешнем виде каменное, трехъярусное, четвероугольное, с железною крышею на карнизах и куполе, со шпилем и на нем шаром и крестом, вызолоченным через огонь. Из числа семи колоколов самый большой, в 376 пудов, вылит 19 ноября 1769 года, второй, в 80 пудов, вылит 16 июня того же года; третий, литый в Ярославле Порфирием Оловянишниковым в 1866 году, весит с языком³⁸¹ 42 пуда; остальные четыре малых колокола без означения веса и времени литья³⁸¹.

Колокольня Борунского монастыря, ныне составляющем отделение Свято-Духова монастыря, имеет форму четырехугольной башни и построена из кирпича; на ней четыре небольших колокола без надписей³⁸².

Колокола Санкт-Петербурга

Колокол на колокольне Петропавловской крепости в Петербурге весит с небольшим 200 пуд[ов] и привезен из Москвы в 1725 году³⁸³. 2-й полиелейный – 150 пудов] 1,75 ф[унта], 3-й повседневный – 70 п[удов] 20 ф[унтов], 4-й великопостный – 63 пуда 20,5 ф[унтов]. Колокола с 5-го по 10-й включительно не имеют особых названий, 5-й неизвестно сколько весит, 6-й – 11 пуд[ов] 16 ф[унтов], 7-й – неизвестно, без языка за неимением скобы для него, 8-й – 8 пуд[ов] 13 ф[унтов], 9-й – неизвестно, 10-й – 1 пуд 30,5 ф[унтов], 11-й, 12-й, 13-й и 14-й – малые, вес каждого неизвестен. Часы повешены над соборными колоколами. На каждом из часовых колоколов, с наружной стороны, находится литая надпись на иностранном языке³⁸⁴.

Колоколов в Исаакиевском соборе одиннадцать³⁸⁵. Веса в них 4349 пудов. Цена колоколов шестьдесят две тысячи рублей. Отлиты они в С.-Петербурге, на Малой Охте, Валдайским колокольным мастером Иваном Макаровым Стуколкиным.

Самый большой колокол имеет веса 1860 пудов и 23 фунта, кроме языка, который весит 49 пудов и 29 фунтов. В поперечнике он имеет четыре аршина десять вершков и украшен пятью медалями императоров Петра 1, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. В настоящее время этот колокол дал трещину. На нем славянская надпись из псалма: *«Воспойте Господеви песнь нову, хваление Его в церкви преподобных; да возвеселится Израиль о сотворшем Его и сынове Сиони возрадуются о Царе своем»*.

Второй по величине колокол, воскресный, на северо-восточной колокольне. Он весит 976 п[удов] 36 фун[тов]; язык его – 31 пуд 3 фунта. В диаметре своем имеет 3 арш[ина] 13 вершк[ов]. Он украшен изображениями четырех Евангелистов и имеет надпись: *«Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их. От края небесе исход его и сретение его до края небесе»*.

На юго-западной колокольне полиелейный колокол в 663 пуда; язык 18 пудов 27 фунтов; в диаметре 2 аршина 12 вершк[ов]. Он украшен ликами московских святителей, митрополитов: Петра, Алексея, Ионы и Филиппа. На нем надпись: *«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирающе на скончание жителства, подражайте вере их»*.

На юго-восточной колокольне восемь колоколов различной величины, именно: первый, весом в 320 пуд[ов] 30 фун[тов] и язык в 10 п[удов] 13 ф[унтов], в диаметре 2 ар[шина] 4 вершка], украшен изображениями: преподобного Исаакия Далматского, св. Равноапостольного князя Владимира, преподобного Сергия Радонежского и св. благоверного великого князя Александра Невского. На этом колоколе следующая надпись: *«Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждении силы Его, хвалите Его на силах Его, хвалите Его по множеству величества Его»*.

Второй, весом в 206 п[удов] 30 фунтов] и язык в 5 пудов] 27 фунтов], в диаметре 1 арш[ин] 12 вершков, имеет надпись: *«Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе; да поет же имени Твоему Вышний»*.

Третий, весом в 99 пудов] 28 фунтов] и язык в 3 п[уда] 5 ф[унтов], в диаметре 1 ар[шин] 6 вершков], имеет надпись: *«Радуйтесь Богу, помощнику нашему, воскликните Богу Иаковлю. Примите псалом и дадите тимпан»*.

Четвертый, весом в 55 пудов и язык в 1 пуд] 28 фунтов], в диаметре 1 арш[ин], имеет надпись: *«Воспойте Господеви песнь нову; хваление Его в церкви преподобных»*.

Пятый, весом в 23 п[уда] 25 ф[унтов] и язык в 33 ф[унта], в диаметре 12 вершков, имеет надпись: *«Благовестите день от дне спасение Бога нашего. Возвестите во языцех славу Его»*.

Шестой, весом в 12 п[удов] 5 ф[унтов] и язык в 17 ф[унтов], в диаметре 10 вершков, имеет надпись: *«Хвалите Его в кимвалех доброголасных; хвалите Его в кимвалех»*.

восклициания».

Седьмой, весом в 6 п[удов] 18 ф[унтов] и язык в 8,5 фунтов], в диаметре 8 вершков, имеет надпись: «*Пойте Господеву в гуслих, вострубите пред Царем Господем*».

Восьмой, весом в 2 п[уда] 28 ф[унтов] и язык в 4,5 ф[унта], в диаметре 6 вершков, имеет надпись: «*Воскликните Богови вся земля, воспойте, и радуйтесь и пойте*».

Все колокола вылиты из старых сибирских пятак, которых для сего по Высочайшему повелению отпущено было до 4000 пудов. Ценность каждого пуда этой меди, заключающей в себе 1 зол[отник] 35 дол[ей] золота и 31 зол[отник] 3 дол[и] серебра, составляет 21 рубль 77,5 коп[еек] серебр[ом]; но повелено взять за пуд по 9руб[лей] 50 коп[еек] серебр[ом], т.е. ту цену, какая была в то время за медь в штыках.

Несмотря на то что колокола не на одной колокольне, а на всех четырех, по четырем углам собора, на расстоянии друг от друга 20 сажен, звон начинается так же постепенно и оканчивается также вдруг, как бы и на одной колокольне.

Этим делом заправляют особые звонари 12 человек под дирекцию главного из них, который занимается своей профессией около 60 лет. Звон Исаакиевских колоколов сильный, но гармоничный. Он покрывает звон всех городских церквей и далеко слышится за столицей³⁸⁶.

На колокольне Морского Богоявленского Николаевского собора в С.-Петербурге, для благовеста и звона, 13 медных колоколов; 1-й, большой колокол, весом 541 пуд 14 ф[унтов], перелит в 1865 году из вылитого в 1835 году и разбитого по времени колокола, весом 487 п[удов] 19 ф[унтов] с прибавкой новой меди. 2-й, полиелейный, весом 282 п[уда] 12 ф[унтов], вылит в 1758 году января 24 дня, на нем образ распятия. 3-й, ежедневный, весом 174 п[уда], с надписью: «Лит сей колокол в Москве, московским мастером Константином Михайловым Слизовым. 4-й, весом 115 пуд[ов] 38 ф[унтов]. В прошлом столетии колокол сей называли пожарным, по той, конечно, причине, что в него ударяли во время пожара. 5-й, весом 64 п[уда] 15 ф[унтов], лит в 1758 г. и тем же мастером Слизовым. 6-й весом 38 п[удов] 30 ф[унтов], 7-й – 20 п[удов] 2 ф[унта], 8-й – 12 пудов] 12 ф[унтов], 9-й – 6 п[удов] 109 ф[унтов], 10-й – 4 п[уда] 9 фунтов], 11-й – 2 п[уда] 24 ф[унта], 12-й – 2 п[уда] 13 ф[унтов] и 13-й – 1 п[уд] 24,5 ф[унта]. Во всех колоколах весу 1266 п[удов] 21,5 ф[унт].

Отлитие вышеозначенных колоколов имеет свою небольшую историю. Первоначально, в ноябре 1756 года, по распоряжению Адмиралтейской Коллегии, постройка колоколов, в числе 10-ти, поручена была московскому купцу Семену Гаврилову Мозжухину, и меди на этот предмет из Адмиралтейских магазинов отпущено было 486 п[удов] 38 ф[унтов], да чистого пруткового олова 121 п[уд] 29 ф[унтов] 52 з[олотника]. На сумму, по существующим в то время на сии предметы ценам (медь по 6 р[ублей] 50 к[опеек] и олово по 7 р[ублей] 25 копеек] за пуд), 4047 р[ублей] 80 к[опеек].

Колокола эти вылиты были в Москве в начале 1757 года и привезены в Петербург в апреле того же года. Весу в них оказалось, кроме ушей и языков, 529 п[удов] 13 ф[унтов], а с ушами (2 п[уда] 30 ф[унтов]) и языками (18 п[удов] 1 ф[унт]) 550 пудов] 4 ф[унта]. Но прежде, чем были подняты колокола сии на свои места, чрез дежурного генерал-адъютанта Александра Борисовича Бутурлина, от 25 мая 1757 г. последовало такое Высочайшее повеление: ее императорское величество все милостивейшая государыня указать соизволила – от вновь строящейся каменной полковой церкви колокольный звон взять в Царское Село к Знаменской церкви, а на место его тем же весом и толиким же числом построить колокола от правительствующего Сената. Вследствие сего повеления, колокола были взяты в Царское Село; и хотя в марте 1758 г. они опять были возвращены в Морскую церковь, но, за распоряжением Коллегии, согласно вышеозначенному высочайшему повелению о вылитии новых колоколов,

некоторые из них остались без употребления и куда девались, неизвестно, а другие употреблены для отбоя часов на колокольне.

Колокола, оставшиеся без употребления, суть следующие: 1) весом 240 пуд[ов] 5 ф[унтов], 2) 132 пуда 34 ф[унта], 3) 72 пуда 5 ф[унтов], 4) 21 пуд 30 ф[унтов] и 5) 12 пудов 30 ф[унтов], всего весу – 479 пудов 24 ф[унта].

Колокола второго заказа, в числе 12, отлиты были также в Москве на заводе того же Мозжухина, из меди и олова, отпущенного также от Адмиралтейства, – первой (меди) в количестве 661 п[уд] 28 ф[унтов], а второго (олова) 165 п[удов] 20 ф[унтов], на сумму 5542 р[убля] 30 к[опеек]. Весу в них оказалось 719 пудов] 14 ф[унтов], кроме ушей и языков, а с ушами (4 п[уда] 13 ф[унтов]) и языками (23 пуда] 20 ф[унтов]) 747 п[удов] 7 фунтов]. Колокола эти вылиты в 1758 году и были следующего веса, как видно из рапорта Московской Адмиралтейской Конторы в Коллегию от 26 февраля 1758 г.: 1) 282 п[уда] 12 ф[унтов], 2) 174 п[уда], 3) 115 пудов] 38 ф[унтов], 4) 64 п[уда] 15 ф[унтов], 5) 38 пудов] 30 ф[унтов], 6) 20 п[удов] 20 ф[унтов], 7) 12 п[удов] 12 ф[унтов], 8) 6 п[удов] 10 ф[унтов], 9) 4 п[уда] 9 ф[унтов], 10) 2 п[уда] 24 ф[унта], 11) 1 п[уд] 20 ф[унтов] и 12) 1 п[уд].

Из сравнения веса этих колоколов с весом имеющих в настоящее время на колокольне Николаевского собора колоколов, ясно видно, что колокола сии, кроме большого колокола, весом 541 п[уд] 14 ф[унтов], и самого малого, весом 1 п[уд], все принадлежат ко второму заказу, т.е. вылиты в 1758 году. Колоколов, отбивающих часы, 9 и следующего веса: 1) 38 пудов] 18 фунтов], 2) 7 пудов] 3 ф[ун-та], 3) 3 п[уда] 38 ф[унтов], 4) 1 п[уд] 20 ф[унтов], 5) 24 ф[унта], 6) 20 ф[унтов], 7) 18 ф[унтов], 8) 17 ф[унтов] и 9) 17 ф[унтов].

Первые четыре колокола принадлежат к первому заказу, а последние пять приобретены, вероятно, после. Отливка 12 колоколов 2-го заказа окончена еще в январе 1758 г. и 15 февраля они на санях, зимним путем, отправлены были в Петербург, но привезены сюда уже в мае месяце, и при том водою, находившись в дороге около 3 месяцев. Причиной такого долгого провоза было распутие и то обстоятельство, что при спуске с горы на мост, близ Бронницкого яму, под селом Вилы, 11 марта, от неосторожности и самоволия ямщиков, у большого колокола (весом в 282 пуда 12 ф[унтов]) учинилось повреждение края, вследствие чего колокола были сняты с саней и положены в удобное и безопасное место, а ³⁸⁷отсюда отправлены водою на судне уже 17 апреля, и привезены в Петербург 11-го мая³⁸⁷.

В начале 1778 года с двух сторон было заявлено желание овладеть большим колоколом Николаевского монастыря в Петербурге, и колокол был взят из монастыря. Именно: игуменья Староладожского Успенского женского монастыря Александра Шубина с сестрами и причт с прихожанами Климентовской новолодожской церкви обратились к первосвященному Гавриилу архиепископу Новгородскому и С.-Петербургскому с просьбами об отдаче им большого колокола из Николаевского монастыря. Климентовские прихожане и причт задумали овладеть колоколом на время только, и на известных условиях, дело в том, что, выстроив в 1760 году каменную колокольню, вышиною до колоколов в 11 сажень, и потом окончив в 1764 году постройку каменной Нерукотворного образа церкви с двумя приделами каменными же, – они значительно истощились в средствах, были не в состоянии купить для своей церкви большой колокол и должны были довольствоваться – весьма малым для городской церкви – шестнадцатипудовым колоколом. Поэтому они просили преосвященного Гавриила отдать Климентовской церкви николаевский колокол с тем условием, что этот колокол, в случае надобности, снова будет возвращен в монастырь, или будет уплачена за него, кому будет приказано, надлежащая сумма из церковных денег. Староладожская игуменья просила колокол своему монастырю, не указывая ни на какие сроки и условия владения им.

Преосвященным поручено было Новоладожскому правлению навести обстоятельные справки о колоколах во всех трех староладожских церквях и представить справки с мнением о том, кому бы справедливее было уступить колокол.

По справке оказалось, что 1) в штатном Успенском девичьем монастыре четыре колокола: первый – весом двенадцати пуд[ов], второй – четырех пуд[ов], третий и четвертый – по одному пуду; 2) при Георгиевской церкви – пять колоколов: первый весом пяти пуд[ов], второй – трех пуд[ов], третий – двух пудов], четвертый – 30 фунтов, пятый – 8 фунтов; 3) в Николаевском монастыре (кроме большого, вес которого не означен) четыре колокола: первый – весом 12 пуд[ов], второй – полтора пуда, третий и четвертый – по 15 фунтов. В мнении своем правление высказалось в пользу предоставления большого николаевского колокола Староладожскому Успенскому монастырю, «понеже в оном и священнослужение имеется повседневное и народа собрание бывает большое». Преосвященный решил отдать колокол Успенскому монастырю, и 24 марта 1778 года правление донесло, что колокол в Успенский монастырь взят³⁸⁸.

Из пожертвований в Николаевский монастырь в Петербурге поступил в 1828 г. от неизвестного колокол, весом 24 пуда, который был разбит и поступил вдобавок к вылитому в 64 пуда».

На колокольне Староладожского упраздненного Иоанно-Предтечева монастыря следующие колокола: 1) По середине колокольни на деревянной балке укреплен большой праздничный колокол, весом сто пудов двадцать семь фунтов. На нем вылиты образа: Тихвинской Божьей Матери, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца и равноапостольных царей Константина и Елены, и четыре Серафима, а также надпись в четыре строки: «Колокол сей вылит в Староладожский Николаевский монастырь при высокопреосвященном Исидоре, митрополите Новгородском и Санкт-Петербургском, при настоятеле монастыря игумене Иоанне, в лето от Рождества Христова 1864 августа 30 дня усердием Санкт-Петербургскаго купца Алексея Голубкова в память усопшей купчихи Елены». По низу надпись: «Вылит в Санкт-Петербурге, на заводе купца Михаила Макарова Стуколкина, весу 100 пуд[ов] 27 фун[тов]».

Прочие колокола размещены в просветах, на деревянных балках. Вторым колокол, полиелейный, весом в 64 пуда, вылит в 1841 году. На нем вылиты: образ Николая Чудотворца, пять серафимов и в две строки надпись: «1841 года, месяца июня дня, вылит на заводе Новгородскаго Юрьева монастыря, в Староладожский Никольский монастырь, усердием строителя иеромонаха Сергия, весом 64 пуда». Из монастырского архива видно, что колокол сей указом С.-Петербургской Духовной Консистории 27-го сентября 1830 года, разрешено вылить из пожертвованной в монастырь меди до 40 пудов, и из разбитого монастырского колокола в 24 пуда. Третий колокол в 30 пудов, вылит в 1833 году; на нем вылиты иконы Казанской Божией Матери и Николая Чудотворца, и надпись: «В Староладожский Николаевский монастырь, от усердия онаго монастыря строителя иеромонаха Августалия». По низу: «Сей колокол лил в городе Валдае колокольных дел мастер Григорий Алексеев Митрофанов 1833 года». Кроме этих колоколов, висят еще 7 колоколов, весом примерно в 10 пудов и менее пуда. Время построения самой колокольни неизвестно. В прежнее время на колокольне были боевые железные часы, которые, предписанием 6-го июня 1754 года, вытребованы в Александровский монастырь³⁸⁹.

На колокольне Иоанно-Предтеченской церкви в Петербурге находятся четыре колокола: один большой, другой средний и два маленьких. На колоколах сохранились надписи. На большом колоколе написано (начало от восьмиконечного креста): «Лета 7112 (1604 г.) к вознесенью и к рождеству Ивана Предтечи на Малышеву Гору в Ладощ слито два колокола при благоверном государе царе и великом князе Борисе Феодоровиче всея Руси при его благоверной царице великой княгине Марии и при их

благородных чадах царевиче Феодоре царевне Ксении и при освященном митрополите Исидоре Великаго Новаграда и при настоящем игумене Деонисии». На среднем колоколе (начало от херувимской головки) написано «Si*Deus*Pro*»Nobis*Quis*Contra*Nos*» (т.е. если Бог за нас, кто против нас) «Аппо 1643 С*»О*S*F*M*Rom*8». На колоколе изображены два единорога, стоящие на задних ногах, и потом посредине в виде клейма:

Н
А ТОПА ΘЭТ
ПЭАӨ³⁹⁰

На соборной Успенской церкви, в третьеклассном Староладожском Успенском женском монастыре, на углу стояла деревянная, [в]осьмиугольная колокольня в одну сажень и длиною и шириною. На ней было пять колоколов: большой колокол 16 пудов, второй колокол 4 ¹/₂ пуда, остальные три колокола без означения веса. Покрыта колокольня тесом³⁹¹.

Колокольня Успенского монастыря в С.-Петербурге построена двухъярусная игуменьей Евпраксией; а потом надстроен на ней третий ярус при игуменье Февронии в 1829 году; каменная о четырех просветах. На ней висят восемь колоколов: первый в 91 пуд 30 фунтов. На нем надпись: «Сей колокол лит в С.-Петербурге на заводе купца Михаила Стуколкина 1858 года августа 25 дня». Он перелит из старых колоколов с добавлением меди. В состав его, вероятно, вошел большой колокол Николаевского Староладожского монастыря, отданный Успенскому монастырю в 1778 году. Второй колокол – в 40 пудов. На нем надпись: «1791 года февраля 1-го вылит сей колокол в Староладожский Успенский девичий монастырь, весу 40 пудов». Третий колокол – в 25 пуд[ов] 8 фунт[ов]. На нем надпись: «1796 года генваря 20 дня вылит сей колокол в Староладожский Успенский девический монастырь старанием игуменнии Евпраксии, весу 25 пудов 8 фунтов». Четвертый колокол в 17 пудов. Вес остальных 4 колоколов малых неизвестен³⁹².

Из колоколов собора во имя Казанской Божией Матери в С.-Петербурге замечательны первые четыре, бывшие на колокольне церкви Рождества Богородицы.

Первый большой колокол, называемый *праздничным*, с изображением Казанской Богородицы, с тремя с трех сторон круглыми вензелями ЕІІ РР МӨ, в котором начертаны имена императрицы, цесаревича и цесаревны, при которых колокола вылиты и с надписью: «1796 года месяца сентября сей колокол вылит, в столичном граде святого Петра, в благополучное царствование благочестивейшей самодержавнейшей великой государыни императрицы Екатерины Вторья и при наследнике ея благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче и при супруге его благоверной государыне и великой княгине Марии Феодоровне, к церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что на Невской перспективе. Лил мастер Антип Дмитриев». Меди в колоколе 264 пуда 13 фунтов.

Второй колокол, называемый *полиелейным*, с изображением на нем Св. Троицы, в виде трех ангелов и Рождества Богородицы. Повыше этого изображения – Распятие с надписью: «1762 года февраля 9 дня вылит сей колокол в царствующий град С.-Петербург церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что по прешпехтивой, при державе благочестивейшаго самодержавнейшаго великаго государя нашего Третьяго императора Петра Феодоровича и благоверной государыни нашей императрицы Екатерины Алексеевны и при благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче. Лил алдерман Константинов Слизов». Весу в сем колоколе 129 пудов 25 фунтов.

Третий колокол, называемый *повседневным*, с изображениями Казанской Богородицы и сверху ея Распятия и преподобных Антония и Феодосия Печерских, с надписью: «1762 года февраля 9 дня вылит сей колокол в царствующий град С.-Петербург в церковь Рождества Пресвятыя Богородицы при державе благочестивейшаго

и самодержавнейшего великого государя нашего Третьяго императора Петра Феодоровича и благоверной государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне и при благоверном государе цесаревиче Павле Петровиче. Лил алдерман Константинов Слизов». (Разбит и не употребляется). Веса в нем 61 пуд 18 фунтов. Четвертый колокол без означения весу с надписью: «1734 года месяца ноября 30 дня вылит сей колокол в С.-Петербурге в церковь Рождества Пресвятыя Богородицы тщанием тоя церкви священника Тимофея с приходскими людьми. Лил комисар Семен Леонтьев». Разбит и без употребления³⁹³.

На колокольне скита на Святой горе, в Рождественском коневском монастыре, в С.-Петербурге, устроенной над папертью под четырехсторонней конической крышей, имеется семь колоколов, пожертвованных в разное время усердными благотворителями. Самый большой из них, в 45 пудов, пожертвован купцом Целибеевым, а два средней величины, один в 15 пудов (1839 г.) и другой в 30 пудов (1846 г.) купцом Набилковым³⁹⁴.

Колокольни особой при Воскресенском соборе всех учебных заведений, называемом Смольным, в С.-Петербурге нет, так как предполагавшаяся к постройке, по плану Растрелли, выведена была только фундаментом, который вместе с посторонними надстройками в 1833 году был разобран, для образования подъезда к собору.

Колокола повешены на двух западных купольных башнях собора, во втором ярусе: на северо-западной – 5, на юго-западной – 11.

1) *Большой праздничный* колокол, весом 607 пудов. На нем, под широким верхним бордюром, отлита гражданскими буквами, в 4 пояса, надпись: «Повелением благочестивейшего государя императора Николая Павловича всея России отлит сей колокол для собора всех учебных заведений в С.-Петербурге с изображением вензелей их императорских величеств государя императора Николая Павловича, государыни императрицы Александры Феодоровны, государя наследника цесаревича Александра Николаевича, великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, великих княжен Марии, Ольги и Александры Николаевн». Под надписью в полукругах из пальм, снизу опоясанных гирляндами из цветов, листьев и кистей винограда, в промежутках между каждым отделением с головками херувимов, помещены вензеля, состоящие у государя и государыни из одной буквы с коронами наверху, а у прочих членов высочайшей фамилии из двух букв без корон. Снизу также идет широкий и фигурный бордюр, а под ним на верхней части кромки вырезанная надпись: «Мастер Николай Смирнов в Валдае». Этот колокол привезен был из Валдая по обыкновенному шоссе, в особо устроенном деревянном катке³⁹⁵. В 1867 г. он разбит, и с тех пор звона в него не производилось. Точно также в 1869 г. разбит и колокол воскресный; но по перевеске языка и с отводом ударов в другие края, звонить в него еще продолжали до 1871 г. В сентябре месяце сего последнего года, оба колокола сняты, разбиты и отправлены для переливки.

2) *Воскресный*, весом в 308 пудов 32 ф[унта], орнаменты на нем такие же, как и на праздничном, равно и надпись, только после государыни императрицы следуют имена «Их императорских величеств государя великого князя Михаила Павловича, супруги его великой княгини Елены Павловны и дочерей их великих княжен Марии, Елизаветы и Екатерины Михайловне», почему под надписью помещены и их вензеля. На кромке отлитая письменными гражданскими буквами надпись с именем того же мастера Смирнова.

3) *Полиелейный*. На нем верхний пояс состоит из сплошных шестокрылых серафимов; во втором поясе посредине, в рамке наподобие средней части складней, отлито изображение Распятия с предстоящими Божиею Матерью и Иоанном Богословом; к изображению прилегают надпись, литая славянскими, вроде нынешних готических с завитками, буквами: «1757 года генваря 25 дня вылит сей колокол в

Москве, а весу в нем 240 пуд[ов] 5 фунтов». Цифры арабские, 5 вырезана. Третий пояс состоит из широкого бордюра арабесками с фестонами, между которыми опять изображения шестикрылых серафимов. Посредине колокола под изображением Распятия фигурный овальный под короною щит, и в нем на меньшем щите вензелевое изображение имени императрицы Елизаветы. По кромке между розетками литая надпись: «Лил мастер Константин Слизов».

4) *Вседневный*, весом 162 пуда 20 ф[унтов]. Надпись начинается так же как и у 1-го и 2-го, но после слов «Воскресения Христа Спасителя», следует: «С означением вензелей министра финансов графа Егора Францевича Канкрин, и состоявшей под начальством его комиссии о докончании сего собора присутствовавших председателя действительного статского советника Ивана Христофоровича фон Трейблута, членов четвертого класса Федора Яковлевича Якубовского, статского советника архитектора Василья Петровича Стасова, Коллежских советников Павла Борисовича Мансурова и Василья Петровича Серова», которых вензелевые по две буквы и помещены между такими же орнаментами, только здесь между гирляндами вместо головок херувимов простыя круглыя розетки с бантами.

5) *Великопостный*. Весом 132 п[уда] 34 фунта], орнаменты, исключая 1 пояса, который заменен простым бордюром, и надписи, сделаны также, как и на 3-ем; только в имени мастера прибавлено: «Константин Михайлов сын Слизов».

6) Весом 86 п[удов] 38 фунтов]. С отлитыми бордюрами и херувимами, но без надписей.

7) Весом 72 п[уда] 5 фунтов]. Такой же как и 5-й.

8) Весом 38 п[удов] 22 ф[унта]. Одинаковый с 6-м.

9) С бордюром и вырезанным означением веса 20 п[удов] 12 фунтов].

Остальные семь колоколов: 10) в 18 п[удов] 38 ф[унтов]; 11) в 11 п[удов] 36 ф[унтов]; 12) в 9 п[удов] 24 ф[унта]; 13) в 5 п[удов] 28 [фунтов]; 14) в 2 п[уда] 11 ф[унтов]; 15) в 1 п[уд] 3,5 ф[унта]; 16) в 19 ½ ф[унтов] с одними лишь бордюрами.

Колокола 3-й, 5-й, 7-й, 9-й и 11-й поступили из монастырской церкви, а прочие отлиты собственно для собора³⁹⁶.

Колокольня при церкви во имя святой Живоначальной Троицы, что Лейб-Гвардии Измайловского полка в С.-Петербурге, деревянная на столбах, в ней колоколов: 1) весом 31 пуд] 10 ф[унтов], 2) весом в 20 пудов]. Против этого колокола помечено: «Вывезен в [1]782 г. в Александровский монастырь преосвященным Виктором епископом». Возвращены в монастырь при сообщении Александровского монастыря архимандрита Парфения от 10 августа 1793 г. на имя строителя иеромонаха Мелхисидека, 3) в 8 п[удов] 10 ф[унтов], 4) в 3 п[уда] 4 ф[унта] по описи 1802 г. показан весом 4 п[уда] 4 ф[унта], 5) в 1 п[уд] 20 ф[унтов], 6) в 1 п[уд] 20 ф[унтов] и 7) в 1 п[уд] 10 ф[унтов]³⁹⁷.

На западной стороне, между церквами Введенского-Островского заштатного монастыря, в Новоладожском уезде, стоит отдельно каменная, трехъярусная, продолговатая снизу колокольня, с пролетною аркою по середине. В верхнем ярусе колокольни по середине и в просветах висят колокола; в середине устроена монастырская ризница, а внизу сделаны кладовая и лестница для входа на колокольню. Длина колокольни 7 саж[еней] 2 арш[ина], ширина 3 саж[ени] 1 арш[ин], высота с крестом 18 с[аженей] 1 арш[ин].

Колокольня построена и отделана в продолжении 1857, 1858 и 1859 годов. На ней висят 11 колоколов, и все, кроме четвертого, новейшей отливки; на пяти колоколах отливные образа разных святых и херувимов и надписи, показывающие время отливки и вес колоколов. 1-й колокол, весом 195 пуд[ов], вылит усердием добрых дателей 1851 г. июня во 2-й день. 2-й колокол, весом 101 пуд, вылит в 1843 г. апреля 6-й день по усердию добрых дателей. 3-й колокол, весом 54 пуда 33 ф[унта], вылит в 1848 г. 6-

го апреля усердием С.-Петербургского купца Афанасия Васильевича Клинова. 4-й колокол, весом 31 пуд 10 фунт[ов], вылит «в 1763 тщанием и радением доброхотного строителя С.-Петербургского купца Насона Харитоновича сына Насонова». 5-й колокол весом 20 пуд[ов], но когда вылит неизвестно, 6-й колокол, весом 11 пуд[ов] 6 ф[унтов], вылит 1849 г. 20-го сентября из разбитого колокола, бывшего весом 8 п[удов] 10 ф[унтов] с прибавкою новой меди. Остальные 5 колоколов, начиная от 4 пуд[ов] 4 ф[унтов] и до 1 пуда, надписей не имеют. О предпоследнем колоколе, весом 1 пуд 8 ф[унтов], сказано: «Куплен 1-го июля 1847 г.³⁹⁸».

Снаружи Троицкого собора в С.-Петербурге по обеим сторонам, возвышаются две башни, каждая с ярко вызолоченным крестом. На северной башне замечателен один колокол, весом 800 пуд[ов], вылитый в 1658 году, иждивением патриарха Никона и перевезенный сюда из Иверского монастыря в 1724 году. На южной башне повешен полиелейный колокол в 200 пудов, а в 1793 году поставлены боевые часы³⁹⁹.

Первая старообрядческая церковь в Петербурге была основана купцом Миловым. Император Павел I изволил лично посетить эту церковь, отслушал божественную литургию и благодарственный молебен Св. Николаю Чудотворцу и в ознаменование благоволения своего, пожаловал старообрядческой церкви крест и звон⁴⁰⁰.

После пожара собора во имя Преображения Господня, 8-го августа 1825 года, богослужения отправлялись в доме генеральши Булатовой, где устроена была походная церковь. На площади перед домом были поставлены козлы, где повесили новые колокола; старые колокола от сильного жара растопились⁴⁰¹.

В 1737 году в Симеоновскую церковь были привезены для постановки на колокольне часы с курантами, снятые с церкви Воскресения Христова, что на Васильевском острове, и для игrania курантов было вылито мастером Петром Леклером 25 колоколов по данным моделям от колокольного мастера Ферстера; часы эти впоследствии куда-то исчезли, и в воспоминание их остался один разбитый колокол около 10 пудов весом, с английскими надписями 1685 года; этот колокол тоже неизвестно где теперь находится⁴⁰².

Известный богач Яковлев заложил и построил каменную церковь, на ней находилось 15 колоколов. Из этих колоколов, на большем, кроме изображений престольных праздников церкви, есть портрет императрицы Екатерины II и следующая надпись: «Ассесора Саввы Яковлева, в церкви Успения, что на Сенной, весу 542 п[уда] 18 ф[унтов] 1780 года января 20-го, лит в Москве на заводе Ясона Струговищикова, язык при нем железный, 17 пуд[ов] 5 фунт[ов]» Есть предание, что при жизни Яковлева звонили в этот колокол только тогда, когда он позволял, и у него от языка был ключ, который он сам выдавал, когда хотел⁴⁰³.

В одной из зал дворца Потемкина стоял «золотой слон» в виде часов перед зеркалом (слон этот был в 1829 году подарен императором Николаем 1 персидскому шаху), обвешанный бахромами из драгоценных камней; сидевший на нем автомат, персианин, ударив в колокол, подавал сигнал к началу театрального представления⁴⁰⁴.

На лестнице, ведущей в нижний этаж Екатерингофского дворца, на стене, вместо обоев, висит большая на холсте карта азиатской России. Карта написана видимо для шутки: вряд ли найдутся в учебниках с такими названиями, как здесь; на карте также и страны света поменялись местами: вверху море Индейское и Песчаное, внизу север и Ледовитое море, Окиан (cis), к западу Камчатка и царство Гилянское на берегу реки Амура, с курьезною надписью: «До сего места Александр Македонский доходил, ружье спрятал, колокол оставил». По преданию по этой карте Петр экзаменовал ради смеха нетвердо знающих географию⁴⁰⁵.

В церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости в Кронштадте очень интересен колокол, подаренный Анною [Иоанновной]. Это была модель известного большого московского колокола в 12.000 пуд[ов] и отлита вместе с ним в 12 пуд[ов]; на ней

изображены были все надписи, украшения, портреты, точно так, как они находились на большом колоколе. Весьма замечательно, что когда сей последний от бывшего в Москве пожара в 1735 году разбился, то и модель его, как по некоей симпатии, почти в то же время подверглась здесь той же участи⁴⁰⁶.

Впоследствии эта расколотая модель, хранившаяся при церкви, как редкость, растопилась во время пожара, случившегося в 1811 году 14 октября на соседнем конторском дворе и истребившего вместе с деревянной Воскресенской колокольной все надворное церковное строение⁴⁰⁷.

На северной башне Александро-Невской лавры в Петербурге, в числе колоколов один весом в 800 пуд[ов]. Он вылит в 1658 году иждивением славного патриарха Никона, и перевезен сюда из Иверского монастыря в 1724 году. На южной башне повешен полиелейный колокол в 200 пуд[ов], а в 1793 году поставлены боевые часы⁴⁰⁸.

Этим пожаром была уничтожена деревянная колокольня С.-Петербургской Скорбященской церкви, что за литейным двором, выстроенная здесь в 1795 году, причем колокола большой и под- большой были повреждены, а все остальные растопились в пламени⁴⁰⁹.

Камер-юнкер Ф.В. Берхгольц в своем известном дневнике, описывая Петербург говорит: «Церковь св. Троицы, в Петербурге, с широкою открытою колокольнею, на которой много колоколов и небольшие куранты, играющие сами собою через каждую четверть часа «Господи помилуй». Крепостная же церковь самая большая и самая красивая в Петербурге. Куранты на ея колокольне так же велики и хороши, как Амстердамские, и стоили, говорят, 55.000 рублей.

На них играют каждое утро от 11 до 12 часов; кроме того, каждые полчаса и час они играют еще сами собою, приводимые в движение большою железною машиною с медным валом⁴¹⁰.

«День св. Крещения, этот большой праздник у русских, начался в полночь звоном колоколов, продолжавшимся почти во всю ночь»⁴¹¹.

* * *

В Аренсбурге на острове Эзель в русской церкви находится любопытный колокол времени Ивана Грозного, со следующей надписью: «Божю милостью и помощью святых Живоначальных Троицы лета «С» шестьдесятая (7060 г. от СМ), а месяца сентября в 8-й день на Рождество Пресвятой Владычицы слит бысть колокол сей при державе царя и государя великого князя Ивана Васильевича всей Руси и при архиепископе Великого Новгорода и Пскова владыки Серапиона, а лил мастер псковитянин Прокофий Григорьев сын колокольник – слава Богу, аминь».

Об этом колоколе А. Благовещенский говорит следующее: «Не дивна ли судьба этого колокола? Отлитый в лето взятии Казани (7060 г. – 1552) при державе царя Иоанна Васильевича Грозного, в упорной борьбе отстаивавшего исконные права русского народа на прибалтийскую окраину и созывавший некогда на молитву православных чад святой Руси в пределах смежной области Псковской, ныне, волею провидения, он мирно благовествует православие в бывшем стольном городе датского принца Магнуса.

Не взывает ли саремалинский колокол сей, современник давно исчезнувших поколений, вразумительным для верующего сердца гласом: «Люди проходят яко тень на земле! вечна и незыблема едина вера Христова, лучезарно сияющая в церкви православного Востока»⁴¹².

Этот колокол, небольшого веса, отличался красотой и силой звука, который могучею волною разносился по всему острову.

Только в самое последнее время звук его ослаб и поблек, как говорят, потому, что язык его был велик и тяжел и значительно опустился⁴¹³.

Колокола Москвы

На колоколе при церкви Св. Николая Чудотворца в Столпах (в Москве) находится следующая надпись: «Лето 7124 (1616) году генваря в 28 день в доме к великому Чудотворцу Николаю и Сергию Чудотворцу, при попе Алексее и при попе Кононе, которые у Николы Чудотворца служат, дал дьяк Богдан Губин и сын ево Василей сей колокол, весу в нем 9 пуд один фунт».

На другом: «Me fecit Amsterledami 1632 Soli Deo gloria Assuerus Koster», т.е. «Меня сделал в Амстердаме 1632 года Асвер Костер».

В церкви преподобного Сергия, что на Дмитровке, в Москве, сохранились колокола с такими надписями: «Лета 7144 (1636) году дали сей колокол прихожане Сергию Чудотворцу, что на Дмитровке, Мина Бавыка, да Артемий Карпов, да Андрон Федалев, да Степан Самойлов, да Василий Иванов, да Лука Семенов, да Афанасий Борисов, да Максим Фатьманов и все прихожане, а весу в колоколе 8 пудов 22 гривенки».

На втором: «Выменен сей колокол к церкви Успения Пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца нашего Сергия игумена Радонежскаго Чудотворца, что на Дмитровке, по родителям, по Иоанне и Петре, и по Матрене, и по их сродниках в вечное поминовение, а весу в нем 21 пуд 10 фунтов».

В церкви Преображения Господня, что на Песках, в Москве, находится колокол с такой надписью: «Лета 7204 (1696) году генваря, при державе великаго государя царя и великаго князя Петра Алексиевича Великия и Малыя и Белья России самодержца, перелит сей колокол во граде Переславль-Залесской в соборную церковь Преображения Господня при протопопе Алексии с братией, а весу в нем 30 пудов».

На колокольне церкви Св. Параскевы в Охотном ряду в Москве на колоколе следующая надпись: «7198 (1690) году месяца апреля в 20 день, на празднике Воскресения Христова..., дворецкой Матвей Тимофеев сын Одуевской по отцу своему к церкви преподобных матери наша Параскевы в приходе у двора боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, для своего душевнаго спасения и жены и детей своих и для поминовения своих родителей и по довольстве временной жизни своей в вечное поминовение души своей. Лил сей колокол мастер Михайла Матвеев сын Ладыгин, а весу в нем 64 пуда 15 фунтов».

В церкви преподобнаго Сергия Радонежскаго Чудотворца, что в Старых Серебряниках, у реки Неглинки, у Трубы в Крапивках (ныне Константинопольское подворье), на колоколе написано: «Лета 7197 (1689) году вылит сей колокол; приложили сей колокол от малаго своего подаяния за многое свое согрешение стольники князь Михайла да князь Иван Юрьевичи Ухтомские к церкви преподобнаго отца Сергия Чудотворца, что меж Петровки у реки Неглины у Трубы в Старых Серебряниках, для поминовения усопших сродников своих; весу в сем колоколе 73 пуда, денег за него 335 рублей, лил сей колокол мастер Михайла Ладыгин».

Далее на московских колоколах сохранились следующие надписи:

На колокольне Петровского Высокого, что на Трубе, у Петровских ворот, монастыря.

1) «Лета 7053 (1545) наменил колокол к Святому Чудотворцу Николу в Смердыни Юрий Тимофеев сын Родичева».

2) «Лета 7171 (1663) дан сей колокол в Петровской Высокой монастырь Петру митрополиту».

В церкви Воскресения Христова, что на Успенском Вражке (близ Тверской).

1) «1766 года марта 24 дня сей колокол к церкви Воскресения Христова, что на Успенском Вражке, при священнике Феодоте Прокопиеве, подаянием добрыхотных дателей, весу в нем 64 пуда». На поверхности иконы Казанской Богоматери и Святителя Николая.

2) «Лит в Москве на заводе Григория Иванова».

В церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Овражке (в Газетном переулке).

«1711 году марта в 8 день выменен сей колокол к церкви Успения Пресвятыя Богородицы, что на Успенском Вражке, прикладом Григория Ивановича Горихвостова, который был вылит 7160 (1652) году, а за дело и за прибавочную медь дано 32 рубля подаванием мирских людей, тцанием тоя церкви священника Иоанна Стефанова, весу 36 пуд 5 фунт[ов]».

В церкви Воскресения Христова, что в Кадашеве, на большом колоколе написано: «Божиею милостию вылит сей колокол в царствующем граде Москве к церкви Воскресения Христова, что в Кадашеве 1750 году декабря 15 дня, при державе благочестивейшия, и самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Елисавете Петровне всея России, при наследнике Ея внуке Петра Перваго, благоверном государе, великом князе Петре Феодоровиче и при супруге его благоверной государыне, великой княгине Екатерине Алексиевне благословением Святейшаго, Правительствующаго Синода иждивением шелковой фабрики содержателя Ивана Никитина, сына Садовникова, при священнике Феодоре Амвросимове. Весу 400 пуд[ов]». В клейме: «А лил его мастер Константин Михайлов Слизов».

На поверхности колокола изображены: 1) Воскресение Христово, 2) Успение Божией Матери и 3) Икона Тихвинской Богоматери, в честь которых устроены престолы.

Владимирскую церковь, что у Никольских ворот, колоколами и утварью снабдил Земский приказ. В делах монастырского приказа (связка 34, № 13 (2256)) значится: «В 7200 (1692) году, по имянному великаго государя указу, в Китае городе, у Никольских ворот, на часовном месте построена церковь Владимирския Богородицы а колокольня И две кельи и всякая церковная утварь и колокола построены из приказу Земских дел».

В церкви в селе Медведкове под Москвой были два колокола, один висящий на колокольне, а разбитый лежал в нижней церкви. На первом написано: «Лета 712513 ноября 23 дня царственные большие печати и царственных великих посольских дел оберегатель ближний боярин и наместник Новгородский князь Василий Василиевич Голицын приложил сей колокол в подмосковной своей вотчине к церкви Покрову Пресвятыя Богородицы, весу в нем 4 пуда 27 фунтов и сему колоколу быть у той церкви Божией в веки неотъемлемо. Лил сей колокол Дмитрий Моторин». Верхняя часть этого колокола *сквозная*, украшена львиными головами и орнаментами.

На втором разбитом колоколе читаем: «Лета 7195 (1687) по указу великих государей дана вотчина царственных большие печати и государственных великих Посольских дел оберегателю ближнему боярину и наместнику Новгородскому князю Василию Васильевичу Голицыну в Московском уезде село Медветково з деревнями а в том селе у церкви Покрова Пресвятыя Богородицы колокол прикладу боярина князь Дмитрея Михайловича Пожарскаго, весом был пуда 28 фунтов и тот разбит, а ныне по приказу боярина и оберегателя князя Василия Васильевича, тот разбитой колокол променян, а взят вместо того сей колокол, весу в нем 2 пуда 4 фунта и сему колоколу быть в селе Медве, что у церкви Покрова Пресвятыя Богородицы в веки неотъемлемо».

В церкви Гребневской Божией Матери находится колокол с надписью: «7190 (1682) году построен колокол сей к церкви Пресвятыя Богородицы Гребневския по Володимире Ивановиче, по жене его Феодоре Ботанове, княгини Феодоры, дан колокол 200 рублей, лил сей колокол мастер Федор Моторин».

Остальные колокола этой церкви принадлежат эпохе царствования Елизаветы Петровны.

В церкви Рождества в Путинках, на Малой Дмитровке, все колокола новые, кроме одного, который представляет памятник литейного искусства 18 века. Из надписи на нем видно, что он перелит в 1715 году славным тогда литейщиком Иваном Моториным, из прежнего поврежденного в пожаре 1712 года.

В московском Симоновом монастыре колокольная пятиэтажная, в середине северной ограды. Начата сооружаться по Высочайше утвержденному проекту профессора архитектуры и придворного архитектора Константина Андреевича Тона, 1835 года апреля 28 числа, а кончена вчерне в 1839 году. В третьем этаже находятся колокола: один в 1000 пудов. На нем следующая надпись: «Во хвалу и во славу Бога всемогуща, во едином существе в трех лицах суца, и в честь родившия воплощенно Слово, сей колокол состроен на Симоново, в обитель Успения Божия Матери, да гласом созывает в храм его верных, хвалу Ему о благах всяческих даяти, и о нуждах молитвы теплыя проливати. Слияся же сей колокол в лето от создания мира 7186, а от Рождества Бога Слова 1677, месяца сентября в 30 день, при державе благочестивейшаго великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия, Малыя и Белья России самодержца, при архипастырстве великаго господина святейшаго Кир Иоакима патриарха Московскаго и всея России, обители же тоя при архимандрите Пахомии, весу в нем тысячу пуд. Лил мастер Харитонка Иванов сын Попов с товарищем Петром Харитоновым сыном Дурасовым».

Другой колокол в 300 пудов; на нем следующая надпись: «Лета 7174 (1665) месяца октоврия в 1-ый день, Божию милостию слит в доме Пречистыя Богородицы всечестнаго ея Успения, в честную обитель Симонов монастырь; при державе при великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, а в колоколе весу триста пуд, а лил государев мастер Александр Григорьев».

Третий в 150 пудов, на нем следующая надпись: «Божиею милостию, повелением благовернаго и христоролюбиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, скипетр держащаго Московскаго государства и всея России, и по благословению отца его великаго государя святейшаго Филарета патриарха Московскаго и всея России, перелит сей колокол в некончаемый дом Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в Симонов монастырь, при архимандрите Левкии, еже о Христе с братиею, просящих будущих благ и жизни вечныя в селех горняго Иерусалима, лета 7129 (1621) июня в 20 день, мастер Кирило Самойлов».

Четвертый в 60 пудов, по монастырской описи называется «сиротским». На нем надпись: «Лета 7135 (1627) месяца мая в 20 день, слит сей колокол при государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче, всея России самодержце, и великой княгине Евдокии, и при их благоверных чадех, при царевне Ирине и при святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всея России, в доме Пречистыя Богородицы, в Симонов монастырь, при архимандрите Левкии с братиею. Делал мастер Богдан Васильев». Кроме того, находятся на колокольной еще восемь колоколов меньшего размера без надписей. На четвертом этаже – боевые часы с четвертями⁴¹⁴.

Московский Симонов монастырь славился всегда благолепием храмов, благочинием службы и благозвучными колоколами. Известно предание, что во время осады Казани русскому воинству слышался как бы из города непостижимый звон колоколов. Примечателен рассказ об этом событии. «И сам царь благочестивый своими царскими ушами слыша звон от града Казани, яко Симоновскаго монастыря большаго колокола глас» (Степенная книга, степ. 17, гл. 10, титла 25)⁴¹⁵.

Из расходной книги Царской казны 1616 года видно, что пушечные и колокольные литцы Кодрат Михайлов и Григорий Наумов вылили в Новоспасский монастырь колокола, за кои пожалованы были от царя сукнами. Филаретовская шатровая колокольная с церковью Препод[обного] Саввы Освященного, у собора, разобрана, по ветхости, в 1787 году.

Во вкладной книге монастыря 1658 года записано было: «Устроил великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич своею государскою Патриаршею казною колокольную шатровую, а по углам с средняго пояса столпы круглые толщии, да на той

же колокольне изволил он великий государь построить часы боевые, колокол боевой, да два колокола перечасных»⁴¹⁶.

В четвертом ярусе колокольни Новоспасского монастыря висят одиннадцать колоколов, из коих в 827 пуд[ов], перелитый после 1812 г. архимандритом Амвросием Орнатским, потом разбитый, из разбитого вновь перелитый архимандритом Филаретом Дроздовым 1816 г. Над четвертым ярусом купол, покрытый белым железом по железным стропилам, где устроены боевые часы; над ними фонарь с осьмью часовыми колоколами⁴¹⁷.

На юго-западном углу московского Знаменского монастыря, что на старом Государевом дворе, сделана была шатровая колокольня. На ней были колокола: первый в 104 пуда 10 фунтов, пожалованный государем Феодором Алексеевичем из Пушечного двора в 1680 году вместо разбитого в 62 пуда, другой колокол в 60 пудов с лишком, третий в 11 пудов 12 фунтов и 3 малых зазвонных (опись 1687 г.). По описи 1700 года на колокольне было 12 колоколов; первый в сто пудов вероятно царский, а во всех было 204 пуда; в настоящее время всех колоколов 9⁴¹⁸.

На паперти Введенской московской церкви, что на углу Кузнецкого Моста и Большой Лубянки, у входа в притвор и на колокольню привешена (издавна) на железной цепи чугунная доска – «било» с молотком, вероятно, для употребления церковным сторожем по ночам; ныне не употребляется. Из девяти колоколов на колокольне замечательны следующие: 1) Большой, весом в 353 пуда 5 ф[унтов], без священных изображений (по совету прот[оиерея] Аристарха Израилева), но с некоторыми орнаментами на нем и с надписью о времени его устройства, 18 марта 1890 года, и имен жертвователей – прихожан, коими внесено за него 5560 руб[лей], по почину вдовы почет[ного] гражд[анина] Глафиры А. Поповой, пожертвовавшей 3.000 руб[лей]; 2) Бывший до устройства нового большим и первым, а теперь ставший вторым и употребляющийся в полиелейные праздники⁴¹⁹, с тремя следующими замечательными надписями на нем: а) «Лета 7191 (т.е. 1683 г.), цифры эти и последующия означены славянскими буквами) вылит сей колокол при державе великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцах», б) «Сей колокол изволили послать в епархию Черниговскаго архиепископа Лазаря Барановича Святыя Троицы в монастырь Волинский Черниговский по обещанию брата своею государева блаженныя памяти великого государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца его царскаго величества и послан сей колокол с Москвы в лето от сотворения мира 7191, и от рождества Сына Слова Божия 1683, месяца января в 20-й день, весу 104 пуда 21 гривенка московскаго литья», в) «Лил сей колокол мастер Федор Моторин». Какими судьбами этот колокол, предназначавшийся самими государями для монастыря Св. Троицы в г. Чернигов, оказался на Введенской, на Лубянке, в Москве, колокольне, – неизвестно и непонятно; 3) Будничный – без обозначения завода и года, но с обозначением веса – 30 п[удов] 31 ф[унт], выменянный 18 ноября 1816 года на разбитый в 28 п[удов] 8 ф[унтов], с доплатою 531 р[убль] 90 к[опеек]; 4) С обозначением также только веса в 19 п[удов] 30 ф[унтов].

Остальные пять малых колоколов (от 5 п[удов] до 20 ф[унтов] весом) приобретены в одно время с большим, взамен таковых же малых, более или менее поврежденных. Трезвон, производимый на этих колоколах искусным мастером этого дела, бывает очень приятен и *привлекает* к себе внимание многих⁴²⁰.

В церкви Св. Николая, что на Хлынове (настоящая в честь Введения Богородицы, прежде Введенский девичий монастырь).

На двух колоколах одна и та же следующая надпись: «1796 года апреля 11 дня вылит сей колокол в царствующий град Москву в приход святителя Николая Чудотворца, что на Хлынове, при священнике Михайле Игнатъеве, весу 100 пуд, лит на

заводе Никифора Вердолина, содержатель и мастер казанский купец Михайла Астраханцев».

На колокольне Никитского девичьего монастыря, что на Никитской улице.

1) «1748 году апреля 6 день, весу 30 пудов, 36 фунтов, лил мастер Константин Михайлов сын Слизов».

2) «1807 году марта 24 день вылит сей колокол в Москве к церкви Спаса Преображения Господня, что на Копьях⁴²¹, иждивением церковных и доброхотных дателей, весу 73 пуда».

В церкви Вознесения Господня Большого, за Никитскими воротами, на Царицыной улице, в Сторожах.

1) «1758 года генваря 10 дня вылит сей колокол к церкви Вознесения Господня, что за Никитскими воротами, на Царицыной улице, весу в нем 113 пуд, лил мастер Константин Михайлов сын Слизов».

2) «1780 года мая 25 дня вылит сей колокол к церкви Вознесения Господня, что на Царицынской улице и к пределу Владимирския Пресвятыя Богородицы и святителя чудотворца Николая усердствовавшими, весу 280 пудов 6 фунтов, лит в Москве на заводе Асона Струговщикова».

В церкви Св. Иоанна Богослова в Бронниках, за Тверскими воротами, в Бронной слободе, за Никитскими воротами.

«Лета 7200 (1692) году лил сей колокол мастер Иван Моторин»⁴²².

В церкви Св. Симеона Столпника на Поварской, за Арбатскими воротами, в Дехтерева огороде, что на Стрешневе дворе (настоящая Введения во Храм Пресвятой Богородицы).

1) «Лета 7193 (1685) году апреля в 4 день, сей колокол приложил к церкви Введения Пресвятыя Богородицы и преподобному Симеону Столпнику стольник Симеон Иванович сын Комсин, по своей душе и по родителях своих».

2) «Лета 7186 (1678) году августа в 16 день вылит сей колокол при державе великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца. Лил сей колокол мастер Федор Моторин».

3) «Лета 1760 года марта 10 дня вылит сей колокол к церкви Введения Пресвятыя Богородицы и придела Симеона-Столпника, что в Поварской, тцанием и вкладом за молитвами Святаго Дмитрия митрополита Ростовскаго чудотворца и всех православных христиан, в бытность при священнике Михаиле Федорове, весу в нем 170 пуд, лил сей колокол алдерман Константин Слизов».

В церкви Святителя Николая Явленного на Арбате, на Большой Смоленской улице, за Смоленскими воротами, в Стрелецкой слободе (настоящая Покрова Пресвятой Богородицы).

«1751 года июня в 1 день, при державе благочестивейшей и самодержавнейшей великой государыни императрицы Елисавете Петровны, вылит сей колокол к церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и Николая Чудотворца, что на Арбате Явленскаго, тцанием Правительствующаго Сената Конторы прокурора Андрея Григорьевича Щербинина и коллежского советника Бориса Федоровича сына Щербачева, при священнике тоя церкви Иване Гаврилове, мирским подаянием; в старом весу 164 пуда 10 фунтов, в нынешнем новом колоколе весу 212 пуд 15 фунтов; лит сей колокол на заводе московскаго купца Данилы Тюленева». На поверхности колокола изображены: 1) Господь Вседержитель на престоле, 2) Святитель Николай, 3) Св. Апостолы Петр и Павел. Между надписями вставлены в двух местах двуглавые орлы под тремя коронами, с поднятыми крыльями и без атрибутов в лапах.

Другой колокол, полиелей, на поверхности которого следующая надпись: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея Руси самодержец и его царица великая княгиня Евдокея Лукьяновна и их государские дети

государь царевич и князь Алексей Михайлович государыня царевна и великая княжна Анна Михайловна, государыня царевна и великая княгиня Наталья Михайловна сий колокол велели лить к церкви Николы Чудотворцу Явленского, что за Арбатскими вороты лета 7146 [1638] году».

В церкви Знамения Пресвятой Богородицы, что на Знаменке: «1600 года Июня 23 дня сей колокол церкви Знамения Пресвятыя Богородицы, что на Знаменке, подаением приходских людей, а переливал 1757 года». На нем же в клейме под короною: «А перелит в царство государыни императрицы Елисаветы Петровны».

В церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове, в Башмачках, у Всесвятских ворот, у Водяных ворот, в Чертолье, Старой Проци, что у Москвы реки на берегу, за Старым дровяным двором, с приделом Свят[ителя] Николая Явленного, что в Пречистенской улице: «Лета 7202 (1694) куплен сей звон к церкви Преподобная Параскевии в место Поречье, на мирские гроши, весу 3 пуда 6 фунтов».

В церкви Воскресения Христова, зовомое Новое, у Зачатьевского монастыря, что на Москве реке, за Пречистенскими воротами, на Грязи в Киевцах, на Остоженке.

«1754 году марта 27 день выменен сей колокол в церкви Воскресения Христова, что за Пречистенские ворота, зовомо Старые⁴²³, рачением священника Вукола Леонтьева, весу 30 пудов, 3 фунта, лил мастер Константин Слизов».

В церкви Св. Живоначальной Троицы, что в Стрелецкой слободе, в Иванове приказе Зубова, за Чертольскими воротами, в Иванове приказе Бегичева, за Пречистенскими воротами, что в полку стольника и полковника Ивана Макшеева.

«1751 году июля в 15 день вылит сей колокол в царствующем граде Москве в славу и честь к церкви Святыя Живоначальная Троицы и к приделам Покрова Пресвятыя Богородицы и Чудотворца Николая, что в Зубове, тцанием той церкви священника Василия Афанасьева и рачением церковнаго старосты купца Василия Алексева сына Бумажникова и прочих приходских доброхотных боголюбивых дателей, весу в нем 109 пуд[ов], лил сей колокол мастер Константин Михайлов сын Слизов».

В церкви Святителя Николая в Хамовниках.

1) «Лета 1685 году вылит сей колокол, лил сей колокол мастер Михайло Ладыгин».

2) «Общим старанием и рачением приходских людей 1784 году мая 1 дня вылит сей колокол к церкви Николая Чудотворца, что в Хамовниках, лит на заводе Никифора Калинина, весу 300 пудов, лил мастер Яков Завьялов».

В церкви Покрова Божьей Матери, что в Старом Левшине полку, что на Могильцах.

«1750 году июля 1 дня вылит сей колокол в Москве за Пречистенские ворота к церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что в Левшине, тцанием той церкви иерея Алексея Кирилова с приходскими людьми, весу в нем 80 пуд, лил сей колокол мастер Константин Михайлов сын Слизов».

В церкви Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины, за Пречистенскими воротами, в новопостроенной Конюшенной слободе.

«1789 году августа 16 дня сей колокол вылит к церкви во имя святых праведных Богоотец Иоаким и Анны, что Замоскворецкаго сорока тцанием священника Михаила Павлова и господ приходских людей, весу в нем 243 пуда, 2 фунта. Лит на заводе Никифора Калинина».

В Казанском соборе, что на Красной площади в Москве, имеется большой колокол, на котором следующая надпись: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович, всея России самодержец, и его боголюбивая царица и великая княгиня Евдокия Лукияновна, и благородныя чада, царевич князь Иван Михайлович, и царевна великая княжна Ирина Михайловна, и царевна и великая княжна Анна Михайловна, царевна и великая княжна Татиана Михайловна, сей колокол велели слить к церкви Новоявленного Образа Пречистыя Богородицы Казанския, лета 7145 (1637)»^{424, 425}.

В бывшем Алексеевском девичьем [монастыре], что за Пречистенскими воротами второго класса, в Москве, где ныне храм Христа Спасителя, интересна надпись на колоколе: «1752 году июня г (3) дня вылит сей колокол в Алексеевский девичий монастырь; весу в нем 111 пуд; в старом колоколе было весу 72 пуда, затем прибавлено в новый колокол меди 38 пуд; вкладом того же монастыря игуменню Ольгою Дубенскою; лит на заводе московскаго купца Данилы Тулякова»⁴²⁶.

В Зачатиевском девичьем монастыре, что за Пречистенскими воротами между Москвы-реки и Остоженки, на колоколе в 150 пудов имеется надпись, гласящая о том, что оной слит коштом бригадира Ивана Акимовича Синявина в 1753 году, генваря в 10 день, мастером Константином Михайловым сыном Слизовым⁴²⁷.

В Вознесенском девичьем монастыре первого класса, в Москве, имеется 6 колоколов со следующими надписями:

1) «Повелением государя благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, всея Руси, лета 7067 (1559) году июля, слит сей колокол к Вознесению Христову; мастер Нестер Иванов, сын Тковин»⁴²⁸. А по примеру в оном колоколе весу 35 пудов.

2) «Лета 7196 (1688) апреля в 8 день, слит сей колокол повелением благоверных великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, и великия княжны Софии Алексеевны, Всероссийския и Малыя и Белья России самодержцев, в Вознесенский девичь монастырь, что в Кремле городе, при игуменье Варсонофии Бутурлиной, да при келаре старице Евникее Плещеевой, да при казначее старице Панфилие Скрыпицыной. Весу в нем сто девяносто два пуда; лил сей колокол мастер Михайло Лодыгин».

3) «1702 году марта в 29 день, при державе великаго государя и великаго князя Петра Алексеевича Всероссийскаго самодержца, вылит сей колокол из стараго в Вознесенский девичь монастырь, что в Москве, при бытности госпожи игуменьи Венедикты Пушкиной, келари Ольги Чириковой, казначеи Максимииллы Волконской с сестрами». А по примеру в оном колоколе весу шестьдесят пудов.

4) «1720 году марта в день при державе великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, перелит сей колокол из стараго в Вознесенской девичь монастырь, что в Москве, при игуменнии Венедикте Даниловне Пушкиной, при келаре монахини Ольге Степановне Чириковой». А по примеру в оном колоколе весу двадцать пудов.

5) «1728 году сентября 6 дня, вылит сей колокол в Вознесенский девичь монастырь из казенной меди тщанием тоя обители игуменьи Венедикты Пушкиной, наместницы Маргариты Румянцовой, казначеи Ираиды Мильковой». Весу двадцать пять пудов, двадцать фунтов.

6) «1766 году августа 1 день, вылит сей колокол в московской Вознесенской девичь монастырь при державе всепресветлейшей и великой государыни императрицы Елизаветы Петровны самодержицы Всероссийской, и при наследнике ея внуке Петра Перваго, благоверном государе и великом князе Петре Феодоровиче и обрученной невесте его благоверной государыне и великой княгине Екатерине Алексеевне, приложил по обещанию московской купец первой гильдии Артемий Иванов сын Серебренников». Весу сто два пуда; лил мастер Константин Михайлов⁴²⁹.

В московской церкви Константина и Елены интересные надписи на колоколах:

1) На большом: «Божию милостию, повелением государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея Руси самодержца, слит сей колокол в лето 7162 (1634) в 22 лето государства его и при его царице и великой княгине Евдокии Лукиановне, и при благородных чадех, царевиче князе Алексее Михайловиче, царевиче князе Иване Михайловиче и царевне и великой княжне Ирине Михайловне и царевне и великой княжне Анне Михайловне и при их богомольце святейшем Иосафе патриархе Московском и всея Руси в первое лето патриаршества его, и дал государь сей

колокол во град Ростов в соборную церковь Пречистыя Богородицы и приснодевы Марии, Честнаго Ея Успения и Святых Чудотворцев Ростовских, Леонтия, Исакия, Игнатия, по отце своем государеву, блаженныя памяти великом государе святейшем Филарете Никитиче, патриархе Московском и всея России, в вечную память при митрополите Варлааме Ростовском и Ярославском». «Мастер Кирило Сомов»⁴³⁰.

2) На полиелейном: «Лета от Рождества Господня 1727 года месяца сентября в 6 день, вылит сей колокол во обитель Чуда Святаго Архистратига Божия Михаила и Святаго Чудотворца Алексия Митрополита в Чудов его монастырь в бытность архимандрита Геннадия Беляева, заместника Лазаря Кобякова, казначея иеромонаха Евсевия Леонова». Сей колокол лил Мастер Иван Маторин⁴³¹.

На колокольне Новодевичьего монастыря, что за посадом, на Девичьем поле.

1) «Лета 7059 (1551) при царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и преосвященном архиепископе Макарие митрополите всея Руси». Колокол малый зазвонный.

2) «Лета 7136 (1628) году мая в 3 день дал сий колокол в дом Пречистой Богородицы Смоленской в Новодевичь монастырь князь Алексей Иванович Воротынский, по княгине Марии князя Ивана Михайловича Воротынского, по княгине Марии Петровне, по своей матери и по своих родителях».

3) «Лета 7138 (1630) апреля в 13 день при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси самодержце в его государской державе в 17 лето и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при великом господине святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всея Руси, поставила сей колокол мати государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси, инока великая государыня старица Марфа Ивановна в дом Пречистыя Богородицы Новодевичь монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которыя в том монастыре будут, за тот наш вклад душу мою в синодики написати, по вся дни поминати». На колоколе изображено Распятие Иисуса Христа с предстоящими; под ним в клейме агнец в сиянии около головы и с хоругвью на плече.

4) «Слит сей колокол на Москве в доме Пречистыя Богородицы Одигитрии, чудотворныя иконы Смоленския, Божию милостию, повелением благовернаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, в Новодевичь монастырь, что за Посадом, лета 7159 (1651)⁴³² году сентября в 1 день, а деньги сдавали вкладчики по обещанию. Мастер Микифор Баранов. Весу в сем колоколе 200 пуд».

5) «Me fecit Daventriae. Amor vincit omnia. A. 1673. Henrick Thor Horst»⁴³³. На поверхности колокола двуглавый орел, на груди которого изображен в клейме конь без всадника, похожий на единорога, досель не встречавшийся в Российском гербе.

6) «Лета 7192 (1684) месяца августа в 3 день сей колокол вылит в похвалу и славу честь Богу, в Троице славивому и Пресвятей Богородице и всем святым в доме Ея Пресвятыя Богородицы явления иконы Смоленския, Одигитрия нарицаемой, Новодевичий монастырь, повелением благочестивейших великих государей наших царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, общими же с ними великими государи изволением и согласием сестры их государския великия государыни, благоверныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея Великия и Малыя и Белья России; понеже она государыня того святаго дому из давних лет строительница, а ныне наипаче имеет прилежное попечение к устроению, как от всех видимо, весу в нем 540 пуд. Лил сей колокол мастер Федор Моторин».

7) «Лета 7196 (1688)⁴³⁴ декабря 1 дня сей колокол вылит в похвалу и славу и честь Богу, в Троице славивому, и Пресвятей Богородице и всем святым, в доме ея Пресвятыя Богородицы явления иконы Смоленския, Одигитрия нарицаемой, Новодевичий монастырь, повелением благочестивейших великих государей и царей и

великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, общими же с ними великими государи изволением и согласиём сестры их государския великия государыни благоверной царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея Великия и Малыя и Белыя России, понеже она государыня того святаго дому из давних лет строительница, она великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна всея Великия и Малыя и Белыя России, ныне наипаче имеет прилежное попечение ко устройению, как от всех видимо. Лил сей колокол мастер Михайла Ладыгин».

8) «Божием изволением сей колокол поставили стрельцы Темирева приказу Засецкого 500 человек Великому Чюдотворцу Николе, что на Горках, за Московою рекою».

В церкви Воздвижения Честнаго Креста Господня, что в селе Красном (ныне Алексеевский девичий монастырь):

«Божиею милостию и повелением благовернаго и благочестиваго и христоролюбиваго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича всея Руси самодержца, слит колокол в преименитом царствующем граде Москве в лето 7156 (1648) году, в 3 лето царства его, а весу в нем 60 пуд». В колоколе 12 сквозных окошек.

В церкви Святого Алексия митрополита, что в Рогожской, в Малой Алексеевской слободе, на Подкопе, за Яузою:

1) «В 1729 году вылит сей колокол к церкви Алексия митрополита, что в Алексеевской слободе, весу 100 пуд, лил сей колокол мастер Иван Моторин».

2) «1784 года августа 1 дня вылит сей колокол к церкви Алексия митрополита, что в Малой Алексеевской, старанием приходских людей, весу 300 пуд, лит в Москве на заводе Асона Струговщикова».

3) «1784 года сентября 1 дня вылит сей колокол к церкви Алексия митрополита, что в Алексеевской слободе, коштом прихожанина Василия Нечаева и приходских людей, весу ... пуд, лит в Москве, на заводе Асона Струговщикова».

На церковном погосте при церкви Св. Николая на Берсеневке в Москве на деревянных столбах под навесом находятся колокола со следующими любопытными надписями:

1) «Лета 7204 (1696)⁴³⁵ году октоврия месяца сей колокол дали есми вкладу дьяки Порфирий и брат мой гость Матфей Трофима Степановича дети Сименниковы к церкви Пресвятыя Троицы, что в верхних Садовниках в Берсеневки при служащем у тоя церкви честном иерее Отце нашем духовном Науме Феодоровиче, в славу Божию за спасение и за отпущение грехов своих и за спасение детей его и внучат братних, также в память вечную во блаженном успении по родителех наших по женам своих Марфе, Агрипине чады их при сей церкви погребенных, а весом сей колокол 100 пуд, лил сей колокол мастер Григорий Иванов».

2) «Лета 7204 (1695) году, сентября в 1 день, дали сей колокол думнаго дьяка Иакова Аверкиевича Кирилова жена вдова Ирина Симоновна к церкви Живоначальныя Троицы и к пределу Казанския Богородицы, что в верхних Садовниках в Берсеневке, в вечное помяновение по муже своем Иакове Аверкиевиче, а в схимонасах Иове и по родителех его Аверкии убиенном Иевфимии и их сродниках, при сей церкви лежащих, при священнике Науме Феодотове. Лил сей колокол мастер Иван Моторин, а весу в нем 200 пуд».

3) «Лета 7204 (1695) году октоврия месяца сей колокол вылил иждивением гостя Матфея Трофимова сына Семенникова его же даде он и дети его окладу к церкви Пресвятыя Троицы, что в верхних Садовниках в Берсеневке в Славу Божию за здравие и спасение детей своих, также в память вечную по родителех своих усопших и по жене своей Агрипине и чадем своих при сей церкви погребенным; весом 40 пуд; лил сей колокол мастер Григорий Иванов»⁴³⁶.

На четырех колокольнях, в малых куполах храма Христа Спасителя в Москве, повешено 16 колоколов. Все колокола весят 4008 пудов 39 фунтов:

1) Торжественный большой колокол, весом в 1654 пуда 20 ф[унтов], в диаметре 5 аршин, вмещающий на своей наружной поверхности шесть рельефных изображений: вверху – Спаситель, Божия Мать и Иоанн Предтеча, а внизу в медальонах императоры: Александр I, Николай I и Александр II; в верхней тесьме колокола сделаны надписи: 1) «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу»; 2) «Слава тебе Боже наш, слава тебе»; а в нижней части его: «В лето от сотворения мира 7385-е, а от воплощения Бога Слова 1877-е, повелением благочестивейшаго, самодержавнейшаго, великаго государя императора Александра Николаевича, всея России, вылит сей колокол для храма во имя Христа Спасителя в Москве, в возблагодарение за явленные свыше благость и милость Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, при нашествии на Россию галлов и с ними двадцати языков в 1812 году и на вечную память о в Бозе почивших благочестивейших императорах Александре I и Николае I. Отлит сей колокол в Москве по подряду потомственного почетнаго гражданина В.Н. Короткова. Лил мастер Ксенофонт Веревкин. Весу в колоколе 1654 п[уда] 20 ф[унтов]; в языке весу 54 п[уда] 28 ф[унтов]».

2) Праздничный (воскресный) колокол, весом в 970 пудов с рельефными изображениями святителей московских: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и надписями: «Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждении силы Его, хвалите Его на силах Его, хвалите Его по множеству величества Его».

3) Полиелейный колокол, весом 435 п[удов], с рельефными изображениями: св. Николая Чудотворца, св. Александра Невского и св. Зосимы Соловецкого и надписями: «Благовестите день от дне спасение Бога нашего. Возвестите во языцех славу Его»;

4) Будничный колокол, весом 323 п[уда], с рельефными изображениями: св. праведной Елизаветы, св. царицы Александры и св. Марии Магдалины; с надписями: «Воскликните Богови вся земля. Работайте Господеви в веселии. Внидите пред Ним в радость»;

5) Колокол, весом 205 п[удов], с рельефными изображениями: св. равноапостольного князя Владимира, преподобного Сергия, Апостола Павла и великомученика Георгия, с надписями: «Воспойте Господеви песнь нову. Хвалите Его в церкви преподобных»;

6) Колокол, весом 115 пудов], с изображениями: св. Архангела Михаила, св. царя Константина и св. Николая Новгородского; с надписями: «Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их. Господи помощниче мой и избавителю мой»;

7) Колокол, весом 51 п[уд] 25 ф[унтов], с изображениями: св. Анны Пророчицы, св. великомученицы Екатерины, св. царицы Елены и св. благоверной княгини Ольги; с надписями: «Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе: да поет же имени Твоему Вышний»;

8) Колокол, весом 28 пудов, с изображениями: св. Апостола Петра, св. Димитрия Ростовского и св. князя Вячеслава; с надписью: «Разумейте языцы и покоряйтесь яко с нами Бог»;

9) Колокол, весом 14 п[удов] 10 ф[унтов] с изображениями: свв. Ксении, Веры и Анастасии; с надписью: «Свят храм, твой, дивень в правде, услыши ны Боже, Спасителю наш»;

10) Колокол, весом 6 п[удов] 5 ф[унтов]; 11) – 3 п[уда]; 12) – 2 п[уда], 13) – 35 ф[унтов], 14) – 24 ф[унта]⁴³⁷.

Для укрепления колоколов устроены из котельного железа, сколоченные наподобие толстых брусьев балки. Общий вес этих укреплений 1030 пуд. Когда первый и второй колокол были повешены на места, в Комиссию поступило заявление псаломщика Лаврова.

Окончивший курс во Владимирской семинарии, псаломщик Лавров заявил Комиссии о готовности своей устроить самозвон, т.е. такой снаряд, посредством которого можно было бы звонить в тот или другой колокол и даже во все колокола, не входя на колокольни. Комиссия не отнеслась безучастно к присланному заявлению: она вызвала Лаврова, дала ему средства устроить модель самозвона, снабдила его колоколами различного веса и разрешила производить работы в самом храме, с интересом следя за этими работами в течение слишком двух месяцев.

Наконец, самозвон готов. Обращающийся посредством тяжести вал зубцами своими зацепляет проведенные от колоколов ремни, раздаётся нестройный звон внутри храма. Казалось бы, цель достигнута, но как применить на практике это изобретение, как привести в движение колокола весом слишком в 4 т[ысячи] пуд[ов]. Все это дело будущего. Таким образом попытка Лаврова с самозвоном оказалась неудачною⁴³⁸.

В Ивановском девичьем монастыре, что на Кулишках под Бором находятся следующие колокола:

1) «Лета 7149 (1641) июня в 12 день повелением великаго гдря цря и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси самодержавца слит сей колокол в преименитом царствующем граде Москве в Ывановской девичей мнрь Усекновения чтны главы в 29 лето гдрства его, мастер Степанка Оревчев, ученик немчина Ивана Фалка».

2) На будничном: «Лета 7195 (1687)го лит сей колокол на Плесо к церкви Воскресению Хрву, по обещанию посадских людей Феоктиста да Артемья Ивановых детей Авериных». Между орнаментами этого колокола помещены двуглавые орлы.

3) На большом: «1755 году апреля 15 дня вылит сей колокол в Ивановский двчь мнтр, что в Москве на Кулишках, тцаниом того мнтра игумении Елены и с сестрами на зборные мирские днги, весу в нем 155 пуд. Лил мастер Костентин Михайлов сн Слизов».

4) На другом большом: «1763 году марта 1 день вылит сей колокол в Ивановской двчь мнтръ при игуменьи Назареты и с сестрами, весу 60 пуд 23 фунта, лил алдерман Костентин Михайлов сн Слизов». На нем вылит образ Спасителя, Божией Матери и Св. Николая⁴³⁹.

В Покровском монастыре замечательны старые колокола, литые славным в свое время мастером Слизовым, как видно из надписей, на полиелейном: «1750 году марта в 28 день вылит се колокол во обитель Покрова Престыя Бцы, что при Москве на Убогих домех, при державе благочестивейшия и самодержавнейшия великия гдрни императрицы Елисаветы Петровны, самодержцы всероссийской и при наследнике ея внука Петре Федоровиче и супруге его благоверной гдрне и великой кнгне Екатерине Алексеевне, окладом бывшаго того мнтра строителя иеромонаха Силы вперед для поминования, весу внем 130 пуд[ов] лил мастер Константин Михайлов сн Слизов».

На будничном: «1747 году апреля 12 дня вылит сей колокол во обитель Покрова Пресвятыя Бцы, что на Убогом дому, старанием строителя иеромонаха Силы; вкладчика Данилы Яковлева сна Земсково и протчих Христолюбивых дателей, весу 66 пуд[ов] 27 ф[унтов], лил мастер Константин Михайлов сн Слизов».

Над Покровскою церковью Высокопетровского монастыря воздвигнута колокольня в два яруса. Снизу она четырехъярусная: в первом ярусе – св. ворота; во втором церковь Покрова Божией Матери; в третьем висят колокола; четвертый праздный: затем следуют: купол, фонарь и все здание, имеющее в высоту около 20 сажений], довершается большою главою с осьмиконечным крестом. В 1702 году «Мая в 13 день подрядился часовенный мастер Иван Захарьев сделать в Петровский Высокий монастырь часы, весом в 30 пудов железа и работником быть монастырским. По договору довелось ему дать за работу 15 рублей и наперед дано 6 р[ублей], да к тем часам куплено укладу на 8 алтын». Часы долго существовали. В описи 1763 года пишется: «Колокольня, покрытая железом, на ней немецкия часы, восемь колоколов». В другом позднейшем документе читаем: «1777 года мая 31 дня дан сей контракт...

Троицкой башни (в Кремле) часовой мастер Николай Ильин сын Коренев в том, что подрядился я исправить состоящая при оном (Высокопетровском) монастыре на колокольне большия немецкия часы за договорную мною цену 17 рублей, и те часы мне исправить самую прочною работою, и быть им в моем смотрении один год; а естли какое в них будет несходство, то поправить я должен, не требуя более денег николикаго числа» и проч. к сему контракту вместо него подписался «колокольной игральной музыки Троицкой башни подмастерье Иван Левонтьев сын Михайлов»⁴⁴⁰.

В 1703 году сделаны «часы боевые, сверх церкви Покрова, на колокольне» Высокопетровского монастыря. Мастер – «Воскресенскаго что на Истре, монастыря часовик Иван Захаров». Того же года, «июня в 6 день обменен колокол ветхой на новые четыре колокола; весу в старом было 3 п[уда] 29 ф[унтов], а в новых 3 п[уда] 34 ф[унтов]. Дано с пуда за дело по осми алтын по две деньги, итого 31 алтын 2 деньги»⁴⁴¹.

24 декабря 1783 года в Высокопетровском монастыре променены два ветхие колокола, весом в 56 п[удов] 12 ф[унтов], а вместо них взяты с добавкой 217 р[ублей] 11,5 копеек] два новые: один в 42 п[уда] 29 ф[унтов], а другой в 27 п[удов] 11 ф[унтов]. Они висят и по сие время. Сохранился кроме того, еще колокол с надписью: «Лета 161-го (1653) дан колокол в Петровский Высокий монастыр Петру митрополиту»⁴⁴².

По донесению казначея Виктора в 1817 г. «великолепная колокольня московскаго Спасо-Андроникова монастыря зажжена (загорелась) сверху; от чего два большие колокола упали на свод, но свода не проломили и сами остались целыми»⁴⁴³.

После один из колоколов, а именно большой, оказался поврежденным и перелит в 1815 г. История его видна из надписи: «Колокол еси вылитый 1779 г. иждивением покойнаго преосвященнаго Пахомия епископа Великоустюжскаго на покой в Спасо-Андрониевском монастыре пребывающаго, в коем весу 835 пуд[ов] и 20 ф[унтов]. Но в 1812 году пожаром неприятельским поврежденный, по завещанию московскаго 1-й гильдии купца Семена Алексеевича Лепехина, зятем его надворным советником Гаврилом Петровичем Смольянским и супругою его Елизаветою Семеновною, перелит во славу Святыя Единосущныя, Животворящия и Нераздельныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа, при державе благочестивейшаго государя и императора Александра Павловича и при супруге его благочестивейшей государыне Елизавете Алексеевне, 1815 года на заводе московскаго купца Михаила Богданова, в коем весу 915 пуд[ов] 34 ф[унта] при архимандрите Феофане. Лил мастер Яков Завьялов». На колокольне вылиты образа: Нерукотворенный Спас, Успение Пресвятой Богородицы, преподобный Андроник, преподобный Сергей, Святитель Алексей и архистратиг Михаил.

Интересен также полиелейный колокол; на нем надпись гласит: «В мирное правление государя императора Александра I слит сей колокол при Спасо-Андрониевском архимандрите Гермогене 1820 года марта 2 дня искусством известнаго всем под (4000-му) колоколу, что на Ивановской колокольне. Лит в Москве на заводе купца Михаила Богданова, мастер тверской Василий Каталимов».

На нем также еще и иконы: Распятие Господа нашего Иисуса Христа, Нерукотворенный образ Спаса, Божия Матерь, Архистратиг Михаил. Из дела о сем колоколе видно, что он слит из трех разбитых колоколов (один в 316 пудов], другой в 22 п[уда] и третий в 2 п[уда]) с прибавкою материала в 400 пудов. Всех же колоколов на колокольне в настоящее время 9. В них весу 1544 пуда с лишком⁴⁴⁴.

Колокола иностранного происхождения

По свидетельству историографа Миллера на колокольне Крутицкого собора (в Москве) был колокол 16 века со следующей надписью: «1563 Marie de Hames. me nomā. De vng ioevlx. mot en. ce. Tapz. Dan. Jehan. Fachin. ab. de St. la et Lan. De. Waten. Prvrost. s. Nicolas. Pelovyn Gvre. X Paen. de. Bravwer. Bailly. dvdit liev».

Колокола иностранного происхождения находятся иногда в самых глухих местах России. Как они туда попали – неизвестно. Так, например, (на церкви Елгомского прихода Олонецкой губернии Каргопольского уезда, бывшей Елгомской пустыни) находятся два колокола со следующими надписями. На одном из них, весом в 1 пуд: «Abbas mihi noman ivdosi (?) dedit R D Cab argentear 1641 [года]», а на другом, весом в 3 пуда: Anno 1631 Henrick-For-Norst me fecit Baventriac»^{445 446}.

В Георгиевской церкви в Новгороде находится небольшой голландский колокол, на котором написано: «Soli Deo⁴⁴⁷ Assalius Koster me fecit Amstelodami 1671»⁴⁴⁸.

В городе Туруханске в Сибири находится старинный колокол с голландской надписью⁴⁴⁹, но с русским двуглавым орлом. Как туда попал этот колокол, до сих пор не выяснено.

В Пермской губернии в церкви села Куюмкорь сохранился колокол с латинской надписью: Anno 1647 Gloria Soli Deo»⁴⁵⁰.

На колоколе Вознесенской церкви в Старой Русе на большом колоколе написано: Albert Bennick me fecit Lubeck anno 1672», т.е. «Альберт Бенник вылил меня в Любеке в 1672 году»⁴⁵¹.

На колокольне Толгского монастыря в Ярославле имеется колокол с двумя надписями, принадлежащими разным годам; его история не лишена интереса.

В 1628 году государем Михаилом Феодоровичем было отпущено в Толгский монастырь на каменное колоколенное строение сто рублей, – сумма по тому времени довольно значительная. Тогдашний игумен Серапион деньги получил, но колокольни на них строить не стал, а отложил их на задуманную им отливку большого стопудового колокола.

Но царский вклад составил только пятую часть всей скопленной Серапионом на колокол суммы, и потому, когда колокол, в 1632 году, был отлит, то в надписи на нем было только глухо замечено, что вылит он «казенными деньгами». В 1677 году при игумене Гордиане (строитель собора) князь Львов пожертвовал в обитель другой колокол в 200 пудов, и Толга могла гордиться своим редкостным по тому времени звоном. Но «радости земныя не бывают продолжительны», замечает автор описания обители.

Не прошло и года, как стопудовый колокол треснул, и игумен Гордиан оказался в крайне затруднительном положении. Колокол, конечно, надо было перелить. Но где? Колокольных заводов в Ярославле тогда еще не было. Приходилось везти в Москву, но Москвы то игумен и боялся более всего.

Весть о разбитом толгском колоколе там в какую-нибудь неделю могла долететь до дворца, и тогда открылось бы не только то, что разбит царский колокол, а и вся предыдущая история, что царские деньги, присланные на построение колокольни, пошли на другое дело, что и колокол-то отлит не на одну эту сумму, и она, таким образом, как бы затерялась между остальными деньгами, собранными с разных сторон.

Гордиан чувствовал, что узнай об этом ближние бояре, ему, как представителю толгского начальства, не поздоровится. Но его замечательная энергия и русская сметка вывели его из затруднения.

Не говоря никому ни слова, он спустил колокол с колокольни и через своих доброхотов тайно отправил его за границу, откуда он, в перелитом виде, через год или

два, благополучно возвратился в обитель.

Теперь на колоколе оказалось две надписи: одна – прежняя, русская, а другая – латинская, гласившая: «Si Deus pro nobis, quis contra nos. Ewerhardus Splinter me fecit Snelysae anno 1678». Но этой надписи Гордиан не боялся: знал он, что «латынщиков» на Руси в то время было немного⁴⁵².

В Клопском монастыре в Новгороде на колокольне сохранился немецкий колокол в пятьдесят пудов с надписью готическими литерами: «Kleiman aus Lubeckhat mich gegossen, aus dem Feuer bin ich geflossen. Anno 1647», т.е. «Клейман из Любека лил меня, из огня разом я вылился 1647 года».

Месяц и число прочитать довольно затруднительно, потому что слова приходятся в полете наружу, где повешен колокол.

Другая надпись вырезана пониже первой и после нее спустя 7 лет. Она начинается: «Лета 7162 (1653) года ноября 29 день при царе государе и в князе Алексее Михайловиче»; кроме того, можно читать: «при патриархе Никоне и при Новгородском Макарии митрополите дал сий колокол весом в 50 пуд в Клопский монастырь Живоначальныя Троицы и чудотворцу Михаилу государь дворянин Иван Лукин Ланежский». Колокольня в Клопском монастыре была в одной связи с соборной церковью Святыя живоначальныя Троицы; на ней было 7 колоколов, из коих большой благовестник в 47 пуд[ов], «дача Ивана Милославскаго, и часы боевыя без перечасья»⁴⁵³.

В Клопском же монастыре находятся два колокола 16 века, из коих один в 15, а другой в 9 пудов с одинаковою надписью: «+лето 7039 [1531] лит колокол сии во обитель Живоначальныя Троицы и чудотворца Николы и к Покрову Святыя Богородица и Святителю Михаилу, при благоверном великом князи Василии Ивановичи всея Русе, + при архиепискупе Великаго Новаграда и Пскова владыке Макарьи и при игуменье Иеве».

В селе Троицком-Лобанове, Коломенского уезда, Московской губернии, на колокольне висит один замечательный колокол с портретом шведского короля Карла XI и следующей надписью:

KOMMEN AHRE WI VTHAF IAKOBS HVS LAT OS WANDRA HERANS LIVS: PETRUS BRAHE COMES IN WISINGS BORCLIB BARO IN CAIANAR SVE DROTLIS STOCHOLM ANNO 1662 LGHGL ADESI THET MION SAGDTARATWI SKOLECA VTHIHERRANS HVS HALELVIAHAFVER S.IORAN PVTENS ENKA LATIT CIVTA.

Колокол этот имеет довольно странную судьбу: он был найден князем Волконским в пруду, во время чистки последнего, и старожилы вспомнили предание, что его привез, неизвестно откуда, – прежний владелец села, князь Лобанов-Ростовский, и повесил на здешней колокольне.

Вскоре потом первый звук его к заутрене разбудил и испугал – князя, за что колокол был снят с колокольни и брошен в пруд.

Князь Волконский снова повесил его. Звон этого благовестника слышен далеко в окрестности, вблизи же слишком резок, ибо в нем много серебра»^{454 455}.

В Деревяницком монастыре, близ Новгорода, находится небольшой, около пяти пудов весом, колокол старинной иностранной работы. На нем вылит сидящий на троне апостол Петр с ключом в правой руке, над ним две буквы S.P. (Sanctus Petrus), по краю готическая надпись, почти изгладившаяся; первые слова: «Bei Veeg», а последняя: «te fecit Anton»⁴⁵⁶.

Русские колокола в Западной Европе

О колоколах русского литья, находящихся в чужих краях, до сих пор ничего не было известно, но в 1909 году действительному члену Императорского Московского Археологического общества, И.К. Линдерману, посчастливилось найти два таких колокола в археологическом музее Стокгольма.

Об этих колоколах г. Линдемман сделал сообщение в заседании Археологического общества 30 марта 1910 года.

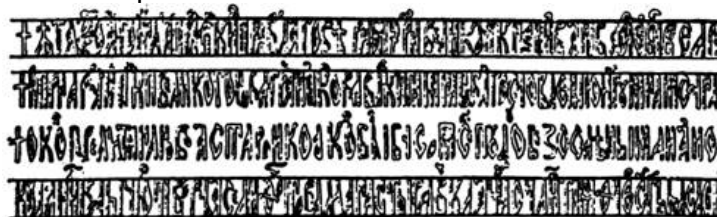
Из доклада видно, что летом 1909 года докладчик был в Стокгольме, где посетил Стокгольмский Государственный археологический музей. В беседе с директором этого музея О. Монтелиусом докладчик просил его сказать ему, не попало ли в музей случайно каких-либо русских вещей.

Монтелиус вспомнил, что в музее есть русский колокол. Колокол стоял в темном месте и был заставлен, так что не представлялось возможным тут же прочесть имевшуюся на нем надпись.

Дальнейшие разыскания привели к открытию другого русского колокола, принадлежащего одной церкви, находящейся недалеко от Стокгольма.

Так как докладчик дольше оставаться в Стокгольме не мог, то О. Монтелиус любезно обещал выслать ему снимки с колоколов и детальпажи; и, действительно, вскоре выслал: фотографические снимки с чертежа русского колокола, принадлежащего церкви фон-Гуддинге (находящейся близ Стокгольма) и надписи и клейма, снятые с колокола, хранящегося в Стокгольмском Государственном историческом музее и взятого из церкви Брэнкирка, находящейся недалеко от Гуддинге.

В настоящее время обе надписи (см. рисунок), из которых одна вязью, разобраны и свидетельствуют о том, что музейский колокол слит в 1572 году, а колокол, принадлежащий церкви фон-Гуддинге в 1563 году, следовательно, оба колокола относятся к эпохе Иоанна Грозного.

Колокол, ныне принадлежащий церкви фон-Гуддинге, перелит был из старого, принадлежавшего некогда новгородскому Селифонтову монастырю.

Справки, наведенные докладчиком об этом монастыре, успеха не имели: о нем нет упоминания даже в труде В.В. Зверинского.

Вот эти надписи: «лета 7071 г. от СМ – 1563 г. от РХ) а го м априлѣ въ кѣи (28 день) при благоверномъ црѣи великомъ князи ивани василѣви ѿ всея росси и при архнепкѣ великаго новогрѣи и пкѣ оба блѣки пимни по селидонтова манастыря вквашнѣи 3) перелити на ново а старон колокоѣ въ весомъ с п д бес осмины 4) лели 5) а 6) тимодинъ окланчинъ 7) с вонми детми с петромъ да с ероднемъ, а новой мѣди 8) прибавили четыре пода с осминою».

Надпись отлита правильно, только в своей верхней официальной части, а потом внизу слова, в целях тайнописанья, раскиданы. 1) Из четвертой строки, налево, после точки, 2) с конца надписи, 3) вквашкой, т.е. данной вкладом, 4) в видах криптографических «ми» писано после «ны», 5) лили (перемешано с «осьмины»),

причем ошибочно вместо Л дано Д, 6) – Лев, 7) Простонародное прозвище. 8) Вместо Д дано Л⁴⁵⁷.

По поводу встречающегося в надписи выражения «Славкова окличин»⁴⁵⁸ Л.М. Савелов напомнил, что Славковой называлась одна из улиц Новгорода.

Другая надпись такая: «Лета 7080 (1572) месяца июля в 20 день слит бысть колокол сей к светей Живоначальней Троицы к Успеню Пречистей и к святей велико (мученице?)».

Помимо интереса, возбуждаемого самими русскими колоколами, при неизвестных обстоятельствах очутившихся на шведской почве, надпись, сделанная вязью, представляет интерес диалектологический: в ней несколько обветшалых и непонятных слов.

Новгородские колокола (окончание)

В Новгороде на колокольне кафедрального Софийского собора находятся два древних колокола, вылитых в 1166⁴⁵⁹ г. при Иоанне 4 Грозном. На них следующие надписи:

1) «Лета 7304 (1566) благоизволением Отца и поспешением Сына и совершением Святого Духа а слыты быша два колокола сии Св. Христову Вознесению, на Прусскую улицу, при благоверном царе и великом князи Иване Васильевиче и всея Руссии, повелением рабов Божии Вознесенского прихода православных христиан Прусского Заполья Мастер Иван».

2) «Лета 7304 (7074 г. от СМ – 1566 г. от РХ) помощью Христа Бога нашего слеты быша два колокола сии к святому Христову Вознесенью, на Прусскую улицу, при благоверном великом князи Иване Васильевиче всея Руси, повелением всех православных христиан Прусского, а мастер Иван с пасынком с Метею»⁴⁶⁰.

В Новгороде же, в Знаменском соборе, находится чрезвычайно любопытный колокол, вылитый, как видно из надписи на нем. 2 декабря (7063) 1554 года при царе Иоане Васильевиче. «Божью милостию и Пречистыя Богородицы слит бысть сей колокол в Великом Новигороди ко Всечестному храму Пречистыя Богородицы Честнаго ея Знамения лета 7063 (1554) месяца декеврия 2, в царство благовернаго и христорлюбиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея России самодержца, господина преосвященнаго архиепископа Пимена и всех православных христиан Велика Новгорода, что избавил нас Бог и Пречистыя Богородица от смертоносных язвы и от напрасных смерти. А лил мастер Иван»⁴⁶¹.

Здесь же находится другой древний колокол, оставшийся после пожара и известный под названием «Горелаго». Оба эти колокола отличаются от остальных шести, находящихся на колокольне, своей древностью и приятным звуком.

В Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде сохранился колокол со следующей надписью: «Лета 7105 (1597) году слит бысть сей колокол в монастырь к Спасу-Нередицы при государе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси и при патриархе Иове Великаго Новаграда, при игумене Ионе, да в тот колокол Феодосий приказал по себе и по своих родителей (звонить?). Лил мастер Тимофей Новгородец».

На колокольне Ново-Девичьего монастыря в Москве также находится колокол времен Иоанна Грозного, вылитый в 1551 году⁴⁶².

Изречения и стихи на колоколах

Иногда на колоколах отливались целые изречения и даже стихотворения. Так, в селе Дунилове Владимирской губ. Шуйского уезда при храме Покрова Богородицы на колокольне находится колокол в 500 пудов, отлитый усердием прихожан в память избавления России от нашествия Наполеона в 1812 году. На колоколе помещено стихотворение, приписываемое бывшему настоятелю Покровской Дуниловской церкви свящ. Василию Саноровскому.

В сей грозный год Галл дерзновенный,
Собрав врагов от всей вселенной,
Россию тщился разорить,
Низвергнуть трон и покорить.
Москва во пламени пылала!
Страна сия в слезах рыдала:
Повсюду был трепет и страх,
Но Бог, живущий в небесах,
Внял воплям и молениям
И не по нашим согрешениям
Благую помощь послал:
Врагов рассыпал, покорял,
Вознес Россию на верх славы;
Смирил премногия державы,
Толь дивна блага созерцая,
Делам Монарха подражая,
Во славу всех Царя Царей
Мы памятник воздвигли сей;
Да возвестит он в дальни роды,
Кто мир дает, хранит народы⁴⁶³.

На колокольне Благовещенского собора в Нижнем Новгороде находятся два колокола, из которых на большом помещена следующая надпись, сочиненная, как полагают, преосвященным Тихоном:

«Возопи в слух кимпане людем правоверным,
Возвещай час молитвы гласом твоим безмерным,
Возбуждай ленивых к церкви приходи
Еже бы им молитвы к Богу приносити.
Аще твоего гласа слушати не станет
И на общую молитву с людьми кто не встанет
Имати Бог токоваго ленивца смиряти
И в день Страшнаго суда мщение воздати».

На другом меньшем колоколе следующие тексты: «Благовестите день от дня спасение Бога нашего» и «Созижду церковь и врата адовы не одолеют ей»⁴⁶⁴.

Теперь обыкновенно на верхней части колокола ставят следующие надписи: «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу» или «Благовестуй день от дне спасение Бога Нашего».

Царь-колокол

Из колоколов всего света крупнейший и единственный по своей величине есть московский Царь-Колокол. Он был перелит в 1733 г.⁴⁶⁵ из колокола в 8000 пуд[ов], отлитого при Алексее Михайловиче. В свою очередь, этот колокол был перелит в 1654 году из разбитого Годуновского колокола⁴⁶⁶.

Адам Олеарий, бывший в Москве в 1636 году⁴⁶⁷, вот что говорит про этот колокол: «На самой середине площади в Кремле стоит чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иван Великий (Gross Hans), глава которой обита золоченой жстью, а на самой колокольне множество колоколов.

Рядом с этой стоит другая колокольня, на которой вылит самый большой колокол, весом в 356 центнеров при великом князе Борисе Годунове (Boris Gudenow).

В этот колокол звонят только во время больших торжеств, или в праздники (Brasnick), как называют их русские, а также при встрече великих послов и при шествии их на торжественное представление.

Для звона употребляются двадцать четыре человека и даже более, которые стоят на площади внизу и, ухватившись за небольшие веревки, привязанные к двум длинным канатам, висящим по обеим сторонам колокольни, звонят таким образом все вместе, то с одной стороны, то с другой стороны.

Но при этом нужно звонить осторожно, чтобы избежать сильного сотрясения колокольни и возможной опасности от ее падения: для этого наверху, у самого колокола, тоже стоят несколько человек, которые помогают приводить в движение язык колокола.

На колокольнях у них много колоколов, иногда по пяти и шести, и самый большой весит обыкновенно не более двух центнеров; в колокола те звонят, когда созывают в церковь, и когда, во время уже обедни, священник возносит чашу с дарами. В Москве, по множеству церквей и часовен несколько тысяч колоколов, которые, во время Богослужения, производят такой разнообразный звон и гул, что не привыкший к нему, не может слышать его без особого удивления. Один человек может зараз звонить в три или четыре колокола; веревки, за которые звонят, привязываются у них не за колокола, а за языки, и одну из этих веревок звонарь берет в руки, другие же наматывает на локоть и, таким образом, подергивает их то одну, то другую; при этом звонари, разумеется, должны иметь особый навык, чтобы звонить, как следует. Колокольный звон русские также считают делом необходимым при их Богослужении, полагая, что это последнее не полно без звона. Поэтому русский пристав очень удивился однажды, услышав, что шведские господа послы, в Михайлов день, говорили, что они также хотели справить свой праздник. «Возможно ли, – заметил пристав, – чтобы они могли справлять в Москве праздник,⁴⁶⁸ не взявши с собою колоколов при отъезде в такое далекое путешествие».

«Царь Алексей Михайлович для литья колокола в 8000 пудов вызвал мастеров из Австрии и поручил им сделать колокол. Они попросили у него пять лет сроку, чтобы его изготовить, ибо, как потом нам пришлось видеть, труды по его изготовлению и приспособлению, для этого требующая, весьма велики и бесчетны.

Рассказывают, что явился русский мастер, человек малого роста, невидный собою, слабосильный, о котором никому и в ум не приходило, и просил царя дать ему только год сроку. Говорят, что царь очень обрадовался и дал ему в помощь целые отряды стрельцов. Он сдержал свое слово и исполнил обещание, изготовив колокол ранее истечения года⁴⁶⁹.

Царь еще более остался им доволен и в награду дал ему во владение пятьсот крестьянских семейств, но тот отказался, говоря: «Я бедный человек и не имею сил

справляться с рабами: для меня достаточно ежедневной милостыни царя». Тогда царь пожаловал ему по динару ежедневно до конца его жизни, а после него детям. Когда он умер, и эта редкостная вещь осталась испорченной, явился еще один мастер из переживших моровую язву, молодой человек малорослый, тщедушный, худой, моложе двадцати лет, совсем еще безбородый, как мы его видели потом, дивясь милостям всевышнего Бога, коими Он осыпает свои создания⁴⁷⁰.

Этот человек, явившись к царю, взялся сделать колокол больше, тяжеловеснее и лучше, чем он был прежде, и кончить (работу) в один год.

Огромная яма была вырыта на этой площадке⁴⁷¹, и в настоящее время, то есть с начала месяца февраля, мастер приступил к изготовлению колокола.

Упомянутая яма, по глубине и ширине, вдвое больше печи для обжигания извести. Всю ее, сверху до низу, выложили кирпичом и приступили к устройству внутри ее печи, которую топят со стороны, под землю, ночью и днем.

Замешав глину, выложили из нее род купола, то есть составили сердцевину колокола, и обжигали глину огнем, который сделал ее твердой, как железо; при этом пламя поднималось выше купола.

Это (обжигание) продолжали до тех пор, пока не окончили форму, а мы все время ходили на них смотреть. Потом наложили на купол второй слой, соразмерно с первой формой, то есть такой же толщины и такого же объема, около локтя или больше, и затем приступили к устройству верхней формы, окружающей колокол. Именно, привезли железные прутья кривые, согнутые, как лук, с крючками на концах, которыми их сплели между собою вокруг всей формы, наподобие того, как ткут циновки. Потом их тщательно обмазали глиной снаружи и внутри и подвергали продолжительное время действию огня, так что все обратилось в одну (плотную) массу. После того форму крепко привязали сверху толстыми веревками к большим медным блокам на самом верху четырех столбов из крепкого дубового дерева, называемого по-гречески *дранис*.

Каждый столб, по толщине, высоте и соразмерности, подобен минарету. Для этих четырех столбов копали землю очень глубоко, а затем в нижней их части просверлили по большому отверстию, в которое вставили большие бревна крест-накрест, и засыпали их землю, чтобы столбы ни малейше не колебались.

Их поставили не совсем прямо, а немного наклонно над ямой, дабы они не покачнулись. Между каждыми двумя столбами поставили еще по два бревна, подобных им, уперев в перекладину, находящуюся наверху. Затем, просверлив те длинные, большие столбы, внутрь каждого вложили очень массивный медный блок, укрепив его с обеих сторон длинным и весьма толстым гвоздем. От веревок, прикрепленных к форме, протянули кверху четыре конца и продели их в блоки, что внутри столбов над землю. Множество людей вытянули⁴⁷² веревки за дворцовую площадку⁴⁷², туда, где было устроено шестнадцать колес⁴⁷³ из упомянутого толстого дерева, нижняя часть их была глубоко впущена в землю и имела поперечные бревна, дабы колеса не раскатались. Привязали те веревки к этим колесам.

При прежнем мастере таких колес было только двенадцать; теперь же их число увеличили и сделали шестнадцать, по восьми с каждой стороны. Затем множество стрельцов повернули некоторые из этих колес с двух сторон одинаково, и тогда крышка, которую сделали как верхнюю форму, поднялась кверху; под нее подвели на краях ямы множество толстых брусьев и поставили прямо. Туда вошел мастер и вырезал письмена и изображения, какие было нужно: на одной стороне изображения царя и царицы и Господа Христа над ними, на другой – изображение патриарха Никона. Когда он кончил, спустились (в яму), разрушили второй слой из глины, который сделали под конец и хорошо очистили (форму).

Когда опустили крышку, на месте слоя образовалась пустота, куда можно было впустить расплавленную медь. Затем как форму вниз, так и внутренность крышки,

намазали обильно салом и жиром, дабы медь текла по ним быстро. Когда опустили (крышку) вниз, сошли (в яму) каменщики и сложили кругом формы, снизу доверху, прочную стенку из кирпичей в несколько рядов, дабы форма не поколебалась от тяжести и стремительного тока меди и таким образом эта последняя не пропала, вытекая наружу.

Приступили к постройке на краях ямы пяти печей из кирпича, весьма прочных, связанных железом снаружи и внутри, обмазали их салом и сделали у них дверцы, опускающиеся и поднимающиеся посредством особого снаряда; дверцы эти железные; их обмазали с обеих сторон глиной, которую потом обожгли на подобие кирпича. Внизу каждой печи сделали отверстие, направленное к яме, дабы когда расплавится медь внутри печей, вся она, по открытии отверстий, быстро потекла по пяти канавкам.

Все это было устроено в течение нынешнего лета после праздника Пасхи, но мы рассказали об этом здесь и, Бог даст, dokonчим рассказ этот в своем месте.

Что касается кусков меди от старого колокола, то как мы видели, каждый кусок тащили веревками, при помощи снарядов, сорок-пятьдесят стрельцов с большим трудом, клали на весы и свешивали, а потом вкладывали в печь, пока не наполнили всех печей.

В каждую печь положили 2500 пудов, а всего 12500 пудов, и замазали печи глиной. Развели сильный огонь и поддерживали его непрерывно ночью и днем, пока не расплавилась вся медь и не стала подобна воде. Ее мешали через отверстия печных дверец железными прутьями, которые накалялись от сильного кипения и жара»⁴⁷⁴.

Здесь рассказ Павла Алеппского прерывается, так как он отправился в Новгород. Далее о литье этого колокола он говорит следующее: «В воскресенье, перед закатом солнца, ударили в новый огромный колокол, в знак того, что царь возвращается, и все стали готовиться к встрече его на другой день. Этот колокол есть тот самый, о коем мы упомянули раньше, рассказывая об искусных работах, приспособлениях и машинах, которые были произведены в течение лета множеством стрельцов вместе с опытным мастером, о разнообразной изобретательности которого мы также говорили. Они непрестанно работали над колоколом, начиная с февраля, как нами было описано, до нынешнего праздника св. Николая. Целью наших прогулок в течение лета было большею частью ходить смотреть на работавших. Перед нашим отъездом в Новгород они были заняты чрезвычайно трудной работой, именно, перетаскиванием громадных кусков меди, взвешиванием их и укладыванием в описанные пять печей.

Каждый кусок с трудом передвигали 40–50 стрельцов, при искусных приспособлениях, клали на весы, свешивали, а потом скатывали в печи с величайшим трудом. Эту работу продолжали до нашего возвращения из Новгорода»⁴⁷⁵. Тогда замазали дверцы печей и развели огонь, (поддерживая его) в течение трех дней, пока медь не расплавилась, сделавшись как вода. Ее мешали через отверстие печных дверей длинными железными прутьями, которые раскалялись от чрезмерного кипения и жара. Затем собралось множество стрельцов и сняли крышу, сделанную из липовой коры, которая защищала то место от жары и дождя: боялись, как бы не случился в городе большой пожар от жара пламени, подобного, по истине, геенне огненной.

Прибыл один из архиереев, совершил над ямой водосвятие и благословил работы; тогда открыли пять нижних отверстий печей, и вся медь потекла по желобам, ведущим к месту поверх ушей колокола. Это было ночью, и смотреть никого не допускали. Медь не переставала течь до конца этого дня.

От большой своей тяжести она образовала внизу трещину и полилась между кирпичами, от чего уменьшился вес, назначенный мастером; но немедленно было доставлено множество меди и серебра⁴⁷⁶ и положено в одну из печей, которая еще была горяча; (металл) расплавился и был пущен на первый, пока форма не наполнилась совершенно. Понадобилось три дня, пока новый колокол не остыл. Тогда

стали отнимать кирпичи и землю бывшие вокруг колокола (что продолжалось) долгое время. Когда прошел слух о том, что царь едет, стали работать ночью и днем, и патриарх постоянно приходил с царским наместником надсматривать за работами и усиленно поощрял работников.

Часто он приглашал и нашего учителя посмотреть на работы. Вышел колокол редкостный, одно из чудес света по своей громадной величине. В течение долгого времени не переставали кирками отбивать от формы те места, по которым текла медь, и очищать их (что продолжалось) до 1-го декабря, когда решили вынуть колокол из ямы и повесить. Пришел один из архиереев со священниками и дьяконами великой церкви в облачениях: совершили вторично водосвятие, поставив подобие (церкви) Воскресения и Иерусалима, сделанное из серебра, и окропили колокол и самое место.

Машины и канаты были привязаны и приготовлены в нашем присутствии, и горожане сошлись на зрелище. Каждую из этих шестнадцати машин приводили в движение 70–80 стрельцов и над канатом каждой машины сидел человек, чтобы давать знать, как следует вертеть, дабы тянули все одновременно. То был день зрелища, какие бывают в жизни на счету. Многие веревки полопались, но тотчас же были заменены другими. После величайших усилий и огромных, свыше всякого описания, трудов, по истечении трех дней совершили поднятие колокола и повесили его над ямой на высоту около роста человека, при всевозможных хитрых приспособлениях.

Над отверстием ямы положили толстые бревна, закрыв ее всю, над ними наложили еще бревен, пока этот чудо-колокол не стал на них, и тогда приступили к повешиванию железного языка, который весит 250 пудов, а толщина его такова, что мы с трудом могли охватить его руками, длина же более полутора роста. Принялись очищать этот диво-колокол снутри и снаружи и полировать. При этом обнаружилось точное изображение царя и насупротив его царицы, а над ними Господь Христос, их благославляющий. Они находятся на лицевой стороне колокола, обращенной к великой церкви на восток от нее; на задней же стороне колокола изображение патриарха Никона в облачении, в митре и с посохом, как он есть.

Под плечами колокола наверху изображены херувимы и серафимы с шестью крыльями вокруг, а над ними идет кругом колокола надпись крупными буквами, а также есть надпись по нижнему краю его. Толщина края этого колокола более брасса⁴⁷⁷, как я измерил и записал. Когда мы входили под него, нам казалось, что мы в большом шатре. Сколько брасс составляет его окружность, никому не было известно, и никто не осмелился его измерить, ибо там постоянно стояли на страже стрельцы.

Я же не переставал употреблять уловки и ласкательства, пока не сдружился с мастером, пригласил его к себе и, обласкав, выведал от него, как велика окружность колокола, если смерить веревкой, и оказалось 11 брасс; я смерил ее пядями и вышло ровно 93 больших пяди. Я спрашивал у мастера и о стоимости колокола, и он сказал: 50.000 динаров, что также сообщил по секрету нашему учителю патриарх; спросил и о весе его, и мастер сказал, что до 12.500 пудов не хватает пятисот⁴⁷⁸. Мы сочли, что один пуд равен 13,5 ок, а каждая тысяча пудов равна 13.000 ок с несколькими половинами; итак, 10.000 пудов равны 130.000 ок, отбрасывая половины, а 2000 пудов, дополнение до 12.000 пудов, равны 26.000 ок; всего же около 160.000 полных ок.

Ничего подобного этой редкости, великой, удивительной и единственной в мире, нет, не было и не будет: она превосходит силы человеческие. Этот благополучный царь, соорудив ее в свое царствование, превзошел современных ему государей.

К нашему счастью, это было сделано в нашем присутствии. Некто, бывший в стране франков, сказывал нам, что в городе Париже, столице государя французов, есть колокол, подобный этому новому колоколу, но окружность его только в 70 пядей. Они хвастаются им, говоря, что нет ему равного в мире. Но этот чудо-колокол на много превосходит тот»⁴⁷⁹.

Павел Алеппский, описывая путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине 17 века, дает нам интересную историю отливки огромного колокола, весом (по Павлу Ал[еппскому]) в 12.000 пудов. По этому поводу считаем нужным сделать некоторые замечания.

На царь-колоколе, находящемся в Московском Кремле, имеются, как известно, три надписи, из них первая гласит следующее: «Блаженные и вечнодостойныя памяти великаго гдря цря и великаго князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца повелением, к перво-соборной церкви Прстия Бцы Честнаго и Славнаго ея Успения, слит был великий колокол, осмь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, от Рождества же плоти Бга Слова 1654 года; а из места сего благовестить начал в лето мироздания 7176, Христова же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208, Рождества ж Гдня 1701 года, в которое мца июня 19 дня, от великаго в Кремле бывшего пожара поврежден; до 7239 года от начала мира, а от Христова в мире Рождества 1731 пребыл безгласен».

Эта надпись была до сих пор единственным источником для истории предшественника царь-колокола; по крайней мере, ее повторяют неизменно все, писавшие о наших колоколах, по-видимому, вполне полагаясь на ее достоверность.

Сведения, сообщаемые Павлом Алеппским, который был очевидцем всей работы по отливке и поднятию колокола с начала до конца, представляют историю его, как может видеть читатель, в совершенно новом виде. Они подтверждают известия вышеприведенной надписи лишь в том, что в 1654 году действительно был отлит в Москве колокол в 8.000 пудов, но в дальнейшем с нею расходятся.

По словам Павла Алеппского, этот колокол, отлитый русским мастером, вскоре же от сильного звона раскололся и был спущен. Далее он подробно, как очевидец, рассказывает об отливке из обломков этого колокола другого, еще большего, и также русским мастером.

Подготовительные работы начались в первых числах февраля и продолжались в течение лета и части осени. Колокол был отлит, вероятно, в начале октября (Павел Алеппский не указывает точно времени отливки колокола). Работы под конец велись очень спешно, под непосредственным наблюдением патриарха Никона, которому, очевидно, хотелось звоном в эту невиданную громаду меди достойно встретить царя при возвращении его из победоносного похода 1801 против поляков. И действительно, к его прибытию колокол был поднят и повешен над литейной ямой, на деревянных столбах, подле Ивановской колокольни. На лицевой стороне колокола, обращенной к Успенскому собору, находилось изображение царя и царицы, на задней – патриарха Никона.

В первый раз в колокол стали звонить 9-го декабря, накануне въезда царя в столицу. Павел Алеппский сообщает также размеры и вес этого колокола. Окружность его – 11 брасс, т.е. 64 фута (окружность царь-колокола – 60 ф. 9 д.). Толщина края – один брасс, т.е. 5 ф. 9 д., величина слишком большая; но надо полагать, что автор измерял толщину по скошенному краю колокола, отчего она, естественно, вышла больше настоящей (хотя, все-таки, слишком велика). Весьма возможно, что здесь переводчик оригинала наших рукописей, по ошибке, написал ба, брасс, вместо бира, что значит локоть или фут. Вес колокола – 12000 пудов, а стоимость его, как он слышал от мастера и как сообщил патриарх Никон его отцу – 50000 рублей. Язык его весил 250 пудов и был толщиной в обхват. Звонили в колокол сто человек.

Через шесть лет, после Павла Алеппского, был в Москве барон Мейерберг⁴⁸⁰ и сообщает о том же колоколе следующее: «В Кремле мы видели лежащий на земле медный колокол удивительной величины, да и произведение русского художника, что еще удивительнее». (В другом месте он говорит, согласно с П[авлом] Ал[еппским], что мастер был молодой человек, 24 л[ет].)

«Этот колокол, по своей величине, выше эрфуртского, и даже пекинского в Китайском царстве... Русский колокол вышиною 19 футов, шириною в отверстии 18 футов, в окружности 64 ф., а толщиной 2 ф., язык его длиною 14 ф. На отлитие этого колокола пошло 440.000 фунтов меди, угару из них было 120.000 фунтов, а все остающееся затем количество металла действительно употреблено на эту громаду... Здесь речь идет о колоколе, вылитом [в] 1653 г.⁴⁸¹ в царствование Алексия: он лежит еще на земле и ждет художника, который бы поднял его»⁴⁸².

Мы не имеем никакого основания сомневаться в правдивости обоих путешественников. Но один из них говорит, что колокол был поднят тотчас по отливке и что в него звонили, а другой видел, несомненно, тот же колокол (судя по приложенному им рисунку) лежащим на земле.

Нам думается, что это противоречие только кажущееся и что показания обоих путешественников легко примирить. Мы представляем себе историю этого колокола в таком виде. Колокол был отлит в 1655 году из обломков другого, в 8.000 пуд[ов], сделанного за год перед тем. Тотчас же после отливки он был поднят и повешен на незначительной высоте, всего в рост человека, над литейной ямой (которая, конечно, была тогда же засыпана). Висел он, надо думать, недолго: в промежуток от 1655 года до 1661 г. он или был спущен, по ненадежности постройки, быть может, временной, на которой висел, или же сам сорвался, но, упав с небольшой высоты на рыхлую землю, не потерпел никаких повреждений. Разные причины, каковыми могли быть: затруднительное финансовое положение после первой польской войны, раздор царя с патриархом Никоном, вторая, не совсем удачная, война с Польшей, отсрочили вторичное поднятие колокола до 1668 года. Эту дату, означенную на царе-колоколе, можно считать верной; по крайней мере, голландец Стрюйс⁴⁸³, бывший в Москве в 1669 г., застал колокол уже висющим. Равным образом, Кольбергер⁴⁸⁴ в 1674 г. и Таннер⁴⁸⁵ в 1678 г. видели его висевшим на особенных деревянных подмостках, близ колокольни Ивана Великого («спереди башни», как говорит Таннер).

В большой пожар 1701 года этот колокол-великан сорвался и разбился. Спросят: почему вкрались ошибки в надпись на теперешнем царе-колоколе? Припомним, что надпись составлена спустя 80 лет по отливке первого колокола, и составлена, вероятно, по преданию, без справок с архивными документами; а предание легко могло смешать два колокола, отлитые в такой короткий промежуток времени – двух лет.

Мейерберг в 1661 году видел его и описал так: окружность этого колокола 64 фута, диаметр 18 фут[ов], толщина стен 2 фута, язык железный 14 фут[ов] длиною.

Стрюйс (Strauss), посетивший Москву в 1668–1670 годах, пишет: «Недалеко от Ивана Великого стоит еще башня с толстыми перекладинами, на коих висит громадный колокол – более чем в 394.000 фунтов; один лишь язык его весит 10000 фунтов.

Колокол в ширину двадцать три фута, а в толщину два фута; раскачивают его пятьдесят человек с двух сторон. Звонят в него редко – только по большим праздникам да при приеме послов. Он издает столь сильный звук, что дрожит земля»⁴⁸⁶.

Об этой колокольне летописец говорит: «Поставил (царь Михаил Феодорович) колокольню большому колоколу деревянную»⁴⁸⁷.

Рейтенфельс⁴⁸⁸, приезжавший в Москву в 1671 году, говорит про этот колокол следующее: «Посредине колокольни, называемая Иван Великий, возвышается над всеми прочими, вышиною она, поспорит с высочайшими в Европе.

Близ нея находится громадный колокол – частью на весу, частью на деревянной подставке, в 320.000 фунтов.

Народ не раз пытался поднять его с земли, но напрасно, многие даже заплатились жизнью за безразумную попытку. Царь поставил себе священным долгом сделать более успешную попытку»⁴⁸⁹.

Далее Ван-Кленк⁴⁹⁰, бывший в Москве в 1675 году, описывает этот колокол так: «В середине Кремля стоит высокая башня – Иван Великий, покрытая наверху золоченой медью, со множеством колоколов.

Рядом с нею – другая, где висит претяжелый колокол, в поперечнике имеющий 23 фута, а весом, говорят, более 400.000 фунтов, язык длиною двадцать два фута, весит более 10.000 фунтов.

Раскачивают его пятьдесят человек и звонят только по праздникам да во время приема послов, тогда от его звона дрожит и трясется земля»⁴⁹¹.

Иоанн Корб⁴⁹² пишет: «Весьма замечателен также в Кремле храм, называемый Иван Великий (Ivan Velikoy): это церковь Блаженного Иоанна; башня церковная с вызолоченной крышей; в башне множество колоколов; один из них, наибольший во всем свете, весит две тысячи двести пудов (poedas) или, по нашей мере, весу в нем шестьдесят шесть тысяч фунтов»⁴⁹³.

К книге Корба приложен особый лист с изображением этого колокола, под которым находится следующая надпись: «Наибольший колокол, висящий в башне Дворцового храма, имеет в диаметре более трех оргий (сажен), в окружности 10 ½ оргий, толщиною 3 ½ фута, весит 66.000 фунтов нашего веса. Колоссальный язык имеет 1 ½ оргии толщины, а к его концу привязано весьма много веревок, посредством которых раскачивают его 40 и даже иногда 50 человек, и ударяют им в колокол для произведения звона, так как сам колокол, по причине его тяжести и величины, привязанный со всех сторон к крепким брусам, расколыхать невозможно»⁴⁹⁴.

Сэр Джером Горсей, бывший в Москве в 16 столетии, пишет: «При Иоанне 4 построена посреди Кремля Башня из тесанного камня, называемая Blaveshina Collicalits (Благовещенская колоколица), с 30-ю большими колоколами приятного звона, служащими для всех соборов и красивых окружных монастырей. Все колокола заливаются разом в праздничные дни (которых очень много у русских), или заунывно звонят во время полнотной молитвы»⁴⁹⁵.

Бернгард Таннер, член польского посольства, посетил Москву в 1678 году. Он довольно подробно описывает город и его достопримечательности.

Особенно его поразили колокола, которые он описывает следующим образом: «Другое украшение храму – башня до середины четырехугольная, а с середины до веру круглая; ее тамошние жители зовут Иван Великий (Jwan Welikoy).

Она заключает в себе тридцать семь колоколов следующим образом: на веру башни есть кругом пролеты, из коих в каждом по колоколу – дискантовому; во втором ряду под теми первыми столько же пролетов и колоколов – альтовых; под этими в третьем ряду тоже пролеты и колокола побольше – теноровые; в четвертом, наконец, ряду под этими тремя столько же колоколов – басовых; все они между собою составляют музыкальную гармонию.

По обе стороны башни – две стены; на каждой из них опять по колоколу, величиною гораздо больше предыдущих, из коих левый имеет в нижней окружности, измеренной мною бечевкой – 18 футов, правый же – 21 фут.

Но огромней, художественней и достопримечательней всех прочих – громадный колокол, висящий спереди башни.

Я его тщательно измерял и потому надеюсь, что читатель мне тем лучше поверит. Его нижняя окружность имеет двадцать восемь футов; самый корпус или бок – толщиною один фут с четвертью и двумя дюймами; высота простирается до семи футов; наконец язык, коим звонят, так велик и толст, что его едва могут охватить два человека.

Впрочем, весь город Москва в таком множестве наполнен церквами, что сами жители говорят едва ли можно определить точное их число; однако насчитывают до семи сот церквей (сколько общая молва говорит – их тысяча семьсот).

На крышах – остроконечная башня, с боку храма или даже на башне мало-мало по восьми колоколов, приспособленных для произведения сказанной уже музыкальной гармонии.

Каждая кровля церкви украшается восемью тоже башенками поменьше (куполами), из коих каждая осенена золотым крестом, формы совершенно искаженной – восьмиконечным.

Насколько велико это количество церквей, настолько редко москвитяне в них ходят. Они думают, что коли, проходя мимо церкви, они поклонятся да трижды перекрестятся, то уже больше ничего и не нужно.

Впрочем, к делам благочестия, по-видимому, относится у них и обычай праздновать изо дня в день *чтимых ими святых звоном колоколов*.

Звонят же у них, раскачивая не колокола, а дергая за привязанную к его языку веревку, в таком порядке: сначала шесть раз ударяют в один наименьший колокол, а потом попеременно с колоколом побольше шесть же раз; затем уже в оба попеременно с третьим еще большим столько же раз и в таком порядке доходят до самого большого; тут уже ударяют во все колокола и притом столько же раз.

Затем вдруг перестают, а там в том же порядке начинают сызнава. И так повторяется на дню много раз и притом в различных церквах и о желании *каждого прохожаго, потому что доступ во все постоянно открыт для всякаго*».

А как, случилось, зазвонят в замке (Кремле) в перечисленные выше тридцать-то семь колоколов, так, бывало, наводят тоску и какую-то внутреннюю дрожь»⁴⁹⁶.

Павел, архидиакон Алеппский, подробно описывая (1653 г.) колокольный звон, говорит, что: «По воскресеньям или большим праздничным дням звонили в Кремле во все колокола, вместе с громадным колоколом, звук которого подобен громовому раскату.

Между собором и церковью Архангела, с восточной стороны, находятся прекрасные колокольни, из коих одна перед Приказом, т.е. диваном, где всегда заседают визири. Снизу она восьмиугольна, огромных размеров; в ней восемь арок, и в каждой висит чудесный колокол. Один из этих колоколов с резьбой; люди знают его звон: в него ударяют в тот день, когда хотят совершить крестный ход, и тогда собираются священники со своими иконами в соборе.

Над этими восемью арками второй ярус, шестиугольный, поменьше нижняго; вверху также восемь арок, и в них также восемь колоколов. Над ними третий ярус еще меньше, он круглый и в нем много маленьких колоколов. Надо всем широкий пояс в четыре-пять аршин с четырьмя рядами золоченых письмен, а над этим – высокий купол, также позолоченный вместе со своим огромным крестом...

Число ступеней в Ивановской колокольне, в которой висит огромный колокол, сто сорок четыре. Внутри башни, по окружности ея, также есть многочисленные кельи. Из этой башни можно проникнуть туда, где висят два колокола, назначенные для звона в будничные дни и в канун праздников, в церковь Рождества, а также в вышеописанную высокую колокольню, ибо все они в одном ряду.

Башни эти выстроил и снабдил колоколами в Бозе почивший царь Иоанн, пожертвовав в свое время 120 домов с достаточным содержанием для приставленных к колокольням людей, которые приходят по очереди еженедельно и неотлучно пребывают в упомянутых кельях ночью и днем для звона в колокола.

В большие праздники и в дни крестных ходов, когда звонят во все колокола, звонари являются все и производят звон в следующем порядке. Должно знать, что у алтарного угла великой церкви снаружи висит маленький колокол, к которому приставлен человек. Когда наступает время звона в колокола, если это зимою, то, после второго часа, а если летом, то после третьего или четвертого, – приходит тот человек и ударяет в этот колокол один раз.

Находящиеся наверху люди, которые стоят уже наготове, в ожидании, услышав звон, ударяют в надлежащий колокол языком его около часа времени. Когда патриарх войдет в церковь, приходит тот человек и ударяет в маленький колокол два раза. Услышав его, звонари прекращают звон, пока не кончится чтение часов. Пред началом литургии выходит тот человек и ударяет в маленький колокол, чтобы звонари его слышали и знали, что наступило время литургии. Тогда начинается звон одиночными ударами. Им отвечают находящиеся в высокой колокольне приятным звоном в маленькие колокола, трогаящим сердце слушателя. Затем им отвечают находящиеся под ними (звоном) во все средние колокола, а прочие (звоном) в свой ежедневный колокол. Это повторяется трижды. Если день воскресный или большой праздник, то заканчивают (звоном) во все большие колокола вместе с тем огромным колоколом, коего звон разносится подобно ударам грома.

Так как местоположение крепости Кремля, где находится дворец, очень высоко и господствует над окрестностями, даже над отдаленными полями и селениями, ибо это место в древности была гора и со всех сторон к крепости ведет подъем и восход, то по этой причине звон колоколов доносится до отдаленных окраин города и до селений. Эта огромная, высокая колокольня с золоченым куполом представляет издали красивый вид. Особенно, если на ее главу ударяют лучи восходящего и заходящего солнца. Если бы низменность вокруг этого города была безлесна, то колокольню можно бы было видеть на большом расстоянии при восходе и закате солнца, отражающегося на ее купол. Мы уже увидели ее на расстоянии десяти верст, на каковом – это два полных часа пути – различаешь ее взором, как неясный образ. По этой причине покойный митрополит Иса в своем стихотворении говорит: «Внутри царского дворца двадцать пять куполов из золота или смолы⁴⁹⁷, которые поблескивают издали на всем обширном пространстве», и далее говорит: «Ты слышишь его (колокола) звук на расстоянии трех дней пути». Но мы услышали (колокол) и увидели (колокольню) только на расстоянии десяти наших миль – не более...

Также и с вечера звон в колокола происходит по знаку, данному ударом в маленький колокол. Звонари ударяют небольшое число раз, пока патриарх не войдет в церковь, о чем тот человек дает им знать, и тогда некоторые из них немного позвонят, ударяя вместе зараз: это служит знаком вечерни.

Точно так же ночью тот человек подает звонарям знак, и они ударяют долгое время в назначенный для этого колокол, чтобы дать знать всему городу, и чтобы церковники вставали и ударяли в колокола своих церквей, что продолжается непрерывно от полуночи до зари, т.е. звон в приходских церквах. Люди, находящиеся наверху, по знаку, данному им стоящим внизу, о том, что патриарх вошел в церковь, прекращают звон до начала утрени, когда тот опять подает знак, и они начинают звон в назначенные большие и малые колокола, по обыкновению. Если день воскресный или Господский праздник, то заканчивают, как мы сказали, продолжительным звоном в самый большой колокол. Также звонят вместе с ним во все колокола во время полиелея. При чтении Евангелия на утрени ударяют также зараз (во все).

Что касается того, когда они встают к службе по ночам, то в зимнее время, когда ночь бывает длинная, если нет Господского праздника, звонят в назначенный для того колокол в одиннадцатом часу; если же воскресенье или особенный праздник, то ударяют в девятом часу.

В летнее время когда ночи коротки, звонят к вечерне перед закатом солнца после девятого часа, а к утрени в четвертом часу ночи – это по будничным дням. Накануне воскресений и праздников звонят с вечера до истечения одного часа ночи. По этой причине мы испытывали страшное мученье: не спали по ночам и терпели большое беспокойство. Всего больше нас донимал колокольный звон, от гула которого дрожала земля, в канун воскресений и праздников, кои почти непрерывно следуют друг за

другом, равно как и звон на заре, с полуночи до утра, ибо в этом городе несколько тысяч церквей.

Рядом с церковью, справа и слева, висят два огромных колокола, подобных громадному колоколу, который мы видели в Киеве в Св. Софии. Один из них с древних времен называется *царицыным*; в него звонят под воскресенья и в праздники, и по его звону всякий знает, что на другой день воскресенье или большой праздник. Второй колокол – *патриарший* звуком ниже; в него ударяют ежедневно утром и вечером; все церкви и монастыри ждут удара в этот колокол, и как только в него ударят, – если это будет рано утром, после восьми часов дня, то в него ударяют языком его непрерывно целый час несколько человек, – ударяют за ним в Чудовом монастыре, а потом в других...

Близ этой колокольни находится другая большая колокольня – четырехугольная – постройка с четырехугольным же куполом, разукрашенная разноцветными изразцами. Эта колокольня имеет четыре арки наверху. В ее куполе висит самый огромный колокол. Когда мы увидели и услышали его, пришли в изумление.

Мы измерили его окружность, и оказалось 62 пяди; толщина его края локоть, а высота более пяти локтей. На нем висят с двух сторон, сверху до низу, весьма большие камни на веревках, дабы он не раскачивался и звонить в него было легче. В известное время несколько человек снизу раскачивают эти веревки. Его железный язык, быть может, по объему равняется одному из больших колоколов в Молдавии: десять человек, стоя внутри, насилу могут раскачать его и ударять им о края колокола с той и с другой стороны.

Когда ударяют в этот колокол, он издает звук, подобный грому, не только стоящие подле не слышат, что кричат друг другу, но и те, которые находятся внизу, и даже те, которые стоят в Соборе и в других церквях. Об этом колоколе сказал приснопамятный митрополит Иса: «внутри дворец царский, насупротив великой церкви; в ней утверждён высокий, огромный колокол, перетягивающий всякий вес: тридцать юношей нужно, чтобы раскачать его веревками, скрученными из сердцевины конопли». Да, это тот самый колокол. Но мы благодарим всевышнего Бога за то, что при нас был сделан другой огромнее его: не было, не может быть и нет подобного его в мире. О том колоколе нам сообщили, что вес его 4000 пудов, как написано на нем, а этот весит более 12000 пудов.

В прошлом году мастера, по приказанию царя, сделали колокол в 8000 пудов, а железный язык его в 250 пудов. Над ним работали со всевозможным старанием непрерывно целый год, пока не окончили его; затем его повесили. Царь приказал звонить во все колокола в городе, потом зазвонили в этот колокол, и его звук покрыл все те. Царь послал всадников узнать, как далеко доходит его звук, и оказалось, как они нашли, около семи верст. Когда стали ударять в него сильнее, он вдруг разбился, как стекло, ибо его частицы не были хорошо очищены. Тогда его спустили, и царь приказал его разбить. Развели вокруг него сильный огонь, и он весь растрескался на куски. После этого царь отправился в поход. Мастер же, который произвел эту великую редкость – одно из чудес света, – умер во время моровой язвы»^{498 499}.

Описывая свое путешествие до Москвы, Павел Алеппский сообщает много любопытных подробностей о колоколах и языках. В Яссах, в церкви Св. Саввы, колокольня примыкает к дверям церкви, к потолку ее подвешены колокола, числом пять; наибольший из них датской работы. Языки у них железные.

Над монастырскими воротами в Яссах колокольня и городские часы, которые все из железа, с большими колесами. Колокола привешены сверху на деревянных брусках. Часы находятся в камерке в середине колокольни и имеют железную цепь, проходящую через потолок на верх к краю большого колокола; к ней прикреплен увесистый железный молоток. Для указания, что наступило время боя, существует длинный деревянный

шест, выходящий из отверстия колокольни и имеющий приспособления, которые приводят в движение маленький колокол, висящий на наружном конце шеста; имя этого колокола будильник: его назначение пробудить внимание людей. Потом звонит большой колокол, причем цепь стягивается под колесами, молоток поднимается и падает на край колокола. Получается густой звук, слышный отовсюду в городе.

За воротами великой церкви Печерского монастыря две колокольни, одна насупротив другой, с западной стороны. Они деревянные, высокие, четырехугольные. Одна из них очень высокая и подъем на нее равняется всходу на Минарет Исы (Иисуса) в Дамаске. Она громадна и имеет много камор внутри; наверх ведет большая витая лестница. Наверху висят на деревянных брусках пять больших и малых колоколов; там же находятся, скрытые в каморе, большие железные часы, бой которых слышен на большом расстоянии. Они возвещают каждую четверть часа одним ударом в малый колокол; когда пройдет час. Они ударяют четыре раза тихо, потом бьют известное число часов в большой колокол.

В то время, 4-го июня, они били до вечера 2 часа, 4-го таким образом день имел 17,5 часов, а ночь 6,5. У них есть извне, на стене колокольни, круг для солнечных часов. Другие часы висят снаружи каменной колокольни церкви Троицы, о коей мы упоминали.

Когда большие часы вечером пробьют 24 часа, эти ударяют много раз в железную доску с сильным боем⁵⁰⁰, дабы слышали находящиеся вне монастыря, вошли и заперли ворота. Другая колокольня, насупротив, ниже первой. На ней висит огромный колокол⁵⁰¹, подобно которому мы еще не видывали; он величиной с небольшой шатер и весит около 50 алеппских кинтаров⁵⁰².

Далее, описывая колокола Св. Софии, Павел Алеппский говорит: В то время ударили в большой колокол, мы вышли посмотреть (на него) и увидели нечто изумительное. Он гораздо больше колокола Печерского монастыря, в семь, в восемь раз: наверно он будет с большой шатер.

Железный язык его весит около 1,5 алеппских кинтара; двенадцать юношей с большим трудом могли его раскачать; и без того, чтобы кто-нибудь не раскачивал его внутри, он не мог бы дойти до краев колокола по причине его ширины. Когда ударяли в него, наши уши были оглушены его сильным, громоподобным звоном: я говорил своему спутнику громким голосом, и он не слышал.

Прочная, высокая, деревянная колокольня, которая больше всех, виденных нами, шаталась и дрожала. Но звук колокола монастыря Печерского резче и выше, а звук этого колокола мягче и ниже; по-видимому, он из эмесского состава⁵⁰³.

В Златоверхо-Михайловском монастыре на каждах воротах висит большой колокол: если что-нибудь случится, то в него ударяют, чтобы дать знать всем находящимся в крепости.

В Путивле, по описанию Павла Алеппского, колокола на колокольнях их церквей все из превосходной желтой, тазовой меди, и уже от маленького удара звук разносится на далекое расстояние. Но их не раскачивают веревками люди, как в Молдавии и в земле казаков, а к их железным языкам привязаны бечевки и в них звонят снизу подростки и дети, ударяя языком о края; получается приятный и сильный звук, сладостный для слуха – устройство прекрасное и остроумное^{504 505}.

Что до их точного числа, я после многих расспросов спросил у патриаршего архиерея, сколько их. Он ответил, что больше четырех тысяч.

Но алтарей, где совершается обедня, больше десяти тысяч. Ибо в каждой здешней церкви по три и более алтаря, и каждая, как бы ни была мала и убога, имеет десять больших и малых, висящих над воротами (т.е. вероятно на звонницах) колоколов. в кои они звонят последовательно.

Но по воскресеньям и праздникам и во всеобщие стояния они звонят в них во все разом. Как отрадно это христианскому сердцу, тогда как в Константинополе с Антиохией

нет двух тысяч церквей, ни двух тысяч колоколов!..»⁵⁰⁷,

Кольбергер же написал, что большой колокол поднимали на подмостки близ Ивана Великого в 1674 году в продолжение 9 месяцев. Во время пожара 19 июня 1701 г. колокол оборвался, разбился и лежал в Кремле до 1731 г.

Голландец Корнилий де-Бруин⁵⁰⁸, бывший в Москве в 1702–03 годах, описывая город, говорит: «Посреди кремлевской площади, окруженной различными зданиями, возносится башня или колокольня *Иван Великий* (Ivan Welike), подле которой находится громадный колокол, упавший с колокольни во время пожара в 1701 году и разбившийся от падения. Говорят, он весит 266,616 фунтов голландских, или 336 центнеров, т.е. 800 пудов с лишком, считая пуд равным 33 нашим фунтам.

Вылит этот колокол в царствование великаго князя Годунова (Gudenov). На площадку, где он висел, нужно всходить по 108 ступенькам, идущим между двумя башнями, и взошедши туда, можно видеть еще место, откуда он упал».

Колокол этот величины чудовищной; по краям его, с одной *наружной* стороны вылита русская надпись, с тремя, выпуклой резьбы, головами.

Поднявшись еще выше на 31 ступеньку, выходишь на другую площадку, где, в оконных арках колокольни, висят еще восемь колоколов, висящих в таких же окнах колокольни один другого меньше, из которых некоторые по два вместе.

С высоты Ивановской колокольни открывается самый лучший вид на город, со множеством церквей каменных, которыми он наполнен».

Далее Корнилий де Бруин прибавляет: «Другие думают, что русские приписывают колоколам особенное достоинство, приятное Богу; но они ошибаются. Русские *только освящают* колокола и звонят в них по большим праздникам, во время богослужения»⁵⁰⁹.

Описывая Москву, камер-юнкер Ф.В. Берхгольц говорит: «Мы обратили внимание только на громадный колокол, который рассматривали с удивлением. Он вылит по повелению царя Ивана Васильевича и потому называется Иваном Великим⁵¹⁰. По причине своей необыкновенной тяжести он все более и более оседал, так что, наконец, уперся даже в своде. Железная полоса, на которой он висит, страшной толщины. Когда в него звонят, язык раскачивают несколько человек веревками, а самый колокол всегда остается неподвижным, да за неимоверною величиною и тяжестью его и невозможно приводить в движение. На этой башне есть еще другие прекрасные и большие колокола, в которые сегодня, т.е. 6 января 1722 г., во все звонили. Самый большой из них имеет, как рассказывают, всегда очень глухой звук, когда в него звонят, что и неудивительно, если принять во внимание тесноту его помещения. Внизу башни сидят постоянно люди, которые от всех осматривающих ее и колокол требуют по несколько копеек»⁵¹¹.

«Во время проповеди в Голландской Реформаторской церкви, в Москве, оба старшины (Vorsteher), которые, как и оба попечителя (Aelteste), избираются ежегодно, ходили сами с тарелками и *звонком*, но так, что один обходил одну половину прихожан, другой другую»⁵¹².

Далее, Берхгольц рассказывает: при осмотре Троицкой Лавры «епископ велел для нас звонить во все колокола, что, по причине их множества и величины, выходило очень хорошо. Самый большой колокол, вылитый в 1709 г., весит 350 п. или 14.000 ф. и имеет в окружности 7 ½ с.⁵¹³, а потому, как можно себе представить, и один уже немало громок»⁵¹⁴.

Высочайший указ императрицы Анны Иоанновны о литье Царя-колокола состоялся в 1730 г. По современной ведомости Артиллерийской и фортификационной конторы видно, что колокол отливался два раза.

Для первой отливки взято было 14124 пуд[а] 29 ф[унтов] меди, 1000 пуд[ов] олова. Второй же раз было прибавлено 498 п[удов] 6 ф[унтов] олова. Весом колокол вышел 12327 п[удов] 19 фунтов. Вышина колокола 20 ф[утов] 7 дюйм[ов], диаметр 22 фута 8

д[юймов]. Толщина стен вверху 9 вер[шков], в краяхъ 6 вер[шков]⁵¹⁵. Колокол отливал русский мастер Иван Федоров Моторин с сыном Михаилом.

Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1.214.000. Из этого числа на одну печь пошло 330.000 на основание и под лицо 300.000 и на утрамбовку внутри болвана и снаружи кожуха 250.000⁵¹⁶.

Отливка и переливка, кроме металла, стоили 141.000 руб.

Колокол в 8000 пудов сделался жертвою пожара в 1701 году и долго осколки лежали в Кремле, возбуждая удивление и русских и иностранцев. Императрица Анна Иоанновна, в 1731 году, решила воссоздать разбитый колокол, но еще в большем размере, а именно в 9000 пудов.

Поручено было сыну знаменитого фельдмаршала, Миниху отыскать в Париже для сделания плана колокола искусного мастера. Такой мастер нашелся в лице королевского механика *Жермена*, который, однако же, принял за шутку предложение вылить колокол в 9000 пуд[ов].

Но за дело взялся русский колокольный мастер Иван Федоров Моторин. Чертежи были сделаны тоже русскими мастерами, и в январе 1733 года работы в Кремле уже начались.

Работа кипела на Ивановской площади, и работало сто человек каменщиков, печников, кузнецов, плотников и др[угих] ремесленников.

Эти подготовительные работы продолжались до осени 1734 года, и ими очень интересовалась императрица, хотя сам мастер Моторин и терпел большую нужду. К концу ноября 1734 года подготовительные работы были закончены, и приступлено было к растопке меди.

26 ноября, в 4 часа, после молебна, затоплены были печи. К ночи медь стала расплавляться, топилась до утра и затем в печи было добавлено олово и медь. Все шло хорошо, но вдруг с 28 на 29 число, в 1 час ночи, у двух печей медь ушла под поды.

Моторин с товарищами решили добавить меди. С разрешения графа Салтыкова, тогдашнего главнокомандующего Москвы, начали бросать в печи старые колокола, олово, подушки, но медь в конце концов, прорвалась и в остальных печах. Моторин отводил медь в запасные ямы, выкапывал новые ямы, но отлитие колокола не удалось. В довершение неудачи, загорелась еще деревянная машина над формой, и пожар чуть было не принял больших размеров.

О несчастном событии донесли императрице, которую неудача весьма опечалила. Но Моторин снова принялся за работу. Однако же он вскоре умер, поручив дело сыну своему, Михайле, который и раньше был его деятельным помощником.

В это же время наблюдение за литьем колокола было поручено князю Ивану Барятинскому. В ноябре 1735 года все было опять готово к литью колокола, и 23 ноября назначено было растопить печи.

На этот раз были приняты особенные меры предосторожности: из полиции было вытребовано четыреста человек команды с пожарными трубами.

По окончании литургии в Успенском соборе, Коломенский архиепископ Вениамин обошел крестным ходом все постройки и печи, устроенные для литья колокола и, отслужив молебен, сам затопил первую печь. 25 ноября 1735 года литье Царя-колокола совершилось благополучно, о чем и засвидетельствовано в архивном *деле по этому поводу*⁵¹⁷.

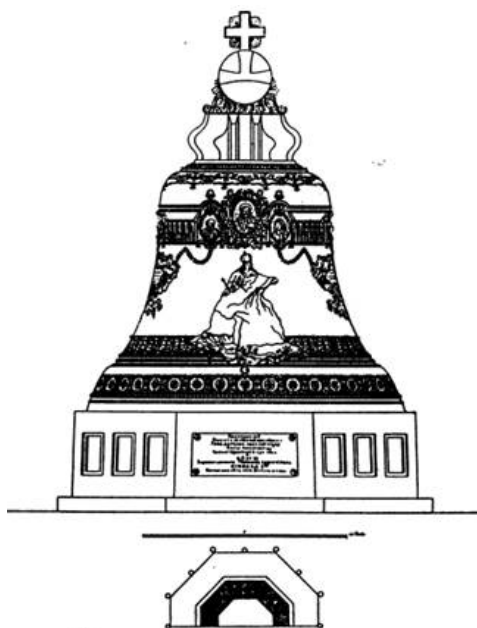
О Царе-колоколе существуют два мнения: первое, что он перед пожаром в 1737 году был повешен на особых подмостках, стоивших 62.000 рублей, второе – то, что он никогда не был вынут из той ямы, где был отлит.

Царь-колокол, после своего отлития, до весны 1737 года, находился в родной своей яме, покоясь на железной решетке, утвержденной на двенадцати дубовых сваях, вбитых в землю. Над ямой находился деревянный сарай для прикрытия колокола.

Весною упомянутого года, 29 мая, в Москве сделался страшный пожар, известный под названием Троицкого. Распространяясь со страшною быстротою, пожар охватил и кремлевские здания. Загорелась, разумеется, и деревянная постройка над ямой, в которой стоял Царь-колокол: в яму начали падать горящие бревна.

Сбежавшийся народ, чтобы спасти колокол, за который боялись, что он расплавится, стал изо всех сил заливать водою раскаленный металл. Огонь потушили, но за то испортили колокол: один край его не выдержал резкого перехода то раскаленности к охлаждению и откололся. Это увидели, когда стали расчищать яму.

С этого времени до 23 июля месяца 1834 года⁵¹⁸ колокол находился в земле, и о нем сложились целые легенды. Заговорили, что Царь-колокол состоит не только из меди и олова, но также частью из золота и серебра, которое во время литья колокола богатые люди из набожности бросили в расплавленный металл. Действительно, по указанию «Горного журнала» в 1883 году, в Царе-колоколе есть небольшое количество серебра, но оно составило случайную примесь к меди в самих рудах, из которых плавилась медь. Затем рассказывали о каком-то чуде-математике, который хотел извлечь колокол из ямы, но неожиданно умер, не поделившись ни с кем своим открытием.

Царь-колокол. (Рис. из книги: Monferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840.)

Впрочем, и само правительство неоднократно возбуждало вопрос не только об извлечении Царя-колокола из ямы, но даже и об исправлении его. Хотели даже перелить его. Перелить его брался мастер Слизов, но расходы по перелитию оказались так велики (78,461 р.с.), что дело было отложено.

В земле Царь-колокол находился более ста лет и был вынут в 1833 году⁵¹⁹, по воле императора Николая I, и поставлен 4-го августа того же года на гранитный пьедестал подле Ивановской колокольни.

Как поднимали Царь-колокол

Монферан, которому было поручено руководство подъемом Царя-колокола из ямы и установкой его на пьедестал, описывает это так:

«28-го марта⁵²⁰ 1836 г. я приехал в Москву, чтобы вынуть Царь-колокол из земли, в которой он находился более века.

Колокол уже был разобщен от своей формы и стоял на железной решетке, которую я увидел, приказав очистить его от окружающей земли. Эта решетка была укреплена на двенадцати дубовых балках, составлявших, очевидно, часть литейной формы. В этом положении предпринята была чеканка неоконченных украшений колокола. Расположение места отливки колокола было выбрано, по всей вероятности, именно то, которое находили удобным для постройки колокольни, где хотели повесить его.

Новую колокольню предполагалось соединить с Иваном Великим несколькими галереями на разных высотах, чтобы придать им необходимую устойчивость переносить сотрясения от звона колоссального колокола. Пожар 1737 г. помешал осуществить этот проект; он уничтожил часть города, окружавшую колокол.

Деревянный барак над ним был уничтожен, и он весь был покрыт горевшими бревнами. Их невозможно было удалить, благодаря силе огня. Это и было причиной трещины колокола. Рукописи того времени указывают, что народ обливал водой страшно раскаленный колокол, думая этим его спасти, но получились противоположные результаты. Найденные остатки обугленных балок подтверждают этот факт. Все малообоснованные версии, повторявшиеся тогда по этому поводу, уничтожились с нахождением в земле около колокольни Ивана Великого, 21 год тому назад, двух записей.

Первая гласила: «Что в 1651 году царь Алексей Михайлович приказал отлить колокол весом в 320.000 фунтов и что этот колокол, прослужив до 1701 года, разбился при пожаре в кремле».

Вторая: «Что императрица Анна Иоанновна приказала перелить старый колокол и прибавить 80.000 фунтов, чтобы отлить новый».

Хотя вес нового колокола по приказанию императрицы Анны Иоанновны и должен превосходить на 80.000 фунтов веса колокола Алексея Михайловича, но легко может быть разница при больших отливках; хотя бы озаботились прибавить более металла. Но все же точно сказать нельзя, сколько весил колокол после отливки.

Сравнивая размеры этого колокола с другими, он превосходит величиной все существующие и служит украшением Кремля.

Долгое время думали, что невозможно его поднять.

Император Павел I в 1792 г.⁵²¹, в одно из своих посещений Москвы, указал талантливому механику J. Guirт придумать способ поднять колокол и поставить на другое место. Его проект, хорошо составленный, все же не мог быть выполнен из боязни, что при поднятии колокола – колосс сломается.

В 1819 г. генерал Vèthancourt поручил мне осмотреть колокол и привести рисунки с него. Спустя несколько лет инженер, генерал Fabre, имел такое же поручение, что позволяет думать о желании императора Александра I также переставить колокол. Прежний ли страх или другие какие-либо мотивы – но все же наибольший колокол в мире лежал в земле и изредка посещался любопытными иностранцами, знакомившимися с древностями Москвы.

Император Николай I, который заботился делать лишь полезное и приятное для своего народа, желал убедиться, возможно ли исправить колокол, и затем хотел для него построить колокольню; но огромные размеры делали невозможным его исправление способом, допустимым для малых колоколов.

Его императорское величество решил вынуть колокол и поставить на пьедестал около Ивана Великого.

Получив назначение представить проекты и руководить работами, я выехал в Москву, куда и прибыл 25-го марта 1836 г.

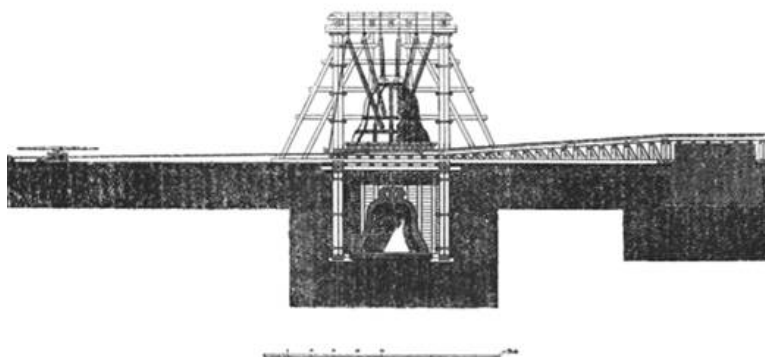
Первое, что я сделал, это приказал вынуть вокруг колокола всю землю на глубине 30 футов и поставил сруб для предупреждения обвала земли.

Несколько насосов работали, выкачивая воду для осушки почвы, и тогда лишь я мог рассмотреть весь колокол и убедиться, что кроме одного отбитого куска, лежащего около, колокол был цел, без каких-либо недостатков, и что он мог быть поднят и перенесен без какого-либо риска разбиться.

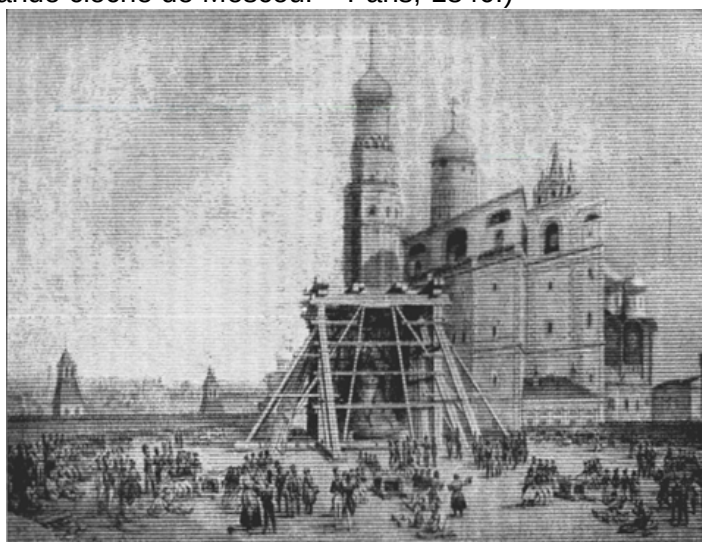
После этого, я приступил к сооружению лесов, которые вместе с другими приспособлениями были готовы через шесть недель.

30-го апреля я отправился за приказанием военного губернатора и членов комитета по постройке Кремля, которые и решили, что колокол будет подниматься на следующий день.

Не было еще и десяти часов утра, когда огромная толпа окружила Кремль и его окрестности, как я получил приказ начинать. Было пропето «*Отче наш*», дабы испросить свыше благополучного окончания работ.

Проект подъема Царь-колокола из ямы. (Рис. из книги: Monferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840.)

Подъем Царь-колокола из ямы. (Рис. из книги: Monferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840.)

После моего сигнала, рабочие и окружавший народ перекрестились, ворота заработали. Послышался треск лесов от натянувшихся канатов, но все скоро затихло, так как казалось они были достаточно прочны, и все увидели поднимающийся колокол, тащивший за собой часть железной решетки, на которой он стоял. Первое усилие, чтобы тронуть огромную массу металла, было настолько велико, что 2 каната лопнули, а сломавшийся блок с силой отскочил в леса.

Колокол продолжал подниматься; глубокая тишина царила вокруг; слышно было лишь глухое регулярное потрескивание воротов. Интерес, смешанный со страхом, сменил надежду на успех, и люди, недавно меня окружавшие и заранее поздравлявшие, мало-помалу удалились. У меня осталось хорошо работавших девять воротов, что было более чем достаточно.

Стоя около колокола, прошедшего уже четверть дистанции, я велел подставить лестницу для удобства схода четырех рабочих, стоявших вверху для распоряжения канатами. Но операция подъема усложнилась, по случаю разрыва канатов, колокол принял неправильное направление, затруднявшее подъем; вновь более напряженные два каната одновременно рвутся, и я даю сигнал остановиться. Страх обуял всех, и из четырех рабочих, находившихся наверху, трое быстро сошли и остался лишь один, дожидаясь моих приказаний. Я послал его в яму под гудевший колокол устроить подставку из бревен. По возвращении этого храбреца, я приказал опускать колокол и без приключений установил его на бревна, отделив таким образом от земли.

Неудача первой попытки объясняется непрочными канатами. Опыт показал, что хотя они и выглядели новыми и крепкими, но все же испортились от сырости при перевозке их из Петербурга в Москву, где они пробыли шесть месяцев до моего приезда.

Я заказал новые канаты и увеличил для успеха число воротов до 20. По окончании всех приготовлений, 23-го июля, был назначен новый подъем в присутствии генерал-губернатора, главных начальствующих лиц города и членов комитета по постройке Кремля.

В пять часов утра, после молебствия об успешном подъеме, я приказал встать солдатам у воротов и в шесть часов пять минут после сигнала ворота заработали.

Немного спустя, показался колокол, покрытый древней пылью и, медленно поднимаясь, заполнил своей массой внутренность лесов. Блестяще выполненный подъем длился 42 мин[уты] 33 сек[унды], к большому удовольствию восхищенных жителей, осматривавших висевший колокол. Сейчас же прикрыли яму крепким помостом из бревен, на который поставили полозья на катках (тележка) и опустили на них колокол. Затем передвинули на пьедестал, где он был 26-го июля окончательно утвержден.

С художественной стороны, колокол замечателен красотой своей формы и скульптурных украшений, которые можно отнести к стилю школы «Bouchardon» и «Cousevox». Эти, неоконченные, во весь рост, натурального размера барельефы изображают портреты царя Алексея Михайловича и императрицы Анны Иоанновны. Между этими двумя портретами, на двух картушах, поддерживаемых ангелами, находятся поврежденные надписи, из которых возможно разобрать несколько слов. Верхняя часть украшена иконами Спасителя, Божией Матери и св. Евангелистов. Верхний и нижний фриз с большим искусством составлен из пальмовых ветвей тщательной работы.

Если верить народным сказаниям, то металл колокола содержит некоторое количество золота и серебра, которое богатые и благочестивые люди прибавляли к меди во время отливки колокола; цвет беловатый, которого не имеют другие колокола, как бы подтверждает высказанное предположение. Благоговение к колоколу

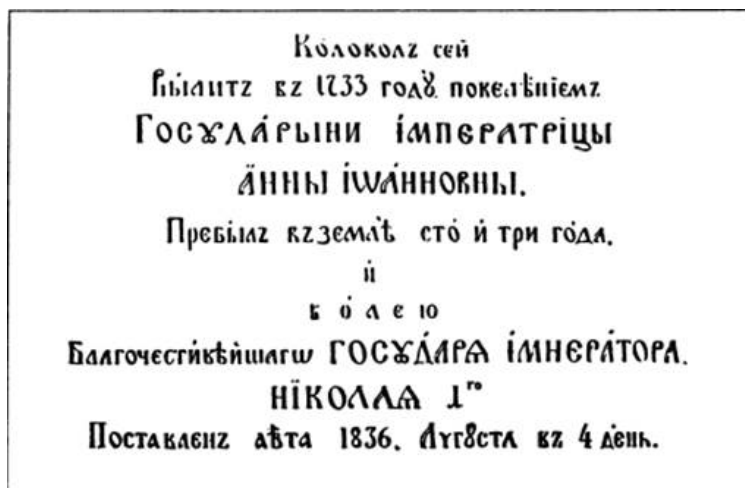
московского народа не позволяло взять частицу его, чтобы удостовериться, из чего он состоит.

Его величество государь император приказал, чтобы сверх колокола возвышался бронзовый золоченый крест, и я был вынужден, чтобы поместить крест с сопровождавшим его украшением, отрубить литники, которые еще не были сняты. Анализ этого металла был сделан заботой полковника Соболевского в Петербурге, в лаборатории минного корпуса. Результаты дали: меди – 84,51; олова – 13,21; серы – 1,25; потеря – 1,01. Потеря состояла из цинка и мышьяка, которых нашли лишь следы.

Царь-колокол поставлен на площади Кремля, рядом с колокольной Ивана Великого на восьмиугольном гранитном пьедестале; над ним возвышаются 4 кронштейна, поддерживающие шар с греческим бронзовым (золоченым) крестом. Полная высота этого памятника 34 фута.

На одной стороне пьедестала имеется следующая надпись, которую я сочинил и Его величество государь император утвердил. Эта надпись, славянскими буквами, выгравирована золотом на мраморе синева-белесоватого оттенка, называемого *borgillo*: «Колокол сей вылит в 1733 году⁵²² повелением государыни императрицы Анны Иоанновны. Пребыл в земле сто и три года и волею благочестивейшаго государя императора Николая 1-го поставлен лета 1836 августа в 4 день» (см. рис. на сл. стр.).

Отколотый кусок прислонен к пьедесталу, чтобы можно было видеть внутренность этого монумента, который может быть назван наиболее интересным и необыкновенным в своем роде⁵²³.

Вот эпитафия, который взял Монферан для своей книги о подъеме Царя-колокола:

«Но кто бы мог проникнуть в тайны Господа?..

Ты долженствующий присоединять свой голос к нашим молитвам

И с высоты Кремля, в торжественные дни, призывать народ

к подножию святых алтарей –

Увы!.. с самого твоего рождения, на смерть обреченный,

Ты не мог выполнить твоего великого назначения».

В «Горном журнале»⁵²⁴ помещены списки надписей, находящихся на Царь-колоколе: 1. «Блаженные и вечнодостоинья памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца повелением, в первособорной церкви Пресвятыя Богородицы – честнаго и славнаго Ея Успения, слит был великий колокол, осмь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, с Рождества-же по плоти Бога Слова 1654; из меди сего благовестить начали в лето мироздания 7176, Христова-же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208⁵²⁵, Рождества-же Господня 1704 года⁵²⁶, в которое

месяца июня 19-го дня, от великаго в Кремле бывшаго пожара, поврежден; до 7239⁹²¹ лет от начала мира и Христа, в мире Рождества прибыв безгласен».

Вторая надпись: «Благочестивейшия и самодержавнейшия великия государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всея России повелением во славу Бога в Троице славилась в честь Пресвятыя Богоматери, в первособорной церкви славнаго Ея Успения, отлит колокол из меди прежняго осмь тысяч колокола пожаром поврежденнаго с прибавлением материи двух тысяч пуд, от создания мира в 7242, от Рождества же во плоти Бога Слова 1734, благополучнаго ея величества царствование в четвѣртое лето».

Будет ли звонить Царь-колокол?

Некто архитектор Форстенберг, в 1770 году, хотел впясть вышибленный край, но, не приведя в исполнение своего способа, умер от чумы.

Император Павел приказал было передвинуть колокол на новое место, но предположение не было приведено в исполнение из опасения сломать колокол.

В 1819 году император Александр Павлович поручил расследовать вопрос о поднятии колокола инженеру Фабр, но и на этот раз дело не ограничилось одними предположениями.

Через два года яму расчистили, застлали досками и обнесли перилами; сделали даже лестницу, по которой можно было опускаться вниз и осматривать внутренность колокола.

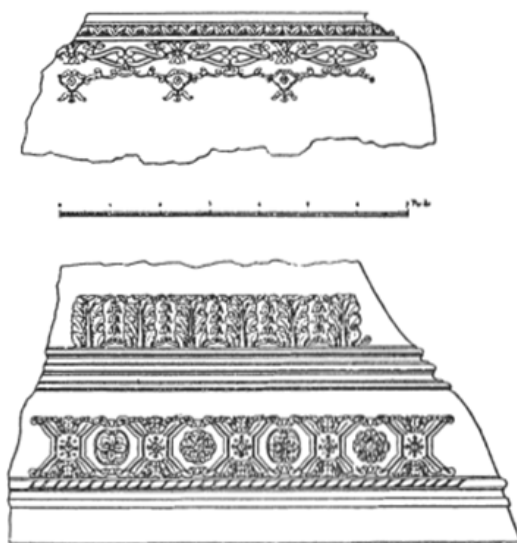
Тут впервые были прочтены надписи о колоколе царя Алексея Михайловича и о вылитии самого Царя-колокола. При императоре Николае Павловиче решено было извлечь колокол из ямы и поставить на пьедестал. Это дело было поручено, как было сказано выше, французскому инженеру Монферану⁵²⁸ строителю Александровской колонны, Исакиевского собора и др. грандиозных зданий .

Колокол украшен наверху изображениями московских чудотворцев, а посредине – особ императорской фамилии; из них императрица Анна Иоанновна изображена во весь рост, но ясно вышли только голова и корона.

Вопрос о спайке: Царя-колокола поднимался несколько раз и всегда безуспешно.

[В.В.] Стасов о спайке Царя-колокола говорит:

«Блестящая деятельность отца Израилева⁵²⁹ в отношении к исследованию русских колоколов и усовершенствованию наших звонов невольно приводит к мысли: как хорошо было бы, если бы этому же замечательному нашему ученому и деятелю поручено было, однажды спаять снова, привести в известный определенный тон и поднять на колокольную знаменитый Царь-колокол.

Детали украшений на Царе-Колоколе. (Рис. из книги: Monferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840.)

Возможность эта вполне доказывается тем, что отцу А.А. Израилеву случилось, однажды, вполне счастливо *спаять вновь и привести в прежний тон* камертон, у которого сломилась случайно одна из ветвей. Восстановление же в прежнем виде колокола, полтора-два года тому назад свалившегося в яму и никогда еще не звонившего,

было бы, конечно, для нашего счастья, одним из торжеств нашего времени. Ведь Царь-колокол, в 12.000 пуд[ов] весом, *первый* колокол в мире. Зачем же ему молчать!⁵³⁰

Несколько лет тому назад появился проект инженера Н.В. Подчиненова⁵³¹ – поднять Царь-колокол, спаять его и водрузить на колокольную.

Надо быть признательным тем лицам, которые не допустили подобного вандализма.

Часть украшений Царя-Колокола (Рис. из книги: Monferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840.)

Если спайка чугуна, железа и меди электричеством, кислородом и ацетиленом получила в последнее время права гражданства, но до сего времени все попытки спайки колоколов даже самого малого размера еще не достигали цели – при спайке звук колокола совершенно терялся. Припаять отколотый огромный кусок к Царю-колоколу, при нынешних технических средствах с гарантией сохранности в нем нормального звука, нет возможности.

Ответ автора проекта на вопрос: «Но будет ли колокол звонить?» – «А уж это зависит от того, как он отлит» – показал незнание его колоколелитейного дела и абсолютное недопущение потери звука при припайке куска. Не производя опыта и с маленькими колоколами, вздумал сразу взяться за Царь-колокол. Почему автор не применил своих знаний к разбитым колоколам при церквях.

Должна же спайка стоить дешевле чем переливка старого колокола на новый, но до сего времени о подобном применении знаний Н.В. Подчиненова нам не пришлось слышать.

Вот что говорит автор по поводу своего проекта.

«Действительно, я хотел спаять колокол при помощи электричества, – начал Н.В. Подчиненов, – такой способ спайки уже не новость. Честь изобретения его принадлежит инженеру Славянову. Он давно уже придумал этот способ и тогда же предлагал осуществить проект припайки отбитого куска к Царю-колоколу и поднятия колокола.

Тогда это было слишком дорого. Он назначил баснословную цену – 500000 руб. С Царем-колоколом этот способ не прошел, но он получил все-таки применение.

Теперь этот способ практикуется в Сибири для литья чугунных и медных частей. Как-то в разговоре с представителями высшего духовенства я высказал мысль о возможности подъема колокола и приведения его в должный порядок. Мысль мою поддержали. Я начал делать всевозможные вычисления. Составил проект.

По моему подсчету, такое дело обошлось бы приблизительно в 150 т. руб. Тогда же я начал переговоры со старостой Патрикеевым и с обществом хоругвеносцев. Впрочем, ни те, ни другие не поддержали моего проекта в материальном смысле. Находили невозможным истратить на это дело крупную сумму в 150000 рублей. Конечно, это деньги большие, но если принять во внимание историческое значение колокола, то их следовало бы истратить.

Когда я занялся этим делом, то, роюсь во всевозможных архивах и в делах, я почерпнул много интересного материала, совершенно неведомого не только широкой публике, но даже многим специалистам.

Мне кажется, что духовенство должно было бы особенно интересоваться этим проектом в виду той легенды, которая сложилась вокруг Царя-колокола.

У старообрядцев и сектантов существует легенда, что Царь-колокол сам поднимется и зазвонит в день Страшного суда...

Для осуществления проекта 150 тыс. необходимы вот почему. Самая спайка обошлась бы тысяч в 50. От 30 до 50 тысяч рублей стоил бы подъем.

Самое дорогое – это устройство особого приспособления в виде станка для того, чтобы поворачивать колокол. Так как колокол весит 12000 пуд[ов], то, несомненно, самая затруднительная часть проекта – это поворачивание колокола.

В виду же того, что колокол имеет много трещин, начиная от раструба и кончая почти местом для ушка, его необходимо поворачивать для спайки трещин. Такое приспособление, конечно, можно было бы сделать, хотя я и не занимался составлением его проекта».

«Выдержит ли колокольная?»

«Да, это я вычислил. Кроме того, я осматривал место, чрез которое нужно было бы ввести колокол. Там, пожалуй, пришлось бы сделать в стенах небольшие выемки. Конечно, колокол нужно повесить не на самую колокольную, а на Филаретовскую пристройку, где висит сейчас колокол в 4000 пудов, который, кстати, называется тоже Царь-колокол. Вот, пожалуй, расходы увеличило бы приобретение особой машины для пайки. Вероятно, обошлась бы она тысяч в 15. Надо заметить, что обыкновенные машины не выдерживают этого способа работы и сгорают».

«Но будет ли колокол звонить?»

«А это уже зависит от того, как он отлит. Впрочем, судя по внешности, он звонить должен. Его отливку можно назвать идеальной. К концу раструба он утолщается до 12 вершков, а к ушку он значительно тоньше».

«Ведь есть же, как мне рассказывали, в Пекине колокол в 8000 пуд[ов]⁵³², который звонит. Этот колокол теперь считается величайшим в мире. Значит, если бы мы водрузили на место наш Царь-колокол, то самым большим в мире стал бы он.

Конечно, пришлось бы сделать язык. Но это не так дорого. Занимаясь этим вопросом, я узнал много интересного о прошлом колокола. Мне было разрешено посещать архив Императорского Двора, и там я нашел целых 600 номеров «дела о колоколе».

Касается «дело» передвижения колокола на то место, где он стоит теперь. Раньше он стоял на другом месте, внутри двора, между дворцом, Чудовым монастырем и колокольной Ивана Великого. Там он находился в яме. Я нигде не нашел указаний, что это за яма, но думаю, что это та самая яма, над⁵³³ которой отливали колокол.

Приблизительно в 1834 г. был возбужден вопрос о подъеме колокола из ямы и передвижении его на теперешнее место. Как это часто бывает и в данном случае все

дело было проведено с гораздо большими расходами, чем это требовалось. В архиве я нашел любопытное указание. При дворцовом ведомстве в Москве тогда существовала техническая контора. Помощник архитектора, простой техник, предложил такой незамысловатый план. Он составил проект, по которому из ямы нужно было вырыть очень пологую дорожку к тому месту, где стоит теперь колокол. Потом людьми или лошадьми колокол надо было прямо докатить на место. Этот проект был послан в Петербург, причем техник вычислил, что все дело передвижения стоило бы не дороже 8000 рублей.

В Петербурге проект отдали известному тогда инженеру-французу Монферану, строителю Исаакиевского собора. Так как он порусски не говорил, то пришлось проект ему перевести на французский язык. Я видел на самом подлиннике проекта переведенную надпись: «Неудобоисполнительно».

Таким образом, по неизвестным причинам, француз-инженер, считавшийся, конечно, большим специалистом-авторитетом, признал проект негодным. Взамен составил свой. Конечно, гораздо сложнее и дороже.

По его проекту, который, кстати сказать, и был приведен в исполнение, с колоколом поступили так. Над ямой построили леса, вытащили колокол из ямы, перекатали до того места, где ему нужно было стоять, и потом подняли на подставки. Естественно, что этот способ гораздо сложнее. Это подтвердила и крупная цифра расхода в 30000 рублей.

Итак, если бы мне пошли навстречу, можно было бы водрузить колокол и достичь того, что этот памятник старины гораздо реальнее проявлял бы свое историческое значение»⁵³⁴.

После Царя-колокола следующий по величине Троице-Сергиевский, весом более 4000 п[удов], отлит в 1748 г.

Второй по размерам находится в Японии в г. Киото, отлит в 632 г., весит 4685 п[удов].

Третий – Большой Успенский, 4000 пуд, отлит в 1817 году⁵³⁵ взамен разбившегося в 1812 году колокола, отлитого при императрице Елизавете⁵³⁶ Петровне в 1760 г.⁵³⁷ и весившего 3351 п[уд].

Четвертый – Св. Иван, 3500 пуд[ов], отлит в 1819 г.⁵³⁸

Пятый в г. Пекине в 3400 пуд[ов]⁵³⁹.

Шестой – в Савино-Сторожевском монастыре, лит в 1667 году⁵⁴⁰, весом 2125 пуд[ов].

Колокола от 1000 пуд[ов] находятся во многих монастырях.

Колокольня Иван Великий

Звон на Ивановской колокольне представляется необыкновенно торжественным, особенно когда производится во все колокола, что бывает в самые большие праздники и при торжественных случаях; он называется «красным звоном» и имеет свою особую мелодию.

В ночь под Христово Воскресение красный звон совершается по-особому, исстари существующему в Москве, обычаю. Призывный звон к заутрене начинается с колокольни Ивана Великого в Кремле. Для вящего благолепия и торжественности этого великого момента все московские церкви должны ждать, пока ударит громадный Успенский колокол Ивана Великого.

На первый удар его, вдали, подобно эху, отзывается колокол Страстного монастыря и затем уже разом, как будто по мановению капельмейстера, начинают гудеть колокола всех сорока-сороков московских церквей.

Еще только не успели пробить полночи часы на Спасской башне, как задребезжал сигнальный колокольчик «кандия» от Успенского собора и, как всегда бывает, многотысячная толпа на площади Кремля стихла; и вдруг ударили... Дрогнул воздух, рассеченный густым, но мягким ударом Успенского колокола! Торжественно понеслась, разрастаясь, широкая звуковая волна; перекатилась она с кремлевского холма за Москву-реку и разлилась далеко вокруг.

Как хорошо, как торжественно потрясает ночной, остывший воздух это густое «бархатное» *la betou!* Второй удар еще сильнее, еще сильнее, еще могучее, а в отклик ему перекатный звон тысячи колоколов всех церквей слился в один протяжный гул.

Растут все больше и больше радостные звуки, переливаясь, дробясь среди торжественной тишины ночи! Чудится, будто бы не землю порождены они, будто с темного свода небес льется этот могучий, стройный звон колоколов на безмолвную землю, оцепеневшую в немом благоговении.

Этот величавый «красный звон» московский, этот «язык неба» – лучше всего слушать с высоты Воробьевых гор, особенно если ветер на Москву. Тогда масса звуков борется с течением воздуха и не сразу, а постепенно наступает на вас, наполняя собою огромное пространство, раскинувшееся между «Воробьевкой» и городом.

А.Н. Муравьев, путешественник по св[ятым] местам, пишет: «Посреди таинственной тишины сей многоглаголивой ночи внезапно с высоты Ивана Великого, будто бы из глубины неба, раздался первый звук благовеста, – вещий как бы зов архангельской трубы, возглашающей общее воскресение. И вот, при первом знаке, данном из Кремля, мгновенно послышались тысячи послушных ему колоколов, и медный рев их наполнил воздух, плавая над всею первопрестольною столицею; она была объята сим торжественным звоном, как бы некоею ей только свойственною атмосферой, проникнутою священным трепетом потрясаемой меди и радостью благовестуемого торжества. Слышало ⁵⁴¹ ухо и не могло насытиться сей дивною гармонией будто бы иного надоблачного мира» .

Англичанин Мекензи Уоллес ⁵⁴², иронически относящийся ко всему русскому, так описывает кремлевский звон под Светлое Воскресение: «Толпа стояла в ожидании доброй вести: «Христос Воскресе!» с приближением полуночи шум голосов постепенно затихал, особенно к двенадцати часам, когда большой колокол Ивана Великого начал гудеть своим густым басом. По этому сигналу со всех других московских колоколен вдруг раздался радостный перезвон».

Далее Мекензи Уоллес говорит: «В то же самое время каждый из колоколов Москвы, которым имя легион, казалось бешено желал заглушить своего соседа; рев

большого колокола над нашими головами смешивался с тонкими и острыми звуками своих тщедушных соперников.

Если демоны живут в Москве и не любят колокольного звона, как это предполагают, то в эту ночь у темного царства должен был происходить настоящий погром с поголовным бегством. Всему этому оглушающему шуму вторили частые пушечные выстрелы с Тайницкой башни»⁵⁴³.

Колокольня *Иван Великий* была издревне общему колокольню всех кремлевских храмов. Первоначально создана в 1329 году великим князем Иоанном Первым Даниловичем Калитой, с церковью во имя св. Иоанна *Лествичего* или *Списателя Лествицы* в память рождения сына Иоанна, в день, празднуемый этому святому.

В 1508 году, эта церковь, называвшаяся *Иоанн Святый* уже под колоколы, перестроена при великом князе Василии Иоанновиче, *Алевизом*⁵⁴⁴.

Колокольня же в том виде, как она есть, довершена надстройкою во второе лето правления Бориса Годунова, и без сомнения начата в царствование боголюбивого и богомольного царя Феодора Иоанновича⁵⁴⁵.

Таким образом, распространившееся предание о постройке этой колокольни Борисом Годуновым, во время голода, для прокормления народа, есть мнимое.

Колокольня закончена в 1600 году, за год до неурожайного года (1601) и за два и более до совершенного голода или *меженины*, когда Борис по преданию, основанному на следующих строках Николаевской⁵⁴⁶ летописи: «Видяж царь Борис такое Божие прогневание и повеле делати каменное дело многое, чтобы людям питатися и сделаша каменные палаты большия, на взрубѣ, где были царя Ивана хоромы»⁵⁴⁷, предпринял каменное дело для прокормления рабочего народа в Москве.

Под главой Ивановской колокольни находится следующая подпись: «Изволением Св. Троицы, повелением великаго государя и царя В. К. Бориса Феодоровича всея России самодержца, и сына его благовернаго великаго государя цесаревича князя Феодора Борисовича всея России, храм *совершен* (т.е. окончен), позлащен во второе лето государства их 108 (1600) году»^{548 549}.

Итальянский мастер Петрок⁵⁵⁰ строил храм Воскресения. Он окончил постройку уже в 1543 году, не доделал только каменной лестницы к храму, которую, как и двери в храм, приделали уже московские мастера в 1552 году.

Неизвестно по какому обстоятельству храм был устроен на высоте третьего яруса всего здания и для каких потребностей оставались два нижние яруса, возле которых построена была лестница.

Летопись не упоминает при этом, что здание было построено для колоколов, и именно для больших колоколов, какой, например, был слит в 1533 году с именем *Благовестник*, помещенный до времени на деревянной колокольнице за алтарем Архангельского собора, по всему вероятно в ожидании, когда построится упомянутое здание новой колокольни.

Должно заметить также, что колокольня была выстроена в стенообразном виде на четыре угла по древним русским образцам новгородских и псковских.

Что здание строилось именно для такой колокольни, это вполне подтверждает весь склад его основания необычайной фундаментальности и прочности.

Строительная масса нижнего этажа состоит из сплошной кладки камня или кирпича и имеет стены толщиной в четыре аршина. Основные стены Ивана Великого имеют три аршина толщины.

«По-видимому, – говорит [И.Е.] Забелин⁵⁵¹, – свидетельство о постройке этого здания в 1543 году описателями московских достопамятностей было забыто, так что здание обозначалось именем *пристройки* к Ивану Великому, сооруженной будто бы при царе Михаиле Феодоровиче и при патриархе Филарете, почему здание стали именовать Филаретовскою пристройкой и Филаретовскою башнею»⁵⁵².

Между тем в действительности выходило наоборот⁵⁵³. Самый Иван Великий, построенный в 1600 году, является *пристройкой* к этому коренному древнему зданию с южной стороны, а с северной его стороны при Михаиле Феодоровиче была сооружена так называемая *Филаретовская патриаршая пристройка*, что и составило одну связанную группу колоколен, состоявшую из трех отделов: из Ивановского столпа, из здания, сооруженного Фрязином Петроком, и из Филаретовской пристройки, как это в том же виде существует и *доныне*⁵⁵⁴.

В 1812 году Наполеон⁵⁵⁵ старался взорвать всю эту группу и достиг цели только наполовину. Были разрушены: Филаретовская пристройка и верхняя половина здания Фрязина. Иван Великий оказал только неопасную трещину.

Один из очевидцев, бывший в Москве в 1812 году, вот как описывает Ивановскую колокольню после взрыва: «По совершенном изгнании неприятеля из Москвы, в Кремль никто впускаем не был караулившими казаками; однако мне случайно удалось проскользнуть и взглянуть вблизи на его разрушение.

Первое внимание я обратил на колокольню Ивана Великого, лишенного на главе венчавшего его креста; хотя он, т.е. Иван Великий в основании своем и не потерпел повреждения, но находившаяся подле него часть колокольни была взорвана и на том месте, где с ним соединялись пристройки, излом красных кирпичей уподоблялся кровавой ране.

Разрушенная часть колокольни представлялась в виде огромной кучи раздробленных камней, на ней лежали от тысячи до трех тысяч пудов три большие колокола, как легкие деревянные сосуды, перевернутые кверху дном силою взрыва.

Стены соборов: Успенского, Архангельского, Благовещенского и Грановитой палаты до того были облеплены толстым слоем мусора, при взрыве колокольни, что невозможно было определить прежнего колера, железные крыши их были пробиты огромными камнями, толстыми деревянными брусьями и тяжеловесными языками от больших колоколов»⁵⁵⁶.

По тщательном исследовании оказалось: взорвана старая колокольня возле Ивана с храмом Рождества Христова, построенная в 1543 году Фрязином Петроком Малым, но разрушилась у ней только верхняя половина, где висели большие колокола, упавшие на землю, под грудой камней и кирпича.

Основание здания осталось целым. *Большой Успенский колокол*, как было сказано выше, разбился, у Реута отбились уши, *воскресный* и *будничный* сохранились в целости.

Точно также разрушилась только в *верхней* половине стоявшая возле Филаретовская пристройка с меньшими колоколами⁵⁵⁷.

Впоследствии к Реуту вновь были искусно приделаны уши и тот колокол несколько не изменился. Но в последние годы этот колокол от вделанных ушей и от времени настолько повредился и обветшал, что в него стало опасно звонить, почему он стал негодным к употреблению и теперь в него совершенно не звонят⁵⁵⁸.

В Западной Европе наибольший колокол находится в Кельне, это – «Kaiser Clocke», лит в 1847 году, весом около 1670 п., вышины 3,25 метр., диаметр 3,4 м.

Любопытно отметить, что русские, заимствовав на Западе колокола для применения к церковной службе, не позволяли иметь колоколов иностранцам, церкви которых находились в Москве.

Рейтенфельс, посетивший Москву в 1671 году, сообщает: «Из предместий замечательна Иноземная слобода или Кукуй, лежащая от внешней ограды города недалеко. Дома в ней деревянные, построены на немецкую статью. Здесь, вдали от русских, немцы имеют три лютеранских кирхи и две кальвинистских – голландскую да английскую, но без колоколов»⁵⁵⁹.

Этот же случай⁵⁶¹ отмечает и Эрколе Зани⁵⁶⁰, бывший в Москве в следующем 1672 году, и Кольбергер⁵⁶¹, который прибавляет, что нет не только колоколов, но даже и

органов.

Новконце 17 столетия нетерпимое отношение русских к иноземцам, впрочем, кроме католиков, видимо, прекратилось. Адам Брандт, бывший в Москве в 1692–1694 годах, пишет: «Лютеранам, коих там (т.е. в Москве) много, как и кальвинистам, дозволено свободно отправлять богослужение. Первые в Немецкой слободе имеют две прекрасных каменных кирхи, вторые – одну, тоже прекрасную.

Католики же, подобно жидам, могут совершать службу лишь в купленном ими доме, но с тем условием, чтобы в царстве не было ни одного иезуита и не совершалось мессы, а иначе – его прогонят, что и было с одним иезуитом несколько лет назад, дерзавшим это сделать.

Нынешний царь Петр Алексеевич подарил камню на новую церковь, позволил соорудить и колокольню»⁵⁶².

Доктор Отте в своей книге *Clockenkunde* вот что сообщает о русских колоколах.

«Что касается числа колоколов, то Россия удерживает первенство перед всеми странами земли. Ее церкви в избытке снабжены колоколами всякого рода и величины, и в одной Москве их находится до 1700. Колокольня Ивана Великого имеет в четырех ярусах 37 колоколов. Собственный звон колоколов, посредством раскачивания их, не в обычае; большие колокола вообще не назначены для качания и поэтому привязаны крепко и неподвижно. Но Иван Великий в Москве знаменит не только числом, а еще более гигантской, граничащей со сказочностью, величиной многих своих колоколов; впрочем, трудно согласить между собою различные противоречивые известия об этом. Колокольня при пожаре 1812 г. потерпела значительные повреждения. Колокол по имени «Большой», слитый в 1710 г.⁵⁶³ весом в 124000 фунтов (3100 пудов), упал и потому не употребляется⁵⁶⁴. В 1817 г.⁵⁶⁵ император Александр приказал поднять его и одновременно увеличить до 144000 фунтов (3600 пуд[ов]). Перелил его Богданов⁵⁶⁶ и очень удачно. Колокол имеет 18 футов в поперечнике и 21 фут высоты⁵⁶⁷; его язык весит 4200 фунтов (105 пудов); он украшен рельефными портретами императорской фамилии, равно как изображениями Спасителя, Пресвятой Девы и Иоанна Крестителя. Этот так называемый «Новый Колокол» – самый большой из всех, какие употребляются, но еще более превосходит его другой, которым, кажется, едва ли хоть один раз воспользовались. Этот «Царь-колокол», бесспорно, величайший в свете, ведет происхождение от времен императрицы Анны и перелит в 1734 г. из еще большего старого испорченного колокола⁵⁶⁸. Его поперечник имеет 22 фута 5,3 дюйма, высота 21 фут 4,5 дюйма и толщина его вершины 25 дюймов. Вес его считается в 400000 фунтов (10000 пудов) и оконечность языка имеет 6 футов в объеме. Гигант, который еще в 1737 г. упал во время пожара стропил и отчасти ушел в землю, в 1837 г. (через 100 лет) по приказанию императора Николая был поднят из его могилы и поставлен на каменный фундамент; он украшен рельефами и надписями, но на одной стороне основания у него отломлен столь большой кусок, что можно свободно войти внутрь колокола»⁵⁶⁹.

Величина наших колоколов особенно делается осязательной при сравнении ее с величиной колоколов в главнейших городах Западной Европы.

О гибели колоколов

У нас, в России, многие древние колокола были уничтожены по тем или другим соображениям. Так, например, для отливки Царя-колокола пошло старинных колоколов на 1.276 п[удов] 36 ф[унтов]; также Петр I после неудачной Нарвской битвы приказал многие колокола перелить в пушки. Сколько для этого уничтожено было колоколов, можно судить по тому, что из них было отлито 100 больших и 143 малых пушек, 12 мортир и 13 гаубиц. О том, когда состоялся указ Петра о переливке колоколов в пушки, в архивах не найдено. Сам Петр пишет о нем в «Гистории Свейской войны»⁵⁷⁰.

Один Печерский Вознесенский монастырь в Нижнем-Новгороде послал колоколов для литья пушек более трехсот пудов⁵⁷¹.

Из донесения Винуса царю от июня 1701 года видно, что в Угличе, например, по царскому указу, присланному в 1701 году в воеводскую канцелярию, взято колокольной меди 356 пуд[ов] 19 ф[унтов], а именно: «а) с монастырей: 1) Воскресенского 32 п. с лишком, 2) Алексеевского более 40 п., 3) Покровского до 36 п., 4) Николо-Улейменского до 36 п., 5) Богоявленского девичьего более 12 п.; 6) с приходских церквей: 1) с собора более 17 п., 2) с церкви св. ап. Петра и Павла 13 п., 3) прор. Илии 4 п., 4) Василия Великого более 6 пуд., 5) апост. Филиппа более 7 п., 6) св. царевича Димитрия на Крови более 3 п., 7) Николая Чудотворца на Песках более 5 п., 8) Николая Чудотворца на Сухих прудах до 14 п., 9) Николая Чудотворца на Петухове до 4 п., 10) Николая Чудотворца Подстенной (т.е. подле городской стены) более 14 п., 11) Воздвижения Креста Господня бол. 3 п., 12) Благовещения пресв. Богородицы более 3 п., 13) Казанской иконы до 6 п., 14) Св. Иоанна Предтечи бол. 17 п., 15) Макария Египетского 3 п. слишком, 16) Вознесения до 6 п., 17) Введения во храм более 5 п., 18) св. Леонтия Ростовского до 12 п., 19) св. Параскевы Пятницы 6 пуд.»⁵⁷².

[Н.Ф. Лавров в № 13 «Ярославских епархиальных ведомостей» от 28 марта 1873 г. уточняет эти данные:]

«С монастырей: Воскресенского монастыря колокола весом 131 пуд. 20 ф. взята четвертая часть 32 пуд. 35 ф.; Алексеевского монастыря колокола весом 280 пуд. 25 ф. взято 70 пуд. 6 ф. 24 золотн.; Покровского монастыря со 142 пуд. 14 ф. взято 35 пуд. 23 ф. 2 четв., Богоявленского девичья монастыря с 48 пуд. 38 ф. взято 12 пуд. 9 ф. 2 четв.; Николо-Улейменского монастыря со 143 п. 1 ф. взято 35 пуд. 30 ф. 24 золотн., с Преображенского собора с 7 колокол., весом 70 пуд. 37 ф. 2 четв. взято 17 пуд. 29 ф. 36 золотн.

С градских приходских церквей: Петропавловской, с 7 колокол. весом 52 пуд. 9 ф., взято 13 п. 2 ф. 1 четв.; Ильинской с 16 пуд. взято 4 пуда; Васильевской, с 25 пуд. 5 ф., взято 6 пуд. 11 ф. 1 четв.; Филипповской, с 29 пуд. 33 фун., взято 7 пуд. 18 ф. 1 четв.; Царевской в городе, с 5 колоколов, весом 10 п. 22 ф., взято 3 п. 15 ф. 1 четв.; Николо-Песоцкой, с 3 колоколов, весом 21 п. 24 ф., взято 5 п. 12 ф.; Николо-Сухопрудской, с 55 пуд. 18 ф. взято 13 пуд. 34 ф.; Николо-Петуховской, с 8 колокол., 31 пуд. 30 ф., взято 7 пуд. 37 ф. 2 четв.; Николы Подстенного (бывшей близ Успенской церкви и впоследствии с нею соединенной) с 7 колокол., весом 6 пуд. 3 ф., взято 16 пуд. 20 ф. 3 четв.; Крестовоздвиженской (или Димитрия Селунского) с 15 п. 15 ф. взято 3 пуд. 33 ф. 3 четв.; Благовещенской и церкви Макария Египетского (что ныне Корсунская) с 26 п. 2 ф. взято 6 пуд. 20 ф. 2 четв.; Казанской, что на площади, с 6 колокол. весом 23 п. 28 ф., взято 5 пуд. 31 ф. 3 четв.; Предтеченской с 7 колокол. весом 68 пуд. 26 ф., взято 17 пуд. 6 ф. 2 четв.; Вознесенской, с 5 колокол. весом 22 пуд. 9 ф., взято 5 пуд. 22 ф.; Введенской за Волгою, с 6 колокол., весом 21 п. 22 ф., взято 5 пуд. 15 ф. 2 четв.; Леонтьевской за Волгою, с 6 колокол. весом 46 п. 37 ф., взято 11 п. 29 ф. 1 четв.; Флоровской, собора Пресвятыя Богородицы и Феодора

Тирона (что ныне одна церковь Флоровская) с 8 колокол., весом 16 пуд. 3 ф., взято 4 пуд. 1 ф.; царевича Димитрия, что на Поле, с 3 колокол. весом 2 пуд. 7 ф., взято 21 Ф. 2 четв. с полчетвертью; Воскресения Христова, что на Убогом дому, с 4 колокол., весом 4 пуд., взято 1 п. 5 ф.; Параскевы Пятницы, с 6 колокол., весом 26 пуд. 28 ф., взято 6 п. 27 ф. Всего же взято четвертой части колокольной меди 350 пуд. 19 ф. 2 четверти. Указ Петра 1 был получен воеводскою канцелярею; имал (собирал) дьяк ростовского Архиерейского дома Иван Семенов»⁵⁷³.

Орудия, потерянные под Нарвою, заменены к весне лучшими и в большем количестве, благодаря рвению и искусству думного дьяка Виниуса, назначенного надзирателем Артиллерии. Дело было многотрудное от недостатка меди и мастеровых, и Петр решился на меру неслыханную: по прибытии из Новгорода в Москву, он повелел: «Со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей собрать колоколов на пушки и мортиры».

Колокольной меди свезено в Москву в конце мая 1701 года до 90.000 пуд[ов]; из этого числа в расход к июню, с пушечною и красною медью с небольшим 3.000 [пудов] и та битая; а целые колокола не разбивались: до них не дошло. Впоследствии переплавлено колоколов еще до 5.000 пуд[ов], так что в 1701 году употреблено колокольной меди до 8.000.

«Ради Бога, – писал Петр Виниусу, – поспешайте с артиллериею, как возможно: время, яко смерть»⁵⁷⁴.

Андрей Виниус царю, 29 апреля 1701, благодарит за обнадеживание, что государь к нему гнева не имеет. «В деле артиллерии много трудности, ово от неискусства, а более от пьянства мастеров, которых ничем исправить невозможно. Мартыша прежде указа уже отставил; велел исправить Семену Леонтьеву, на которого более других надежды. Еще вылили на Страстной и на Святой неделе 32 пушки большие и малые. Большие зело добры, каковы у русских мастеров в деле не бывали. Много остановок от посторонних помешек. Бургомистры красной меди не присылают, а колокольная медь в пушки без той негодна. Колоколов по сие число в приеме с 34.000 пуд».

О колокольной меди в 1701 году письмо генерал-фельдцеймейстера Брюса к кабинет-секретарю Макарову, из С.-Петербурга 22 февраля 1721 года:

«Государь мой, Алексей Васильевич. Изволили ваше благородие ко мне писать, чтобы в артиллерии справиться, сколько было вылито пушек в 1701 году из сборных колоколов, – и такой ведомости, чтобы особливо из колокольной меди число вылитых пушек показать, учинить невозможно: понеже одна колокольная медь в пушечное литье не употреблялась, а сообщена была с красною и другою медью. Однакож колико было в отпуску в литье колокольной и иной меди и что в том году каких пушек и мортир и гоубиц вылито, тому при сем прилагается ведение. Да изволили же в.б. писать ко мне о присылке другой ведомости, сколько артиллерии и прочих воинских знаков найдено в канцах, по взятии онаго – и какову ведомость я у себя об этой артиллерии и припасах нашел, из оной учиня, посылаю присем же; токмо оная неимоверна есть: ибо было смешано с русскими припасы; и не найдется ли в той ведомости подлинной в Москве во Артиллерии, о том приказал я туда писать и велел прислать с первым случаем. Впрочем, пребываю повсегда в. б. должным слугою граф Брюс.

Ведомость

Меди прислано красной пушечной и колокольной 24311 пуд. 16 ф.

В том числе колокольной сборной от церквей 7947 пуд. 18 ф.

Вылито пушек, мортир и гоубиц:

Пушек КалибромЧислом

24 фун. 36

18 фун. 32

12 фун. 32

6 фун.	34
3 фун.	109
Всего	243
9 пуд.	6
Мортир 1 пуд.	6
Всего	12
20 фун.	4
Гоубиц 1 пуд.	9
Всего	19
Граф Брюс» ⁵⁷⁵	.

Датский посланник Юст Юль (Just Juls), будучи в России в 1709 году, описывает нашу артиллерию следующим образом: «Из числа этих орудий, двадцати штукам, с прогоревшею от долгой пальбы затравкою и потому негодным к употреблению, залили дно на толщину ядра металлом и затем впереди этого залитого слоя просверлили новую затравку. Русские артиллерийские офицеры уверяли меня, что большая часть их орудий оттого подвержена такому быстрому прогоранию затравок, что вылиты они из металла, обыкновенно употребляемого для колоколов и заключающего в себе слишком много олова; ибо в настоящую войну духовенство было вынуждено предоставить правительству из церквей со всего края известное количество колоколов для переливки оных в пушки»⁵⁷⁶.

Этот указ царя был встречен народом с большим неудовольствием, всюду изыскивались разные способы для сохранения своих колоколов.

Вот что по этому поводу рассказывает С. Григоров о так называемых непокорных колоколах, которые сопротивлялись указу царя.

Г. Григоров приводит рассказ Гавриила Тверитина, находящийся в одной из рукописей Петербургской духовной академии.

«Я и сестра моя Ирина в 1701 году были у Троице-Сергиева монастыря, тогда от великого государя царя Петра Алексеевича был указ везде в городских монастырях и в Москве у всех приходских церквей брать колокола и от всего звону четвертую долю меди веса на Пушечный двор на литье пушек и в том Сергиевом монастыре также; а в монастыре колоколов 26 было.

Архимандрит и братия его великого государя указ противиться не смели, и колокола с колокольни сымать повелели».

Вечером некоторые указали снять один старинный колокол; весу, что в нем того не знали, а гласом он был глух и не ярок, но за поздностью онаго не сняли.

Монастырь ночью кругом запирался и всегда также и тою ночью был заперт: на утро же архимандриту звонарь донес, что колокола на колокольне нет и братия не ведали как и где он делся.

Архимандрит же, услышав об этом, повелел везде искать по келиям у братий и в погребах, и когда нигде не могли обрести (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволися), тогда архимандрит Ларион повелел другой снять, также весу в нем не ведая и тот снять повелел и разбить, и меди свезти в Москву.

Когда колокол сняли, человек, чтобы разбить оный, ударил колокол молотом, но колокол от того удара не расшибся, но начал глас от него трои сутки день и ночь непрестанно.

Вследствие этого архимандрит и того колокола не велел везти к Москве, повелел сымать два другие колокола новейшего мастерства, но сих колоколов не могли снять ни коими делами.

В то время, когда архимандрит и братия, боясь указа Государева, с ужасом смотрели на сии колокола, колокола же сии два братьяника вдруг сами собой с колокольни соскочили, пали и стены обломили.

Пропавший глухой колокол в это время также отыскался за монастырем в пруде.

Во время того на монастырь в погреб лед возили и уши колокола видели, а потом его из воды того пруда взяли».

Обо всем донесли Петру, который, по словам Гавриила Тверетинина, хотя «в монастырь приходил, плакал и прощения просил у чудотворца Сергия о своем соизволении, однако колокола два братьеника повелели везти в Москву, где они в литье пушечного дела не пошли и не испорчены, потому что медь была жестка, в дело не гожа и доньине те колокола стоят на Пушечном дворе целы, как и были»⁵⁷⁷.

Многие древние колокола погибли и во время пожаров; так, например, в Никоновской летописи есть указание на огромный пожар, произведенный татарами в 1411 г., и между прочим, что «в том пожаре и колокола разлишишь».

Точно так же во время огромного пожара в Холме летописец говорит: «И вси иконы погореша в церкви св. Ивана, один Михаил остался Чюдный; и колоколы и то все огнь попали и храмы прекраснии, и медь от огня ползуша, яко смола»⁵⁷⁸.

На колокольне Троицкой церкви в Старой Русе висит вседневный колокол 60 пудов со следующей надписью: «Лета 1761 месяца сентемврия вылит сей колокол в город Старую Русу к церкви Живоначальныя Троицы из старыя горелья меди, в помин великаго пожара 1759 года июня в 29 день», т.е. когда совершенно сгорела деревянная церковь с колокольней⁵⁷⁹.

Точно то же было и на Западе. Собранный в обломках металл растопившихся во время пожара колоколов служил, главным образом, для выделки из него новых колоколов, сохраняющих воспоминание о их превратности благодаря надписям, иногда довольно любопытным.

7-го июня 1674 г., около одиннадцати часов вечера, молния, обрушившись на Лозаннскую колокольню, разрушила шпиц, который не был никогда восстановлен, и расплавила два колокола, которые были немедленно перелиты из того же металла. На одном из них читаем надпись: «Разрушенный молнией, я возрожден огнем, огонь небесный меня разрушил, земной огонь мне возвратил жизнь»⁵⁸⁰.

Большой колокол Орбской церкви напоминает аналогичный факт стихами, помеченными 1688 годом:

«Против жестокого огня я не мог защищаться,

Четыре мои брата и я погибли в один день.

Два много меньше, чем я, вместо них возродятся,

Я, как феникс, возрождаюсь из моего пепла».

Привилегия тушить пожары иногда упоминается в средневековых колоколах: вспомним о колоколе *St. Gervais* в Женеве от 1493 г., который носит надпись: «огонь тушу».

Во второй пожар в Казани в 1672 году опустошена лучшая часть города вблизи Кремля. Во время этого несчастья разбились многие колокола на соборной колокольне, из обломков которых, присланным из Москвы мастером⁵⁸¹, перелиты новые. Погибли следующие колокола: большой, литый еще при митрополите Марке, воскресный, жалованный царем Иоанном Васильевичем, *литейный*, сделанный при митрополите Гермогене, и *повседневный*, пожалованный царем Иоанном Васильевичем.

Во время пятого пожара 1749 года в Кремле сгорела соборная церковь с колокольней, с которой упали колокола. Точно также погибли колокола и во время пожара в 1815 году⁵⁸².

Во время московского пожара, по словам летописца: «В церквах деисусы и местные образа погорели, многие повредились, в Кирилловской церкви антиминос погорел, колокольня обгорела и колокола опустились, но ризница вынесена вся в целости».

В *Новгородской* летописи говорится, что в 1304 г. «избишась в Ростове два колокола великая в Великой пяток»⁵⁸³.

А под 6916 (1408) годом значится: «Того же лета погоре город Ростов, и церковь соборная каменная падеся, а ины четырнадцать церквей погоре»⁵⁸⁴.

В октябрьской книжке «Русской старины» 1876 г. помещена любопытная статья г. С.П. Стеблина-Каменского о старинном колоколе, который по воле настоятеля Успенского полтавского собора предназначался к уничтожению.

Вот что говорит автор статьи по этому поводу:

«В начале апреля 1876 г. снят был со 2-го этажа колокольни соборной кафедральной церкви в Полтаве колокол, висевший там без употребления по причине продольной трещины – сверху до низу – давно в нем произведенной временем, или неосторожностью; в тридцатых годах я еще помню звучный бой этого колокола, к которому применен был часовой механизм, и теперь находящийся в 3-м этаже колокольни. Колокол этот снят с целью перелить его в другой – такого же размера и веса. В нем оказалось 160 пудов весу; но самое замечательное – это древность колокола, ясно указанная в нижеследующих надписях на нем. Но прежде скажем несколько слов о внешней форме колокола.

Сверху и внизу колокол украшен рельефной гирляндой из листьев; на верхнем венце надпись славянскими литерами: року *ⲁⲭⲧⲚ* (1695) *ⲙⲥⲁ ⲛⲟⲅⲉⲙⲣⲓ ⲗⲚ Ⲅ* (6) дня; затем, на средней части колокола, с одной стороны в овальном кружке с украшениями – изображение (осьмиконечного) креста, а с противоположной стороны – изображение в таком же кружке Божией Матери с Предвечным Младенцем; на 3-й стороне герб, изображающий в щите руку, протянутую кверху и держащую стрелу, а внизу сердце с осьмиконечным крестом в середине; сверху герба корона дворянская или в роде такой; на противоположной гербу стороне – надпись силлабическими стихами, церковными литерами, с титлами и прочее, следующего содержания:

В року тысяча шестьсот девять десять пятом,
По славном Кизикермене от христиан взятом,
В царство Российских царей Петра, Иоанна,
За гетманство Мазепы Богом дарована,
Сооружен есть звон сей к Божией славе,
Да храму Успения в городе Полтаве
Из штук с Кизикерменских арматив здобычных,
С придатками материй до звона приличных. –
Коштом его милости войска Полтавка *вожа*,
Павла Семеновича Украины *отрожа*».
Внизу колокола: «Делал Афанасий Петров».

Эта надпись показывает, что колокол вылит из пушек, взятых из крепости Кизикерменской с добавлением серебра, которого, по преданию, полагают до 27 пудов, и жертвователем мог быть полковник полтавский Павел Семенович *Палий* – сын знаменитого *Семена Палия*, и что в 1695 г. церковь Успенская в Полтаве уже существовала; она показана и на плане города Полтавы 1709 г., деревянная. Каменная же с колокольной в 3 яруса выстроена в 1770 г. князем Долгоруковым-Крымским, которого гербы, под местными иконами, и портрет в ризнице хранятся. Жаль очень, если духовное местное начальство перельет колокол, не сохранив его надписи, хотя мы слышали будто хотят поставить колокол на пьедестале за оградой церковной, в виде памятника местной старины. Мысль прекрасная.

Троицкий 1737 года пожар в холодной Введенской церкви, в Москве, ныне уничтоженной, повредил на престоле одежды и антиминс, кровлю на церкви и деревянную к ней пристройку, *будничный колокол рассеялся*, также растопился венец на *Иерусалимской иконе Богоматери*⁵⁸⁵.

В Новоспасском монастыре в ночь с третьего на четвертое сентября 1812 года с обгорелой колокольни упал вылитый Петром I колокол в 1100 пудов, прошиб своды церкви Св. Сергия, застрял в первом ярусе, где был расшиблен упавшим на него колоколом в 425 пудов⁵⁸⁶.

Колокола Ивана Великого

В том же, 1812 г., во время взрыва на колокольне Ивана Великого три большие колокола: *Реут* (старин. *Ревун*, но некоторые полагают, что название этого колокола произошло от двух нот: re-ut), *Лебедь* и *Воскресный* остались невредимыми и только у первого из них отбили уши, которые и были впоследствии довольно искусно приделаны. Самый же большой колокол – (*Успенский*, 3551 пуд) – совершенно разбился.

Этот колокол был вылит при императрице Елисавете Петровне мастером Слизовым в 1760⁵⁸⁷ году и украшен с одной стороны изображениями Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи, а с другой – Успения Божией Матери и Московских чудотворцев Петра и Алексия митрополитов. Под изображениями святителей находились портреты: Петра I, Екатерины I, Елисаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I.

Колокол этот был заменен новым в 4.000 пудов, отлитым мастером Богдановым⁵⁸⁸, причем к прежним портретам прибавили портреты Александра Благословенного и его августейшей семьи.

О поднятии этого колокола нам удалось найти любопытную историческую справку⁵⁸⁹. «По приезде преосвященного митрополита Серафима в Москву в 1819 году, докладывают ему стороною, что построенная Богдановым каланча для подъема колокола на колокольню Ивана Великого нетверда и брусья на колокольне недостаточны и ненадежны.

Слухи эти касались столь важного предмета, что преосвященный митрополит не мог оставить их без внимания и отнесся к военному Генерал-губернатору с требованием архитектора и механика для освидетельствования каланчи и колокольни.

Чиновники, командированные гр. А.П. Тормасовым осмотреть сооружения, боясь взять на себя ответственность, нашли каланчу и колокольню ненадежными и предлагали построить новую каланчу и сделать гранитные столбы на колокольне и покрыть их перекладами.

Конечно, такие сооружения потребовали бы слишком много времени и затрат. Богданов явился к митрополиту и просил дать разрешение поднять колокол, ручаясь за прочность своей головой. Эта уверенность Богданова подействовала на митрополита, и он дал свое согласие.

В назначенный день преосвященный Серафим вместе с духовенством приехал в Успенский собор. Вся площадь была покрыта несменным числом зрителей. Вдруг докладывают преосвященному что Богданов, сидя на крыльце, горько плачет. Весть эта очень встревожила митрополита: он думал, что Богданов плачет от робости или раскаяния.

Митрополит призывает его и узнает, что он плачет потому, что ему мешают. Владыко, успокоив Богданова, приступил к освящению колокола по церковному чиноположению и, благословив, приказал поднимать.

Колокол пошел очень ходко и ровно вверх. Богданов находился на нем. Когда колокол был на половине высоты, внезапно раздались с разных концов площади крики: «*Иван Великий шатается, каланча падает!*».

Толпа заколебалась, послышались крики и вопли женщин и детей, поднялась такая суматоха и давка, что катастрофа казалась неизбежной. К счастью, обер-полицейместер не потерялся и с удивительным присутствием духа кинулся к одному из семи воротов, коими поднимался колокол, и решительным и уверенным голосом объявил, что это неправда, что это выдумка мошенников.

Митрополит, боясь, что переполох может повториться, велел объявить народу, что поднятие колокола откладывается до завтрашнего утра.

Но, когда народ разошелся, колокол был благополучно поднят в тот же вечер и на другой день окончательно утвержден на перекладинах.

В день поднятия колокола митрополит пригласил к себе на обед Михаила Гавриловича Богданова, обласкал его и спросил:

– Ну, а если бы я не дал тебе согласия на поднятие колокола, послал бы то на разрешение в Петербург, что бы ты сделал?

– Я уже решил, – отвечал Богданов. – Я бы ночью привез колокол и поднял бы его потихоньку своими рабочими, а там бы воля Вашего Высокопреосвященства наказать меня!

Рассказывают также, что когда еще устроил Богданов скрепы для поднятия колокола из ямы, по отливке его, то приходил на завод известный иностранный механик и, из сожаления к неученому русскому литейщику, доказывал ему невозможность поднять такую тяжесть на столь ненадежные перекладины.

– Приходи завтра звонить в этот колокол, – ответил Богданов. И действительно, колокол на другой день уже висел на них и оставался до самого поднятия на колокольню»⁵⁹⁰.

У мастера Богданова, имевшего колоколо-литейный завод в Москве, помощниками находились крестьяне из Рязанской губернии, того же уезда, села Летова. Впоследствии эти рабочие сами становились мастерами, переходили на другие заводы и также принимали к себе в помощники своих односельчан, так что в последнее время большинство колоколо-литейных мастеров, родом Рязанской губернии, если не из села Летова, то из близлежащих к нему сел. Славятся также мастера и Саратовской губернии.

По сторонам большого Успенского колокола висят следующие три [колокола]:

Семисотный – литый в 1704 году мастером И. Моториным.

Вседневный, или будничный, названный так по указу патриарха Иосифа, отлит в 1652 году мастером Емельяном Даниловым, имеет весу 988 пудов 30 фунтов, впоследствии треснул, и императрица Екатерина Великая приказала в 1782 году перелить его мастеру Якову Завьялову, с прибавкою еще 20 пудов. Теперь он весит 1017 пудов 14 фунтов.

Реут – в 2000 пудов, лит при царе Михаиле Феодоровиче пушечным мастером Андреем Чоховым и по указу того же патриарха назван – *Полиелейным*.

На нем надпись: «Божиею милостию повелением великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, и по благословению по плотскому рождению отца его государева, а по духовному чину отца его и богомольца, великого господина и святейшаго патриарха Филарета Никитича, Московскаго и всея России, слит сей колокол к соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Петра, Ионы, лета 7130 (1622), делал колокол пушечный мастер Андрей Чохов»; весу на нем не назначено, а по примечанию имеет 2000 пудов.

Кроме того, на колокольне Ивана Великого находятся 34 колокола. Они висят в трех ярусах. Замечательные из них следующие:

В нижнем ярусе: *Медведь* – в 450 пудов. «*Медведь*», отлит в Новгороде в 1501 г. повелением царя Ивана Васильевича и затем находился на колокольне Ивана Великого в нижнем ярусе, когда в 1775 г. перелит; на нем надпись: «Всесильнаго Бога Спаса нашего Иисуса Христа, Пречистыя Его Матере Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, повелением царя и великого князя Ивана Васильевича, всея России Самодержца, сделан бысть сей колокол в Новом городе в 7009 году (1501), июля в 4 день, мастер Иван Алексеев, весу 450 пудов».

Лебедь – 450 пудов⁵⁹¹, перелит из старого в 1775 году и оставлен такого же вида, с сохранением прежней надписи: «Лета 7040 (1532) повелением благовернаго и христоролюбиваго великаго князя Василия Ивановича, Божиею милостию государя всея

России, и при сыне его князе Иване Васильевиче, сольян бысть сей колокол в преименитом и славном городе Москве. Нikiwas Obraker⁵⁹², 537, а делал Николай, весу в нем 445 пуд».

По словам отца Израилева, *Лебедем* этот колокол назван потому, что эта птица, при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего, производит громкий звук, подавший повод к сказке о «Лебединой песне»⁵⁹³.

В среднем ярусе: Новый – в 200 пудов, называемый также Немчином, потому что на нем находится иностранная надпись, из которой видно, что он лит в 1651 г. На нем находится изображение Божией Матери с Младенцем.

Корсунские колокола перелиты после пожара. На большом находится следующая надпись: «Божию милостию, повелением царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея России самодержца, перелит бысть сей колокол корсунский, лета 7067 (1559); переливал мастер Нестер Иванов сын Псковитинов; весу 40 пуд».

[А.Ф.]Вельтман, описывая этот колокол, говорит: «Может быть это были памятники взятия Корсуна (Херсона) Владимиром, в 988 году, когда он вывез оттуда два *медных капища* (бюста) и четыре медных коня. Но вероятнее, по незнанию литейного искусства, колокола для храмов киевских в древности выписывали из Херсона»⁵⁹⁴.

Марьинский, вклад в память боярина Бориса Ивановича Морозова и его боярыни с надписью: «Лета 7176 (1663) марта в 23-й день, вылит сей колокол к церкви преподобной Марии Египетской по душах блаженных памяти боярина Бориса Ивановича Морозова да по жене его боярыне». Здесь висят еще пять других колоколов *переборных*.

В верхнем ярусе заслуживают особого внимания два Корсунские зазвонные колокола. Они имеют особенно беловатый цвет и издают чистый мелодичный звук, почему некоторые предполагают, что в составе сплава вошла большая доля чистого серебра.

Кроме того, находятся колокола: стольника Д.О. Арсеньева, боярина Федора Ивановича Шереметьева и Владимирских граждан: Родионовых, Хлынова и Сомова.

Святейший Иоаким патриарх Московский и всея России во 188 (1689) году в сентябре месяце указал ключарям, как докладывать о благовесте, о прозвании колоколов, как их в докладе называть, что новый большой и тот в докладе называть *Успенским*, а *старой Успенской* в докладе называть *Воскресным*, а *Реут* в докладе называть *полиелейным*, а что всегда благовест в него бывает, и тот называть *вседневым*⁵⁹⁵.

В 1909 году с колокольни Ивана Великого выпало несколько кирпичей, карниз продолжал осыпаться. Кроме того, балки на колокольне Ивана Великого, на которых подвешены колокола, сильно обветшали и грозили падением.

Синодальная контора образовала комиссию и поручила ей исследовать этот вопрос. Комиссия нашла, что необходимо сделать ремонт. Тогда контора возбудила ходатайство об отпуске необходимых сумм из государственного казначейства.

Теперь возник другой вопрос. В интересах прочности балки необходимо сделать металлическими. Но, по мнению некоторых лиц, с установкой железных балок изменится и характер звона колоколов Ивана Великого. Решено было обратиться за разъяснением к компетенции сведущих лиц.

Колокольня Ивана Великого, как известно, состоит из двух частей: так называемого «Годунова столба» и «Филаретовой пристройки»⁵⁹⁶. Первая была построена в 1600 году Борисом Годуновым⁵⁹⁷. Она 38 сажень высоты. Колоколов на ней: 6 на 2-м ярусе, 13 на 3-м и 8 на 4-м; все они, как оказалось, укреплены на железных балках лет 40 тому назад.

Комиссия нашла, что весь карниз, весьма ветхий и выветрившийся снаружи, может упасть. Снизу он кажется слегка провисшим. Опасное место под колокольней, около

Царя-колокола, огорожено забором. Говорят также, что эта колокольня накренилась по направлению к Благовещенскому собору и что звук колоколов, будто вследствие этого, гораздо яснее доносится в эту сторону и слабее слышен с площади.

После осмотра комиссии приступили к ремонту колокольни, внизу произведена кладка кирпичей. Пока всего ремонта произвести не удалось, так как из ассигнованных на дело ремонта 40000 рублей, было пока отпущено только 10000.

На Филаретовской пристройке, где находятся большие колокола, произведено перевешивание колоколов с деревянных балок на новые балки железной конструкции.

Опасение, что железные балки изменят звук не оправдались, звук колоколов по-прежнему остался чистым и ясным.

На эту работу составлено было несколько смет в 18, 20 и 30 тысяч рублей. Однако эту работу исполнил один завод всего за восемь тысяч рублей. Перевешены были четыре колокола.

Предание говорит, что между древнею церковью Св. Иоанна, Списателя Лествицы (где ныне Иван Великий), и соборами Успенским и Архангельским был деревянный невысокий брусной сруб с крышею. Здесь висел только один колокол в 1000 пудов, слитый в первой половине 16 столетия.

Народ прозвал этот колокол за его необыкновенную, по тогдашнему времени, величину – *царем-колоколом*⁵⁹⁸. В него благовестили только в большие праздники и, вообще, в торжественных случаях⁵⁹⁹. Преследуя огромные размеры колоколов, часто упускали из виду главное – благозвучность и стройность целого звона, т.е. то, что главным образом должно цениться в колоколе.

Из колоколов замечательны по своему певучему звону: Савино-Сторожевский в Звенигороде и Симоновский в Москве. Оба эти колокола отлиты в 13 веке⁶⁰⁰.

Ростовские колокола и звоны⁶⁰¹

Совершенно особо от всех русских колоколов стоят знаменитые ростовские звоны: Сысоевский, Акимовский, Егорьевский и два Будничных, которые известны всей России и упоминаются во многих исторических памятниках.

Всего колоколов в Ростовской соборной церкви 13, и 9 из них именные: первый Сысой, в 2000 пудов, вылит в Ростове при митрополите Ионе в 7197 (1689⁶⁰²) году, мастером Флором Терентьевым; второй *полиелейный*, в 1000 пудов, вылит в 7191 (1683⁶⁰³) году; третий Лебедь, в 500 пудов, вылит в 7190 (1682) году; четвертый *Голодарь*, в 140 пудов (называется так потому, что употребляется для звона в Великий пост), пятый *Баран* в 80 пудов, шестой Красный в 30 пудов, седьмой *Козел* в 20 пудов, прочие шесть малых без обозначения веса.

Ростовские звоны названы по именам учредителей: *Ионин*, по имени митрополита Ионы Сысоевича, который с 1652 г. по 1691 год в течение 39 лет правил Ростовской митрополией; *Георгиевский* или *Егорьевский*, особенно хороший по словам знатоков, принадлежал архиепископу Георгию Дашкову, правившему Ростовом уже по уничтожении митрополии с 1718 года по 1731 год; *Иоакимовский*, по имени архиепископа Иоакима, 1731–1741 год.

Все они расположены в один ряд. Звон производится на три различные настроя по особым нотам, которые были писанные, но впоследствии затеряны и теперь передаются звонарями друг другу по слуху.

Звонари становятся так, что могут видеть друг друга и соглашаться в такте; это одно из условий гармонии.

Первый *настрой* – один перевод колоколов, без пересечки, служит основанием для остальных настроев; второй – с пересечкой; третий – также с пересечкой, при которых звонари ударяют во все колокола в один край.

При втором настрое слышится как бы слово старинного концерта: *Пойте Богу Нашему*, а при третьем песнь: *С нами Бог*.

В недавнее время придуман звонарями еще четвертый *настрой*, который они называют *Калязинским*: странная и неблагозвучная смесь из трех старинных звонов⁶⁰⁴.

Митрополит Платон приезжал слушать эти звоны и хотел учредить у себя такие же в Вифании. Но ему сказали: «Дайте такую же колокольную и такие же колокола».

[⁶⁰⁵] Митрополит Иона III Сысоевич, управлявший Ростовской епархией, как было сказано выше, 39 лет, с 1652 года августа 15 дня по 1691 год июля 5 день, устроил много великолепных зданий в Ростове и имел, как видно, изящный вкус ко всему высокому и прекрасному. Он, между прочим, построил при Успенском соборном храме, на юго-восток от алтаря, однарусную колокольную, вышиною в 10 сажень, длиною в 15 сажень, а шириною в 5 сажень, и снабдил ее весьма замечательными колоколами.

Первый, самый большой колокол «*Сысой*», названный так в честь родителя митрополита Ионы, схимонаха Сысоа, весом в 2.000 пудов, вылит в Ростове, в 1689 году. Около головы и около краев этого колокола имеется рельефная, славянская, вязью, надпись. Вверху, вокруг головы написано: «Лета 7197. – 1688 г.) ноемврия в ѿ (11) день. При державе великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича и великия государыни и благоверныя царевны и великии княжны Софии Алексиевны всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев», а внизу, вокруг краев написано: «И при благоверных государынях царицах и великих княгинях Наталии Кириловне, Параскеве Феодоровне, Марфе Матфеевне и при великом господине святейшем Кир-Иоакиме патриархе Московском и всея России, тщанием и радением преосвященнаго Ионы митрополита Ростовскаго и

Ярославского лит сей колокол в Ростове к соборной и апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы и великих Ростовских Чудотворцев Леонтия, Исаиа, Игнатия епископов; а лил колокол мастер Флор Терентьев; а весу в сем колоколе две тысячи пудов».

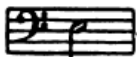
Диаметр отверстия или поперечник основания сего колокола – 5 аршин и 3/4 вершка. Диаметр его вершины внутри 2 арш[ина] 7,25 вершков. Высота колокола внутри от основания до верху, не считая ушей, 3 аршина 13,5 вершков. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, сего колокола 7 вершков. Число простых колебаний⁶⁰⁶, которые производит сей колокол в течение секунды, при 12° Реомюра⁶⁰⁷, =130,92.

Тон этого колокола соответствует ноте *До* (ut_1 или *C*), находящейся на второй добавочной снизу линии нотной системы с басовым ключом

и весьма близко подходит к малой терции $ut_1=130,5$ нормального диапазона $la_1=108,75$ простых колебаний⁶⁰⁸.

Колокол этот имеет то особенное достоинство, что, кроме основного тона *До*, дает еще верхний гармонический тон, составляющий чистую большую терцию, соответствующую ноте *Ми*, находящейся между третьей и четвертой линиями нотной системы с ключом басовым.

Этот верхний тон – большая терция *Ми* становится особенно слышною тогда, когда мы удаляемся от сего колокола, во время благовеста в него.

Второй колокол «*Полиелейный*», в 1000 пудов, вылит в 1683 году, в Ростове. Около головы и около краев сего колокола есть рельефная славянская, вязью, надпись. Вверху вокруг головы написано: «Лета 7191 (7191. – 1682 г.) октября в 1 (1) день, при державе великих государех царех и великих князех Иоанне Алексеевиче и Петре Алексиевиче всея Великия и Малыя и Белья России самодержцех и при благоверных государынях царицах и великих княгинях Наталии Кириловне», а внизу вокруг краев написано: «Марфе Матфеевне и при святейшем великом господине Иоакиме патриархе Московском и всея России, тщанием и радением преосвященного Ионы, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, лит сей колокол в Ростове к соборней и апостольстей церкви Честнаго и Славнаго ея Успения и к великим Ростовским чудотворцем Леонтию, Исаию, Игнатию; а лил сей колокол мастер Филипп Андреев и с сыном своим Киприаном, а весу в сем колоколе тысяща пуд».

Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 4 аршина. Диаметр его вершины внутри 2 аршина. Высота колокола внутри, от основания до верху, 3 аршина 3 7/8 вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 5 7/8 вершка. Число простых колебаний, которые производит сей колокол в течение секунды, при 12° Реомюра, =163,28.

Тон этого колокола соответствует ноте *Ми* (mi_1 , или *E*), находящейся на первой добавочной снизу линии нотной системы с басовым ключом

и составляет большую терцию основного тона *До*, издаваемого первым большим колоколом.

Третий, будничный или вседневный колокол «*Лебедь*», в 500 пудов, вылит в 1682 году. Так как этот колокол весьма звучный, то и носит название *Лебедя*⁶⁰⁹. Около головы и около краев сего колокола имеется рельефная славянская, вязью, надпись. Вверху

вокруг головы написано: «Лета 7190. – 1682 г.) марта в 1 (1) день при державе великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексиевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и при благоверной государыне и великой княгине Наталии Кириловне и при благоверном государе царе и великом князе», а внизу вокруг краев написано: «Иоанн Алексиевич и при благоверном государе царевиче и великом князе Петре Алексеевиче и при великом господине святейшем Иоакиме патриархе Московском и всея России, тщанием и радением великаго господина преосвященнаго митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, лит сей колокол в Ростове к соборной и апостольской церкви Честнаго ея Успения, и к великим Ростовским Чудотворцем Леонтию, Исаию, Игнатию; а лил мастер Филипп Андреев; а весу ф. (500) пуд».

Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 3 аршина 2,5 вершка. Диаметр его вершины, внутри, 1 аршин 9,25 вершка. Высота колокола внутри, от основания до верху, 2 аршина 5,75 вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 4,125 вершка. Число простых колебаний, которые производит сей колокол в секунду, при 12° Реомюра, =196. Тон этого колокола соответствует ноте *Соль* (Sol₁, или g), находящейся на первой линии нотной системы с басовым ключом

и составляет чистую квинту основного тона *До*, издаваемого первым большим колоколом.

Из надписей, находящихся на трех вышеозначенных колоколах, видно, что тщанием и радением митрополита Ионы вылиты были колокола в таком порядке: сперва вылит был будничный в 500 пуд[ов] в 1682 году, потом Полиелейный в 1000 пудов в 1683⁶¹⁰ и, наконец, самый большой, в 2000 пудов в 1689 году?⁶¹¹ (последний вылит за два года до смерти митрополита, последовавший 20 декабря 1691 года⁶¹²).

Во время литья этих колоколов, митрополит Иона писал к одному из друзей своих (князю Михаилу Темкину): «На своем дворишке лью колоколишки, и дивятся людишки».

Со времени митрополита Ионы много утекло воды, но колокола его и доселе удивляют всех как своею громадностью, так еще более своим благозвучием и согласием между собою, или гармонию.

Тоны этих трех больших колоколов составляют приятный мажорный аккорд C-dur:

Аккорд этот почти нисколько не уклоняется и от требований акустики.

Выше было сказано, что большой колокол производит 130,92 простых колебаний в секунду, при 12° Реомюра, Полиелейный производит 163,28 колебаний, а Будничный производит 196 колебаний в секунду. Если бы уменьшить число колебаний большого колокола на 30 сотых, а Будничного на 7 сотых, то тоны этих трех колоколов составили бы самый верный аккорд и по акустике. Акустика учит, что если основной тон *До* имеет $1=130,62$ простых колебаний, то большая его терция *Ми* должна иметь $5/4 = 163,28$ колебаний, а чистая квинта его *Соль* должна иметь $3/2 = 195,93$ колебаний.

Благозвучию этих колоколов способствует еще то, что на поле или на середине каждого из них между головою и валом нет никаких рельефных изображений.

Эти изображения – в действительности наросты на звучащем теле, мешающие ему издавать *один* чистый тон; они заставляют колокол издавать при ударе *два*, немного отличающихся друг от друга тона, производящих дрожания (battements или Stösse) звука – недостаток колокола, но считаемый многими за достоинство.

И кто может видеть на колоколах рельефные изображения, на[пример], святых, государей и проч., когда колокола уже висят на высоких колокольнях? Положим, что кто-нибудь, кроме звонаря, пожелает взойти на колокольню и будет обозревать там все; но при этом обозрении едва ли возбудится в нем чувство благоговения, потому что там весьма часто обезображивается все птичьим пометом. Довольно на колоколе поместить одну надпись, подобную надписям 3-х вышеозначенных колоколов. А так как каждый колокол, посредством обтачивания его с внешней стороны можно весьма легко настраивать в самый правильный музыкальный тон, то и надпись в этом случае на колоколе можно сделать после всего вырезанную и только вокруг одной головы колокола, хотя бы в две или три строчки. Здесь в словах можно обозначить все, даже и то, чего пожелает покупатель или заказчик колокола.

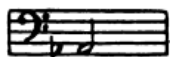
Вырезанная надпись будет и удобнее, и яснее, и правильнее, и удовлетворительнее рельефной, которая заготавливается еще до отлития колокола, в глиняной форме его.

Исследовав три большие колокола на Ростовской соборной колокольне, опишу затем следующие, которых остается еще десять, кроме ясака.

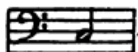
Четвертый колокол «*Голодарь*», в 171 пуд[ов] 5 фунт[ов], вылит в 1865 году. Голодарем он называется потому, что в него благовестят в Великий пост к заутрени, к часам и к великому повечерию (в него же благовестят и к малой вечере всегда). Около головы и около краев сего колокола есть рельефная, гражданской печати, надпись. Вверху вокруг головы написано в двух строчках, в 1-й: «1856 года мая дня в царствование благочестивейшаго великаго государя императора Александра Николаевича», во 2-й: «С благословения Высокопреосвященнаго архиепископа Нила при протоиерее Андрее Тихвинском», а внизу вокруг краев написано в одной только строчке: «И старосте Петре Веснине, вылит сей колокол в Ярославле на заводе мастера ярославского купца Семена Дмитриевича Чарышникова. Весу в нем 171 пуд и 5 фунт[ов]» (последние цифры, означающие вес, не рельефные, а вырезаны, как видно, после всего). На поле или на середине сего колокола между головою и краями его находятся четыре рельефных изображения: 1) Божией Матери Владимирской; 2) Святителя Леонтия; 3) Св. Исаия; 4) Св. Игнатия Ростовских Чудотворцев; а между ними по три херувима. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 2 аршина 6,33 вершк[а]. Диаметр его вершины, внутри, 1 арш[ин] 2,875 верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 1 арш[ин] 11,2 вершков. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 2,75 вершка.

Число простых колебаний, которые производит этот колокол в течение секунды, при 12° Реомюра, = 201,38.

Тон этого колокола соответствует ноте Ля (la или As), находящейся между первой и второю линиями нотной системы с басовым ключом.

Этот четвертый колокол «*Голодарь*» по тону нисколько не гармонирует с тремя большими колоколами. Негармоничность его произошла от того, что он отлит был вместо прежнего разбитого, и при отливании его не обратили внимания на тон его, а позаботились только о том, чтобы он был потяжелее прежнего, да побольше имел бы на себе рельефных изображений. Прежний же разбитый весом был в 158 пудов и вылит был в 1807 году при архиепископе Антонии в Ярославле на заводе Ивана Черышникова. Но и этот колокол был еще не тот Голодарь, о котором значится в первом издании сочинения гр. Толстого о древностях Ростова. Здесь Голодарь означен весом в 140 пудов и, надо полагать, что он был подлинный Голодарь и издавал тон, соответствующий ноте До (ut₂ или C), находящейся между второю и третьею линиею нотной системы с басовым ключом

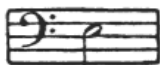

Пятый колокол «*Баран*», в 80 пудов, вылит в 1654 году. Около головы и около краев этого колокола есть рельефная славянская вязью, надпись. Вверху вокруг главы написано: «Лета зрѣѣ (7162. – 1654 г.) при державе благочестиваго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России и самодержца и при великом господине святейшем Никоне патриархе Московском», а внизу вокруг краев написано: «И всея Руси и при великом господине преосвященном Ионе митрополите Ростовском и Ярославском, лит сей колокол в Ростов к соборной и апостольстей церкви Пречистыя Богородицы Святаго и Славнаго ея Успения и к великим Ростовским Чудотворцам Леонтию и Исаию и Игнатию. Лил сей колокол мастер Емельян Данилов. Весу в нем ꙗ̑ (80)пуд.».

Из этой надписи видно, что колокол этот лит за тридцать лет до трех больших колоколов и лит был не в Ростове, а только в Ростов, и не особым тщанием митрополита Ионы, а только при митрополите Ионе, в третий год его управления Ростовскою епархию.

На поле и на середине этого колокола между головою и краями его нет никаких рельефных изображений. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 1 арш[ин] 12 вершков. Диаметр его вершины, внутри, 14 ¼ верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 1 аршин 5 ½ вершков. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 2 ⅜ вершка. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду при 12° Реомюра, 308,56.

Тон этого колокола соответствует ноте *Mi* (mi_2 , или *e*), находящейся между третьей и четвертой линиями нотной системы с басовым ключом

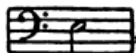

но этот тон не составляет чистой верхней октавы тона, издаваемого вторым колоколом: второй колокол производит 163,28 простых колебаний в секунду, а этот пятый колокол, для составления верхней октавы второго колокола должен бы, по акустике, производить вдвое больше колебаний, т.е. 326,56 колебаний, но он производит только 308,56, значит менее на 18 колебаний. Вследствие сего, при одновременном звучании сих двух колоколов слышны бывают 9-ть дрожаний (*Stösse*) в секунду. Эти частые дрожания уподобляются несколько бляению, и от того, вероятно, означенный пятый колокол получил название *Барана*.

В этот пятый колокол *Баран* в Великий пост часят, т.е. ударяют в него пред часами: пред 3-м – три раза, пред 6-м – шесть раз, пред 9-м – девять раз.

Шестой колокол «*Красный*», в 30 пудов; он не имеет на себе ни надписи, ни каких-либо рельефных изображений, ни означения года, когда он отлит. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 1 аршин 7,75 верш[ка]. Диаметр вершины его, внутри, 11,875 верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху 1 арш[ин] 2 ½ верш[ка]. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 1,875 верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 369,25.

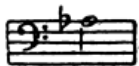
Тон этого колокола соответствует ноте *Соль* (sol_2 , или *g*), находящейся между четвертой и пятою линиями нотной системы с басовым ключом.

Но этот тон не составляет чистой верхней октавы тона, издаваемого третьим колоколом. Третий колокол производит 196 простых колебаний в секунду, а этот шестой колокол производит только 369,25 колебаний, тогда как он, для составления чистой

верхней октавы третьего колокола, должен производить 392 простых колебания. Красным сей колокол называется, вероятно, потому, что звук его, в сравнении со звуками смежных колоколов пятого называемого «Бараном» и седьмого, называемого «Козлом», гораздо приятнее и правильнее.

Седьмой колокол «Козел», в 20 пудов, без надписи, без рельефных изображений и без означения года. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – 1 арш[ин] 4,25 верш[ка]. Диаметр вершины его, внутри, 9,875 верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 15,375 вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 1,625 верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду при 12° Реомюра, = 406,71. Тон этого колокола приближается к ноте Ля b ($a b^2$ или as), находящейся на пятой линии нотной системы с басовым ключом

Вследствие сего этот колокол чрезвычайно разногласит с колоколами, тоны которых составляют мажорный аккорд на До. А такое разногласие или, можно сказать, козлогласие сего колокола и дало, вероятно, повод к тому, что называли его Козлом. В последнее время у этого колокола оказалась немалая вышибка края, и чрез это он сделался совершенно негодным?⁶¹³

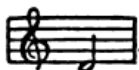
Восьмой колокол без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 14 вершков. Диаметр вершины его внутри 7,125 верш[ка]. Высота колокола внутри от основания до верху 10,75 вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 15/16 вершка. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 502.

Тон этого колокола соответствует ноте До (ut^3 или c') находящейся на первой добавочной снизу линии нотной системы с ключом скрипичным

но в сравнении с тоном До, издаваемым первым колоколом, этот тон, как верхняя вторая октава его, довольно низенек. Первый колокол производит 130,92 простых колебаний в секунду, а этот восьмой колокол производит только 502 простых колебания, тогда как он, для составления второй верхней октавы первого колокола, должен производить 523,68 колеб. в секунду.

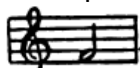
Девятый колокол – также без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – 14,125 верш[ка]. Диаметр вершины его внутри 6,875 верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 10,75 вершка. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 1,25 верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 588. Тон этого колокола соответствует ноте Ре (re_3 , или d'), находящейся ниже первой линии нотной системы с ключом скрипичным

Этот тон есть чистая квинта тона Соль, издаваемого третьим колоколом.

Десятый колокол – без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия или поперечник основания этого колокола – 11,25 верш[ка]. Диаметр вершины его внутри – 5,625 верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 8,5 верш[ка]. Толщина звуковой части, или вала, где ударяют языком, 0,875 верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду при 12° Реомюра, = 655,62.

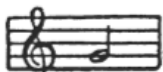
Тон этого колокола соответствует ноте Фа (fa₃, или f'), находящейся между первой и второй линиями нотной системы с ключом скрипичным.

Этот тон есть малая септима тона Соль, издаваемого шестым колоколом.

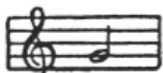
Одиннадцатый колокол – без имени, без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – 10,50 верш[ка]. Диаметр вершины его внутри 5,25 верш[ка]. Высота колокола, внутри от основания до верху, 8,125 верш[ков]. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком, 0,75 верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, =729,05.

Тон этого колокола подходит к ноте Соль (sol₃, или g'), находящейся на второй линии нотной системы с ключом скрипичным

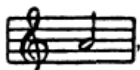
но он далеко не составляет чистой верхней октавы тона, издаваемого и третьим и шестым колоколами.

Двенадцатый колокол «Зазвонный 2-й», без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – 11 верш[ков]. Диаметр вершины его, внутри, 5,25 верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 8,75 верш[ка]. Толщина звуковой части или вала, где ударяют языком $\frac{7}{8}$ верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит сей колокол в секунду, при 12° Реомюра, =758,5. Тон этого колокола, как можно видеть из числа колебаний его, хотя выше тона, издаваемого одиннадцатым колоколом и соответствует ноте Соль (sol₃, или g'), находящейся на второй линии нотной системы с ключом скрипичным

но вполне еще не составляет чистой верхней октавы тона, издаваемого третьим колоколом.

Тринадцатый колокол – «Зазвонный 1-й», без означения веса и года, без надписи и рельефов. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого колокола – 9,125 верш[ка]. Диаметр вершины его внутри 4,375 верш[ка]. Высота колокола внутри, от основания до верху, 6,375 верш[ка]. Число простых колебаний, которые производит этот колокол в секунду, при 12° Реомюра, = 858,28. Тон этого колокола соответствует ноте Ля (la₃ или a'), находящейся между второй и третьей линиями нотной системы с ключом скрипичным

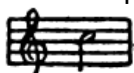

но он ниже тона, издаваемого нормальным диапазоном. Нормальный диапазон производит 870 простых колебаний в секунду при 12° Реомюра.

«Ясак», называемый в церковном уставе «Кандия», есть маленький колокол, или звонец, которым дается знать звонарю на колокольне о времени благовеста или звона. Ясак повешен не на колокольне, а на восточной стене самого храма, у окна против жертвенника. На Ясаке нет никакого означения. Диаметр отверстия, или поперечник основания этого «Ясака» – 7,625 верш[ка]. Диаметр вершины его, внутри, 3,625 верш[ка]. Высота его внутри, от основания до верху, 5,625 верш[ка]. Толщина звуковой

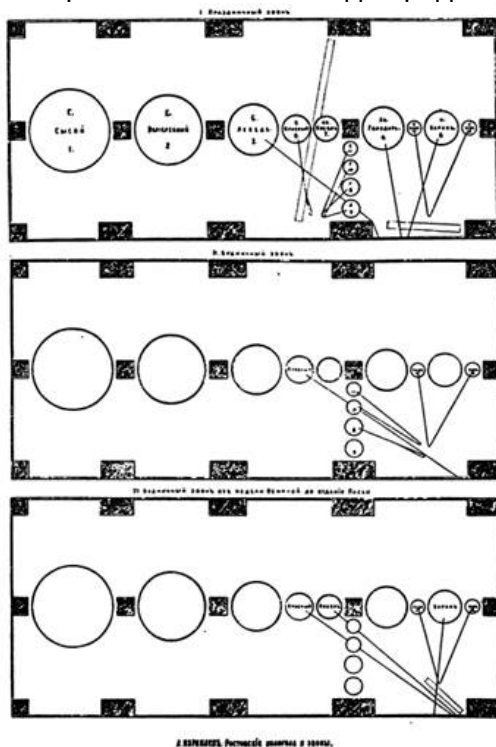
части или вала, где ударяют языком 0,5 вершка. Число простых колебаний, которые производит этот «Ясак» в секунду, при 12° Реомюра, – 1044.

Тон ясака вполне соответствует ноте До (ut₄ или с»), находящейся между третьей и четвертой линиями нотной системы с ключом скрипичным

и есть верная, верхняя третья октава тона, издаваемого первым большим колоколом (табл. см. далее).

Колокола на Ростовской соборной колокольне расположены так, что девять из них, именные, повешены в один ряд по всей длине ее, а четыре безыменные повешены поперек на одной половине ширины ее, а также в один ряд.

Расположение колоколов на колокольне Ростовского собора (Яросл. губ.) Таблица размеров Ростовских колоколов, веса их, числа колебаний в секунду и тона их

По воскресным и праздничным дням звон производится во все колокола и всеми пятью звонарями, находящимися при соборе.

Этот полный звон бывает, как было сказано выше троякий: «Ионинский», «Акимовский» и «Егорьевский».

«Ионинский звон» производится пятью звонарями следующим образом:

Первый и второй звонари звонят в один самый большой колокол «Сысой» (С). Оба они, ставши под сим колоколом, качают язык его в две противоположные стороны и ударяют им в оба края колокола, так что у них выходит 42 удара в минуту.

Третий звонарь звонит в один «Полиелейный» колокол (Е). Он ударяет языком и наносит удары одновременно с ударами, наносимыми первыми двумя звонарями в «Сысой».

Четвертый звонарь прежде звонил в 7 колоколов: в «Лебедь» (G), «Красный» (g), «Козел» (as) и в 4 Безыменные колокола, а теперь он звонит только в 6 колоколов: в «Лебедь» (G) «Красный» (g) и в четыре «Безыменные» колокола. «Козел» же, как разбитый колокол, выпускается.

В «Лебедь» (G) он звонит так: язык «Лебеда» притянут близко к одному его краю веревкой, которая другим концом своим привязана к верху железных перил колокольни; у этой веревки, находящейся в натянутом положении, имеется на середине ее довольно длинная петля; в эту петлю вложен одним концом длинный деревянный брус, лежащий другим концом своим на полу колокольни; на этот брус, недалеко от петли, звонарь ставит левую ногу и, прижимая его книзу, ударяет в колокол так, что удары его совпадают с ударами в колокола «Сысой» (C) и «Полиелейный» (E).

В прочие 5 колоколов он звонит так: берет в правую руку соединенные веревки от языков 4-х «Безыменных» колоколов, а в левую – веревку от языка «Красного» колокола, и вместе с ударами в «Лебедь» ударяет сперва в два колокола: Красный (5) и «Безыменный» 11-й колокол (g'), потом в один «Безыменный» 10-й колокол (f'), после сего опять в Два колокола: «Красный» (g) и «Безыменный» 8-й колокол (c'), наконец еще в один – «Безыменный» 9-й колокол (d'); и таким образом, в месте с ударами в «Лебедь», он ударяет попеременно то в два, то в один колокол в течение всего «Ионинского» звона.

Пятый звонарь звонит в 4 колокола: «Голодарь» (As) «Баран» (e) и два «Зазвонные». Язык «Голодаря» притянут к одному его краю веревкою, которая другим концом своим привязана к верху железных перил колокольни; у этой веревки, в расстоянии одного аршина от перил, есть довольно длинная петля; в эту петлю вложена одним концом толстая деревянная доска, лежащая другим своим концом на полу колокольни; на эту доску, недалеко от петли, звонарь ставит левую ногу, чтобы, прижимая ее книзу, ударять в «Голодарь» (As). Язык «Барана» (e) также притянут близко к одному его краю веревкою, привязанною другим своим концом к верху перил; на эту веревку, находящуюся в натянутом положении, звонарь налагает левую руку, чтобы ударять в «Баран». Ударяет же он, во время «Ионинского звона», в «Баран» (e) и «Голодарь» (As) попеременно, но при этом наблюдает, чтобы удары в «Баран» совпадали с ударами, наносимыми четвертым звонарем, в «Красный» (g) и «Безыменный» 11-й колокол (g'), и опять с ударами, в «Красный» (g) и «Безыменный» 8-й колокол (c'), а удары в «Голодарь» (As) совпадали бы с ударами в «Безыменный» 10-й колокол (f') и с ударами в «Безыменный» 9-й колокол (d'). В два «Зазвонные» колокола он звонит так: берет в правую руку соединенные веревки от языков их и ударяет в них также попеременно, но только вдвое чаще, так что удары во 2-й «Зазвонный» колокол (g') не совпадают с ударами ни в какие другие колокола, а идут отдельно в промежутке, удары же в 1-й «Зазвонный» колокол (a') совпадают с ударами всех прочих колоколов.

См. «Ионинский звон», изображенный в нотах. Здесь удары в два «Зазвонные» колокола представлены в четвертных нотах, а удары в большие и в прочие все колокола представлены в половинных нотах. В начале, сверху нот, изображающих этот звон, поставлено или написано М.М. $\downarrow = 42$, $\downarrow = 84$. Это означает, что по метроному Мельцеля ударов, соответствующих половинным нотам, совершается 42 в минуту, а ударов, соответствующих четвертным нотам, совершается 84 в минуту.

«Акимовский звон» производится следующим образом: в 8 колоколов «Сысой» (C), «Полиелейный» (E), «Лебедь» (G), «Красный» (g), «Голодарь» (As), «Баран» (e) и в два «Безыменные» 8-й (c') и 9-й (d') звонят так же, как и во время «Ионинского звона»: но в два «Зазвонные» и два «Безыменные» колокола 10-й (f') и 11-й (g') звонят иначе.

См. «Акимовский звон», изображенный в нотах. Здесь в «Зазвонные» колокола звонят вдвое чаще, так что ударов в эти колокола совершается не 84, а 168 в минуту, потому и удары в эти колокола представлены в осьмых нотах. В «Безыменный» 10-й колокол (f') ударяют только в начале второй половины ноты такта и этот удар представлен в четвертной ноте; а в 11-й «Безыменный» колокол (g') ударяют на первой

половинной ноте такта три раза, из коих первые два удара соответствуют двум осьмым нотам, а третий соответствует четвертной ноте, потом в этот же колокол ударяют еще два раза в конце второй половинной ноты такта, и эти два удара представлены в двух осьмых нотах. Во время «Акимовского звона» удары в «Безыменный» 11-й колокол (f') называются *пересечкой*. Потому звонари и говорят, что «Акимовский звон» исполняется с пересечкой.

«Егорьевский звон» производится следующим образом: два первые звонаря, стоящие под большим колоколом (С), ударяют языком в один край его, а до другого противоположного края немного не допускают его, так что ударов у них в этот колокол совершается 21 в минуту.

В «Полиелейный» колокол (Е) звонарь звонит таким же образом, как звонят два первые звонаря в большой колокол «Сысой» (С), то есть, он ударяет языком одновременно с ними и также в один край колокола. В прочие все колокола ударяют вместе. И ударов в колокола – «Лебедь» (G), «Красный» (g), «Голодарь» (As), «Баран» (e) и в «Безыменные» 8-й (с') 9-й (d') и 10-й (f') совершается также 21 в минуту; но в «Зазвонные» колокола и в «Безыменный» 11-й колокол (g') звонят иначе.

См. «Егорьевский звон», изображенный в нотах. Здесь в «Зазвонные» колокола на второй половинной ноте такта ударяют еще по четыре раза, а иногда и по два раза, и эти удары в первом случае представлены в осьмых нотах, а во втором в четвертных. В «Безыменный» 11-й колокол (g') ударяют в конце второй половинной ноты такта еще два раза, и эти два удара представлены в двух осьмых нотах. Последние два удара в «Безыменный» 11-й колокол называются и здесь *пересечкой*.

РОСТОВСКІЕ ЗВОНЫ.
I. ЮНИНСКІЙ ЗВОНЪ.

Зазвонные.
М. М. № 42, 2. 84.

К. - Ф. - С. - Ч. - З. - В. - О. - Ш. - А.

II. АКИМОВСКІЙ ЗВОНЪ.

М. М. № 42, 2. 84.

К. - Ф. - С. - Ч. - З. - В. - О. - Ш. - А.

Из книги А. Израилева: Ростовские колоколы и звоны

III. ЕГОРЬЕВСКИЙ ЗВОНЪ.

М. М. о. 21, J. 42.

IV. БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ.

Звонимыя.
Безъзвонимыя.
Красный.

V. БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ ОТЪ НЕДЕЛИ БОИНОЙ ДО ОДАВІЯ ПАСХИ.

М. М. J. 106.

Из книги А. Израилева: Ростовские колоколы и звоны

1. ИСПРАВЛЕННЫЙ ИОНИНСКИЙ ЗВОНЪ.

М. М. $\text{♩} = 47, \text{♩} = 64$. К. о. н. е. ц. ъ з. в. о. н. ъ.

Звонные.
Баранъ.

Безъшевные.
Красный.

Поліелейный.
Сысой.

2. ИСПРАВЛЕННЫЙ АКИМОВСКИЙ ЗВОНЪ.

М. М. $\text{♩} = 42, \text{♩} = 64, \text{♩} = 168$. К. о. н. е. ц. ъ з. в. о. н. ъ.

Звонные.
Баранъ.

Безъшевные.
Красный.

Лебедь.
Поліелейный.
Сысой.

Из книги А. Израилева: Ростовские колоколы и звоны

3. ИСПРАВЛЕННЫЙ ЕГОРЬЕВСКИЙ ЗВОНЪ.
М. И. о. : 31, р. : 42.

4. ИСПРАВЛЕННЫЙ БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ.

5. ИСПРАВЛЕННЫЙ БУДНИЧНЫЙ ЗВОНЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ ОТЪ НЕДЕЛИ
М. И. J. : 106. ФОМИНОЙ ДО ОТДАВІА ПАСХИ

Из книги А. Израилева: Ростовские колокола и звоны

Будничный звон производится одним звонарем следующим образом. Язык «Красного» колокола (g) притянут близко к одному его краю веревкою, которая другим концом своим привязана к низу железных перил колокольни. На эту веревку, в расстоянии одного аршина от перил, звонарь ставит левую ногу. В правую руку он берет соединенные веревки от языков «Зазвонных» колоколов. На локоть левой руки надевает петлю, имеющуюся на конце веревки от языка «Безъименного» 8-го колокола (с'), а в левую руку берет соединенные веревки от языков «Безъименных» колоколов 10-го (f') и 11-го (g'). См. чертеж колоколов с надписью «Будничный звон». Звонит же он в эти 6 колоколов так, как изображено в нотах заглавием: «Будничный звон».

При этом звоне колокол будничный «Лебедь» (s) не употребляется: в него только благовестят.

«Звон будничный, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи», производится одним звонарем в 5 колоколов: в два «Зазвонные», да в «Баран» (e), «Козел» (as) и «Красный» (g). Языки от «Красного» и «Козла» притянуты к краям веревками, которые другими своими концами привязаны к верху железных перил колокольни, и язык от «Барана» также притянут веревкою, которая другим своим концом привязана к середине железных перил. У этой веревки, в расстоянии одного аршина от перил, есть петля; в петлю вложена одним концом деревянная доска. На эту доску звонарь ставит левую ногу, чтобы ударять в «Баран». В «Козел» же и «Красный» он

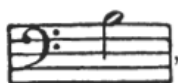
ударяет попеременно, налагая на натянутые веревки их левую руку. А соединенные веревки от языков «Зазвонных» колоколов находятся у него в правой руке. См. чертеж колоколов с надписью: «Звон, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи».

Звонит же звонарь в эти 5 колоколов так, как изображено в нотах, под заглавием: «Звон будничной, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи».

Три вышеозначенные звона: «Ионинский», «Акимовский» и «Егорьевский» нельзя назвать правильными, по отношению к музыке, потому что здесь в музыкальный аккорд C-dur входят звуки таких колоколов, которые весьма разногласят. Я с своей стороны нахожу необходимым при этих звонах выпустить следующие колокола: «Голодарь» (As), «Безыменные» 9-й (d') и 10-й (f'), и первый «Зазвонный» (a'), но с тем, чтобы этот зазвонный заменить «Ясаком» (c'')⁶¹⁴.

Производить же эти звоны, удерживая характер их, должно так, как они изображены в нотах, под заглавием: «Исправленный Ионинский звон», «Исправленный Акимовский звон», «Исправленный Егорьевский звон».

Обычный «Будничной» звон также весьма неправилен. Его исправить можно таким образом. Разбитый колокол «Козел» заменить новым колоколом, тон которого соответствовал бы ноте *si* (*si* или *h*), находящейся выше пятой линии нотной системы с басовым ключом

8-й колокол, Безыменный, выпустить, и наконец звонить так, как изображено в нотах под заглавием: «Исправленный будничной звон».

Этот будничной звон будет основан на аккорде G-dur, который есть самый сродный аккорду C-dur.

Звон, употребляемый от недели Фоминой до отдания Пасхи, можно исправить также, как и обыкновенный. Разница та, что при исполнении сего звона звонарь звонит только в 5 колоколов; звонит же он так, как изображено в нотах, под заглавием: «Исправленный будничной звон, употребляемый от недели Фомины до отдания Пасхи»⁶¹⁵.

[Рассказав о красивейших в России звонах, следует отметить также, что] Введенский собор в городе Чебоксарах славится своими колоколами, гармоничный звон которых слышен на двадцать пять верст по течению Волги⁶¹⁶.

Колокола Западной Европы

Второе место после России по богатству колоколов занимает Англия, где звонить в колокола – любимое народное развлечение. Там есть даже общество любителей колоколов, общество звонарей. Самые замечательные в Англии колокола следующие: «Большой Том» на Christ-church-College в Оксфорде 425 пуд[ов] 1680 года, диаметр 7 ар[шин] 1 дюйм и «Великий Петр» в Йоркском соборе 602 пуда, 1845 года. Часовой колокол здания Парламента – 924 пуда был отлит в 1856 году, но в скором времени треснул и был перелит вновь. Колокол на церкви Св. Павла в Лондоне в 300 пудов отлит в 1716 году.

Все же родиной правильного колокольного звона была Нидерландия, где еще в 1478 году существовали приспособления для звона в колокола, однородные с теми как это устраивается теперь в России: помощью натянутых веревок и проволок, привязанных к языку, звонили руками и ногами. В более позднее время были устраиваемы и механические звоны помощью особых вальцов и клавишей, заменяя языки молотками, и искусство звонарей более уже не требовалось. Звоны в Нидерландии отличались своим количеством колоколов. Наибольший звон в г. Дельфе, где по описанию одних звон состоял из 800 колоколов, а других – более 1000 колоколов. Но колоколов большего веса мало; наибольший по весу находится в городе *Brügge*, отлитый в 1680 году, и весит около 600 пуд[ов].

Во Франции самый старинный и большой колокол «Бурдон» в соборе Парижской Богоматери (более 1000 пуд[ов]), который во время революции служил для набата. История его такова: в 1400 году он был подарен собору, весил до 400 пудов и назывался «Жакелин». В 1680 году был перелит, но неудачно, так что в том же году переливался вторично. Крещен был в 1682 г., и Людовик 14 назвал его именем своей жены «Emanuelle Louise Therese». Но так как тон колокола совершенно не подходил к общему звону, то было решено в 1685 году перелить его, увеличив до 700 пудов; а диаметр и высота его – по 8 футов, толщина боя 8 дюймов, а язык весит до 25 пудов. В 1794 году он был снят из боязни, как бы его не употребили для набата. Лишь в 1802 году, в праздник *Конкордии*, его вновь повесили и теперь звонят лишь в воскресные дни 16 человек.

Во время революции во Франции были уничтожены почти все церковные колокола. Часть их перелита в монеты (закон 1 мая, 28 июня, 6 августа 1791 года и 22 августа 1792 года) и часть в пушки (закон 25 февраля 1793 года)⁶¹⁷.

Бронза с колоколов стала рудником для изготовления медной различной монеты и пушек.

23 сентября 1793 года прокурор Омальской общины доносил:

«Первое, что колокола – это памятники роскоши городов и тщеславия их жителей, могут быть с большей пользой употреблены на страх и смерть врагам революции; второе, что только ложное благочестие может быть забыто таким употреблением простого металла, который будучи грубой материей, не может иметь никакого отношения к религии, по своему существу духовной».

Поэтому он полагал, что все колокола, за исключением одного, могли бы быть сняты. Муниципальный совет согласился с его предложением: три колокола были перелиты, они весили 6600 фунтов, четвертый наилучший был сохранен.

Что же касается колоколен, то они продавались с аукциона, на снос, а если возникали сомнения относительно того, – представляло ли то или другое здание колокольную, то вопрос решался просто: разрушали всякую башню, на которой висели колокола и на крыше которой имелась стрелка⁶¹⁸.

Единственный колокол Реймса, переживший революцию, по счастью, наиболее известный и гармоничный из всех существовавших некогда в городе, короновавшем всех королей. Колокол этот, названный *Шарлотта*, в честь его крестного, известного кардинала Карла Лорренского, соперничает по красоте своего исполнения и звучности с колоколами Санса, Меца, Парижа и Амьена. Еще в начале 16 века реймский собор обладал двумя замечательными колоколами (то, что называют *bourdon*), размерами превосходящими теперешние. Кроме архивных свидетельств, это подтверждает известный хроникер *Jehan Pussot* в своих мемуарах (1568–1626).

Оба эти колокола с давних пор были разбиты, что и побудило духовную власть перелить их в 1570 г. С этой целью духовенство обратилось к их постоянному литейщику *Pierre Deschamps*, *maître fondeur de cloches demeurant a Reims*. Этот литейщик раз уже заключал с ним договор в 1548 г. о переплавке *Пишард*, довольно обыкновенного колокола, который он должен был сделать в 5000 фунтов.

18 января 1570 г. каноники в сопровождении *Pierre Deschamps* предстали перед нотариусом. Чтобы окончить счастливо опасную операцию переплавки двух столь больших колоколов, они не упустили ни одной подробности, ни одной гарантии в договоре, заключенном с литейщиком.

Они позволяли ему отлить сперва отдельно большой колокол, но они требовали, чтобы звук обоих был столь же низок, как и у прежних (и, если возможно, ниже) и чтобы в общей сложности голоса их не были дисгармоничны, и чтобы, снабженные всеми аксессуарами, они находились бы к 14 августа уже на колокольне.

Что касается платы за эту двойную плавку, заплатить которую должна была Дума, а не архиепископ, она была назначена в 1.500 турецких ливров и, кроме того, литейщику должны были доставить 6.000 фунтов металла, для прибавки к старым колоколам.

Pierre Deschamps обязывался за эту цену сделать надписи на колоколах. Предприятие удалось на радость договаривающихся, и мы видим на оборотной стороне договора расписку литейщика в получении 2.312 ливров 15 с. 4 д. В уплату за доставку металла и за благополучное поднятие колоколов на колокольню.

Торжество *Pierre Deschamps*, однако, не было полным.

Во-первых, меньший колокол был признан не особенно гармоничным, во-вторых, оба колокола были признаны уступающими в весе прежним. С меньшим весом колоколов примирились, тем более, что большой колокол удался как нельзя лучше, но недостаток гармонии меньшего привел к его вторичной плавке в 1624 г. лионским литейщиком⁶¹⁹.

Революция 1789 года, дававшая удовлетворение стольким народным желанием, была далека в своем начале от того, чтобы прекратить народные религиозные манифестации: наоборот, уничтожение аббатств послужило к большему украшению приходских колоколен. Народ Франции далеко не нечестив: он умел всегда приспособить к веянию новых времен старую веру своих отцов⁶²⁰ и надо было не более, как фанатизм террора, чтобы колокольни повсеместно были лишены колоколов в пользу arsenalov.

Война против всей Европы, гражданские смуты, прекращение религиозных церемоний, едва нам делают понятным повсеместную конфискацию колоколов во Франции.

Предписания Конвента, изданные по этому поводу в 1793 г., были объявлены 10-го сентября того же года собору Богородицы реймским муниципалитетом, но последний нашел необходимым сохранение кафедральному собору, хотя бы временно, большого колокола (*Bourdon*) и колокола, оповещающего возвращение домой. После долгих переговоров, колокол было позволено оставить. Честь спасения колокола приписывают доктору Навье, участвовавшему в переговорах.

Колокол участвовал в празднике разума, 20 декабря 1793 г., в котором говорит официальное отношение: «Орган, музыка, звон колокола и гимны, повторяемые в честь Свободы и Разума, запечатлели чувства столь дивные, что их невозможно описать».

Колокол служил также для возвещения славных и национальных событий, победу армий, именно взятие Шарлеруа и Брюсселя в июле 1794 г., и всех тех внешних успехов, которые помогли отечеству войти в нормальное существование.

Не требовалось большого труда, чтобы удерживать знаменитый колокол при законе, позволявшем иметь колокол на каждый приход, но вот указ комитета Народного спасения от 26 мессидора 2 года приказывает оставить только один колокол на всю общину. Нужда в артиллерийских предметах была велика и так велико было желание разрушить наиболее безвредные религиозные обычаи, что даже церковные часы не были пощажены и веревки от колоколов были конфискованы.

Предупрежденный этим повелением, реймский муниципалитет, на обязанности которого лежало удовлетворение нужд столь большого города, пытался всеми способами сохранить для гражданских нужд один колокол в соборе Богоматери и другой в церкви Св. Реми. Муниципалитет не мог, конечно, противиться этому повелению, но он медлил привести его в исполнение.

Совещание 24 августа 1794 года констатировало невозможность в настоящее время звонить утром и вечером в колокол, требующий 12 человек: кроме расхода, который бы понадобился на это, было замечено, «что бывает время, когда этот большой колокол не разносится по всей общине».

Желая, тем не менее, удовлетворить всем нуждам наиболее экономным образом и не лишит Республику средств, которые она ожидает, комиссия предложила сначала отдать большой колокол с тем, чтобы сохранить два, которые в общей сложности весили менее, чем он один.

Совет пошел еще дальше и уступил колокол Св. Реми, а также и большой колокол, но оказалось столь же трудно снять последний, как и звонить в него каждый день, так как он был еще на своем месте 10 декабря. В это время (20 фрилира 3 г.) совет признал трудным найти работников, которые были бы в состоянии предпринять эту работу, а также и достать веревки, необходимые для спуска колокола. К тому же, в это время, умеренные идеи входили в милость, вот почему отсрочка снятия колокола была принята тем охотней, что Реймс только что посетил комиссар, посланный комитетом Народного образования при Конвенте.

Этот делегат, «по приказу выше названного Комитета, разыскивал шедевры, рассеянные по департаментам и не переставал рекомендовать их надзору всех установленных властей».

Здравый смысл восторжествовал и спуск колокола был отсрочен на неопределенное время.

По счастливой случайности, колокол этот не был изуродован, как это предписывалось декретом Марнского департамента, от 4 октября 1793 года, приказавшего соскоблить или сгладить все надписи и гербы с колоколов в продолжение недели, в случае же неисполнения они должны быть разбиты и доставлены в уездное депо.

Между тем согласие на сохранение большого колокола было дано только временно и вот, главный совет общины решил преследовать до конца свою цель: сохранить собор и его несравненный колокол. Вследствие этого, 26 апреля 1795 г., Совет решил что будет послан адрес представителю народа и самому Конвенту, чтобы добиться разрешения от правительства: «...Чтобы некогда кафедральный собор, поврежденный разрушениями и пробоинами, и заваленный в своей наиболее узкой части, был поправлен и очищен... наконец, чтобы окончательно утвердить приказ Директории,

которая по просьбе агента комитета Народного образования позволила сохранить большой колокол соборной церкви, настоящий шедевр в своем роде».

Это двойное желание было исполнено во славу Реймса и Франции. Тем не менее, сохраненные колокола должны были, под угрозой жестоких наказаний, оставаться безмолвными впредь до Конкордата⁶²¹.

В настоящее время во Франции колокола охранены законами от разрушения и, кроме того, § 262 угол. улож. наказывается тюремным заключением от 2-х недель до 6 месяцев и штрафом от 100 до 500 франков каждое лицо, которое словами или жестами оскорбит предмет церковного культа⁶²².

В Бельгии в прежнее время колокола были очень распространены. Время появления первых колоколов в Антверпене неизвестно. Констатируют их присутствие в начале 14 века, благодаря неопровержимым документам. Очевидно, что они существовали еще до этой эпохи, но невозможно определить точно, когда они в первый раз появились.

Правда, есть известные данные о времени постройки первобытной церкви Notre-Dame. Достоверно известно, что она была построена в начале 12 века и освящена в 1124 г.

Графические изображения представляют нам ее окруженную довольно высокими башнями. Следовательно, есть возможность предполагать, даже почти утверждать, что со времени этой отдаленной эпохи колокола уже существовали в этой церкви.

Они были в то время необходимы не только для возвещения религиозных церемоний, но и для обозначения народонаселения, при помощи регулярного звона, времени дня.

Каждый день колокола приводились в движение, чтобы обозначать канонические часы: утреня (matines) в полночь; часы, отправляемые перед обеднею (laudes) – в три часа утра; первый час (prime) – в шесть часов; третий час (turce) – в девять часов; шестой час (sexte) – в полдень; девятый час (none) – в три часа; вечерня (vêpres) – в шесть часов; повечерие (complies) – в девять часов.

Кроме того, специальный звон Angelus'a, который производился утром, в полдень и вечером. Хотя происхождения более древнего, этот обычай сделался общим в провинциях только в 15 в.

Кроме этих указаний времени, установленных повсюду, были еще другие, особенные для каждого монастыря или для каждой церкви. И соседи, и ремесленники, живущие недалеко оттуда, применялись к этим звонкам, чтобы начать или кончить работу, чтобы сесть за стол или предаться отдыху.

Из этого видно, насколько важным был звон в жизни наших отцов до 13 века; каждая минута дня, каждое важное действие были обозначены особенным колокольным звоном, непрерывные призывы которого разносились вдоль узких и извилистых улиц старого города, чтобы призывать каждого к работе или к исполнению обязанностей.

Но скоро механические часы заменили мало-помалу прежние сигналы и антверпенские жители привыкли находить на циферблатах примитивных часов указания, необходимые для распределения их каждодневных обязанностей.

Но все же некоторые важные случаи были по-прежнему возвещаемы колокольным звоном.

В Антверпене не было, как в других фламандских городах, каланчи, прилегающей к ратуше; ее заменяла башня Notre-Dame и ее-то колокола и служили магистрату, чтобы возвещать тушение огня, пожар, тревогу, точно так же, как приветствование королевского въезда или возвещение важных событий.

Просмотрим бегло различные документы, позволяющие нам выяснить точную роль, которую были призваны играть главные колокола.

Во-первых, колокол, обозначающий ремесленникам и рабочим час, когда они должны были начинать и кончать работу.

Другой колокол, так называемый poortklok, звонил в различное время. Утром он возвещал открытие городских ворот, вечером обозначал их закрытие и служил также сигналом к закрытию всех питейных лавочек.

Третий колокол, очень важный, служил для оповещения или пожара в городе, или опасности, угрожающей городу. Этот колокол был отлит в 1316 году Maitr'ом Gerard из Льежа, о чем и свидетельствует нам его надпись.

При нем постоянно находились особые надсмотрщики: городские счета об уплате показывают, что надсмотрщики получали определенное жалованье, дошедшее в 16 веке до 37 фунтов в год. Кроме того, они имели право на отопление и освещение.

В 1511 году магистрат, опасаясь, чтобы кто-нибудь из граждан не смутил несвоевременным звоном покоя жителей, приказал, чтобы в виду жестокой войны с герцогством Гельдерн, никто не имел права, под страхом штрафа в 3 флорина, устраивать колокольный звон, надобность которого не доказана. 23 июля 1542 года городское начальство издало приказ, по которому все жители, заслышав звон набатного колокола, должны были вооружаться и поспешно собираться под начальство квартального начальника, в места, специально для этого назначенные, чтобы оттуда как можно скорее достигнуть городского вала. Осмелившиеся противиться этому распоряжению будут подвергнуты публичному наказанию на эшафот, специально установленному для этой цели на Большой площади.

Боязнь видеть с минуты на минуту покушение банд Martin van Rossem на город извиняла непривычную жестокость этих повелений.

Так мы должны не забывать особенно памятный день в ноябре 1576 г., в продолжение которого набатный колокол возвещал городу нападение наиболее ужасное, какое когда-либо он видел и предвещал страшные дни, в продолжение которых испанские солдаты господствовали в стенах города.

Точно также 1583 году, звон набатного колокола снова призывал всех граждан на защиту их города, наводненного отрядами герцога Алансонского; но к счастью, на этот раз призывы соборного колокола скоро сменились на звуки победы и радости.

Однако, если набатный колокол и сзывал иногда граждан на городской вал, с другой стороны, им строго воспрещалось подходить в этих случаях к городским воротам.

Так, приказ от 7 января 1595 года, запрещает жителям, когда они услышат, что колокола, помещающиеся на городских воротах, бьют тревогу, покушаться выйти из боевой огады. Быть может, это вызывалось опасением сношений, которые могли бы завязаться между антверпенцами и внешним врагом.

В то же время магистрат предупреждает, что колокольный звон, обозначающий тревогу, будет сильно отличаться от звона, употребляющегося в случае пожара; что в этом последнем случае не будет употребляться колокол, предназначавшийся для этого ранее, а будут звонить в колокол, который с башни Могге-Пате обозначал до сих пор получасовое время^{623 624}.

Торговцы всех национальностей и все те, которых цветущая торговля Антверпена приводила в Антверпенский порт, в 16 в. получили возможность собираться в новые обширные помещения, извещаемые особым биржевым колоколом, игравшим большую роль в торговых делах Антверпена.

В настоящее время этот колокол показывается, как городская достопримечательность, но прежде, начиная с 16 века вход в помещение биржи запрещался ранее нежели пробьет биржевой колокол.

Его характерный, отличающийся от других колоколов, звук, был понятен антверпенцам, и дельцы, заслышав его, спешили заканчивать дела. Момент закрытия

указывался при помощи того же колокола. Но с некоторого времени эта мера вышла из употребления. На будущее время все купцы должны были как зимой, так и летом покидать биржу как в полдень, так и вечером, как только услышат звон специально назначенного для этого колокола. Нарушившие этот закон должны были платить штраф в 25 су.

Отказавшиеся повиноваться приказаниям надзиратели были подвергнуты двойному штрафу. Еще больше, очень курьезная оговорка постановляет дела, заключенные в бирже после звона колокола, считать недействительными.

Этот приказ был возобновлен магистратом 20 марта 1602 г. Надо заметить, что штраф, уменьшенный до 20 су, взимался в то время в пользу церковных старшин собора Notre-Dame.

21 июля 1603 г. утверждены прежние приказы. Два года спустя, 9 июля 1605 г., эти, казалось несоблюдаемые до сих пор, были признаны обязательными. Все торговцы должны всегда руководиться звоном колокола. Но на этот раз штраф установлен в размере 50 су в пользу служащего, который констатирует нарушение.

Из всех звонов, бывших в употреблении в продолжение минувших веков, биржевой звон, поддерживавшийся наиболее регулярно и достигший до нас, почти непрерывно употребляется. Даже в продолжение 19 ст. мы находили приказы по этому предмету. Так, в префиале 11 года мэр Антверпена приказывает, чтобы биржа была открыта ежедневно, исключая воскресений и праздничных дней, с полудня и до половины второго. Звук колокола, помещенного в здании биржи, возвестят момент открытия и закрытия биржи. Колокол будет звонить в продолжение 5 минут, приводимый в движение консержем, поставленным для присмотра за биржевым помещением.

В настоящее время, биржевой колокол звучит еще, но завсегда, платя годовой налог, глухи к его призыву и для открытия и закрытия ввели режим полной свободы.

Второй небольшой колокол ежедневно можно слышать в антверпенской бирже, призывающий биржевых маклеров к котировке ценностей.

Кроме того, во многих обстоятельствах жизни Антверпена колокольный звон или скорее звонки играли большую роль. Магистрат всегда выступал при помощи приказов для того, чтобы урегулировать употребление и благовременность этого звона. Очень давно еще в Антверпене было в употреблении возвещать публичные торги при помощи специальных ручных звонков.

Действительно, в начале 16 века, когда кто-нибудь хотел продать дом или какое-нибудь имущество, когда надо было ликвидировать вследствие чьей-нибудь смерти какое-либо предприятие, торги возвещались при помощи известных билетиков, которые раздавались в церквах около кафедры. Затем посылали по улицам мальчиков, обязанность которых состояла в том, чтобы на каждом перекрестке звонили в особый колокольчик о предстоящих торгах. То же самое употреблялось, когда дело шло о розыске какого-нибудь потерянного предмета: драгоценности, ключей, кошелька или... ребенка!

Но эти способы были, в общем, малопрактичны; импровизированные звонари клали в карман заработок и звонили мало или совсем не звонили; церковные билетики попадали только некоторым.

Вот почему магистрат решил вмешаться и издать приказ от 26 ноября 1538 г., опубликованный от имени бургомистров, старост и Совета, чтобы на будущее время торги возвещались присяжными звонарями.

В Антверпене, во время плавки Carolus, самого большого колокола башни собора Богоматери, литейщик Guillaume de Moor, после того, как предприятие было закончено, ко всеобщему удовольствию, употребил раскаленную оставшуюся бронзу на выделку двух маленьких колокольчиков. Этот обычай вошел в употребление и был применен во время отливки других колоколов.

Образец такого колокольчика сохранился до нашего времени. Он отличается тонкостью и художественностью исполнения, им пользовался, при исполнении своих обязанностей, бургомистр Guillaume van Liere, и который в последнее время включен в богатые коллекции музея древностей Сити. Был еще другой колокол, звон которого так был знаком беднякам – это колокол, в который звонили во время раздачи торфа, называвшийся turflok.

В бельгийских монастырях, кроме религиозных звонков, существовали еще другие, имевшие большое значение. Когда монахи и монахини должны были принять какое-нибудь решение, они собирались на совет, и это собрание могло состояться только после предварительного звона, предназначенного предупреждать и собирать всех, имеющих право присутствовать на этих торжественных заседаниях.

В настоящее время в Бельгии хотя и нет особенно выдающихся колоколов, однако бельгийцы и до сих пор любят слушать колокольный звон. Некоторые монастыри имеют отличных виртуозов звонарей, слушать игру которых съезжаются в праздничные дни жители окрестных мест.

Рассказывают про одного звонаря, который всю свою жизнь посвятил изучению колоколов, изучил малейшие оттенки звуков и теперь разыгрывает на них целые сложные мелодии.

Способ раскачивания колоколов во многом мешает ему, но, несмотря на это, он все же великолепно справляется со своей задачей и приводит в восхищение многочисленных слушателей.

В другом монастыре есть звонарь, который при помощи особых молотков играет на колоколах чрезвычайно трудные пьесы, быстро и ловко перебегая от одного колокола к другому и ударяя по ним в разных местах, отчего происходят всевозможные оттенки звуков.

Знайки считают его игру высокохудожественной, но говорят, что она недостаточно сильна и слышна только вблизи⁶²⁵.

В Италии лучшие и наибольшие колокола находятся в Риме, из которых некоторые принадлежат новому времени. Среди старых колоколов собора св. Петра находится один 13 столетия с надписью; он слит в 1786 году и весит 280 центнеров (700 пудов), колокол внешне очень красив, но не имеет хорошего звука.

На Капитолии находится колокол в 175 центнеров (437 пудов), который слит, судя по надписи, папою Пием 7 из изъятых из обращения монет.

Известны также своими колоколами Лоретто и Парма. Знаменитый Миланский собор имеет колокол в 300 центнеров (750 пудов).

В верхней Италии много старых колоколов похищено французами во время их походов⁶²⁶.

В Нидерландах колокола не превышают 200 центнеров; самый большой находится в Брюгге, слит в 1680 году и весит 200 центнеров (около 500 пудов)⁶²⁷.

В Германии сохранились колокола от древнейшего времени. Самый древний – 1144 г. в Иггенсбахе, в Нижней Баварии.

Колокола 13 и 14 веков встречаются в Германии в значительном количестве. Описание большинства колоколов Германии издано с указанием года отливки, мастера и украшений, на нем находящихся. Больших звонов по весу в Германии встречается мало.

Способ звона в колокол качанием самого колокола очень затруднителен для больших.

Колокол в соборе Erfurt'a, отлитый в 4-й раз в 1497 году, весом около 850 пуд[ов], требует для звона 16 человек и то звон получается недостаточно сильным; для правильного звона необходимо 24 человека, которые раскачивали бы колокол.

Наибольший колокол в Германии «Kaezer Glocke» из Кельна, как это было уже сказано, он переливался 3 раза, но все же недостаточно хорошо). Он был рассчитан на С (До), но вышел между Cis (Ре#) и D (Ре), и украшен с одной стороны изображением св. Петра с латинским стихотворением под ним, с другой стороны – Германский герб с немецким стихотворением. Вверху имеется в 3 ряда латинская надпись. Колокол долгое время пытались безрезультатно привести в качание, и даже получил он названия «Большой Молчальник» и «Немой Кельна».

Доктор Отте, описывая этот колокол и упоминая, что в него почти не звонят, потому что получается неравномерный, неприятный звон при качании его, замечает: «Если не от русских и китайцев, то от испанцев и англичан мы могли бы научиться, без ущерба для немецкого национального чувства, что колоколами такой огромной величины можно пользоваться не с помощью раскачивания, а только посредством ударного звона»⁶²⁸.

Продолжительные попытки привести колосс в равномерное качание при звоне до последнего времени не увенчались успехом и вызвали не только разочарование, но и насмешки над «Большим Молчальником» или «Кельнским немым».

Из числа других больших колоколов в Германии славится своей красотой и древностью колокол Эрфуртского собора Gloriosa, перелитый в 1497 году из двух старинных колоколов; он весит 275 центнеров (987,5 пудов).

Его закругленный и полный звук очень красив и дает мажорный аккорд Ми, он вместе с другим колоколом Vincentia, имеющим сильный, далеко слышный звук, составляет достопримечательность Эрфурта, и оба приносят довольно значительные доходы клиру, как предметы обозрения для туристов.

Оба эти колокола удерживали положение царей колоколов Священной Римской империи более двухсот лет, но затем их превзошел величиною колокол на башне Св. Стефана в Вене.

В Швейцарии не имеется колоколов значительного веса. Наибольший колокол находится в Берне в церкви Св. Винцента. Он вылит в 1611 году и весит около 700 пудов.

В 1408 году по окончании блестящего Констанского собора, вновь выбранный папа Мартин У на обратном пути в Италию, в Шафгаузене посетил монастырь Всех Святых.

Здесь он приказал, в память своего посещения, каждую пятницу в 11 часов утра звонить в большой «Musterglocke» в воспоминание о Том, который оставил на Голгофе свою жизнь за грешное человечество. 60 лет исполнял этот колокол свою обязанность, но затем дал трещину. Его место в 1486 году заменил другой с надписью: «Vivosvoco. Mortuos plango. Fulgura fraugo».

Четыреста лет звонил этот колокол каждое утро в 11 часов. Это был тот колокол, надпись с которого [Ф.] Шиллер взял эпиграфом для своего бессмертного стихотворения «Песнь о колоколе». С годами у него отбилась край, и колокол теперь стоит позади церкви как памятник Шиллеру. На колоколе 2 надписи вверху: «Vivos vocomortuos plango. fulgura fraugo. miserer domine populoquem. redinisti. sangoine. xuoanno domini. m. seec. LXXXVI».

Нижняя надпись говорит о его происхождении и крещении: «Osanna heis. ich. in dem. pamen. gosward. ich. in».

На этом кончается надпись, остальное откололось. Кусок колокола откололся еще в 1700 году, но колокол продолжал звонить до 1895 года. В этом году колокол замолк, но песнь о нем не умолкла, благодаря надписи, которую [Ф.] Шиллер взял для своего стихотворения, как он это писал Гете в письме от 7-го июля 1797 года.

Вот как описывает [Ф.] Шиллер литье колокола:

Утвердивши форму в глине,
Обожженную огнем,
Выльем колокол мы ныне.

Ну! Живей, друзья, начнем!
Медь дружнее плавь,
Олова прибавь,
Чтобы с силой надлежащей
Медь лилась струей кипящей.

Далее поэт изображает значение колокола в различные моменты нашей жизни следующими выразительными стихами⁶²⁹:

И звук пойдет к столетьям дальним
И многим смертным слух пленит,
Застонет жалобно с печальным
И в хор мольбы соединит.
Чтобы земнородным ни послала
Судьба, свершая свой закон,
Про все звучит венец металла –
И поучителен им звон.

Звон раздается и тогда, когда человек «вступает в область бытия», когда наступает «любви пора младая».

Свеж, душист венок любовный
У невесты вокруг кудрей,
В час, как благовест церковный
К торжеству зовет гостей.

Тот же колокол возвещает людям и о невзгодах, и о печали:

Чу! на башне бьют набат!
То пожар!

Словно жар,
Небо рдеет:
Но не утро то алеет.

Чу! тревога...

Стук и гром...

Дым кругом...

А в другое время:

С колокольни,

Будто стон,

Похоронный

Льется звон.

Грустно стонет меди звук унылый

Над отшедшим в дальний путь могилы.

Так колокол звучит человеку в течение его жизни, как глашатай о чем-то важном, значительном. Поэт заканчивает песнь свою вдохновенным изображением общего назначения колокола:

Под пологом святой лазури,
Над низкой жизнью земной,
Да будет он в соседстве бури
Граничить с звездной стороной.
Да будет свыше он глаголом
О том, как звездный хор поет
Песнь Богу пред Его престолом
И в вечность сводит старый год.
Из медных уст его да льется
Лишь весть о вечном и святом,
И время каждый час коснется

В полете до него крылом.
Да будет он судьбы законом,
И сам без сердца, без страстей,
Сопровождать да будет звоном
Игру изменных наших дней.
Когда же, грянув в час полночный
И слух встревожа, замолчит,
Да учит нас, что все непрочно,
Что все земное отзвучит.

В Австрии известен своими размерами колокол на башне церкви св. Стефана в Вене, весом в 989 пудов. Высота его 10 футов, в окружности 32 фута 2 дюйма. Первый раз в него зазвонили в 1712 году 27 января по случаю въезда в Вену императора Карла VI. Для того, чтобы привести в движение этот колокол, потребовалось двенадцать человек. Вес его на надписи обозначен в 30.000 фун[тов] (750 пуд[(ов)]), а по свидетельству патера *Reifenstuhl* – доходит до 324 центнеров 31 фун[та] т.е. 810 пудов 31 фун[та]. В устах народа он получил название *Schustermichl* (Башмачник).

На нем находятся рельефные изображения св. Иосифа и Лесопольда, непорочного зачатия Пр. Девы и государственного герба. Нижний край украшен лиственной резьбой и на нем приведены четыре различные латинские надписи.

В последнее время в этот колокол более не звонят, так как башенная пирамида шатается при этом на 15 и 20 сантиметров.

В Португалии наибольший колокол, около 1250 пудов, находится в Лиссабоне.

В Испании колокола не раскачивают, а в них ударяют, как у нас.

В Сан-Яго ди Компостеля называют большой колокол в 300 центнеров (750 пудов), а самым большим в Испании считается колокол в Толедо. В *Velilla* колокол прославился самопроизвольным звоном.

В Испании звонят в колокола так же, [как и у нас –] лишь ударяя языком о колокол. Старинных колоколов почти не осталось, так как во времена секуляризации, т.е. «обмирщения» – переход от духовной к светской власти, огромное количество колоколов было отправлено в Англию.

В Швеции есть оригинальный по материалу колокол из стекла (в Упсале), издающий превосходный звук, диаметр его равен 7 английским футам.

В Болгарии употребляют при богослужениях церковный *звонец*, в виде колпака, с язычком внутри; в этот звонец ударяют в некоторых случаях, например, по совершении освящения св. даров, как у нас ударяют в колокол на «Достойно».

В Абиссинии вместо колоколов употребляют в церквях глиняные тазы, в которые ударяют особой колотушкой. Звук получается глухой и довольно слабый.

У нехристианских народов колокола встречаются, пожалуй, даже ранее, чем у христиан, [например, у] китайцев, японцев-буддистов[; при этом –] в большом количестве и значительного веса. Звонят в них, ударяя деревянными колотушками, и благодаря их цилиндрической форме звук негармоничен. Размеры их далеко превосходят размеры колоколов в Западной Европе. Так, в Пекине имеется 7 колоколов, весом каждый до 3000 пудов.

Китайцы подвешивают колокола не только снаружи, но и внутри храмов.

Мусульмане не имеют колоколов в своих минаретах.

В Париже, в Луврском музее имеется довольно большая коллекция колокольчиков 15 и 16 вв. самых разнообразных форм и материала, начиная от маленьких звонков и кончая церковными колоколами до 5 пуд[ов] весу. Из них несколько китайских и буддийских, а также и православных.

Перед завесой Бурятского храма стоит стол со свечами, курильницами, *колоколами* и разнородными жертвоприношениями⁶³⁰.

В средневековых легендах Западной Европы рассказы о колоколах занимают видное место. Звон колоколов является в них молящимся то радостным, то гневным. Иногда колокола звонят сами, без помощи людей, что обыкновенно считается предвестием какого-нибудь народного бедствия – пожара, моровой язвы, войны и пр.

Каменные, чугунные, железные, серебряные

В 19 веке заметно стремление заменить дорого стоящий бронзовый сплав для колоколов каким-либо другим более дешевым металлом, например, сталью. Но попытки эти нельзя назвать удачными, так как звук их резкий и они непрочны, хотя некоторые церкви Западной Европы и имеют стальные колокола, у которых железные языки устроены с бронзовыми подушками для мягкости звука.

Попытки заменить чем-нибудь колокольный металл встречаются в древности – правда, довольно редко. В Пекине имеется колокол из чугуна, в Тотье из стекла, в Брауншвейге при церкви св. Власия хранится как редкость один деревянный колокол, очень старый, около трехсот лет, называвшийся некогда *колоколом св. пятка*, он употреблялся во времена еще католицизма, и в него звонили на страстной неделе. В Абиссинии из глины и в Соловецком монастыре даже из камня⁶³¹. Известен чугунный колокол, отлитый в Женеве в 1610 году.

Таких каменных колоколов в Соловецком монастыре имеется всего только два. Каким образом они попали в монастырь, неизвестно, вернее всего, что они сделаны на месте братией в то время, когда еще медных колоколов не было в монастыре. Есть основание предположить, что идеей для создания колокола послужило древнее каменное же клепало (сделанное преп. Зосимой).

Нигде в другом месте, насколько нам известно, каменные колокола и била не употреблялись.

Чугунные колокола встречались и в России; так, например, такой колокол находился в Досифеевой пустыне на берегу реки Шексны.

Кто был этот Досифей – неизвестно. Рассказывают, что, когда Иван Васильевич Грозный путешествовал в Кириллов монастырь, на обратном пути он вышел на берег Шексны и в дремучем лесу встретил старца Досифея и посетил его келью. Он велел ему построить церковь и обещал помочь.

Действительно, в Москве он вспомнил свое обещание и прислал в Досифееву пустынь *чугунный* колокол. Колокол этот сохранился до нашего времени и недавно передан известным ученым Е.В. Барсовым в Московское Археологическое общество, где он теперь и находится⁶³².

Позади церкви во имя Архангелов в селении Пхотрери (Сванетия)⁶³³ висит чугунный колокол западного изделия, тут же большая сигнальная труба.

В недавнее время сооружен в Харькове, единственный во всем мире, колокол из чистого серебра, конечно, с необходимой лигатурой. Этот колокол предназначен для Успенского Кафедрального собора и сооружен по мысли архиепископа Амвросия в память избавления царской семьи во время крушения поезда близ станции Борок.

Он имеет аршин с четвертью высоты и весит 17 пудов 35 фунтов; на лицевой стороне его находятся вензелевые изображения Государя и Государыни, а под ними расположены пять медальонов с подписями славянской вязью: Николай, Ксения, Георгий, Ольга и Михаил. На оборотной стороне подпись, кто соорудил колокол, а вокруг вала отмечено событие, в ознаменование которого колокол отлит.

Средства для сооружения этого колокола собраны среди духовенства и других сословий Харьковской епархии. Каждый день, в час крушения императорского поезда, производится благовест в этот колокол⁶³⁴.

В Руане находится колокол, долгое время считавшийся серебряным. Жирарден, анализировавший его, говорит, что присутствие в больших колоколах драгоценного металла сомнительно. Он думает, что литейщики вместо того, чтобы бросать приносимые им драгоценные металлы в тигли, заставляли жертвователей бросать их прямо в огонь. «Благодаря этому серебряная масса вместо того, чтобы быть

прибавленной к бронзе, оставалась в золе, откуда Литейщики и вытаскивали ее, как только церемония кончалась и Мастерская пустела»⁶³⁵.

Легенда о серебряном колоколе

В Ярославле сохранилась легенда о колоколе церкви свв. Петра и Павла, который народная молва считает серебряным.

Седой стариною дышит эта церковь.

Стоит она на горе, далеко бросаясь в глаза своими серебряными главами, сделанными в глубокую старину «на панцерный лад».

И архитектура церкви, и облицовка ее цоколя обливными очень древними изразцами с цветами, травами и узорами показывают, что церковь эта почти ровесница старинному городу князя Ярослава.

Залюбоваться можно картиною красавца-города из-под Волги – так он наряден, чист, живописен и вместе с тем величав, сияя золотыми главами и крестами своих древних храмов.

Когда в праздничный день или вечером накануне праздника зазвонят в колокола на пятидесяти двух ярославских церквях, то звон этот несется далеко-далеко по Волге, и прежде, – когда тишину Волги не нарушали еще непрерывные свистки пароходов, – звон ярославских церквей слышен был почти за сорок верст, – известно, что по воде звук летит очень далеко.

Громко гудит древний колокол на Успенском соборе Ярославля, еще могучее раздается звон колокола в церкви св. Власия, – колокола, вылитого на средства жителей Ярославля в шестидесятых годах и имеющего около двух тысяч пудов веса.

Много и других больших и громогласных колоколов в Ярославле, но всех слышнее, всех звонче гудит колокол на церкви свв. Петра и Павла, далеко разносясь своим «малиновым звоном».

У колокола этого звон нежный и мягкий, как у серебра, и, по преданию, он весь почти вылит из этого благородного металла. Если и есть в нем медь и бронза, то лишь настолько, насколько требуется это колокольно-литейным мудренным делом.

О колоколе этом существует предание.

Давным-давно жил, будто бы, в Ярославле богатый купец. Разбогател он не столько от торговых оборотов и от судов, которые плавали у него по Волге до самого Каспийского моря, а от различных темных дел: притеснял он бедняков, не жалел ни старого, ни малого, «снял рубашку с пахаря, крал у нищего суму».

Случалось, будто бы, ему выезжать со своими приказчиками на Волгу в глухие ночи и грабить торговых людей, которые из Рыбинска отправляли товары к Макарию или же ехали оттуда с вырученными капиталами.

Большие богатства накопил купец, и лежали у него деньги не только в мешках, а даже в хлебных закромах; туда же он сваливал и нажитые нечестным путем серебряные чары, енды и братины. До глубокой старости беспечально жил купец, но должно быть судьба задумала покарать его за злые дела, – и вот скрылся неведомо куда единственный сын его, молодец писанный, умница, в торговых делах удачливый, в обхождении с людьми ласковый да обходительный. Говорили люди, что не нравилось молодому купеческому сыну в родительском доме, построенном на людской крови да слезах, и что скрылся он куда-то, бросив отцовское богатство.

Сильно тосковал по сыне своем осиротелый купец, переменился, бросил свои нехорошие дела, стал другом всех бедных и угнетенных, принялся жертвовать на церкви и монастыри, принялся кормить нищую братию, а из награбленного серебра приказал отлить большой колокол, который и водрузил на колокольне своего приходского храма.

– Пусть этот серебряный колокол, – говорил купец, – звонит о моих злых делах, молитвами несется к престолу Всевышнего и пусть когда-нибудь серебряный звон его

долетит до слуха моего сына, который может и вернется ко мне, хотя бы для того, чтобы закрыть мои очи в смертный час.

И исполнилось желание старика, – вернулся сын из далеких стран, словно действительно вызванный звоном серебряного колокола. Вернулся, как библейский блудный сын, до земли поклонился отцу, совершенно преобразившемуся теперь, стал утешением его старости, закрыл ему очи в смертный час, а потом жил до глубокой старости, сделавшись истинным другом всех несчастных, горьких и обремененных.

Потомки этого купца и до сих пор живут и благоденствуют в городе Ярославле.

Ярославцы верят, что звон их древнего серебряного колокола не только приятен каждому гражданину, но слышится и тем из ярославцев, которые покинули свой родной город навсегда, забыли его, забыли обязанности по отношению и к родному городу, и к своей семье. Будто бы мерещится этот звон ярославцу, живущему на чужой стороне, манит его на родину и призывает к исполнению долга гражданина и семьянина.

Таково ⁶³⁶ предание о колоколе древнего храма свв. апостолов Петра и Павла в Ярославле.

* * *

Попадались в России и железные колокола, как полагают некоторые, по недостатку меди, а другие приписывают неумению лить.

Но эти предположения едва ли справедливы: в России вообще не ощущался недостаток в меди, что же касается до литейного искусства, оно еще в глубокой древности было известно русским.

В наших былинах очень часто говорится о *медной палице*.

«А изыли палицу медную
А и тяжку литу в триста пуд...»⁶³⁷

Точно также и летописи указывают, что литейное искусство процветало в Древней Руси.

Что же касается до появления железных колоколов, то вернее всего, что они были сделаны для пробы.

В описании Обнорского монастыря XVII столетия упоминается о восьми таких колоколах, сделанных из листового железа⁶³⁸.

«Золоченые» колокола имеются, кажется, только в городах Кургане, Тобольской губернии, и Таре, в Сибири, при церкви Казанской Божией Матери. Их там шесть; все они небольшие от 1 до 45 пудов. Вызолочены они тарским мещанином Семеном Можайтиновым, по следующему случаю.

Любимый брат этого мещанина, быв по торговым делам в степи, попался в плен к киргизам; брат, узнав об этом, дал обет, что если пленник благополучно возвратится из плена, то он позолотит колокола.

Брат вернулся и горячность братской любви заставила выполнить данный обет. По другим рассказам этот Можайтинов позолотил колокол из любви к церковному благолепию.

Часть 2. В поисках гармонии

Форма и звуки

По форме колокола бывают трех главных типов: русского, западноевропейского и китайского.

Самая главная и распространенная форма наших колоколов, в которых диаметр колокола равняется его высоте с маткой, составляющей, в свою очередь, одну седьмую часть высоты.

В верхней части диаметр колокола равен половине нижнего диаметра. Поперечник верхнего пояса, при начале надписей или украшений, составляет около $\frac{2}{3}$ нижнего поперечника.

Никифор Тологанов, путешествующий в Грузию в 1650 году, пишет: «А около соборной церкви Кутатиса (Кутаиса) колокольня каменная круглая, а на ней один колокол пудов в восемь, в нем *два языка*»⁶³⁹. Для чего у этого колокола было два языка, неизвестно. Описания других колоколов с двумя языками нигде больше не находится.

Форма китайских колоколов сходна отчасти с индийскими и японскими, и отличается большею сжатостью снизу; диаметр основания только немного больше диаметра верхнего пояса и почти вдвое менее высоты. Другое отличие их – полукруглые или острые городки, украшающие края их. Китайские колокола некрасивы, звук их глухой и непродолжительный. Они часто бывают покрыты надписями, буддийскими изречениями и проч. Звонят в них, ударяя деревянными молоточками.

Благодаря неудачной форме и отсутствию в нижней части расширения, звук их, как было уже сказано, глух и негармоничен. Вероятно, для того чтобы улучшить их звук, по нижнему краю их устраивают отверстия. Их употребление связано не только с культом, но и с гражданскими целями. По свидетельству иезуита Verbiest'a, в Пекине есть семь колоколов, из которых каждый весит 120.000 фунтов (3.000 пудов). Слетевший в Нанкине большой колокол измерен и описан иезуитом Le Comte. Отливку его он находит нечистой и шершавой, вес его определяется в 50.000 фунтов (1.250 пудов)⁶⁴⁰.

На рис. (с. 20) показан бронзовый священнический колокольчик 11–12 века из храма Gokoкоуѣ в Токио. Чистота отливки и сложность орнамента показывают, как высоко стояло литейное дело в Японии.

В конце XX столетия проглянуло стремление изменить общепринятую форму колоколов. Устраивались вместо колоколов толстостенные медные цилиндры, которые подвешивались за один *конец*, а по нижнему ударял молоток. Длинною цилиндра подгоняли те или другие тона⁶⁴¹.

Инструментальный мастер г-н Апун в Германии предложил чашеобразную форму для колокола с утолщенными краями, подобно магометанским колоколам. Этой формой он хотел достичь одного тона в колоколе, так чтобы при звоне нескольких колоколов получилось бы определенное гармоничное созвучие.

Существующая форма колоколов, построенная по общепринятому расчету, дает при ударе всегда три тона. Основной – получается в ударном месте, затем 2-й тон – в середине колокола и 3-й вверху, на октаву выше основного.

Обыкновенно при постройке колокола придерживаются в расчетах того или другого гармоничного трезвучия. Но гармоничное при ударе одного колокола – оно не всегда будет гармонировать с тонами другого колокола, ударенного одновременно. Избежать этого трезвучия и стремился г-н Апун, он достиг этого при чашеобразной форме, но дальнейшие изыскания прекратились с его смертью.

Музыка звонов

Русские люди еще в глубокой древности обращали внимание на гармоническое сочетание колокольного звона.

Каждый звон имел свое назначение – печальный похоронный звон или звон веселый – красный, когда возвещалась народу какая-либо радость, великий праздник, победа, избавление от опасности, проявление чуда, въезд царя и проч.

Несмотря на то, что у нас в России, особенно в прежнее время, и при построении колокола совершенно не обращалось внимания на законы акустики, многие звонари, особенно по монастырям, даже из этих колоколов извлекали более или менее определенную мелодию.

Такой звон заменял в Древней Руси музыку, так как, кроме гуслей, не было почти никаких иных музыкальных инструментов.

Являлись своеобразные артисты, поражавшие своим искусством и виртуозностью слушателей.

Наша народная литература упоминает об одном таком артисте:

«А у нашего Христова Благовещенья честнаго

А былу нас-де Иван пономарь,

А горазд-де Иванушка, он к заутрени звонить»⁶⁴².

Да и до сих пор встречаются такие виртуозы, которые из колоколов разной величины извлекают различные по тону звуки и соединяют их в одну определенную гармонию.

От сильного и частого звона звонари нередко глохнут, и чтобы сберечь слух, многие из них во время звона кладут в уши круглые ягоды, например, рябины, калины и клюквы, другие затыкают уши просто ватой. В женских обителях женщины-звонарихи звонят с открытым ртом.

Особенно мелодическим звоном славится Саввино-Сторожевский монастырь и Троице-Сергиевская лавра, где искусство звонить передается преемственно от одного пономаря другому.

Такой звон, говорят русские люди, невольно отрывает все мысли и помыслы от земли и уносит их в поднебесную высь и наполняет сердце радостным светлым чувством, как будто в него вливается небесная гармония, отголоски далекого рая.

И до сих пор, услышав церковный благовест, русский человек набожно крестится и вспоминает о Боге.

В этом заключается огромное моральное значение церковного звона, так как он не дает засыпать совести и душе, постоянно напоминая ей о вечной правде, о великой христианской любви и о бытии Божиим.

Недаром некоторые колокола называются *благовестниками*, и звон в них наполняет душу радостью и надеждой.

На одном из таких колоколов находится следующая надпись: «Благовестуй миру радость велию».

Конкурс звонарей в Брюгге

«Звонарь» (Le Carilloner), этот, едва ли не лучший, роман Ж.Роденбаха начинается красивыми страницами, посвященными описанию конкурса звонарей в Брюгге. Религиозный Брюгге высоко ставит искусство заставить красиво звучать колокола своих церквей.

Вот как описывает Роденбах этот конкурс: «Большая площадь Брюгге, обыкновенно безлюдная – на ней только Изредка появлялись прохожие: дети бедняков, бесцельно бродившие по городу, священники и бегинки, – внезапно переполнилась волнующимися группами, черными островками, разбросанными на сером фоне. Толпа все прибывала.

Конкурс звонарей должен был состояться в первый октябрьский понедельник, в четыре часа дня. Должность городского звонаря была вакантной после кончины старого Бавона де-Воса, с честью занимавшего свой пост в течение двадцати лет. В этот день надлежало избрать его заместителя, согласно обычаю, после публичного конкурса: сам народ выбирал его, приветствуя победителя. Ввиду этого конкурс был назначен на понедельник: этот день служил продолжением воскресного отдыха, так как по понедельникам работа везде кончалась в полдень. Благодаря этому, избрание могло быть всенародным и единомышленным. Так и должен быть избираем звонарь. Колокольный звон – народная музыка.

В кипучей жизни столиц украшением народных празднеств, волшебной силой, воспламеняющей души, служат фейерверки. В задумчивой Фландрии, окутанной сырým туманом, не позволяющим развлекаться игрой огней, колокольный звон заменяет их. Он представляет собой фейерверк, доставляющий наслаждение *при помощи слуха*. Слух передает ясновидящему взгляду блеск взрывающихся ракет и тысячи звуковых искр, сверкающих в воздухе.

Толпа все прибывала. Из прилегающих к площади улиц – из улицы Шерстобитов и Фламандской улицы – поминутно появлялись новые группы и размещались на площади. Солнце уже заходило: дни уменьшались, наступала осень. Оно озаряло площадь нежно-янтарным прощальным блеском. Суровый, таинственный четырехсторонник мрачного здания Рынка казался сложным из теней ночи, слабо сиявших бронзовым блеском.

Что касается колокольни, возвышавшейся над всеми крышами, то она – противостоявшая солнцу – вся тонула в его блеске. Поднимаясь над черным основанием, она казалась розовой, словно окрашенной. Солнечный свет переливался и струился. Он обвивал колонки, готические арки окон, резные башенки, все каменные выступы. Он расстилался волнистыми пеленами, сияющими знаменами. Благодаря ему, массивная башня, мрачно возвышавшаяся над землей, темно-кровавая, словно покрытая пылью веков, казалась оживленной и прозрачной... Заходящее солнце отражалось на ней, как на поверхности воды: круглый раззолоченный циферблат башни, был подобен блестящему диску солнца.

Взгляды толпы, спокойно и почти безмолвно ожидавшей начала конкурса, были устремлены на этот циферблат. Толпа представляет собой сумму настроений, владеющих каждым из составляющих ее людей. В данном случае, все присутствовавшие были погружены в задумчивость. Кроме того, люди, находящиеся в ожидании, всегда склонны к молчаливости.

Все обитатели города и предместий, бедные и богатые, собрались, чтобы присутствовать на конкурсе. У всех окон виднелись зрители; выступы крыш, напоминавшие ступеньки узких лестниц, были усеяны людьми. Площадь была вся пестрая и содрогалась от трепета ожидания. Над дряхлым четырехэтажным кирпичным фасадом отеля Бушут, освещенным закатом, блеснул золотой лев. Против него дворец

Правителя выставлял своих каменных львов, геральдических стражей старого фламандского стиля: стиль этот воспроизводился в архитектуре Дворца, представляющей собой соединение серого камня, серо-зеленых стекол, стройных выступов. На площадке готической лестницы, под красным балдахином, находились – чтобы придать еще большую торжественность этой церемонии, связанной с наиболее отдаленными и священными событиями истории Фландрии – Правитель и старосты в форменных мундирах, обшитых галунами.

Приближался час конкурса.

Раздались звучные удары большого колокола. Это был колокол триумфа, скорби, побед и празднеств; он был отлит в 1680 г. и с тех пор не покидал колокольни, отмечая все события своими ударами, подобными биению большого сердца. В течение часа он звонил, созывая. Потом внезапно удары замедлились и смягчились.

Глубокое молчание. Стрелки циферблата, целый день преследующие и убегающие друг от друга, раскрылись, как стрелки компаса. Еще одна-две минуты – и четыре часа!

Тогда во внутренности смолкшего большого колокола тихо зазвучал тихий звон заутрени, аккорды, легкие и мелодичные, как щебетанье пробудившихся в гнездах птиц.

Толпа слушала; некоторые думали, что конкурс уже начался. Но это был механический звон, производимый медным цилиндром, приводящим в движение молоты: таково устройство музыкальных ящиков. Этот механизм соединен с клавиатурой, пользуясь которой музыканты вступят в состязание.

В ожидании этого момента была сыграна прелюдия, обыкновенно предшествующая звону часов – серебристые узоры, цветы, сотканые из звуков, бросаемые, как прощальный привет вслед уходящему времени.

Возбудить нежную радость, чтобы смягчить мысли о смерти часа, еще одного часа – не для этого ли играли прелюдию?

В воздухе прозвучали четыре удара, отчетливые, торжественные, неумолимые: они, казалось, пригвоздили крест. Четыре часа! Это был час, назначенный для начала конкурса.

Толпа заволновалась. Ей овладело легкое нетерпение...

У одного из окон Рынка – у окна, находившегося поблизости от пьедестала, разукрашенного листьями и головами оводов, на котором поставлена статуя Мадонны, – появился герольд, облаченный в пурпур. Громким голосом он объявил об открытии конкурса звонарей города Брюгге: из этого окна всегда провозглашались законы, указы, мирные трактаты и постановления, регулировавшие жизнь общины.

Толпа застыла в немом ожидании.

Только немногие знали подробности: записались звонари из Мехелена, Обенарда и Геренталя и еще другие, которые, впрочем, может быть, откажутся; могут явиться и непредвиденные кандидаты, так как записываться не воспрещалось до последней минуты.

После объявления конкурса открытым, раздались три торопливых удара большого колокола, подобные трем ударам, предшествующим Angelus'у. Состязание началось.

Послышался перезвон. Это уже не было автоматической музыкой. Теперь чувствовалась произвольная, свободная игра, вмешательство человека, пробуждавшего колокола один за другим, заставлявшего их содрогаться, ласкавшего их, сопровождавшего их, как пастырь сопровождает стадо. Начало было недурно, но потом все было испорчено: один колокол задрезжал, другие или слишком торопились, или замолкали.

Второй номер был исполнен лучше, но выбор был плачевно неудачен: поппури, составленное из различных мелодий, подобно одежде арлекина или прыжкам клоуна на трапеции, прикрепленной к вершине колокольни.

Толпа ничего не поняла и осталась безучастной.

Из нескольких групп послышались жидкие аплодисменты, длившиеся не больше минуты; казалось, что захлопали вальками по воде.

После перерыва снова прозвучали три удара большого колокола. Выступил второй кандидат. Он проявил больше искусства, но скоро утомил колокола, заставляя их рычать Марсельезу или God save the Queen... Он тоже не имел успеха. Разочарованная толпа стала думать, что никто не в состоянии заменить старого Бавона де-Воса, в течение многих лет достойно исполнявшего свою обязанность.

Следующий кандидат произвел еще более тягостное впечатление. Ему пришла в голову несчастная мысль быстрым отрывистым темпом сыграть обрывки из опереток и кафешантанских песенок. Колокола прыгали, кричали, смеялись, словно их щекотали, спотыкались, как если бы они немножко подвыпили и обезумели. Толпа сначала удивилась, потом оскорбилась за свои милые столетние колокола. Послышались негодующие, возмущенные крики...

Остальные два кандидата испугались и отказались. По-видимому, конкурс должен был остаться без результата. Неужели придется отсрочить назначение нового звонаря? Герольд снова появился, вызывая желающих принять участие в конкурсе.

В ответ раздался чей-то голос; из первых рядов толпы, скучившейся перед зданием Рынка, поднялась чья-то рука... Через минуту заскрипела старая дверь: человек вошел.

Толпа вздрагивала, беспокоилась, высказывала всевозможные догадки. Никто ничего не знал. Что же будет? Конкурс уже кончен? Понятно, не назначат ни одного из выступивших кандидатов.

Не вызовется ли еще кто-нибудь? Спрашивали, поднимались на цыпочки, толкались, глядели на окно Рынка и на колокольню, на лестницах которой не то двигались человеческие фигуры, не то перелетали с места на место вороны.

Еще раз прозвучали три удара большого колокола: традиционные три удара, возвещавшие выступление нового кандидата.

Отчаявшаяся толпа стала слушать внимательней, тем более, что на этот раз колокола звучали тихо, заставляя соблюдать безусловную тишину. Слышалась нежная музыка; не чувствовалось слитных или выделявшихся ударов колоколов: это был концерт отлитой бронзы, доносившийся издалека, из глубины веков. Музыка грез! Она неслась не с колокольни – из безграничного пространства неба, из лона времени. Этому звонарю пришло в голову начать играть старинные рождественские песни, фламандские рождественские песни, зародившиеся в сердце расы и служащие зеркалом, в котором она узнает себя. Это было величаво и немного печально, как и все, что прошло сквозь горнило веков. Это была старинная музыка, но ее могли понять дети. Это была далекая и смутная мелодия, словно касавшаяся границ молчания, и тем не менее, каждый воспринимал ее в своей душе. У многих глаза увлажнились: были ли то слезы или мельчайшие серые капельки звуков, застывавшие их...

Вся толпа всколыхнулась. Боязливая и рассудительная, она поняла развевавшуюся в воздухе темную ткань своих собственных грез, полюбив ее смутный смысл.

Серия старинных рождественских песен кончилась. В первую минуту толпа продолжала хранить молчание, словно души присутствовавших были увлечены в вечность звуками колоколов, бывшими на этот раз добрыми прабабками, спевшими им старинные легенды, оборванные сказки, которые каждый мог докончить, сообразуясь со своим желанием...

Раздались взволнованные крики, преисполненные ликования. Они становились все громче, обвивали, как черный плющ, башню, бурными взрывами оглушали нового звонаря.

Он совершенно случайно, в самую последнюю минуту, решился выступить в качестве кандидата. Огорченный ничтожеством своих предшественников, он – неожиданно для самого себя – взвошел на колокольню и очутился в стеклянной комнате,

где раньше часто бывал, навещая своего друга, старого Бавона де-Воса. Не придется ли ему заменить его?

Что делать? Нужно было снова играть. Рождественские песни – это старые скиталицы по дорогам Истории, бегинки, коленопреклоненные в воздухе. Он заставил народ, в ожидании стоявший внизу – совсем внизу, – мысленно соприкоснуться с былыми временами своей славы, преклониться на кладбище своего прошлого... Теперь народ был в состоянии возжечься героическими чувствами.

Музыкант отер пот со лба и сел перед клавиатурой, величественной, как церковный орган, с педалями для больших колоколов и железными стержнями, приводящими в движение маленькие колокола. Это было нечто в роде станка, приспособленного, чтобы ткать музыку.

Он стал играть. Послышались звуки старинной народной песни *Лев Фландрии*. Ее все знали, но в то же время имя ее автора было неизвестно, как было неизвестно имя строителя колокольни, как остаются неизвестными имена людей, в произведениях которых целиком отражается раса.

Столетние колокола помолодели, воспевая отвагу и бессмертную славу Фландрии. Это было, поистине, рычанием льва, зев которого, подобно зеву льва, о котором говорит Священное Писание, полон пчел. Некогда каменный лев находился на вершине колокольни. Казалось, что он снова вернулся, вместе с этой песней, такой же старый, как она, и рычал с колокольни, как из пещеры.

В умирающем блеске заходящего солнца золотой лев отеля Бушут сиял, как живой; против него каменные львы дворца Правителя отбрасывали на толпу все увеличивавшиеся тени. Фландрия со львом! Это был торжествующий крик гильдий и победоносных корпораций.

Он словно вырывался из окованных железом сундуков, в которых хранились хартии и привилегии, дарованные былыми властителями; сундуки эти находились в одной из зал башни... При звуках этой песни воскресала Фландрия со львом! Ритм ее подобен ритму шагов движущегося народа. Она воинственна и одушевлена человеческими чувствами, как лицо человека в шлеме.

Толпа слушала, с трудом переводя дыхание. Нельзя было понять: колокола ли это звонили, и каким чудом звуки, издаваемые сорока девятью колоколами, слились в один – в единодушное пение народа. Колокола – маленькие, с серебристым звоном, и другие, тяжелые, колыхавшиеся, и старинные, отличавшиеся огромными размерами – казались детьми, женщинами в мантиях, отважными солдатами, возвращавшимися в город, считавшимся мертвым.

Толпа это поняла. Слово желая пойти навстречу процессии призраков прошлого, она запела в свою очередь величественный гимн. Пела вся толпа, собравшаяся на большой площади. Пел каждый в отдельности. Пение людей сливалось в воздухе с пением колоколов. Душа Фландрии струилась, как солнечный блеск, между небом и морем.

Опьянение славой прошлого на мгновение воодушевило эту толпу, боязливую, привыкшую к безмолвию, к мертвенности города, застывших каналов, серых улиц, давно уже сроднившуюся с меланхолической кротостью отречения. Но все же былой героизм продолжал еще дремать в душе народа, искры таились в неподвижном камне.

Внезапно в жилах всех присутствовавших кровь потекла быстрее. Как только музыка смолкла, толпа содрогнулась в порыве внезапно охватившего ее безумного энтузиазма. Крики, поднятые руки, махавшие над головами, восторженные восклицания... О! Изумительный звонарь! Он, должно быть – посланный Небом герой рыцарских романов. Он прибыл последним, окованный в латы, победитель турнира. Кто был этот незнакомец, появившийся в эту минуту, когда уже стали думать, что конкурс останется без результата после неудачного выступления первых звонарей... Только

немногие – ближе всех стоявшие к башне, – успели разглядеть его, когда он исчезал за дверью... Его никто не знал. Никто не мог назвать его имени.

Герольд в пурпуре, снова появившись у окна, крикнул звучным голосом: «Жорис Борлюйт!». Это и было имя победителя.

Жорис Борлюйт... Это имя донеслось сначала до первых рядов; потом оно полетело, передаваясь от одного к другому, над бушующей толпой, как чайка над морем.

Через несколько минут дверь Рынка широко раскрылась... Появился красный герольд; за ним следовал человек, имя которого было на устах у всех. Герольд раздвинул толпу, чтобы провести победителя к крыльцу Дворца, где находились городские власти, на обязанности которых лежало утверждение нового звонаря в его должности.

Все расступались, как если бы мимо них проходил некто больший, нежели они, как расступаются перед епископом, когда он, в день процессии, несет реликвию Святой Крови.

Жорис Борлюйт! Это имя продолжало звучать над Большой площадью, на всем ее протяжении; его подбрасывали к фасадам домов, кидали к окнам и выступам, повторяли до бесконечности. Оно стало знакомым, словно было написано буквами в воздухе.

Взойдя на площадку готической лестницы, победитель был встречен поздравлениями Правителя и старост; подтверждая выбор народа, они подписали его назначение на должность городского звонаря. Ему вручили – как награду за одержанную им победу – ключ, разукрашенный железными узорами и массивными медными арабесками. Внушительный, как посох епископа, он служил символическим знаком его избрания. Это был ключ от колокольни. Теперь он мог ходить туда, когда ему хотелось, как если бы она стала его жилищем или он стал ее владельцем.

Когда победитель взял в руки фантастически разукрашенный ключ, его внезапно охватила грусть, всегда являющаяся последним аккордом празднеств. Он почувствовал себя одиноким; им овладела смутная тревога, как если бы он взял ключ от собственной своей гробницы»⁶⁴³.

Конкурс для получения места звонаря, описанный бельгийским романистом, до сих пор не исчез из обихода жизни тихого старого города. Такой конкурс недавно состоялся в Брюгге.

Два дня обычно мертвую тишину города наполнял праздничный говор колоколов. Жюри конкурса заседало в саду одного из городских отелей. Экипажам, чтобы избежать всякого постороннего шума, запрещена была езда по городу. И все городское население по несколько часов в день прислушивалось к звукам колоколов, плывшим с соборной башни.

Звонарь Карэ из романа «Бездна»

[Ж.К.] Гюйсман в своем романе «Бездна» описывает звонаря церкви St. Sulpacie, Карэ, влюбленного в свои колокола, поддерживающего традицию вымирающего искусства, окруженного средневековыми сочинениями о колоколах и совершенно забывшего на своей высоте о жизни, текущей внизу.

Вот как он описывает колокольню St. Sulpacie: «Нагнувшись над пропастью, Дюрталь различал теперь под своими ногами громадные колокола, подвешенные на дубовых, окованных железом поперечинах, массивные колокола из темной бронзы, поглощавшей, ее отражая, лучи света.

А над головой у себя, отклоняясь, он увидел другую бездну и новые сонмища колоколов; снаружи на них были отлиты выпуклые изображения епископов, а внутри отсвечивало золотистым блеском местечко, натертое языком колокола.

Ничто не двигалось; но ветер щелкал лежащими створками резонаторов, крутился в деревянной клетке, выл в изворотах лестницы, врывался в опрокинутые чаши колоколов. Вдруг легкое прикосновение, тихое веяние менее резкого ветра скользнуло по его щекам.

Он поднял глаза, один из колоколов боролся с ветром, начиная раскачиваться. И вдруг зазвонил, закачался и язык его, похожий на гигантскую кочергу, будил в бронзе ужасные звуки. Башня дрожала; закраина, на которой он стоял, колебалась, как пол идущего поезда. Чудовищное рычание лилось непрерывно, разбиваемое грохотом и треском новых ударов.

Он напрасно исследовал потолок башни; он никого не нашел; наконец, заметил ногу, протянутую в воздухе и раскачивающую две деревянные педали, привязанные снизу к каждому колоколу. Он почти лег на балку и рассмотрел, наконец, звонаря, качавшегося над бездной, придерживающегося руками за две железные скобы, устремленными к небу взором».

Далее Гюйсман устами звонаря Карэ говорит: «Знаете ли, с колоколами в католическом мире уже кончено, или вернее – звонарей нет больше. Сейчас звонят мальчишки угольщики, кровельщики, каменщики, бывшие пожарные, нанятые за франк на площади. Вот, – продолжал Карэ, указывая на обломок старого колокола, – это лом очень старинного колокола, который давал звуки, не имеющие себе подобных, – это был небесный звон!

– Колокола, – продолжал он, – настоящая церковная музыка!

Они вышли как раз над площадкой в большую крытую галерею, над которой поднимаются башни, Карэ, улыбнулся и показал целый набор маленьких колоколов, размещенных на доске между двумя столбами. Он дергал веревки, вызывая из меди хрупкий перезвон и, восхищенный, прислушивался к легким переходам нот, поглощаемых туманом. Внезапно он отбросил веревки.

– Когда-то мной завладела мысль, – сказал он, – захотелось воспитать здесь учеников; но никому нет охоты изучать ремесло, которое дает все меньше и меньше: теперь даже на свадьбах не звонят, и никто больше не влезает на башни».

Далее, один из героев Гюйсманса, Эрми, говорит про звонаря: «Карэ продержится еще несколько лет. Католическое духовенство уже допустило провести в церкви газ и кончит тем, что заменит колокола сильными звонками. Будет очень мило: электрические провода свяжут их; получится настоящий протестанский звон, короткий призыв, резкое приказание. Карэ погибнет, потеряв свои колокола. А все-таки забавно, – такая привязанность человека к вещи, которую он сам оживляет. Положим, колокол, правда, особый инструмент. Его крестят, как человека и освящают миропомазанием; согласно параграфу требника, епископ освящает внутренность его чаши семью крестообразными

помазаниями освященным маслом, его утешающий голос доносится до умирающих и поддерживает их в минуты последнего ужаса.

Притом колокол – глашатай церкви, ее внешний голос; как священник – голос внутренний. Это не просто кусок бронзы, перевернутая и качающаяся ступка. Прибавлю, что колокола с годами становятся лучше; их пение делается полнзвучнее и шибче; они теряют едкий букет, незаконченность звука. Этим, отчасти можно объяснить, что к ним привязываются».

Далее, другой герой, Дюрталь, замечает: «– Я знаю, наверное, только то, что живя в монастырском квартале, на улице, где воздух с раннего утра колеблется от благовеста, я во время болезни ожидал по ночам утреннего призыва колоколов, как освобождения. На заре меня укачивало какое-то баюканье, лелеяла таинственная, отдаленная ласка. Я был убежден, что люди молятся за других и значит и за меня; я чувствовал себя менее одиноким. Это верно, что звуки колоколов созданы для больных, измученных бессонницей.

– Не только для больных, – возразил Эрми, – колокола успокаивают мятежные души. На одном из них была надпись: «рако crucutos» – «умиротворяю озлобленных».

Этот разговор вспомнился Дюрталю, и вечером один он размышлял, лежа в постели. Фраза звонаря, что колокольный звон есть истинная музыка церкви, несколько раз возвращалась.

Улетев внезапно на несколько веков назад, его мечта вызвала среди медленно движущихся верениц средневековых монахов, коленапреклоненную группу верующих, откликающихся на призывы Ангелюса.

Ожили все подробности старых богослужений, которые он знал когда-либо: благовест к заутрени, перезвон, рассыпающийся, как шарики четок, над извилистыми тесными улицами с острыми башенками, с каменными балюстрадами, с зубчатыми стенками, перезвон, поющий в часы богослужений, чествующий радость города звонким смехом маленьких колокольчиков, откликающийся на его скорбь тяжелым рыданием больших колоколов.

Тогда были звонари – художники, истинные знатоки гармонии, которые отражали душевное состояние города в этих воздушных траурах и радостях. И самый колокол, которому они служили, как покорные сыновья, как верные слуги, становился, по образу церкви, доступным и смиренным»^{644 645} , .

Общества звонарей в Англии

В Англии, как было сказано выше, существуют так называемые общества любителей колоколов, древнейшее и замечательнейшее из них Кимберланоское в Норвине, где звонарное искусство доведено до величайшего совершенства.

Это общество возникло еще в 17 веке; его члены, молодые люди, разъезжали по стране и звонили на колоколах с утра до ночи.

Они нашли, что в течение часа с двенадцатью колоколами возможно 720 разных ударных комбинаций и вычислили, что вообще с двенадцатью колоколами возможно вызвать 479.001.600 разных тонов и что потребуется для этого пятьдесят семь лет, десять месяцев и десять дней⁶⁴⁶.

Кроме Норвинского общества, в Англии не менее замечателен клуб звонарей в Лондоне, который ставит задачу колокольной музыки, выдавая иногда за разрешение таких задач огромные премии.

Затем и другие города, как например Весулярланд, Канбридер, Оксфорд, Бирмингам и другие имеют также звонарей – артистов, нередко дающих целые колокольные концерты, состоящие не в том, чтобы выполнить какую-нибудь определенную мелодию, а просто чтобы прозвонить на пяти, шести или более колоколах всевозможные сочетания ударов, которые только и можно получить при известном числе колоколов.

Так, например, в 1796 году, члены клуба звонарей в Вестмерианде собрались на колокольню церкви Св. Марии в Кондоле, звонили три часа и двадцать минут и сделали в это время на семи колоколах всевозможные сочетания числа семи, т.е. 2040 ударов, нисколько при том не отставая от хронометра.

В Бирмингаме подобный концерт продолжался восемь часов 15 минут и в это время сделано было с такою же хронометрическою с точностью 14 224 удара⁶⁴⁷.

Звонарь А.В. Смагин

В вопросе улучшения церковного звона важно знакомство с искусством выдающихся звонарей. Одним из выдающихся звонарей, является в Петербурге Александр Васильевич Смагин, родившийся в 1843 г. в Верхотурском уезде, Пермской губ., в селе Шипицыне.

«В 1853 г., когда ему было 10 лет, он прислуживал в своей сельской церкви, подавал кадило и, как все дети, любил звонить: хотя и тогда звон его отличался от звона его товарищей, но звонил он в то время механически, без углублений в значение и состав звона, или, как он выражается в своей записке, его звон «был несознательным до 1863 г.».

Отец его был зажиточным крестьянином и имел 4 сыновей, из которых двое старших окончили курс уездного училища, а двое младших, в том числе Александр Васильевич, остались вовсе неграмотными.

Поступив на службу в армейский полк (за 2500 верст от родины), он все свое рвение устремил кроме строевой службы также на изучение грамоты, чего ему в течение 1,5 лет и удалось достичь, т.е. он научился читать и писать. На него обратил внимание командир полка В.И. Яновский.

Однажды, 19 февраля 1867 г., Смагин, подготавливая месячный отчет по канцелярии, услышал звон на двух колоколах (колокола были большие), но звон плохой; он закрывает дела, прекращает работу, отправляется на колокольню, берет веревки в руки и начинает звонить. Через час он получает приглашение от церковного старосты В.Г. Холина, содержавшего тогда в той церкви свой хор певчих и предложение обучать звону церковных звонарей; Смагин взялся и обучал сторожей звону около месяца.

Василий Гаврилович Холин, оптовый торговец овцами и владелец двух винокурных заводов, принадлежит к числу немалочисленных у нас ревнителей церковного благолепия.

«Словом Холин лелеял свой хор, который за то пел прекрасно и состязался с хором покойного воронежского архиепископа Серафима, большого любителя церковного нотного пения. Старожилы говорят о его хоре: «не услышим теперь такого пения, нет теперь таких хоров».

Любовь Холина к пению побуждала его вслушиваться во всякое мало-мальски хорошее пение и заимствовать его для своего хора; таким образом, хор его многое исполнял из пения Серафимовского хора.

Пригласив Смагина обучать церковных сторожей звону, Холин, по истечении месяца, предложил ему рекрутскую квитанцию, по которой он мог освободиться от военной службы и поступить к нему на службу. Смагин принял предложение и поступил к Холину конторщиком. В течение более 10 лет, с 1867 по 1878 г., он сопровождал хозяина по торговым делам по средним и южным губерниям: где только ни слышал его хозяин хороший звон, немедленно посылал Смагина изучать его; а когда возвращался домой, то проверял своего приказчика на приходской церкви, где состоял старостою; при этом Холин обнаруживал большое чутье и слух относительно церковного звона, сразу и метко отмечая отступления от слышанного звона, если их делал Смагин; но этим не довольствовался Холин в своей любви к церковному звону, и в 1873 г. нарочно командировал своего звонаря для изучения звонов в Москву, Троицко-Сергиевскую лавру и в Ростов Ярославский; благодаря такому усердию хозяина, Смагин имел возможность усвоить себе различные звоны и на их почве начал вырабатывать нечто свое, составлять сборный звон из известных ему звонов, вносить сюда свои добавления, новые ритмические фигуры, которые иногда выходят сами собою, произвольно, и этим он вступил на путь импровизации на колоколах; словом, по его

выражению, звон его «из несознательного стал сознательным», т.е. Смагин внес в свое искусство начало сознания и известное творчество.

В г. Ливнах, Орловской губернии, Смагин в скором времени стал известным звонарем и любимцем прихожан и города. Он однажды вызвал на себя неудовольствие ливенского соборного протоиерея, который жаловался архиерею, что Смагин звонит непотребно; орловский архиерей Макарий назначил следствие, вызвал Смагина, сам слушал его звон и в конце концов пригласил его обучать звонарей.

В 1878 г. Смагин по обстоятельствам приехал в С.-Петербург, занимался торговлей, но ему не повезло, и пришлось бороться с нуждой, в силу чего работать поденно на Балтийском заводе (1885 г.) и носить балки; он пользовался доверием рабочих, и цехом чернорабочих Балтийского завода был выбран старшиною-представителем при спуске миноносца «Лейтенант Ильин» и закладке крейсера «Память Азова»; в это время он был занят воспитанием сына, который учился в гимназии, и свою любовь к звону должен был очень умерить; тем не менее он был (1886 г.) 10 месяцев звонарем в Александро-Невской лавре, в которой усвоил так называемый лаврский звон. На соборной колокольне есть довольно порядочный подбор колоколов; особенно нравился Смагину большой колокол в 800 пудов никоновского литья с изображением патриарха Никона, в левой руке держащего колокол, а в правой – Церковь.

В 1888 г. по поводу спасения Императорской фамилии при крушении поезда в Борках, Смагин обратился к обер-прокурору Св. Синода с докладной запиской, в которой, выражая верноподданнические чувства по случаю спасения жизни Государя императора от угрожавшей опасности, ходатайствовал о принятии его бесплатным звонарем в один из храмов столицы. Эта записка была препровождена на благоусмотрение Исидора, митрополита С.-Петербургского. Его Высокопреосвященство пожелал выслушать звон Смагина, и последний для этого был вызван в Лавру и звонил в присутствии митрополита. После этого испытания ему предложено было место платного звонаря в Лавре (по 30 р. в месяц), но он не принял его, заявив, что не хочет своих патриотических чувств продавать за деньги. Тогда состоялась следующая резолюция Его Высокопреосвященства: «Благочинному ближайшей к месту жительства Смагина Вознесенской церкви объявить причту и Смагину, что последний может исполнять при той церкви звонаря безмездно». Смагину выдали из С.-Петербургской духовной консистории указ от 12 декабря 1888 г. № 305 на право звонить в Вознесенской церкви. В августе 1886 г. Смагин ездил в Коневский монастырь на говение после происшествия на Балтийском заводе, где он работал поденно: ему балкой отдало ногу. Видя в этом наказание за грехи и упущения относительно обязанностей христианина, Смагин решил попоститься в Коневском монастыре; приехав туда, он не упустил случая применить свое искусство с разрешения архимандрита Пимена; взобравшись на колокольню, он увидел, что она была запущена и загрязнена; между тем, любя свое искусство, он требует на колокольнях чистоты, опрятности, не курить на них и другим не позволяет курить; понятно, что ему не понравилась запущенность колокольни Коневского монастыря, и он заставил монахов вымыть колокола от грязи и от птичьего помета. Между прочим, он учил коневских звонарей своей манере звонить; ученье шло в течение целого дня между службами; слушать звон собирались многочисленные богомольцы и спрашивали архимандрита: «Ваше Высокопреподобие, скоро ли начнут по нотам звонить?». Смагин был предметом общего внимания, и когда он уезжал, то его провожали и на прощанье дали ему разных запасов, плодов, 3 [рубля] денег и бесплатный проезд до Петербурга.

Как выше упомянуто, он уже в Ливнах был известным звонарем, и память о нем сохраняется там и теперь.

Когда несколько лет тому назад в Петербург приезжала депутация из г. Ливн ходатайствовать о постройке железной дороги, члены этой депутации были и у Смагина,

как бывшего ливенского звонаря, и один из депутатов приглашал его вернуться к ним в Ливны, говоря, что теперь у них некому и позвонить, но Смагин отказался, сославшись на воспитание сына, который кончал гимназию.

Смагин – звонарь по призванию. Интерес и приверженность к звону были и росли у него в течение всей его жизни. Внутренне влечение к звону сказывается у него в том, что когда, напр[имер], он сидит один, то ему слышится колокольный звон или представляются различные сочетания колоколов; он объясняет это тем, что мужику втемаяшится в голову, того и колом из него не выбьешь. Его любимое выражение о том, как он изучал звоны, такого рода: «Я звон собирал 40 лет, дайте мне теперь его разнести», т.е. распространить свое искусство. Но Смагин встречает также и большое несочувствие такому увлечению колокольным звоном. Его считают странным или смеются над ним.

«Когда начнешь о звоне говорить, все над тобой потешаются, – говорит он: – Ха, ха, ха, много у нас в Петербурге звонарей; звонишь, значит, болтаешь, – врешь по самое стропило. Хотелось бы по душе говорить о звонах, а над тобою смеются, кровную обиду наносят, смеются над тобой, а смешно это или нет, не разбирают».

Когда его сильно донимают те, которые сочувствовали ему в молодых годах как крестьянину со стремлениями, и когда в люди вышли, стали свысока и с насмешкой относиться к нему, он им говорит: «Когда вы молоды были, то обнимали Россию и целовали народ, а теперь вы горькую редьку ему суете».

На колокольне Смагин чувствует себя хозяином; он привык восходить по лестницам ее, не боится холода, пронизывающего ветра, ни дождей, когда приходится дежурить ему днем и быть ближе чем другие люди то к ясному, лазурному, то к пасмурному небу, или ночью, когда над ним горит звездное небо и тот млечный путь, который сибиряки называют «гусиной дорогой» в силу приметы, как вереницы гусей при отлете осенью летят ночью по направлению Млечного пути. Ему, как старому звонарю в рассказе Короленко («Старый звонарь»), «земля и небо, и белое облако, тихо плывущее в лазури, и темный бор, невнятно шепчущий внизу, и плеск невидной во мраке речки – все это ему знакомо, все это ему родное... недаром здесь прожита целая жизнь»... Его любовь к искусству и месту, где он его применяет, доходит до того, что, как выше упомянуто, он заботится о чистоте и порядке на колокольне и никому не позволяет – ни себе, ни другим – курить на ней; когда он начинает звонить, он снимает шапку и крестится, затем, сделав удар в колокол, стоит с открытой головой в продолжение первых двух ударов. Для него, настолько посвятившего себя колокольному звону, обидно звучит известная пословица: «Отзвонил и с колокольни долой», которую он за это называет непутевою и желает бороться с нею по мере сил. Цель его стремлений – бороться против пренебрежительного или кощунственного отношения к звону и распространить умение хорошо звонить, чего в нашем современном звоне именно и недостает, тогда как он может быть настоящим искусством.

О[тец] Израилев в вопросе о церковном звоне затронул две стороны: 1) гармоническое настраивание колоколов и 2) искусство мелодического звона, не касаясь также близко вопроса о самом искусстве звонить обыкновенно – ритмически, а не мелодически. Мелодический звон едва ли может иметь будущность, потому что он идет в разрез со всеми преданиями нашего церковного звона и не подходит к самому характеру колоколов, которые производят совершенно определенное гораздо большее впечатление, если в них звонят ритмически, чем если выигрывают на них мелодии, как в куранты.

Таким образом в вопросе о церковном звоне наряду с гармоническим настраиванием колоколов гораздо важнее заботиться об улучшении традиционного, т.е. ритмического звона, чем о развитии совершенно нового для нас мелодического. Смагин преследует именно эту цель. В своей записке он говорит, что к улучшению церковного

звона стремятся теперь как колокольные заводчики, так и отдельные лица и, кажется, убеждены, что благозвучный звон получится путем одной только переливки или гармонического настраивания, тогда как звонари звонят по прежнему неумело, и особого впечатления на молящихся не производят... Где же у них мастера звонари, которые умели бы управлять колоколами, спрашивает он и высказывает мысль, что можно больше примириться с искусным звоном на ненастроенных колоколах, чем с неумелым звоном на настроенных.

«Мне приходилось, – продолжает Смагин, – слышать много раз, как на сельской церкви мужичок так отчетливо и красиво звонит, что любого соборного и дворцового звонаря за пояс заткнет, жаль только, что звон этого мужика ограничивается одной фигурой, которую он заучил».

Важность искусного звона подтверждается тем, что при таком звоне гораздо больше собирается молящихся в церковь, как Смагин убеждался и из своей практики, когда большие толпы собирались слушать его звон до начала службы и оставались ради этого и после службы»⁶⁴⁸.

Смагин в течение своей продолжительной практики успел выработать определенную систему искусства звона, которую он изложил [С.Г.]Рыбакову.

Будучи идеалистом⁶⁴⁹ и художником в душе, Смагин с упорством фанатика смотрит на колокольный звон, вполне справедливо придавая ему громадное значение в жизни русского народа.

Все разновидности колокольного звона: *благовест, трезвон, перезвон* разумеется должны иметь особые оттенки и чем они нежнее и тоньше, тем сильнее действуют на слушателей, вызывая в них живое благоговение.

Наоборот, беспорядочный и негармоничный звон, лишенный этих оттенков, производит как раз обратное действие.

Во многих католических странах, где колоколам уделяют чрезвычайно мало внимания, колокольный звон не только не вызывает благоговейного чувства, но, наоборот, раздражает и беспокоит жителей.

Смагин один из первых обратил внимание на стройность колокольного звона, извлекая из колоколов различные оттенки звуков, в зависимости от церковной службы.

В его звоне чувствуются не простые механические удары языком о металл колокола, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу, а что-то более глубокое, что увлекает и уносит душу от повседневной жизни к более чистому и возвышенному.

Многие, слышавшие звон Смагина, говорят, что колокола, как будто оживали под его ударами. Настроение от звона получалось изумительное, – колокола начинали петь.

Как было сказано выше, Смагин подробно изложил свой взгляд на колокольный звон известному исследователю в этой области С.Г. Рыбакову.

«Когда поочередно перебираются все колокола друг за другом, то это называется *перезвоном*; этот звон – символ печали и употребляется при похоронах, а также в праздники св. Креста, на Страстной неделе.

Нелишне также упомянуть о родах колоколов, какие употребляются у нас для церковного звона.

Маленькие колокола называются *завонными*; имеют весу от 10 фун[тов] до 5–6 пудов; более крупные или *альты* от 8 до 25 пуд[ов]. К числу крупных принадлежат: *вседневный* колокол от 100 до 500 пуд[ов], в него благовестят в каждый будничный день; *полиелейный* до 600–700 пудов, в который благовестят в праздники Апостолов и Святителей; *воскресный* – до 80–1000 и более пудов, для благовеста в воскресенье; *праздничный* колокол, от 1000 до 2000 и даже до 4000 пудов, употребляется в большие двунадесятые праздники и царские дни.

Впрочем, такое назначение и употребление колоколов не строго обязательно, и в уставе церковном по этому поводу есть даже оговорка: «аще как захочет настоятель».

Далеко не в каждой церкви существует весь перечисленный набор колоколов, и, например, полиелейный колокол часто заменяет воскресный и наоборот, а в сельских церквях колокол в 100–200 пудов исполняет обязанность всех перечисленных колоколов. Есть и обратное явление, – что несколько колоколов на колокольне остаются без употребления, и к языкам их почему-то не привязывают веревки для звона, может быть потому, что звонари не умеют справляться с большим числом колоколов. Таких колоколов без употребления, говорят, находится много и на колокольне Ивана Великого, где у них сняты языки. Кстати сказать, самый звон на Иване Великом не имеет единства, потому что колокола размещены в разных ярусах колокольни и даже в пристройке сбоку ее, а каких-либо приспособлений для единства звона там не делают, да и не умеют делать.

Почти что за каждой службой звонят несколько раз. В начале всенощной бывает 3 звона: после благовеста в один большой колокол начинается без перерыва «красный звон», т. е. трезвон без переборов до 3 раз; за обедней после благовеста 3 трезвона; ко 2-му и 3-му трезвону можно присоединить вступление или, как называет Смагин, *затравку* – несчастый звон в один самый маленький колокол, как предупреждение о начале звона. Перед хиротонией во епископа за всенощной накануне по 9 песне канона полагается звонить в большой колокол 50 раз.

Когда умирает священник, то звонят, делая 12 очень редких ударов в колокол; при перенесении тела священника на кладбище при каждой церкви оно встречается перезвоном, а когда шествие скрывается из виду, на колокольне производится красный звон; к молебну сначала благовест, а потом перезвон без переборов, примыкающий к благовесту без перерыва. К повечерью и великопостным часам бывает перезвон, исполняемый на двух маленьких колоколах, в которые ударяют несколько раз поочередно и затем раз в оба вместе, после опять делают несколько ударов в каждый по очереди и два раза в оба вместе и также в 3-й раз. По поводу этого звона звонари остряют, что «пошел-де корову доить», т. е. звонить в два маленькие колокола.

Главным недостатком нашего современного звона является именно отсутствие единства в звоне, так как у нас звонят не одновременно, а как придется, так что отдельные колокола перебивают друг друга, не соблюдая того, что на языке музыки называется тактом. По этому поводу Смагин говорит в своей записке: «Как бы хорошо ни звонил звонарь в верхней палате (ярусе), а если большой колокол, висящий внизу, не соблюдает такта, то он портит хороший звон в верхнем ярусе». Для устранения этого недостатка, т. е. отсутствия одновременности или такта в звоне, Смагин придумал приспособление следующего рода: сбоку большого колокола он устраивает вилку-пружину, и когда звонарь ударяет языком в край колокола, то шейка языка ниже края колокола ложится в эту вилку-пружину, которая дает знать момент удара вверх, и верхние звонари на эти знаки или указания должны смотреть как певчие на регента; тогда в звоне будет соблюдено деление, и самый звон становится тогда законченным, одновременным как вверху, так и внизу.

Большое место отводит Смагин в колокольном звоне также оттенкам исполнения.

В вышеупомянутой записке он говорит, между прочим, что, занимаясь многие годы колокольным звоном и собирая различные мотивы этого звона, он пришел к мысли связывать эти мотивы один с другим, а также стараться удалять и приближать звуки колоколов, т. е. выполнять при звоне то, что обозначается музыкальными терминами *forte* и *riano*, звонить тише и громче, так что при тихом звоне может казаться, что звонят где-то далеко; и все звонари по системе Смагина должны согласно выполнять эти оттенки.

Для достижения такого согласия в исполнении Смагин применяет аппарат так называемых *баклушек*, четырехгранных деревянных брусков, крепко насаженных на вертящихся осях; на сторонах баклушек имеются надписи: «начинать после перебора», «стой», «тише», «сильнее»; такие баклушки помещаются в каждом ярусе колокольни и

соединены друг с другом веревками так, что одновременно повертываются одной и той же стороной, и все звонари видят одну и ту же надпись; звонарь, находящийся в верхнем ярусе, управляет этими баклушками и, следовательно, оттенками исполнения.

Желательно, чтобы баклушка при поворачивании ударяла в какой-нибудь маленький колокол с помощью особого крючка для того, чтобы звонари как-нибудь не просмотрели поворота баклушки.

Чтобы иметь полную возможность применять свое искусство, Смагин пользуется системой особого *балансирования* колоколов, т.е. подвязывания к их языкам веревок.

Для полной благоустроенности звона необходимо, по Смагину, установить, прежде всего, четность в ударах в колокола, т.е. чтобы в данный промежуток времени производить во все колокола четное число ударов. При этом руководящую роль играют размахи языков очень больших колоколов около 1000 и более пудов, так как в них можно произвести в известное время только определенное число ударов, ни больше, ни меньше, в силу того, что массивный язык, как говорится, сам ходит по инерции, и ускорить или замедлить его движение звонарь не может в силу его тяжести; число ударов зависит от диаметра (поперечника), веса колокола и языка: из двух одинакового веса колоколов в более узко слитый колокол можно произвести в одинаковое время большее число ударов, чем в более широкий, потому что в колокол первого рода размах языка укорачивается.

Балансировать языки колоколов значит – подвязать к ним веревки таким образом, чтобы один звонарь мог свободно управлять несколькими колоколами. Посредством балансирования звонарь может управлять в 3 раза большим числом колоколов, и этим соблюдается экономия в звонарях. Искусство балансирования находится в прямой связи с искусством самого звона. Тем лучше звонарь звонит, чем целесообразнее у него подвязаны колокола.

В колокола менее 800 пудов можно в определенное время производить и большее, и меньшее число ударов, смотря по тому, широк или узок колокол, а также в зависимости от усилий звонаря.

В колоколах от 150 пуд[ов] и до самых маленьких языки можно подвязать веревками к нескольким центрам, привязываемым к доскам, которыми звонарь управляет посредством ног.

Балансировать колокола, т.е. подвязывать языки нескольких колоколов к одному центру можно до 500 пудов, а большей тяжести нельзя; крупные колокола, не тяжелее 300–500 пудов, балансируются тогда, когда не дают в определенную меру времени четного числа ударов, а если получается четный звон, то в эти колокола звонят в два края; при таком звоне на каждый колокол уже надобен отдельный звонарь. Звон в два края очень красив и торжественен в силу полной равномерности в движении и ударах языка.

В подробности балансирования колоколов я не вхожу, так как это дело самих звонящих, и каждый звонарь балансирует по-своему, как ему удобнее звонить; при том это такая практическая подробность, которая, как говорит Смагин, на деле виднее.

Путем подобных приспособлений и условий исполнения Смагин воспроизводит несколько родов церковного звона (точнее трезвона), которые он успел собрать и частью сам составил в течение своей многолетней практики. Он исполняет, между прочим, несколько традиционных звонов, которые он называет историческими, а именно: 1) ростовский, 2) георгиевский, слышанные им в гор. Ростове Ярославской губ., 3) лаврский – звон Александро-Невской лавры.

Эти исторические звоны Смагин желает сохранить во всей неприкосновенности и поэтому не допускает к ним, когда исполняет каждый из них самостоятельно, никаких добавлений в роде вступлений, переборов колоколов и т. п.

Больше свободы предоставляет Смагин звонарю в так называемом сборном звоне, составляемом из различных, в том числе и исторических звонов, и здесь он присоединяет и вступления, и переборы и т. п.

Наряду с поговоркой «отзвонил и с колокольни долой», которую Смагин называет непутевою, он не выносит и легкомысленного интереса к звону и в видах борьбы с таким отношением к нему считает надобным избегать однообразного повторения одной и той же фигуры в звоне и соединять с этой целью в звоне нескольких фигур, которые устранили бы однообразие, а народ не говорил бы, что звонарь песню играет. Из соединения нескольких различных звонов в один Смагин образует так называемый смешанный, сборный звон, где он предоставляет звонарю большой простор и даже право импровизировать на колоколах, вставляя свои новые фигуры, чем он и сам пользуется, причем у него проявляется временами творчество: иногда, по его словам, звонит он, звонит, и вдруг сам не ждал, выходит новая фигура. При записывании звонов Смагина на ноты различные стоимости нот следующим образом распределяются по колоколам: большие колокола исполняют полтакта и четверти, колокола в левой руке – четверти или осьмые, а в правой руке шестнадцатые или тридцать вторые.

К звонам Смагин прибавляет вступления, а именно: *затравку*, нечастый звон в один самый маленький колокол, как предупреждение о начале звона; *переборы* – довольно скорые удары по одному разу во все колокола по порядку от самого маленького и до самого большого, после чего начинается «красный звон».

Различные составные части звонов Смагин распределяет следующим образом, смотря по роду службы: в начале всенощной бывает, как известно, 3 звона, – после благовеста в один большой колокол начинается «красный звон», который исполняется Смагиным в 1-й раз без переборов, во 2-й и 3-й раз – с переборами, причем могут чередоваться разные исторические звоны:

1-й трезвон – ростовский без переборов.

2-й трезвон – георгиевский с перебором.

3-й трезвон – смешанный с перебором.

За обедней: после благовеста Смагин исполняет 3 трезвона:

Первый трезвон с тремя переборами (георгиевский).

Второй трезвон с одним перебором (ростовский).

Третий трезвон с одним перебором (лаврский).

Далее я предлагаю читателям свой опыт записывания звонов Смагина на ноты и этим сочту свою задачу исполненной, но считаю надобным прибавить, что одно описание недостаточно для полного и отчетливого представления об искусстве Смагина, и при желании ознакомиться с этим искусством, вообще любопытным, необходимо все это видеть на деле: «На деле виднее», – говорит Смагин, или по поговорке, им же добавляемой: «Толкач муку покажет, а базар цену скажет».

Вот образцы звонов Смагина в порядке, какого он держится за литургией (см. трезвон в начале обедни на след. стр.).

К этим главным звонам Смагин присоединяет еще сборный или, как он называет его, современный, и кроме того, вступление в роде того, какое сделал [М.И.] Глинка в звоне в «Жизни за Царя». Такой звон он называет собственно историческим, так сложилось у него представление о том историческом звоне, о восстановлении которого хлопчат, по словам Смагина, москвичи и даже напечатали в этом смысле года 11/2 – 2 тому назад статью в «Новом Времени». Составные части этого звона у Смагина следующие:

1) начало такое, как в звоне [в] «Жизни за Царя», – редкое, которое без музыки, пожалуй, будет резать слух, но это продолжается недолго, и за ним следуют:

2) ростовский или георгиевский звон,

3) лаврский,

4) современный – сборный.

Такой исторический звон по Смагину должен представлять одно целое, должен быть слитный, нераздельный. Смагин с особенной охотой взялся бы воспроизвести эти звоны со всеми приспособлениями, оттенками исполнения, ритмичностью на больших колокольных, где много колоколов и несколько ярусов, и где впечатление могло бы получиться несравненно более сильное и законченное; много еще других подробностей звона выработал Смагин для разных особенных случаев и моментов церковного богослужения, например, для пасхальных заутрени и литургии, во время чтения пасхального Евангелия и пр., подробностей, с которыми лучше всего можно было бы познакомиться на деле. В сентябре 1895 года я был в Москве, виделся со старостой общества хоругвеносцев при кремлевских соборах и говорил с ним о состоянии звона в Москве; он сам высказывался, что в Кремле у них звонят плохо, без толку, и заинтересовался рассказом об искусном церковном звоне.

ТРЕЗВОНЫ ВЪ НАЧАЛѢ ОБЪДНИ.

ПЕВРЫЙ ТРЕЗВОНЪ.

ЗАТРАВКА ПЕРЕВЕРЪ АД ТРЕХЪ РАЗЪ

САЗОНЫ 1-2 ЗВОНА (рукой)
АДЫ 3-4 ЗВОНА (рукой)
КАЛОНЫ 5-6 ЗВОНА (рукой)

САЗОНЫ 7-8 ЗВОНА (рукой)
БОЛШЕ 9-10 ЗВОНА (рукой)

ГЕОРГИЕВСКИЙ ЗВОНЪ.

Нотный пример из книги: Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 64.

The image displays three systems of musical notation for church bells. The first system consists of three staves with rhythmic notation. The second system also has three staves and includes the text 'И Т.А.' and 'ПЕРЕРЫВЪ'. The third system is labeled 'ПЕЕБОРЪ' and shows a complex rhythmic pattern with a diagonal line indicating a change in the sequence.

Нотный пример из книги: Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 64.

Нотный пример из книги: Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 64.

ТРЕТИЙ ТРЕЗВОНЪ.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ

Нотный пример из книги: Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 64.

Тогда же я виделся со старостой кремлевского Успенского собора, известным оратором г. Плевако, и последний подтвердил, что кремлевский звон совершается у них беспорядочно благодаря тому, что колокола висят не только в ярусах колоколен, но и в пристройках сбоку, и звонари не видят и не слышат друг друга, что этот звон нуждается в улучшении, что когда в Москве и в Кремле звонят, то получается впечатление неправильного, хорошего звона, а звонящего города, что, правда, в своем роде, недурно; тем не менее вопрос о звоне в Москве, по крайней мере в Кремле, остается открытым.

Со своей стороны, Смагин в записке о звоне предлагал свое искусство и труд для коронационных дней в 1896 г., в Москве, когда он взялся бы устроить все описанные приспособления (недорогие – руб. 20–25) для звона, воспользовался бы бездействующими теперь на Иване Великом колоколами, подвесив к ним языки, обучил бы звонарей одновременному звону и своей манере звонить и мог бы во всей обширности воспроизвести звоны.

Сознавая, что состояние церковного звона у нас оставляет желать много лучшего, и стремясь настойчиво к приложению и распространению своего искусства, он любит повторять свое выражение: «Я звон собирал 40 лет, дайте мне теперь его разнести», т.е. передать другим звонарям.

В случае, если бы ему пришлось заведовать организацией звона во время коронации в Москве, Смагин для обучения звонарей своим приемам звона мог бы воспользоваться пасхальными и царскими днями, когда звон бывает в течение целого дня»⁶⁵⁰.

Много радости и сердечного умиления доставлял людям церковный звон в старину. Вот почему они и заботились, чтобы этот звон, прославляющий Бога, был «красен и благолепен».

В с. Шалегоне⁶⁵¹, Вятской губ., самоучкой-слесарем, крестьянином Дмитрием Ивановым⁶⁵², устроен механический звон колоколов. Механический церковный звон звучит несравненно лучше самого хорошего звонаря вручную – звон выходит плавнее и мелодичнее. Изобретатель машины устроил звон всего за сто рублей из своего материала⁶⁵³.

Протоиерей Аристарх Израилев и настройка колоколов

В конце XIX столетия в России на строй колоколов обратил особое внимание протоиерей Аристарх Александрович Израилев⁶⁵⁴, построивший акустический прибор для точного определения числа колебаний звучащих тел. Прибор этот состоит из набора 56 камертонов и особого аппарата, подобного метроному.

Гармонически построенные колокола протоиерея Израилева находятся на колокольне Зимнего Дворца⁶⁵⁵ и на многих церквах Петербурга.

Вот что рассказывает сам о. Израилев о своих работах:

«После того, как мною изготовлены были акустическим способом и собственноручно три-четыре коллекции камертонов с различным их приложением и получены за них почетные награды на выставках – Московской Политехнической и всемирных – Венской и Филадельфийской, я начал думать, к чему бы мне еще приложить свои знания и труды по части музыки и акустики.

Случай обратил мое внимание на колокола, употребляющиеся при церквах. Однажды привелось мне проходить в одном месте нашего города Ростова мимо большой толпы народа. Из любопытства я подошел ближе к этой толпе и увидел, что она окружила колокол, который провозили куда-то из Москвы.

Колокол был не маленький и имел снаружи много рельефных изображений и украшений. Смотря на него, многие из толпы народа говорили: какой красивый колокол!

Но тут же один простой мужичок возразил: «Красив!.. Да глас-то его каков? Глас-то?».

Эти слова простого мужичка глубоко подействовали на меня, и на мысль мне стало приходить многое. Припомнилось мне, что кто-то особенно хвалил колокол, находящийся в монастыре Саввы Сторожевского или Звенигородского, по близости Звенигорода, Московской губернии, пожертвованный царем Алексеем Михайловичем; хвалили также большой колокол в Москве на колокольне Ивана Великого и еще другие в некоторых местах.

Итак, если с удовольствием, думал я, слушают звук или, по выражению мужичка, *глас* одного хорошего колокола, то как же может действовать на слух и увлекать душу человека то, когда несколько колоколов на колокольне будут благозвучны и *согласны* между собою, т.е. будут стройны и гармоничны!

В нашем Ростове, Ярославской губернии, на соборной колокольне почти все 13 колоколов настроены музыкально, а из них особенно верно – три большие. Первый, самый большой колокол (2000 пуд.) издает звук С – do, второй (1000 пуд.) издает звук Е – mi, а третий (500 пуд.) – звук С – sol, так что из этих трех звуков составляется чисто музыкальный мажорный аккорд.

Колокола эти отлиты и настроены в 17 веке при ростовском митрополите Ионе Сысоевиче, вероятно большом любителе музыки, который писал о них к одному из своих друзей так: «На своем дворишке лью колоколишки, и дивятся людишки».

И ныне, спустя два столетия, тысячи людей, приезжающих на ростовскую ярмарку, с удивлением слушают этот гармонический звон колоколов. А граф М. Толстой, описывая древние святыни Ростова, вот что говорит по поводу этого звона: «Звон этих колоколов, единственный в России, приобрел всеобщую известность необыкновенной гармонией»⁶⁵⁶.

Со времени устройства этого гармонического звона, всех интересующего и благотворно действующего на душу, много утекло воды, и никто не позаботился устроить подобный звон при другом каком-либо храме.

Вообще у нас звонят хотя с ритмом, употребляемым в музыке, но звонят в колокола часто самые неблагозвучные и вовсе не находящиеся между собой в согласии, и от того

колокольный звон выходит дисгармоничный и какофонический.

На устройство же гармонического строя колоколов не обращают никакого внимания, и при заказе колоколов заводчикам обыкновенно говорят: отлейте нам колокол во столько-то пудов, с такими-то снаружи рельефными изображениями и с такою-то надписью; а относительно звука, при заказе, говорят только то, чтобы колокола были *позвончее*.

Понятное дело, что заводчики стараются только о том, чтобы угодить заказчикам, и в последнее время стали прибавлять к тому еще окраску колоколов, что весьма вредно благозвучию их.

Отчего же у нас в России не вводится гармонический звон, между тем как в Германии он существует во многих церквах? Ужели так трудно подобрать и настроить колокола гармонически, чтобы при звоне получались правильные аккорды? Может быть это дело доступно мне.

В таких размышлениях я купил несколько часовых колокольчиков различной величины и стал на них производить опыты настраивания посредством подтачивания.

Для подтачивания колокольчиков я придумал простую машинку и действовал ею с хорошим успехом, так что настроил по требованию музыки и акустики восемнадцать колокольчиков.

Звуки этих колокольчиков в нотной системе могут быть обозначены таким образом: Аккорды из звуков этих колокольчиков составляются такие:

Чрез удачное настраивание малых колокольчиков я вполне убедился, что могу гармонически настраивать и большие колокола. Посему я стал разведывать, не строится ли где храм Божий, дабы там предложить свои знания на устройство гармонического строя колоколов, так как при вновь сооруженном храме это дело совершить гораздо удобнее.

Узнав о таком моем предприятии, один мой добрый приятель сказал мне: «Да вот в Москве строится великолепный и замечательный храм во имя Христа Спасителя, отнесись туда со своим предложением; там ты можешь оставить по себе великий памятник».

Такое указание моего приятеля глубоко запало в мою душу, и я решился проникнуть туда таким путем. Имея в виду, что в нашем Ростове гармонический звон устроен *митрополитом*, я написал, 18 мая 1879 года, высокопреосвященнейшему Макарию, митрополиту Московскому, о моем желании подобрать и гармонически настроить колокола для вновь устрояемого в Москве храма во имя Христа Спасителя.

«Храм Христа Спасителя в Москве, – писал я, – строится более полувека; на него употреблены миллионные суммы; в нем находятся все лучшие образцы искусств – зодчества, ваяния, живописи и проч. А при таком совершенстве, почему же не привести в гармонический строй и колокола? Тогда в этом храме сосредоточились бы все изящные искусства, не исключая и музыки».

Его высокопреосвященство передал мое сообщение в комиссию построения храма, от которой я получил приглашение «пожаловать в одно из заседаний комиссии для личных объяснений и представления опыта гармонического устройства колоколов».

В следующем месяце июне, 9-го числа, мною представлены были в заседание комиссии – на резонансовых ящиках небольшие камертоны и маленькие вышеозначенные колокольчики, как образчик гармонического строя колоколов, при чем объяснен был мною и способ, которым можно приводить колокола в тоны, составляющие правильную гармонию.

Относительно колоколов храма комиссия объявила мне, что два из них, большой и второй, отлиты и первый повешен на колокольню, а прочие готовятся к отливке, и поэтому поручила мне войти в сношение и переговоры об этом предмете с заводчиком, взявшим подряд на отлитие колоколов. Переговоры не привели к желанным результатам: заводчик заявил, что дело о тонах и строе колоколов ему незнакомо, что он, по контракту, обязался отлить колокола в известный вес, с известными снаружи рельефными изображениями и орнаментами и к известному сроку, и что больше этого никаких условий принимать не желает.

Такой решительный отказ был для меня прискорбен, но я не унывал. Я тогда же в Москве сделал вчерне огромный камертон и настроил его вполне согласно со звуком большого колокола, который был уже повешен на колокольню.

Потом 14-го числа того же июня, когда Его императорское высочество, великий князь Константин Николаевич изволил осматривать Московский политехнический музей, я тут же, чрез посредство председателя отдела прикладной физики, А.С. Владимирского, имел счастье представиться Его высочеству и показывать ему не только те камертоны и колокольчики, которые мною 9-го числа были представлены в комиссию построения храма Христа Спасителя, но и тот огромный камертон, который я успел сделать вчерне и настроить согласно со звуком большого колокола храма Христа Спасителя.

Великий князь Константин Николаевич, считая мое предложение уже принятым комиссией, был весьма заинтересован моими произведениями и удостоил меня благодарности.

Ободренный этим, я, по возвращении в Ростов, принялся за приготовление нового более огромного камертона, который был бы вполне согласен с первым, вчерне сделанным мною в Москве, дабы на основании его, как на основании главного звука большого колокола, готовить и прочие камертоны.

Но так как от самой комиссии построения храма Христа Спасителя мною еще не было получено окончательного ответа на мое предложение, то 26-го июля того же года, я, по поводу моих переговоров с заводчиком, представил в комиссию следующие мои соображения:

Пусть заводчик⁶⁵⁷ представит все колокола согласно с контрактом; из них можно сделать выбор, и совсем непригодные для общего строя заменить новыми. Непригодными для стройной коллекции могут быть сочтены: а) те колокола, звук которых будет очень высок против требуемого гармониею тона, потому что их нужно подвергнуть значительной с внутренней стороны подточке; б) те, которые будут иметь звук много ниже требуемого тона. Предлагаемая замена непригодных колоколов новыми, по моему мнению, не должна повести комиссию к особенно большим расходам: во-первых, потому, что перемены потребуют, без всякого сомнения, только некоторые колокола; во-вторых, потому, что переменять придется колокола меньшего веса.

Большой колокол, отлитый в 1656 пудов, издает отличный звук, и его тон будет принят за основной; второй колокол, отлитый в 970 пудов и повешенный на колокольню 14-го числа прошедшего июня, в присутствии великого князя Константина Николаевича, потребует незначительной подточки; а эти два колокола составляют почти 2/3 всего веса 4073 пуд[а] 20 фун[тов], который должен заключаться во всех 13 колоколах.

Если же еще придется переменить и третий колокол (полиелейный) в 600 пудов, то на остальные колокола падет самый незначительный вес.

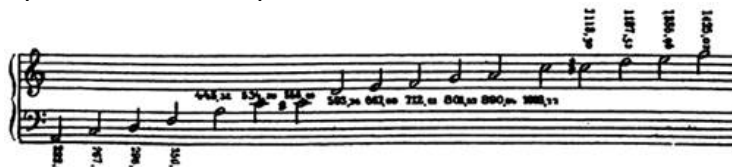
Высказав все это, я просил почтить меня положительным ответом на мое предложение, относительно гармонического строя колоколов.

Канцелярия комиссии, от 29 сентября того же 1879 года за № 858, прислала мне такое уведомление: «Заявление ваше от 26 июля сего года, о гармоническом строе

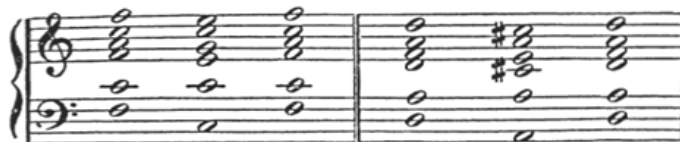
колоколов для храма, было слушано присутствием комиссии 4 августа сего года. При этом комиссия постановила заявление ваше иметь в виду. Но так как вновь отлитые колокола (четыре) еще комиссией не приняты, то канцелярия, по приеме их, вновь доложит ваше заявление комиссии и о последующем вас уведомит».

После этого уведомления, я, для устройства по своей идее музыкального звона в храме Спасителя, с большею горячностью принялся за приготовление камертонов и приготовил их в пределах двух с половиною октав семнадцать на резонансовых ящиках, из коих самый большой камертон, имеющий в ветвях своих 7 вершков длины, совершает 222,66 простых колебаний в секунду и издает чистую верхнюю октаву самого большого колокола, совершающего 111,33 простых колебаний в секунду (близко к $1a_0$, или A_1 , нормального диапазона=108,75 пр[остых] кол[ебаний в секунду]).

Звуки всех этих 17 камертонов, с обозначением чисел колебаний, могут быть в нотной системе выражены таким образом:

Из звуков этих 17 камертонов составляются следующие аккорды самого чистого строя:

Во время приготовления этих камертонов, я все ожидал из канцелярии комиссии обещанного уведомления; но прошло времени более года, и канцелярия ни о чем не уведомляла.

Утомленный ожиданием, я 4 октября 1880 года послал письмо к правителю канцелярии г. Мостовскому и просил его откровенно сказать мне, какое обо мне имеет мнение комиссия. Вследствие этого моего письма канцелярия комиссии от 4 декабря того же года за № 1187 прислала мне следующий ответ:

«Присутствие комиссии, приняв во внимание: 1) что предложение ваше о приведении колоколов храма в гармонический строй было бы весьма желательно для комиссии, но для достижения этой цели необходимо подтачивание колоколов с внутренней их стороны; 2) что у комиссии нет определенных данных, насколько уменьшится вес колоколов вследствие их подтачивания, и не будут ли утонченные стенки влиять на прочность колоколов; 3) что в заявлении вашем нет указаний о стоимости этой работы, быть может обременительной для комиссии, в виду других уже исполненных ею сверхсметных работ, и 4) что устройство гармонического строя колоколов храма может быть приведено в исполнение и по освящении храма, – журналом своим, 1 ноября 1880 года состоявшимся, постановило: предложение священника Израилева относительно приведения колоколов храма в гармонический строй чрез подтачивание с внутренней их стороны, на основании вышеизложенных соображений, в настоящее время отклонить, а при передаче храма в духовное ведомство, сообщить сему последнему о предложении священника Израилева, которого я уведомил о состоявшемся постановлении комиссии».

Получив такой ответ, я огорчился и подумал: к чему теперь приложу свои знания и труды? Кто слушает ту прелестную гармонию, которую я устроил с известною целью

на своих 17 камертонах? Может быть, я не доживу до времени, когда освятится храм Христа Спасителя, а если доживу, то, может быть, духовное ведомство, по принятии храма от комиссии, не примет моего предложения.

Утешила было меня мысль представить эти камертоны на Всероссийскую выставку, имеющую открыться в 1881 году в Москве, но выставка была отложена.

Не падая духом, я схватился за новую мысль. Узнав, что в С.-Петербурге, на месте злодеяния 1-го марта решено создать православный храм, я подумал: нельзя ли мне предложить устройство гармонического строя колоколов при этом патриотическом храме.

Мысль эта не оставляла меня, и я решился отнестись с своим предложением в С.-Петербургскую городскую Думу.

Но прежде сего я написал статью, в которой в самом конце говорил: «Если бы мне позволено было настроить колокола для С.-Петербургского храма, имеющего соорудиться на месте мученической кончины государя императора Александра II, то я настроил бы их так, чтобы из звуков их составлялся *минорный* аккорд и ближайший к нему по сродству доминант-аккорд...

Но так как в нашей православной церкви существуют два звона: один печальный, т.е. медленный-редкий, например, в Великий пост, при выносе Креста, при выносе Плащаницы и при погребении умерших, а другой – веселый, частый, напр[имер], в св. Пасху, в великие праздники и в высокаторжественные дни, то я полагал бы для этого храма иметь, кроме помянутого минорного строя колоколов, еще другой строй колоколов, из звуков которых составлялся бы *мажорный* аккорд и также сродный ему доминант-аккорд, так как звучание мажора особенно выражает торжественность».

Статья была напечатана в газете «Новое Время», которая отнеслась с полным сочувствием к моей мысли, выразившись при этом так: «Пора устраивать на Руси колокольный звон благозвучный, на основании требований гармонии» (см. «Новое Время», 1881, №2051). Журнал «Церковный Вестник» также поддержал мои стремления (см. «Церковный Вестник», 1881. № 47). Тогда я с немалою надеждою послал свое предложение в С.-Петербургскую городскую Думу. Но С.-Петербургская городская Управа известила меня только, что мое предложение «будет *иметься в виду* при заказе колоколов».

Не зная, когда именно будут заказываться колокола, и доживу ли я до того времени, я решился на следующее. Я купил на собственные средства четыре медные колокола, чрез подтачивание настроил их в музыкальный минорный аккорд и представил в 1882 году на Всероссийскую выставку в Москве, с тем, чтобы, по окончании выставки, пожертвовать их в храм, который имеет соорудиться в С.-Петербурге в память в Бозе почившего государя императора Александра II.

Упомянутые колокола настроены в минорный аккорд – А, С, Е, А и имеют весу всего семь пудов. Первый большой колокол (2 пуда 15 фун[тов]), составляющий основной тон (1), производит 870 простых колебаний в секунду и соответствует ноте А. Этот колокол вполне согласен с нормальным диапазоном или камертоном, который производит также 870 полукачаний в секунду при 15° стоградусного термометра и который, на основании Высочайше утвержденного 23 мая 1878 года мнения Государственного Совета, установлен однообразным по всей России для вокальной и инструментальной музыки. Второй колокол (2 пуда 20 ф[унтов]), составляющий малую терцию (6/5), производит 1044 колебаний и соответствует ноте С. Этот колокол согласен с камертоном, который большею частью употребляется в хорах певчих. Третий колокол (1 пуд 21 ½ ф[унта]), составляющий чистую квинту (3/2), производит 1305 колебаний и соответствует ноте Е. Четвертый колокол (21 1/2 ф[унта]), составляющий верхнюю октаву (2) первого колокола, производит 1740 колебаний в секунду и соответствует ноте А.

Звуки этих четырех колоколов, составляющие минорный аккорд, основанный на нормальном диапазоне, могут быть обозначены в нотной системе следующим образом:

$A(1)$	$C(6/5)$	$E(3/2)$	$A(2)$
870	1044	1305	1740

Эти колокола, представленные мною на Всероссийскую выставку во II группу (научно-учебные произведения) вместе с моими многообразными камертонами и с моим акустическим прибором, служащим для точного определения числа колебаний звучащих тел, обратили на себя внимание печати.

Во многих газетах, например, во «Всероссийской Выставке» (1882 г., №№ 14 и 117) и в «Современных Известиях» (1882 г., № 158), отозвались о них с большою похвалою; даже в «Правительственном» (1882 г., № 122) и «Церковном» (1882 г., №28) Вестниках сказано о них сочувственное слово.

Но эксперты Всероссийской выставки отнеслись ко мне особенно внимательно. Они, присудив мне за изготовление коллекции диапазонов диплом II разряда, соответствующий серебряной медали, ни одним словом не упомянули о представленных мною колоколах, так же, как и моем новоизобретенном акустическом приборе.

По закрытии Всероссийской выставки, я 4 октября 1882 года подал в Высочайше утвержденную комиссию по устройству этой выставки заявление, что вышеозначенные свои четыре колокола жертвую в храм, который имеет соорудиться в С.-Петербурге в память в Бозе почившего государя императора Александра II, и просил ее доставить их к месту назначения.

Когда же эти колокола были доставлены в С.-Петербургскую Думу, то я 4 февраля сего 1883 года обратился к С.-Петербургскому городскому голове И.И. Глазунову с просьбою об исходатайствовании разрешения, чтобы пожертвованные мною колокола, до сооружения храма, были повешены при временной часовне, построенной на месте злодеяния 1 марта 1881 года.

Через месяц я узнал из газеты («Новости», 1883 г. № 63), что городской голова сносился по этому вопросу с Высокопреосвященнейшим Исидором, митрополитом Новгородским и С.-Петербургским, который уведомил, что с его стороны к повешению колоколов при временной часовне препятствий не встречается.

Вскоре учреждена была комиссия по построению храма и, по распоряжению ее, мои колокола, вместе с пожертвованиями других лиц, переданы были из Думы в Академию художеств.

В октябре месяце, прибывши в С.-Петербург и узнавши, что мои колокола находятся в Академии художеств, я 9-го числа представился к настоятелю Троице-Сергиевой пустыни отцу архимандриту Игнатию и покорнейше просил его, как члена этой комиссии, о ходатайстве повесить пожертвованные мною колокола при временной часовне. По совету отца архимандрита, я отнесся к управляющему делами комиссии П.Ф. Исаеву, а потом и сам явился в комиссию. 18-го октября, в присутствии комиссии, я показывал мои 4 колокола, которые затем повешены при временной часовне.

Итак, благодарение Господу! Моя мысль⁶⁵⁸ об устройстве гармонического звона частью осуществлена и моя лепта здесь принята ...

Нам приятно закончить рассказ почтенного автора известием, что в последнее время его многолетние старания увенчиваются самым желанным успехом. 20 февраля 1884 г. о. Израилев имел счастье представиться Государю императору. Об этом в «Правительственном Вестнике» (№43, 23 февр. 1884 г.) читаем:

«В понедельник, 20-го февраля, во втором часу пополудни, в Концертной зале собственного Его величества Дворца, священник Рождественского женского монастыря

города Ростова, о. Аристарх Израилев поднес Их императорским величествам образ святителя Исаии, Ростовского чудотворца, память которого празднуется ежегодно 15-го мая. Это празднование совпадает с днем совершившегося в минувшем году священного Коронования Их императорских величеств. Приняв св. икону и приложась к ней, Его величество благодарил о. Аристарха.

Затем Их величества слушали звон выставленных в той же зале четырех церковных колоколов, пожертвованных о. Аристархом в сооружаемый храм на месте мученической кончины в Бозе почившего императора Александра II. Колокола настроены таким образом, что их звон составляет минорный аккорд.

О. Аристарх представил целую коллекцию колокольчиков, настроенных на разные аккорды. На этих колокольчиках о. Аристарх сыграл два гимна: «Боже, царя храни» и «Коль славен наш Господь в Сионе». Вместе с тем были представлены 18 камертонов, установленных на деках⁶⁵⁹, для настройки колоколов, изобретения о. Аристарха.

В заключение о. Аристарх показывал акустический прибор, также своего изобретения, для точного определения числа колебаний звучащих тел».

Вслед за тем о. Израилеву поручено было привести в порядок колокола в церкви Аничкова дворца. Эта задача в настоящее время успешно окончена.

Звуки церковных колоколов, имеющихся при Аничкове дворце, в числе 9, составляют в настоящее время три музыкальных аккорда: а) мажорный аккорд тоники (Fis-dur), б) мажорный аккорд субдоминанты (H-dur) и с) минорный аккорд (Dis-moll), соответствующий мажорному тоническому аккорду (Fis-dur).

За этот труд о. Израилеву всемилостивейше пожалован 14 июля золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями.

Вот что пишет г. К.И.⁶⁶⁰ о гармонически настроенных колоколах протоиерея Израилева.

«В нынешнюю летнюю поездку на родину мне пришлось быть свидетелем одного церковного торжества, оставившего по себе глубокое, можно сказать, неизгладимое впечатление в душе. Торжество это так исключительно, впечатления от него так дороги для всякого православного русского сердца, что мне невольно хочется поделиться их избытком.

Чтобы быть более понятным, начну несколько издалека. Ростов, Ярославской губернии, мой родной город, бывший некогда столицей Ростовского княжества, представляет собою один из древнейших городов русских. Богатый святынями и различными древними историческими памятниками, привлекающими к себе немало и благочестивых паломников, и исследователей родной старины, он хранит, между прочим, в стенах своего кремля такую историческую драгоценность, подобной которой не найдете вы ни на одном из городов русских. Это знаменитые своею гармоничностью ростовские колокольные звоны, устроенные во 2-й половине 17 века при древнем Успенском соборе ростовским митрополитом Ионою III Сысоевичем (1652–1691).

С искренним, неподдельным восторгом всегда слушались и слушаются многочисленными посетителями Ростова его мелодичные соборные звоны, но до самого последнего времени к этому светлому чувству примешивалось еще иное, противоположного свойства. Жалко становилось, слушая эти звоны, того, что они представляют собою лишь единичное исключительное явление, что тяжеловесные, заботливо украшенные надписями и рельефными изображениями наши церковные колокола никогда почти не бывают согласны между собою, что требования музыкальной гармонии при устройстве колокольного звона теперь обыкновенно совсем забываются, игнорируются.

И вот Ростов, с соборной колокольни которого слишком два уже века раздаются гармонически-величавые звоны, дал, наконец, человека, который не только строго научным образом определил эти звоны и положил их на ноты, не только предложил

особые нотные схемы для исправления некоторых из них, не только увековечил их гармонию на особых, поставленных на резонансовые ящики камертонах, но и поставил своею задачей распространить, воскресить на Руси православной этот забытый в наши дни колокольный гармонический звон. Я говорю о знаменитом своими неутомимыми полувековыми учеными занятиями в области музыкальной акустики маститом 76-летнем старце, о. протоиерее Аристархе Александровиче *Израилеве*, который в течение 45 с лишком лет проходил пастырское служение в Ростовском женском монастыре, – говорю о пастыре, который «не только своим теплым пастырским голосом всегда старался проповедовать слово Божие, но и холодную медь заставил благозвучно вещать славу Божию».

Немало трудностей должен был побороть протоиерей, прежде чем судил ему Бог увидеть осуществление своей долго лелеянной заветной думы... В настоящее время в различных местах насчитывается уже не менее десяти музыкально настроенных им звонов, которые оглашают собою не только обе столицы нашего отечества, не только западную и южную его окраины (Варшава и Крым), но и далекую Святую землю⁶⁶¹.

Наконец, нынешним летом и родная сторона о. протоиерея услышала у себя его гармонические звоны и радостным торжеством (которое и вызвало эти строки) приветствовала их первые звуки. Торжество состоялось в усадьбе сенатора, тайного советника Владимира Павловича Мордвинова – селе Ваулове Романово-Борисоглебского уезда. Владелец усадьбы, постоянно занятый благоустройством двух находящихся в ней храмов, устроил, между прочим, недавно при одном из них невысокую, изящную каменную колокольню-звонницу. 20-го минувшего июля на ней освящены были поднятые накануне 14 небольших сравнительно колоколов⁶⁶², музыкально настроенных о. Израилевым – уроженцем того уезда⁶⁶³, в пределах которого находится усадьба, а 1-го августа должен был раздаваться торжественный звон этих колоколов. Яркий, чистый звук благовестного колокола еще издали манил к себе слух, когда утром в этот день подъезжал я к с. Ваулову. Вслед за благовестом послышался скоро обычный пред началом литургии звон во все колокола. Местный псаломщик, наученный о. протоиереем, исполнил весьма удачно один за другим шесть звонов в различные тоны, в которые настроены колокола. Нельзя было не испытывать самой чистой, высокой духовной радости, слушая эту редкую, неслыханную музыку, и жалко как-то стало, что так скоро замолкла она... Небольшой храм во время литургии, которую совершал протоиерей Израилев в сослужении с 3 священниками, был переполнен молящимися. По окончании литургии устроен был крестный ход на воду. Гармонические звоны, чередуясь один за другим, снова услаждали собою слух, снова наполняли умилением душу. На этот раз они, казалось, были еще музыкальнее, еще художественнее. Глаза невольно поднялись вверх к звоннице и не могли оторваться от нее: так поразительна, так невиданна, редкостна была открывшаяся пред ними картина. На звоннице в роли звонаря стоял в камиллавке, украшенный драгоценным кабинетским наперсным крестом, сам маститый виновник торжества и с чисто юношеским религиозным одушевлением и живостью исполнял один за другим свои звоны; а когда крестный ход вернулся в храм, он сыграл на колоколах гимны «Коль славен» и «Боже, царя храни». Чутко прислушивалась к этим звукам полутысячная толпа народа, окружавшая звонницу. На ее открытых лицах без большого труда можно было прочесть то удовольствие, умиление и радость, которые будили в этих простых сердцах лившиеся с колокольни одушевленные, мелодичные звуки... Когда утомленный о. протоиерей не без труда спустился со звонницы, вся толпа, как один человек, дружно хлынула под благословение к нему.

Много дум, чувств и желаний пробудилось в душе под сильным впечатлением этого редкого церковного торжества. Припомнилась тут и наша западно-русская окраина... Как хорошо было бы, думалось, если бы этот чистый музыкальный звон проник и в тот край,

православно-церковная жизнь которого до сих пор должна считаться с враждебной силой воинствующего латинства; как хорошо было бы, если бы эти мерные мелодичные звуки, раздаваясь все громче и громче с православных наших храмов, покрыли собою нестройное гуденье колоколов, раскачиваемых на гордо высящихся латинских костелах.

Гармонически настроенные колокола в с. Ваулове

В архиве Александро-Свирской церкви, в селе Ваулове Романово-Борисоглебского уезда, Ярославской губернии хранятся следующие любопытные документы о гармонически настроенных колоколах:

I. Из рапорта церковного причта села Ваулова Романово-Борисоглебского уезда Вашему Высокопреосвященству, от 13 ноября 1891 года, ярославскому епархиальному начальству не безызвестно, между прочим:

1) что на вновь сооруженную в названном селе, согласно указу Ярославской духовной консистории от 16 сентября 1889 года за № 6816, церковную при Александро-Свирской того села церкви звонницу, освященную, по окончательной ее постройке, 20 июля 1891 года, навешаны все исстари принадлежащие сей церкви и значащиеся по церковной описи 1857 года пять колоколов, в коих весу: в первом 10 пудов 3/4 фунта, во втором 2 пуда 1/2 фунта, в третьем 1 пуд 4 фунта, в четвертом 22 фунта и в пятом 9 фунтов;

2) что все эти пять колоколов размещены по брусьям, расположенным в пролетах верхнего яруса звонницы, и

3) что в том же верхнем ярусе звонницы, по середине оного, положен еще особый деревянный, также предназначенный для помещения церковного колокола, квадратный соснового дерева брус, толщиной в 6 вершков, концы утверждены в восточной и западной стенах звонницы, поверх упомянутых выше пролетов.

Нотные примеры из книги: Сооружение и освящение в 1892 и 1893 годах четырнадцати колоколов, музыкально настроенных протоиереем Аристархом Александровичем Израилевым на звоннице при церкви во имя преподобного Александра Свирского в усадьбе Владимира Павловича Мордвинова с. Ваулове Романов-Борисоглебского у. Ярославской губ. – СПб., 1893. – С. 41–42.

Приобретя ныне для той же Александро-Свирской церкви новый колокол весом в 24 пуда 24 фунта, отлитый в Ярославле на заводе торгового дома «П.И. Оловянишникова сыновья» и долженствующий служить благовестным, имею честь испрашивать архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства на помещение этого колокола на вышеозначенный поперечный брус состоящей при Александро-Свирской церкви звонницы.

II. Прошением от 11 августа сего года испрашивал я архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства поместить на вновь сооруженной в усадьбе моей селе Ваулове Романово-Борисоглебского уезда, согласно указу Ярославской духовной консистории от 16 сентября 1889 года за № 6816, церковной при Александро-Свирской того села церкви звоннице приобретенный мною праздничный благовестный колокол, весом 24 пуда 24 фунта, отлитый в Ярославле на заводе торгового дома «П.И. Оловянишникова сыновья».

На прошении этом, хранящемся в подлиннике при делах вауловских церквей, Вашему Высокопреосвященству угодно было положить того же 11 августа следующую собственноручную резолюцию «Благословляется. Арх. Ионаф.».

Помянутый колокол был сооружен при содействии протоиерея церкви во имя святителя Стефана епископа Пермского, что при первой Московской мужской гимназии, Аристарха Израилева, выразившемся в личных со стороны сего протоиерея при отливке и обточке того колокола распоряжениях и наблюдении за тем, чтобы колокол этот, при ударах в оный, издавал музыкальный звук фа (F), соответствующий ноте, находящейся на 4-й линии нотной системы с ключом басовым, что и достигнуто вполне.

Ныне с Божиею помощью и благодаря тем же непосредственным личным трудам протоиерея Израилева, известного своею опытностию в области музыкальной акустики и

трусами своими по устройству гармонического звона церковных колоколов, привелось мне дожидаться окончания исполнения сделанного мною заказа по отливке для той же Александро-Свирской села Ваулова церкви тринадцати других, постепенно уменьшающихся по весу от предыдущего, колоколов, долженствующих служить для церковного гармонического звона. Перечень этих тринадцати настроенных протоиереем Израилевым в музыкальные звуки колоколов, с обозначением их веса и звуков, следующий:

1-й колокол 9 п. 30 ф. Звук его фа (F) соответствует ноте, находящейся между 1-й и 2-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

2-й колокол 4 п. 6 ф. Звук его соль (G) соответствует ноте, находящейся на 2-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

3-й колокол 2 п. 38 ф. Звук его ля (A) соответствует ноте, находящейся между 2-й и 3-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

4-й колокол 2 п. 28 ф. Звук его си бемольное (B) соответствует ноте, находящейся с бемолем на 3-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

5-й колокол 2 п. 2 ф. Звук его си (H) соответствует ноте, находящейся с отказом также на 3 линии нотной системы с ключом скрипичным;

6-й колокол 1 п. 29 ф. Звук его до (C) соответствует ноте, находящейся между 3-й 4-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

7-й колокол 1 п. 30 ф. Звук его до диезное (Cis) соответствует ноте, находящейся с диезом также между 3-й и 4-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

8-й колокол 1 п. 7 ф. Звук его ре (D) соответствует ноте, находящейся на 4-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

9-й колокол 38 ф. Звук его ми бемольное (Es) соответствует ноте, находящейся с бемолем между 4-й и 5-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

10-й колокол 1 п. Звук его ми (E) соответствует ноте, находящейся с отказом также между 4-й и 5-й линиями нотной системы с ключом скрипичным;

11-й колокол 28 ф. Звук его фа (F) соответствует ноте, находящейся на 5-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

12-й колокол 21 ф. Звук его соль (C) соответствует ноте, находящейся выше 5-й линии нотной системы с ключом скрипичным;

13-й колокол 15 ф. Звук его ля (A) соответствует ноте, находящейся на первой добавочной сверху линии нотной системы с ключом скрипичным.

На десяти колоколах 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 и 13-м, издающих звуки F-A-B-C-Cis-D-E-F-G-A, можно при звоне производить пять музыкальных аккордов: а) мажорный аккорд тоники *F-dur* (F-A-C-F-A); в дни праздничные к этому аккорду надлежит присоединить звук E праздничного колокола;

б) мажорный аккорд субдоминанты *B-dur* (B-D-F); к этому аккорду может быть присоединяем еще звук F первого колокола; в) мажорный аккорд доминанты *C-dur* (C-E-G): к аккорду этому может быть присоединяем еще звук G второго колокола; г) соответствующий мажорному аккорду тоники минорный аккорд *D-moll* (D-F-A): к аккорду этому может быть присоединяем еще звук A третьего колокола, и д) минорного аккорда *D-moll* доминантаккорд *A-dur* (A-Cis-E-A); в дни праздничные к этому аккорду надлежит присоединить звук F праздничного колокола;

На шести колоколах 3, 4, 6, 7, Эи 11-м, издающих звуки A-B-C-Cis (или des) – Es-F, может быть исполняемо *трисвятное надгробное*; поемое по великом славословии: а) в Великую субботу и б) в дни выноса честнаго и животворящаго Креста, как-то: 1-го августа, 14-го сентября и в 3-ью неделю Великого поста.

На двенадцати колоколах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12 и 13-м, издающих звуки E-C-A-B-H-C-C15-0-E-E-C-A, могут быть исполняемы мелодии двух гимнов: *Коль славен наш Господь в Сионе* и *Боже, царя храни*.

Долгом считаю и на этот раз, предварительно всяких распоряжений относительно поднятия перечисленных тринадцати колоколов на звонницу при Александро-Свирской села Ваулова церкви и надлежащего их там размещения, покорнейше испрашивал на сие благословения Вашего Высокопреосвященства, с тем, не соизволите ли Вы, Высокопреосвященнейший владыко, по учинении на настоящем моем прошении архипастырской резолюции прошение это мне возвратить для хранения оного в подлиннике при делах вауловских церквей, подобно тому, как это уже сделано с вышеупомянутым прошением моим от 11-го августа сего года.

III. В прошлом 1892 году содержателем храмов Божиих в селе Ваулове сенатором тайным советником Владимиром Павловичем Мордвиновым приобретены были, на собственное его иждивение, для состоящего в том селе зимнего теплого храма во имя преподобного Александра Свирского четырнадцать колоколов, отлитые по его же, г. Мордвинова, заказу.

На помещение всех сих колоколов на каменной звоннице, сооруженной при вышеназванном храме с разрешения епархиального начальства, приписанного в указе Ярославской духовной консистории нам, священно- и церковнослужителям, от 16 сентября 1889 г. за № 6816, и освященного 20 июля 1891 года, уже последовало архипастырское соизволение Вашего Высокопреосвященства, изъясненное в резолюциях, которые Вам угодно было собственноручно начертать 11 августа и 26 декабря 1892 года на поданных г. Мордвиновым по сему предмету на имя Ваше 11-го августа и 16-го декабря того же года прошениях. Оба эти прошения г. Мордвинова с резолюциями на оных Вашего Высокопреосвященства, быв возвращены от Вас ему, г. Мордвинову, хранятся ныне в подлинниках при делах вауловских церквей, и как с позднейшего из означенных прошений, именно с прошения от 16 декабря 1892 года, уже имеется при деле Духовной консистории о постройке в селе Ваулове церковной звонницы (дело 3 стола № 417/1889 г.) копия, снятая по распоряжению Вашего Высокопреосвященства, то в соответствие сему, для приобщения к тому же делу, при сем прилагается и список с первого из числа помянутых прошений, именно с прошения от 11 августа 1892 года.

На благовестном колоколе, доставленном в село Ваулово 13 августа 1892 года, независимо от вырезанной на сем колоколе надписи, обозначающей вес его в 24 пуда 24 фунта, имеются еще следующие надписи: *первая*, отлитая одновременно с отливкою самого колокола: «Лит в заводе торгового дома потомственного почетного гражданина П.И. Оловянишникова сыновей в Ярославле»; *вторая*, выгравированная: «Лета тысяча восемьсот девяносто второго отлит сей колокол для бесприходной во имя преподобного Александра Свирского церкви села Ваулова Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии, при священно- и церковнослужителях названного села иерее Павле Иоаннове Зефирове и чтеце Алексее Михайлове Эдомском. Настроен же означенный колокол в музыкальный звук *фа* известным своею опытностию в области музыкальной акустики и трудами своими по устройству гармонического звона церковных колоколов, уроженцем того же уезда протоиереем церкви во имя святителя Стефана епископа Пермского, что при Первой московской мужской гимназии Аристархом Александровичем Израилевым»; *третья*, также гравированная: «Того же лета отлиты для той же Александро-Свирской села Ваулова церкви прочие постепенно уменьшающиеся тринадцать колоколов, настроенные тем же протоиереем Израилевым в следующие музыкальные звуки: *фа, соль, ля, си бемольное, си, до, до диезное, ре, ми бемольное, ми, фа, соль, ля*. На сих последних колоколах могут быть исполняемы, независимо от музыкальных аккордов, мелодии некоторых церковных песнопений, а также двух гимнов *Коль славен наш Господь в Сионе* и *Боже, царя храни*.

Помещение благовестного колокола на звоннице при Александро-Свирской села Ваулова церкви и освящение сего колокола совершены были пятнадцатого августа

тысяча восемьсот девяносто второго года, в день храмового в названном селе праздника Успения Пресвятой Богородицы. В названный день литургию, точно так же, как и накануне оногo вечером всенощное бдение, с чтением на сем последнем акафиста Успению Божией Матери, отправлял ризничий первоклассного ярославского Толгского монастыря иеромонах Нектарий (ныне казначей ярославского Спасского монастыря) в сослужении со священниками Романово-Борисоглебского уезда, бывшим приходским села Богоявленского на Острове, ныне заштатным, Федором Барсовым, приходским села Никольского на реке Эдоме Николаем Овсецовским и местным села Ваулова Павлом Зефириным и диаконом ярославской градской во имя Владимирской Божией Матери церкви Федором Соловьевым, причем клировое чтение и пение исполняли псаломщики помянутого села Никольского на р. Эдоме Феодор Левиков (состоящий в сане диакона), Михаил Лебедев и Николай Троицкий и местный села Ваулова Алексей Эдомский. По окончании литургии и бывшего по оной праздничного молебна последовал из Успенской церкви к Александрo-Свирскому храму крестный ход. Пред дверьми сего храма отслужен был установленным в требнике порядком чин благословения кампана, при чем колокол, стоявший дотолe на особых подмостках, вслед за его окроплением и по совершении над ним по чиноположению каждения, поднят был на уготованное для него на звоннице место бывшими при настоящем церковном торжестве богомольцами из народа под ближайшим руководством прибывшего нарочито для сего в село Ваулово из Ярославля служащего на колокольном заводе Оловянишниковых мастера Петра Давыдова Маурина. По отпусе, на коем провозглашены были многолетия: 1) Государю императору и всему царствующему Дому, 2) святейшему правительствующему всероссийскому Синоду и святейшим патриархам православным Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому, 3) Его высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Ионафану архиепископу Ярославскому и Ростовскому со всею его богохранимою паствою и 4) благоверному правительствующему синклиту, военачальником, градоначальником, всему христоролюбивому воинству и всем православным христианом, пет был молебен преподобному Александру Свирскому, и за сим, согласно существующему в селе Ваулове обычаю ежегодного празднования настоящего храмового праздника, крестный ход продолжал шествие свое вокруг всего означенного села, с пением на пути следования четырех молебнов: а) св. Николаю Чудотворцу, б) иконе Божией Матери, именуемой Грузинскою, в) Спасителю и г) Успению Пресвятой Богородицы. При совершении во время всего крестного хода прописанных богослужений обязанности вторствующего диакона исполнял вышеназванный состоящий на должности псаломщика диакон Левиков.

Что же касается тринадцати колоколов, долженствующих служить как для церковных гармонических звонов, так и для исполнения на них церковных песнопений и гимнов, то колокола эти подняты были на ту же звонницу при Александрo-Свирской церкви в девятнадцатый день сего июля вечером, под личным наблюдением и руководством: во-первых, протоиерея Израилева, трудами коего приведены в гармонический звон как означенные тринадцать колоколов, так и вышеупомянутый благовестный, и, во-вторых, находившегося в сей день в Ваулове, для проверки правильности производящихся работ по постройке в сем селе церковной ризницы, архитектора Николая Никитича Никонова, причем по надлежащем размещении означенных колоколов, окончившемся уже после заката солнца, протоиереем Израилевым исполнена была на упомянутых колоколах (посредством ударов в оные деревянным молотком) мелодия гимна *Коль славен наш Господь в Сионе*, а вслед за сим, на открытом дворе пред дверьми Александрo-Свирского храма, отправлен был вауловским церковным причтом молебен преподобному Александру Свирскому. В двадцатый же день текущего месяца, на память святого славного пророка Илии, в том же Александрo-Свирском храме совершены были божественная литургия в обычное

время, а пред началом оной молебное пение пророку Божию Илии. По окончании литургии последовали крестный ход вокруг церковной звонницы и за оным освящение поднятых на оную накануне тринадцати колоколов по указанному в требнике чину благословения кампана. В сей день в богослужении вместе с вауловским церковным причтом принимали участие: на молебном пении и литургии местный духовник, бывший приходский села Богословского, что на погосте, Романово-Борисоглебского уезда, а ныне заштатный священник Феодор Миров, а во время крестного хода и освящения колоколов как тот же священник Миров, так и упомянутый выше протоиерей Израилев, которым, непосредственно по окончании богослужения, собственноручно произведены первые трезвоны в сооруженные под его наблюдением и руководством колокола и исполнены на сих последних (посредством ударов в оные деревянным молотком) мелодии двух гимнов: *Коль славен наш Господь в Сионе* и *Боже, царя храни*.

Доводя о всем изложенном до сведения Вашего Высокопреосвященства и представляя при сем экземпляре отпечатанных в С.-Петербурге в типо-литографии В.А. Вацлика в 1893 году нот, по которым на имеющихся при Александро-Свирской села Ваулове церкви колоколах могут быть исполняемы музыкально настроенные протоиереем Израилевым пять различных гармонических звонов, а равно мелодии как церковных песнопений *Со святыми упокой*, *Вечная память* и *Трисвятого погребального*, так и гимнов *Коль славен наш Господь в Сионе* и *Боже, царя храни*, обязанностью поставляем себе доложить:

1) что непосредственное наблюдение за правильности отпечатания означенных нот принимал на себя, по старому своему с В.П. Мордвиновым и протоиереем Израилевым знакомству, управляющий придворною певческою капеллою Милий Алексеевич Балакирев;

2) что одновременно с размещением на звоннице при Александро-Свирской села Ваулова церкви новоооруженных тринадцати колоколов прежние, висевшие дотолу на этой звоннице и значащиеся по церковной описи 1857 года колокола, числом пять, весом в 10 п. $\frac{3}{4}$ ф., 2 п. $\frac{1}{2}$ ф., в 1п.4ф., в 22 ф. и в9 ф., помещены того же 19-го июля на деревянных при той же Александро-Свирской церкви столпах, до времени, когда представится случай и возможность обратить оные на какое-либо приличное употребление, и

3) что протоиерей Израилев счел необходимым воспользоваться трехдневным пребыванием своим в Ваулове для преподавания лично из нас псаломщику Эдомскому практических наставлений относительно исполнения на вновь сооруженных колоколах гармонических звонов.

Священник села Ваулова Павел Зефир⁶⁶⁴ов.
Того же села псаломщик Эдомский» .

Карильоны и куранты

[...] Попытки настраивать колокола разных величин по диатонической или хроматической гамме встречались и в прежние времена. Такой набор настроенных колоколов называется *курантом* по-немецки Glockenspiel, по-французски Carillon, раньше quadrillon, происходит от quadrillonner, что первоначально означало *четыре колокола, гармонически настроенных между собой*⁶⁶⁵.

Слово «carillon» раньше «quadrillon» происходит от quadrillonner, что первоначально означало четыре колокола, настроенные в один гармонический аккорд. Quadrillonner перешло в carilloner. В фламандском наречии существует соответствующее слово beirden; последнее происходит от слова beieren, происходящее в свою очередь от старого фламандского слова «beeren», которое обозначало – дать звук.

Первые куранты были самого примитивного типа. Обыкновенно в колокола ударяли маленькими деревянными молоточками.

Название «clipotiaux» эти маленькие молоточки были в употреблении продолжительное время. Они упоминаются еще в 1499 г. в отчетах города Ath. Этот способ издавать колокольный звук посредством молота и языка не был музыкальным, так как, с одной стороны, служащий, нанятый для этой цели, был обыкновенно помощник пономаря (ondercoxter), человек без музыкальной подготовки, да и сами колокола не были гармонично настроены. В отчетах города Malines в 1430–31 годах говорится, что пономари всех приходских церквей города получали награды за трезвость по случаю рождения царственного лица. Но такие пономари были большой редкостью.

Впоследствии, для достижения более музыкального исполнения на колоколах, был приспособлен особый аппарат, нечто в роде клавира, употребляемого для клавесина; но прежде, чем достичь этого, следовало пройти чрез различные фазы совершенства. Набор колоколов обязан своим происхождением механическим часам, помещенным в башнях для извещения жителям города времени суток. Первоначально часовой механизм ограничивался обозначением часов рядом ударов в колокол, по образцу наших домашних часов. Но первые удары ускользали от внимания и во избежание этого неудобства усовершенствовали механизм, прибавивши цилиндр или барабан, который приводил в движение 3 или 4 маленьких молоточка, которые в свою очередь ударяли в такое же количество колокольчиков. Последовательный и повторяемый звон этих колокольчиков предупреждал жителей о бое часов. Этот звон колокольчиков назывался в фламандском наречии «Voorslag», т. е. сигнал, предвещающий первый удар часов.

Примитивная форма «voorslag» долго не изменялась. Прибавление клавиатуры представляло позже новый и важный этап в развитии игр колоколов, превращая их в инструмент, доступный для артистической руки. Последний этап перешли немного позже с прибавлением рычага, необходимого, благодаря постоянного увеличения числа колоколов и, следовательно, веса последних. В Andenarde открывается новый период для набора колоколов. Vanderstraeten дает заметку, которая показывает, что в этом городе клавиши были употреблены в 1510 году. В других городах этот механизм был употреблен гораздо позднее, – по всей вероятности, благодаря большому количеству существующих колоколов, требовавших более сложного механизма. В 1541 году набор колоколов был установлен в соборе Богоматери в Антверпене и был назначен особый звонарь. Появление в наборе колоколов более массивных и тяжелых потребовало нового механизма для того, чтобы привести их в движение.

Принимая во внимание тяжесть их языков, требовались более могучие силы, нежели человеческая рука, – тогда изобрели рычаг. Этот рычаг был испробован при наборе в Malines в 1583 году. По всей вероятности, он был приложен в ту же эпоху в

других местах. С тех пор набор колоколов не подвергался развитию. Совершенство заключалось только в механизме и числе колоколов⁶⁶⁶.

Отчеты города Malines, начинающиеся от 1311 года, упоминают про башенные часы St. Kambourt, существовавшие в половине XIV века. В конце этого века, часовой механизм приводил в движение манекен, руки которого, снабженные молоточками, ударяли по колоколу, предназначенному для боя часов.

Но в этих отчетах еще не упоминается о маленьких колокольчиках, служащих для «voorslag». Предполагается, что единственный «voorslag» начал действовать в Malines в 1441 году. Отчеты года 1440–41 действительно говорят о новых колоколах, отлитых в продолжение этого года. Многочисленные и значительные работы, произведенные в древней башне St. Kambourt относятся только к часовому колоколу, и мы не находим никакой заметки, касающейся другого рода колоколов. Мы не можем заключить, что колокола, вылитые в то время, были предназначены для боя часов и представляли примитивный «voorslag». Окончив эти работы, назначили в 1441 году часовщика с определенным жалованьем, обязанного присматривать за часовыми колоколами в башне St. Kambourt, и за ходом часов городской думы. Упоминание об этой службе часовщика встречается с тех пор аккуратно каждый год в счетовых книгах.

Эпоха, когда приняли начало эти маленькие концерты колокольного звона, точно не установлена. По распространенному повсюду преданию, первый музыкальный «voorslag» был изобретен в 1487 г. часовщиком из Alost; это утверждение чисто легендарное и ни на чем серьезном не основано.

Достоверно известно, что в 1537 г. Medard Waghevens, литейщик колоколов в Malines, снабдил семью колоколами «voorslag» в Alost. Фландрская хроника показывает, что в 1478 году на востоке Фландрии в городе Dunkerque был услышан первый набор колоколов, который к большому удовольствию и к удивлению всех воспроизводил музыкальные аккорды. Искусный изобретатель и мастер этого инструмента был молодой человек Jan Van Bevereen.

Buchius в хронике, названной Chronicon Windesemense, законченной в 1464 году, говорит, что в 1404 году Henri Loeder, будучи послушником в одном из монастырей, составил набор колоколов, который посредством цилиндра и молоточков воспроизводил гармоничные аккорды для пробуждения братьев⁶⁶⁷.

Куранты помещались обыкновенно на колокольнях и находились в связи с механизмом башенных часов или клавиатуры для игры.

Куранты особенно распространены в Голландии и Нидерландах. В настоящее время своими курантами славится Страсбург. В Венеции на так называемой *часовой башне* (Moire dell' Orologio) находятся любопытные часы, изображающие двух бронзовых вулканов, выбивающих на колоколе количество часов. При Петре Великом куранты появились и в России и были помещены на колокольне Исаакиевского собора (1710 г.) и на Петропавловской крепости (1721 г.), где находятся и донныне.

За наблюдением башенных часов обыкновенно назначаются специальные часовники.

В расходной книге московской Оружейной палаты читали: «часовнику, который при школах у боевых часов одному человеку двадцать три рубля, три алтына».

Куранты имеются также и на Андреевском соборе в Кронштадте, а на ростовской соборной колокольне существуют уже с XVII в., со времени митрополита Ионы III Сысоевича.

Над церковью Покрова города Александрова устроены те часы, которые в монастыре слышат русскими и которые, начиная счет времени от заката солнечного, обличают италийское происхождение.

При этих часах живет старушка, которая ежедневно заводит их, сверяет с солнцем и заведывает их механикой, которая, судя по наружности ее и устройству, должна быть

примитивная.

Надобно слышать, с каким заботливым участием говорит старушка о своих часах. Посредством двух деревянных дощечек она как-то устроила правильное движение маятника, который было испортился. Вся жизнь ее в этих часах. Впрочем, для монастыря они чрезвычайно важны, потому что все занятия монастырской общины распределены по ним.

Когда эти часы сделаны или откуда привезены – неизвестно. Если они устроены уже по основанию монастыря, то в эти времена у нас были свои русские часовщики. Из юридических актов мы знаем, что Петр Кузьмин Печонкин, тихвинец, посадский человек, в 1655 году взялся для одного девичьего монастыря своими работными людьми собрать казенные часы боевые, поставить их на колокольне наготово, *как им бить на четверо часы по четвертем, безмятежно*, указать их монастырскому человеку и вывести круг указной, по чем их водить и знать, и впредь шесть месяцев починивать их *безволокидно*, а все это за поднята рубли⁶⁶⁸.

В Киеве в четвертом этаже Лаврской киевской колокольни находятся боевые часы; четверти бьют 8 небольших колоколов в полной и довольно правильной октаве по диатонической шкале (*Scala diatonica*), но не по хроматической шкале, что не в натуре колокольных инструментов, и как-то по ошибке было указано в первом издании «Описания Киева» Закревского⁶⁶⁹.

Колокольня Братского монастыря в Киеве в три этажа; в ней помещены с 1828 г. боевые часы⁶⁷⁰.

На колокольне Соловецкого монастыря также находились куранты, о которых в монастырской описи (1676 г.) сказано: «Часы боевые с перечасьем железные и с кругом указным, а у них четыре колокола перечасных небольших немецкого же литья»⁶⁷¹.

По свидетельству летописца, в 1476 г. «Владыка Феофил приеха во Псков дек. 24 и часы повеле своим мастером самозвонные поставите на Святогорском дворе, а тыя часы сам же владыка со своим боярином Автономом приела в дом Живоначальныя Троицы...».

В 1404 году были сделаны первые боевые часы в Москве монахом Афонской горы Лазарем, по происхождению сербом⁶⁷². Они были поставлены на башне великокняжеского дворца, за церковью Благовещенья, и стоили 150 рублей или около 30 фунтов серебра. Народ дивился, глядя на них, как на чудо. При часах была сделана механическая фигура человека, ударявшего молотом в колокол при окончании каждого часа. В Троицкой летописи говорится об этих часах в следующих выражениях: «Сей же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы нощныя и дневныя; не бо человек ударяше, но человековидно самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено»⁶⁷³.

В XV же веке один из членов русской миссии в Италии на Флорентийском соборе, инок Симеон Суздальский, видел такие же часы и описывает их следующим образом: «В том же граде Ферраре на Папине дворе возведен бысть столп каменн, высок и велик, над торгом, и на том столпе устроены часы, колокол велик, и коли ударить – на весь град слышати. И у того столпа отведено крыльцо и двои двери; и коли приспеет час ударити в колокол, и выдет из столпа на крыльцо Ангел, просте видети, яко жив, и потрубит в трубу, и выходит другими дверями в столп; а людям, всем видящим, слышати мочно глас его; и потом в тот колокол великий восходящее Ангел на всяк час ударяше»⁶⁷⁴.

В первой половине того же XV века Новгородский епископ Ев- фимий поставил у себя на дворе каменную с тридцатью дверями палату, украшенную живописью и боевыми часами⁶⁷⁵.

Интересен ответ Ивана Грозного датскому королю Христиану III, приславшему ему в подарок в 1550 г. самозвонные часы. Но царь Иван Васильевич не принял их, отзываясь тем, что «нет надобности в часах Христианскому царю, верующему в единого Бога и не занимающемуся планетами и знаками зодиака»⁶⁷⁶.

Неизвестно, чем был вызван такой ответ, так как в то время на великокняжеском дворе были уже поставлены такие самозвонные часы.

У царя Феодора Иоанновича были часы боевые золочены, немецкого дела, походные на слонах, они стояли на окне. Император немецкий в 1597 году подарил Феодору Иоанновичу «часы с перечасьем (т. е. с репетицией), с людьми и с трубы, и с накры (т. е. с бубнами) и с варганы (с органом) и как перечасье и часы забьют, в те поры в трубы и в накры, и в варганы заиграют люди, как живые, – и другие часы с перечасьем и как забьют, и те часы запоют разными голосы». Борису Годунову были также посланы от него часы, «стоячие боевые с знамением небесным»⁶⁷⁷.

Куранты в Московском Кремле

В Москве куранты помещаются на Спасских воротах, которые в нынешнем своем виде остаются со времени Петра Великого⁶⁷⁸; этот Государь выписал из Голландии боевые часы и велел поставить их в башне над воротами. Всех колоколов в башне тридцать шесть, из них девять бьют четверти, а девять – часы; по надписи на последнем, в нем весу 135 пудов 32 фунта, остальные 26 колоколов без действия. На больших колоколах имеются надписи и на некоторых изображения св. Богородицы и св. Троицы⁶⁷⁹.

Фроловские (Спасские) ворота были построены в 1491 году итальянским архитектором Петром Антонио⁶⁸⁰ в том виде, как обыкновенно строились городские ворота, без высокой башни, которая существует теперь.

Они представляли стенообразную постройку на четыре угла, с шатровой кровлею, на вершине которой стояла небольшая башенка с маленькою главою, увенчанной большим двуглавым орлом. В середине башни, под главою, висел колокол, по всему вероятно, для часового боя, так как и в то время или, по крайней мере, в XVI столетии над воротами существовали часы.

На это указывает то обстоятельство, что в 1585 году при трех воротах Кремля – Спасских, Тайницких и Троицких, – находились на службе *часовники*.

В 1613–1614 годах упоминаются часовники, кроме указанных трех ворот, еще у Никольских. Они получали годового жалованья по четыре рубля и по две гривны на мясо и соль и, кроме того, по четыре аршина сукна настрафилю.

В 1614 году о часах на Никольских воротах упоминается в последний раз. Вероятно, в этом году они были разобраны. Потом в 1674 году были разобраны и Тайницкие часы, после чего Кремль оставался только с двумя башенными надворотными часами: Спасскими и Троицкими.

У Фроловских ворот в 1614 году был часовник Никифорка Никитин. Часы эти, вероятно, были не особенно сложного устройства, *русские*, как их называли в то время, разделяемые на *дневные* – от восхода солнца, и *ночные* – от его заката.

Спустя десять лет царь Михаил Феодорович пожелал устроить на воротах часы более сложной конструкции, несомненно по проекту, появившегося тогда (с 1621 года) в Москве искусного мастера, англичанина Христофера Головея, который для устройства новых часов предложил надстроить над воротами высокую башню, как это и было исполнено в 1624–1625 годах.

В сентябре 1624 года старые боевые часы были проданы на вес Спасскому ярославскому монастырю за 48 рублей; весу в них было шестьдесят пудов железа.

В том же году колокольный мастер Кирилла Самойлов слил на Фроловские ворота к часам тринадцать колоколов.

Когда была окончена постройка и часы стали указывать время и производить игру колоколами, государь очень щедро наградил строителя. 29 января 1626 года он получил государево и отца государева, патриарха Филарета Никитича, жалованье: серебряный кубок, десять аршин атласу алого, десять аршин камки лазоревой, пять аршин тафты виницейки-червчатой, четыре аршина сукна красномалинового, сорок соболей – 41 рубль, сорок куниц – 12 рублей; всего почти на сто рублей. «А пожаловал государь его за то, что он сделал в Кремле-городе на Фроловских воротах башню и часы».

В мае месяце того же года случился лютой пожар в Кремле, куда огонь перенесся от храма Василия Блаженного на Вознесенский монастырь и далее на Чудов и по всему Кремлю.

Новая башня вместе с часами погорела так, что надо было все устраивать вновь. Опять англичанин Головей принялся за работы, которые окончились уже в 1628 году,

когда 16 августа опять ему выдана награда, почти равная первой. Вместе с ним была выдана награда поменьше и *наряднику* Вилиму Граеру за то, что он был у башенного и у часового дела до московского пожара и после пожара.

Христофер Галовой, или как его тогда называли *Аловей, Ханове*, выехал в Москву на службу в 1621 году на жалованье по договору в год 60 рублей, кормовых по двадцати копеек в день, да на неделю по возу дров. В 1640 году он уже получал 75 рублей в год и удвоенные кормовые. Он состоял часовником Фроловской башни и придворным часовщиком, почему всякий корм и питье получал из дворца.

В 1428 году⁶⁸¹ он «починивал во дворец часы большие – Цесарская башня, и часики невелики воротные (носимые на вороту, ныне карманные) в серебре».

В 1654 году, 5 октября, в четвертом часу ночи, начался пожар на Фроловской башне; что было деревянного – все выгорело, и часы испортило, и часовой колокол упал, проломил своды в башне и разбился.

Потушить пожар было невозможно, потому что лестницы к часам были деревянные и вскоре погорели. Часовник на допросе сказал, что заводил часы без огня и отчего на башне загорелось, он про то не ведает.

Об этом пожаре, с большим сожалением, рассказывает упомянутый выше Павел Алеппский. Он говорит, что вернувшийся с литовского похода царь Алексей Михайлович, дойдя до Спасских ворот и увидев обгорелую их башню с часами, *горько заплакал*.

«Над воротами, – говорит Павел Алеппский, – возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству, и по громкому звону своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, *но и в окрестных деревнях более чем на десять верст*.

На праздник нынешнего Рождества⁶⁸², по зависти диавола, загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем, вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своей тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная, редкостная вещь, восстановление которой в прежний вид потребовало бы расходу более чем на 25000 динаров (рублей) на одних рабочих, была испорчена. И когда взоры царя упали издали на эту прекрасную, сгоревшую башню, коей украшения и флюгера были обезображены и разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обрушились, он пролил обильные слезы»⁶⁸³.

Конечно, архидиакон Павел все это описывает наполовину по рассказам москвичей, почему часы явились знаменитыми во всем свете. Но любопытно, что в числе украшающих и донныне Спасскую башню разных фигур и балясин находились, как упомянул архидиакон, и искусно высеченные из камня статуи, о которых упоминают и домашние свидетельства.

В 1624 году, 6 октября, по указу царя Михаила Феодоровича, сделано было на четыре болвана *однорядки* (верхняя одежда) суконные, сукна пошло *английского* разного цвету двенадцать аршин; а быть тем болванам, сказано в записи, на Фроловских воротах. Таким образом, эти болваны были поставлены, вероятно, по четырем углам ворот еще во время первоначального устройства башни по замыслу Галовея. Однако, по русскому обычаю, их одели в суконные кафтаны, вероятно с мыслью скрыть их статуynую, идольскую наружность и дать им вид живых людей⁶⁸⁴.

Что касается внутреннего устройства часов, то по этому предмету сохранились отрывочные указания только о часах, существовавших до постройки башни. Приведем несколько таких указаний.

В 1613 году Фроловский часовник делал к часам железный запор. В 1614 году фроловские часы возобновлялись и приводились в новый порядок, при чем часовник

Никитин делал у часов *шестерню да подъем перечасный*, а плотники сделали на воротах лестницы и крыльца и у часовника крыльцо восточное с дверью, а у часов у бою клали брусье новое и куплены скобы, чем прибить к брусу *боевую пружину*.

Бывший в Москве в 1661 году посол австрийского императора, барон Мейерберг, оставил нам даже изображение Фроловских часов, по которому видно, что вверху круглого циферблата было изображено солнце с лучами, неподвижное, при чем нижний его луч в виде стрелы, служил указателем цифр, расположенных по ободу циферблата, имевшему вращательное движение, подвигая по порядку изображенные на нем цифры к неподвижной стрелке, т. е. к неподвижному лучу солнца.

Таким образом, на этих часах ходила не стрелка, а ходил мимо стрелки обод циферблата с указанными вызолоченными цифрами, славянскими, каждая мерою в аршин.

Этот ходовой указательный круг–колесо в диаметре имел семь с четвертью аршин, кругом колеса – десять с половиной сажен. Середина циферблата была покрыта лазоревой краской и испещрена золотыми и серебряными звездами, с изображениями солнца и луны, что, конечно, представляло небесное пространство.

Таковы ли были и сгоревшие часы Галовея – неизвестно. После пожара в 1654 году часы, конечно, были возобновлены. Потом в 1668 году их снова возобновляли, вываривали от ржавчины в щелоку и починивали.

Так эти старозаветные часы дожили до XVIII столетия, когда в первом же году столетия, 1701-м, во время нового лютого пожара в Кремле, они, по всему вероятно, погорели вместе с другими зданиями.

С этого времени Петр Великий задумал устроить часы на Спасской башне «против (по подобию) немецкого обыкновения на двенадцать часов», притом с *колокольною игрою с танцами*, против манера, каковы в Амстердаме. Там и были заказаны такие часы.

В 1702 году государь повелел в Голландии купцам Христофору Бранту и Ивану Любау сделать *три колокольные часовые игры*. В 1704 году они изготовили только две игры и подали счет, что те колокола и танцевальные часы стали им с издержками в 42474 ефимка слишком.

В 1703 году часовник Григорий Алексеев доносил о старых часах, что на Спасской башне у боевых часов, у указного круга верхние шестерни испортились обе и тот указный круг не ходит.

В 1704 году заказанные Петром Великим часы прибыли из Архангельска в Немецкую слободу на двор генерала Лефорта, а потом оттуда перевезены на тридцати подводах на *Посольский двор* на (Ильинке) и поступили в заведывание Оружейной палаты. Ставил их на место и собирал в течение 1705–1709 годов иноземец Яким Тарное, Гарнель (*Garnault*). В 1709 году он доносил, что «его радением часы приходят к окончанию». Однако, есть свидетельство, что 9 декабря 1706 года, «по утру пробил 9 часов, а в 12 заиграла музыка: почали часы бить по-немецки и указанные круги на 12 часов»⁶⁸⁵.

[Князь А.Д.] Меншиков также устроил себе часы с курантами на церкви Гаврила Архангела (Меншикова башня), о которых упоминается в 1708 году. Упомянутая выше *третья игра* была доставлена купцами в Ингермонландскую канцелярию, т. е. прямо к Меншикову.

Как играли Спасские часы, об этом рукописных сведений не имеется. После Петра год от году они ветшали без починки, и в 1732 году заставили находившегося при них часовника Гаврилу Паникадильщикова донести по начальству о необходимости произвести починку обветшавших часов.

За перепискою между Оружейной палатой и Губернскою канцелярией ответа не последовало. Часовщик в 1734 году 2 января подал новое доношение, в котором писал,

что: «часы за непочинкою пришли в пущую ветхость и все другие часы ветхостью превосходят» и представил список материалов, потребных на починку, в том числе стали 11 пудов, железа 24 пуда, проволоки 20 фунтов, канату посконного 100 сажень, два круга деревянных указных, жестяных золоченых слов: латинских – три, русских – два, получасовых – три, звезд жестяных белых – 12, три гири бомбовы по 10 пудов и пр.

Между тем, в конце февраля того же 1734 года из Петербурга был прислан к управлению на Троицкой башне *колокольной музыки колокольный игральный обер-мастер* Яган-Христофор Ферстер.

Он нашел на башне двадцать шесть игральных колоколов, к которым в прибавок должен был прибрать еще восемь колоколов басовых. Вместе с тем он доносил, что «оная Троицкая башня, по его усмотрению, находится в тесном месте, в стенах и в глуши, и музыка с оной башни будет не слышна, а надлежит де оной колокольной музыке быть на Спасской башне, понеже де оная стала на всей красоте и вельми та колокольная музыка и игранье во дворце и в Москве будет слышна»⁶⁸⁶.

На это предложение Сенат решил, что ежели о бытии оной колокольной музыки на Троицкой башне особливого именного Ее величества указу нет, то оную музыку поставить на Спасской башне.

Но именно указ нашелся в Губернской канцелярии, где в протоколе было записано 1 января 1731 года, что «граф Семен Андреевич Салтыков приказал именным Ея величества указом с церкви Архангела Гавриила, что на Чистом пруде (Меншикова башня), *часовые колокола сняв поставить на Троицкой башне*, как надлежит, и к ним приделать инструмент, чтобы играли»⁶⁸⁷.

На основании этого указа Сенат в августе 1734 года приказал упомянутой колокольной музыке быть по-прежнему на Троицкой башне, где и должен был работать обер-мастер Ферстер.

Восемь колоколов, согласных голосами, он прибирал в Артиллерии на Пушечном дворе из хранившихся там шестисот колоколов, собранных в прежние годы по указам Петра Великого от церквей⁶⁸⁸.

Спасские часы, вероятно, были починены, но в большой пожар в 1737 году часы на обеих башнях погорели и были приведены в порядок в том же году.

Из приведенных свидетельств видно, что на Спасской башне в это время колокольной игры уже не существовало. На Троицкой башне она продержалась до конца XVIII столетия и, рассказывают, что колокольной музыкант разыгрывал руками и ногами даже «*Святый Боже*» при погребении первых вельмож, например, начальника Москвы графа З.Г. Чернышева в 1784 году и других, бранные останки которых были пронесимы в Троицкие ворота⁶⁸⁹.

Однако, в течение времени и Спасская башня получила такие же куранты. В 1763 году в помещениях под Грановитой палатой происходила разборка архивных дел бывших Преображенского и Семеновского приказов, при чем были найдены «*большие английские курантовые часы*», быть может, некогда снятые со Спасской башни.

По именному указу императрицы Екатерины Великой в 1767 году эти часы велено было поставить на Спасской башне, для чего был приглашен часовой мастер Фаций, запросивший за эту работу 14556 р[ублей]. Сумма по расходу была утверждена, а заведывание делом поручено вице-президенту Мануфактур-коллегии, Сукину.

Под его наблюдением установка часов продолжалась три года. В конце 1770 года Сукин донес Сенату, что установка часов мастером Фацием совсем окончена. Сенат приказал освидетельствовать работу, в какой исправности часы, в ходу и прочны ли будут на предбудущие времена, для чего собраны были часовые мастера, записные цеховые и вольные⁶⁹⁰.

* * *

Между зимним и летним Соборами гор. Углича возвышается осьмиугольная колокольня; она стоит отдельно и на ней устроены огромные боевые часы, которые бьют часы, четверти и минуты⁶⁹¹.

Куранты Петропавловской крепости

В 1720 году выписаны были для колокольни собора во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла, в С.–Петербургской крепости, из Голландии часы с курантами. Об этих часах Рубан пишет так: «на сих часах колоколов часовых больших и малых 35; у всякого колокола по два молотка и по одному языку; молотами играют часовые куранты, а языками играют полуденные куранты, произведением рук действ человеческих»⁶⁹².

В 1756 году 30 апреля в час по полуночи, молния ударила в колокольню собора Петропавловской крепости в Петербурге; действия удара сначала никто не заметил, но чрез два часа весь шпиц объят был пламенем. Пламя, сверху распространяясь вниз с необыкновенною силою, не только истребило все, что было деревянного на колокольне, но и самые колокола растопило.

Драгоценные часы с курантами в это время сгорели. Как ни значительно было повреждение собора, причиненное этим пожаром, и как ни трудно было исправление его, при тогдашнем недостатке в искусных мастерах, впрочем, по повелению государыни императрицы Елизаветы Петровны, через четырнадцать месяцев собор внутри совершенно обновлен.

Не так легко было заменить потерю часов, которая более всего огорчала правительство. Императрица Елизавета Петровна повелела Канцелярии о строении придворных домов и садов озаботиться об устройстве в наискорейшем времени, взамен утраченных, новых подобных же часов с курантами.

Устроить эти часы, кроме колоколов, изъявлял желание мастер Друнк Миллер, наблюдавший за правильностью хода и музыкальной игрою прежних сгоревших часов; он предполагал их сделать на сестрорецких или тульских железных заводах, и для этого просил из российских искусных мастеров и подмастерьев по двенадцати человек и до пятидесяти искусных кузнецов. На содержание рабочих Миллер требовал 30000 рублей, награду же за свои труды предоставлял вниманию и воле правительства. Однако Миллер давал такое обязательство только словесно, письменно же дать его не соглашался, и при том никакого ручательства за успех своего дела не представлял. В виду этого Правительствующим Сенатом ему было отказано, и тогда же решено было заказать часы в Голландии.

Председатель Канцелярии о строении, граф Фермор, письмом от 11 мая 1756 года просил чрезвычайного нашего посланника графа Головкина или приискать готовые часы для перемещения их в Петропавловскую крепость, или, если таких не найдется, заказать их вновь лучшим и искуснейшим мастерам.

На сделанное в газетах объявление графа Головкина вызвались устроить часы: 1) мастер Фришгоф в компании с литейным и пушечным мастером Фербригеном, за 86500 гульденов, полагая за часы и 31500 гульденов за колокола с молотами и языками, и 2) часовой же мастер Оорт Красе за 80084 гульдена и 12 стиверов или нашу монету за 32033 рубля и 84 копейки.

Оорт Красе пользовался в то время большою известностью за устройство в 1750 году знаменитых перпендикулярных часов для курфюрста в Кельне, при том за успех своего дела он представлял ручательство известнейших капиталистов в Гааге, и цена, им объявленная, была менее назначенной мастерами Фришгофом и Фербригеном: поэтому Правительствующий Сенат и поручил ему устройство часов, повелев графу Головкину заключить с ним контракт на условиях, которые предварительно были представлены Оортом Крассом в Правительствующий Сенат на рассмотрение.

1. Вышеобъявленным часовым мастером Барендом Оорткрассом именуются быть сделаны часовой стан с движением и квадратурою, тако ж принадлежащие к тому

колеса, мера и калибр должны быть учреждены по внутреннему месту колокольной уголки же столбики сделаны на подобие колонн новейших фасонов, а колеса наилучшим мастером и из наилучших материалов: в 37 колоколах равно весу 16506 фунтов, а российских 458 пуд по каждой 22 стивера, а российскими деньгами 44 копейки сделает 18157 гульденов 12 стиверов – 7262 р. 64 коп. В музыкальном валу на примере весу 3500 фунтов, а российских 97 $\frac{2}{9}$ пуд[а] каждый по 22 стивера, а российскими 44 копейки – 3850 гульденов – 1540 р. За резание 12120 скважин на музыкальном валу за каждую по 2 стивера, а российских по 4 копейки – 1212 гульденов – 484 р. 80 к. В молотках и языках к 37 колоколам весу 1843 фунта, а российских 51,5 пуд[а] за каждый по 10 стиверов, а российскими деньгами по 20 коп. – 921 гульден – 368 р. 40 к. За часы игральной машины совсем 48000 гульденов – 19200 р. – Итого за все дело кроме квинта 72139 гульденов и 12 стиверов – 28855 р. 84 к. Когда ж определено будет, что и квинт возьмется, то весу в оном 700 фунтов, а российского 19 $\frac{4}{9}$ пуда придет за металл и за литье – 7700 гульденов – 3080 р. В молотке и языке квинту 490 фунтов, а российских 31 $\frac{11}{15}$ пуда – 245 гульденов – 98 р. Всего с квинтом 80084 гульденов 12 стиверов – 32033 р. 84 к. Вместе с сею экспликацией представлена была Оорт Крассом и следующая табличка, для объяснения устройства часов. Таблица, из которой можно усмотреть число, звание колоколов и как они весом друг от друга различаются тако же и числа молотков и языков, как и вес оным.

2. Барабанчик имеет быть около 5 футов 8 долей в длину по аглинской мере, и 6 футов 5 долей в вышину, или в диаметре, оной разделится в 120 мер, а именно 74 меры для всех часов, 36 мер для оной половины часов. 4 меры для первой четверти, а 6 мер для третьей четверти. Что все учинить 12120 нотных дыр, и нот, кои на барабанчике быть должны.

3. Машина, которая управляет руками и ногами, имеет состоять их тонких искусно сделанных пружин, дабы самый большой колокольный язык для действия не был труднее самого меньшего колокольного же языка; для рук сделаны будут 37, а для ног 20 до 23 клавилов; проволока, которая проведена будет от клавилов до колоколов, имеет быть из хорошей меди.

4. Четыре указательные цифирные доски будут около 9 до 10 английских футов в диаметре, и имеют быть сделаны из битой меди, а сзади толстыми железными прутьями и 2 кольцами укреплены, вверху же делается еще медная связка около 25 долей шириною, которая утверждена будет шурупам, длина цифирных букв имеет быть по пропорции и величине указательных цифирных досок, указательные же стрелки будут сделаны из красной меди, а дырки на цифирных досках обложены быть имеют самую хорошею медью, шпиг, на котором кладется стрелка, имеет на конце також, обложен быть медью, потому что оной всегда на свободном воздухе бывает.

5. Часовые и курантные гири имеют быть все свинцовые.

Число колоколов	Число молотков и языков	Нумеры колоколам	Вес колоколам	Вес молоткам	Вес языкам
		КВИНТ	7000		
1	2	C	3200	198	150
2	2	D	2280	138	91
3	2	E	1620	99	65
4	2	F	1430	88	58
5	2	F+1	1140	71	45
6	2	G	1040	64	42
7	2	G+1	850	53	34
8	2	A	698	44	28
9	2	B+1	620	38	25
10	2	H	490	28	19

11	3	C	450	43	18
12	3	C+1	370	33	15
13	3	D	310	30	12
14	3	D+1	270	24	11
15	3	E	234	23	9
16	3	F	204	20	8
17	3	F+1	171	18	8
18	3	G	157	16	7
19	3	G+1	128	13	6
20	3	A	108	11	5
21	3	B+1	98	10	4
22	3	H	83	9	3 1/2
23	3	C	78	9	3
24	3	C+1	64	8 1/2	2 1/2
25	3	D	53	8	2
26	3	E+1	46	8	2
27	3	E	38	7 3/4	1 3/4
28	3	F	34	7 1/2	1 1/2
29	3	F+1	33	7	1 1/3
30	3	G	30	6 3/4	1 1/6
31	3	G+1	26	6	1
32	3	A	22	5 1/2	1
33	3	B+1	19	4	3/4
34	3	H	17	3 3/4	3/4
35	3	C	16	3	1/2
36	3	CIZ	15	2 3/4	1/2
37	3	DIZ	14 1/2	3 1/2	1/3
	101		16506 1/2	1843	

6. Колоколов с квинтом должно быть числом 38: а весом около 23506 фунтов. Молотков на колокола будет 101; а весом с языками около 2451 фунта, языков же числом столько же, как и колоколов, а именно 38.

7. И как вышепоказанному часовому мастеру Баренду Орткрассу по учиненному описанию и сообщенной при том росписи ни коим образом невозможно что либо из суммы 84084 гульденов 12 шт. Голландских уступить, ибо он все наитончайше сметил, разве что должно будет во всех часах некоторую отмену учинить, и несколько оных уменьшить, тако ж и худшие материалы к тому употребить, то Его сиятельство господин граф Головкин соглашается чрез сие о даче ему часовому мастеру Баренду Орткрассу ради выше предъявленных им резонов означенного числа 80084 гульденов 12 шт. голландских, а понеже Его сиятельство господин граф Головкин получил уже из Санкт-Петербурга надежное известие, что вексели на сии деньги вскоре пересланы будут; того ради Его сиятельство как скоро оные получит половину сей суммы, а именно 40042 гульдена 6 шт. голландских ему часовому мастеру Баренду Орткрассу, взяв надежную в том поруку выдать, но доставленные 40042 гульдена 6 шт. голландских имеет оной часовой мастер Баренд Орткрасс получить в то время, когда часы будут совсем готовы; и знающими часовыми и курантными мастерами осмотрены и опробованы, на против чего он, часовой мастер Баренд Орткрас, обязуется, что вышеозначенная сумма 80084 гульдена 12 шт. голландских ему сполна заплатится, то он после за сии часы с курантами более уже ничего требовать не может и не должен.

8. Железные переклады, на которых привешены будут колокола, могут быть сделаны в Санкт-Петербурге, и он, часовой мастер, перешлет модель, каким образом такие переклады делать и класть надлежит, ибо оные по меньшей мере 6 или 8 недель

прежде нежели колокола привешены будут в колокольне, утверждены быть должны, сии же переклады имеют быть сделаны на счет Ее императорского величества.

9. Перевоз часов и курантов отсюда до Санкт-Петербурга имеет быть такожде на счет Ея императорского величества, и ежели мне самому оные часы и куранты там поставить должно будет, то мне и старшему подмастерью моему все издержки на проезд туда и обратно возвращены, а притом и со дня нашего отсюда отъезда, даже до дня возвращения нашего сюда по 2 червонных денег на день, а именно нам обоим по 4 червонных ежеденно давано быть имеет, ибо я таким проездом при здешней моей работе по меньшей мере двух червонных на каждый день лишиться принужден, равномерно ж; потребные для поставки оных часов помощники, а притом еще и такой человек, который бы по-немецки и по-русски читать и писать умел (дабы другие меня и я их разуметь мог) мне даны быть имеются.

10. А сколько времени ему, часовому мастеру, к изготовлению сих часов оное прежде точно назначено быть не может пока деньги действительно уже заплачены не будут; есть ли всем не весьма долго замедлять, то он уповает еще в 1759 году совсем справиться, так что оные часы того же лета в Санкт-Петербург перевезены быть могли б, ибо иначе буде самое способнейшее летнее время пройдет, формам уже высохнуть нельзя, но к тому целый год еще положить должно.

11. Украшения на колоколах чаятельно состоять будут в Российском императорском Гербе или в высочайшем Ея же императорского Величества вензельном имени, и для того же нижеподписавшийся просит дабы к нему рисунок, каким именно образом сии украшения сделаны быть имеют, прислан был⁶⁹³.

Контракт был заключен 7 июля 1757 г.; Оорт Красе принялся за работу с таким успехом, что в ноябре 1759 года уже уведомлял графа Головкина, что вся машина к апрелю будущего года будет уже совсем готова, чтобы в Петербурге поспешили все приготовить для надлежащей постановки часов на Петропавловской колокольне.

Кроме того, Оорт Красе опасался и весьма справедливо, что для успешной постановки часов на колокольне ему недостаточно будет одного подмастерья, как это назначено в контракте, и потому просил графа Головкина о дозволении взять с собою в Петербург, кроме одного, еще четырех подмастерьев, с тем, чтобы как содержание, так и жалованье им было отнесено на счет российского правительства. Граф Головкин на это согласился, и 11 декабря 1759 года заключил с Оортом Крассом законный договор, подписанный, впрочем, за болезнью графа, его сыном, но скрепленный печатью посольства. Вследствие сего договора, Оортом Крассом 19 того же декабря заключены контракты с четырьмя другими подмастерьями: подмастерья обязывались около мая 1760 года быть готовыми отправиться в Петербург, Оорт же Красе должен был, сверх издержек на проезде туда и обратно, выдавать каждому из них по три червонца в неделю, считая срок с того числа, в которое его работа будет освидетельствована, и по число возвращения в Гаагу. О таких своих распоряжениях Оорт Красе уведомлял Канцелярию о строении двукратно, в январе и феврале 1760 года.

Наконец, в 1760 году часы были совершенно готовы, как и обещал их мастер. Для освидетельствования их избраны по два искуснейших часовых мастера, как со стороны Оорта Красса, так и со стороны русского посольства. Освидетельствование произведено 22-го апреля, в присутствии публичного нотариуса и сына графа Головкина, при чем оказалось, что часы устроены совершенно согласно с контрактом, что «мера и величина калибра их сделаны по пропорции имеющегося в той (в Петропавловской колокольне) внутреннего места, которого и предъявлен рисунок и что все сделано самым лучшим искусством и из самого лучшего материала». Только колокола весили на 226 ф[унтов] более, нежели как назначено в условиях. Акт освидетельствования подписан четырьмя мастерами и потом скреплен публичным нотариусом в Гааге, бургомистрами и ратманами города Гааги с приложением печати,

сыном российского посланника графом Ив. Головкиным с приложением же печати посольства.

Оорту Крассу теперь надлежало получить остальную сумму денег и затем отправиться в Россию с редким и драгоценным произведением своего искусства. Но денег из России не присылали до самой осени и не делали никаких распоряжений о перевозке часов; между тем Оорт Красе, на основании заключенного с подмастерьями контракта, должен был давать им содержание и жалованье, и даже должен был нанять особенный дом для помещения часов с клок-шпилем: очевидно, это вводило его в излишние издержки, которых он мог бы избежать, отправившись с часами в Петербург сразу после их освидетельствования. Только 1-го октября ему было выдано 11011 гульденов, и затем уплата остальных денег продолжалась по частям в разное время до 13 числа июля 1761 г.

Наконец, в июле же, через секретаря российского посольства г. Коробова объявлено было Оорту Крассу, чтобы он немедленно отправился в Петербург с часами и 5 подмастерьями и что он там щедро будет вознагражден за все претерпенные им убытки. Ему выдано было кормовых денег 480 червонных. Для перевозки часов нанят был корабль «Фрау–Мария», шкипер Мартен Иоганнез за 1800 гульденов, которые, по условию, имели быть заплачены в Петербурге. Все хлопоты и расходы по сему делу поручены были банкирам братьям Пелсам. Часы были застрахованы, и страховой суммы заплачено 2403 гульд[енов], пошлины в Зунде 375 гульденов; рабочим, переносившим часы на корабль, 1586 гульд[енов]; всего издержано по этому случаю около 4000 гульденов.

22-го июля Оорт Красе отправился из Голландии и 22 августа благополучно прибыл в Петербург. Но здесь его ожидали великие огорчения. Колокольня, для которой устраивались часы, не только не была окончена, но к устройству ее даже не приступали. Для повешения часов определено было выстроить деревянный домик, шириной в 4 сажени и вышиною в 6 аршин. В этом маленьком домике канцелярию о строении повелено Оорту Крассу собрать и заставить действовать весь сложный громадный часовой механизм, который назначался для башни вышиною в 26 сажен. Посему многие вещи в часах и клок-шпиле, которые он делал применительно к башне колокольной, ему пришлось переделывать; работы свои он должен был производить под надзором часового мастера Друнк Миллера и мастера игральной машины Ферстера, которые прежде заведовали часами на Петропавловской и Исаакиевской колокольных.

К сожалению, между Оортом Крассом и Друнк Миллером возникло неудовольствие, виновником которого должно считать последнего. Миллер, вероятно, недовольный тем, что не ему поручено было устройство часов, как он о том предлагал Канцелярии о строении в 1757 году, усиливался излить свою досаду на Оорте Крассе. Он неоднократно доносил Канцелярии о строении, что в привезенных из Голландии часах еще многое не сделано, что в самом механизме часов многое сделано неправильно, и что потому часы едва ли будут действовать, когда будут повешены на колокольне. Эти мысли он позволял даже себе выражать перед Оортом Крассом и терпеливого голландца довел, наконец, до того, что последний выгнал его из комнаты, где находились часы, и запретил впредь впускать туда как его, так кого-либо из его учеников.

К этой неприятности для Оорта Красса присоединилась другая, еще более тяжкая. По приезде в Петербург он начал просить Канцелярию о строении, чтобы его, наконец, удовлетворили: 1) за наем дома для часов в Голландии; 2) за наем 4 подмастерьев, по 3 червонца каждому с мая 1760 года; 3) за лишний металл, употребленный для колоколов. Кроме того, он просил еще, чтобы ему выдали проценты на тот капитал, который он получил спустя более года после срока.

Нельзя не сознаться, что требования Оорта Красса были справедливы, как то впоследствии было выражено и в промемории от Правительствующего Сената в Канцелярию о строении. Но Канцелярия о строении таких требований не сочла нужным уважить, ссылаясь на то, что по контракту Оорт Красе должен был взять одного подмастерья, и притом в контракте сказано, чтобы кроме той суммы, за которую он подрядился устроить часы, ему ничего более не требовать. Огорченный Красе жаловался своему посланнику в Петербурге, который и входил нотою по сему делу в коллегия Иностранных дел. Но и ходатайство голландского посланника не имело никакого успеха. Канцеляриею о строении, с утверждения Правительствующего Сената, определено было выдать ему и одному только его подмастерью по два червонца на день до времени окончательной отделки часов. В то же время поручено было Миллеру и Ферстеру, пригласив некоторых членов Академии наук, осмотреть часы и назначить срок, в который они могут быть окончательно собраны и опробованы. Для сего назначено было 9 месяцев и за это время с присоединением 50 дней для проезда в Петербург и обратно в Голландию, определено выдать Крассу с главным его подмастерьем 1280 червонных, если же он продолжит свои работы далее назначенного срока, то ничего более ему не выдавать.

14 августа 1762 года Оорт Красе приглашен был в присутствие Канцелярии о строении, где ему и было объявлено последовавшее на его просьбу решение и предложена была часть назначенной ему суммы. Но Красе отказался принять предлагаемую ему сумму и объявил, что отделки часов он продолжать более не будет до тех пор, пока его справедливые претензии не будут удовлетворены. Снова потом он обратился к ходатайству своего посланника, и опять без всякого успеха сей последний представлял ноту в коллегия Иностранных дел.

Между тем, Оорта Красса на чужбине постигло новое горе, с которым бороться у него не стало сил. Деньги, привезенные с собою из Голландии, были все им истрачены. Красе принужден был даже продавать свои вещи для содержания себя с подмастерьями и для удовлетворения сих последних жалованьем. В течение 2 лет, не получая ниоткуда никаких средств, он даже наделал значительных долгов. Подмастерья, не получая за несколько месяцев жалованья, хотели его оставить и возвратиться в Голландию. Кредиторы, за неуплату долгов, наконец, посадили его в гильдянский дом, откуда он, впрочем, через три дня был освобожден по ходатайству Канцелярии о строении.

В столь трудных обстоятельствах Оорт Красе согласился на все. В июле месяце 1763 года он просил Канцелярию о строении в счет назначенной ему суммы выдать 600 червонных для уплаты долгов, обязуясь непременно окончить отделку часов в последних числах декабря того года. В обеспечение своего обязательства он даже представил поручителем члена Конторы лифляндских и эстляндских дел коллежского советника Ивана Иванова Крока, который дал письменное удостоверение, что, ежели к назначенному сроку часы не будут готовы, то он, Крок, возвратит Канцелярии о строении всю сумму, какая будет выдана Оорту Крассу на его нужды. Деньги были выданы, и с 28-го июля он принялся за работу с успехом, но только жестокие морозы помешали ему совершенно окончить устройство часов к назначенному им сроку.

С прекращением стужи, в начале весны он надеялся окончить свое дело только с двумя подмастерьями; остальных же трех в январе 1764 года он хотел отправить обратно в Голландию; и на издержки по случаю их отъезда просил Канцелярию о строении выдать ему остальные 320 червонцев. Но Канцелярия о строении в этом отказала ему, основываясь на донесении Друнк Миллера, который писал, что «он просматривал тайным образом как сам, так и чрез данных ему учеников, производство работы, и до сего числа (16-го января) в часах ничего не сделано». Это новое огорчение до такой степени подействовало на несчастного Красса, что в апреле месяце он сде-

лался болен и 27 мая 1764 г. скончался. Так печально кончил свою жизнь на чужбине весьма замечательный механик, пользовавшийся известностью во всей Европе.

В 1820 г. внук Красса, полковник голландской службы, обращался к императору Александру I с просьбой об удовлетворении претензии его деда; но что последовало по этой просьбе, неизвестно. Смерть Красса надолго потом оставила окончательную отделку часов. Канцелярия о строении первоначально предлагала это дело главному подмастерью покойного Красса, но он отказался от такого поручения, объявив, что он может работать только под руководством опытного мастера, и возвратился в Голландию.

Нужно было искать нового искусного механика; а в то время это было не так легко. В 1765 году найден был в Петербурге вольный часовой мастер Иоганн Эрдман Ридигер, которому и поручено было осмотреть часы и объявить условия, на которых он может принять на себя труд собрать их и потом поставить на колокольню. Ридигер, по осмотре часов, объявил, что часы устроены весьма искусно и делают честь своему мастеру, что для приведения их механизма в действие нужно не более 2 месяцев. Окончательную отделку часов Ридигер соглашался произвести за 300 червонных; но за поставку часов на колокольню он требовал или 2000 рублей или принятия в службу с производством по 600 руб. в год жалованья. Условия Ридигера были приняты Канцеляриею о строении уже в 1776 году. Ридигер был принят в русскую службу с производством ему назначенного им самим жалованья, и с полным успехом не только окончил устройство часов, но и поставил их на колокольне.

В конце того же 1779 года жители столицы снова с удовольствием услышали ту музыку, которой лишились они от пожара ровно за двадцать лет. Механик Ридигер первою статьею контракта обязался: «Содержать часы и куранты в непрерывном и исправном ходе, биении и игрании, а сверх того ежедневно, выключая субботу, полчаса, т. е. с половины двенадцатого до двенадцати часов, а по воскресеньям и другим праздникам с двенадцати до второго часа играть на находящихся при часовой машине клавикордах разные музыкальные штуки, и оные чрез всякие четыре недели переменять».

Бой часов, по свидетельству Рубана, был следующий: 1) «Полчетверти часа ударяют несколько колоколов немного; 2) четверть часа бьют несколько колоколов небольшой курант; 3) полчаса играют во многие колокола небольшой курант в половину тона; 4) часовой курант играют во все колокола во весь тон; 5) в небольшой колокол бьют полчаса; 6) а по окончании часа, ударяют в большой колокол»⁶⁹⁴.

В 1781 году Ридигер умер и его место занял механик Иоанн Георг Страссер с жалованьем по 800 рублей в год; кроме того, на содержание часов ему производилось по 300 рублей в год.

После успешного исправления их, Страссер в течение 10 лет обязался: «Содержать часы в надлежащей исправности и обучить часовому мастерству шесть учеников; для приучения же тех учеников играемые штуки в курантах переменять не реже, как чрез каждые «два месяца». Жалованья Страссер получал по 1500 рублей ассигнациями в год, кроме 300 рублей, отпускавшихся на отопление и освещение мастерских комнат, а также на покупку масла и проволоки для часов».

В течение восьми лет (1781–1789), Страссер заведовал часами с отличною исправностью, и во вверенных ему учениках успел приготовить себе способных и знающих преемников. Сии последние вступили в заведывание часами в марте 1789 года, с жалованьем: двум старшим по сту рублей в год, а троим остальным по восьми-десяти рублей. Сумма на ремонт часов осталась прежняя.

В 1817 году часы, от времени уже повредившиеся, были разобраны и исправлены придворным часовых дел мастером – сыном механика, прежде заведовавшего петропавловскими часами – за 12000 руб. государственными ассигнациями.

Около 1840 года музыкальный механизм часов повредился, и игра на клавирах прекратилась⁶⁹⁵.

Берхгольц в своем дневнике посещения Петербурга вот что рассказывает о посещении колокольни Петропавловского собора: «7 августа мы целым обществом входили на колокольню в крепости, чтобы послушать игру курантов и посмотреть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая в городе: чрезвычайно любопытно там поглядеть на игру музыканта, особенно тому, кто не видывал ничего подобного. Я, впрочем, не избрал бы себе его ремесла, потому что для него нужны трудные и сильные телодвижения. Не успел он исполнить своей пьесы, как уже пот градом катился с его лица. Он заставлял также играть двух русских учеников, занимающихся у него не более нескольких месяцев, но играющих уже сносно. Большие часы играют сами собою каждые четверть и полчаса»⁶⁹⁶.

Часть 3. Занимательные истории о колоколах

В прежнее время колокола имели громадное значение в гражданской жизни. Они заменяли часы, бывшие в то время большой редкостью. Удары колокола возвещали жителям начало и конец работ, вход в город и тушение огней.

Одному из кафедральных Бовенских колоколов, в который ударяли только, чтобы возвестить продажу рыбы, было дано народом прозвание: *Торговка рыбой* (La Poissarde.) В Этампе колокол, возвещавший о том, что пора тушить огни, получил название: *Преследователя гуляк* (Chasse-Ribaub.)

То же самое прозвище было дано одному из колоколов Руанской башни. Напомним, что удивительный колокол, подаренный архиепископом Руанским Риголь и получивший его имя, был приводим в движение только для щедрых клиентов, не жалевших на вино звонарям. Оттуда пошла поговорка *пить в честь Риголь*⁶⁹⁷.

Как было сказано выше, кроме церковного значения, колокола играли видную роль в нашей исторической жизни, имея политическое и гражданское значение.

Таковы колокола: вечевые, набатные, осадные, часовые и вестовые. Некоторые из них подвергались наказанию и, осужденные в ссылку, слыли опальными, ссыльными.

Наказание новгородского колокола

Предание говорит, что Иоанн Грозный велел отрубить уши у колокола при церкви Св. Николая в Пскове за то, что он звоном своим испугал коня, на котором ехал царь.

О таком же случае в Новгороде в записках Павла Якушкина находим следующие подробности: «В Новгороде на стенной колокольне показывают колокол, про который мне рассказывали следующее: ехал Грозный царь с Торговой стороны на Софийскую. Въехал он на большой мост (его теперь нет), в это время ударили в колокол, под Иваном конь пал на колена. Грозный велел у колокола отрубить уши. Теперь этот колокол перелит. В Пскове есть такое же предание, там тоже показывают колокол без ушей, он лежит на колокольне на плахах, и в него звонить нельзя»⁶⁹⁸.

В нашем народе сохранилась об этом событии следующая легенда: «Услышал Грозный царь во своем царении в Москве, что в Великом Новгороде бунт. И поехал он с каменной Москвы великой и ехал путем–дорогой все больше верхом. Говорится скоро, делается тихо. Въехал он на Волховский мост; ударили в колокол у святой Софии и пал конь его на колени от колокольного звону. И тут Грозный царь воспроговорил коню своему: «Ай же ты мой конь пеловой мешок (мякина), волчья ты сыть; не мошь ты царя держать – Грозного царя Ивана Васильевича». Доехал он до Софийского храма и в гнев велел отрубить снасти у этого колокола, чтобы пал на землю, и казнить его уши. «Не могут, говорит, скоты, звону его слышать».

И казнили этот колокол в Новгороде – ноне этот колокол перелитой»⁶⁹⁹.

Ссылка угличского колокола

В Тобольске на церкви Всемиловейшего Спаса находился сосланный Борисом Годуновым набатный колокол, в который заблаговестили, когда был умерщвлен в Угличе Дмитрий царевич. Звонил соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот, прозванный «Огурец».

Летописец об этом событии говорит: «Соборный же пономарь, видя пагубу блаженного и тек на колокольню, заприся тамо и нача в колокол бити; они же убийце и советницы их приступаху к нему, веляху ему престать, он же паче бияше, хотяху же и его убити, но не могоша»⁷⁰⁰.

Пораженный этим убийством и полный мщением, народ прежде всего свою злобу и месть излил на этот колокол. Его сбросили с колокольни, отрубили одно ухо и били кнутами.

В статье М.И. Пыляева «Исторические колокола»⁷⁰¹ находим любопытные сведения об этом колоколе.

По приказанию Бориса Годунова он был сослан в Тобольск в 1595 г. и повешен был сначала на Спасскую колокольню. Здесь он висел до 1837 года, когда по распоряжению архиепископа Антония, снят оттуда и повешен подле архиерейского дома, при крестовой церкви, под небольшим деревянным навесом.

Целью последнего перемещения было то, чтобы показать, если потребуется, эту историческую достопримечательность посетившему в 1837 году Тобольск Наследнику цесаревичу.

В настоящее время угличский колокол сзывает к богослужению, а в то время, когда он висел на соборной колокольне, в него отбивали часы и при пожарах били в набат.

Весу в нем 19 пудов 20 фунтов, он *корноухий*, т. е. с отсеченным ухом. Звук у него резкий и громкий, надпись по краям вырезана, а не вылита, она гласит: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия в 1593 году⁷⁰², прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемиловейшего Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной».

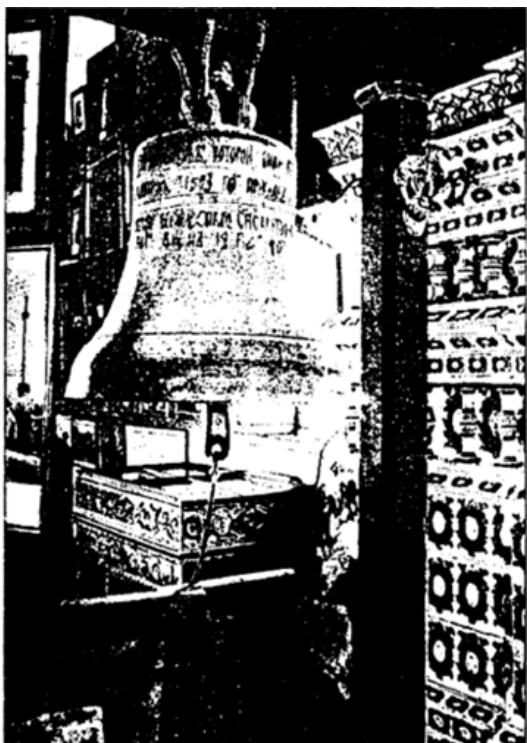
Как склад надписи так и форма букв новейшего времени.

В декабре 1849 года в Угличе возникла мысль о возвращении сюда ссыльного колокола; местные жители, в числе сорока человек, обратились к министру Внутренних дел графу Перовскому с просьбою об исходатайствовании им Высочайшего разрешения для возвращения из Тобольска на их счет колокола.

По докладу министром этой просьбы императору, поведено: «Удостоверясь предварительно в справедливости существования колокола в городе Тобольске и по отношении с обер-прокурором, просьбу сию удовлетворить».

Министр вошел в сношения с обер-прокурором и, по предложению последнего, Синод обратился с вопросом о колоколе к Тобольскому архиепископу Георгию.

Из ответного на этот вопрос сношения преосвященного Георгия оказалось, что в Тобольске при крестовой Свято-духовской церкви тамошнего архиерейского дома действительно находится корноухий колокол, слывший ссыльным, и что в сочиненной в Тобольске книге, под названием «Краткое показание о сибирских воеводах» есть известие о присылке в 1593 году⁷⁰³ в Тобольск в ссылку корноухого колокола, в который били в Угличе в набат при убиении благоверного Димитрия царевича.

Ссылный угличский колокол, находящийся в настоящее время в городском музее г. Углича

Затем Синод сделал предписание ярославской Духовной консистории «собрать самовернейшие сведения – не известно ли епархиальному начальству, или духовенству города Углича, чего-либо положительного о том колоколе, о возвращении которого из Тобольска просят угличские граждане».

Вследствие этого, и Консистория, с утверждения архиепископа Ярославского и Ростовского Евгения, указом от 25 июля 1850 года, сделала сообразное тому предписание углицкому Духовному правлению.

В этом предписании велено было обратить внимание и на архив правления, но так как хранящиеся в нем бумаги восходят не далее 1740 года, то, разумеется, он и не мог послужить никаким документом по вопросу о колоколе.

Но за всем тем некоторые лица из означенного духовенства выставили на вид местное предание, свидетельствующее о ссылке углицкого набатного колокола в Тобольск, и известия об этом, находящиеся в «Древней Российской вивлиофике» – [Н.] Новикова, в «Истории государства Российского» – [Н.М.] Карамзина и в «Памятниках Московской древности» – [И.М.] Снегирева.

Преосвященный Евгений, донося об этом Синоду, прибавил, что епархиальному начальству «ничего положительного об означенном колоколе не известно».

Синод, рассмотрев приведенные углицким духовенством сведения о колоколе, нашел их, точно так же как и сообщенные архиереем Георгием, неудовлетворительными, и в определении своем, подписанном 11-го мая 1851 года, объявил, «что сими сведениями не подтверждается мысль, что колокол сей тот самый, которым возвещено было в Угличе убиение царевича Димитрия, и что, вероятно, мысль сия уже поколеблена в понятиях самих угличских жителей известием, напечатанным в «Ярославских губернских ведомостях» 1850 года, № 5».

Этим и окончилось дело о возвращении колокола.

В 1888 году в Угличе опять возникло в среде граждан дело о колоколе, и в Петербург приезжал выборный от городской думы г. Соловьев хлопотать о возврате его из Тобольска.

Хлопоты его увенчались успехом, и в 1892 году 20 мая колокол был обратно перевезен в Углич, где был встречен представителями всех сословий города с массой народа.

К девяти часам утра 21 мая колокола были уже помещены на временную звонницу, устроенную против собора на площади.

В девять часов началась божественная литургия, на которой присутствовали представители города и большое стечение народа. После литургии местный протоиерей А. Субботин сказал приличествующую случаю речь, в которой приветствовал граждан города Углича с возвращением в стогны града ссыльного колокола, возвестившего 15 мая 1591 года о кровавом событии – мученической кончине царевича Димитрия.

Затем, после литургии, совершен был крестный ход из собора на площадь, где помещен колокол. Здесь при участии всего городского духовенства, при громадном стечении народа совершено было благодарственное Господу Богу молебствие.

По окончании молебна местный протоиерей, окропив крестообразно святой водой колокол, позвонил в него. И раздался по Угличу заунывный звон, который три века тому назад печально пронесся здесь, извещая о мученической кончине любимого народом царевича Димитрия. Пред умственным взором присутствующих представилась мрачная страница того печального времени.

Что каждый чувствовал в это время – трудно описать; заметно было, что многие плакали и долго не отрывали глаз от свидетеля отдаленного и не забытого прошлого, на мгновение переносясь к этому прошлому и как бы переживая трудную годину своих предков⁷⁰⁴.

В настоящее время этот колокол помещен в городской музей.

* * *

В Николаевском Карельском монастыре имеется набатный колокол, отправленный из Москвы, как говорит предание, по указу царя Феодора Алексеевича в 1861 г. за то, что звоном своим испугал его во время послеобеденного сна.

Между *опальными* и *ссылными* колоколами есть некоторые называемые *лыковыми*, т. е. такие, которые были ранее разбиты и затем связаны лыком. Такой лыковый колокол имеется в одном из монастырей Костромской губернии, куда он был прислан из Москвы Иваном Грозным.

Пленные колокола

Из покоренных городов великие князья и цари брали колокола, как военную добычу. Так, в летописи под 1066 г. значится «Приде Всеслав и взял Новгород и колоколы съима у Святыя Софии и Паникадил съима»⁷⁰⁵.

Далее, под 1146 г. говорится, что «Изяслав в Киеве взял колокол»⁷⁰⁶.

Грозный царь, опустошая Новгород в 1570 году, взял из собора ризничную казну, многия драгоценные вещи, чудотворныя Корсунския иконы, ризы и колокола⁷⁰⁷.

Эти летописные указания, кроме того, ясно говорят, что колокола в те времена были слишком незначительного веса, вероятно, не тяжелее тех паникадил, которые вместе с колоколами Всеслав «у Святыя Софии съима».

Далее, мы видим, что в последующее время, когда вес и размеры колоколов значительно увеличились, «полон» их почти совсем прекратился, так как перевозить их по тогдашним дорогам было крайне затруднительно.

Но в более раннее время нашей истории такое пленение колоколов было развито в сильной степени, и только в редких случаях победитель возвращался без этих трофеев, которым, очевидно, народ придавал большое значение.

С побежденных брали то, что составляло, согласно условиям времени, наивысшую национальную святыню, каковой являлись тогда, между прочим, и колокола.

Не даром летописец восклицает – «о велико бяше беда в час тыи!..»⁷⁰⁸

Тверь в знак своей покорности выслала Иоанну Калите соборный колокол. Карамзин об этом говорит так: «Константин и Василий Михайловичи уже не дерзали ни в чем ослушаться Иоанна и, как бы в знак своей зависимости, должны были отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колокол, отменной величины, коим славились тверитяне»⁷⁰⁹.

От 1284 года сохранилась даже грамота смоленского князя Феодора Ростиславовича о суде про колокол⁷¹⁰.

Из Великого Новгорода и Пскова были вывезены их вечники⁷¹¹ московским государем. О том, до чего народ любил эти колокола, можем заключить из следующего летописного сказания. Когда в Псков явился дьяк Долматов с приказом великого князя отобрать вечевой колокол, то «псковичи, удариша челом в землю, и не могли против его ответа дата от слез и туги сердечныя. Токмо тые не испустили слез, иже младенцы, ссущие млеко. И бе тогда во Пскове плач и стонание во всех домех, друг друга обнимающе»⁷¹².

Когда, продолжает летописец: «На утрие же освитающему дни, позвониша на Вечье и собращася», народ, хорошенько обсудив свое положение, пришел к заключению, что борьба с великим князем была немыслима и ничего более не оставалось, как подчиниться его воле. И отвечал народ дьяку, что он готов покориться и «нынче Бог волен, да Государь в своей отчине и дедине во граде Пскове, и в нас, и в колокол нашем»⁷¹³.

Далее, летописец следующим образом описывает это событие: «И генваря в 13 спустиша колокол вечной у св. Троицы и начата псковичи, на колокол смотря, плакати, по своей старине и по своей воли и повезоша его на Святогорский двор к Ивану Богослову, где ныне Наместнич двор. Тоя же нощи повезе Третьяк вечной колокол к великому князю в Новгород»⁷¹⁴.

На место этого колокола великий князь в 1518 году, по словам летописца, «прислал в Псков ко храму святой Троицы большой колокол, на место вечевого»⁷¹⁵.

Барон Герберштейн в своих «Записках о Московии» пишет: «В старину Псков был весьма обширен и независим, но наконец в 1509 году⁷¹⁶307 Иоанн Васильевич овладел им и обратил его в рабство, а также увез колокол, звоном которого созывался сенат для

совещания о государственных делах (Senatus ad rempublicam coustitueudam cogebatur)⁷¹⁷.

После покорения Новгорода оттуда был привезен в Москву вечевой колокол и повешен на колокольне Успенского собора.

«Как привезен был, говорит летописец, и взнесли его на колокольницу на площади с прочими колоколами звонити».

За колоколом, по преданию, ушел в Москву тот глухонемой звонарь, который весь свой век прожил при нем, звонил в него и не хотел расстаться с ним⁷¹⁸.

Полагают, что этот колокол впоследствии был помещен на Набатную башню около Фроловских (ныне Спасских) ворот.

В Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда в с. Млеве, лежащем на берегу реки Меты, при церкви Спаса Нерукотворенного показывают могилу какой-то Марфы. Местное предание утверждает, что тут погребена Борецкая, умершая на пути в Москву и *что вечевой колокол по приказанию царя брошен тут же в реку Мету*.

12 ноября 1623 года жители Витебска убили униатского епископа Иосафата Кунцевича, раздраженные жестокими его мерами к распространению унии. Шестнадцати зачинщикам этого дела отрублены были головы, а так как все жители более или менее принимали участие в убийстве, то отнято было у города право Магдебургского суда, снят вечевой колокол, разорена ратуша и граждане отданы под непосредственный суд и расправу воеводы. Современники записали, что когда с башни Ратуши снимали колокол и стали разрушать самое здание, то раздалось повсюду тяжкое стенание⁷¹⁹.

Во многих церквях и монастырях России и особенно в Сибири имеются колокола, называемые «пленными», взятые в плен, как военная добыча.

В Красноярске, на соборной колокольне, имеется один колокол, исписанный какими-то восточными письменами. По преданию, он взят из буддийского храма, по другим рассказам его нашли лет пятьдесят тому назад при разрытии одного кургана в Минусинском селе.

В летописи под 1481 г. говорится: «Псковичи привезоша к великому князю немецкаго полону 8 колоколов Вельязских». В другом месте находим: «Псковитяне прислали великому князю 50 Феллинских колоколов»⁷²⁰.

Во время войны царя Алексея Михайловича с Польшей, в Сибирь было послано много пленных поляков и литовцев, а с ними отправлены и колокола. Некоторые из пленных колоколов привезены были даже в Енисейск. Но война с Польшей кончилась, и вследствие Андрусовских договоров, по царскому указу, пленники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно на свои прежние места. Впрочем, нет сомнения, что как многие из литовцев и поляков добровольно остались в Сибири и после поступили то в городовые, то в линейные казаки, так и колокола, по крайней мере некоторые, не возвратились на родину⁷²¹.

Обычай вывозить колокола, как военную добычу, заставлял население, во время нашествия неприятеля, прятать их.

Находка колокола в погосте Дворицах, Псковской губернии, Новоржевского уезда 29 июня 1897 года, подтверждает это.

Он найден был при следующих обстоятельствах: девочка, ловившая в реке раков, случайно заметила в реке колокол, который оказался очень древним. Недалеко от берега она ощупала рукою на дне реки какое-то углубление, а в нем двух раков. Чтобы вытащить их из воды, она принуждена была оттащить кусок земли, закрывший это углубление, которое и оказалось внутренностью колокола.

Найденный колокол весит около пяти пудов и имеет следующую надпись: «Лета 7098 (1590 год⁷²²) ноября 2-го дня слит бысть колокол сий к великомученицы Парасковей нареченный Пятницы в Ржеву Пустую (очевидно, в существовавший раньше в Псковской области городок Пусторжев) при государи цари и великом князе Феодоре

Ивановиче всеа Руси повелением детей боярских... (не разобрано слово, вероятно, собственное имя; вообще надпись, сделанная без словоразделения, читается нелегко) Иванова сына за Петра Александрова сына Бухвостовых (фамилия имеющая представителей и в настоящее время), и при священнике Феодоре, а лил колокол Васка Иванлов».

Таким образом, открытому колоколу триста лет. Вероятно, он был зарыт в землю во время бывшего здесь «литовского разорения», а не попал сюда случайно, например, во время пожара церкви, так как в ухе колокола сохранилась деревянная плаха, на которой он висел, и река, размывающая берега, вымыла его⁷²³¹¹.

Вообще около Двориц, упоминаемых в Псковской летописи уже под 1536 г., находят много древностей.

Так, несколько лет тому назад один крестьянин в находящемся в полверсте от Двориц болоте, недалеко от того места, где, по преданию, был монастырь, упоминаемый в той же Псковской летописи и сожженный во время литовского нашествия, нашел колокол с латинской надписью: «Gloria Dei manet in aeternum» и с датой 1554 г.

Здесь, недалеко от Двориц же, диакон Туровской церкви нашел котел с древними медными монетами⁷²⁴.

О находке древних колоколов в воде встречаем в грамоте царевны Софии, которую приводим ниже:

«Похвальная грамота государыни царевны Софии Алексеевны Холмогорскому и Важскому архиепископу Афанасию, за усердное его старание о построении соборной церкви во имя Преображения Господня. Писана 1485⁷²⁵, в июле: «От великия государыни благоверная царевны и великия княжны Софии Алексеевны богомольцу нашему Афанасию, архиепископу Холмогорскому. В нынешнем во рѣг (1685) году июня в ѣн (28) день писал ты к Нам великой государыне: на Колмо-де-горах у нашего богомолья соборная церкви боголепнаго Преображения Спасова колокольна каменная в совершенно строения приходит; а соборную церковь строить начали мая с ѣ (10) числа, а припасов камени тесового и бутового к тому церковному строению довольно кирпича двести тысяч от Архангельскаго города взято, да июня в ѣ (3) числе в озере Яковлевском, во время ловли рыб, нашли три колокола, и те колокола построены в соборе на колокольне. И Мы великия государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна о тцании твоём к строению соборная церкви боголепнаго Преображения Господня и о колокольном строении жалуем тебя и похваляем. Писана на Москве. Лета зрѣг (1685), июля в... день»⁷²⁶.

После мирного договора со Швецией жителям Нарвы была отдана обратно обращенная [А.Д.] Меншиковым в православную церковь кирха для свободного богослужения, *но колокола были взяты*.

Об этом в указе императрицы Анны Иоанновны от 12 февраля 1733 года за № 6323 читаем: «§ 3. Имеющиеся ныне на той бывшей кирхе 9 колоколов с нее, ежели ей отдача по прежнему учинена будет, велеть снять и отдать их к соборной в том городе Нарве обретающейся Преображения Господня церкви для благовеста и звона, и для тех колоколов построить вновь колокольню, на той или при той церкви, а удобное к тому колокольному строению место имеется, а без той колокольни, при соборной церкви, в том новозавоеванном городе Нарве, быть отнюдь невозможно»⁷²⁷.

Самозвоны

Как уже было сказано, колокола имели громадное значение в гражданской жизни разных народов.

В дурную погоду колокола служили указателями дороги. Звон в колокола был обязателен не только в непогоду в горах, но также и в равнинах при снежных бурях.

В России в начале шестидесятых годов полиция приказывала звонить по селам днем и ночью для указания дороги в снежные ураганы. В некоторых местностях России этот обычай сохранился до последнего времени. По поводу снежных метелей, столь часто в России бывающих, при которых нередко случалось гибнуть и людям, ими застигнутым, сочтено полезным предложить хозяевам об устройстве в селениях самозвонов. Это орудие, будучи приводимо в движение ветром, звонит, и тем указывает прохожим и проезжим, застигнутым метелью, на место, где они могут укрыться от вьют и сохраниться от опасности.

В № № 3 и 4 «Записок Императорского Общества сельского хозяйства южной России» 1845 г. напечатана статья г. Христофорова о самозвоне⁷²⁸ или колокольчике, приводимом в действие ветром, и приложены правила устройства снаряда, с надлежащими к тому чертежами. Пользу самозвона г. Христофоров объясняет так: «От высоты С.-Готара до наших степей южной России, много говорили и писали о том, как полезен звон колокольчика во время метелей, особенно ночью, когда зрение должно быть заменено слухом. К сожалению, колокольчики, выставленные у нас по дорогам при заезжих домах не приносят ожидаемой пользы, потому что приведение их в действие возлагается иногда на такого человека, который по лености или беспечности часто забывает звонить, когда нужно.

Из многих печальных примеров, нередко повторяющихся в наших степях: человек вышел за воду, сбился с дороги, и его нашли замерзшим в нескольких верстах от деревни. Всякий знает, как отрадно во время метели услышать лай собаки; но это голос животного, а не зов человека.

Желание избавить путешественника от опасности и человека от труда звонить подало мне мысль предоставить приведение колокольчика в движение самому ветру; как этот способ сберегает труд, и заставляет действовать природу, то и польза его очевидна».

Редакция «Записок Императорского Общества сельского хозяйства южной России», в примечании к статье о самозвоне, присовокупляет: «Минувшею зимою выставлена была, на несколько времени, у казармы одесской арестанской роты гражданского ведомства, модель самозвона в большом виде, устроенная изобретателем его г. Христофоровым. При каждом несколько сильном ветре, самозвон г. Христофорова приходил в движение и продолжительно звонил.

«Члены Общества сельского хозяйства южной России, Е.Г. Гагарин и Бомон, которым поручено было Обществом освидетельствовать это изобретение, донесли, что по простоте и прочности устройства самозвона, по их мнению, всякому легко пользоваться этим изобретением, и что его польза неоспорима во время метели, в наших степных пространствах».

Не сомневаясь в действительной пользе самозвона, имеющего целью предупреждать несчастные случаи, могущие быть с путешественниками во время бурь и метелей, так часто случающихся в степных наших губерниях, директор департамента Сельского хозяйства министерства Государственных имуществ приказал учрежденной при Департаменте Комиссии для дел технических и строительных сделать модель самозвона по чертежу, приложенному к описанию самозвона г. Христофорова, и подвергнуть ее испытаниям на открытом воздухе. В мае месяце 1846 года, модель

самозвона, сделанная в Технологическом институте (по масштабу в 1/8 аршина), выставлена была на крыше дома, занимаемого департаментом Сельского хозяйства, в С.-Петербурге в Большой Миллионной улице.

Члены Комиссии, наблюдавшие за действием самозвона в течение 8 дней, убедились, что при каждом, даже незначительном ветре, колокольчик производил звон. На основании таких наблюдений, Комиссия для дел технических и строительных, журналом от 3 июня 1846 года донесла директору департамента Сельского хозяйства, что самозвон, действительно, может вполне соответствовать предполагаемой цели и, по системе своего устройства, постоянно производя звон, с какой бы стороны ни было движение ветра, может указывать путь к большим дорогам или селениям, смотря по тому, где самозвон устроен, и что весьма полезно было бы распространять введение их в местах степных, где несчастные случаи с путешественниками от бурь и метелей, преимущественно встречаются.

В начале февраля месяца 1847 года, директор департамента Сельского хозяйства приказал повторить опыты над самозвоном в зимние месяцы, в Лесном и Межевом институте, как месте загородном и более открытом. Директором Лесного и Межевого института рапортом от 3 апреля донесено департаменту Сельского хозяйства, что модель самозвона, изобретенного г. Христофоровым, была поставлена на крыше главного корпуса, и в продолжение наблюдений постоянно производила звон при ветре умеренном, т. е. скорость которого была от пяти до десяти футов в секунду; но в одну ночь, от сильного порывистого ветра, пружина, служащая для усиления удара язычка в колокол, переломилась в точке изгиба ея⁷²⁹.

Пленные колокола (окончание)

Характерно, что русские придавали колоколам чрезвычайно большое значение: так, например, после осады Риги царем Алексеем Михайловичем, «отступая с величайшей поспешностью, побросали съестные припасы, пушки, порох, ядра, даже деньги, и сверх сего, кроме значительного числа лодок, оставили более 200 стругов, больших и малых, *только взяли с собою колокола и органы из Гошпитальной и Иисусовой церкви*⁷³⁰.

Пленными колоколами особенно богата Петербургская губерния, отчасти Москва и затем, как было уже сказано выше, Сибирь.

Из замечательных шведских старинных колоколов один находится в Петербурге за Невской заставой на фарфоровом заводе, весом в тридцать пудов, с латинской надписью: – «Soli Dio⁷³¹ gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686 Holmiae Misael Bader».

По рассказам одних, этот колокол найден был в земле при постройке каменной церкви, на месте которой в старину была шведская кирка. По другим преданиям, он был взят в плен от шведов Петром Великим⁷³².

В церкви Петровского Троицкого собора в Петербурге есть колокол, взятый в Або в 1713 году⁷³³.

Набатные, осадные и сторожевые колокола

Набатные колокола были известны в глубокой древности. Набат был единственным способом огласить какое-либо бедствие и собрать народ. Набат отличался особым характером звона, горожане очень хорошо отличали его от благовеста церковного.

В Кремле, по словам И.Е. Забелина⁷³⁴, особые набатные колокола висели с трех его сторон, где находились и городские башенные часы: 1) у Спасских (в XVI в. Фроловских) ворот, на малой, нарочно для того построенной башне; этот колокол назывался спасским набатом; 2) к Замоскворечью на Тайницкой башне (называвшейся в XVI в. Водяными воротами у Тайника), и 3) к Занеглименью на Троицком мосту, на Троицких (в XVI в. Ризположенских) воротах.

Во время стрелецкого бунта в 1682 году, по сказанию очевидца Сильвестра Медведева, «бита в колокола набатные по всему Кремлю».

По значению своему кремлевский набат был большой, предполагающий малые набаты: первым иногда служил большой колокол на Ивановской колокольне⁷³⁵.

Настенная башня у Спасских ворот цела и до сих пор; в старину она называлась *Царской, Сторожевой, Набатной и Всполошной*.

Название Царской она получила благодаря тому, что русские государи после своего коронавания восходили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади. Другие названия объясняются тем, что здесь некогда висел *набатный* или *переполошный* колокол, в который звонили в случае угрожавшей городу опасности – во время нашествия врагов, мятежа, пожара.

Такой звон назывался *всполохом* или *набатом*, от арабского слова *pobouat*, перешедшего к нам от татар, а самый колокол, смотря по обстоятельствам, – осадным, вечевым, набатным, всполошным.

Впрочем, *набатом* назывался также и большой барабан или тулумбас. Маржерет, описывая русское войско, говорит, что всякий генерал имел свой набат, род барабана, покрытого кожей, который возили на лошади⁷³⁶.

Кроме набатных колоколов, как было уже сказано, существовали еще в городах [колокола] *осадные*, которыми извещали жителей о приступе неприятеля.

Так, псковичи в 1581 году звонили в осадный колокол при осаде Пскова Стефаном Баторием⁷³⁷.

Отсюда можно заключить, что колокола различались между собою по звуку, чтобы жители сразу отличили: пожар или приступ неприятеля.

Кремлевский набатный колокол

На башне у Спасских ворот, как полагали, был вечевой колокол, привезенный в Москву из Великого Новгорода, после покорения его Иоанном III. Теперь остались одни перекладины, на которых висел этот вечник вольного города⁷³⁸.

Может быть, новгородский вечевой колокол перелит был в московский набатный или всполошный 1673 г.⁷³⁹ По указу царя Феодора Алексеевича, он сослан был в 1683 году в Корельский Николаевский монастырь за то, что звоном своим испугал царя.

На нем вылита следующая надпись: «Лета 7182 [1674 г.], июля в 25 день, вылит сей набатный колокол Кремля города Спасских ворот; весу в нем 150 пудов». Кроме этой на нем находится другая *вырезанная* надпись: «7189 года, марта в 1 день, по именному великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя России самодержца указу, дан сей колокол к морю, в Николаевский Корельский монастырь, за государское многодетное здравие и по его государских родителей в вечное поминование неотъемлемо, при игумене Арсение»⁷⁴⁰.

На набатном колоколе (вышиной в 2 арш. 2 верш., в диаметре 2 арш. 4 верш.), хранящемся в Оружейной палате, читаем: «1714 июля в 30 день, вылит сей набатный

колокол из старого набатного ж колокола, который разбился, Кремля города ко Спасским воротам, весу в нем 108 пуд. Лил сей колокол мастер Иван Моторин».

Этот колокол висел на башне у Спасских ворот, вместо сосланного в Корельский монастырь. Из дела о московском бунте во время мора 1771 года значится, что тогда звонили в набатный колокол для сбора народа. За это императрица Екатерина II велела отнять у него язык, без коего он висел до 1803 г. и тогда был снят с башни и поставлен под каменным шатром у Спасских ворот в Кремле, вместе с большими пушками. По сломке шатра, он сперва перемещен в Арсенал, а потом в Оружейную палату⁷⁴¹.

Царь Алексей в 1668 г., января 6, назначил кремлевскому набатному звону такой порядок: «Будет загорится в Кремле, – бить во все три набата в оба края поскорю. Будет загорится в Китае – бить в один спасский набат в один край, скоро же. Будет – в Белом городе, в спасский набат в оба края потише и в набат, что на Троицком мосту, в оба края потише. В Земляном городе, – в набат на Тайницкой башне в один край, тихим обычаем, бить развалом с расстановкою»⁷⁴².

В ночь 17 мая, когда был свергнут Лжедмитрий, по словам Петрея: «Народ проснулся от звона нескольких тысяч колоколов, которые били набат»⁷⁴³.

В Самаре, на соборной колокольне до сих пор находится набатный колокол, присланный сюда в 1643 году царем Михаилом Феодоровичем⁷⁴⁴.

В описи городского Рязского кремлевского имущества значится вестовой колокол, весом в 12 пуд. Этот колокол находился в городе у Московской башни на городской стене; а в 1701 году по указу великого государя Петра Алексеевича и по грамоте из Пушкарского приказа взят в Москве в Пушкарском приказе. Какое назначение имел этот колокол, – рукопись умалчивает^{745, 746}.

На Спасской башне в Казани висит древний набатный колокол.

Случай со снятым набатным колоколом

Вот что сообщает Г.В. Есипов о [московском кремлевском] набатном колоколе.

В 1803 году стены и башни Московского Кремля во многих местах начали разваливаться, и московская Кремлевская экспедиция озаботилась об их исправлении.

Главнуправляющий этой экспедицией П.С. Валуев командировал чиновника в Набатную башню с приказанием снять осторожно колокол и сдать его в Экпедицию для хранения в кладовой, впредь до исправления башни.

Когда сняли колокол и хотели везти его в кладовую, явился офицер с солдатами и заявил, что комендант приказал оставить колокол на площади, и поставил к нему двух солдат.

Сконфуженный чиновник донес Валуеву об аресте колокола.

Валуев, отличаясь непомерным самолюбием, послал к коменданту чиновника, который на словах заявил ему: чтобы он немедленно возвратил колокол.

Комендант потребовал письменного объяснения. Валуев не замедлил такое послать и немного резкое.

Комендант нашел тон письма да самого требования оскорбительным и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову.

Главнкомандующий, вероятно, тоже не совсем довольный тем, что Валуев обратился к коменданту помимо его, в тот же день уведомил Валуева, «что он находит действия коменданта совершенно законными и просит в подобных случаях обращаться к нему – главнокомандующему и содержать коменданта в том внимании, какого он заслуживает по отличному усердию и исправности в толиколетнем прохождении важного служения своего оказанными».

Валуеву стало понятным, что он сделал ошибку, погорячился, и что главнокомандующий может довести об этом до Высочайшего сведения, а главнокомандующий и Валуев, как два медведя в берлоге, жили не в ладу.

Валуев поспешил искать покровительства в любимце императора сенаторе Трощинском, мимо которого в случае жалобы графа Салтыкова дело не могло пройти.

«Опасаясь, что главнокомандующий представит о деле своим манером на Высочайшее усмотрение, доношу вашему высокопревосходительству (писал Валуев Трощинскому), яко единственному благотворителю, о встретившейся неприятности от коменданта и главнокомандующего душащими меня попеременно пустыми отношениями.

По понятию моему о пользе казны и славы моих государей, истребил я, без огласки, прошедшим летом два застенка, яко памятники времен жестоких и бесчеловечных, употребля из оных материалы на исправление древностей, заслуживающих быть обереженными в позднейшие времена и, что этим оправдал я ваше покровительство, снискав всеобщую жителей московских эстиму и заслужил монаршее благоволение.

Руководствуясь таковым же подвигом *спрятан у меня давно язык известного колокола, служащего возвестителем всех возмущений стрелецких и возмущений чумы в царствование Екатерины Премудрой*».

После такого напоминания о своих заслугах, оказанных государю и отечеству и московским жителям, Валуев в письме к Трощинскому рассказывает, как комендант арестовал колокол и оставил его под караулом на площади, где «прохожие, может быть, делают о том разные толки и заключения, а главнокомандующий, не осмотрев места и не расспросив о том у меня, пишет ко мне отношение, которое я оставил без ответа как для избежания дальнейших историй, так и потому, что ответствуя, обязан бы я был объяснить его сиятельству, что колокол им уважаемый, есть памятник зол российских, заслуживающий быть забытым всеми благомыслящими отечества сынами, памятник

бесславия покойного отца его, который, будучи главнокомандующим, от чумы и возмущения укрылся в подмосковную, за что и был отставлен, и дана преемнику его инструкция, в которой упомянуто о его побеге».

Изливши свою злость на главнокомандующего и даже на покойного отца его, Валуев принимается за коменданта:

«Комендант говорит, что без начальства колокола отдать не может. Буде колокола принадлежат к военной дисциплине и аккуратности, почему же не воспрепятствовал мне прошедшим летом разбирать колокола на башнях Спасской и Троицкой?»

Обязан я был объяснить ему (главнокомандующему), что в моем чине, служа непорочно пятьдесят лет, разуметь я должен, кому какие давать уважения, не погрешая против коменданта, о котором он сам отзывался, что он пьяница и знает только службу капральскую».

Далее Валуев, ни перед чем не останавливаясь, продолжает перечислять всякие мелочи, чтобы окончательно уничтожить своего противника:

«Злоба коменданта происходит от того, что не удовлетворяются его пустые требования о снабжении его дома невероятным числом дворцовыми мебельями, о набитии льдом его погребов и проч., и проч., понеже дом его не ведомство экспедиции; злоба главнокомандующего от неблагоприятно расположенных ко мне окружающих его зятя Уварова и правителя канцелярии Карпова».

Как ни старался Валуев в глазах Троицкого, который мог донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующего, не постыдившегося даже, по случаю колокола, вызвать тяжелые воспоминания фамилии графов Салтыковых и поступке одного из их семейства во время чумы в Москве 1771 года, как ни льстил Троицкому разными подобострастными фразами, но граф Салтыков остался цел и невредим и 28 мая 1809 года сообщил Валуеву, что государь император Высочайше повелеть соизволил: *«Набатный колокол сохранять навсегда на своем месте (т. е. на той башне, где он висел), в случае же починки башни сохранять колокол в надежном месте до исправления ея, а по исправлении опять вешать на свое место»*.

Валуеву, впрочем, осталось утешением, что в решении ничего не было упомянуто о *спрятанном им языке от колокола*⁷⁴⁷.

Сторожевые морские колокола

Кроме перечисленных выше есть еще так называемые *сторожевые* морские колокола, которые прикрепляются в опасных местах моря к плавающему бую. Услыхав такой звон, корабли спешат прочь от рокового места.

Виктор Гюго в своем романе «*L'homme qui rie*» описывает такой сторожевой колокол.

Другое описание сооружения сторожевого, так называемого *Тейского* колокола, приводим ниже.

«Однажды, по улицам Перта и Донди тянулись две процессии; духовенство шло под богатыми раззолочеными балдахинами; певчие пели; моряки несли флаги и хоругви; обыватели, сбежавшиеся со всех сторон, держали в руках зажженные факелы, а другие несли с торжеством по обоим городам изображение святого Антония, патрона и покровителя тех, которые вверяют жизнь свою бурному океану.

Между тем как процессия тянулась к берегу, зрители бросали из окон множество больших и малых монет. Мальчики в белых туниках и с крыльями за плечами проворно подбирали деньги и поднимали кверху серебряные подносы, которые звенели под усердными приношениями набожных жителей.

Шествие продолжалось целый день, и сокровища, собираемые в обоих городах, увеличивались до самого вечера. Милостыня предупреждала требование, потому что в обоих городах не много семейств, которые не оплакивали бы родственника или приятеля, погибшего у скалы, которая подобно гиганту стоит на пути кораблей, входящих в Тейской пролив.

Этот крестный ход был учрежден для того, чтобы собрать деньги, необходимые городскому начальству на исполнение плана, предложенного искуснейшим из пертских моряков, и самые бедные люди лишали себя насущного хлеба, чтобы участвовать в этом предприятии, которое обещало столько блага в будущем.

Дело в том, что на скале хотели повесить большой колокол, так, чтобы малейший порыв ветра приводил его в движение и звоня предупреждал бы плователей о буре, еще не наступившей, и о близости страшного камня.

Молодой капитан Андрус Мек-Элайз так ясно изложил свой проект в собрании городского совета, что возбудил всеобщее удивление, и до тех пор члены о том только и думали, как бы скорее привести в исполнение план, от которого зависела жизнь столь многих мореходцев.

Вечером деньги, собранные во время процессии, сосчитаны и оказалось, что их слишком довольно на исполнение задуманного предприятия.

В новом собрании совета положено было отправить капитана Мек-Элайза в Амстердам, чтобы купить колокол. Капитан говорил, что у знаменитого голландского литейщика ван-дер-Маклина есть огромный колокол, который по своей величине и звучности очень удобен для этого употребления.

Все обыватели провожали Андруса Мек-Элайза до берега и осыпали его благословениями; взяв с собою деньги, он сел на корабль и благополучно прибыл в Амстердам.

Он уже не раз бывал там, жил в дружбе с ван-дер-Маклином, и флегматик-голландец с жаром расхваливал серьезный, решительный характер молодого англичанина.

Они не раз просиживали вдвоем целые вечера и посреди густых облаков табачного дыма потягивали густое амстердамское пиво.

– Ну так вы, мейнгер Мек-Элайз приехали, чтобы купить знаменитый утрехтский колокол и повесить его на этой проклятой скале? Дело доброе. Вы знаете, я сам

пострадал от нее. После я опять разбогател и молю святого Антония, чтобы и другие были не беднее меня. Но ведь колокол будет стоить не малого: иначе и нельзя, потому что вес-то в нем огромный.

– Мы готовы заплатить за него, что вам будет угодно, мистер ван-дер-Маклин, – отвечал Мек-Элайз.

– Однако ж, как вы покупаете его на доброе дело, то и я хочу в нем участвовать; я ничего не потребую за работу; заплатите мне только за металл. Это будет та самая цена, которую мне уж месяца четыре предлагает Моисей. Не давайте мне того, что он бы с вас взял; дайте только то, что этот скряга мне сам предлагает; а между этими двумя ценами разница огромная! Есть ли у вас десять тысяч гильдеров чистоганом?

– Есть и побольше.

– Больше мне не нужно; я вам говорю, что хочу тоже участвовать в добром деле. А уж Моисею не продам! Не звонить этому колоколу ни у него в кармане, ни за упокой его души. Согласны? Так по рукам, и берите.

– По рукам. Наш город будет вам очень благодарен, мистер ван-дер-Маклин, за ваше великодушие.

– Мне приятнее будет, капитан, когда меня станут благодарить моряки. Выкуримте же теперь по трубке.

Колокол перевезли на корабль; корабль пошатнулся и прыгнул под огромную тяжестью; деньги были заплачены, экипаж собрался и Мек-Элайзу медлить было нельзя.

Однажды, в тихое, прекрасное утро, бесчисленное множество открытых шлюпок, под парусами, с аллегорическими хоругвями, расписанными, вышитыми, покрытыми национальными и цеховыми девизами, отчалили от абербротвейкского берега и длинною вереницей потянулись к скале.

В этих лодках сидели духовенство, певчие и все начальство городов Перта и Донди. По воде разносилась гармония, а легкие ладьи, сжавшись и стеснившись, походили издали на летучий мост. Торжественные гимны раздавались в таких местах, где с сотворения мира их не слышали.

Андрус Мек-Элайз, со своими работниками, которые должны были повесить колокол, вскарабкался на скалу перед глазами трепещущей толпы. Прошел час в тревожном ожидании; потом, посредством колес и канатов, огромная медная масса начала подыматься посреди лесов, вделанных в скалу, и благословения толпы, вместе с цветочными венками, взлетели на воздух.

Эти цветы падали потом в море, как дождь с неба, и вода была совершенно усеяна венками вокруг скалы, где не росло ни травы ни мху. Колокол, назначенный к тому, чтобы спасти пловцов от гибели, был окроплен святой водою.

Между тем как песни с живейшею благодарностью вознеслись к небу, налетел ветер и колокол запрыгал и звуки его возбудили громкие рукоплескания, потому что эти звуки теперь уничтожили всю опасность скалы для пловцов.

Несколько облачков, предвестников бури, пронеслось по небу, и процессия поспешила к Абербротвейку. Через час весь берег был затоплен.

Море, яростное и шумное, воздымалось, восставало против звучного сторожа, как бы силясь опрокинуть его в бездну; но колокол усердно исполнял свою обязанность и гудел громче бури.

Птицы со страхом отвечали криками на медный голос скалы. Они кружили вокруг этого голоса и, казалось, что он не допускал их спуститься на скалу, которая часто служила им убежищем во время бури.

Наконец, Андрус Мек-Элайз отдохнул; работа окончена; колокол повешен. На другой день он ускользнул от изъявлений благодарности и празднеств, которые

готовили ему граждане обоих городов, где имя его произносилось теперь с энтузиазмом»⁷⁴⁸.

О значении колоколов для русского человека

Как было уже сказано, колокола имели огромное значение и смысл в Древней Руси. Они вещали народу о радости, о печали, призывали его к молитве или сообщали ему о надвигающейся опасности, как, например, колокола *сторожевые, всполошные* или *набатные*.

Вот почему народ наш с особенным благоговением, а иногда и с священным трепетом относился к колоколам и церковному звону. Он слышал в нем голос Неба, призывающий и направляющий его, и этот могучий голос был ему понятен и дорог.

Путешествуя по чужим землям, русские люди – игумен Даниил, иеродиакон Зосима, Трифон Коробейников, Василий Гогара, инок Иона, Арсений Суханов и другие – постоянно с сердечным умилением описывали колокола и церковные звоны и искренно печалились, если где-либо в христианском городе не слышали благовеста.

Так, описывая Царьград, Трифон Коробейников говорит: «А против того столпа храм велик во имя Софии Премудрости Божия, а служит у него царьградский патриарх; *звону нет, потому что отнял турецкой царь*; а за храм и за службу патриарх дает великий откуп с году на год золотыми; а в иных монастырях старцы тако ж откупают божественное пение»⁷⁴⁹.

Попадая на чужбину, русские люди первым долгом вспоминали блавест на своей родине и грустили, и тосковали, не слыша его.

«Мне не надо твоей золотой казны,
Отпусти ты меня на святую Русь,
Не слышать мне здесь пенья церковного,
Не слышать звону колокольного...»

Так восклицает русская девушка, попавшая в татарскую орду.

В этих словах отражается отношение к церковному звону вообще всех русских людей, оторванных от родины, от ее исконных заветов, обычаев и обрядов.

Очевидец, бывший в Москве в 1812 году во время вторжения туда неприятелей, рассказывает, что когда немногие из русских, остававшихся в столице, услышали стройный блавест, все были охвачены чувством умиления и каким-то особенным подъемом.

«Около восьми часов утра мы услышали отдаленный колокольный звон. Все вопросительно взглянули друг на друга и начали доискиваться причины. Одни говорили: вероятно, неприятели вздумали потешиться колокольною музыкой, другие опровергали это и делали свои предположения; но отец мой, внимательно вслушавшись в звук, утверждал, что это не простой, безалаберный звон, но правильный *блавест в один колокол*, которым православные созываются на богослужения. Для удостоверения, мы, мужчины, отправились по направлению слышанного колокола.

Достигнув Якиманской улицы и подойдя к церкви Петра и Павла, мы уверились, что это действительно был блавест, производившийся при этой церкви. У растворенных дверей храма, по сторонам, стояли двое неприятельских часовых с ружьями, которые беспрепятственно пропускали русских внутрь храма. В это время собирались богомольцы, благоговейно, при входе в церковь крестясь, творили молитвы.

Смотря на исхудалые, бледные лица, изъясняющие совершенное истощение органических сил от претерпеваемых страданий тела и духа, и рубищное одеяние богомольцев, с трудом передвигавших от слабости ноги, вылезавших из своих жилищ, как бы из нор, из обгорелых подвалов и погребных ям, их можно было уподобить составшим из гробов теням, как бы вызванным трубным гласом (т. е. блавестом) в последний день Страшного суда, для отдания отчета.

Оказалось, что священник, оставшийся в Москве, через какого-то французского маршала исходатайствовал дозволение на богослужение, однако с тем, *чтобы колокольный звон производился только один раз в день и не ранее восьми часов утра*⁷⁵⁰.

В 1812 году, во время нашествия французов, в селе Новоспасском непрерывно совершалось богослужение в кладбищенской церкви Покрова Богоматери. Французы не препятствовали священнодействию и даже сами неоднократно присутствовали при оном. В это время настали два храмовых праздника: *Преподобного Сергия* (25-го сентября) и *Покрова Богоматери*. Французские начальники запретили только благовест в большой колокол, приславши сказать из своего лагеря, который разбит был в полуверсте, *чтобы не тревожили набатом войска* (таково было их выражение), *а служили бы звоном маленьких колоколов*.

Некоторые из поляков, бывших в стоявшем здесь отряде из корпуса короля Неаполитанского, приходили даже *служить* молебны Святителю Николаю⁷⁵¹.

Имея тесную связь с русским народным бытом, колокола естественно послужили неисчерпаемой темой для преданий, сказок, былин, загадок и причитаний.

Писатели о колокольном звоне

Художественная литература часто касалась колокольного звона.

Вот как описывает А.И. Куприн праздничный благовест:

«Колоколья. Какая веселая, пьянящая, головокружительная пестрота внизу, под моими ногами. Небо страшно близко: вот-вот дотянешься рукой до белого пухлого ленивого облачка. О, верх мальчишеского счастья – наконец-то в моих руках веревка от самого главного, самого большого колокола.

Грушевидный язык его тяжел и долго скрипит своим ухом, пока его раскачиваешь. Ба-ам!.. Теперь уж больше ничего не видишь, не слышишь и не понимаешь. В ушах больно от мощных медных колебаний. Еще!., еще... Ласточки стрелой проносятся мимо тебя, любительские «голуби» стаяй плавают высоко в воздухе...»⁷⁵².

«Лишь триста, четыреста лет висят наши большие колокола на наших колокольнях; но если бы допросить эти колокола, как они созидались и если бы они рассказали нам об этом; если б да поведали нам они, откуда они взялись, о, какая бы тогда назидательная летопись раскрылась пред миром! Бесчисленные звуки от них к нему восходящие. Но какой длинный свиток поучительных любопытных сказаний о праведной жизни, полной святых подвигов с картинками самоотвержения, благочестия, чудес благодати и промысла развернулся бы пред нашими изумленными глазами, если б эти колокола да попросить рассказать нам о радости и горе, о входах и исходах, о смерти и о жизни православного народа под их звуки!

Кто исчислит толпы взрослых и детей, под их звон из года в год во дни праздников и в будни в наши храмы приходящих? Сколько сердец о мире с Богом под звуки их вздыхают и о ниспослании его в душу к небу вопиют! Мертвых кто сочтет, коих с наших колоколен звон к вечному покою провожал и провожает?

Сколько в течение последних двух-трех столетий победного звона с наших колоколен раздавалось! О скольких торжествах мира они нашим предкам возвещали! Во времена военные о мире молили Бога наши колокола, а когда Всевышний миром дарил наше отечество, они возвещали ему о сем мире радостно и полногласно. Как бы с неба голос, с наших колоколен звон, говорил тогда к народу: «Слава Богу, с врагом мир заключен. Теперь копье, ружье и меч и тяжелые орудия прекратят свою работу, уляжется убийство. Любезное отечество! Возьми теперь свой псалтирь десятиструнный и пой в высоких нотах, пой Богу хвалебные песни, пой и благодари Бога сердцем и устами в полных хорах». Так, когда народ прислушивается к звону своих церковных колоколов, они дарят его миром; а как скоро о сем забывает, о мире снова молиться начинает. В наше время слышны вопросы: к чему такие великаны и такие мощные гласы для призыва христиан к молитве? Да, если бы колокола не были изобретены давно, то в наше время не были бы изобретены. Если б к настоящему времени мы не имели колоколов, то, быть может, пришлось бы обращаться к детям для созыва взрослых в храмы при их посредстве. «К чему эти мощные голоса?» ... Есть много сокровищ, которые лишь поднять нужно и пригоршней собирать, чтобы ими жизнь свою обогатить «К чему эти могучие голоса?» ... К Высочайшему, ко Всесвятейшему и приглашать должно настойчивей, сильнее. Где дело идет об охране души всех, там и приглашение должно достигать слуха всех. На другие собрания можно приглашать чрез вестников, письмами, чрез объявления; во храмы призывает Бог; нужно чтобы и призыв напоминал Бога и звуки зова трогали бы сердце. Но какой иной инструмент мог бы выполнять это назначение в том самом объеме, как выполняет его колокол? Звон наших колоколов – единственный в своем роде и ничем другим не заменимый. Уже когда колокола на Западе только еще входили в употребление, язычники Римской империи, почасту слыша звон этих колоколов, говорили: «Глас Божий это; это голос христианского Бога слышен».

И в этом слове их более правды, чем сколько ее кто-нибудь предполагал бы в нем. Хоть колокольный звон и не молитва, хотя сами колокола и никогда в церкви не бывают: бездушны они, а все-таки они во славу Божию звонят; хотя своим билом, языком они речей весть и не могут, а вести подают. «*Земле, земле, земле, – как бы так говорят они, – слыши слово Господе*» (Иер.22:29)⁷⁵³.

«И скрашиваются же христианские наши праздники колокольным звоном! Вот в праздничных нарядах народ выходит из храма, а клирик «знаменует кампаны» (σημαίνει τὰς καμπάνας), звонит с приударением во все колокола. Звуки уже и отдельного колокола представляют собою нечто возвышенное и торжественное. Если же раздается полный звон во все колокола, а особенно красный звон в согласный подбор колоколов погласицей или, что то же, целой лестницей звуков, когда церковный звонарь распетлится на колокольне и по рукам и ногам, качается на зыбке и звонит согласно в целую дюжину колоколов, перебирая их от большого к меньшому и к большому от меньшого, да еще с другими звонарями на других колокольнях перезванивается колоколами, как бы перекликается; когда праздничный трезвон в прекрасном созвучии, согласном, правильном взаимном соотношении одновременных звуков льется с наших колоколен, то происходит благозвучие еще торжественнейшего рода: становится тут торжество уже всенародным. Ничем иным общее настроение народа не может быть выражено удачнее; ничем праздник не может быть отважней и смелее возвеличен, как именно мощным колокольным звоном. Поистине, если дни воскресные и праздничные в нашей трудолюбивой жизни являются вестниками мира, то в колоколах получают и имеют эти вестники и уста»⁷⁵⁴.

Колокол, это – голос церкви, зовущий издалека и посылающий равномерный привет дворцу и лачуге, говорит Паоло Мантегацца.

Каждый знает, какие сильные впечатления может производить колокольный церковный звон при особенных обстоятельствах и душевных настроениях человека. Когда неожиданно в тиши ночной раздается, призывающий к полуночному богослужению, как поэтически услаждающе отражается он в душе юности и погружает ее в полузабытые сладких грез, и как повелительно побуждает он воздыхающую старость воспрянуть от сна и в молении искать примирения с жизнью и готовиться к недалекому уже расчету с нею!

По народным повериям влиянию ночного церковного колокола не могут противостоять сами нечистые силы, и шабаш их тотчас же пропадает с первым ударом колокола, равно как теряет силу всякое волшебство, всякое гаданье.

Звук колокола производит иногда отрезвляющее, спасающее действие на человека, находящегося на краю нравственной и физической гибели, говоря ему о чем-то таком, что выше его страданий, что может дать новое содержание его жизни и о чем он забыл.

Припоминается при этом прекрасный рассказ Всеволода Михайловича Гаршина «Ночь». Разочаровавшийся в жизни и ожиданиях, в людях и в самом себе, Алексей Петрович, герой рассказа, приготовился покончить счеты с жизнью.

«– Прощайте, люди! Прощайте, кровожадные, кривляющиеся обезьяны!

Нужно было только подписать письмо. Но, когда он кончил писать, он почувствовал, что ему жарко; кровь прихлынула к голове и застучала в вспотевших висках. И, забыв о револьвере и о том, что, избавившись от жизни, он избавится и от жара, он встал, пошел к окну и отпер форточку. Дымящаяся морозная струя пахнула на него...

Ему не хотелось отвести глаз от звезды. Кто-то быстро прошел по улице, сильно стуча озябшими ногами по плитам панели и ежась в холодном пальто; карета провизжала колесами по подмерзшему снегу; проехал извозчик с толстым баринном, а Алексей Петрович все стоял, как застывший.

– Нужно же! – сказал себе наконец.

Он подошел к столу. От окна до стола было всего две сажени, но ему казалось, что он шел очень долго. Когда, подойдя, он уже взял револьвер, в открытое окно раздался далекий, но ясный, дрожащий звук колокола.

– Колокол! – сказал Алексей Петрович, удивившись, и положив револьвер снова на стол, сел в кресло.

– Колокол! – повторил он. – Зачем колокол? Благовестят, что ли? На молитву... Церковь... Духота... Восковые свечи... Старенький поп, отец Михаил, служит жалобным, надтреснутым голосом; дьячок басит. Хочется спать, в окно едва брезжится рассвет. Отец, стоящий рядом со мной, склоня голову, делает торопливые маленькие кресты; в толпе мужиков и баб сзади нас поминутные земные поклоны...

Как давно это было!.. Так давно, что не верится, что это была действительность, что сам когда-то видел, а не прочитал где-нибудь или не слышал от кого-нибудь. Нет, нет, было это все, и тогда было лучше. Да и не только лучше, а хорошо было. Если бы теперь так, не нужно бы ездить за револьвером.

«Кончай!» – шепнула ему мысль. Он посмотрел на револьвер и протянул к нему руку, но тотчас же отвел ее назад.

«Струсил?» – шепнула ему мысль.

– Нет, не струсил; тут не то. Страшного уже ничего нет. Но колокол – зачем он?

Он взглянул на часы.

– Это к заутрени, должно быть. Пойдут люди в церковь; многим из них станет легче! Так говорят, по крайней мере. Впрочем, помню, и мне легче становилось. Мальчиком был тогда. Потом это прошло, погибло. И легче мне не становилось уже ни от чего. Это правда.

Правда! Нашлась правда в такую минуту!

А минута казалась неизбежной. Он медленно повернул голову и опять посмотрел на револьвер...

– Вон там смерть. Нужно взять, повернуть кругом...

На улице было тихо: никто не ехал и не шел мимо. И из этой тишины издалека раздался другой удар колокола; волны звука ворвались в открытое окно и дошли до Алексея Петровича. Они говорили чуждым ему языком, но говорили что-то большое, важное и торжественное. Удар раздавался за ударом, и когда колокол прозвучал последний раз, и звук, дрожа, разошелся в пространстве, Алексей Петрович точно потерял что-то.

Колокол сделал свое дело: он напомнил запутавшемуся человеку, что есть еще что-то, кроме своего собственного узкого мирка, который его измучил и довел до самоубийства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминания, отрывочные, бессвязные, и все как будто новые для него. В эту ночь он многое уже передумал и многое вспомнил, и воображал, что вспомнил всю свою жизнь, что ясно видел самого себя. Теперь он почувствовал, что в нем есть и другая сторона, та самая, о которой говорил ему робкий голос души...

Новая нить размышлений развернулась в голове Алексея Петровича:

«Господи! Хоть бы какого-нибудь настоящего, неподдельного чувства неумирающего внутри моего я! Ведь есть же мир! Колокол напомнил мне про него. Когда он прозвучал, я вспомнил церковь, вспомнил толпу, вспомнил огромную человеческую массу, вспомнил настоящую жизнь. Вот куда нужно уйти от себя и вот где нужно любить. И так любить, как любят дети... Ведь это сказано вот тут...»

Он с радостью схватил маленькую темно-зеленую книжку и начал читать с первой страницы и читал все подряд»⁷⁵⁵.

В путеводителе по московской святыне Ф.И. Рычина приведено следующее стихотворение о колоколе:

Колокол русский, народный,

Колокол Церкви святой!
Чуден твой голос свободный,
Люб отголосок мне твой.
К Богу во храм призывает
Стройная звуков волна,
Москву кругом оглашает,
Грешников будит она.
Чуть над Москвой пронесется
Первый торжественный звон –
Всюду народом кладется
Господу Богу поклон.
С первым к обедне ударом
Шапки снимают долой,
Крестится всякий не даром,
К небу стремяся душой.
Чистые, чудные звуки
Любо душою ловить,
Ими тревожные муки
В сердце больном хоронить.
Колокол русский, народный,
Колокол Церкви святой!
Чуден твой голос свободный,
Люб отголосок мне твой⁷⁵⁶.

Колокола в музыкальном искусстве

Насколько большое значение имеет колокольный звон в явлениях нашей русской жизни, это можно видеть из того, что колокол и колокольный звон неоднократно были предметом воспроизведения в различных областях нашего искусства. Так, ни у одного из европейских народов нет столь многочисленных изображений звона в музыке, как у нас, имеющих целый ряд опер и пьес с воспроизведением звона.

Вот их список:

- 1) «Жизнь за царя», опера [М.И.] Глинки, 5-й акт.
- 2) «Борис Годунов», опера [М.П.] Мусоргского, – пролог.
- 3) «Князь Игорь», опера [А.П.] Бородина, 1-е действиі 2-я карт, и 4-е действ. (Скула и Брошка).
- 4) «Псковитянка», Р.-Корсакова⁷⁵⁷, 1-е действ., вече.
- 5) «Пасхальная увертюра», его же.
- 6) «1812 год», увертюра [П.И.] Чайковского.
- 7) «Кремль», сюита [А.К.] Глазунова, III часть, встреча князя.
- 8) «Ратклиф», опера [Ц.А.] Кюи.
- 9) «Рогнеда», опера [А.Н.] Серова, – политический звон.
- 10) «Нижегородцы», оп. [Э.Ф.] Направника.
- 11) Фортепианная сюита [А.П.] Бородина, № 1 Au couvent.
- 12) «Ночь на Лысой горе», фантазия для оркестра, [М.П.] Мусоргского и др.

Некоторые из этих воспроизведений звона столь значительны и сильны, как напр[имер], в «Жизни за Царя» [М.И.] Глинки и «Борисе Годунове» [М.П.] Мусоргского, что являются настоящими перлами искусства, и было бы весьма любопытно попробовать настроить где-нибудь колокола так, чтобы на них можно было исполнить один из названных звонов. Недавно московский Большой театр приобрел колокол в 170 пудов для оперы «Псковитянка».

Из зап[адно]европейских опер изображение звона есть в «Пророке» Мейербера, но оно мало интересно, как мало значителен западноевропейский звон сравнительно с нашим величественным и могучим церковным звоном.

Колокола в изобразительном искусстве

Вечевой колокол был не раз предметом изображения в живописи.

Как сообщил В.В. Стасов, мотивом первой русской виньетки в русском стиле был вечевой колокол, именно, в 1857–58 гг. профессор архитектуры Горностаев проектировал совместно с В.В. Стасовым и нарисовал две первые русские виньетки: одну для издания «Камаринской» Глинки (с изображен[ием] музыкальн[ого] инструм[ента] балалайки и др.), другую – для издания музыки Глинки к трагедии «Князь Холмский», Кукольника; на этой последней виньетке изображен древний вечевой колокол с тремя веревками – красной, синей и зеленой; откуда проф. Горностаев взял или вычитал эти подробности, В.В. Стасов не помнит.

Затем, несколько лет тому назад на одной из передвижных выставок появилась картина Клавдия Лебедева: «Увоз вечевского колокола из Новгорода при Иване III»⁷⁵⁸.

Колокола в фольклоре

В русских загадках колокольный звон определяется следующим образом:

1) «Звонко звякнет,
Утка крякнет,
Собирайтесь детки,
К одной матке»⁷⁵⁹.

2) «Выду на вывой,
Ударю в гой, гой, –
Утешу царя в Москве,
Разбужу короля в Литве,
Мертвеца на земле,
Игуменью в келье,
Малу дитю в колыбели».
Колокол же определяется так:

1) «Кричит без языка,
Поет без горла,
Радует и бедует,
А сердце не чует».

2) «Из земли взяли,
На огне грели,
Опять в землю положили;
А как вынули – стали бить,
Чтобы мог говорить».

3) «В церковь других созывает,
А сам в ней не бывает».

Но особенно характерна и в высокой степени интересна следующая народная загадка о колоколе:

«Я – мертв, но живым вещаю о радости и горе,
И чем больше бьешь меня, тем громче говорю о Боге».

Пасхальный звон неоднократно служил темой для поэтических народных преданий и легенд. Особенной популярностью среди народа пользуется *рассказ об архангельском злодее-душегубце*.

В древние времена, в дремучем лесу на большой вологодской дороге жил лихой человек. Много душ христианских загубил он на своем веку, много вдов и сирот обездолил, и росла о нем слава по всей Русской земле. Кого бы ни встретил тот лихой человек, – старца ли старого, молодца ли удалого или женщину с ребятами малыми, никого не оставлял в живых.

И вот, однажды, под самое светлое Христово Воскресенье, вышел он ночью в лес и начал ожидать жертву.

А тем временем из Тотьмы в Вологду шел человек, – спешил он праздник великий встретить дома.

Заслышал шаги лихой человек, бросился с ножом, но в это самое время пронесся могучий удар церковного колокола, а за ним другой, третий...

Остановился, как вкопанный, лихой человек, а пасхальный звон широкой рекой разливается и тонет в глубине леса...

Не выдержал злодей, разрыдался, выронил нож из рук и, бросившись к путнику, голосом, полным слез, проговорил:

– Христос Воскресе!..

А церковный звон разливался все шире и радостней и, казалось, вся природа на его могучие раскаты отвечала:

– Воистину Воскресе!..

И с той поры пошел лихой человек в обитель святую замаливать свои грехи великие...

В этом поэтическом предании ярко рисуется отношение нашего народа к церковному звону, в котором он слышит голос Бога, и даже закоренелый злодей и тот возрождается, пробужденный его могучими раскатами.

В селе Каменка Нижегородской губ., в сельской церкви есть колокол, о котором существуют разные предания. Так, например, рассказывают, что какой-то разбойник, обратившийся на путь истинный, привез этот колокол в монастырь, теперь не существующий. Затем, когда монастырь был упразднен, колокол перевезли в Каменку.

На колоколе сохранилась следующая надпись: «Ave Maria stella Dei Mater alma atque semper virgo, felix celi porta». Под надписью стоит число: «1003»⁷⁶⁰.

□⁷⁶¹ «Сельская церковь с. Коприна, говорит [А.] Радонежский в своей хрестоматии «Солнышко», стоит на высоком берегу р. Волги. С колокольни вид на Волгу и окрестности бесподобный. В детстве любил Радонежский лазить на колокольню со сторожем, отставным солдатом Николаем, когда он пойдет, бывало, благовестить ко всеобщей на праздник. Благовест гудит, а ты стоишь и смотришь с высоты в даль.

Мечты, думы одна за другой, неясные грезы встают в голове и уносятся волнами звуков. Часто мне хотелось спросить у гудящего колокола: что он видел на своем веку? Сколько слез, горя, неутешной скорби или радости пролито при его звуках? Какое облако молитвенных вздохов вылетело из груди поселян, когда они внимали этому медному голосу.

Помню, как теперь, говорит Радонежский, мое пребывание на колокольне со сторожем накануне Покрова. Он не слезал с колокольни, и в продолжение всеобщей словоохотливый старик мне рассказал много замечательных случаев из жизни прихожан, где сказалась святая сила церковного благовеста. Вот два из них. 1) «Раз в зимнюю ночь, под воскресенье, подходит к проруби на Волге едва прикрытая лохмотьем, обутая на босу ногу, молодая крестьянка с грудным ребенком на руках. Пьяный, распутный муж, пропивший все в доме, последнюю одежку с себя и с жены, не в первый раз избил ее и выгнал вон на мороз... Терпенье несчастной истощилось; сердечная решила утонуть вместе с дитятей. Вот она у проруби; целует ребенка, крестит его, начинает последний раз молиться на церковь; помолвившись, снимает с себя крест и кладет близ проруби на снегу... В эту минуту раздается благовест к заутрени... Вздрогнула женщина, точно испуганная голубка, встрепенулась, оглянулась на церковь, зарыдала, перекрестилась, быстро подняла, торопливо надела на себя лежавший на снегу крест, поцеловала ребенка и бегом побежала к церкви, в сторожку... Здесь ее отогрели, и она прожила в строжке целую неделю. Между тем проснувшийся муж напрасно искал своей семьи у соседей. На вопросы о жене и ребенке, все ему отвечали: «Загубил ты, разбойник, заел жизнь доброй жены... Где ей быть? Наложил видно руки на себя». Проснулась совесть в мужике: он рыдал, каялся в своем тиранстве, клялся, давал зарок оставить худую жизнь, только бы Господь сохранил ему жену и ребенка. Действительно, соседи все удивлялись, как после этого случая быстро переменялся мужик, стал жить в любви и согласии с женою, сделался трезвым, работающим. Сын вырос, стал хорошим человеком, и теперь первый в приходе крестьян: набожный, трудолюбивый, зажиточный. Старики долго жили: отца сын похоронил раньше матери. Перед кончиною только поведал ему отец: «В ту ночь, когда я, пьяный, избил и выгнал твою мать, вдруг слышу во сне над самым ухом громкий благовест, и кто-то говорит мне так строго, точно неземным голосом: «Безумец! Гляди, где твоя семья» ... Вижу, словно наяву, среди ночной темноты стоит на берегу наша церковь, как

огненный столп, чудным светом озаренная, а от нее широкая яркая полоса света пала на Волгу... Глянул как я в ту сторону: Господи помилуй! Подле проруби, обнесенной елками, стоит жена с ребенком на руках и молится на церковь».

Далее, Радонежский приводит другую легенду:

«Приехал сюда в Великом посту, под Вербное воскресенье, вечером из города богатый купец: нужно было ему по делам переправиться за Волгу. А Волга только что тронулась и пошла, переехать на ту сторону было никак нельзя.

Купец решил переночевать на постоялом дворе, который (теперь двора нет, да и хозяин давно умер) вон там, за селом один бобылем стоял. Двор держал здешний крестьянин. Купец ехал по торговым делам и вез с собою большие деньги. Поместил проезжего хозяин в отдельной комнате, а сам ночевал со своей семьей через сени в другой избе. Постоялец разговорился с хозяином: куда, как и зачем едет. Лукавый силен, горами шатает... Мужик заметил у купца много денег, соблазнился, и что бы вы думали, решил убить проезжего. Наступила ночь. Купец с дороги крепко уснул. В деревне какие запоры... Да купцу и на мысль не приходило что-нибудь дурное. Мужик берет топор и тихонько крадется к спящему; вот он ощупал постель... Вдруг благовест к заутрени. Мужик вздрогнул. Топор выпал у него из рук и грохнулся о пол. Купец проснулся, зажег свечку. Перед ним ни жив, ни мертв стоит хозяин, а на полу топор. Остолбенел мужик и бежать не мог. – «Прости Христа ради», – сказал он, встав на колени пред купцом и горько заплакал. «Винюсь. Согрешил, окаянный, задумал тебя убить и завладеть твоими деньгами. Кабы не удар святого колокола, словно гром грянувший на мою грешную голову, кабы не остановил он меня, не образумил, я бы сделал худое дело: и твою бы и свою душу загубил. Прости, прости», рыдал мужик.

– Бог тебя простит, – отвечал ему купец, перекрестившись. – Тебя мои деньги соблазнили: я тебе отдам их все, что есть со мною. Вот тебе бумажник: мне жизнь дороже. – И купец подал ему бумажник с деньгами. Мужик только молил о прощении, плакал и ни за что не хотел брать денег. Тогда купец решил, – так как благовест спас ему жизнь, – пожертвовать эти деньги на новый колокол. Приход ваш большой – сказал купец, – и раскинулся далеко; в будничные дни, может быть, до иных деревень не достигает гул Господня благовеста. А потому я новый колокол закажу в Москве позвонче, пудов в двести, и пусть он будет повседневным. Пришлю его сюда от неизвестного с письмом на имя священника, а в письме я ничего не скажу, а только завещаю, чтобы благовестили по будням. Пусть раздается благовест его по вся дни. Ведь благовест – голос Божий: слышав его в далекой деревне не одна христианская душа перекрестится, вспомнит о Боге и, может быть, удержится от злого дела. – Так и сделал купец. Не через долгое время колокол привезли, подняли, повесили; на нем вылита надпись: «Пожертвован в благодарность Господу Богу за спасение погибавшего».

Что еще чудно: крестьянин, содержатель постоялого двора, умер в ту самую минуту, как в первый раз заблаговестили к обедне в новый колокол».

Такое значение имеют для нас наши колокола и с таким благоговейным уважением относится православный русский человек к церковным благовесту и звону, этому голосу неба на земле. Не даром же на нашем языке церковный звон и называется благовестом: действительно, в волнах колокольного звона с высот при наших Божьих храмах льется разнообразно – благая весть по миру»⁷⁶².

Далее Радонежский приводит следующий рассказ: «Мальчик деревенский не любил ходить в церковь, и когда товарищи его стояли за обедней, он обыкновенно где-нибудь гулял. Мать узнала об этом и в следующее воскресенье, когда заблаговестили к обедне, сказала сыну: «Слышишь благовест? Колокол зовет тебя в церковь, а не пойдешь, Бог тебя накажет: сам колокол придет за тобой...» Ветреный мальчик подумал про себя: «Колокольня высока, не сойти оттуда колоколу», – и снова бежит, вместо церкви, гулять

в лес... Но, случайно взглянув на церковь, шалун с удивлением видит: колокол снялся с петель и летит вниз прямо к нему. Ужаснулся мальчик и в страхе побежал в церковь. И с той поры каждое воскресенье, как заслышит колокола звон, идет к обедне»⁷⁶³.

[В.А.] Жуковский, описывая благовест, говорит:

«Слыша, благовест, с Тобой,
Создатель говорю».

В так называемых *причитаньях*, особенно распространенных на севере и северо-востоке России, народ наш неоднократно обращается к колоколам.

Вот, например, похоронное причитание Олонецкой губернии:

«Понеситесь вы к Божьей церкви,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку!
Не бушуют то ветры с четырех сторон,
Не ударят они в большой колокол,
Не разбудят моей матушки»⁷⁶⁴.

Точно так же и в свадебных причитаньях часто упоминается о колоколах и церковном звоне. Вот, например, причитанье просватанной девушки:

«Боже, Господи, благослови!
Белой лебеди загукати,
Красной девушке заплакати
По сегодняшнему денечку.
В большой колокол ударили
Меня девушку просватали.
В меньшей да затрезвонили
Мою волю обневолили
И головку обзаботили»⁷⁶⁵.

Русские пословицы так определяют колокола и колокольный звон: «На Москве звонят, а в Вологде слышно», «Не только звону, что в Москве и Киеве», «Звони в колокола, чтобы попадья не спала», «Звонить не умею, а перестать не смею», «Слышал звон, а не знает где он», «Помолись сначала, а потом берись за ботало» (*Ботало* – областное название колокольного языка), «Научись сначала, а потом берись за ботало», «Звон хорош, да звонаря нет», «Хоть и крив наш звонарь, а слушает его и царь», «Вам мило – наше било, а вам видно мало своего клепала»⁷⁶⁶.

В малорусских народных песнях сохранились такие строки:

Ой у неділю ранесенько до церкви дзвони дзвонять,
А нашого вельможного пана десятники на панщину гонять»⁷⁶⁷.

Обычаи, связанные с колоколами

Привоз колокола в древней Руси был настоящим событием. Его встречало духовенство в полном облачении, с хоругвями и иконами, кропили святой водой, совершали над ним обряд крещения и только после уже вешали на колокольню. Народ обыкновенно все время толпился возле, деятельно помогая поднимать его. Это считалось делом Божиим.

В народе существует поверье, что если при отливке или поднятии колокола в числе присутствующих находятся так называемые «снохачи», то должно произойти какое-либо несчастье.

Поэтому, когда приступают к отливке или поднятию колокола, кто-нибудь из толпы кричит: «Снохачи, долой!»

В прежнее время этот обычай был сильно распространен, да и теперь он еще сохранился в некоторых селах.

Вот как описано сооружение и привоз колокола, сооруженного в память государя императора Александра II.

«Сельская жизнь обыкновенно течет тихо и однообразно. Редко встречаются в ней какие-либо события и обстоятельства, разнообразящие ее, возбуждающие и оживляющие. Заботы об удовлетворении насущных жизненных потребностей поглощают все время и внимание селянина.

Но как скоро случаются в жизни какие-либо обстоятельства, выходящие из ряда обыкновенных, мы отдаемся им всею душою. Таковым событием в нашей местности было ныне поднятие на место нового 300-пудового колокола. Мы очень любим звон колокольный и благоговейно прислушиваемся к нему.

Наш же колокол интересовал и занимал всех еще и потому, что он слит был в память государя императора Александра Николаевича, да служит вечным напоминанием грядущим поколениям о признательности к этому царю крестьян. О сем гласит и надпись на колоколе.

Давно уже прихожане мои были заняты мыслью о большом колоколе для церкви. Наш приход в три конца простирается от церкви до девяти верст. И звук прежнего колокола не достигает поэтому слуха многих прихожан, живущих в отдаленных селениях от церкви. А между тем каждому желательно было, чтобы, когда по разным обстоятельствам, кому-либо нет возможности в праздничные и воскресные дни присутствовать в церкви за богослужением, то хоть дома услышать звон церковный и перекреститься в богослуженное время.

Поэтому и занимала всех мысль устроить колокол поболее прежнего. С этою целью лет восемь тому назад приступлено было к сбору добровольных пожертвований на колокол. Но до 1882 г. сбор не достиг и третьей части потребной суммы, потому что промыслы прихожан были за это время скудны, и сбор почти прекратился.

Но вот совершилась катастрофа 1-го марта, до глубины души взволновавшая наших прихожан. Задумали они чем-либо увековечить память о славном царствовании Государя. Остановились на мысли о колоколе. Снова потекли от скудных достатков, хоть и небольшие, пожертвования, от состоятельных же благодарных крестьян явились и крупные пожертвования. По пословице: по зернышку ворох, по капельке море, и у нас составилась достаточный капитал, и колокол был слит, в январе месяце, в городе Мологе, в нарочито устроенной там печи, мастером крестьянином Константином Никитиным Кичигиным. Колокол и звуком и по весу вышел прекрасный; прихожане радуются не нарадуются, что Господь, при малых их средствах, помог исполниться благому и желанному делу.

С какою радостью стремились все в город Мологу, когда узнали, что колокол готов и его нужно везти на место.

Оставили едва ли не все дорогое время, работы и домашние занятия и шли в город. Собралось сот до пяти человек и *на себе* привезли колокол на место в село, которое отстоит от города верстах в трех.

Мужчины почти все шли с непокрытою головою. Колокол в селе был встречен благовестом в большой колокол.

Это было 29-го января; потом колокол на месте уже был вычищен, а 14-го марта поднят и на колокольню.

Излишне говорить о множестве собравшихся на торжество поднятия колокола. Явилось более тысячи человек, несмотря на распутицу. Перед литургиею был отслужен молебен с водосвятием, а затем колокол был освящен. Какое умиление и довольство видны были на всех лицах молящихся»⁷⁶⁸.

Точно так же, присутствуя при отливке колокола, каждый из присутствующих, даже последний бедняк, считал священной обязанностью бросать в расплавленную массу медные и серебряные деньги и, таким образом, фактически участвовал в создании нового колокола.

На колокольне Богородице-Алексеевского мужского монастыря, в Томске, находится колокол, весом в 303 пуда, он слит в 1863 году на собранную между прихожанами сумму.

Но помимо денег, народ приносил и бросал в расплавленную массу разный медный лом – самовары, подносы и пр.⁷⁶⁹

Путешествие русских колоколов в Сербию

Любопытное описание мытарства русских колоколов, отправленных в 1863 году в Сербию находим в «Русской старине».

Вот что сообщает об этом г. Марченко: «В Старой Сербии, близ турецкого городка Печа, стоит древний Дечанский монастырь Св. Николая, основанный сербским королем Стефаном Урошем, прозванным Дечанским, который одарил его богатыми дарами и ценными вкладами после войны, веденной им с болгарами в 1330 году.

Об основании этого монастыря сложилось предание, занесенное Буком Стефановичем Караджичем, в его «Српски рјечник» (сербский словарь с объяснениями и сведениями географического и этнографического характера).

По словам этого предания, отец Стефана выколол ему (будущему королю. – *Ред.*) глаза и повесил их на воротах города Призрена. Когда Стефан вышел на прогулку из города, навстречу ему попался св. архангел, который, сжалившись над будущим королем, обратился орлом, снял с ворот глаза Стефана и вложил их на прежнее место, сказавши при этом: «одечи очи». Получив зрение, Стефан, в благодарность и память об этом чуде, построил Дечанский монастырь, известный под именем высокого Дечана («високе Дечане»), про который поется в народных сербских песнях.

В 1861 году стараниями ктитора иеромонаха Дечанской лавры Кирилла Андреевича Шиколярца и жертвованиями петербургского купца Ф.Ф. Зайцева, в Москве, на заводе А.П. Богдановой отлиты были для обители два колокола: один весом в 20 пудов 10 фунт[ов], другой – в 10 пудов 32 фунта.

Колокола эти были доставлены в Лиссабон на фрегате «Дмитрий Донской» и здесь перегружены в конце 1862 года на фрегат «Ослябя», которым в ту пору командовал капитан 1-го ранга Николай Николаевич Назимов.

Отсюда они должны были Средиземным морем быть доставлены через порты Рагузу или Антивари к месту своего назначения. Доставка эта совершенно непредвиденно осложнилась трудностями и послужила предметом деятельной дипломатической переписки.

В архиве вице-адмирала П.Н. Назимова сохранились бумаги брата его, покойного Н.Н. Назимова, командовавшего названным фрегатом. В рапорте от 1 февраля 1863 г. он доносил чрезвычайному русскому посланнику и полномочному министру в Греции графу Блудову о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть при доставке пожертвованных колоколов: «Выйдя января 19-го с вверенным мне фрегатом «Ослябя» из залива Каламата, откуда я имел честь доносить вашему сиятельству о предшествовавшем плавании по портам Греческого архипелага, я направил курс в Рагузу, так как там есть русский консул, который мог дать сведения о способе доставки присланных из С.-Петербурга и находящихся на фрегате колоколов для Дечанской обители, находящейся во владениях Европейской Турции, неподалеку от Скутарийского озера.

Придя в Рагузу 24-го января, я тотчас обратился к исправляющему должность консула господину Макушеву принять колокола с фрегата, принимая во внимание, что в полученной мною описи вещей с фрегата «Дмитрий Донской» сказано, чтобы колокола были доставлены в Рагузу или Антивари.

Господин Макушев полагал более удобным переслать колокола через Черногорию, так как Дечанская обитель ближе к этой области; сверх того, играло роль и то соображение, что черногорцы доставят колокола эти вернее и охотнее, нежели другие племена. Он сообщил мне кроме того, что уже телеграфировал в Вену, прося дозволить фрегату «Ослябя» войти в залив Бокко-ди-Каттаро, потому что без особого разрешения вход в порт Каттаро не допускается.

26-го января фрегат вошел в Антиварскую бухту, я тотчас телеграфировал нашему консулу в Скутари о желании видетсья с ним на фрегате. На другой день утром, обменявшись салютами с турецкою крепостью, я сделал визит начальнику округа Мехмету-паше вслед за тем он сам прибыл на фрегат.

В тот же вечер приехал ко мне секретарь консульства в Скутари. По его словам, от Скутари до Дечанской обители семь часов ходу, и доставление колоколов (и еще трех железных подсвечников, как это видно из отношения Назимова к консулу в Скутари от 24 января 1863 г. за № 13), пожертвованных Зайцевым в Дечанскую обитель, будет затруднительно и обойдется не дешево, вследствие того, что обыкновенный, единственный путь к монастырю представляет собою горную тропинку, проложенную по высоким и крутым кряжам.

На другой день утром колокола были свезены с фрегата на пристань, где они должны были временно храниться в сарае, принадлежащем Австрийскому пароходному обществу, до изыскания средства для их перевоза. «Не успели люди команды выгрузить колокола из катеров и поставить их на землю, как прибыл адъютант паши с запрещением свозить их на берег до получения на то разрешения из Константинополя.

Я представил адъютанту невозможность фрегату оставаться долее на рейде, напомнив также о недавно состоявшемся с Турцией трактате о веротерпимости, неразрывно соединенном с правом ввоза подобных предметов; убедив его в том, что вещи эти не военная контрабанда, я достиг того, что он согласился со мною и позволил оставить колокола на пристани, но просил секретаря консульства ехать с ним в Антивари к паше, чтобы уладить это дело»⁷⁷⁰.

О любви звонить в колокола

Звонить в колокол было любимым занятием русских. Обычай звонить на Пасху сохранился и до сих пор, не только в деревнях и даже в городах, а раньше это считалось необходимым для каждого религиозного человека. Это называлось – славить Христа.

В летописях мы находим указание, что царь Иоанн Грозный каждый день «в четвертом часу утра ходил на колокольню с царевичами и Малютою Скуратовым благовестить к заутрени, братья спешили в церковь, кто не являлся, того наказывали осьмидневным заключением»⁷⁷¹. В Александрове до сих пор сохранилась древняя звонница, на которой Иоанн Грозный любил благовестить⁷⁷².

В прекрасных стихах «Василий Шибанов» граф Алексей Толстой так описывает звон Иоанна Грозного:

«Звон медный несется, гудит над Москвой,
Царь в смирной одежде трезвонит:
Зовет ли обратно он прежний покой,
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет
И звону внимает московский народ
И молится полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом, Басманов».

Любил церковный звон и набожный царь Феодор, и сам неоднократно звонил в колокола на московских соборах.

Любовь Феодора к колокольному звону простиралась до того, что часто во время заседания Боярской думы, вместо того, чтобы слушать дело, отдавал приказание кому-нибудь из своих людей:

– Эй, приведи-ка мне пономаря из Андроньева монастыря!

Иоанн IV, считая сына полоумным, говорил ему: «Ты не царь, а пономарь будешь»⁷⁷³.

Феодор умел, вероятно, выполнять на колоколах известную фигуру, мотив, а пономарь из Андроньева монастыря, надо думать, умел выделывать другую, более лучшую фигуру, почему и интересовал царского сына.

Суворов, отправляясь в поход в Швейцарию, сам звонил в колокола в созданной им самим церкви в селе Кончанском Новгородской губернии⁷⁷⁴.

Царские колокола

Судя по летописным указаниям и сохранившимся монастырским записям, мы видим, что русские цари, бояре, дьяки и купцы создавали колокола на свои средства и жертвовали их монастырям и приходским церквям.

Вот почему в прежнее время колокола и носили наименования: *царский, боярский, посадский, святительский* и проч.

По сохранившейся записи Ниловой пустыни⁷⁷⁵ значится, что царь Алексей Михайлович жалует обители колокол во 150 пудов. Бояре Иван и Юрий Ивановичи

Ромодановские дают колокол в 50 пудов. Кроме того, князь Алексей Михайлович пожертвовал колокол в 41 пуд, и два колокола в 25 1/2 и в 25 пудов пожертвовали бояре Илья Данилович и Иван Андреевич Милославские.

На колокольне Новодевичьего монастыря в Москве находится один из таких царских колоколов.

На нем имеется следующая характерная надпись:

«Лета 7138 (1630) апреля в 13 день при великом государе, царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси самодержце в его государской державе в 17 лето и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при великом господине святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всея Руси, поставила сей колокол мати государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, инока великая государыня старица Марфа Ивановна в дом Пречистыя Богородицы Новодевичь монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которые в том монастыре будут, за тот наш вклад душу мою в синодике написать, по вся дни поминати».

На колоколе изображено распятие Иисуса Христа с предстоящими, под ним в клейме агнец в сиянии около головы и с хоругвею на плече⁷⁷⁶.

В московских церквях довольно много сохранилось таких царских колоколов, преимущественно царя Михаила Феодоровича. Так, на церкви святителя Николая Явленного на колоколе написано «Божью милостию великий государь, царь и великий князь Ми– хайла Феодорович всея Руси самодержец и его царица великая княгиня Евдокия Лукьяновна и их государские дети государь цесаревич и князь Алексей Михайлович, государыня царевна и великая княжна Анна Михайловна, государыня царевна и великая княжна Наталья Михайловна сей колокол велели лить в церкви Николы Чудотворца Явленного, что за Арбатскими вороты, лета 7146 (1638) году».

В Александро-Свирском монастыре в Олонецкой губернии находится колокол, присланный царем Феодором Иоанновичем в 1585 году. На этом колоколе сохранилась следующая надпись: «Под щет государя царя великаго князя Ивана Васильевича всея Руссии в иноцех Ионы»⁷⁷⁷.

Создание колокола и пожертвование его в церковь сыспокон веку на Руси считалось делом Божьим, этим и объясняется обилие колоколов в России, из которых некоторые достигают колоссальных размеров и веса.

Колокола создавались не только на пожертвование царей или людей богатых, но нередко мы видим, что даже бедные прихожане по копейкам собирали на колокол.

На колокольне церкви Похвалы Пресвятой Богородицы за Старым дровяным двором в Чертополье⁷⁷⁸ (в Москве) имеется такой колокол со следующей трогательной надписью «Лета 7202 (1694) куплен сей звон к церкви Преподобныя Параскевы на место Поречье на мирские гроши, весу 3 пуда 6 фунтов».

Эта надпись ясно говорит, с какой любовью колокола создавались на Руси, создавались на последние «мирские гроши», для того, чтобы была возможность возвещать людям о Боге.

Такие колокола назывались обыкновенно – *мирскими*, т. е. созданными миром, группой прихожан или, вообще, доброхотных дателей.

Что же касается до названия – *царь-колокол*, то это вовсе не означает, как многие полагали, что оно относится к одному только колоколу, а именно колоколу, находящемуся ныне подле Ивановской колокольни в Московском Кремле.

Еще более ошибочно думать, что название *царь* объясняется тем, что он создан на деньги, пожертвованные царем; такие колокола, как уже было сказано, назывались просто – *царскими*.

У нас было несколько царь–колоколов; они так назывались благодаря своей величине. Как было сказано выше, один из таких колоколов был слит в XVI в. и

находился в Кремле между Успенским и Архангельским соборами, на особенном деревянном срубе.

В былине о «Гришке-Растриге» говорится:

«У того ли Ивана Великого

Завсегда звонят в царь-колокол» ...

Вернее всего, что здесь идет речь именно о колоколе XVI века, и название «царь» относится к его величине и весу, точно так же и пушка, слитая Андреем Чоховым, благодаря своей величине, называется *царь-пушкой*.

Тифлисская история

Видя в колоколе средство для прославления Бога, русский народ, особенно в прежнее время, относился к нему с благоговением и трепетом и благодаря этому связал с ним несколько суеверий, примет и, освященных традицией, обычаев.

Так, например, от места отливки до колокольной, на которую должен быть повешен колокол, его непременно переносили на руках, за теми немногими исключениями, если отливка производилась в другом городе или вообще, на довольно значительное расстояние от церкви.

Если народ видел, что в процессии перенесения колокола участвовал какой-нибудь иноверец, а особенно еврей, то он без церемонии изгонялся, так как присутствие его считалось дурным предзнаменованием: с колоколом случится какое-либо несчастье.

Для иллюстрации такого суеверия приведем следующий довольно характерный случай, который мы нашли в воспоминаниях вполне достоверного, по словам П.И. Бартенева, лица А.М. Фадеева:

«В начале января 1848 года, на исходе зимы, в городе (Тифлисе) случилось маленькое, но очень странное происшествие, которое произвело в ту минуту на многих очень сильное впечатление, разумеется, очень скоро изгладившееся, так как все на свете забывается, да и при том же иные, может быть, не обратили внимания или не придавали особенного значения удивительному совпадению, проявившемуся при этом обстоятельстве. Простая ли это случайность или явление свыше – это не моего суждения дело.

Тифлисская церковь чрезвычайно бедна колоколами. Во всем городе не было ни одного не только хорошего, но даже сколько-нибудь порядочного колокола. Церковный звон слышался только в ближайшем соседстве церквей, и его слабые дребезжащие звуки походили (как и теперь походят) на звон плохих почтовых колокольчиков; да и по самому объему и весу немногим превосходили валдайские изделия и отличались разве только древностью, вследствие которой давно отслужили свой век и, вероятно, потрескались и раскололись, если судить по их разбитому тону.

Для русского ново-приезжающего человека, привыкшего почти во всех городах и даже больших селах России к звонкому, торжественному, могучему, часто оглушительному трезвону своих родных массивных колоколов, это отсутствие колокольного звона или в замену его какое-то нестройное брянчание, раздражающее уши, кажется чем-то неприятным, чуждым, даже тягостным, особенно на первых порах и в праздничные дни.

Князь Михаил Семенович Воронцов заметил этот недостаток и давно подумывал об исправлении его, хотя отчасти.

В 1847 году, по его приказанию, выписан в Тифлис из Орловской губернии литейных и колокольных дел мастер, которому князь заказал отлить колокол в восемьсот пудов веса, для Сионского кафедрального собора.

Мастера поселили в тифлисской немецкой колонии по левой стороне Куры, где он и занимался довольно долго своей работой.

Многие ходили смотреть, как отливался колокол (для жителей Грузии это представляло совсем невиданное дело), и бросали туда серебряные деньги. Нередко заезжал во время прогулки верхом и князь Воронцов, наблюдал сам за работой, и, по видимому, очень интересовался ею.

Наконец, колокол был отлит, окончательно отделан и готов к перевозке.

В это время холода усилились, и сплошной снег уже недели две покрывал все улицы, чему туземцы очень удивились и говорили, что не запомнят такой зимы.

Тогда оба противолежащие берега Куры соединялись в Тифлисе двумя мостами в старом городе, около Метехского замка, и только в этом месте, между старой частью города и предместьем Авлабаром по той стороне реки, было постоянное сообщение. Михайловский мост, ныне соединяющий в центре обе части нового города, еще не существовал и заменялся деревянным наводным временным мостом. Через этот-то мост должен был переправляться колокол.

В назначенный для его перевозки день собралось множество народа. В России, по исконному обычаю, православный народ *перевозит колокола в церковь на себе*; но так как в Грузии, надо полагать, не было колокола, которого один человек не мог бы пронести просто на руках, то туземцы не имели об этом обычае никакого понятия и потому для перевозки колокола была наряжена рота солдат.

Приехали верхом князь и княгиня Воронцовы с большой свитой, и началась торжественная процессия.

Колокол установили на крепкие прочные салазки с прикрепленными к ним длинными веревками; солдаты впряглись в веревки по несколько человек в ряд и длинной вереницей готовились двинуться вперед.

В эту минуту подошел к князю мастер-литейщик, отливавший колокол, русский бородатый мужичок, и, низко кланяясь, изъявлял желание что-то сказать.

Воронцов, заметив его, спросил, что ему нужно. Мастер сказал:

– Ваше сиятельство, прикажите узнать, нет ли между солдатами, что будут перевозить колокол, евреев; если есть, велите, чтобы они ушли и не притрагивались к этому делу.

– Почему это, любезный? – с удивлением спросил Воронцов.

– Ваше сиятельство, – отвечал литейщик, – колокола – это мое ремесло; я в жизни своей отлил их много и насмотрелся на своем веку, как их перевозят. Наверно, докладываю Вашему сиятельству, что если при перевозке колокола замешается еврей, никогда не обойдется без несчастья. Сколько раз я был свидетелем и от других слышал. Нижайше прошу Ваше сиятельство, если тут есть некрещенные, прикажите им уйти: не то быть беде.

Князь слегка кивнул головой и, с снисходительной полупрезрительной улыбкой, торопливо проговорил:

– Хорошо, хорошо, любезный, – повернул лошадь, отъехал немного далее и отдал приказание двинуться.

Тронулись. Довезли колокол благополучно до моста, перевезли через мост и здесь остановились перевести дух.

На этом месте было нечто вроде ямы, а перед нею возвышалась маленькая горка, с которой, по причине наступившей в этот день оттепели, вода от стаивающего снега стекала к мосту и потом, замерзнув, образовала ледяные лужицы. Перед одной из этих лужиц стояли салазки с колоколом.

Солдаты отдохнули и бодро принялись за работу; натянули веревки и, крепко поднатужившись, разом дернули салазки с места, но не протащили их пяти шагов, как раздались крики, и все опять остановились. Раздавили одного солдата. Этот солдат находился в числе людей, впряженных в первом ряду, близ самых салазок, и когда вдруг дернули, он поскользнулся на обледенелой лужице, упал, и салазки с восьмисотпудовым колоколом одной стороной переехали через него поперек туловища от правой ноги к левому плечу. Солдат был перерезан как бритвой, и кровь лила рекой из раздвоенного тела. Картина была страшная.

Княгине Воронцовой сделалось дурно, и из соседнего дома ей принесли стакан воды. Князь Воронцов подозвал к себе коменданта, старого генерала Бриземан-фон-Неттиха, и сказал ему:

– Поезжайте сейчас к экзарху; расскажите об этом происшествии и скажите ему, что я прошу его позволить похоронить этого солдата в ограде Сионского собора, как человека, погибшего при совершении богоугодного дела, во время перевозки в собор колокола. Скажите ему, что он очень меня этим обяжет.

Вероятно, князь хотел таким распоряжением несколько смягчить или изгладить тяжелое впечатление, Произведенное кровавым зрелищем на публику.

Комендант поехал исполнить приказание, но спустя несколько минут снова возвратился и доложил наместнику:

– Ваше сиятельство, этого человека нельзя хоронить в Сионском соборе.

– Как нельзя! Отчего нельзя?

– *Он еврей*, – отвечал комендант.

Воронцов, видимо, смутился. Это известие его озадачило, он не сказал ни слова, но не мог не вспомнить только что выслушанной им просьбы и предсказания старого колокольного мастера.

Шествие продолжалось далее в порядке и достигло местоназначения уже без всяких приключений.

С тех пор Тифлис обязан князю Михаилу Семеновичу своим единственным прекрасным, громозвучным колоколом, звоном которого отличаются праздничные и торжественные дни от обыкновенного будничного времени»⁷⁷⁹.

Этот эпизод, рассказанный г. Фадеевым, в высокой степени характерен для суеверий нашего народа. Считая колокол святыней, он естественно в наивной простоте не может допустить «некрещеного» дотрагиваться до тех предметов, которые предназначаются для служения Богу.

Падение Реута

Другой трагический случай произошел Великим постом 1855 г., в день присяги императору Александру Николаевичу в Кремле, с колокольни Ивана Великого оборвался один из колоколов Реут и задавил свыше десяти человек; их перенесли в Патриаршую палату. Густая толпа народа смутилась, и по словам П.И. Бартенева, раздавалось немало зловещих толков⁷⁸⁰.

Реут первый раз упал в 1812 году во время взрыва, произведенного французами. В 1855 году он упал второй раз, пробил три каменных свода и два деревянных потолка и убил 17 человек. Это случилось во время торжественного звона, когда шел молебен в Успенском соборе и провозглашалось многолетие во время коронации Александра II.

Тогда преосвященный Филарет сказал окружающим:

– Царствование будет хорошо, а конец неблагополучен!

Колокол упал оттого, что у него оборвались медные уши.

И сейчас в Москве живет, в мещанской богадельне, Г.А. Кудрявцев, старик, очевидец этого ужасного случая. Он был подстаростой Успенского собора, и квартира его находилась как раз под Реутом, в нижнем этаже. В числе 17 жертв оказалась его молодая жена, которую прикрыло колоколом. Уже через много дней достали ее тело из-под обломков и из-под колокола⁷⁸¹.

Тогда сделали уши железные и вновь повесили его на место, а в 1885 году, боясь за прочность, вокруг него были сделаны подставки, которые стоят и теперь.

Коллекция «отлитых» историй

В старые времена в Москве существовал обычай пустить нелепый слух, когда начинали на колокольном заводе лить колокол. И, чем нелепее и громче слух, тем звончее будет колокол, – так искренне думали колоколотейные заводчики, а за ними и вся Москва того времени. Появлялся слух тайно, потом из лавочек и трактиров шел по домам и площадям, потом в деревни и провинции на почтовых и с оказиями, и когда разрастался, вдруг объявлялось:

– На таком-то заводе колокол слили! У-у, звонкий!..

Это была реклама того времени.

Если же колокол на заводе выходил не звонкий, то слух так и не открывался, а переходил в легенду.

Остроумные изобретатели таких слухов получали хороший гонорар за свои «сочинения».

Во 2-й половине прошлого века, с появлением газет обычай уничтожился, но когда здорово соврут, все-таки говорили – «колокол лют!».

В 1878 году, когда лили самый большой колокол для храма Христа Спасителя, генерал-губернатор, кн. В.А. Долгоруков, председательствуя в комиссии по постройке храма, пошутил:

– Надо бы по древнему московскому обычаю, чтобы колокол звончее был, пустить какой-нибудь слух...

Все рассмеялись, а член комиссии, известный в Москве П.Н. Зубов, подошел к председателю и шепнул ему что-то на ухо.

Кн. Долгоруков взглянул на сидевшего против себя члена же комиссии, необъятно толстого и громадного барона Б., и неудержимо расхохотался.

– Что, что такое, ваше сиятельство? – заинтересовались все, но В. А. молчал.

– Что случилось? Что?

– Секрет... Большой секрет... Вот когда колокол будет хорош – тогда скажу...

А потом, по секрету, каждому члену комиссии, конечно, кроме барона Б., кн. Долгоруков и Зубов рассказали слух, который был настолько «подходящ», что облетел всю Москву шепотом в гостиных и гремел в клубах и трактирах.

Только один барон Б. недоумевал, когда при всяком его появлении в обществе все «помирали со смеху». А Зубов сказал В.А. Долгорукову следующее:

– Пустим слух, что барон Б. «в таком положении» ...

По месту пришлась эта шутка и облетела Москву. Колокол, весящий 1400 пудов, как известно, оказался очень хорошим.

Колокол слили и барона Б. вспомнили.

На эти рассказы полиция не раз обращала внимание и брала с заводчиков подписки не распускать никаких темных слухов.

Однако этот освященный традицией обычай продолжал крепко держаться. А.П. Милюков в своих воспоминаниях рассказывает о легенде, распушенной при литье колокола.

«Однажды на Покровке венчали свадьбу, и когда священник повел жениха и невесту вокруг аналоя, брачные венцы сорвались у них с голов, вылетели из окон церковного купола и опустились под наружные кресты, утвержденные на главах церкви и колокольни.

Слух этот настолько был силен в Москве, что к церкви съезжались экипажи в таком количестве, что проходу не было – нежные сердца к этому добавляли, что жених и невеста были родные брат и сестра, и что они этого не знали, и, что только чудо не допустило до греховного брака».

Другой такой же нелепый и дикий слух, пущенный литейщиками, заключался вот в чем:

«Генерал-губернатор накануне большого праздника, кажется Николина дня, давал бал, на который приглашено было полгорода.

Дом горел огнями. Всю ночь продолжались танцы и вот, во время полного разгара удовольствий, при громе бальной музыки, раздался с Ивановской колокольни первый удар благовеста к заутрене.

При этом торжественном звуке люстры и канделябры в губернаторском доме в одну секунду погасли, струны на музыкальных инструментах лопнули, стекла из двойных рам, звеня, попадали на улицу и, в страшной темноте, волны морозного воздуха хлынули на обнаженные плечи и шеи танцующих дам.

Раздался крик ужаса. Испуганные гости бросились толпою к дверям, но они с громом захлопнулись и никакие усилия не могли отворить их до тех пор, пока не кончился в Кремле благовест»⁷⁸².

К этому рассказу добавляют, что в большой зале найдено несколько замерзших и задавленных и в том числе тело самого хозяина праздника.

Знак об освобождении Москвы

Любопытная легенда сохранилась в Киево-Печерской лавре. Рассказывают, что в 1812 году, когда Москва была в руках неприятеля, и вся Россия страдала, видя истребление священной столицы – вдруг в один день на лаврской колокольне раздался сильный звон в неурочное время.

Народ взволновался, все бегут на колокольню и находят там старого солдата, который на вопрос: что его побудило к такому поступку ответил, что он в душе своей дал обещание, во что бы то ни стало, зазвонить на лаврской колокольне, лишь только французы изгнаны будут из Москвы.

И в самом деле в тот же самый день было получено в Киеве известие об освобождении Москвы от неприятеля⁷⁸³.

Как было сказано выше, колокола не сразу появились в России, и народ первое время относился к ним довольно недоверчиво, но мало-помалу, привыкнув к их медному голосу, народ полюбил их и начал относиться к ним с каким-то особенным благоговением, ревностно заботился о создании их, и теперь Россия не только по количеству, но и по величине и качеству колоколов занимает первое место.

Русский колокол на Афоне

Святогорец в своих письмах к друзьям рассказывает о том, какое впечатление на греков произвел колокол, присланный в русский монастырь на Афоне:

«Мне удалось, – говорит он, – быть очевидцем трогательной сцены. Почетный московский гражданин Федор Набилков пожертвовал сюда (т. е. на Афон) три колокола, из которых большой имеет в себе весу 35 пудов 32 фунта.

Надобно заметить, что подобного колокола, кажется, нет на всей Св[ятой] горе. Кое-как этого «великана» вытащили с судна на берег, поставили в обители на площади, и он сделался предметом всеобщего внимания и любопытства.

Старцы плакали от радости, не выдавши на веку своем такого колокола; юные ликовали, и никто не знал, как такую огромную массу втащат на колокольню, как повесят, как укрепят, да как и звонить-то будут в такой колокол? Последний вопрос был для греков совершенною загадкой, потому что на Святой горе, да и на всем Востоке ударяют не языком в колокол, а колоколом в язык. Для этого-то к языкам здесь не привязывают веревки, а в уши колокола продевают шест или коромысло, и, оцепивши конец его веревкою, человека два раскачивают весь колокол, который, расходившись, поневоле заставляет свободный язык бить по своим краям и звучать.

Не говорю о том, как в Греции забавно смотреть на неестественность подобного звона, как бьются около коромысла и утомляются звонари, которых всегда бывает на колокольне по числу колоколов, а ежели огромен колокол, – там надобно уже двоих, если не троих...

Судя по этому, вы поймете, как для греков казалось дивным и даже чрезвычайно трудным звонить в великана, присланного из России. Но это все еще ничего.

– Остался ли еще и есть ли подобный колокол в России? – спрашивали нас греки; а один старец, Даскал, задушевный мой друг, осмотревши колокол, подивясь на него и взглянувши потом на колокольню, сомнительно покачал головою и возразил:

– Да стерпит ли колокольня-то такую тяжесть?..

От души забавляясь детскими суждениями греков, мы рассказали им про московского великана в 12000 пудов, у которого самый выбившийся иверень полагают до восьмисот пудов, и они, удивляясь такому неслыханному между ними диву, восклицали: «Бре! бре!..» («бре» – междометие, значащее удивление в высшей степени).

Троицкая суббота была у нас пасхальным днем, потому что тогда были повешены колокола, и звон не умолкал до самой вечерни.

Колокольня была набита иноками, желавшими видеть и знать, как и что будут делать руссы со своими колоколами. Сам маститый игумен был там.

Когда загудели колокола в стройных русских тонах и металлическая игра их отозвалась в далеком эхе и в мелодических замирающих звуках по скатам прибрежных холмов и соседних гор, греки были вне себя от радости и удивления.

С тех пор, как только бдение, греки высыпают в светлую галерею, обнимающую собор их с запада, и не сводят глаз с колокольни, пока производится звон во вся, так что, смотря на них, мы с чувством и с грустной улыбкой восклицаем: «Бедные греки!.. это сущие дети!..»⁷⁸⁴.

* * *

Из этого описания мы видели, как сильно и неотразимо действует церковный звон на душу человека, и не даром поэт воскликнул:

«Вечерний звон, вечерний звон,

Как много дум наводит он» ...

Да, благовест, действительно, наводит много дум, он пробуждает в нас наши лучшие и светлые чувства, будит детские воспоминания и наполняет душу тихой безмятежной радостью...

Любит русский народ звон церковного колокола, любит потому, что его торжественные звуки вещают ему о Боге, направляют мысли и сердце к Нему и, раздаваясь с высоты, призывают к небесному, горнему, лучшему.

С любовью русский народ созидает единственные в мире по размеру, весу и силе звуков колокола и любит, когда громовые удары их потрясают воздух и наполняют душу его великим, благоговейным чувством.

И не заменит русскому человеку этого звона никакой другой призыв, как звуков небес, по словам поэта, для чистой души не могут заменить скучные песни земли.

Звон церковных колоколов слышали мы при разнообразнейших положениях и условиях нашей жизни. От колыбели и до гроба сопровождает он нас, наполняя нашу душу то светлой радостью, то горем и печалью.

Живых он пробуждает, призывая к лучшему и чистому от житейской темноты и невзгоды, а мертвых провожает до последнего приюта – могилы»⁷⁸⁵.

Часть 4. Колоколотейное искусство

Колокольный металл

Бросив взгляд на историю колоколов, небезынтересно будет познакомиться и с отливкой их.

Как уже было сказано выше, главное достоинство всякого колокола – его благозвучность, но отлить колокол в требуемый тон и нужного веса не так легко, хотя и существуют различные правила постройки колоколов, но все же даже и опытному мастеру не всегда удается вполне удовлетворить всем требованиям. Многое зависит здесь и от состава металла. Мастеру очень часто предъявляются требования, чтобы с *наименьшим* количеством металла достичь нужного тона колокола, благозвучности и его прочности.

Как известно, для отливки идет сплав из меди и олова в определенной пропорции, т.е. бронза, которую называют и «колокольная бронза», и «колокольный металл». Неправильность в составе ведет иногда к быстрой порче колокола, т.е. колокол разбивается. Впрочем, часто колокола разбиваются и по другим причинам, как, например, от низко спустившегося языка или от излишнего усердия звонаря, желающего посильнее выколотить звук.

Колокольный сплав должен быть составлен таким образом, чтобы вместе с приятным звуком соединял достаточную жесткость и крепость. Обыкновенно для сплава берут 80 частей меди и 20 частей олова, хотя эти цифры часто колеблются, смотря по чистоте металлов⁷⁸⁶.

Ходящий в народе взгляд, будто бы примесь серебра улучшает звук, совершенно ошибочен. Известные по своему приятному звуку колокола, в которых предполагалось значительное количество серебра, не дали при химическом анализе ни малейших следов серебра. Так, например, знаменитый колокол «Ropeni», который, как предполагали, должен содержать золото и серебро, дал при анализе следующие результаты: меди – 71%, олова – 26%, железа – 1,2%, цинка – 1,2%.

В Руане также находится колокол, долгое время считавшийся серебряным.

Жиранден, анализировавший его, говорит, что присутствие в больших колоколах драгоценного металла сомнительно. Он думает, что литейщики вместо того, чтобы бросать приносимые им драгоценные металлы в тигли, заставляли жертвователей бросать их прямо в огонь. «Благодаря этому серебряная масса вместо того, чтобы быть прибавленной к бронзе, оставалась в золе, откуда литейщики и вытаскивали ее, как только церемония кончалась и мастерская пустела»⁷⁸⁷.

Народная молва о прибавлении серебра к колоколу имеет свою историю. В старину, церкви, нуждавшиеся в колоколах, отправляли особых сборщиков на телегах, переезжавших из села в село, и остановившись на торговой площади, сборщик звонил и собирал мирские гроши и серебряные рубли от щедрых жертвователей, чтобы колокол был звонче и лучше. Обычай этот сохранился в некоторых губерниях Поволжья.

Кроме того, хороший колокольный металл имеет в изломе серебристый блеск, что также давало повод думать, что в колокол было вплавлено серебро.

Случается, что крестьяне, доставив на колоколотейный завод разбитый колокол и предполагая в нем серебро, просят перелить, а новый не покупают.

Медь для литья колоколов должна быть чистая без каких-либо примесей, тогда легче сделать колокол благозвучным, легче рассчитать правильное соотношение меди с оловом. В обществе наилучшая медь для отливки считается демидовская и заказчики охотно переплавляют лишнее лишь бы иметь колокол из демидовской меди. Медь эта наиболее чистая из всех сортов встречающейся русской меди⁷⁸⁸. Появившаяся в последнее время электролитическая медь по своей чистоте выше, но литейные мастера, не имея с ней опыта, все же предпочитают первую.

Сам металл имеет характерный красный цвет, плавится при температуре 1084° Ц⁷⁸⁹; расплавленная медь жидка и обладает цветом морской воды. При температуре вольтовой дуги⁷⁹⁰, медь летит и окисляясь, дает зеленоватое пламя.

Второй металл для сплава бронзы – это олово; белый довольно мягкий с серебристым блеском, имеет кристаллическое сложение и плавится при 228° Ц⁷⁹¹. Накаленный на воздухе он сгорает ярким белым цветом. Сплавленная вместе медь с оловом, в известной пропорции, дает бронзу. Оба мягкие металла в сплаве делаются твердыми и цвет меди от олова резко изменяется. Цвет сплава в изломе серовато-стальной, вид однородный, плотно-мелкозернистый. Неоднородность вида показывает нехорошее перемешивание сплава.

Точка плавления колокольной бронзы около 880° Ц. Бронза при переплавке делается хуже. Она становится густой и ее хрупкость растет с каждой переливкой; это объясняется поглощением сплавом кислорода и переходом при этом металлического олова в оловянную кислоту. Исправление сплава возможно прибавлением к сплаву фосфора, который расплавляясь совместно с бронзой, как бы растворяется в ней и восстанавливает оловянную кислоту⁷⁹².

Были произведены опыты со сплавом, содержащим 9,6% олова и после каждой переплавки % содержания олова падал почти на 1%.

Жидкий сплав, переходя из расплавленного состояния в твердое, распадается на составные части; явление это называется ликвацией и степень ее зависит от того, насколько сплав был нагрет перед выливанием в форму и насколько быстро он охладился. Для колокольного сплава желательнее относительно быстрое охлаждение, чтобы в середине отливки не появились белые пятна, представляющие собой сплав меди с большим содержанием олова.

Точно также в нижней части колокола, меди замечается больше, чем в верхней. Анализ одного старого колокола показал, что взяв три пробы из разных мест колокола: верха, середины и ударной части, получили разные составные части:

	Верх	Середина	Низ
Олово	21,36	20,86	20,62
Свинец	2,96	2,85	2,41
Медь	75,68	76,69	77,69

олово и свинец как легкоплавкие собрались вверху колокола⁷⁹³.

На поверхности колокола наблюдается выделение тонкого слоя сплава с большим содержанием олова.

Найденное практикой наилучшее отношение меди к олову в колокольном сплаве, вполне совпало с лабораторными опытами определения свойств бронзы в зависимости от содержания олова и меди.

Диаграмма подобного исследования показала, что наилучшая совместимость свойств бронзы для колокола как-то, ковкость, твердость и вязкость имеются в сплаве меди с оловом при содержании олова около 20%.

Бронза при нагревании расширяется, а при охлаждении сильно сжимается, отчего и получается на поверхности нечистая отливка. Коэффициент осадки для бронзы равен 1/65⁷⁹⁴; знание его для литейщика необходимо, чтобы рассчитать правильно размеры модели.

Колокольная бронза на воздухе покрывается зеленым основным углекислым порошком меди – патиной, слой этот и предохраняет металл от дальнейшего влияния атмосферы.

Обыкновенно для продажи не на заказ колокола изготавливаются не из новых металлов. Отливают их из старых, бывших в употреблении металлов и часто анализ показывает в колокольном сплаве присутствие посторонних металлов, вредных для качества колокола.

Вредными примесями к сплаву являются цинк, свинец и железо. В небольшом количестве цинк допустим, хотя дает хрупкость колоколу и резкий звук. Свинец же и железо совсем не желательны для колокола, – свинец понижает звонкость и твердость сплава.

Чем чище олово и медь⁷⁹⁵, тем лучше выходит звук.

Хороший колокольный сплав имеет мелкозернистый излом, большие же кристаллы излома указывают на недостаток олова, а чуть заметные кристаллы – избыток олова.

Избыток олова делает колокол очень хрупким⁷⁹⁶, но с более приятным звуком, а малое количество олова дает противоположные результаты.

Форма колоколов. Профили

Но не один сплав влияет на звук колокола, многое зависит от формы и от толщины стен.

Отношение диаметра к высоте и толщине стен наиболее отражается на красоте и чистоте звука. Все искусство мастера должно заключаться в том, чтобы к соответствующему составу бронзы выбрать подходящую форму колокола, дающую нужный тон и вес.

С акустической стороны колокол можно рассматривать как изогнутую круглую пластину, подвешенную в ее центре.

От удара образуются в нем 4 узловых линии, сходящихся в верхней точке колокола, при чем ударное место будет в середине между двумя узловыми линиями. В этих узловых линиях металл колокола находится в покое, поэтому вполне возможно все эти линии и верхнюю часть колокола, где эти линии пересекаются, закрыть войлоком или сукном, нисколько не влияя на звук колокола. Наоборот, полное затемнение получается, если в каком-либо месте колокол вокруг обвязать чем-либо мягким.

Вообще при ударе в колокол слышен не один главный тон, а несколько добавочных, и если бы колокол был во всех своих частях одинаковой толщины, то имел бы добавочные негармонические тона.

Добавочные тона возможно, при некоторых условиях, слышат в отдельности, заглушая чем-либо край колокола в определенных местах.

Тон колокола, на интервал выше лежащий, будет слышен, если колокол заглушить в двух точках, отстоящих одна от другой на 60° , и в точке, отстоящей на 90° от той или другой узловой точки, провести смычком. Колокол при этом делится на *секстанты*.

Третий тон, удаленный от основного на целую октаву, услышим, когда зажмем в двух местах, отстоящих на 45° одно от другого и в соответствующем месте проведем смычком. Таким же образом можно вызвать и другие тона.

Подобные опыты лучше производить со стеклянным колоколом одинаковой толщины и равнообрезанными краями.

Разница в толщине стенок между краем и верхом колокола дает отступления от приведенного выше правила между главным и добавочным тонами, и, таким образом, изменяя толщину и профиль стенок колокола, возможно достигнуть, что несоизмеримые добавочные тона будут вполне соизмеримы и колокол будет гармонично звучать.

Лишь в XIII столетии удалось достичь правильной формы колокола, значительно расширить основание колокола против прежних узких форм⁷⁹⁷.

В этом же веке вывели правило, что колокол должен совмещать в себе три гармоничных тона, которые возможно регулировать лишь определенным профилем колокола.

В нижнем крае – основной тон, в верхней части колокола – выше на октаву, а в средней части делали большую или малую терцию, а иногда и кварту⁷⁹⁸.

Отсюда ясно, что если изготавливать все колокола по одному и тому же профилю, то получим в каждом колоколе одно и то же соотношение тонов.

В отдельности каждый такой колокол будет гармоничен, но два, три таких колокола никогда не дадут правильного аккорда, так что для звона нескольких колоколов необходимо, чтобы профили колоколов строились бы различно, рассчитывая так, чтобы и добавочные тона разных колоколов между собой давали гармонию.

Постройку подобных профилей колокола мастера обыкновенно держат в секрете.

Акустика учит, что отношение между числом колебаний, соответствующих двум каким-нибудь тонам, во всех группах всегда одно и то же, и число колебаний обратно пропорционально длине струны или для нашего случая – диаметру колокола.

Зная это и приняв за единицу диаметр колокола с тоном do, получим следующую таблицу:

Если «do» с диаметром, равным, тогда:1	Или 1,00000
do диэз	24/25 Или 0,96000
re	8/9 Или 0,88889
Mi бемоль	5/6 Или 0,83333
mi	4/5 Или 0,80000
fa	3/4 Или 0,75000
Fa диэз	18/25 Или 0,72000
sol	2/3 Или 0,66667
la бемоль	5/8 Или 0,62500
la	3/5 Или 0,60000
Si бемоль	5/9 Или 0,55555
si	8/15 Или 0,53333
do	1/2 Или 0,50000

По подобной таблице и вычисляют тон и размеры требуемого колокола, согласно пробного колокола. Если имеем колокол в 1000 пуд[ов], тон do и диаметр 4 арш[ина] 3 верш[ка], то колокол октавою выше будет в диаметре 2 арш[ина] 1 1/2 вершка; вес такого колокола можно определить по ниже приложенному способу и будет равен ста пудам.

Определить вперед вес колокола по его размерам очень важно для литейщика. Вначале, когда модель колокола делалась из воска, то вес определяли по весу расходуемого воска; также еще и теперь практикуется проверка веса предполагаемого колокола по расходу глины на модель колокола, считая один пуд сырой глины на пять пудов сплава.

Практика скоро доказала, что вес колоколов, построенных по одному профилю, относится между собою, приблизительно как кубы диаметров Q: $q = D^3: d^3$.

Таким образом, зная вес и диаметр одного колокола, легко узнать диаметр колокола желаемого веса⁷⁹⁹. Зная диаметр, легко найти размеры боевой части, а затем и весь профиль.

Но подобными расчетами мастера не занимаются каждый раз; в большинстве случаев у них имеются составленные таблицы с масштабом, которыми они и руководствуются.

Такие линейки-масштабы были известны еще в XVI веке.

В 1540 году подобный масштаб дал нюрнбергский математик Георг Гартман.

Имея пробный колокол, возможно легко узнать как размеры, так и вес других колоколов.

Русские мастера руководствуются в своих вычислениях диаметра колокола, по заданному весу, следующим образом: форма требуется на 120-пудовый колокол; диаметр четырехпудового колокола имеется и равен 10 3/4 вершка, тогда к 10 3/4 прибавляют четвертую часть, т. е. 2 1/2 вершка (дроби менее одной четверти при таком вычислении не считаются вовсе), получится 13 1/4 вершка, это будет диаметр колокола вдвое больший, т. е. в восемь пудов; далее к 13 вершка прибавляют опять одну четвертую часть от 13 1/4 вер[шков], получают диаметр колокола вдвое больший, т. е. в 16 пудов и т. д. до тех пор, пока не получится диаметр колокола в 120 пудов, который при таком вычислении будет равен 31 3/4 вершка.

Если же требуется иметь диаметр колокола в 150 пудов, а имеется размер стопудового колокола, то вычисления меняются.

К диаметру стопудового колокола прибавляют седьмую его часть и получают диаметр колокола в 150 пудов, при чем и здесь доли менее одной четвертинки откидываются.

Практика показывает, что подобные простые вычисления приблизительно оправдываются⁸⁰⁰.

На приложенном рисунке (см ниже) показана постройка профиля колокола по немецкому, французскому и русскому способам.

Немецкий профиль

Немецкий профиль (рис. 1)

Немецкий профиль (рис. 1) чертится таким образом: радиус колокола ab делят на семь равных частей. Одна такая часть носит название *боевой*. Из точки a проводят дугу радиусом $av = 1 \frac{1}{4}$; от v радиусом $1 \frac{1}{2}$ боевой находят на дугу точку g .

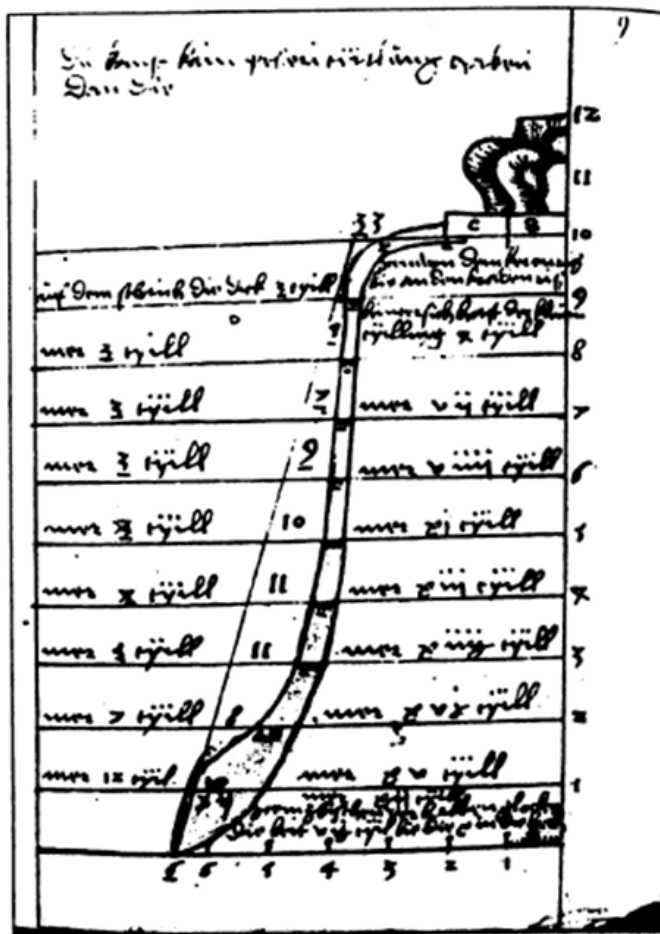
Соединив точку a с g , продолжив ее до точки d и отложив на ней одиннадцать боевых частей, получают высоту колокола.

На перпендикулярных линиях в делениях 3, 7, 10, 11, откладывают боевые части; в 3-ем делении целую и затем $\frac{1}{2}$ боевой части; получают точки e и $ж$; в точке 7 – $\frac{7}{8}$ боевых – точка $з$ и затем $\frac{1}{3}$ боевой – точка $к$; в 10 точке – $\frac{1}{4}$ боя – точка $л$; в 11 точке – 1 бой – точка $м$ и $\frac{1}{4}$ боя точка $н$. Из 11 проводят параллель радиусу ab , на линию $об$ откладывают $\frac{1}{4}$ боя и проводят также параллель. На линии $ад$ от точки a откладывая $1 \frac{1}{2}$ боя, получают точку $п$. Теперь остается лишь соединить между собой все полученные точки: $p-a$; $p-a$; $з-uo$; $uo-m$; $л-н$; $м-с$ и $л-к$ прямыми линиями. Остальные точки выгиба соединяют таким образом: между $рж$ и $жк$ проводят дугу радиусом, равным 14 боям; $пе$ – дуга радиуса 3 боя, $ез$ – радиуса 11 боевых частей.

Верхнюю часть колокола иногда литейщики изменяют, достигая этим некоторых технических выгод.

Подобная немецкая постройка профиля есть результат долголетней практики.

Французский профиль

Французский профиль (рис. II)

Французский способ постройки профиля колокола (рис. II) таков: радиус колокола ab делят на $7\frac{1}{2}$ частей, каждая часть будет равна боевой – краю. В точке b середине линии ab восстанавливают перпендикуляр bg , на этой линии радиусом, равным 12 боевым частям, из точки a находят точку 12, которую и соединяют с a . Ударную часть колокола находят, проводя из точки a дугу радиусом $1\frac{1}{2}$ боевой de $1/2$, из $1/2$ откладывают один бой и находят точку e , которую и соединяют с a .

Выгиб профиля строится так: в точке b ставят перпендикуляр, откладывают на нем $1\frac{1}{2}$ боя, получают точку i , затем $1/3$ боя, имеют точку k .

Между точками $1/2$ и i проводят дугу радиусом 8 боям, между e – k дугу радиусом 12 боям, между i – 12 радиусом 30 боям, между k – l радиусом $30\frac{1}{2}$ боям.

Для профиля верхней части колокола находят точку m , пересекая линию bn , из точки a дугою радиуса 8 боям. Соединив таким образом все точки, получают профиль по французскому способу.

Еще очень давно, при помощи точных расчетов, было высчитано приблизительное соотношение между толщиной и весом, которые выполнялись соответственно их размерам по диаметру.

Гетье, который дал в своей книге наглядную таблицу толщины, веса и диаметра колоколов от 3 кило до 12000, говорит, что толщина края колокола весом 3 кило должна быть $0,008m$, а его большой диаметр $0,120m$, что для колокола в 100 кило те же самые

пропорции должны быть 0,037m и 0,555m и что для 1000 кило надо считать с одной стороны 0,081m и с другой 1,215m; наконец для 10000 кило эти две цифры должны быть 0,173m и 2,595m, т.е. диаметр всегда в 15 раз более боевой части.

Эти данные, приобретенные после долгих проб и изысканий, позволили установить то, что литейщики называют сравнительной таблицей, которая им служит для определения высоты и толщины, подходящих для различных частей колокола, согласно звуку, который хотят получить⁸⁰¹.

Русский профиль

Русский профиль (рис. III)

В России профиль строится, опираясь более на практику. На рисунке III приведен профиль по способу, применяемому русскими мастерами.

Берут линию *аб*, откладывают на ней 12 боевых частей, при чем каждая часть составляет $\frac{1}{4}$ диаметра колокола. Из каждой отложенной на линии *аб* части восстанавливают перпендикуляры, на которых и откладывают соответствующие части боя, указанные на приложенном чертеже. Затем все полученные точки соединяют между собой, округляя углы.

Расстояние от точки *а* до $10 \frac{1}{2}$ загиба плеча называют вышиной колокола. Этой вышиной практики определяют диаметр колокола: из вышины колокола вычитают третью часть и остаток множат на два. Например, если высота 9 вершков, вычтя три вершка, получим 6 и, умножив это число на два, получим диаметр колокола 12 вершков.

Подсчитав подобный вывод, видим, что боевая часть равняется $\frac{1}{14}$ диаметра. Часть колокола от деления $10 \frac{1}{2}$ до *В* называется *плечо*, которое берут равной $\frac{1}{10}$ вышины, т.е. около 1 боя, затем идет *шейка*, равная $\frac{1}{20}$ вышины до точки *г*, которую называют *стрелкой*, за ней следует *сковорода*.

Вышину ушей считают $\frac{1}{5}$ вышины колокола, т.е. почти 2 боя. Русские мастера при постройке профиля руководствуются размером, называемым ими *перчень*, который равен $\frac{1}{4}$ боевой части.

В отдельной таблице на этой странице показаны профили старых немецких колоколов, из которой видно, что построение профиля колокола встречается довольно разнообразное, но все же приблизительно придерживаясь вышеприведенного способа.

Профили старых немецких колоколов

В России встречается еще больше разнообразия в профилях колокола. Обычай отливать колокол на месте при церкви постепенно исчезает. Раньше же были, как сказано выше, странствующие мастера, которые формовали колокола, руководствуясь лишь тем, что удалось им заметить на службе при колоколотейных заводах.

Форма колоколов. Добиваясь совершенства

Рассматривая профили колоколов, построенных протоиереем Аристархом Александровичем Израилевым⁸⁰², видим, что вначале в своих построениях протоиерей руководствовался теми же практическими соображениями, что и русские мастера, внеся затем к построению профиля колокола и звуковую теорию.

Можно сказать, что он первый дал толчок русским мастерам рассматривать колокол как музыкальный инструмент⁸⁰³ и познакомил их с теорией звука, о которой русские мастера по недостатку образования не имели никакого понятия.

Что-либо нового в построение профиля протоиерей Израилев не внес, а гармоничности звона и правильности звука в колоколе достигал лишь подтачиванием колокола – работой кропотливой и не всегда ведущей к цели.

В настоящее время в Москве много толков по поводу производящегося ремонта Спасской башни в Кремле.

Определенно говорят, что старинных курантов Спасской башни по окончании реставрации москвичи совсем не узнают.

Над колоколами из этих курантов трудится о. диакон Н.С. Померанцев, занятый их «подточкой», предпринятой с целью получения точной хроматической гаммы колокольного звона.

Выше было высказано, что колокола имеют и добавочные тона; в верхней части – октавой выше, для этого, согласно таблицы, диаметр в верху колокола должен быть равен половине нижнего диаметра. Относительно того, где мерить верхний диаметр происходят разногласия, так как одни считают, что верхний диаметр нужно мерить по наружному, другие – по внутреннему колоколу.

Если добавочный средний тон желательно получить в большую терцию, то профиль колокола на $\frac{4}{5}$ вышины колокола, считая сверху, должен иметь диаметр $\frac{4}{5}$ нижнего диаметра, таким же образом поступают и для получения других средних тонов, находящихся в ином отношении к основному тону⁸⁰⁴.

Профиль колокола, переходя от точки основного тона к двум добавочным по кривой линии, конечно должен вызвать много и других добавочных тонов, – но сила гармоничного трезвучия почти совершенно поглощает их.

При проектировании профиля приходится обращать внимание на толщину стенок колокола; следуя теории⁸⁰⁵ – стенки должны также постепенно утоньшаться соответственно диаметру, идя снизу вверх.

Практики видят, что гармоничность звона находится в связи с правильностью соотношения диаметра колокола с наибольшей толстой частью его, находящейся в боевом месте.

Эта толстая часть колокола имеет название *бой* и служит сравнительной единицей для проектирования всех частей профиля⁸⁰⁶, а сама зависит от диаметра колокола.

От этого же отношения толщины боя к диаметру зависит и прочность колокола. В старинных колоколах подобное отношение равно 1:12; 1:13⁸⁰⁷, после XV века стало 1:14, в настоящее время также 1:14 или 1:15.

С утоньшением стенок колокола звук делается эластичнее и ниже тоном. Надо предполагать, что устройство сходящегося с известного места на нет края колокола и было вызвано желанием дать более низкие гармоничные добавочные тона, так как при этом одновременно увеличивали диаметр колокола и утоньшали стенки.

Еще Chladni в своей книге об акустике⁸⁰⁸ писал, что не только звучность колокола, но и высота колокола зависит от свойства металла: тона относятся между собой как квадратные корни хрупкости металлов и обратно пропорционально квадратным корням удельного веса металлов⁸⁰⁹. Поэтому отливать колокола, предназначенные для целого

звона, по возможности необходимо одновременно: но все же и при одновременной отливке трудно достичь однородности сплава, так как при больших колоколах от веса массы жесткость металла выше⁸¹⁰, чем у маленьких, а также и потому, что сплав течет из печи неоднородный – сначала снизу более тяжелый сплав, а затем и более легкого удельного веса – так как перемешать сплав идеально в печи невозможно.

Таким образом, и при всей опытности мастера не всегда сразу выходит звон из нескольких колоколов в требуемом тоне и тогда остается одно – обточкой стенки колокола помочь недостатку⁸¹¹, но это возможно лишь в том случае, когда тон колокола должен быть понижен, и почти невозможно тон повысить в колоколе, так как надо диаметр нижнего края колокола укоротить. Поэтому в практике предпочитают отлить колокол с более толстыми стенками, чем с тонкими.

Хотя таким способом возможно исправить ошибку главного тона, но при этом невозможно исправить добавочные тона.

На звук колокола влияет также и способ звона в колокол.

Если в колокол ударяют языком, то добавочные тона почти теряются за главным тоном, да и удар языка о колокол эластичнее, что отражается на красоте звука.

Если же колокол при звоне качают, и он ударяется об язык, то в первый момент слышно один главный тон, вслед за ним чуть позднее и добавочные тона; в особенности их хорошо слышно при медленном звоне, и наоборот при очень быстром они поглощаются.

Был произведен опыт с колоколом, который заставили качаться со скоростью 1800–2000 раз в минуту, – то звук получился пронзительный, как свисток паровоза, на 3 тона выше, чем при нормальном звоне; скорость качания, сбавленная до 800 раз, дала вполне нормальный тон. Из этого видно, как влияет на звук способ качания колокола; все это зависит от умения звонаря из нескольких колоколов вызвать те или другие сочетания звуков.

Звук колокола также бывает слышен различно от той причины, где помещается ухо слушающего: если на одной плоскости с нижним краем колокола – то слышно более главный тон; если же держать ухо отвесно к отверстию колокола, то более слышны добавочные звуки.

Влияют также на звук колокола и окружающие предметы, напр., если вблизи колокола находится стена, то стоящие вдали слышат более низкий тон и наоборот вблизи стены – более высокий тон.

При звоне в колокол необходимо, чтобы звуку было свободное место куда удаляться и не встречать на своем пути задерживающих преград. Часто встречаются колокольни с глухим барьером окон, так что подвешенный колокол бросает свой звук в этот искусственный колодезь, оставляя малую часть звука для окна. Способ звона в колокол его качанием более выгоден для звука. Все звуки свободно летят в окно колокольни, так как удар языка приходится почти в момент нахождения нутра колокола перед окном.

Температура воздуха, как и погода, также влияет на звук. Морозный ясный день способствует распространению звука; снег падающий задерживает звук⁸¹². Ночью, благодаря большей равномерности плотности воздуха, чем днем, звук сильнее. Влияют также и облака на звук⁸¹³. Сильный мороз делает металл хрупким – и звон тогда небезопасен: колокол может разбиться.

Колокольные уши

К колоколу приделывают 2–4–6 ушей. В маленьком довольствуются двумя, а большие всегда имеют 6 ушей – 2 парных и 2 одиночных. Расположение их накрест. Колокола выше 300 пудов подвешиваются на четырех хомутах, захватив все 6 ушей. За парные уши захватывают главными хомутами, а за одиночные – добавочными хомутами, имеющими целью не давать колоколу раскачиваться при звоне.

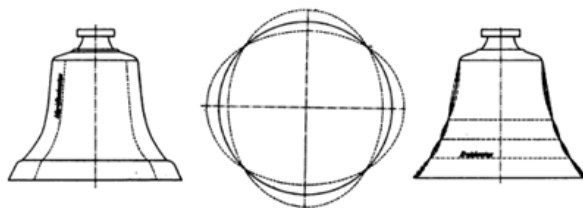
Уши изготавливаются разных фасонов и рисунков, с украшением и без оных. В России изготавливаются уши без всяких украшений – отличаясь одни от других лишь линиями изгиба. В Западной Европе обыкновенно уши украшают каким-либо рисунком листьев, или сажают на каждое ухо по женской или мужской головке.

Способ изготовления формы ушей разный. Сама форма должна изображать глиняную массу, в которой имеются пустоты – размера ушей – для заполнения расплавленным металлом.

Имея разъемную гипсовую форму ушей, заливают ее воском; форму разбирают и остается восковая модель ушей, которую всю тщательно обкладывают глиной, повивая бечевкой. При просушке, воск выплавляется и остается глиняная форма для насадки на форму колокола. Работают и иначе: модели деревянных ушей, каждая в отдельности, обкладывают сырой глиной, разрезав вдоль вынимают деревянное ухо, а половинки глины складывают. Изготовив таким образом 6 форм ушей, их связывают все вместе, поставив между ними деревянную модель маточника. Все обмазывают глиной, повивают бечевой и проволокой, сделав из нее, для больших колоколов 2 петли для переноски формы. Сверху маточника оставляют 2 отверстия: одно для впуска металла, другое для выпуска воздуха.

Изготовление формы для отливки колокола

На рис. справа показан разрез печи совместно с ямой, в которую уже опущена форма для отливки колокола.

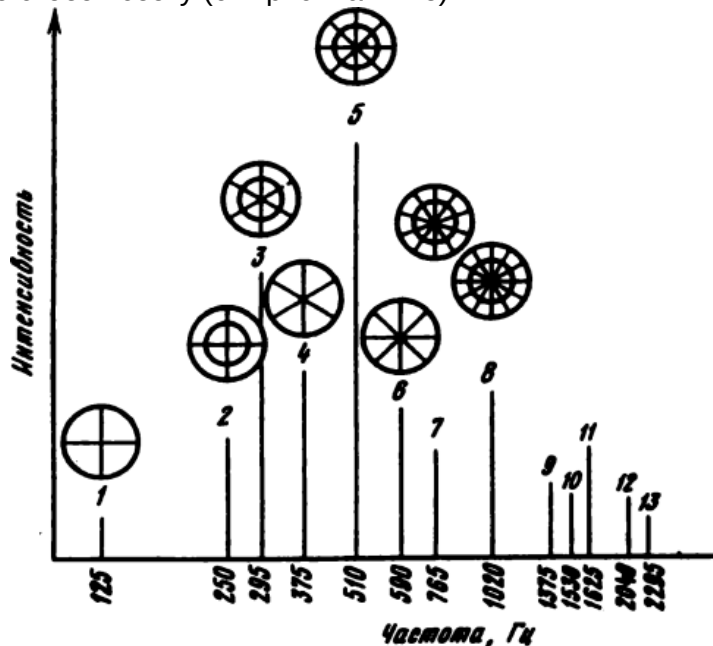
Разрез пламенной печи для отливки колоколов

Такая яма, выложенная кирпичом, необходимая принадлежность каждого колоколотейного завода, находится обыкновенно рядом с плавильной печью. В ней и производят формовку больших колоколов; небольшие колокола формуют на берегу ямы, а по изготовлении, при помощи подъемного крана, опускают в яму.

Глубина ямы должна быть такова, чтобы самая верхняя часть формы колокола была немного ниже отверстия в печи, откуда потечет расплавленная медь.

Для изготовления формы колокола прежде всего нужно приготовить деревянный шаблон, по-заводски – доску, профиль которого точно рассчитан для требуемого веса, размера и тона колокола. Шаблонов изготовляют два, – один для внутреннего профиля колокола, другой для наружного⁸¹⁴.

Форму колокола работают таким образом: над местом, где предполагается возводить форму, под потолком должна быть укреплена железная полоса с небольшим отверстием или со скобой сбоку (см. рис. на ниже).

Из этого отверстия отвесом находят на земле точку, в которую вколачивают деревянный кол. На этот кол и в верхнее отверстие полосового железа устанавливают квадратный железный с отверстиями стержень – веретено.

На этом стержне укрепляют с помощью скоб деревянный шаблон, который таким образом может вращаться вокруг оси, обрисовывая профиль колокола.

Тщательно проверив правильность вращения шаблона и измерив диаметр как верхнего, так и нижнего описываемого шаблоном круга, приступают к изготовлению формы.

Прежде всего выкладывают без глины подбор или фундамент из кирпича вышиной восемь – девять вершков, который должен быть несколько более диаметра колокола, и оставляют в нем отверстие для поддувала.

Сверху подбора накладывают на глине второе кольцо – подставу из кирпича, но уже все связанное между собою проволокой, с оставлением петель для прикрепления этой подставы к стопе кирпичной формы.

На подставу устанавливают откос, затем из кирпича, стоймя или плашмя, смотря по размерам формы, промазывая их глиной и непрерывно руководствуясь шаблоном, чтобы кирпичи не выступали из очертаний шаблона, – возводят стопу.

Когда кладка этой кирпичной стопы дойдет до высоты деревянного кола, на котором укреплен стержень шаблона, то вмазывают поперек формы кусок квадратного железа с отверстием, пользуясь также отвесом с верхнего отверстия для нахождения нижнего, и теперь уже веретено укрепляют между верхним и нижним отверстиями полосового железа.

После этого кладку кирпичом продолжают далее до самого верха лекала, при чем вся стопа связывается проволокой.

Затем на стопу до самого верха толстыми слоями кладут красную глину с примесью песка⁸¹⁵, придавая лекалом требуемый внутренний профиль колокола. Он весь повивается железной проволокой, после чего насекают киркой, чтобы глина прочно держалась на стопе.

Сверху, в оставшееся пространство внутри ядра, закладывают дрова, поджигают их, и форма таким образом сушится; вначале топят не сильно, затем понемногу увеличивают огонь. Выходящий из формы дым удаляется в трубы, находящиеся в потолке.

Когда форма достаточно просушится, навешивают вновь шаблон и трещины затирают глиной с песком, разведенной на сусле.

По просушке этого сердечника – ядра приступают к изготовлению на нем глиняного фальшивого колокола.

Количество глины, т.е. толщину слоя, регулируют вторым лекалом, называемым *теловой доской* и имеющей рисунок наружного профиля. Таким образом получился насаженный на сердечник глиняный колокол, – тело, одинакового размера с предполагаемым отлить.

Тело повивается прядью, чтобы глина держалась. Снимают шаблон и подсушивают тело, затем дают остыть и вновь вешают шаблон, притирая тело жидко разведенной глиной с песком и по ее просушке притачивают теплым салом, чтобы форма была чиста.

Если требуются украшения в виде икон и орнаментов, то их приклеивают на глиняное тело колокола, приготовив их раньше по моделям из массы, состоящей из воска, сурика, канифоли, вару и сажи. После этого одевают всю форму глиняной рубашкой. Украшения должны быть плоские, иначе они усилят толщину стенок и тем вызовут изменение в тоне колокола.

Нанесение кожуха-рубашки требует особенно большого внимания и тонкости работы, иначе колокол может выйти не чист в отделке.

Для первого слоя этой рубашки употребляют смесь двух частей жирной глины, мелко истолченной и просеянной, – с одной частью приготовленной таким же способом обыкновенной глины или толченого кирпича, смотря по свойству глины.

Эту смесь, жидко разболтанную в крепком сусле, наносят кистями на поверхность глиняного колокола, тщательно наблюдая, чтобы она совершенно заполнила все детали

украшений колокола.

По подсушке первого слоя наносят второй, а после третьего для дальнейших слоев берут уже более густой жидель, где песку немного более, и так далее, до 6–7 раз, смотря по величине колокола.

Затем форма поливается рукой из ковша жиделем с большим содержанием песка. После этого слои прокладываются пенькой и повиваются проволокой; форму сильно нагревают и накладывают глину толстыми слоями, повивая все пенькой, бечевкой и проволокой, чтобы эта рубашка прочно держалась на колоколе. Последний же слой глины обхватывают железными обручами, которые одновременно поддерживают долевыми железными связями, с крючками наверху, служащими для подъема глиняного кожуха.

По просушке всей формы, ее осторожно опускают в литейную яму. Пустоту внутри ядра заполняют землей. Кожух поднимают за крючки железных связей, а внутренний фальшивый колокол-тело осторожно снимают, отбивая по кускам. С внутренней стороны кожуха остались вдавленными все украшения колокола, которые были нанесены на глиняный колокол из массы и выплавившейся при просушке формы.

Осмотрев внимательно как поверхность ядра, так и кожуха, сметают пыль и исправляют замеченные недостатки. Сердечник обтирают смесью золы и мела, разболтанных в сусле.

Затем надевают рубашку, стараясь, чтобы она точно встала на прежнее место и замазывают глиной шов между ядром и кожухом. Таким образом, получилось пустое пространство между рубашкой и ядром для заливки металлом.

Вмазывают железную петлю для языка таким образом, чтобы лишь концы петли выходили наружу, которые впоследствии зальются металлом. Сверху все прикрывают глиняной формой ушей, приготовленной заранее по деревянной модели. Тщательно замазывают глиной шов соединения формы ушей с формой колокола⁸¹⁶.

Установленную таким образом в яму форму засыпают землей и плотно утрамбовывают (см. рис. «Разрез пламенной печи...»).

Утрамбовку производят постепенно слоями, вершка по три-четыре. Насыпав земли нужный слой, рабочие встают в ряд и пестами, с железными наконечниками, оканчивающимися таким же кружком в диаметре вершка полтора и нагретыми с силой ударяют по земле до тех пор, пока слой земли не будет очень плотен. Затем вновь насыпают слой земли, который также утрамбовывают, и так далее, пока вся форма не скроется под землей. Земля эта состоит из смеси перегорелой земли, песка и золы. Такая тщательная утрамбовка необходима, чтобы кожух выдерживал давление металла и медь не прорвалась где-либо и не ушла в землю.

Оставляют сверху ушей 2–3 отверстия – одно для притока жидкого металла, другое для выхода газов; прокладывают желоб из кирпича, по которому потечет расплавленная в печи бронза.

Отливка

На под печи N кладут медь, в топку M забрасывают дрова и часов через пять-шесть, когда металл расплавится, кладут олово и старательно перемешивают сплав жердями. Затем вышибают снаружи железным шестом пробку L и жидкий сплав стремительно бросается в отверстие, течет по желобу и наполняет форму. Колокол отлит. Когда он через несколько дней остынет, его вынимают, очищают от пригоревшей глины и затем обтачивают, придавая этим более изящный вид. Покрывают украшения бронзовым порошком, и даже иногда гальванически серебрят или золотят весь колокол.

Плавка металлов происходит в графитных тиглях или на полу пламенной печи; в первых для малого количества металла и во вторых для больших. Ранее расплавляют медь, а затем к жидкой меди прибавляют олово (предварительно нагрев его, чтобы предотвратить разбрызгивание), чем достигается меньший угар олова. Расплавленный металл по временам помешивают, для составления однородного сплава еловыми шестами. Дерево, обугливаясь, выделяет газы, способствующие лучшему перемешиванию металла и одновременно действует восстанавливающим образом на окислившийся металл.

Конструкция тигельных печей разнообразна. Наиболее удобны для отливки колоколов переносные печи типа Piat, Bauman'a и др. В этих печах тигель не вынимается, а вместе с топливом вся печь помощью крана может переноситься к форме для отливки. Подобная печь позволяет из одного тигля отлить колокол до 30 пудов весом.

В пламенных печах, для отливки колоколов, металл находится непосредственно на покатом поду печи, где он плавится и стекает в более низкое место пода, откуда его выпускают через отверстие, закрытое во время плавки. Слой жидкого металла, всего несколько вершков, подвергается действию пламени, которое стараются вести восстановительное для меньшего угара. Для отопления подобных печей служит топливо, дающее длинное пламя, в России – дрова, нефть, на западе и каменный уголь.

Устройство плавильной печи (топка дровами) ясно из прилагаемого рисунка; главные ее части: топка M, под N и труба O. Под сводом топки, отделенной от пода печи огненным порогом, находятся колосники, ниже которых помещен зольник и поддувало. Подобная конструкция печей, выработанная несколько десятков лет тому назад, осталась на колоколотейных заводах до сего времени. Недостаток специалистов в постройке подобных печей и большая стоимость их, вмещающих до 2000 п[удов] сплава, для такого небольшого специального производства, как литье колоколов, тормозит переустройство существующих старых по новым данным литейной техники. От печи требуется главным образом, чтобы был небольшой угар ценного металла, расход топлива ставят уже на 2-ой план. Указанная на рисунке печь при удачной конструкции дает 3–4 % угара, смотря от чистоты металла.

Русские мастера при постройке печей руководствуются таким соображением, что диаметр печи должен равняться диаметру, предполагаемого к отливке, колокола. Обыкновенно печи и строят круглыми – чашкообразными с уклоном к месту выхода меди.

Техника отливки колоколов с XII века настолько значительно изменилась, что этот век надо считать границей старинных колоколов от новых.

Теофилувы колокола

Старинные колокола называют «колокола Теофилуса (Theophilusglocken), именем Бенедиктовского⁸¹⁷ монаха, жившего в XI веке в Вестфальском «Helmarshausen» монастыре и впервые описавшего способ его изготовления.

Приготовление формы для отливки Теофилус описывает так: первоначально формируют слоями глиняное ядро, затем сверху наносят столько сала, пока эта сальная покрывка точно не будет соответствовать размерам металлического колокола.

В этой сальной покрывке вырезали украшение и надписи, которые впоследствии и в отливке выходили углубленными. На приготовленную таким образом модель вновь наносили слоями глину; обхватывали все железными обручами и опускали в литейную яму. Здесь огонь выплавлял сало и высушивал ядро и покрывку.

В пустое пространство, оставленное выплавленным салом, вливали расплавленный металл.

Колокола, по описанию Теофилуса, отливались не поднимая покрывки. У подобного простого способа отливки имелись также и свои недостатки, по которым и узнают старинные колокола.

При сушке формы небольшие частицы глины отпадали, которые затем заполнялись металлом. Точить колокола в то время еще не умели, лишь шлифовали их песчаником на вращающемся станке, но могли это делать лишь поверхностно, в виду твердости сплава.

«Колокола Теофилуса» легко узнать по следующим признакам: круто поднимающаяся линия колокола – с очень небольшим отклонением, одно большое подвесное ухо, которое поддерживают несколько дужек в виде короны; вдавленная надпись и украшение. У более позднейших делали из восковых палочек выпуклую надпись; два, три или четыре равномерно распределенных треугольных углубления, или точки вокруг верхней части колокола; грубая неровная поверхность отливки.

Для определения старины отдельных колоколов времени Теофилуса необходимо наблюдать за углублениями, которые должны были образовывать «Tinnieren» добавочный тон, – и тем менее заметны, чем моложе колокол. У старейших эти углубления «Foramina» проходят очень глубоко, у более молодых они постепенно исчезают, так как мастера впоследствии не видели в них цели.

Все же по вышесказанным приметам не всегда можно быть твердо уверенным, что колокол ранее XI века; часто еще и после XII века, в особенности в России, применяли те же способы формовки колоколов, как описал Теофилус. Образцы настоящих старинных колоколов имеются в некоторых музеях, например: в г. Нюрнберге, Галле, Риме, Базеле, Кельне и др.

В прежние времена отливка колокола считалась опасным ремеслом и поэтому отливке предшествовала молитва об удачном исходе ее; это было у католиков, протестантов и православных.

На некоторых заводах во все время литья стоят с обнаженными головами, творя молитву, иногда приглашают духовенство и служат молебен о благополучном литье; обыкновенно же перед выпуском расплавленной бронзы зажигают перед иконой свечи, молятся и затем уже приступают к отливке.

Колокольные языки

Теперь остановимся на одной детали, без которой колокол не имеет значения, это – железный язык колокола. Прежде всего этот язык хорошо прокован и определенного веса, в зависимости от размера колокола; только удовлетворив все эти требования, получим правильный и чистый звук колокола. Обыкновенно вес языка берут около 1/25 веса колокола; для больших же колоколов языки берут легче.

Применяемые иногда в Германии железные языки с бронзовыми или деревянными подушками на ударных местах не могут у нас в России иметь места ввиду своеобразности нашего звона.

У нас ударяют язык о колокол, а на Западе качают колокол, и он ударяется об язык, таким образом сила удара сравнительно много слабее нашего.

При нашей системе звона должно происходить быстрое изнашивание мягкого металла и дерева в языке, а также удары дерева о бронзу будут недостаточно ярки.

Да и вообще устройство языков из двух разных металлов непрактично, так как первоначально плотное соединение одного металла с другим должно быстро нарушиться, что, конечно, будет отражаться на чистоте звука. Прежде даже делали языки пустотелыми и устраивали их так, что при ударе о колокол он прикасался к нему одновременно в 3-х точках, – этим хотели усилить и улучшить звук. Делали языки и с противовесом для легкости звона, но распространения подобные языки не получили.

Что касается стальных языков, то они не отличаются прочностью, легко могут разбиться и не дают приятного звука в колоколе.

Ремонт колоколов

В виду дороговизны переливки треснувших колоколов пытались их спаивать, и, по некоторым описаниям, на Западе удавалось спаивать одни удачно, другие же безуспешно. Производили это таким образом: вдоль всей трещины, с обеих сторон, из глины устраивали как бы резервуар для жидкого металла, который вливали после сильного нагрева треснувшего колокола. Металл заполнял трещину, сплавляясь с самим колоколом, а излишек металла с боков стачивали. Но удачно исполнить спайку не так просто, как это описано. Обыкновенно колокол дает трещину в том же месте или в новом – от неравномерного нагревания колокола. В последнее время с усовершенствованием аппаратов пайки ацетиленом и электричеством пытаются их применить также для спайки и разбитых колоколов. Попытки эти были неудачны и если удавалось у маленьких колоколов запаять трещину, но с некоторой потерей звука в колоколе.

Более простой, но также несовершенный, способ исправления разбитого колокола – это механическое увеличение трещины, чтобы стенки при звуке не соприкасались: тогда звук делается выше первоначального и не гармоничным, так как добавочные тона не подойдут к измененному основному; конец же трещины обязательно закругляют сверлом, чтобы трещина не удлинялась. Если же трещина идет таким образом, что допускает отколоть незначительную часть края колокола – то наилучше это и сделать, лишь изменив затем место удара языка.

В случае если ударное место колокола от ударов языка стало пластинчатое, то его гладко зашлифовывают напильником.

Отломанные уши без вреда для звука можно заменить железными. К оставшимся частям уха болтами прикрепляют отломанную часть, выкованную из железа. Но можно на местах ушей просверлить дыры в сковороде колокола, пропустить железные болты, которыми и подвесить колокол.

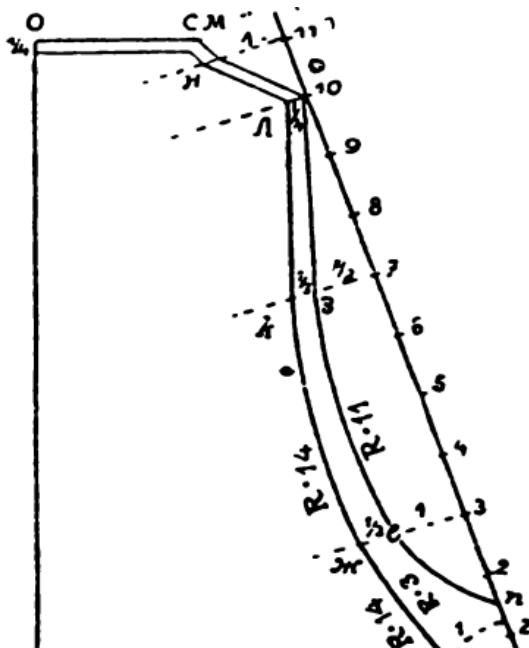
Доставка и подъем колоколов

Доставка колокола с завода к церкви производится на лошадях, если не очень далеко и нет железной дороги; по железной дороге, при взятии из местной Духовной консистории свидетельства на право провоза по льготному тарифу № 89 1901 года и считается тогда по 1/100 к[опеек] с пуда и версты. Но колокола более 1500 пудов по железной дороге перевозимы быть не могут, так как благодаря своей ширине не могут разъехаться с встречным поездом и проехать под мостом. Третий способ доставки, возможный для всякого веса, – это водный. Практикуется и доставка людьми со ст[анции] железной дороги – несмотря на вес колокола; поставив колокол на полозья, волоком народ тащит несколько верст, для чего собираются все ближайшие деревни от места подъема колокола.

Недостаточное количество железных дорог и мостов через реки заставляет часто отправку колокола приурочивать к зимнему времени, пока лед достаточно окрепнет и здесь не редки случаи, что лед под тяжестью колокола ломался и колокол погружался в воду.

Подъем колоколов на колокольню производится помощью пеньковых канатов или цепными блоками. Канаты тянутся лебедками или людьми; последний способ и для самых больших колоколов наиболее в России употребителен.

Подъем бывает внутренний и наружный. Внутренний, наиболее простой, производится цепными блоками, и, возможен лишь при неоконченной стройке колокольни, когда внутри колокольни ничто не мешает пройти колоколу до самых балок, на которых он будет висеть. Людей требуется очень мало, но зато подъем длится несколько часов.

Поднятие колокола в 544 пуда на колокольню

Быстр и красив подъем колокола снаружи. Требуется для него много народа, дружная его работа и точное исполнение приказаний мастера, заведующего подъемом. От размеров колокола зависит число и размеры канатов. Одни канаты поднимают

колокол, другие его отводят. Назначение последних, это чтобы колокол не задевал стен колокольни при своем подъеме. Отводной канат, привязанный вверху колокольни и внизу пропущенный под блок, привязанный к колоколу, будучи натянут, служит как бы направляющей для поднимаемого колокола – он как бы катится на блоке по этому канату, тащимый подъемными канатами.

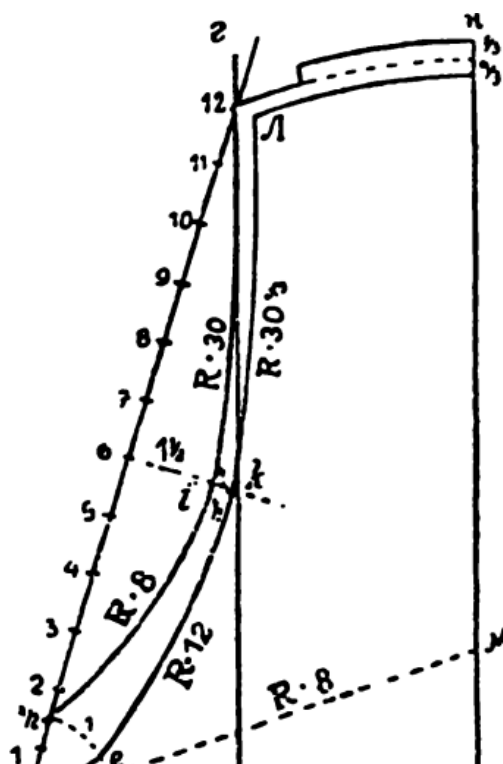
Время подъема от момента поднятия до конца длится лишь пять-десять минут. На рис. слева показан подобный подъем колокола, весом в 544 пуда. Колокол катится на 2-х блоках, привязанных к петле колокола, по 2-м отводным канатам; поднимают же колокол 3 каната. Для подобного подъема людей приблизительно требуется: на отводные канаты считая 2 п[уда] колокола на 1 человека, а на подъемные канаты по 1 пуду на человека. Без осмотра на месте колокольни нельзя вперед сказать каким образом будет подниматься колокол, т.е. как будут проложены канаты, с какого места будут тянуть канаты и дальнейшие работы по укреплению колокола. Существует в России обычай к поднимаемому колоколу привязывать полотенца и куски материй.

Если колокольня не допускает по своей конструкции или непрочности подъем большого колокола одним из вышеуказанных способов, то устраивают рядом с колокольней, одинаковой вышины деревянную или железную каланчу–башню, на которую и поднимают цепными блоками колокол; устанавливают его вверху на платформу и по каткам передвигают на колокольню. Описанный способ подъема самый дорогой в виду ценности башни.

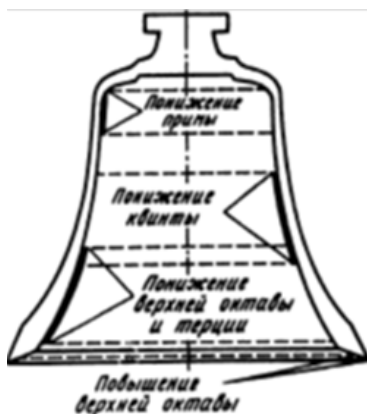
С колокольни снимают колокола теми же способами, как и поднимают, но практикуется и небезопасное сбрасывание колокола с колокольни, если только допускает прилежащая местность. Сбрасыванием упрощается спуск и колокол при этом разбивается, что облегчает дальнейшее разбитие на мелкие части.

Подвеска колоколов

Подвеска колоколов на колокольне в прежние времена, когда не было железных двутавровых балок, производилась на деревянных, впоследствии стали подкладывать под деревянные балки железнодорожные рельсы. В настоящее время, почти повсюду вешают колокола на железные двутавровые балки, и чтобы железо хомутов, которыми подвешивают колокола не соприкасалось с железом балки и не вредило бы звуку колокола, устраивают деревянные прокладки из лафетных досок, одевая этими досками балку со всех сторон. Одновременно этим, если не вполне, то значительно уничтожается, и та передача вибрации железной балке, благодаря которой возможна деформация самого железа балки из волнистой в зернистую структуру, могущая повести за собой разрушение балки. Подробное обсуждение этого вопроса можно найти в статье г-на Подчиненнова в Бюллетенях Политехнического общества за 1909 год № 2 «Устройство и установка железной конструкции для привеса колоколов на древней колокольне московского Даниловского монастыря»⁸¹⁸. Статья эта с подробными обсуждениями металлической конструкции для подвески колокола лишь указывает как мало специальных знаний было уделено до сего времени для подвески таких огромных грузов на колокольнях.

Старая конструкция балок на Ивановской колокольне

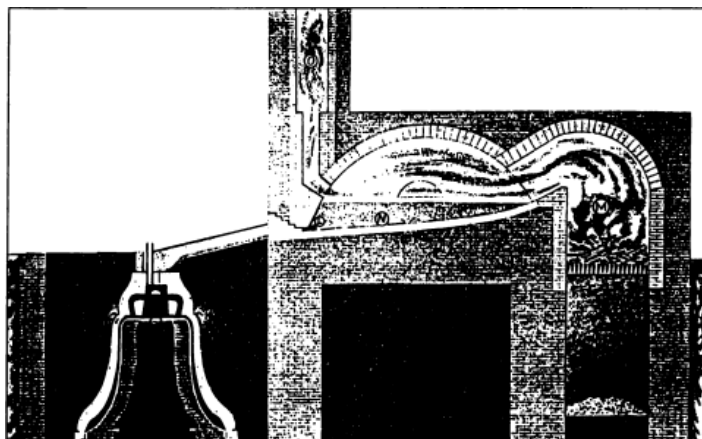
Новая конструкция балок на Ивановской колокольне

На прилагаемых рисунках указано как был повешен Царский колокол, Реут и Полиелейный на колокольне Ивана Великого и как это теперь устроено. Из рисунка видно, что для Царского колокола, путем в несколько рядов наложенных деревянных балок одна на другую и связанных между собой железом составили одну огромную деревянную балку около 1 арш[ина] 12 верш[ков] толщиной. Но и эта балка от времени сильно прогнулась, так как отдельные балки сгнили, что вынудило все их выбросить и заменить в 1910 году двумя железными клепаными конструкциями, параллельно поставленными.

На эти конструкции положены четыре деревянных обрубка [размерами] 7x6 вершков, которые и несут на себе помощью хомутов весь груз колокола. Деревянные обрубки употреблены с целью, чтобы не передать вибрацию железной конструкции. Интересно то, что вес железа, связывавшего ранее все вместе деревянные балки для Царского колокола, значительно больше веса всей новой железной конструкции. Новая железная конструкция для Царского колокола весит 450 пудов; для колокола Реут – 250 пудов; будничного – 200 пудов; для полиелейного – 150 пудов.

В Западной Европе, где при звоне колоколов значительного веса качаются несколько [колоколов] одновременно, давно уже употребляют разнообразные деревянные и железные конструкции, чтобы не расшатывать верх колокольни. При сильном качании колокола сотрясение колокольни гораздо значительнее, чем при звоне в православных церквах.

Рисунок (см. ниже) показывает одно из приспособлений на железной конструкции для целого звона.

Обыкновенно, при незначительных размерах колокольни, и подвеске колокола в середине ее употребляют две накрест лежащие, одна над другой, деревянные или железные двутавровые балки, протянутые из угла в угол.

Если по расчету, который ведется на беспокойную нагрузку в середине балки, потребуются балки слишком больших размеров, практичнее брать меньший размер и класть по две рядом.

Подвеска же колоколов к балкам производится смотря по размеру колокола: малые можно вешать на веревке, но большие должны быть укреплены на железных хомутах из полосового или квадратного железа того или другого размера согласно величине колокола. Хомуты должны быть настолько длинны, чтобы колокол не прикасался к балке, а висел бы на 1–1 1/2 вершка ниже и имел бы таким образом некоторое движение при звоне. Также край колокола должен отстоять от пола не менее 2 ар[шин] и 8 верш[ков] – лучше более, устраивая помост для удобства звона. Возвышенной подвеской колокола достигается, что более звуков полетит вниз на землю, а не все ударятся в поле колокольни. Также необходимо, чтобы пол был обнесен сквозной решеткой, а не сплошной – иначе звук уйдет в образовавшийся ящик.

В большинстве стран Западной Европы звон производится качанием самих колоколов, а в России при звоне ударяют языком в неподвижно привязанный колокол, и в этом состоит коренное отличие и превосходство нашего звона перед западноевропейским.

Любопытно, что самые технические выражения определяют разницу в характере западноевропейского звона и нашего: по-немецки говорится «die Glocke lautet», – «колокол звонит», тогда как по-русски выражаются: «в колокол звонят». Немцы представляют колокол звонящим самостоятельно, как бы заставляющим язык качаться, тогда как у нас сложилось представление, что не сам колокол производит звон, качает язык, а его заставляет звучать живое лицо, человек, ударяя в колокол языком.

На Западе же способ подвески колокола иной: короткая балка, к которой вплотную прикреплен колокол, на своих концах имеет металлические стержни, покоящиеся в подшипниках, благодаря которым звон в колоколе облегчается. Сам же звон производится [с] помощью большого колеса или 2-х рычагов, укрепленных на вышеуказанной короткой балке. Через колесо перекинута веревка и два ее конца спущены вниз колокольни; дергая тот или другой конец, раскачивают колокол, не поднимаясь на колокольню. В последнее время ручной способ подобного звона в колокола заменяют электрическими моторами. Эти моторы, самостоятельно меняя направление вращения через определенные промежутки времени, вращаются то в одну сторону, то в другую. Веревка, перекинута через шкив подобного мотора, тянет поочередно тем или другим концом, приводя в движение колокол.

Когда колокол начинают качать, то сначала приходит в движение только колокол, который встречает язык и заставляет его отскакивать в противоположную сторону, в силу чего язык из положения равновесия приходит в движение и описывает дугу вверх; вторично встречается с ним своею другою стороною, прежде чем язык успеет описать свою дугу.

Движущийся вниз колокол отбрасывает более легкий и в своем движении вверх уже обессилевший язык перед собою вторично, чтобы устремить его вверх в противоположном направлении, где колокол, возвращаясь, опять с ним встречается и т.д.

Сами теоретики западноевропейского звона указывают на его неудовлетворительность, отмечая, что при раскачивании колоколов получается неправильный звон, а на наш слух нехороший своею сбивчивостью, какой-то взболтанностью, если хотите, суетливостью; при больших колоколах способ раскачивания почти неприменим в силу тяжести их, почему такие большие колокола, как

на Кельнском соборе в 1312,5 пуд[ов], остаются в молчании, тем более что сила их качания отзывается на крепости башен, на которых они висят. Большой колокол «der grosse Brunner» на южной башне «Notre Dame» в Париже своим сильным качанием так расшатал старую башню, что несколько десятилетий тому назад оказалось необходимым возвести новую постройку, на которую колокол был поднят в 1851 г.

В трудности и даже невозможности раскачивать большие колокола лежит, надо думать, причина того обстоятельства, что в Западной Европе не было и нет колоколов такой величины и веса, как у нас; рост веса колоколов остановился там на 1300 пудах.

Что касается подвески языка к колоколу, то маленькие языки подвешивают на сыромятных ремнях, иногда и на железных крючках. Среднего размера языки, у колоколов до 100 пудового веса, вешают на приводных машинных ремнях, обхватывая несколько раз ремнем дужку колокола и языка, конец же ремня закрепляется металлической петлей.

У большинства колоколов желательно языки вешать на металлических машинках. Правильно подвешенный язык на машинке гарантирует навсегда от спуска языка. Машинка может служить очень долго – лишь по временам смазывая имеющиеся в машинке подшипники. Звон в колокол при машинке гораздо легче. Внешний вид подобной машинки напоминает дверную петлю; одна ее сторона болтами прикрепляется к петле колокола, а другая таким же образом к языку колокола.

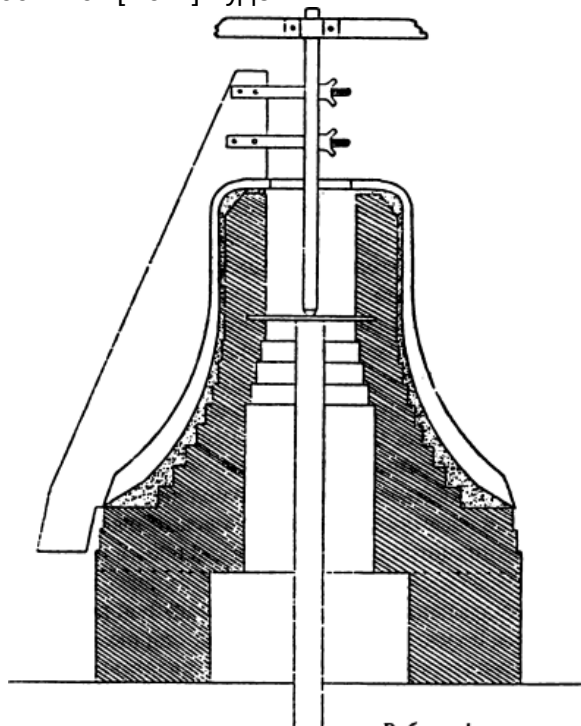
Звон колоколов располагают на колокольне так: зазвонники – малые колокольчики 2 или 4 находятся в правой руке; языки же других 4 колоколов [с] помощью проволоки подтянуты к железной скобе, укрепленной к столбу, и звонарь, левой рукой ударяя по проволоке, как по клавишам, вызывает удары о тот или другой колокол. В большой же колокол [с] помощью натянутых веревок и положенной на них доске-клавише звонит ногой. При подобном устройстве один звонарь достаточен для звона, начиная с 150 п[удового] колокола и ниже. Если же имеется колокол большого веса – то надо запасного звонаря.

Кроме ручного звона к небольшим колоколам, на железных дорогах, устраивают электрическую сигнализацию [с] помощью электромагнитов с молотком, прикрепленным внутри колокола. Звук при таком способе звона не так ярок, как от руки.

Колоколотейные заводы

У нас в России колоколотейное дело поставлено очень высоко, что объясняется огромным спросом.

Всех заводов в настоящее время в России, занимающихся специально отливкой церковных колоколов, имеется 20: в Москве – 2, Ярославле, Варшаве, Гатчине, Елабуге, Н[ижнем] Ломове (Пензенской губ.), Венгрове (Седлецкой губ.), Харькове, Воронеже, Ростове-на-Дону, С.-Петербурге, Слободской (Вятск[ой] губ.), с. Гордеевке (Нижегородской] губ.), Балахне, Костроме – по одному, в Валдае и Саратове – по 2, эти заводы отливают более крупные колокола. Затем при с. Пурехе (Ниж[егородской] губ.) 8 заводов изготовляют мелкие колокольчики. За год заводы сработают церковных колоколов [общим весом] 100–120 т[ысяч] пудов.

Внутренний вид небольшого колоколотейного завода

Несколько заводов, помещающихся в с. Пурехе, изготовляют лишь маленькие ямские колокольчики – дужные, носящие название *валдайские*, по имени города Валдай [Новгородской] губернии. Формуются они уже не в глине, а в земле, в опоках, ручным и машинным способом. Металл для отливки идет уже не тот, что для больших колоколов – идет медь и цинк. К валдайским колокольчикам подвешивают на железном крючке язычок медный, отлитый из того же сплава; к более мелким подвешивают на сыромятном ремешке железное кольцо.

Особенно литейным искусством славится Ярославская губерния, где уже в XVIII в. существовали отличные мастера, отливавшие колокола, как в самом городе, так и ходившие для отливки на сторону.

Один из ярославцев, г. А.Ф. Грязнов, передает, что точных сведений, когда и кем именно был устроен в Ярославле первый колоколотейный завод, не имеется.

Тем не менее, есть некоторые основания считать, что первый ярославский колоколотейный завод был устроен Дмитрием Максимовичем Затрапезновым, сыном

основателя «Ярославской мануфактуры» и братом Ивана Максимовича Затрапезнова, «фундатора» «Ярославской Большой мануфактуры».

Что это действительно так, видно из следующих надписей на трех колоколах, из которых два больших находятся на соборной колокольне и один на церкви Николы Мокрого.

Вот эти надписи:

1) «1754 году ноября в 5 день вылит сей колокол в граде Ярославле к соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы при державе благочестивейший и самодержавнейший великия государыни наша императрицы Елизаветы Петровны всея России и при наследнике Ея внуке Петра Перваго благоверном государе великом князе Петре Федоровиче и при супруге его благоверной государыне великой княгине Екатерине Алексеевне и благоверном государе великом князе Павле Петровиче благословением С. П. С. Ч. преосвященнаго Арсения митрополита Ростовскаго и Ярославскаго тщанием Ярославской мануфактуры содержателя Дмитрия Максимовича и сына его Ивана Затрапезновых. Весу в нем 700 пудов. Лил мастер московский первой гильдии купец Константин Слизов»;

2) «1755 года декабря [...] дня вылит сей колокол града Ярославля к соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы при державе благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни Елисаветы Петровны всея России при наследнике ея внуке Петра Перваго благоверном государе великом князе Петре Федоровиче при супруге его благоверной государыне великой княгине Екатерине Алексеевне при благоверном государе великом князе Павле Петровиче благословением С. П. С. Ч. преосвященнаго Арсения митрополита Ростовскаго и Ярославскаго поданием доброхотодателей. Весу в нем 400 пудов. Лит на фабрике Дмитрия Затрапезнова. Мастер московский первой гильдии купец Константин Слизов»;

3) «1754 году ноября в 5 день вылит сей колокол в граде Ярославле на фабрике Ярославской полотняной и других мануфактур содержателя Дмитрия Затрапезнова. Весу в нем 40 пудов. Лил мастер Константин Михайлович Слизов».

Этот Дмитрий Затрапезное был сыном известного ярославского фабриканта Максима Семеновича, купца Гостинной сотни, основателя Большой Ярославской мануфактуры.

По его смерти эта мануфактура перешла к его сыну Ивану Максимовичу, а Дмитрий Максимович основал так называемую Малую Ярославскую мануфактуру.

Он отличался чрезвычайно предприимчивостью и духом новаторства. Не довольствуясь производством доставшейся ему полотняной фабрики, он завел у себя производство шелковое, кружевное, шерстяное, сургучное, берлинской лазури и проч. и, между прочим, как видно из надписей на колоколах, устроил у себя при фабрике колоколотейный завод и начал производить отливку колоколов и делал на них пометку, что лит сей колокол «в граде Ярославле», тогда как на прочих ярославских колоколах, более ранней отливки, подобной надписи не имеется.

Отсюда можно заключить, что до устройства Д. Затрапезновым колоколотейного завода колокола для ярославских церквей отливались не в Ярославле, а в других местах, и доставлялись в Ярославль в готовом виде.

Как например – можно указать на надписи двух колоколов Николонадеинской церкви; на одном из них написано: «Лета 7130 (1623⁸¹⁹) года поставил сей колокол в богоспасаемом граде Ярославле на Волгском берегу в дом Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещения и св. Пророка и Предтечи во имя чудотворца Николы и преподобных отец наших Михаила Малеина, Макария желтоводскаго чудотворца, при благоверном государе царевиче и великом князе Михаиле Федоровиче государе всея Руси самодержце и при великом господине Филарете патриархе московском и всея Руси митрополите Варлааме Ростовском и Ярославском, государев

гость Епифаний Андреев сын Светишников прозвище Надеина по своей душе и по своих родителей», а на другом колоколе – такая надпись: «Постави сей колокол в Ярославле на Волгском берегу ко Благовещению Пресвятой Богородицы и Рождества во имя Предтечи и Николе чудотворцу в 7134 (1627⁸²⁰) году Павел Андреевич Светишников по своей душе и по своих родителей».

Судя по качеству литья колоколов завода Д. Затрапезнова, а также по тому, что на нем могли отливать колокола весом по 700 пудов, и притом в один день по несколько (5 ноября 1754 года было, как видели выше, отлито два колокола), нужно полагать, что завод Д. Затрапезнова, для своего времени, был большой и хорошо поставленный.

К сожалению, больше ничего неизвестно о деятельности этого первого ярославского колоколотейного завода, неизвестно также, когда он прикончил свое существование и по какой причине.

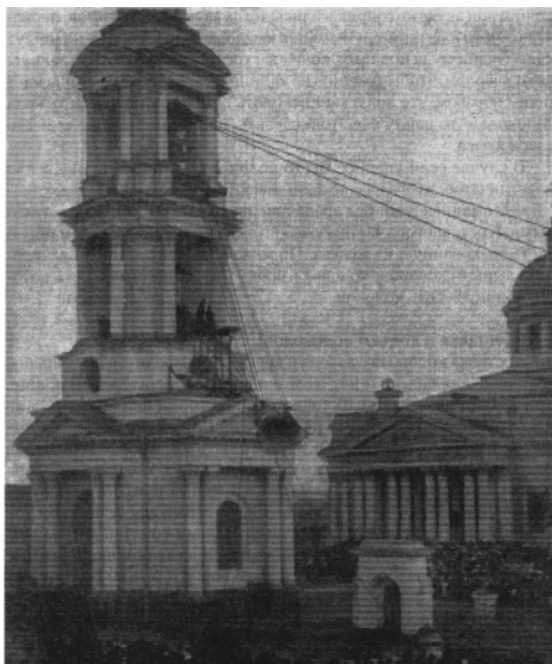
В Ярославле же находится огромный колоколотейный завод Товарищества «П.И. Оловянишникова Сыновья», считающий за собой 150-летнюю давность. Имеются данные, что в 1766 году на заводе был отлит колокол для Яковлевского Ростовского монастыря, весом в 163 пуда 8 ф[унтов], с надписью: «1766 году месяца Июня 15 дня при державе благочестивейшей самодержавнейшей великой государыне нашей императрицы Екатерины Алексеевны и при наследнике Ея благочестивейшем государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче тщанием и трудолюбием собственного святейшего правительствующаго Синода ведомства при архимандрите Павле и братии того монастыря лит во граде Ярославле на заводе Григория Федорова Оловянишникова весом 163 пуда 8 фун.»

В настоящее время завод находится на улице, называемой Городской вал; это третье место, которое он занимает со дня своего основания.

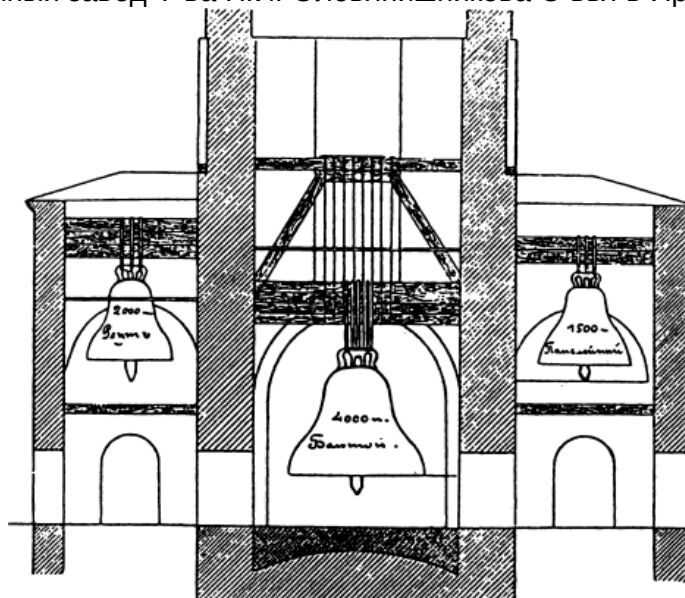
Первоначально, более ста лет тому назад, он находился против Спасского монастыря, затем из центра города, с увеличением производительности, ему пришлось переселиться на Городской вал, недалеко от того места, где он находится в настоящее время. Спустя лет 50 он перебрался на теперешнее место.

Постепенно развивая свою деятельность и расширяя границы своего сбыта, он рос в размерах и теперь, вместо одной небольшой плавильной печи, он уже располагает четырьмя большими, могущими свободно удовлетворить все требования рынка.

Проглядывая список колоколов, отлитых заводом, видно, что нет губернии, в которой не имелось бы колоколов, отлитых на заводе Товарищества.

Колоколотейный завод Т-ва П.И. Оловянишникова С-вья в Ярославле

Литье колоколов на заводе Т-ва П.И. Оловянишникова С-вья. (С картины М. Виллие)

Причина подобного успеха лежит в той зарекомендованной прочности, благозвучности и мощности звука отливаемых на заводе Товарищества колоколов.

Завод неоднократно исполнял заказы для придворных церквей, для Востока и посылал изделия на Запад.

По заказу великого князя Константина Николаевича в Орианду⁸²¹, для церкви Покрова Пресвятой богородицы, для Князя Черногорского (в Черногорию) и для Княгини Александры Иосифовны в Татое (в Греции), – за границу: в Софию, Тырново, Систово и Русук (в Болгарии), Старый Иерусалим, Константинополь, Карлсбад (в Австрии) и др.

Высочайшие особы, прибывая в Ярославль, всегда посещали колоколотейный завод Товарищества Оловянишникова. Так, в 1823 году 24 августа завод посетил император Александр Павлович; в 1831 г. 13 ноября – принц Петр Георгиевич Ольденбургский; в 1834 г. 7 октября и 1841 году 11 мая – император Николай Павлович; в 1837 г. 10 мая – государь цесаревич, великий князь Александр Николаевич, в 1850 г. 7 августа – великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич; в 1858 г. 15 января – император Александр II, а в 1868 г. 14 мая – великий князь Алексей Александрович.

С 1882 года завод стал выработать колокола, стремясь не только к одной благозвучности, но также и определенного тона, подбирая целые звоны того или другого аккорда. Этим подбором лично руководил известный протоиерей о. Аристарх Израилев, о котором мы уже упоминали выше. Главным мастером на заводе с 1868 года состоял Игнатий Веревкин; с 1905 года состоит его сын Иван Веревкин.

На Московской Всероссийской выставке 1886 г. за свое изделие завод получил высшую награду – Государственный Герб.

На последней Всемирной Парижской выставке завод экспонировал звон в количестве 22 колоколов, составляющий две октавы. Исполнение пьес на них привлекало массу слушателей; оно производилось при помощи соответственно устроенных клавишей, так что каждому знакомому с нотами представлялась возможность играть на колоколах.

В 1903 году на Промышленной сельскохозяйственной выставке в Ярославле завод вновь экспонировал 30 колоколов, подобранных по нотам, и получил высшую награду.

Завод принимал также участие и на иностранных выставках: в Новом Орлеане, 1885 года; в Париже, 1889 года; в Чикаго, 1893 года, и др., где всегда получал награды.

Что касается украшений, то на мелких колоколах завод их не ставит, так как этим лишь затемняется звук, но для больших колоколов, на которых украшения не отражаются на звуке, имеется богатый и разнообразный набор рисунков.

Заимствованное за границей применение колоколов для богослужения разрослось и окрепло на русской почве, и нет места в России, где стройный и мощный звон колокола, то веселый и радостный, то печальный и торжественный, не возвещал бы людям о ином мире, о иных заботах и радостях.

Сохранение и правильная эксплуатация колоколов

Заканчивая настоящий очерк, считаем не лишним сказать несколько слов по поводу периодических осмотров при церквях колоколов и их языков.

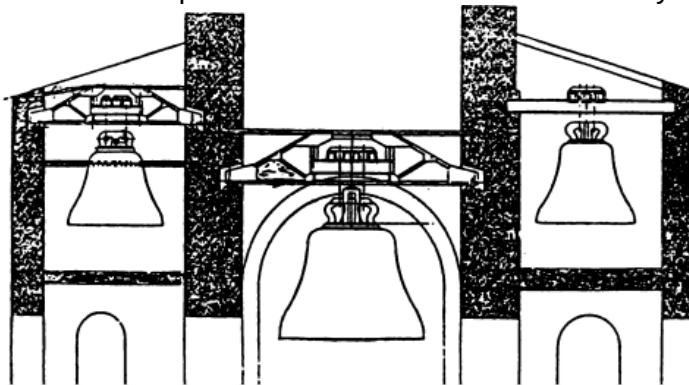
До сих пор такие осмотры почти нигде не производились, а между прочим это очень важно для сохранения целостности колоколов и сохранения церковных и общественных средств.

Приходилось наблюдать, что повешенный колокол не обращал на себя ничье внимание до тех пор, пока он, вдруг, начинал звонить с изменившимся звуком. Тогда колокол привлекал внимание прихода, и он осматривался; – но поправить его, в большинстве случаев в это время бывает уже поздно. Колокол оказывается разбитым и совсем непригодным для звона.

Обвиняют тогда заводчика, отлившего якобы дурной, непрочный колокол. Но вина в большинстве случаев не заводчика, изготовившего колокол. Объяснение случившемуся весьма простое: язык висел неправильно, что и послужило причиной разбития колокола. Если бы, своевременно, замечена была неправильность в подвеске языка, и он был бы перевешен, то ничего бы неприятного не случилось.

Принято тщательно сохранять всякое церковное имущество. А церковный колокол – разве он не такое же имущество церкви?

Два раза в своей жизни колокол интересуется приход. Радостное событие в жизни прихода создает он, когда его подвешивают на колокольню, и грустное, когда прихожане услышат звук треснувшего колокола. А в промежуток между этими событиями поинтересовался ли кто-либо посмотреть сознательно – как висит язык у колокола?

Для прочности колокола язык надо подвесить так, чтобы середина ядра языка ударялась в боевую точку А колокола

Лица, близко стоящие к церкви, время от времени должны заглядывать на колокольню, и внимательно осматривать, как висит колокол и как подвешен к нему язык, в случае неправильности нужно немедленно распорядиться приостановить звон до исправления.

Язык у колокола должен висеть так, как указано на прилагаемом рисунке, т.е. середина ядра языка должна ударять в край колокола не ниже и не выше. Если он ударяет выше или ниже, то он бьет по более слабой части колокола, так как самая утолщенная часть колокола – это его край.

Этот случай, наиболее часто встречающийся в практике. Другой случай это тот, когда в край колокола бьет не середина ядра, а более высокая его часть; так как иногда профиль ядра бывает таков, что даже и при опущенном языке он ударяет в край

колокола, и на первый взгляд как будто удары правильны, но сила удара при подобной подвеске языка значительно более, чем это должно быть.

Для каждого веса колокола существует определенный вес языка, а благодаря опустившемуся языку, сила удара более, что и повлечет разбитие.

Иногда разбивается колокол и от усиленного звона при правильно подвешенном языке. Здесь мы можем рекомендовать не звонить из-под ноги в колокола, начиная с 50 пуд[ов] веса и ниже. Звон из-под ноги гораздо сильнее, чем при ударах от руки.

Также нельзя допускать, чтобы в колокола звонили двое или более, взявшись за веревку, внутри или снаружи с противоположных сторон, и из всех сил тянущих язык по очереди к себе.

Кроме опасности разбитых колоколов при подобном способе звона получается звук совершенно неправильный. Тянувшие веревку с языком никогда точно друг против друга не встанут, и удары языка придутся в разные места, не давая звука и обивая все края колокола.

Сам колокол не должен прикасаться ни к каким предметам, могущим задержать – заглушить звук, так как плотное прикрепление твердого предмета к колоколу ведет к разбитию его.

Как пример подобного можем указать на практикуемую распорку бревнами колокола, чтобы он не качался. Хотя распорка была бы укреплена и очень высоко, все равно колокол разобьется. В данном случае причина, ведущая колокол к разрушению, та, что колокол, лишен нормальной вибрации, которая вызывается ударом языка.

Свободно висящий колокол при ударе в него языком так сказать пружинит, отдаваясь немного в бок от удара. Но мертво же повешенный колокол не в состоянии оттолкнуться от удара языка и вследствие этого скорое разбитие.

Вот все те главные причины, когда колокол без умысла со стороны звонаря разбивается. Если бы взять за правило, хотя бы раз в месяц сознательно осматривать подвеску колокола и языка, то можно быть вполне уверенным, что колокол прослужит бесконечное число лет.

Таблица 1. Вес, диаметр, высота колоколов и вес языков к ним

Вес колокола	Нижний диаметр колокола в аршинах и вершках	Верхний диаметр колокола в аршинах и вершках	Высота колокола с маткой в аршинах и вершках	Вес языка
1500пуд.	4 арш.	10 вер.	4 арш. 11 вер.	46пуд.– ф.
1400пуд.	4 арш.	8 1/2 вер.	4 арш. 10 вер.	43пуд.– ф.
1300пуд.	4 арш.	7 1/2 вер.	4 арш. 9 вер.	40пуд.– ф.
1200пуд.	4 арш.	6 вер.	4 арш. 7 1/2 вер.	37пуд.– ф.
1100пуд.	4 арш.	4 1/2 вер.	4 арш. 6 вер.	34пуд.– ф.
1000пуд.	4 арш.	3 1/4 вер.	4 арш. 4 вер.	31пуд.– ф.
950 пуд.	4 арш.	1/2 вер.	4 арш. 2 вер.	29пуд.– ф.
900 пуд.	3 арш.	15 3/4 вер.	4 арш. 1 вер.	28пуд.– ф.
850 пуд.	3 арш.	15 вер.	4 арш. – вер.	27пуд.– ф.
800 пуд.	3 арш.	14 вер.	3 арш. 15 вер.	26пуд.– ф.
750 пуд.	3 арш.	13 вер.	3 арш. 14 вер.	25пуд.– ф.
700 пуд.	3 арш.	11 1/2 вер.	3 арш. 12 вер.	24пуд.– ф.
650 пуд.	3 арш.	10 3/4 вер.	3 арш. 11 вер.	21пуд.– ф.
600 пуд.	3 арш.	10 вер.	3 арш. 10 вер.	20пуд.– ф.
550 пуд.	3 арш.	8 1/4 вер.	3 арш. 9 вер.	19пуд.– ф.
500 пуд.	3 арш.	7 1/2 вер.	3 арш. 8 вер.	18пуд.– ф.
450 пуд.	3 арш.	5 1/2 вер.	3 арш. 6 вер.	16пуд.– ф.
400 пуд.	3 арш.	4 вер.	3 арш. 5 вер.	15пуд.– ф.
350 пуд.	3 арш.	2 1/2 вер.	3 арш. 3 вер.	13пуд.– ф.
300 пуд.	2 арш.	15 3/4 вер.	3 арш. – вер.	12пуд.– ф.
270 пуд.	2 арш.	13 вер.	2 арш. 14 вер.	11 пуд.– ф.
250 пуд.	2 арш.	12 вер.	2 арш. 12 1/2 вер.	10пуд.– ф.
220 пуд.	2 арш.	10 вер.	2 арш. 10 1/2 вер.	9 пуд.– ф.
200 пуд.	2 арш.	9 3/8 вер.	2 арш. 10 вер.	8 пуд.– ф.
180 пуд.	2 арш.	7 1/2 вер.	2 арш. 8 вер.	7 пуд.– ф.
150 пуд.	2 арш.	6 1/4 вер.	2 арш. 6 1/2 вер.	6 пуд.– ф.
130 пуд.	2 арш.	3 1/2 вер.	2 арш. 4 вер.	5 пуд. 20 ф.
120 пуд.	2 арш.	2 1/2 вер.	2 арш. 3 вер.	5 пуд.– ф.
100 пуд.	2 арш.	1 1/2 вер.	2 арш. 2 1/2 вер.	4 пуд.– ф.
90 пуд.	1 арш.	14 3/4 вер.	1 арш. 15 1/2 вер.	3 пуд. 20 ф.
80 пуд.	1 арш.	14 1/4 вер.	1 арш. 15 вер.	3 пуд. 10 ф.
70 пуд.	1 арш.	14 вер.	1 арш. 14 3/4 вер.	3 пуд.– ф.
60 пуд.	1 арш.	12 вер.	1 арш. 13 вер.	2 пуд. 30 ф.
50 пуд.	1 арш.	9 1/4 вер.	1 арш. 11 1/2 вер.	2 пуд. 20 ф.
40 пуд.	1 арш.	8 вер.	1 арш. 9 3/4 вер.	2 пуд.– ф.
30 пуд.	1 арш.	5 вер.	1 арш. 7 1/4 вер.	1 пуд. 20 ф.
25 пуд.	1 арш.	4 3/4 вер.	1 арш. 6 вер.	1 пуд. 10 ф.
20 пуд.	1 арш.	2 1/2 вер.	1 арш. 3 1/2 вер.	1 пуд.– ф.
15 пуд.	1 арш.	– вер.	1 арш. 2 вер.	– пуд. 30 ф.
12 пуд.	– арш.	14 3/4 вер.	– арш. 16 1/2 вер.	– пуд. 24 ф.
10 пуд.	– арш.	14 1/4 вер.	– арш. 15 1/2 вер.	– пуд. 20 ф.
9 пуд.	– арш.	13 3/4 вер.	– арш. 14 3/4 вер.	– пуд. 18 ф.
8 пуд.	– арш.	13 1/4 вер.	– арш. 14 1/2 вер.	– пуд. 16 ф.
7 пуд.	– арш.	12 1/4 вер.	– арш. 14 1/2 вер.	– пуд. 14 ф.
6 пуд.	– арш.	12 вер.	– арш. 13 вер.	– пуд. 12 ф.
5 пуд.	– арш.	11 1/4 вер.	– арш. 12 1/4 вер.	– пуд. 10 ф.

4	пуд.	– арш.	10 3/4	вер.	– арш.	11 1/2	вер.	– пуд.8	ф.
3	пуд.20ф.	– арш.	10	вер.	– арш.	10 3/4	вер.	– пуд.7	ф.
3	пуд.– ф.	– арш.	9 1/2	вер.	– арш.	10	вер.	– пуд.6	ф.
2	пуд.20ф.	– арш.	8 3/4	вер.	– арш.	10	вер.	– пуд.5	ф.
2	пуд.– ф.	– арш.	8 1/4	вер.	– арш.	9	вер.	– пуд.4	ф.
1	пуд.30ф.	– арш.	7 3/4	вер.	– арш.	8 3/4	вер.	– пуд. ³ _{1/2}	ф.
1	пуд.20ф.	– арш.	7 1/2	вер.	– арш.	7 3/4	вер.	– пуд.3	ф.
1	пуд.– ф.	– арш.	6 3/4	вер.	– арш.	7 1/4	вер.	– пуд.2	ф.
–	пуд.35ф.	– арш.	6 1/4	вер.	– арш.	6 1/2	вер.	– пуд. ¹ _{3/4}	ф.
–	пуд.30ф.	– арш.	6	вер.	– арш.	6 1/2	вер.	– пуд. ¹ _{1/2}	ф.
–	пуд.25ф.	– арш.	5 1/4	вер.	– арш.	6	вер.	– пуд. ¹ _{1/4}	ф.
–	пуд.20ф.	– арш.	5	вер.	– арш.	5 1/2	вер.	– пуд.1	ф.

Таблица 2. Подбор колоколов для цельного звона⁸²²

Звон в 2000 п.			Звон в 2000 п.			Звон в 2000 п.			Звон в 1050 п.		
Вес	12	Тон	Вес	11	Тон	Вес	11	Тон	Вес	11	Тон
колоколов		минор	колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		мажор
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	
1000	–	Си	1000	–	До	1000	–	До	500	–	Ми-бем.
500	–	Ре	550	–	Ми	300	–	Фа	250	–	Соль
250	–	Фа-диез	200	–	Соль	150	–	Ля	120	–	Си-бем.
100	–	Си	100	–	До	100	–	До	50	–	Ми-бем.
50	–	Ре	50	–	Ми	40	–	Фа	30	–	Соль
25	–	Фа-диез	30	–	Соль	25	–	Ля	18	–	Си-бем.
15	–	Си	12	–	До	12	–	До	7	–	Ми-бем.
9	–	Ре	8–7	–	Ми	5	–	Фа	3	20	Соль
1–3	20	Фа-диез	4–3	20	Соль	2	20	Ля	2	–	Си-бем.
2	–	Си	1	–	До	1	30	До	1	–	Ми-бем.
1	–	Ре	1	–	Ми	–	35	Фа	–	25	Соль
–	30	Фа-диез									
Звон в 900 п.			Звон в 875 п.			Звон в 775 п.			Звон в 725 п.		
Вес	11	Тон	Вес	10	Тон	Вес	11	Тон	Вес	10	Тон
колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		мажор
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	
400	–	Ре	500	–	Ми-бем.	350	–	Ми-бем.	350	–	Ми-бем.
250	–	Соль	180	–	Ля-бем.	200	–	Соль	180	–	Ля-бем.
120	–	Си	100	–	До	120	–	Си-бем.	100	–	До
50	–	Ре	50	–	Ми-бем.	50	–	Ми-бем.	50	–	Ми-бем.
30	–	Соль	10	–	Ля-бем.	30	–	Соль	20	–	Ля-бем.
15	–	Си	12	–	До	18	–	Си-бем.	12	–	До
9	–	Ре	7	–	Ми-бем.	7	–	Ми-бем.	7	–	Ми-бем.
3	20	Соль	2	20	Ля-бем.	3	20	Соль	2	20	Ля-бем.
2	–	Си	1	30	До	2	–	Си-бем.	1	30	До
1	10	Ре	1	–	Ми-бем.	1	–	Ми-бем.	1	–	Ми-бем.
–	25	Соль				–	25	Соль			
Звон в 640 п.			Звон в 600 п.			Звон в 500 п.			Звон в 450 п.		
Вес	10	Тон	Вес	10	Тон	Вес	10	Тон	Вес	10	Тон
колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		мажор
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	
300	–	Фа	300	–	Фа	250	–	Ми-бем.	250	–	Ми-бем.
150	–	Ля	150	–	Си-бем.	120	–	Соль	100	–	Ля-бем.
100	–	До	70	–	Ре	50	–	Си-бем.	50	–	До
40	–	Фа	40	–	Фа	30	–	Ми-бем.	25	–	Ми-бем.
25	–	Ля	18	–	Си-бем.	15	–	Соль	15	–	Ля-бем.
12	–	До	9	–	Ре	9	–	Си-бем.	7	–	До
5	–	Фа	5	–	Фа	3	20	Ми-бем.	4	–	Ми-бем.
2	20	Ля	2	–	Си-бем.	2	–	Соль	2	–	Ля-бем.
1	30	До	1	–	Ре	1	–	Си-бем.	1	–	До
–	35	Фа	–	35	Фа	–	25	Соль	–	30	
Звон в 410 п.			Звон в 405 п.			Звон в 380 п.			Звон в 300 п.		
Вес	10	Тон	Вес	10	Тон	Вес	9	Тон	Вес	9	Тон
колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		мажор

Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	
200	–	Соль	200	–	Соль	180	–	Ля-бем.	150		Си-бем.
100	–	До	90	–	Си	100	–	До	60	–	Ре
50	–	Ми	50	–	Ре	50	–	Ми-бем.	50	–	Фа
30	–	Соль	30	–	Соль	20	–	Ля-бем.	18	–	Си-бем.
12	–	До	15	–	Си	12	–	До	9	–	Ре
7	–	Ми	9	–	Ре	7	–	Ми-бем.	5	–	Фа
4–3	20	Соль	3	20	Соль	2	20	Ля-бем.	2	–	Си-бем.
1	30	До	2	–	Си	1	–	До	1	–	Ре
1	–	Ми	1	10	Ре	1	–	Ми-бем.	–	35	Фа
–	30	Соль	–	25	Соль						
Звон в 235 п.			Звон в 210 п.			Звон в 210 п.			Звон в 210 п.		
Вес		⁹ Тон	Вес		⁹ Тон	Вес		⁹ Тон	Вес		⁹ Тон
колоколов		мажор	колоколов		минор	колоколов		минор	колоколов		мажор
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	
120	–	Си-б.	100	–	Си	100	–	Си	100		До
50	–	Ми-б.	50	–	Ре	50	–	Ми	50	–	Ми
30	–	Соль	25	–	Фа-д.	30	–	Соль	30	–	Соль
18	–	Си-б.	15	–	Си	15	–	Си	12	–	До
7	–	Ми-б.	9	–	Ре	7	20	Ми	8–7	–	Ми
3	20	Соль	4	–	Фа-д.	3	20	Соль	4–3	20	Соль
2	–	Си-б.	2	–	Си	2	–	Си	1	30	До
1	–	Ми-б.	1	–	Ре	1	–	Ми	1	–	Ми
–	25	Соль	–	30	Фа-д.	–	25	Соль	–	30	Соль
Звон в 185 п.			Звон в 110 п.			Звон в 110 п.			Звон в 100 п.		
Вес		⁸ Тон	Вес		⁸ Тон	Вес		⁸ Тон	Вес		⁸ Тон
колоколов		мажор	колоколов		минор	колоколов		мажор	колоколов		мажор
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	
100	–	До	50	–	Ми	50	–	Ре	50		Ми
40	–	Фа	30	–	Соль	30	–	Соль	20	–	Ля
25	–	Ля	15	–	Си	15	–	Си	12	–	До-д.
12	–	До	7	20	Ми	9	–	Ре	7	–	Ми
5	–	Фа	3	20	Соль	3	20	Соль	3	–	Ля
2	20	Ля	2	–	Си	2	–	Си	1	20	До-д.
1	30	До	1	–	Ми	1	10	Ре	1	–	Ми
–	30	Фа	–	25	Соль	–	25	Соль	–	25	Ля
Звон в 62 п.			Звон в 60 п.			Звон в 56 п.			Звон в 48 п.		
Вес		⁷ Тон	Вес		⁷ Тон	Вес		⁷ Тон	Вес		⁷ Тон
колоколов		мажор	колоколов		минор	колоколов		мажор	колоколов		мажор
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	
30	–	Соль	25	–	Фа-д.	30	–	Соль	20		Ля-бем.
15	–	Си	15	–	Си	12	–	До	12	–	До
9	–	Ре	9	–	Ре	8–7	–	Ми	7	–	Ми-бем.
3	20	Соль	4–3	20	Фа-д.	4–3	20	Соль	2	20	Ля-бем.
1	–	Си	3	–	Си	1	20	До	1	30	До
1	10	Ре	1	–	Ре	1	–	Ми	1	–	Ми-бем.
–	25	Соль	–	30	Фа-д.	1	30	Соль	–	30	Ля-бем.
Звон в 36 п.			Звон в 33 п.			Звон в 30 п.			Звон в 26 п.		
Вес		⁶ Тон	Вес		⁶ Тон	Вес		⁶ Тон	Вес		⁶ Тон
колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		минор	колоколов		мажор
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.	

18	–	Си-б.	18	–	Си-б.	15	–	Си	12		До
9	–	Ре	7	–	Ми-б.	7	20	Ми	8–7	–	Ми
5	–	Фа	3	20	Соль	3	20	Соль	4–3	20	Соль
2	20	Си-б.	2	–	Си-б.	2	–	Си	1	30	До
1	–	Ре	1	–	Ми-бем.	1	–	Ми	1	–	Ми
–	35	Фа	–	25	Соль	–	25	Соль	–	30	Соль
Звон в 22 п.			Звон в 20 п.			Звон в 32 п.					
Вес		б _{Тон}	Вес		б _{Тон}	Вес		б _{Тон}			
колоколов		мажор	колоколов		мажор	колоколов		минор			
Пуд.	ф.		Пуд.	ф.		Пуд.	ф.				
12	–	До	10	–	До-д.	15	–	Си			
5	–	Фа	5	–	Фа-д.	9	–	Ре			
2	20	Ля	2	20	Соль-д.	4–3	20	Фа-д.			
1	30	До	1	20	До-д.	2	–	Си			
–	30	Фа	–	35	Фа-д.	1	–	Ре			
–	20	Ля	–	25	Соль-д.	–	30	Фа-д.			

Библиография⁸²³. При составлении настоящего очерка автор пользовался следующими источниками:

- [1] *Abbass F.W.* Handbuch der Metallgiesserei. – 2 aufl. / Aufl. von F. Wust. – Weimar, 1897. 2 aufl.: Weimar, 1875. – 160 s. – S. 50–72. Die glockengeiezerci.
- [2] *Blavignac J.D.* La Cloche. Etudes sur son histoire et sur ses rapports avec la societe aux differents ages. – Paris, 1877.
- [3] *Buchetti, Jacques.* La fonderie de cuivre acuivre actuelle (Bronzes, laitons, aluminium etc.; precedes, outils, materiel.) – [Paris], 1905.
- [4] *Colas, Alphonse.* Les Cloches au point de vue seculier. – Paris, 1881.
- [5] *Donnet, Fernand.* Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversois. – Anvers, 1899.
- [6] *Doorslaer G., van.* Le Carillon son origine et son developpement // Annales de 22 e congres Federation archeologique et historique de Belgique. – Malines, 1911.–T. 2 – S. 353–390.
- [7] *Doorslaer G., van.* Les carillons et les carillonneurs a Malines. – Malines, 1896.
- [8] *Gillot A., Lockert L.* Nouveau manuel complet du fondeur – Vol. 1–2. – Paris, 1879. – (Encyclopedic-Roret; Manuels-Roret). Vol. 1 – Chapitre 9: «Fabrication des cloches». – P. 266–317.
- [9] *Harzer, Friedrich.* Die Glockengiesserei und ihre Nebenarbeiten. – Weimar, 1854. (Neuer Schauplatz der kunste und Handwerke; Bd. 214).
- [10] *Havard, Henry.* Les Bronzes d'art et d'ameublement. – Paris, 1897. (Les Arts de Tameublement). – 158 s. S. 99–113.
- [11] *Jadart, Henri.* Le bourdon de Notre-Dame de Reims. – Reims, 1884. (Travaux de l'Academie de Reims; T. 73).
- [12] *Kummel, Otto.* Das Kunstgewerbe in Japan. – Berlin, 1911 (Bibliothek fur kunst und antiquitaten sammler; Bd. 2).
- [13] *Montferrand, Auguste Ricard.* Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840.
- [14] *Mailer, Ludwig.* Die Bronzewaaren–Fabrikation. Anleitung zur Fabrikation von Bronzewaaren aller Art – Wien; Pest; Leipzig, 1877 (Chemischtechnische bibliothek; Bd. 29).
- [15] *Munsterberg, Oskar.* Chinesische kunstgeschichte. – Bd. 1–2. – Esslingen, 1910–1912.
- [16] *Munsterberg, Oskar.* Japanische kunstgeschichte. – Bd. 1–3.– Braunschweig, 1904; 1905; 1907.
- [17] *Otte, Heinrich.* Glockenkunde. – Leipzig, 1884.
- [18] *Otte, Heinrich.* Zur Glockenkunde. Nachgelassenes Bruchstuck // Zur Erinnerung an Heinrich Otte's Lebcn und Wirken / Dergestellt von J. Schmidt; Historische commission der Provinz Sachsen. – Halle, 1891.
- [19] *Sauveterre, ahhe.* Essai sur le symbolisme dc la cloche dans ses rapports et ses harmonies. – Paris, 1883.
- [20] *Schonermark S.* Die Allersbestimmung der Glocken // Zeitschrift fur Bauwesen. – Berlin, 1889. – Jg. 39, H. 1/3. – Sp. 13–30.
- [21] *Van Coillie C.* De L'usage des Cloches et des Clochers des Eglises. – Bruges, 1897.
- [22] *Авель (Ванюков).* Описание Сатисо-Градо-Саровской пустыни. – 3-е изд. – Муром, 1889.
- [23] Акты русского на Святом Афоне монастыря Св. Великомученика и целителя Пантелеймона. – Киев, 1873.
- [24] *Алексеев И.А.* Скопинский Свято-Духов монастырь: Исторический очерк. – Скопин, 1877.

- [25] *Амвросий (Лотоцкий Аф.)*. Церковно-историческое и статистическое описание Варшавской епархии. – Почаев, 1863.
- [26] *Амвросий, архимандрит*. Сказание о Почаевской Успенской лавре на основании документов, хранящихся в лаврском архиве // Волынские епархиальные ведомости. – 1870. – Мб 13–24, ч. неофиц., прилож.; 1871. – № 1–6, ч. неофиц., прилож. – С. 1–282, 1–6.
- [27] *Антонин (Капустин А.И.)* Заметки поклонника Святой Горы. – Киев, 1864.
- [28] *Антушев Н.П.* Летопись Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки в Москве. – М., 1897.
- [29] *Аполлос (Беляев И.Г.)* Псково-Печерский монастырь. – 2-е изд. – Новгород, 1864.
- [30] *Аристов Н.* Промышленность древней Руси. – СПб., 1866.
- [31] *Аркадий, иером.* Описание Нижегородского Благовещенского третьеклассного мужского монастыря. – Нижний Новгород, 1884.
- [32] Археологическая находка в погосте Дворицы Новоржевского у. Псковской губ. // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1897. – Т. 5, №9. – С. 187.
- [33] Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим Обществом. – М., 1896–97. – Т. 4, Мб 1–12; Т. 5, Мб 1–12.
- [34] *Астров Н.* Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. – 1875. – Кн. 2. – С. 468–470; Кн. 3. – С. 90–105.
- [35] *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. – М., 1878.
- [36] *Барсов Е.В.* Из истории колонизации и культуры Ростовского края. – М., 1902.
- [37] *Барсов Е.В.* Причитанья северного края. – Ч. 1. – М., 1872; – Ч. 2. – М., 1882.
- [38] *Барсов Е.В.* Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 2, № 9. – Грозный царь Иван Васильевич. – С. 405–409; Царица Мария Нагих. – С. 410–411.
- [39] *Бартнев П.* Рецензия о первом издании книги Н. Оловянишникова «История колоколов... [Ярославль, 1906/7]» // Русский архив. – 1907. – Кн. 3, № 10. – С. 2–3 облож.
- [40] *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. – М., 1888. – С. 1–80. – Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 год).
- [41] *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф. Аммон. – Ч. 1–2. – М., 1902; Ч. 3–4. – М., 1903.
- [42] Библиотека для чтения. – СПб., 1840. – Т. 38–43.
- [43] *Благовещенский А.А.* Остров Эзель и его древности // Сборник археологического института под редакцией Н.В. Калачова. – СПб., 1881. – Кн. 5, 1-я половина. – С. 57–234.
- [44] *Богданович Е.В.* Исаакиевский собор. 1853–1883. – СПб., 1883.
- [45] Боголюбов монастырь и приписанные к нему монастыри Покровский и Николаевский Волосов: [Описание]. – Вязники, 1891.
- [46] *Богоявленский В.В.* Надписи на двух колоколах в церкви Елгомского прихода // Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – № 75, 26 сентября, ч. неофиц. – С. 875.
- [47] *Болховитинов Е.* Описание Киево-Печерской лавры, с присовокуплением разных грамот и выписок. – Киев, 1826.
- [48] *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. – СПб., 1876.
- [49] *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей. – М., 1851.
- [50] *Ваучский А.* Иоанна Предтеченская церковь, что на Опоках в г. Новгороде. – Новгород, 1900 (Прилож. к «Памятной книжке Новгородской губернии на 1901 г.»).

[51] Ведомость, учиненная в Московской синодального правления канцелярии, обретающимся в Москве архиерейским домам и монастырским подворьям и разных сороков церквам, в которых местах мая 20 дня во время пожара горело – О Успенском большом колоколе: [Из донесения ее императорскому величеству Государыне императрице Анне Иоанновне о московском большом пожаре мая 20-го 1737 года] / Публикация П.И.Иванова// Чтения в обществе истории и древностей российских. – 1858. – Кн. 3, разд. «Смесь». – С. 40–45,45–50.

[52] *Вельтман А.Ф.* Достопамятности Московского Кремля. – М., 1843.

[53] *Верховский Т.А.* Стародубье. – Ч. 1–3. – Казань, 1874.

[54] Вести из экспедиции И.П. Толмачева // Известия Русского географического общества. – 1905. – Т. 41, вып. 3. – [Колокол с голландской надписью в Туруханске (Сибирь)]. – С. 611.

[55] Владимирские губернские ведомости. – 1855. – № 5.

[56] Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 9, 13–25. 1851. № 9, ч. неофиц.; 1851. С.184, 230, 233, 223–225.

[57] Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. – М., 1862.

[58] Временник ими. общества Истории и Древностей Российских. – М., 1850. – Кн.7, 8.

[59] Гармонический звон церковных колоколов (Из путевых впечатлений): [О настройке А.А. Израилевым 14 колоколов в усадьбе В.П. Мордвинова] // Литовские епархиальные ведомости. – 1893. – № 34. – С. 285–286. Подпись: «К.И.»

[60] *Гаршин В.М.* Первая книжка рассказов. – 8-е изд. – СПб., 1897. – С. 153. – «Ночь».

[61] *Гастев М.С.* Статистическое описание Москвы. – М., 1841. – Ч. 1.

[62] *Георгиевский Н.Г.* Историко-статистическое описание Санкт-Петербургской Скорбященской церкви, что за Литейным двором. – СПб., 1866.

[63] *Герберштейн С.*, барон. Записки о Московии / Перев. И. Анонимов. – СПб., 1866.

[64] *Героптий (Кургановский), архимандрит.* Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь и его современное состояние. – СПб., 1903.

[65] *Гиляровский В.* Иван Великий // Русское слово. – 1909. – № 89. – С. 5.

[66] *Годовиков И.Ф.* Описание и изображения древностей Псковской губернии. – Ч. 1–2. – Псков, 1880; Ч. 3. – М., 1882.

[67] Город Рязск и его соборный Благовещенский храм // Рязанские епархиальные ведомости. – 1876. – № 3,1 окт., прибавл. – С. 63–69.

[68] *Горсей Джером.* Записки о Московии XVI века. – СПб., 1909.

[69] *Горский А.В.* Историческое описание Свято-троицкия Сергиевой Лавры. – М., 1882.

[70] Грамоты, касающиеся до сношения Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII, XIV веках. – СПб., 1857. грам. № 1.

[71] *Григорий (Воинов-Березовский И.И.).* Высокопетровский монастырь. – М., 1873.

[72] *Гундобин П.И.* Описание Крестовоздвиженской церкви в Шуе. – Владимир, 1860.

[73] *Гюисман Жорис Карл.* Полное собрание сочинений: В 3-х т. – Т. 1: Бездна. – М.: «Современные проблемы», 1912. – С. 46–47.

[74] *Данилов Кирша.* Древние российские стихотворения, собранные Киршеном Даниловым. – 3-е изд. по 2-му полному изд. – М., 1878.

[75] *Де-Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны, в которых описаны нравы, образ жизни и суеверия [...] / Перев. и примеч. В.Н. Семенович. – М., 1911.

[76] *Демьянов Г.П.* Путеводитель по Волге. – 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894.

- [77] *Денисов Л.* Рязанский Троицкий третьеклассный необщежительный мужской монастырь: Историко-статистический очерк. – М., 1907.
- [78] Дивногорский Успенский монастырь // Памятная книжка Воронежской губернии. – 1863–1864. – Воронеж, 1864. – 12 с. Подпись: «А.М.».
- [79] *Диев М.Я.* Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. – М., 1858.
- [80] *Дмитревская Е.* Семейные песни Олонецкой губернии // Русский архив. – 1901, № 2. – С. 244–259.
- [81] *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземнском. Соборы: Кафедральный Успенский и бывший придворный в.к. Всеволода – Дмитриевский. – М., 1849.
- [82] *Досифей (Немчинов).* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. – Ч. 1–3. – 1836.
- [83] Древний колокол в селе Шестакове // Северная пчела. – 1846. – 12 июня, № 130. – С. 518.
- [84] Древняя и новая Россия: Исторический ежемесячный сборник. – 1877–1879.
- [85] Древняя Российская вивлиофика. – СПб.: Изд. Н. Новиков, 1773. – Ч. 1–2.
- [86] Древняя российская вивлиофика. – 1774. – Ч. 6.
- [87] *Есипов Г.В.* Набатный колокол // Исторический вестник. – 1881. – №2. – С. 418–419.
- [88] Живописное описание монастырей и обителей. – М.: Издание А.Н. Величкова, 1903.
- [89] *Забелин И.Е.* История города Москвы. – 2-е изд. – Ч. 1. – М.: изд. автора, 1905.
- [90] *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. – Ч. 1. – М., 1873; – Ч. 2. – М., 1873.
- [91] *Закревский Н.В.* Описание Киева. – Т. 1–2. – М., 1868.
- [92] Заметки о двух церквях Рязанской губернии Пронского уезда при селе Гулынках. – СПб., 1873.
- [93] Замечания о Иване Великом // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 11, № 27, июль. – С. 126–131. Подпись: «Старожил московский».
- [94] Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. – Ч. 1–2.–М., 1810.
- [95] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. 1709 // Русский архив. – 1892. – Кн. 1, № 3. – С. 273–304; Кн. 2, № 5. – С. 35–74.
- [96] *Захарченко М.М.* Киев теперь и прежде. – Киев, 1888.
- [97] *Иванчин-Писарев Н.Д.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. – М., 1843.
- [98] *Иерофей (Добрицкий И.М.), архим.* Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. – М., 1866.
- [99] *Израилев А.А.* Музыкально-акустические работы // Изв. имп. Общества любит, естествозн., антропологии и этнографии. – М., 1884. – Т. 41, вып. 2. – С. 58–72.
- [100] *Израилев А.А.* Ростовские колокола и звоны. – СПб., 1884. (Чтения в Обществе любителей древней письменности. Вып. 51).
- [101] *Израилев А.А.* Ростовский Ярославской губернии Рождественский третьеклассный женский монастырь. – СПб., 1899.
- [102] Иллюстрация. – 1862. – № 214, 5 апр.
- [103] *Иоасаф (Гапонов В.С.), иеромонах.* Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. – Чугуев, 1857.
- [104] *Иосиф (Левицкий И.).* Путеводитель к святыне и священным достопамятностям Москвы. – М., 1876.
- [105] *Иосиф (Левицкий И.).* Путеводитель к святыне и священным достопамятностям Москвы и ее окрестностей. – 9-е изд. – М., 1882.

- [106] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869; Вып. 2. – СПб., 1871; Вып. 3. – СПб., 1873.
- [107] Историческое описание первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губернском городе Владимире. – М., 1900.
- [108] История. О разрушении последнем Святого града Иерусалима от Римского Цесаря Тита сына Веснасианова. Вторая о взятии славного столичного града греческого Константинополя (иже и Царьград) от турецкого Султана Махомета втораго. – СПб., 1723.
- [109] *Кабанес О. и Насс Л.* Революционный невроз / Пер. Д.Ф. Коморского. – СПб., 1906.
- [110] *Казанский П.С.* Историческое описание Троицкого Козловского монастыря. – М., 1849.
- [111] *Казанский П.С.* О призыве к богослужению в восточной церкви // Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869. – М., 1871. – Т. 1. – С. 300–310.
- [112] *Казанский П.С.* Село Новоспасское, Деденево тож и родословная Головиных владельцев оногo. – М., 1847.
- [113] *Калайдович К.Ф.* Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря Св. Чудотворца Николая, что на Пешноше. – М., 1837.
- [114] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. – 2-е изд. – В 11 т. – Т. 5. – СПб., 1819; Т. 7. – СПб., 1819; Т. 8. – СПб., 1819; Т. 9. – СПб., 1821; Т. 9. – 3-е изд. – СПб., 1831; Т. 10. – СПб., 1824.
- [115] *Качановский В.* Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 15, № 1. – С. 17–19.
- [116] Киево-Печерский Патерик по древним рукописям. – Киев, 1870.
- [117] *Киссель Ф.* История города Углича. – Ярославль, 1844.
- [118] *Классовский В.И.* Помпея и открытые в ней древности. – СПб., 1856.
- [119] *Княжевич Д.М.* Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. – СПб., 1822.
- [120] *Кованьк И.* Краткая историческая записка о происхождении и умножении горных заводов в России и о нынешнем их состоянии // Горный журнал. – 1826. – Кн. 2. – С. 9.
- [121] Колокола на выставке // Ярославские епархиальные ведомости. – 1882. – № 28, ч. неофиц. – С. 217–228.
- [122] *Кондаков Н.П.* Путешествие в Синай в 1881 году. Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря. – Одесса, 1882.
- [123] *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. – М., 1893.
- [124] *Конкордин А.И.* Описание Новгородского кафедрального Софийского собора. – Новгород, 1901.
- [125] *Корб И.Г.* Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента / Пер. с латин. Б. Женева и М. Семевского. – М., 1868.
- [126] *Коробейников, Трифон.* Второе хождение Трифона Коробейникова [О пути к Царю граду от Москвы и до Иерусалима Рук. Московского публ. музея из собр. А.Н. Попова №2416, XVII в, скор, в 4° л. 40–48) / С предисл. С.О. Долгова. – М., 1887.
- [127] *Корсунский Н.Н.* Благовест. – 3-е изд. – Ярославль, 1887.
- [128] *Косаткин В.В.* Очерк истории города Владимира на Клязмс. – Вып. 1. – Владимир, 1881.
- [129] *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1840.
- [130] *Красносельский В.* Поднятие нового 300-пудового колокола в с. Боронившие Молорского у., слитого крестьянами в память государя Императора Александра II // Ярославские епархиальные ведомости. – 1882. – №15, ч. неофиц. – С. 117–118.
- [131] *Крылов А.П.* Церковно-археологическое описание города Ярославля. – Ярославль, 1860.

- [132] *Крылов И.З.* Историческое описание всех коронаций императоров и императриц всероссийских. – М., 1856.
- [133] *Кузнецов И.* О построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора (Новые летописные данные) // Чтения в Общ. истории и древностей Российских. – 1896. – Кн. 1, Смесь. – С. 19–24; Кн. 2, Смесь. – С. 23–36.
- [134] *Куприн А.И.* Мой паспорт: Пасхальное стихотворение в прозе // Собрание сочинений: В 2-х кн. – СПб., 1911. – Т. 1, кн. 2. С. 99–108.
- [135] *Лаврентий (Мордовский), игумен.* Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря. – М., 1841.
- [136] *Лавров Н.Ф.* О взятии Петром I с города Углича меди четвертой части веса колоколов в 1701 г. // Ярославские епархиальные ведомости. – 1873. – № 13, 28 марта, ч. неофиц. – С. 107–108.
- [137] *Левицкий И.* Город Путивль // Труды XII Археологического съезда в Харькове: В 3-х т. – М., 1905. – Т. 3. – С. 111–164.
- [138] *Левшин А.Г.* Историческое описание первопрестольного в России храма Московского большого Успенского собора. – М., 1783.
- [139] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание коренной Рождество-Богородицкой пустыни. – 2-е изд. – СПб., 1876.
- [140] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание Мещевского Георгиевского мужского общежительного монастыря. – М., 1870.
- [141] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. – Ч. 1–2. – СПб., 1847.
- [142] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – СПб., 1863.
- [143] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историко-статистическое описание Белевской Жабы некой пустыни. – Тула, 1865.
- [144] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. – М., 1876.
- [145] *Леонид (Кавелин Л.А.)* Таинственный колокольный звон в «Царе-Константинове монастыре» // Русский архив. – 1878. – Кн. 2, № 7. – С. 278–279.
- [146] *Лествицын В.И.* Краткий путеводитель по церквам города Ярославля. – Ярославль, 1887.
- [147] Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов) / Изд. М. Оболенский. – М., 1851.
- [148] Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 (852) до 796(1598) года. – М., 1819.
- [149] Летопись о многих мятежах и о разорении Московского Государства от внутренних и внешних неприятелей – 2-е изд. – М., 1788.
- [150] *Линдеман И.К.* Два русских колокола в Швеции: [Доклад ими. Московскому археологическому обществу 30 марта 199] // Древности: Труды Московского археологического общества. – 1914. – Т. 23, вын. 2. Протоколы. – С. 265–266, 268.
- [151] *Любецкий С.М.* Отголоски старины (Историческая мозаика). – М., 1867.
- [152] *Макарий (Миролюбов Н.К.)* Церковно-историческое описание города Старой Русы. – Новгород, 1866.
- [153] *Макарий (Миролюбов Н.К.)* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч. 1–2. – М., 1860.
- [154] *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. – Ч. 1–3. – СПб., 1871.
- [155] *Максимович Л.М.* Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – В 4-х ч. – Ч. 1–2. – М., 1792; Ч. 4. – М., 1793.

- [156] Малов Е.А. Историческое описание церквей города Казани. – Вып. 2. – Казань, 1894.
- [157] Мамонтов С. На пепелище Грозного царя // Русское слово. – 1910. – №166
- [158] Марков А.В. Беломорские былины, записанные А. Марковым. – М., 1901.
- [159] Мартынов А.А. Московские колокола// Русский архив. – 1896. – №1. – С. 90–98; № 2. – С. 274–278; № 3. – С. 393–400; № 4. – С. 555–561.
- [160] Марченко. Приключение русских колоколов, отправленных в Сербию в 1863 г. // Русская Старина. – 1898. – № 4. – С. 149–153.
- [161] Материалы, собранные для XII съезда отдельными предварительными комитетами: От Полтавской духовной консистории // Труды 12 археологического съезда в Харькове. – М., 1905. – Т. 2. – С. 523–546.
- [162] Мекензи, Уоллес. Петербург, Москва и славянофилы, с точки зрения англичанина // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 15, № 1, октябрь. – С. 90–121.
- [163] Мелетий, иеромонах. Путешествие во Иерусалим Саровской общежительной пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. – М., 1798.
- [164] Мельхиседек (Сокольников), архимандрит. Краткое историческое описание Рыхловской пустыни. – М., 1844.
- [165] Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906.
- [166] Мостовский М.С. Историческое описание Храма во имя Христа Спасителя в Москве. – М., 1883.
- [167] Надпись на колоколе // Царь-колокол. – 1891. – № 25/26. – С. 420. [Стихи на колоколе в 500 п. «В сей грозный год Галл дерзновенный...» (о войне 1812 г.) – припис. 6. паст. Покровской ц. с. Дунилово Шуйского у. Владим. губ. Василию Саноровскому].
- [168] Надхин Г. Церковные памятники Запорожья // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 2, № 7. – С. 216–231.
- [169] Никодим (Белокуров Н.И.). Описание Московского Богоявленского монастыря. – М., 1877.
- [170] Николай (Далматов), архимандрит. Супрасльский Благовещенский монастырь: Исторический очерк. – СПб., 1892.
- [171] Никольский К. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. – 5-е изд. – СПб., 1894. – [Колокола]. – С. 31–44.
- [172] Новоселов С.К. Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в С.–Петербурге. – СПб., 1857.
- [173] Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. – М., 1853.
- [174] О колоколах и о колокольном искусстве // Московские ведомости. – 1850. – № 49. – С. 568–569; № 50. – С. 578–580; № 51. – С. 586–588. Подпись: «Н.Р.».
- [175] О колокольной фамилии: [Указ Святейшего патриарха Иоакима 1689] // Древняя Российская Вивлиофика. – 1789. – Ч. 11. – С. 254.
- [176] Образцы древней письменности [/Сост. И.П. Сахаров. – СПб., 1849. – 40 л. факс.].
- [177] Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах / Пер. П. Барсов. – М., 1870.
- [178] Описание Боровичского Свято-Духова монастыря с его окрестностями. – СПб., 1865.
- [179] Описание колоколов, пожертвованных Болгарии и значения жертвователей. – СПб., 1878.
- [180] О преподавании народу перед литургиею Катехизиса в Московском Успенском, Архангельском и Благовещенском соборах: [Указ Синода от 18 декабря 1750

- г.] / Сообщение П. Иванова // Чтения в обществе истории и древностей российских. – 1861. – Кн. 3. – Смесь. – С. 3–4.
- [181] *Островский Я.Ф.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатиевского монастыря. – Кострома, 1870.
- [182] *Остроумов В., свящ.* Харитоновская в Огородниках церковь. – М., 1883.
- [183] *Павел (Леденев-Прусский П.И.), архим.* Краткое описание путешествия в Св. град Иерусалим и проч. святые места. – М., 1883.
- [184] *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине XVII в. – Вып. 1–4. – М., 1896–1898.
- [185] *Пазухин А.* Серебряный колокол. – М., 1907.
- [186] *Пассек В.В.* Историческое описание Московского Симонова монастыря. – М., 1843.
- [187] *Пассек Т.П.* Воспоминания // Русская старина. – 1876.– Т. 15.– С. 805–852; Т. 16. – С. 89–131, 309–350, 511–544, 649–670; Т. 17. – С. 537–578.
- [188] *Пекарский П.П.* Петербургская старина // Современник. – 1860. – Июнь. – С. 311–338 1-й паг.
- [189] *Петрей де Ерлезунда, Петр.* История о Великом Княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. – М., 1867.
- [190] *Платон (Любарский П.И.).* Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств. – Казань, 1868.
- [191] *Платонов.* Путеводитель по Москве. – 4-е изд. – М., 1891.
- [192] *Плечко А.М.* Москва: Исторический очерк. – М., 1883.
- [193] *Покровский Н.В.* Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии. 1879–1909. – СПб., 1909.
- [194] *Покрышкин П.П.* Отчеты о капитальном ремонте Спасо-Нерединской церкви в 1903 и в 1904 годах // Материал по археологии России. – СПб., 1906. – № 30. – 36 с., 27 табл. ил.
- [195] Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 9. С. 29–30 (Указ Анны Иоановны от 12 февраля 1733 г. № 6323).
- [196] Полное собрание русских летописей. – Т. 3:1-я, 2-я и 3-я Новгородские летописи / Издан. Археография, комис. – СПб., 1841.
- [197] Полное собрание русских летописей. – Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи / Издан. Археография, комис. – СПб., 1846.
- [198] *Поляков Я.А.* Село Губайлово-Знаменское Московского уезда // Московская церковная старина: Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии /О–во любителей духовного просвещения. – М., 1906. – Т. 3, выи. 2. – С. 29–36.
- [199] *Попов А.М.* Описание Великоустюжского Прокопиевского Собора. – Вологда, 1859.
- [200] *Попов Н.А.* В.Н. Татищев и его время. – М., 1861.
- [201] *Порфирий (Успенский К.А.).* Афон: В 2-х ч. – Ч. 1: Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. – Отд. 1–2. – Киев, 1877.
- [202] Посещение главного Бурятского храма на Гусиных озерах // Северная пчела. – 1846. – № 25. – С. 90.
- [203] Прогулка по Кремлю //Отечественные Записки. – 1822. – Ч. 9, № 25, май. – С. 220–257.
- [204] Протоиерей Аристарх Александрович Израилев (Ко дню 50-летия служения в священном сане): 1841. – 18 июля 1891. 2–е изд. – СПб., Тип. С. Добродеева, 1892. – 72 с.
- [205] Псково-Печерский монастырь в его прошлом и настоящем // Нива. – 1903. – № 37. – С. 738–740.

- [206] Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XI века (И 13–1115)/ Изд. Археологической комиссии; Ред. А.С. Норов. – СПб., 1864.
- [207] Путешествие Новгородского Архиепископа Антония в Царь-град в конце XII столетия. – СПб., 1872.
- [208] Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Перев. П.И. Барсова. – М., 1873.
- [209] *Пушкарев И.И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. – Ч. 1. – СПб., 1839.
- [210] *Пыляев М.И.* Старая Москва. – СПб., 1891.
- [211] *Пыляев М.И.* Старое жительство. – СПб., 1892.
- [212] *Пыляев М.И.* Старый Петербург. – 2-е изд. – СПб., 1889.
- [213] *Радонежский А.А.* Солнышко: Книга для чтения. – 8-е изд. – СПб., 1894. – С. 4. – Рассказ «Мальчик и церковный колокол»].
- [214] *Рачинский А.В.* Нилова Пустынь в первые полутора столетия ее существования: Исторический очерк по старинным монастырским бумагам. – М., 1876.
- [215] *Роденбах Ж.* Звонарь: Роман / Пер. с франц. А. Мирэ. – М., [1909].
- [216] *Рождественский В.А.* Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря. – М., 1866.
- [217] *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления. – Ч. 3, кн. 1. – М., 1870; Ч. 3, кн. 2. – М., 1871.
- [218] Русская старина. – 1871–1908.
- [219] Русские ведомости. – 1897. – № 207.
- [220] *Рыбаков С.Г.* Церковный звон в России. – СПб., 1896.
- [221] *Рыбушкин М.С.* Краткая история города Казани. – 2-е изд. – Казань, 1850.
- [222] *Рычин Ф.И.* Историческое описание московских кремлевских соборов, церквей и монастырей и их святынь. – 3-е изд. – М., 1882.
- [223] *Рычин Ф.И.* Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890.
- [224] *Савваитов П.И.* Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. Записка. – СПб., 1886. (Памятники древней письменности и искусства; Вып. 61).
- [225] *Савваитов П.И.* Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря. – СПб., 1856.
- [226] Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. – М., 1888.
- [227] *Самойлов Н.* Киев в начале своего существования. – М., 1834.
- [228] *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. – 3-е изд. – Т. 2, кн. 5–8. – СПб., 1849. Т. 1, кн. 1–4. – СПб., 1841.
- [229] *Свиньин П.П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей: В 4-х ч. – Ч. 2. – СПб., 1817; Ч. 3. – СПб., 1818; Ч. 4. – СПб., 1821.
- [230] *Свирелин А.И.* Описание Переяславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время. – М., 1879 (на обл.: 1878).
- [231] Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. – 2-е изд. – СПб., 1882.
- [232] *Серафим (Веснин С.А.)*. Письма Святогорца к друзьям своим о св. Горе Афонской. – Ч. 1–2. – СПб., 1850.
- [233] *Серафимов В.И., Фомин М.И.* Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. – СПб., 1865.
- [234] *Сергий (Спасский И.А.)* Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на старом Государевом дворе. – М., 1866.
- [235] *Сергий (Спасский И.А.)* Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. – М., 1865.
- [236] *Серебренников В.* Об угличских колоколах, взятых Петром Великим для пушек // Ярославские губернские ведомости. – 1856. – № 21, ч. неофиц. – С. 196–197.

[237] *Серебrenиков С.* Ссылный угличский колокол в Тобольске: [По материалам статьи А. Сулоцкого в журнале «Москвитянин» за 1849 г.] // Ярославские губернские ведомости. – 1850. – № 5, ч. неофиц. – С. 42–43.

[238] Сказание о начале и настоящем положении Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря. – М., 1863.

[239] Сказания современников о Дмитриии Самозванцеве: В 5 ч. – Ч. 5: Записки Маскевича. – СПб., 1834.

[240] *Скворцов П.* Московская церковная старина. Уничтожение в московском Китай-городе церковей // Московские церковные ведомости. – 1895. – № 42. – С. 400. – [Материалы из Архива Московской Свят. Синодальной конторы 1737, № 166].

[241] *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. – Кн. 1–2. – М., 1838–1844.

[242] *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. – М., 1846.

[243] *Смирнов С.К.* Покровский Хотьков девичий монастырь. – 4-е изд. – М., 1875.

[244] *Смирнов С.К.* Покровский Хотьков девичий монастырь. – 5-е изд. – М., 1880.

[245] *Смирнов Ф.К.* Виленский Св. Духов монастырь. – Вильна, 1888.

[246] *Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь. – М., 1843.

[247] *Снегирев И.М.* Памятники Московской древности. – М., 1842–1845.

[248] *Снегирев И.М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд., доп. – Год 1–2. – М., 1852–1857.

[249] *Снегирев И.М., Мартынов А.А.* Московский Царь-колокол // Русские достопамятности. – 1880. – Т. 3. – С. 1–20.

[250] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: В 5 ч. – Ч. 2. – М., 1813–1819; Ч. 3. – М., 1822; Ч. 4. – М., 1828; Ч. 5. – М., 1894.

[251] *Солнцев Ф.Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. – 1876. – Т. 15. – № 3. – С. 644.

[252] *Соловьев И.П.* Ярославский Спасо-пробоинский обыденный храм. – Ярославль, 1869.

[253] Сооружение и освящение в 1892 и 1893 годах четырнадцати колоколов, музыкально настроенных протоиереем Аристархом Александровичем Израилевым на звоннице при церкви во имя преподобного Александра Свирского в усадьбе Владимира Павловича Мордвинова с. Ваулове Романов-Борисоглебского у. Ярославской губ. – СПб., 1893.

[254] *Спасский Г.* О колоколах достопримечательных по своей величине // Горный журнал. – 1833. – Ч. 1, кн. 1, разд. 6. – С. 123–134.

[255] Статейный список посольства Никифора Михайловича Тологанова в Грузию 7158 (1650) года // Древняя Российская Вивлиофика. – 2-е изд. – 1788. – Ч. 5. – С. 135–252.

[256] *Суворов Н.И.* Описание Спасо-каменного, что на Кубенском озере, монастыря, ныне Спасо-Преображенская Белавинская пустыня. – Вологда, 1871.

[257] *Сулоцкий А.И.* Описание краткое всех церквей, существующих в городе Тобольске и пространное Тобольского Софийского собора. – М., 1852.

[258] *Султанов Н.* Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. – СПб., 1881.

[259] *Таннер Бернгард.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678. – М., 1891.

[260] *Тизик К.А.* История Ревельского Преображенского Собора: Историко-статистическое описание. – Ревель, 1896.

[261] *Титов А.А.* Ростов Великий и его святыни. – СПб., 1895.

[262] *Титов А.А.* Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909.

- [263] *Титов А.А.* Троицкий Желтоводский монастырь у Старого Макария. – М., 1887. [Дьячков А.Н. – издатель].
- [264] *Тихомиров Д.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. – М., 1844.
- [265] *Токмаков И.Ф.* Историко-статистическое описание города Киржача. – М., 1884.
- [266] *Толстой М.В.* Древние святыни Ростова Великого. – 2-е изд. – М., 1860.
- [267] *Толстой М.В.* Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862.
- [268] *Толстой М.В.* Указатель Великого Новгорода с приложением новгородского месящеслова. – М., 1862.
- [269] *Третьяков А.А.* Московский Симонов монастырь. – М., 1890.
- [270] *Троицкий Н.И.* Сергиевский кафедральный собор в городе Курске. – Курск, 1907.
- [271] *Тюменев И.* Александро-Свирский монастырь // Нива. – 1899. – № 5. – С. 94–96.
- [272] *Тюменев И.Ф.* На среднем плесе // Исторический вестник. – 1904. – Т. 95, № 1. – С. 209–257; № 2. – С. 679–720. Кн. 1.
- [273] Указатель Святыни и священных достопамятностей Киева. – 3-е изд., испр., доп. – Киев, 1867.
- [274] *Успенский Вл.П.* Историческое описание Ниловой Столбенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда. – 2-е изд. – Тверь, 1876.
- [275] *Успенский В.П.* О погосте Рожки Осташковского уезда. – Тверь, 1888.
- [276] *Успенский, свящ.* Из истории Ярославля. – Ярославль, 1849.
- [277] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т. 4, ч. 1–2. – СПб., 1863.
- [278] *Фадеев А.М.* Воспоминания // Русский архив. – 1891. – Кн. 1, № 2. – С. 290–329, № 3. – С. 385–424, № 4. – С. 465–494; Кн. 2, № 5. – С. 14–60; Кн. 3, № 9. – С. 95–164, № 9. – С. 229–257, № 11. – С. 424–447, №12. – С. 453–522.
- [279] *Филарет (Гумилевский Д.Г.)* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Отд. 5. – М., 1858.
- [280] *Филимонов Г.Д.* Сванетия в археологическом отношении // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1874–1876. – Мб 1–5; 1875. – Мб 6–9; 1876. – Мб 11–12. – С. 80–94.
- [281] *Филумен, иеродиак.* Исторические записки о Троицкой Кривоозерской общежительной пустыни Костромской епархии. – М., 1862.
- [282] *Флоринский Д.И.* Собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. – СПб., 1882.
- [283] *Хавский П.В.* Древности Москвы или указатель источников ее топо-графии и истории. – 2-е изд. – М., 1854.
- [284] *Хватов М.* Описание России и ее достопримечательности. – Ч. 1. – С. 273.
- [285] Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького 1648–1652 / Сообщено арх. Леонидом. – СПб., 1882. – (Памятники древней письменности; Вып. 35).
- [286] *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы о церквях и селах. – Ч. 2. – М., 1885.
- [287] *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 1–2. – Нижний Новгород, 1857–1859.
- [288] *Христофоров В.* Самозвон или колокольчик приводимый в движение ветром // Записки общества сельского хозяйства Южной России. – 1845. – Мб 3/4. – С. 391–400.
- [289] *Худонос М.* О значении колокольного звона в православной русской церкви // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1900. – Мб 23. – С. 873–881; Мб 24. – С. 925–938.

[290] Черты из жизни Екатерины II, собр. М.Е. Лобановым // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1. – С. 66–67.

[291] Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь. Составлено по писцовой монастырской книге. – Кострома, 1859.

[292] *Шавельский Г.И.* Суворовская Кончанская что при Николаевской академии Генерального штаба церковь (1786–1906) [Исторический очерк]. – СПб., 1906.

[293] *Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. – Ч. 1–2. – М., 1850.

[294] *Шиллер Ф.* Полное собрание сочинений: В 3-х т. – 7-е изд. – СПб., 1893. – Т. 1. – С. 122.

[295] *Шлун Д.* Осада города Риги царем Алексеем Михайловичем в 1656 году // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 9, Мь 24, апрель. – С. 25–40.

[296] *Щекотов А., Максимович Л.М.* Географический словарь Российского государства: В 7 т. – М., 1801–1809.

[297] *Якушкин П.И.* Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. – СПб., 1860.

Н.Е. Прянишников⁸²⁴ Николай Иванович Оловянишников. (Биографический очерк)

Родился Николай Иванович 12 октября (25 по новому стилю) 1875 года в семье Ивана Порфирьевича Оловянишникова, ярославского первой гильдии купеческого сына⁸²⁵, и жены его Евпраксии Егоровой (урожденной Горошковой). Прадед Николая Ивановича, Иван Порфирьевич Оловянишников, получил по именному указу Николая I потомственное почетное гражданство (см. Приложения). Дед, Порфирий Иванович, превратил традиционное для семьи колокольное производство в современное промышленное предприятие.

Родители поселилась в Москве в начале 70-х годов, не прерывая торговых и коммерческих связей с родным городом. В Москве семейство проживало в доме купеческой вдовы Молчановой на Покровке, в Мясницкой части. Ныне это дом под №10.

Николай появился на свет четвертым. Третий сын, Виктор, родился годом раньше, и братья-погодки были очень близки друг другу. Так в семье сложились три возрастных пары: старшая – Порфирий и Иван, средняя – Виктор и Николай, и младшая – Владимир и Георгий. Между девочками Марией и Татьяной было 13 лет разницы по возрасту.

Надо сказать, что еще в семье были дети, умершие в младенчестве. Так, в книгах, фиксирующих сборы за венчики за 1879 год, от 10 мая имеется запись о смерти младенца Владимира, 3-х месяцев. На Леонтьевском кладбище в Ярославле покоится младенец Николай. В метрических книгах за 1894 год сказано, что в половине 6-го утра 6 февраля родился сын Сергей, причем крестным отцом его был города Кронштадта Андреевского собора протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (отец Иоанн Кронштадтский). Младенец скончался от воспаления оболочек мозга на новый 1896 год и был похоронен на кладбище Алексеевского монастыря.

Крещение младенца Николая было произведено спустя семь дней, 19 октября, в приходской церкви Троицы, что на Грязях у Покровских ворот. Крестил протоиерей Александр Соколов, а восприемниками новорожденного были его дедушка Порфирий Иванович Оловянишников, купец первой гильдии и потомственный почетный гражданин, и его бабушка по материнской линии, тоже потомственная почетная гражданка Ираида Константиновна Горошкова (урожденная Волгина)⁸²⁶.

Начальное и среднее образование Николаем было получено в Мужском училище при Евангелическо-Лютеранской церкви святых Петра и Павла, расположенной неподалеку от Покровских ворот в Петроверигском переулке. Состояло оно из трех отделений: начальной школы, реального училища с коммерческим отделением и гимназии. К сожалению, мы не знаем, в каком из двух последних учился Н.И. Оловянишников.

В училище преподавали немецкий и французский язык, давали сведения по коммерческой арифметике, бухгалтерии. Обязательны были Закон Божий, танцы и гимнастика. Душа и тело должны были воспитываться в строгости и работе. О склонности купечества давать детям немецкое образование упоминал в своих воспоминаниях П.И. Щукин. Строгость немецкого обучения (о ней косвенно свидетельствует название переулка, поименованного в честь вериг апостола Петра) должна была компенсировать достаточно благополучное положение богатой купеческой семьи, ее достаток.

Затем Николай Иванович поступил в Императорское Высшее инженерно-техническое училище (ныне имени Н.Э. Баумана), где он получил звание инженера-технолога, а затем его высшее образование было продолжено в Германии.

По окончании Училища Николай Иванович был зачислен рядовым в 7 гренадерский Озмогитский полк на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. К 7-му апреля 1900 года им был пройден курс первоначального военного обучения (с присвоением звания ефрейтора), а уже 1 августа он стал младшим унтер-офицером и, наконец, 20 августа того же года выдержал экзамены на низший офицерский чин – прапорщика запаса.

Во время русско-японской войны был призван в 176 Переволоченский пехотный полк, перемещен в 231 Троице-Сергиевский полк, а 13 января 1913 года уволен из запаса с зачислением в ополчение, в котором и состоял во время начавшейся Первой мировой войны.

За исключением перерыва на воинскую службу и учебу, Николай Иванович все время (1901–1918) проработал в фирме «П.И. Оловянишникова сыновья». Сначала в должности кандидата, а потом – директора. По числу паев среди пайщиков Товарищества он занимал устойчивое второе место после главы фирмы Евпраксии Георгиевны (у нее было 42,5%, у него – около 10%), а по заработной плате вдвое опережал ее, получая 24 тысячи рублей в год. Надо отметить, что, получая зарплату в компании, Николай Иванович, оплачивал проживание в доходном доме Товарищества, о чем сохранились соответствующие квитанции. Эти квитанции впоследствии, в период гонений на купеческие семьи, очень пригодились семье. Ими можно было доказать, что он был рядовым квартиросъемщиком и не имел в этом отношении никаких преимуществ перед другими жителями.

В компетенции Николая Ивановича было строительство промышленных зданий, разработка технологии производства. Он занимался в основном колокольным и свинцово-белильным заводами, в то время как Виктор Иванович управлял фабрикой церковной утвари, а Иван Иванович ведал финансами. За время работы Николая Ивановича и под его наблюдением велось строительство каменной краскотерки, больницы, механической мастерской, с 1905 года введено электроосвещение, сооружена водонапорная башня. В 1914 году построены двухэтажное здание для прачечной и бани, каменное трехэтажное здание и многие другие сооружения.

Получив хорошее образование, Николай Иванович продолжал учиться самостоятельно. Он ценил и собирал книги. Библиотека из ярославского дома, занимавшая большое число огромных (с размерами от пола до потолка) шкафов, попала впоследствии на Волкушинский завод и состояла более чем из полуторы тысяч томов. Предметом увлечений Н.И. Оловянишникова были искусство и архитектура. В поездках по Европе он более всего ценил возможность посещать музеи, картинные галереи; собирал гравюры. Став сам собирателем, он склонил к коллекционированию и свою жену Александру – она стала собирать национальные женские головные уборы горожанок – кики.

Еще во время учебы Николай Иванович увлекся историей колоколов, связанной с ними мифологией и фольклором, отражающими значение колоколов в русской культуре, а также особенностями технологии литья из колокольной бронзы. Разыскания Николая Ивановича нашли отражение в двух изданиях его книги «История колоколов и колоколотейное искусство», вышедших в 1906 и в 1912 годах.

Первое издание более компактно, зато оно сопровождается развернутой таблицей распространения колоколов фирмы весом более 100 пудов по России и за ее пределами⁸²⁷.

Второе издание сильно переработано и увеличено в объеме⁸²⁸. Н.И. Оловянишниковым также, по-видимому, составлен список колоколов весом свыше 20 пудов⁸²⁹, и, хотя во второе издание список не вошел, чтобы не увеличивать объема книги, он представляет для нас значительную ценность.

2 февраля 1911 года Николая Ивановича принимают в действительные члены Ярославской губернской архивной комиссии (ЯГУАК)⁸³⁰, где он сменил в работе своего

старшего брата Порфирия Ивановича⁸³¹, умершего в 1909 году и активно работавшего в комиссии еще в XIX веке. Время вступления Николая Ивановича показательно – впереди значительные хлопоты по празднованию 100-летия войны 1812 года и 300-летия Дома Романовых.

6 сентября 1909 года в Троицкой церкви на Грязях, что у Покровских ворот, Николай Иванович обвенчался с дочерью Коммерции советника Александрой Ивановной Пономаревой⁸³². Врачующиеся были уже людьми зрелыми, Николаю Ивановичу через месяц исполнялось 34 года, а Александре – 29 лет. Супруги принадлежали к соседним приходам. Николай Иванович проезжал в экипаже по Армянскому переулку, следуя из дома Евпраксии Георгиевны в магазин на Никольскую, и иногда видел в окне появлявшуюся Александрю Ивановну, бывшую (по многим признаниям) одной из первых красавиц тогдашней Москвы. Поручителями по жениху были братья Виктор и Иван Ивановичи, с которыми у Николая были особо теплые отношения. По невесте согласие дали отец Иван Антонович, и священник церкви Николы, что в Столпах, Петр Иванович Троицкий. В браке было двое детей: Николай – (род. 1910 год) и Ирина (род. 1913 год). Николай Иванович очень любил играть с детьми (это видно по многим сохранившимся фотоснимкам). Он был большим фантазером и однажды предложил детям сделать сад из красок (благо красок в порошке и образцов химического производства в доме было с избытком).

Николай Иванович поддерживал образовательные начинания. Известно, что в ярославской женской гимназии он учредил именную (Шуры Оловянишниковой, своей жены) стипендию, был он и попечителем в объединенном образовательном учреждении – Ярославском городском коммерческом училище имени Ярослава Мудрого и торговой школе. Он был выбран (вместе с Д.Е. Жаковым, И.Ф. Петровым) Ярославским биржевым обществом и утвержден приказом Министра торговли и промышленности 23 сентября 1911г. за № 13520 членом попечительского совета на четырехлетие с 2 мая 1911 г.

Кроме того, Николай Иванович был гласным городской думы, (гласным был также выбран двоюродный брат Н.И. – Пантелеймон Сергеевич Оловянишников), а также участвовал в благотворительном «Обществе вспомоществования нуждающимся учащимся Ярославских городских коммерческих учебных заведений», в котором он занимал должность товарища (заместителя) председателя (председателем был Сергей Иванович Вахрамеев). В это благотворительное общество «Товарищество П.И. Оловянишникова Сыновья» входило в качестве коллективного члена, что подразумевало постоянные отчисления на коммерческое образование в городе Ярославле.

Николай Иванович участвовал в общественной жизни Ярославля. Сохранились два его письма к Михаилу Павловичу Чубинскому, директору Демидовского лицея⁸³³. В письмах речь идет о подготовке празднования юбилея Н.В. Гоголя. Николай Иванович, будучи в Москве, занимался его организацией и подготовкой, вел переговоры об участии в ярославских торжествах с И.М. Москвиным, актером Художественного театра, которого никак не отпускал режиссер Станиславский; шла речь о приглашении актера Л.М. Леонидова. Многие, кого Николай Иванович приглашал в Ярославль, были заняты в московских мероприятиях (литературовед В.В. Каллаш, критик Айхенвальд). По рекомендации Каллаша приглашались П.Н. Сакулин, Н.М. Мендельсон. Согласился выступить оперный певец А.И. Разнатовский, а для чтения прозы – актер Малого театра Лебедев. Этот яркий пример участия Николая Ивановича в организации городского праздника в Ярославле показывает его связи с миром культуры и искусства.

Ссылаясь на воспоминания И.К. Хохлова, в книге по истории Волкушинского завода приводятся сведения о смерти Николая Ивановича при переходе границы. Из семейных преданий известно, что после разгрома Ярославского восстания, когда начались

жестокие репрессии в городе и расстреливали офицеров и состоятельных горожан (а Николай Иванович относился и к тем, и к другим, да к тому же был гласным городской Думы), он сумел вернуться в Москву, откуда был послан дирекцией фирмы в харьковский филиал (Харьков в то время находился в составе независимой Украины, однако о границе можно говорить с известной натяжкой, скорее, это была линия фронта). Впрочем, подробные обстоятельства смерти Николая Ивановича так и не выяснены. Известно только, что это был 1918 год.

1. Прощение Ивана Порфирьевича Оловянишникова о предоставлении ему права на потомственное почетное гражданство⁸³⁴

(РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 3442⁸³⁵, лл.1 и 1 об.):

«27 сентября 1834

Всепросветлейший Державнейший Великий Государь Император *Николай Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемилостивейший*. –

Просит Ярославский первой Гильдии купец и фабрикант Иван Порфирьев сын Оловянишников, а о чем тому следуют Пункты.

1-й

На основании Высочайшего Манифеста, состоявшегося в 10-й день Апреля 1832го года, числа воспользоваться правом почетного гражданина потомственно, получил из Ярославской градской думы Свидетельство, удостоверяющее как о времени Состояния моего и родителя моего в гильдиях, так и о том, никаким судебным приговором семейство мое опорочено не было, каковое свидетельство и копию с него представляя при сем всеподданнейше прошу.

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелело было сие прошение с приложениями Правительствующего [л. 1 об.] Сената в 1-м Департаменте по Герольдии принять и на право почетного гражданина потомственного выдать мне с семейством грамоту;

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ прошу ВАШЕГО Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Сентября, дня 1834го года к поданию надлежит Правительствующему Сенату в 1 и Департамент по Герольдии прошение сочинял и набело переписывал Ярославский мещанин Флегонт Иванов Яхонтов».

В конце абзацев и документов текст рукой Ивана Порфирьевича Оловянишникова: «К сему прошению ярославский первой гильдии купец Иван Порфирьев сын Оловянишников руку приложил. Жительство имею в городе Ярославле в собственном доме».

В конце первого листа запись: «решено герольдией 12 октября 1834-го Д.С.⁸³⁶ Решение Сената 18 октября 1834 года».

2. Свидетельство ярославской градской думы, приложенное к прошению И.П. Оловянишникова

(РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 3442, л. 2, 2об.):

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу Его Императорского Величества дано сие из Ярославской градской Думы ярославскому первой гильдии купцу Ивану Перфирьеву сыну Оловянишникову в том, что данным он прошением просил о выдаче на испрошение по основанию Высочайшего Манифеста, состоявшегося в 10-й день апреля 1832-го в потомственное почетных граждан сословие грамоты должного свидетельства; после чего с учиненных выправок открылось: что означенный проситель с тысяча восемьсот десятого года при жизни отца Перфирья Григорьева Оловянишникова и с тысяча восемьсот двадцать третьего, по имеющейся за ним посессионной фабрике с особо объявленным капиталом по тысяча восемьсот первой год состоял во второй гильдии, а после смерти отца по заплате наследственного капитала однопроцентных [л. 2 об.] денег с тысяча восемьсот тридцать первого года состоит в первой гильдии, по которой и на сей тысяча восемьсот тридцать четвертой год объявил капитал с имеющимся при нем семейством, а именно: Женою Ольгою Ивановою, сыновьями, Арсением, Александром, Перфирьем, Иваном и Арсения женою Ольгою Михайловою детьми Николаем и Геннадием, которое Семейство установленный по Гильдиям повинности оплачивало бездоимочно, и в течении более двадцати лет несостоятельности не подпадало, и судебным приговором опорочено не было; в чем градская дума и свидетельствует сентября двадцать первого дня Тысяча восемьсот тридцать четвертого года.

Гласный Горошков, Гласный Киселев, Гласный Шатин.

У сего свидетельства Ярославской Градской думы Печать Секретарь Фалин (?)».

3. Грамота Николая I «О присвоении Ивану Порфирьевичу Оловянишникову с потомством сословного звания потомственного почетного гражданина»

(РГИА, Департамент герольдии Сената, Ф. 1343, оп. 39, д. 3442, л. 11):

«Божиею милостию МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ и прочая, и прочая, и прочая

Манифестом НАШИМ в 10-й день апреля 1832 года, установлено сословие Почетных Граждан, на правах в оном предначертанных; а как верноподданный НАШ Ярославский первой гильдии купец Иван Оловянишников, представленными актами доказал право на потомственное Почетное Гражданство, то возводя оного Ярославского первой гильдии купца Ивана Оловянишникова с потомством в сословие Почетных Граждан, Всемилостивейше повелеваем пользоваться как ему, так и его потомству всеми правами и преимуществами, Манифестом Нашим сему сословиями дарованными; во свидетельство чего повелели Мы сию Грамоту Правительствующему Сенату подписать и Государственную Нашею печатью укрепить. Дана в Санкт-Петербурге... дня 1834 года».

Система мер в дореволюционной России ⁸³⁷

Меры длины

Верста = 500 сажень или 1067 м

Сажень = 3 аршина или 2,13 м

Аршин = 16 вершков или 3 локтя, или 71,12 см

Локоть⁸³⁸ = 38–46 см, виленский локоть = ок. 14 вершков

Пядь = 4 вершка

Вершок = 4,45 см

Меры площади

Десятина = 2400 квадратных сажень или 1,0925 га

Меры объема

Кадь или бочка (мерная) = 2 половника или 4 четверти, или 8 осьмин, или 40 ведер (казенных), или 492 литра

Ведро (казенное) = 12,3 л

Меры веса

Барковец = 10 пудов

Пуд = 40 фунтов или 16,38 кг

Гривенка = приблиз. Фунт

Фунт = 96 золотников или 32 лота, или 409,51 г

Лот = 3 золотника, или 12,8 г

Золотник = 96 долей или 4,27 г

Доля = 0,044 г

Библиография (дополнительная) **839**

- [1] *Афанасьев В.И.* Документальные материалы XVII в. о литейном производстве в России в «Основном собрании грамот» // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. – Л., 1979.
- [2] *Бабин 1-й.* О русских колоколах // «Горный журнал», 1861, № 11.
- [3] *Благовещенская Л.Д.* Звонница – музыкальный инструмент // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 28–38.
- [4] *Благовещенская Л.Д.* Звуковые спектры московских колоколов // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. – М., 1978.
- [5] *Благовещенская Л.Д.* Колокола в Сибири // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 217–226.
- [6] *Благовещенская Л.Д.* Колокольни с подбором колоколов и колокольный звон в России. Дисс. кан. искусствовед. – Л., 1989.
- [7] *Благовещенская Л.Д.* Некоторые особенности специфики звучания и восприятия колокольного звона // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 29–37.
- [8] *Благовещенская Л.Д.* Церковные колокола в академической инструментальной музыке // Вопросы инструментоведения. Вып. 3. – СПб., 1997. – С. 106–108.
- [9] *Богоявленский С.К.* О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.Ж. Любавского. – Пг., 1917.
- [10] *Богусевич В.А.* Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. – Л., 1937.
- [11] *Богусевич В.А.* Псковские литейщики XVI–XVII в. // «Проблемы истории докапиталистических обществ». – Л., 1934, № 9–10.
- [12] *Болховитинов В.* и др. Рассказы о русском первенстве. – М.: «Молодая гвардия», 1950. С. 138.
- [13] *Бондаренко А.Ф.* Из истории колоколов Покровского собора (храма Василия Блаженного) // Колокола и колокольни. – М.: РГБ, 1994. С. 59.
- [14] *Бондаренко А.Ф.* Колокола династии Моториных конца XVII в. в собрании колоколов Покровского собора // Труды ГИМ. Вып. 100. – М., 1998. – С. 185–192.
- [15] *Бондаренко А.Ф.* Колокола Покровского собора: прошлое и настоящее. – М., 2002.
- [16] *Бондаренко А.Ф.* Колокол как объект научного исследования // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. Труды ГИМ. Вып. 127.
- [17] *Бондаренко А.Ф.* Московские колокола. XVII век. – М.: «Русская панорама», 1998.
- [18] *Бондаренко А.Ф.* Об эпиграфике московских колоколов XVII века // Сборник Русского Исторического общества. Т. 1 (149). – М.: «Русская панорама», 1999. – С. 175–179.
- [19] *Бондаренко А.Ф.* Труд Н.И. Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство» как колокольная энциклопедия начала XX века // Колокола и колокольни. – М., 1994.
- [20] *Брызгалов В.В., Давыдов А.Н.* Колокола на море // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 196–206.
- [21] *Вейнер П.П.* Беседы о бронзе. – Пг., 1923.
- [22] *Вздорнов Г.М.* Строительство колокольни СТСЛ // «Архитектурное наследство», 1962, № 14.
- [23] *Гидулянов П.В.* Церковные колокола на службе магии и царизма. – М., 1929.
- [24] *Гордеев В.А.* Два новгородских колокола XVI в. из собрания музея-заповедника «Коломенское» // Искусство христианского мира. Т. 4. – М., 2001.

- [25] *Гуляницкий Н.Ф.* Колокол в древнерусской архитектуре // «Архитектурное наследие», М., 1988, № 36.
- [26] *Давыдов А.Н.* Колокола и колокольные звоны в народной культуре // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 7–17.
- [27] *Давыдов А.Н.* Колокола на русском Севере // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 149–162.
- [28] *Дикинсон А.* Переборы с вариациями: теория и практика // Узоры симметрии. – М., 1980. – С. 69–78.
- [29] *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории... – Киев, 1899.
- [30] *Донской Г.* О церковном звоне. – Новочеркасск, 1915.
- [31] *Дружинин О.Н., Дубровин Н.М., Логовинюк П.И., Сельгеев В.Н.* Исследование и реставрация «Царь-колокола» // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 259–269.
- [32] *Духин И.* Завод отливают колокола // «Московский журнал», 1991, №8.
- [33] *Духин И.* Дело об ограблении церкви // «Московский журнал», 1991, №7.
- [34] *Духин И.* Когда били колокола // «Московский журнал», 1995, № 10.
- [35] *Есипова М.В.* Колокола Восточной Азии – их функции и семантика // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С: 236–270.
- [36] *Жолтовский П.Н.* Колокола на Украине // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 163–167.
- [37] Замечания об Иване Великом // Отечественные записки. – Ч. 11. – СПб., 1822.
- [38] *Захаров Н.Н.* Кремлевские колокола. – М., 1969.
- [39] Знаменитые колокола России. – М., 1994.
- [40] *Зубова М.В.* Колокола и колокольни западноевропейского средневековья // Колокола и колокольни. – М.: РГБ, 1994.
- [41] *Истомин Г.* Ивановская колокольня в Москве. – М., 1893.
- [42] *Кавельмахер В.В.* Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 75–118.
- [43] *Кавельмахер В.В.* Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 39–78.
- [44] *Кирихина В.А.* Государев колокольный мастер Иван Фальк – создатель колокола Святой Троицы в Никитниках // Филиал Государственного Исторического музея «Церковь Святой Троицы в Никитниках». Иконы и колокол церкви Святой Троицы в Никитниках. – М., 1998. – С. 65–71.
- [45] *Кнаббе В.С.* Литейное дело // Библиотека промышленных знаний. – Т. VI, ч. 6. – СПб., 1900.
- [46] Колокола и колокольни. Сборник. – М.: РГБ, 1994.
- [47] Колокола и колокольни Ростова Великого (Сообщения Ростовского музея). – Вып. VII. – Ярославль, 1996.
- [48] Колокола. История и современность. – М., 1985.
- [49] Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993.
- [50] Колокольные звоны. Практическое руководство для православных звонарей. – М.: ОО «Красный звон», 1997.
- [51] *Кондрашина В.А.* Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 79–87.
- [52] *Кондрашина В.А.* Обучение колокольному ремеслу на московском Пушечном дворе во второй половине XVII в. // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 62–74.
- [53] *Кондрашина В.А., Шошкина Т.Б.* Большой колокол Саввино-Сторожевского монастыря как научно-технический памятник Древней Руси // Памятники науки и

техники. – М., 1981.

[54] *Костина И.Д.* К истории создания «Царь-колокола» Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 119–127.

[55] *Костина И.Д.* Колокола Ивана Великого // «Наука в России», 1994, №1.

[56] *Костина И.Д.* Кремлевские звоны // «Наука и жизнь», 1993, № 12.

[57] *Костина И.Д.* Орнаментация русских колоколов XVI – начала XIX в. из коллекции Гос. Музеев Московского Кремля // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 88–103.

[58] *Костина И.Д.* Царь-колокол // «Наука и жизнь», 1992, № 7.

[59] *Костина И.Д.* Царь-колокол и его создатели // «Вопросы истории», 1982, №5.

[60] *Кузнецов И.В.* Иван Федорович и Михаил Иванович Моторины // Люди русской науки: техника. – М.: «Наука», 1965.

[61] *Куликов В.И., Софронов В.В.* Возрождение звонов колокольни Ивана Великого / / Колокола и колокольни. – М., 1994. – С. 42.

[62] *Лебедянская А.Л.* О пушкарских делах Анисима Радишевского // Известия Академии Артиллерийских наук. – Вып. XVIII. – М., 1951.

[63] *Ливанова Т.* Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. – М., 1938.

[64] *Лоханский В.В.* Русские колокольные звоны // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 18–27.

[65] *Лукьянов Роман, протоиерей.* Колокола Свято-Данилова монастыря в гарвардском университете // «Русское возрождение», 1988, № 42. – С. 54.

[66] *Любомиров П.Г.* Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и XIX вв. – Л. 1937.

[67] *Макарова С.Е.* Трубы, била и колокола как сакральные музыкальные инструменты (К символическому истолкованию «трубного гласа» и «звона») // Музыка колоколов. Сборник исследований и материалов. – СПб., 1999. – С. 11–31.

[68] *Малышев С.А.* Виды русских колокольных звонов // Музыка колоколов. Сборник исследований и материалов. – СПб., 1999. – С. 32–39.

[69] *Мансветов В.И.* Колокола московского Исторического музея и их замечательные надписи, вырезка. – М., 1917.

[70] *Мартышин В.С.* Колокольные звоны России. – М., 1990.

[71] *Мишин В.В.* Колокола России. – М.: ОО «Красный звон», 1995.

[72] Музыка колоколов (Сборник исследований и материалов). Серия «Традиционная инструментальная музыка Европы и Азии» / Сост. А.Б. Никаноров. – Вып. 2. – СПб., 1999.

[73] *Немировский Е.Л.* Андрей Чохов. – М., 1982.

[74] *Никаноров А.Б.* Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря. – СПб., 2000.

[75] *Никаноров А.Б., Старостенков С.А.* Главные благовестники Новоторжского Борисоглебского монастыря // Вопросы инструментоведения. – Вып. 3. – СПб., 1997. – С. 104–105.

[76] *Никаноров А.Б., Старостенков С.А.* История формирования и музыкальные особенности колокольного набора Новгородского Юрьева монастыря // Музыка колоколов. Сборник исследований и материалов. – СПб., 1999. – С. 74–87.

[77] *Никаноров А.Б., Старостенков С.А.* Опыт библиографии по русской campanологии 1785–1940 г. // Рукописные памятники. Из истории музыкальной культуры. – Вып. 5. – СПб., 1999. – С. 179–214.

[78] *Нюнин Б.Н., Ларюков А.С.* Русский церковный колокол // Колокола и колокольни. – М.: РГБ, 1994. С. 28.

- [79] *Оловянишников Н.* История колоколов и колоколотейное дело на заводе товарищества П.И. Оловянишникова С-вья. – Ярославль, 1906.
- [80] *Оловянишников Н.* История колоколов и колоколотейное искусство. Изд. 2-е, дополи. – М.: Издание Т-ва П.И. Оловянишникова С-вей, 1912. 435 с., илл., табл., 297 библиографических указаний; то же. Изд. 3-е (репринт) – М., 1999.
- [81] *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в. – М., 1962.
- [82] *Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности в России в 1-ой половине XVIII в. // Промышленная политика и управление. – М., 1953.
- [83] *Петриченко А.М.* Книга о литье. – Киев, 1972.
- [84] *Плешанова И.И.* Колокола псковских литейщиков XVI – начала XVII вв. // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 104–119.
- [85] *Плешанова И.И.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. – М., 1968.
- [86] *Померанцев Н.Н.* Звоны Ростова Великого // «Турист». – № 9. – 1966.
- [87] *Портнов М.* Царь-пушка и Царь-колокол. – М., 1990.
- [88] Проблемы, возникающие при возобновлении звонов // Колокола и колокольни. – М., 1994. С. 24.
- [89] Протоиерей Аристарх Израилев (1817–1901). Труды, публикации, исследования. – М., 2001.
- [90] *Пухначев Ю.В.* Загадки звучащего металла. – М., 1974.
- [91] *Пухначев Ю.В.* Колокола в социалистическом городе // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 273–279.
- [92] *Пухначев Ю.В.* Литье колоколов на русских колокольных заводах // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 155–195.
- [93] *Пухначев Ю.В.* Поют колокола // «Моя Москва», 1991, № 2.
- [94] *Рубцов Н.Н.* История литейного производства в СССР. Изд. 2. Ч. 1. – М., 1962.
- [95] *Рубцов Н.Н., Богуславский Г.А.* Царь-колокол. – М., 1969.
- [96] Русская Православная Церковь: Монастыри. Энциклопедический справочник / Под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона. Сост. А.В. Никольский. – М., 2000. – 464 с., илл.
- [97] «Русское возрождение». № 72. – Нью-Йорк–Москва–Париж, 1998 (II).
- [98] *Смоленский С.В.* О колокольном звоне в России. – СПб., 1907.
- [99] *Смирнов И.А.* Часовые колокола Белозерья // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 207–216.
- [100] *Смирнова Э.С.* Два памятника псковского художественного литья XVI в. // «Советская археология», 1962, № 2.
- [101] *Спирина Л.М.* О колоколах Троице-Сергиева монастыря // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 120–136.
- [102] *Сытин П.* Пушечный Двор в Москве в XV–XIX вв. // Московский краевед. – Вып. 2 (10). – 1929.
- [103] *Тосин С.Г.* Колокола и звоны России. – Новосибирск, 1998.
- [104] *Тосин С.Г.* Основные аспекты изучения русского колокольного звона как явления музыкального искусства // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 7–16.
- [105] *Тосин С.Г.* О жанровой природе русского колокольного звона // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 17–28.
- [106] *Тосин С.Г.* Размещение колоколов традиционной русской звонницы // Вопросы инструментоведения. – Вып. 3. – СПб., 1997. – С. 99.
- [107] *Тюнина М.Н.* Ростовские колокола и звоны // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 137–148.
- [108] *Фальковский Н.И.* Москва в истории техники. – М., 1950.

- [109] *Цветаева А.И., Сараджев Н.К.* Мастер волшебного звона. – М., 1988.
- [110] *Шатов А.И.* О колоколах для церковного звона // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 278–282.
- [111] *Шашкина Т.Б.* Древнерусские колокола домонгольского времени // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 128–142.
- [112] *Шашкина Т.Б.* Модульный метод колоколотейного ремесла // Колокола. История и современность. – Мм 1985. – С. 216–237.
- [113] *Шашкина Т.Б.* Колокольная бронза // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 238–258.
- [114] *Шашкина Т.Б., Галибин В.А.* Памятники древнерусского литья (результаты химико-аналитических исследований) // «Советская археология», 1986, № 4.
- [115] *Шершнев М.Н.* Искусство колоколотейных мастеров Вятской губернии // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 207–213.
- [116] *Шиллинг М.* Новые пути в искусстве литья колоколов // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 271–277.
- [117] *Шишаков В.* Колокола на индустриализацию // «Антирелигиозник», 1930, № 2.
- [118] Энциклопедия «Москва». – М., 1998.
- [119] *Яковлев В.* Колокола в Среднем Поволжье // Вопросы инструментоведения. – Вып. 3. – СПб., 1997. – С. 100–103.
- [120] *Яковлева Н.П.* Колоколотейное производств в Валдае // Колокола. История и современность. – М., 1985. – С. 183–198.
- [121] *Ярешко А.* Колокольные звоны – инструментальная разновидность русского народного музыкального творчества// Из истории русской и советской музыки. Вып. 3. – М., 1978.
- [122] *Ярешко А.С.* Колокольные звоны России. – М., 1992.
- [123] *Ярешко А.С.* Творчество А.Н. Скрябина и русские колокольные звоны // Колокола. История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 38–61.
- [124] *Williams E.* The Bells of Russia. – Princeton, 1980.

Примечания

- ¹ - Осирис (Озирис) – в древне-египетской мифологии бог умирающей и воскрешающей природы.
- ² - Doorslaer (van) G. Les Carillons et les Carillonneurs à Malines. – Malines, 1896. – La page 3.
- ³ - Колокольчики или небольшие колокола, подвешенные на перекладине и расположенные внутри храма, в средние века чаще назывались “цимбала” (cimbala).
- ⁴ - Прозерпина – в римской мифологии богиня плодородия и подземного царства.
- ⁵ - Кибела (Цибела) – фригийская богиня, почитавшаяся в М.Азии, Греции, во всей Римской империи. В честь нее устраивались мистерии с обрядами, в том числе самоистязания, омовения кровью жертв, самооскопления.
- ⁶ - Додона – древнее святилище в Эпире (Северная Греция), где в 5 в. до н.э. был построен храм.
- ⁷ - Классовский В.И. Помпея и открытые в ней древности. – СПб., 1856. – С.343, примеч. 196.
- ⁸ - Дельфы – общегреч. религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона.
- ⁹ - В тексте опечатка: “Орлавий”; имеется в виду сочинение Флавия “Иудейские древности” (75 г.).
- ¹⁰ - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С.286.
- ¹¹ - Греч. кодон[ес]; у древних евреев эти бубенчики или колокольчики назывались “паамоним”; здесь автор дает греческий перевод этого слова (по Септуагинте).
- ¹² - Саккос – верхнее облачение высшего клира, происходит от одежды византийских императоров (далматика), символизирует одежду Христа, в которую он был облачен для поругания, страданий на кресте и искупления.
- ¹³ - Казанский П.С. О призыве к богослуж[ению] в вост[очной] церкви [//Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869. – М., 1871. – Т.1. С.300–310]
- ¹⁴ - Что имел в виду автор неясно; в Еврейской Библии таких слов нет (по сообщению канд. искусствоведения Е.И. Коляды, которая ссылается на изд. Biblia Hebraica Stuttgartensia. Ed. 4 – 1990).
- ¹⁵ - Современные археологические находки свидетельствуют, что бубенцы появились в Палестине в 9 в. до н.э.
- ¹⁶ - Корсунский Н.Н. Благовест. [– 3 изд.] – Ярославль, 1887. – С.12.
- ¹⁷ - Древнейшие китайские бронзовые колокольчики, найденные при раскопках, принадлежат так называемой культуре Эрлитоу (ок. 2395–1430 гг. до н.э.).
- ¹⁸ - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С.286.
- ¹⁹ - Münsterberg. Chinesische kunstgeschichte. Bd. 1–2. – Esslingen, 1910–1912. – S. 94–95;] Münsterberg. Japanische kunstgeschichte. [– Braunschweig, 1904. –] Bd. 1. S. 85–87; Bd. 1. S. 133–136
- ²⁰ - Имеются в виду народности группы мяо-мяо.
- ²¹ - Шанхая.
- ²² - Kummel, Otto. Das Kunstgewerbe in Japan. – Berlin, 1911. [Bibliotek fur kunst und antiquitaten sammler; Bd. 2).] – S. 62–63.
- ²³ - Предполагается, что дотаку могли быть символами власти.
- ²⁴ - Ниневия – древний город ассирии (9–7 вв. до н.э.)
- ²⁵ - Св. Цецилии.
- ²⁶ - Опечатка: Saufang.

- 27 - Помпеях.
- 28 - Классовский В.И. Помпеи и открытые в ней древности. – СПб., 1856. – С.229.
- 29 - Теофил (Theophilus Presbyten, 10 в.) – монах-бенедиктинец, живший в монастыре близ Эссена. Вероятно, родом из Византии. Автор латинского трактата “Diversarum artium schedula”, где в ч.3, параграфах 35–36 описан процесс литья колокола.
- 30 - Осада Иерихона описана в Ветхом Завете в книге Иисуса Навина (6:3–4)
- 31 - Т.е. ручными тарелками.
- 32 - Корсунский Н.Н. Благовест. [– 3 изд.] – Ярославль, 1887. – С. 5–7.
- 33 - Греч. семандр[он].
- 34 - Suicerus Johan Caspar “Thesaurus ecclesiasticus e patribus graecis ordine alphabetico” (Amsterdam: Heur. Wetstenium, 1682).
- 35 - Греч. ксилон, в церковно-славянском переводе – “древо”.
- 36 - Лео Алляций. Allatius Leo (Leone Allacci). De templis graecorum resentioribus (Coloniae Aggripinae: Apud Iodicum Kalocovium Socios, 1645). Перевод на английский язык – “The Newer Temples of the Greeks” (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1969).
- 37 - То есть в колокол.
- 38 - Определение этого слова в известном словаре 1627 г. Павмы Берынды (“Сказания русского народа”. Сахарова 1849., т.2, стр. 18): “Било – молоток, которым струны натягивают и тыжь билцо албо пиорко, которым на струнах брянкают и дощка оголошенья молитв в обителех и на иные потребы”.
- 39 - Св. Савва Сербский (1169–1237).
- 40 - Казанский П.С. О призыве к богослуж[ению] в вост[очной] церкви [//Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869. – М., 1871. – Т.1.] С.309.
- 41 - [Белокуров С.А. Материалы для русской истории. – М., 1888. – С.1–80] Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 год).
- 42 - Преп. Зосима (ум. в 1478) – основатель и первый игумен Соловецкого монастыря.
- 43 - Архиепископ Антония (ум. 1233).
- 44 - Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград. [--СПб., 1872.]
- 45 - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С.287.
- 46 - Хождение в Иерусалим и Царь-град черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького 1648–1652 / Сообщено арх. Леонидом [// Памятники древней письменности. Вып.35.] – СПб., 1882. – С.25.
- 47 - Преп. Феодосий Печерский (11в.).
- 48 - См.: ПСРЛ. Т.1. Стлб. 80.
- 49 - См.: ПСРЛ. Т.9. Стлб. 104.
- 50 - Хождение в Иерусалим и Царь-град черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького 1648–1652 / Сообщено арх. Леонидом [// Памятники древней письменности. Вып.35.] – СПб., 1882. – С.25.
- 51 - [Серафим (Веснин С.А.)] Письма Святогорца [к друзьям своим о св. горе Афонской. – Ч.1–2.] – СПб., 1850.
- 52 - Казанский П.С. О призыве к богослужению в восточной церкви – С. 318.
- 53 - Кондаков Н.П. Путешествие в Синай в 1881 году. [Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря.] – Одесса, 1881. – С.43.
- 54 - Мелетий, иер. Путешествие во Иерусалим Саровские Общежительные пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. – М., 1789. С. 257.

⁵⁵ - Святогорец – иеросхимонах Серафим, в миру Семен Авдиевич Веснин (1814–1853). На Афоне с 1843 г.

⁵⁶ - [Серафим (Веснин С.А.)] Письма Святогорца к друзьям своим [о св. горе Афонской]. – Ч.2. – СПб., 1850. – С. 78–80, письмо 6.

⁵⁷ - Тока – одно из русских названий била, вероятно, от румынского и молдавского названия “тоакэ”, восходящего, в свою очередь, к арабскому корню (так же как французское “toquer”, обозначающее акт удара в колокол).

⁵⁸ - “Новая скрижаль” – труд архиепископа Нижегородского и Арзамасского Вениамина (Краснопевкова) впервые был издан в 1803 г.

⁵⁹ - Порфирий (Успенский [К.А.], архим. Афон: В 2-х ч. – Ч.1:] Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. [-- Отд. 1–2.] – Киев, 1877. – С. 67–68.

⁶⁰ - Город Пронск с 926 г. – сельское поселение, с 1958 г. – поселок городского типа, районный центр в Рязанской области.

⁶¹ - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С.287.

⁶² - Псково-Печерский монастырь в его прошлом и настоящем // Нива. – 1903. – № 37. – С.739.

⁶³ - Покровский Н.В., проф. Церковно-археологический музей. С.-Петербургской Духовной академии. [1879–1909.] – СПб., 1909. – С. 42.

⁶⁴ - Константин I Великий – римский император, правил в 323–337 гг.

⁶⁵ - Эта труба в Сванетии известна под названием “санкер”, в Мегрелии – “окуэ[лиа]” и “хорото”.

⁶⁶ - Филимонов Г.Д. Сванетия в археологическом отношении // Вестник [общества] древнерусского искусства [при Московском публичном музее.] – 1876. [– № 11–12.] С. 92.

⁶⁷ - Св. Григорий Турский (ум. ок. 560 г.).

⁶⁸ - Лат. – “знак”, “знак церкви”.

⁶⁹ - Беда Достопочтенный (Beda Venerabilis) (672 или 673–735).

⁷⁰ - Navard, Henry. Les Bronzes d’Art et d’Ameublement. – Paris, 1897. (Les Arts de d’ameublement). – 158 s. – La page 108.

⁷¹ - Пассек Т.П. Воспоминания // Русская Старина. – 1876. – Т.16. – С. 106.

⁷² - Пассек Т.П. Воспоминания // Русская Старина. – 1876. – Т.16. – С. 106.

⁷³ - Рыбушкин М. Краткая история города Казани. – Казань, 1850. Ч.1. С.102.

⁷⁴ - Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue sèculier. [– Paris, 1881.] – La page 11–13.

⁷⁵ - Здесь и далее частичное цитирование по: Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue sèculier. – Paris, 1881.

⁷⁶ - Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue sèculier. [– Paris, 1881.] – La page 14–17.

⁷⁷ - Navard, Henry. Les Bronzes d’Art et d’Ameublement. – Paris, 1897. (Les Arts de d’ameublement). – La page 100–101.

⁷⁸ - Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue sèculier. – La page 3.

⁷⁹ - Имеется в виду Византийская империя.

⁸⁰ - 867–886 гг. – годы правления Василия Македонянина.

⁸¹ - В 886 г.

⁸² - По указанию венецианского дьякона Иоанна император отдал колокола во вновь построенную церковь, без указания в какую именно.

⁸³ - Бароний, основываясь на неизвестных нам венецианских летописцах, говорит, что венецианский дож Урсус послал колокола не в 886 г., а в 865 г. и императору Михаилу, а не Василию.

⁸⁴ - Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 (852) до 796 (1598) года]. – М., 1819. – С. 159.

⁸⁵ - История [о разрушении последнем Святаго града Иерусалима от римского цесаря Тита сына Веспасианова] о взятии славн[аго] стол[ичного] града [греческого] Константинополя [(иже и Царь-град) от турского султана Махомета Второго]. – СПб., 1723. – С.206.

⁸⁶ - Navard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – Paris, 1897. (Les Arts de d'ameublement). – La page 100.

⁸⁷ - [Серафим (Веснин С.А.)] Письма Святогорца [к друзьям своим о св. горе Афонской]. – Ч.1. – СПб., 1850. – С. 10–11.

⁸⁸ - Пыляев М. Старое житъе. – СПб., 1892. – С.287.

⁸⁹ - Макарий (Миролюбов Н.К.), арх. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч.1–2. – М., 1860. – С. 30.

⁹⁰ - Подробнее см.: Кавельмахер В.В. Способы звона и древнерусские колокольни / Колокола. История и современность. – М., 1985.

⁹¹ - Вес главного колокола Москвы в указанные годы составлял 2200 пудов.

⁹² - Султанов Н. Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях. – СПб., 1881. – С. 26–27.

⁹³ - Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М.: Изд. К.Солдатенкова, 1873. – Ч. 2. С. 77.

⁹⁴ - См.: ПСРЛ. Новгородская Вторая (архивная летопись). – М., 1965. Стлб. 173.

⁹⁵ - Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. 8. – СПб., 1819.

⁹⁶ - Дивногорский Успенский монастырь // Пам[ятная] кн[ижка] Вор[онежской] губ[ернии] 1863–1864. [– Воронеж, 1864. –] 12 с. [Подпись: А.М.].

⁹⁷ - Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины московского государства. Изд. Чтений общ. ист. и древн. российских. – М., 1887 г. С. 512.

⁹⁸ - Вестник [общества] древнерусского искусства при Московском публичном музее. – 1876. [– № 11–12]. – С.88.

⁹⁹ - Пыляев М. Старое житъе. – СПб., 1892. – С.286.

¹⁰⁰ - См.: Франчук О.В. История формирования тематических групп “колокол – колокольный звон” и “колокольное дело” в русском языке. Дисс. канд. фил. наук. – Челябинск, 1999.

¹⁰¹ - На сегодняшний день сведений о колоколах в летописях под 988 г. не выявлено.

¹⁰² - Что имеет в виду автор под коринфской медью – непонятно.

¹⁰³ - Закревский Н.В. Описание Киева. [– Т. 1–2. – М., 1868.] – С. 289.

¹⁰⁴ - См.: ПСРЛ. Т. 6. – СПб., 1893. Стлб. 296.

¹⁰⁵ - Казанский П.С. О призыве к богослуж[ению] в восточной церкви. С. 309.

¹⁰⁶ - Автор имеет в виду следующее сообщение Ипатьевской летописи: “Князь Даниил [Галицкий] в Холм колоколы принесе из Киева, другие ту солье” (ПСРЛ. Т.2. Стлб. 196). Однако это упоминание вовсе не означает, что русские стали лить колокола впервые в Киеве в середине 13 в.

¹⁰⁷ - Navard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – Paris, 1897. (Les Arts de d'ameublement). – La page 104–105.

- ¹⁰⁸ - Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина, – 1876. – Т. 15. – С. 644.
- ¹⁰⁹ - См.: ПСРЛ. Т.2 – СПб., 1893. Стлб. 196.
- ¹¹⁰ - См.: Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852 до 1598 г. – М., 1819. – С. 72.
- ¹¹¹ - Летописец, содержащий в себе Российскую историю [от 6360 (852) до 796 (1598) года]. – М., 1819. – С. 73.
- ¹¹² - Грамоты, касающиеся до сношения [Северо-Западной России] с Ригой и Ганзейскими городами [в 12, 13, 14 веках. – СПб., 1857]. – Грам. № 1.
- ¹¹³ - См.: ПСРЛ. Т.15 – СПб., 1908. Стлб. 470–471.
- ¹¹⁴ - Колокола были вылиты в Ростове в 1412 г. См.: ПСРЛ. Т.6 – СПб., 1908. Стлб. 140.
- ¹¹⁵ - См.: “Русская правда”, текст по Троицкому списку // Сборник “Киевская Русь / Сборник “Киевская Русь” / Под ред. В.Н.Сторожева – М., 1910.
- ¹¹⁶ - См.: ПСРЛ. Т.7. – СПб., 1908. Стлб. 210.
- ¹¹⁷ - Ссылка неверна. См.: ПСРЛ. Т.30. – М., 1965. Стлб. 108.
- ¹¹⁸ - Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. – М., 1905. – Ч. 1. С. 85.
- ¹¹⁹ - Аристов Н. Промышленность древней Руси. – СПб., 1866. С. 117–118.
- ¹²⁰ - Имя мастера – Николай Немчин.
- ¹²¹ - Колокол был отлит в 1533 г.
- ¹²² - В известных документах имя мастера Игнатия под 1542 г. не встречается.
- ¹²³ - Мастера Богдана, как известного пушечного литца 16 в., называет Е.Л.Немировский. См.: Немировский Е.Л. Андрей Чохов. – М., 1982. С. 69
- ¹²⁴ - Андрей Чохов (род. около 1545 г., ум. в 1629 г.).
- ¹²⁵ - В известных документах имя мастера Кузьмина первого под 1581 г. не встречается.
- ¹²⁶ - Семен Дубинин – соратник А.Чохова, работал на московском Пушечном дворе в 1590-е годы.
- ¹²⁷ - Название указано неверно. Царь-пушка была мортирой, стреляющей каменными ядрами весом 52 пуда.
- ¹²⁸ - Царь-пушка.
- ¹²⁹ - Литейные мастера были в Москве и до приезда Фиораванти, приглашенного для реорганизации и расширения литейного производства, а также для знакомства с передовыми европейскими технологиями. Пушечно-литейный завод был построен Фиораванти в 1479 г., он находился “У трех мостов из Фроловских (ныне Спасских) ворот в Китай-город” и сгорел в 1489 г. Позже был построен новый завод на реке Неглинке (ныне Пушечная ул.), где под названием Пушечного двора просуществовал несколько столетий.
- ¹³⁰ - См.: Забелин И.Е. История города Москвы. Ч.1. – М., 1905. – С. 123.
- ¹³¹ - Арсений архиепископ Елассонский (1549–1626), приезжал в Москву в 1586 и 1588 гг. в составе патриаршего посольства и остался в России. См.: Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории... – Киев, 1899.
- ¹³² - Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 10. С. 293.
- ¹³³ - Имя мастера – Павлин (Павел) Дебосис.
- ¹³⁴ - Мастер Яков прибыл в Россию в 1480-е годы, а Петр в 1494 г.
- ¹³⁵ - Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. – М.; изд. автора, 1905. – Ч. 1. С. 153.

- 136 - См.: Бондаренко А.Ф. Московские колокола. 17 в. – М., 1998.
- 137 - Медную руду на Каме отыскала в 1633 г. экспедиция во главе со стольником Василием Ивановичем Стрешневым, который в том же году основал Пыскорский медеплавильный завод, Надей же Андреевич Светешников был управляющим этим заводом с 1635 г. Подробнее см.: Бондаренко А.Ф. Указ. соч.
- 138 - [Кованьк И. Краткая историческая записка о происхождении и умножении горных заводов в России и о нынешнем их состоянии //] Горный журнал. – СПб. 1826. – Кн. 2. [- С.9].
- 139 - Проня Федоров работал на московском Пушечном дворе в конце 16– начале 17 вв.
- 140 - Об Игнатии Максимове см.: Энциклопедия “Москва”. – М., 1998. С. 455.
- 141 - Мастера с именем Андрей Данилов в источниках не обнаружено. В это время (1621–1651 гг.) на московском Пушечном дворе работал мастер Данила Матвеев.
- 142 - Об Андрее Якимове см.: Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2. – М., 1961. Список русских литейщиков, № 33.
- 143 - Кондратий Михайлов работал на московском Пушечном дворе в конце 16 – начале 17 в.
- 144 - О Богдане Васильеве см.: Рубцов Н.Н. Указ. соч. Список 77, № 17.
- 145 - О Григории Наумове см.: Рубцов Н.Н. Там же. № 74.
- 146 - О Гансе Фальке см.: Энциклопедия “Москва”. С. 850–851.
- 147 - О ком конкретно идет речь – непонятно.
- 148 - Пушечный мастер Евсей Данилов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине 17 в.
- 149 - Мастер с именем Тимофей Воин в источниках не обнаружен.
- 150 - Мастер с именем Федор Аникин в источниках не обнаружен.
- 151 - О Емельяне Данилове см.: Рубцов Н.Н. Указ. соч. Список., № 27.
- 152 - Об Андрее Нейгарте источники не выявлены.
- 153 - Об Александре Григорьеве см.: Энциклопедия “Москва”. С. 238.
- 154 - О Харитоне Ивановне См.: Рубцов Н.Н. Указ. соч. Список., № 44.
- 155 - Пушечный мастер Мартьян Осипов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине 17 в.
- 156 - Пушечный мастер Яков Дубинин работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине 17 в.
- 157 - Возможно речь идет об Аникии Никифорове. См.: Рубцов Н.Н. Указ. соч. Список., № 77.
- 158 - Известен колокольный мастер Григорий Екимов. См.: Рубцов Н.Н. Указ. соч. Список., № 34.
- 159 - Мастер Яким Гаврилов работал на московском Пушечном дворе в середине – 2-й половине 17 в.
- 160 - Пушечный мастер Пантелей Яковлев работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине 17 в.
- 161 - Пушечный мастер Осип Иванов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине 17 в.
- 162 - О Василии и Якове Леонтьеве См.: Рубцов Н.Н. Указ. соч. Список., № 60, 62.
- 163 - О Федоре Моторине см.: Энциклопедия “Москва”. С. 525–526.
- 164 - Пушечный мастер Евсевий Данилов работал на московском Пушечном дворе во 2-й половине 17 в.

- 165 - Вес колокола около 1200 пудов.
- 166 - Правильно: 250 пудов.
- 167 - Снегирев Ив. Памятники Московской старины. – М., 1842–45. С. 70.
- 168 - Горное дело в России начало развиваться еще при царе Михаиле Федоровиче в 1-й половине 17 в. В 1633 г. на Урале был основан первый медеплавильный завод – Пыскорский. Подробнее см.: Бондаренко А.Ф. Указ. соч. С. 36–41.
- 169 - В 1700 г. приказ Рудокопных дел выделился из приказа Большой казны. Это было закреплено специальным указом Петра I от 24 августа 1700 г.
- 170 - Опечатка, правильно: 1719 г.
- 171 - Попов, Нил. В.Н.Татищев и его время. – М., 1861. – С. 34.
- 172 - Утверждение автора ошибочно. На самом деле в первые годы царствования Петра I литейное искусство было весьма успешным.
- 173 - Яков Дубинин и Иван Моторин успешно работали еще во второй половине 17 в.
- 174 - Завод Ф.Д.Моторина был основан в 1686 г.
- 175 - Астров, Ник. Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. – 1875. – Кн. 2. – С. 468–470; Кн. 3. – С.90–105.
- 176 - В Троице-Сергиевой лавре на рубеже 17–18 вв. по замыслу Петра I был отлит колокол весом 3555 пудов, который просуществовал недолго, однако в сохранившихся документах имя мастера не указано. По какому источнику автор называет имя Ивана Моторина – неизвестно.
- 177 - К.Слизов перелил повредившийся в пожаре 1701 г. Большой Успенский колокол в 1761 г.
- 178 - См.: ПСРЛ. Новгородская Вторая (архивная летопись). – М., 1965. Стлб. 148.
- 179 - Правильно: 1532 г.
- 180 - Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2 изд. – Т. 7. – СПб., 1819. Прим. 383.
- 181 - Там же.
- 182 - Николай Фрязин и Николай Немчин – одно и то же лицо. См.: Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы 16 – первой половины 17 в. // Колокола. История и современность. – М., 1993.
- 183 - Барсов Е.В. Из истории колонизации и культуры Ростовского края. – М., 1902. – С.7.
- 184 - Барсов Е.В. Северные народные сказания [о древнерусских князьях и царях] // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т 72, № 9. – Царица Мария Нагих. – С. 410–411.
- 185 - См.: ПСРЛ. Т.6. – СПб., 1908. Стлб. 194.
- 186 - Цифры сильно преувеличены.
- 187 - Петрей де Ерлезунда, Петр. История о великом княжестве Московском / Пер. А.Н.Шемякина. – М., 1876. – С. 5–6.
- 188 - См.: Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории... – Киев, 1899.
- 189 - Речь идет о колоколе, отлитом А. Чоховым в 1600 г. Его вес был 2450 пуд.
- 190 - Петрей де Ерлезунда, Петр. История о великом княжестве... С. 3.
- 191 - Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 10. Прим. 454.
- 192 - Петрей де Ерлезунда, Петр. Указ. соч. – С. 5.
- 193 - Сказания современников о Димитрии Самозванце: В 5 ч. – Ч. 5; Записки Маскевича. – СПб., 1834. – С. 70–71, под годом 1611.
- 194 - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С.292.

- ¹⁹⁵ - Берберини Рафаэль – представитель знатной итальянской фамилии, был в Москве в 1565 г.
- ¹⁹⁶ - См.: Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. – М., 1892. С. 138–139.
- ¹⁹⁷ - Стефан Какаш – посол от австрийского императора Рудольфа II к царю Борису Годунову.
- ¹⁹⁸ - См.: Таннер Б. Указ. соч. С. 143.
- ¹⁹⁹ - См.: Известие о русском и московском путешествии датского герцога Иоганса Младшего 1602 г. // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. С. 11–12.
- ²⁰⁰ - Здесь принц Иоанн описывает звонницу при Покровском соборе (храме Василия Блаженного).
- ²⁰¹ - Де-Ламантиньер П.М. [Путешествие в] северные страны [в которых описаны нравы, образ жизни и суеверия... / Пер. и примеч. В.Н.Семенкович]. – М., 1911. – С. 137.
- ²⁰² - Описание де-Ламантиньера относится к колокольне Иван Великий, а не к церкви Василия Блаженного.
- ²⁰³ - Качановский В. Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 15, №1.-С. 17.
- ²⁰⁴ - Приведенные сведения носят преувеличенный характер и более отражают воображение автора, чем реальность.
- ²⁰⁵ - Это сообщение относится к традиции, бытовавшей в Западной Европе.
- ²⁰⁶ - Летопись о многих мятежах [и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей... – 2-е изд.] – М., 1788. – С. 353.
- ²⁰⁷ - Марков А.В. Беломорские былины, записанные А. Марковым. – М., 1901. – С. 195.
- ²⁰⁸ - Масса Исаак (1587–1635), итальянец, голландский купец и торговый резидент в Москве. Был в России дважды, в 1601–1609 и 1612–1634 годах. Оставил “Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ее, до 1610 года”.
- ²⁰⁹ - Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге, 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894. – С. 48–49.
- ²¹⁰ - Выписка о кончине государя царя Ивана Алексеевича // Собрание Государственных грамот и договоров[, хранящихся в коллегии иностранных дел. Ч. 1–2. – М. 1813–1819]. – С. 652
- ²¹¹ - Черты из жизни Екатерины II, [собр. М.Е. Лобановым] // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 1. С. 66–67.
- ²¹² - [Скворцов П. Московская церковная старина. Уничтоженные в московском Китай-городе церкви //] Московские Церковные ведомости. –1895. – № 42. – С.400. – [Материалы из Архива Московской Свят. Синодальной конторы 1737, № 166].
- ²¹³ - Источник не выявлен.
- ²¹⁴ - Источник не выявлен.
- ²¹⁵ - [Полное собрание русских летописей. – Т. 1:Лаврентьевская и] Троицкая летописи [/ Изд. Археографич. комис. – СПб., 1856]. – Год 1393.
- ²¹⁶ - См.: ПСРЛ. – СПб., 1908. Т.4. Стлб. 97; Т.6 Стлб. 99.
- ²¹⁷ - См.: ПСРЛ. Новгородская Вторая (архивная) летопись. – М., 1965. Стлб. 168.
- ²¹⁸ - Там же. Стлб. 174.
- ²¹⁹ - Б(артенев) П. Рецензия о первом издании книги Н.Оловянишникова «История колоколов... [Ярославль, 1906/7]» // Русский архив. – 1907. – Кн. 3, № 10. – С. 2–3

облож.

- 220 - В настоящее время этот Устав не обнаружен.
- 221 - Захарченко М.М. Киев теперь и прежде. – 1888. – С. 127.
- 222 - Мельхиседек (Сокольников), архимандрит. Краткое историческое описание Рыхловской пустыни. – М., 1844. – С. 54.
- 223 - Рождественский В.А. Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря. – М., 1866. – С. 106
- 224 - Колокола 1, 2, 3, 4 существовали лишь в больших собраниях, как правило, в монастырских. Затем шла группа средних колоколов – подзвонных и два или три малых – зазвонных.
- 225 - Перезвон и перебор к благовесту не относятся.
- 226 - Акты исторические. – СПб., 1842. – Т.5. – № 213.
- 227 - [О преподавании народу перед литургиею Катехизиса в Московском Успенском, Архангельском и Благовещенском соборах: Указ Синода от 18 декабря 1750 г. / Сообщение П.Иванова //] Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1861. – Кн.3. Смесь. – С. 3–4.
- 228 - Никольский К. Пособие к изучению Устава Богослужения православной церкви. 5-е изд. – СПб., 1894. – [Колокола]. – С. 31–44.
- 229 - Крылов, Иван. Историческое описание всех коронаций великих князей и царей Российских. Ч. 2. – М., 1856
- 230 - Здесь и далее до слов “...быть колокольному звону и иллюминации” цитируется по Крылов И.З. Историческое описание всех коронаций императоров и императриц Всероссийских. – М., 1856.
- 231 - Верховский Т.А., прот. Стародубье. – Казань, 1874. – Ч. 1–3. С.7.
- 232 - Верховский Т.А., прот. Стародубье. – Казань, 1874. – Ч. 1–3. С.77–78.
- 233 - Ясак (тюрк.) – первоначально: налог, позже: сигнал, знак тревоги; небольшой колоколец или било, которым подают условный сигнал (например, когда благовестить или прекратить звон).
- 234 - [ПСРЛ / Изд. Археографич. комис. Т. 3.] Новгород[одская] втор[ая] лет[опись]. – СПб., 1841. – С. 193.]
- 235 - Датировка от СМ непонятна.
- 236 - Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях [Ч. 1–2. – М., 1866].
- 237 - Святой Григорий Великий (Двоеслов) – папа Римский (6 в.).
- 238 - Корсунский Н. Благовест. – Ярославль, 1887. – С. 40.
- 239 - См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – СПб., 1819. Т.4, прим. 182.
- 240 - Navard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – [Paris, 1897]. – La page 102.
- 241 - Navard, Henry. Op.cit.
- 242 - Donnet, Fernand. Les cloches d Anvers. Les fondeurs Anversois. – Anvers, 1899.
- 243 - Источник не выявлен.
- 244 - Полное собрание русских летописей. Т.3:1-я, 2-я и 3-я Новгородские летописи / Издан. Археографич. комис. – СПб., 1846. – Год 1409.
- 245 - Полное собрание русских летописей. Т.1: Лаврентьевская и Троицкая летописи / Издан. Археографич. комис. – СПб., 1846. – С. 90.
- 246 - Правильно: Корсунские.
- 247 - Источник не выявлен.

²⁴⁸ - Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. – М., С | 1843. – С. 21–42.

²⁴⁹ - Об этом колоколе см.: Гордеев В.А. Два Новгородских колокола 16 в. из собрания музея-заповедника “Коломенское” // Искусство христианского мира. Т.4. – М., 2001.

²⁵⁰ - Цареконстантиновский (с 1844 г. упраздненный) монастырь находился в 25 верстах от города Владимира на Клязьме.

²⁵¹ - [Леонид (Кавелин Л.А.), архим. Таинственный колокольный звон в «Царе-Константинове монастыре» //] Русский архив. – 1878. – Кн. 2. №7. – С. 278–279.

²⁵² - [Пассек В.В.] Историческое описание московского Симонова монастыря. – М., 1843. – С. 130.

²⁵³ - [Филимонов ГД.] Сванетия в археологическом [отношении] // Вестник [общества] древнерусского искусства [при Московском публичном музее]. – 1874–1876. [- № 11–12. – С. 80–94.]

²⁵⁴ - Изящный шрифт, созданный знаменитыми голландскими типографами-издателями Эльзевирами (конец 16–18 вв.). Этот шрифт, несколько модернизированный, используется и в настоящее время.

²⁵⁵ - Археологические известия и заметки / Изд. Императорского] Моск[овского] Археол[огического] общества]. – М., 1896. № 5–6. – С. 150–151.

²⁵⁶ - Снегирев И.М. Русская старина [в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд, доп. – Год 1–2]. – М., 1855. – С. 69–70.

²⁵⁷ - Там же. С. 75.

²⁵⁸ - Пыляев М.И. Старая Москва. – СПб., 1891. – С.449.

²⁵⁹ - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С.277.

²⁶⁰ - Князь П.И. Львов.

²⁶¹ - Подробнее см.: Кондрашина В.А., Шашкина Т.Б. Большой колокол саввино-Сторожевского монастыря как научно-технический памятник Древней Руси // Памятники науки и техники. – М., 1981.

²⁶² - 1777 г.

²⁶³ - Смирнов С. Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. – М. 1846. – С. 45–47.

²⁶⁴ - Перевод надписи: “Меня отлили в Камписе (город в Голландии) Килиан вегеварт. Год 1636...”.

²⁶⁵ - Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 126.

²⁶⁶ - Ваучский А., свящ. Иоанна Предтеченская церковь[, что на Опоках] в г. Новгороде. [- Новгород, 1900. (Прилож. к «Памятной книжке Новгородской губернии на 1901 г.»)]. – С. 34.

²⁶⁷ - Очепный способ звона – звон посредством раскачивания колокола, существовал на Руси до сер. 17 в., после чего постепенно был заменен на язычный способ. У католиков язычного способа не существует.

²⁶⁸ - [Материалы, собранные для ХПИ съезда отдельными предварительными комитетами: От Полтавской духовной консистории //] Труды ХПИ Археологического съезда в Харькове. – М., 1905. – Т. П. – С. 539.

²⁶⁹ - Там же. С. 536.

²⁷⁰ - Скорее всего, здесь имеет место неправильное прочтение фамилии мастера. Видимо, следует читать: “Моторин”.

- 271 - [Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп.] Церковно-историческое описание города Старая Руса. – Новгород, 1866. – С. 47–48.
- 272 - Там же. С. 77.
- 273 - Т.е. города Рязьска.
- 274 - [Город Рязск и его соборный Благовещенский храм //] Рязанские епархиальные ведомости. – 1876. – № 3, 1 окт., прибавл. – С. 63–69.
- 275 - Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 140.
- 276 - Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч. 1–2. – М., 1860. – С. 215, 223, 242, 266, 316, 320, 347, 348, 380, 478, 483.
- 277 - См.: Архив СРБ. ИИРАН, ф. 175, оп. 3, кн. 27, с. 429–431.
- 278 - Исправлено, в оригинале было: Иван 6 (?).
- 279 - Петрей де Ерлезунда, Петр. История о великом княжестве Московском / Пер. А.Н.Шемякина. – М., 1867. С. 47. 95
- 280 - Свирелин А.И. Описание Переяславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время. – М., 1879 (на обл.: 1878). – С. 18.
- 281 - Парфений, иер. Сказание о начале и о настоящем положении Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря. – М., 1863. – С. 50–51.
- 282 - Доброхотов В.И. Памятники древности во Владимире Клязменском. [Соборы: Кафедральный Успенский и бывший придворный в. к. Всеволода Дмитриевский.] – М., 1849. – С. 103–104.
- 283 - Имеются в виду не зазвонные колокола, а все, кроме благовестных; собственно зазвонных из них лишь два.
- 284 - Полтрети пуда это 2,5 пуда.
- 285 - Ошибка в подсчете. Следует читать: три благовестных. И далее: четыре подзвонных и два зазвонных.
- 286 - Историческое описание первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губернском] гор[оде] Владимире. – М., 1900. – С.92–94.
- 287 - Малов Е.А., протоиерей. Историческое описание церквей города Казани. – Вып. 2. – Казань, 1894. – С. 141–142.
- 288 - Там же. С. 119.
- 289 - Малов Е.А., протоиерей. Историческое описание церквей города Казани. – Вып. 2. – Казань, 1894. – С. 119.
- 290 - Там же С. 129.
- 291 - Малов Е.А., протоиерей. Историческое описание церквей города Казани. – Вып. 2. – Казань, 1894. – С. 129
- 292 - Смирнов С.К. Покровский Хотьков девичий монастырь. – 4-е изд. – М., 1875. – С. 32.
- 293 - Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Киржача. – М. 1884. – С. 16–17.
- 294 - Там же. С. 22.
- 295 - Досифей (Немчинов), архим. Геогр[афическое], истор[ическое и статистическое] описание Соловецкого монастыря. – Ч. 1–3. – 1836. – С. 73.
- 296 - Там же. С. 96
- 297 - Там же. С. 224 (о вкладах).
- 298 - Дата 7160 г. от СМ – 1597 г. от Р.Х.

- ²⁹⁹ - Досифей (Немчинов), архим. Георг[афическое], истор[ическое и статистическое] описание Соловецкого монастыря. – Ч. 1–3. – 1836. – С. 239, 240 и 241.
- ³⁰⁰ - Досифей (Немчинов), архим. Георг[афическое], истор[ическое и статистическое] описание Соловецкого монастыря. – Ч. 1–3. – 1836. – С. 330.
- ³⁰¹ - Там же. С. 400.
- ³⁰² - Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. – 2-е изд. – Казань, 1850. – С. 90.
- ³⁰³ - Островский П., протоиерей. Историко-статистическое описание Костромского Ипатьевского монастыря. – Кострома, 1870. – С. 11–12.
- ³⁰⁴ - См.: Титов А.А. Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909.
- ³⁰⁵ - Левицкий, Иаков, свящ. Город Путивль // Труды 12 Археологического съезда в Харькове: в 3-х т. – М., 1905. – Т. 3. – С. 164.
- ³⁰⁶ - Иоасаф (Гапонов В.С.), иеромонах. Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. – Чугуев, 1857. – С. 59, 101, 127. 107
- ³⁰⁷ - Савваитов П.И. Строгоновские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. Записка. – СПб., 1886 (Памятники древней письменности и искусства; Вып. 61). – С. 79–80.
- ³⁰⁸ - Аркадий, иером. Описание Нижегородского Благовещенского третьеклассного мужского монастыря. – Нижний Новгород, 1884. – С. 11.
- ³⁰⁹ - Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 16.
- ³¹⁰ - [Казанский П.С.] Историческое описание Троицкого Козловского монастыря. – М., 1849. – С. 17.
- ³¹¹ - Соловьев И.П. Ярославский Спасопробойнский обыденный храм. – Ярославль, 1869. – С. 69–70.
- ³¹² - Крылов, Аполлинарий. Церковно-археологическое описание города Ярославля. – Ярославль, 1860. – С. 91.
- ³¹³ - [Авель (Ванюков).] Описание Сатисо-Градо-Саровской пустыни. – 3-е изд. – Муром, 1889. – С. 65.
- ³¹⁴ - Годовиков И.Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии. – Ч. 1–2. – Псков, 1880. – С. 52.
- ³¹⁵ - [Леонид (Кавелин Л.А.), архим.] Историческое описание Мещевского Георгиевского мужского общежительного монастыря. – М., 1870. – С. 128.
- ³¹⁶ - [Леонид (Кавелин Л.А.), архим.] Историческое описание коренной Рождество-Богородицкой пустыни. – СПб., 1876. – С. 122.
- ³¹⁷ - [Леонид (Кавелин Л.А.), архим.] Историческое описание коренной Рождество-Богородицкой пустыни. – СПб., 1876. – С. 53–54.
- ³¹⁸ - Успенский Вл.П. Историческое описание Ниловой Столбенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда. – 2-е изд. – Тверь, 1876. – С. 82–83.
- ³¹⁹ - Савваитов П.И. Описание Семигородной Успенской пустыни [и упраздненного Катромского Николаевского монастыря]. – СПб., 1856. – С. 32.
- ³²⁰ - Гундобин П.И. Описание Крестовоздвиженской церкви в Шуе. – Владимир, 1860. – С. 9.
- ³²¹ - Надхин Г. Церковные памятники Запорожья // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т.2, №7. – С. 216.
- ³²² - Там же. С. 231.
- ³²³ - Правильно: в 1595 г.
- ³²⁴ - Правильно: в 1591 г.

- 325 - Сулоцкий А.И. Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске [и пространное Тобольского Софийского собора]. – М., 1852. – С. 71–73.
- 326 - [Филарет (Гумилевский Д.Г.)] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Отд. 5. – М., 1858. – С. 122.
- 327 - Там же. С. 134–135.
- 328 - Там же. С. 18.
- 329 - Там же. С. 285.
- 330 - Титов А.А. Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909. – С. 9.
- 331 - Там же. С. 17.
- 332 - Титов А.А. Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909. – С. 325.
- 333 - Там же. С. 43.
- 334 - Там же. С. 54.
- 335 - Казанский П.С. Село Новоспасское, Деденево тож [и родословная Головиных владельцев онога]. – М., 1847. – С. 11.
- 336 - Леонид (Кавелин Л.А.) Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни [и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. – Ч. 1–2]. – СПб. 1847. – С. 54.
- 337 - Леонид (Кавелин Л.А.) Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни [и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. – Ч. 1–2]. – СПб. 1847. – С. 127.
- 338 - [Филарет (Гумилевский Д.Г.)] Историко-статистические сведения о Харьковской епархии. – Отд. 5. – М., 1858. – С. 28.
- 339 - Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 9, ч. неофиц.
- 340 - Там же. – № 13. – С. 137.
- 341 - Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 13. – С. 184.
- 342 - Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 13. – С. 230.
- 343 - Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. – 2-е изд. – СПб., – 1882. – С. 63.
- 344 - Успенский собор в городе Звенигороде // Истор[ические] материалы о церквах и селах, ч. II, с. 6.
- 345 - Леонид (Кавелин Л.А.), арх. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. – М., 1876. – С. 202–205.
- 346 - Амвросий (Лотоцкий Аф.). Церковно-истор[ическое] и стат[истическое] описание Варшавской Православной епархии. – Почаев, 1863. – С. 292.
- 347 - Скорее всего, вес в фунтах указан неверно, так как 1 пуд= 40 фунтам.
- 348 - Амвросий (Лотоцкий Аф.). Церковно-истор[ическое] и стат[истическое] описание Варшавской Православной епархии. – Почаев, 1863. – С. 251.
- 349 - Что имеется в виду под понятием “примернозвучный” колокол – непонятно.
- 350 - Борисов В.А. Описание города Шуи [и его окрестностей]. – М., 1851. – С. 113.
- 351 - Там же. С. 132.
- 352 - Там же. С. 157–158.
- 353 - Борисов В.А. Описание города Шуи [и его окрестностей]. – М., 1851. – С. 200.
- 354 - Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – Ч. 1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 125.
- 355 - [Древний колокол в селе Шестакове //] Северная пчела. – 1846. 12 июня, № 130. – С. 518.

- ³⁵⁶ - Суворов Н.И. Описание Спасо-Каменного, что на Кубенском озере, монастыря, ныне Спасо-Преображенская Белавинская пустыня. – Вологда, 1871. – С. 17–18.
- ³⁵⁷ - Николай (Далматов), архимандрит. Супрасльский Благовещенский монастырь: Исторический очерк. – СПб., 1892. – С. 479–480.
- ³⁵⁸ - Тизик К.А., свящ. История Ревельского Преображенского собора: Историко-статистическое описание]. – Ревель, 1896. – С. 99–100.
- ³⁵⁹ - [Леонид (Кавелин Л.А.), арх. Историко-статистическое] описание Белевской Жабынской пустыни. – Тула, 1865. – С. 89.
- ³⁶⁰ - Там же. С. 95.
- ³⁶¹ - [Леонид (Кавелин Л.А.), арх.] Истор[ическое] описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – СПб., 1863. – С. 47.
- ³⁶² - [Леонид (Кавелин Л.А.), арх.] Истор[ическое] описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – СПб., 1863. – С. 77.
- ³⁶³ - [Леонид (Кавелин Л.А.), арх.] Истор[ическое] описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – СПб., 1863. – С. 114.
- ³⁶⁴ - О колоколах Псково-Печерского монастыря см.: Никаноров А.Б. Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря. – СПб., 2000.
- ³⁶⁵ - Имеется в виду очепный способ звона – звон, издаваемый посредством раскачивания колокола.
- ³⁶⁶ - [Аполлос (Беляев И.Г.)] Псково-Печерский монастырь. – 2-е изд. – Новгород, 1864. – С. 121–122.
- ³⁶⁷ - Иерофей (Добрицкий И.М.), архим. Брянский Свенский Успенский монастырь [Орловской епархии]. – М., 1866. – С. 52.
- ³⁶⁸ - Иерофей (Добрицкий И.М.), архим. Брянский Свенский Успенский монастырь [Орловской епархии]. – М., 1866. – С. 123.
- ³⁶⁹ - Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – ч.1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 5.
- ³⁷⁰ - Там же. С. 22.
- ³⁷¹ - Там же. С. 96.
- ³⁷² - Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – ч.1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 116.
- ³⁷³ - Алексеев И.А. Скопинский Свято-Духов монастырь: Исторический очерк]. – Скопин, 1877. – С. 14.
- ³⁷⁴ - Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – ч.1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 130.
- ³⁷⁵ - Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. – ч.1: Монастыри. – Владимир, 1906. – С. 207.
- ³⁷⁶ - Там же. С. 297.
- ³⁷⁷ - Там же. С. 346–347.
- ³⁷⁸ - Израилев А.А, протоиерей. Ростовский [Ярославской губернии] Рождественский [третьеклассный] женский монастырь. – СПб., 1899. – С. 16.
- ³⁷⁹ - Титов А.А. Троицкий Желтоводский монастырь у Старого Макария. – М., 1887, – С. 20–21.
- ³⁸⁰ - Смирнов Ф.К. Виленский Св. Духов монастырь. – Вильна, 1888. – С. 233–234.
- ³⁸¹ - Там же. С. 350.
- ³⁸² - Там же. С. 373.

- ³⁸³ - Свињин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. – Ч. 3. – СПб., 1818. – С. 24.
- ³⁸⁴ - Новоселов С.К. Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в С.-Петербурге. – СПб., 1857. – С. 146–147.
- ³⁸⁵ - [Богданович Е.В.] Исаакиевский собор. 1853–1883. – СПб., 1883. – С. 18.
- ³⁸⁶ - Серафимов В.И., Фомин М.И.] Описание Исаакиевского собора в С-Петербурге[, составленное по официальным документам]. – СПб., 1865. – С. 38–39.
- ³⁸⁷ - Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 190–192.
- ³⁸⁸ - Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 97.
- ³⁸⁹ - Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб., 1871. – С. 121.
- ³⁹⁰ - Там же. С. 125–126.
- ³⁹¹ - Там же. С. 162.
- ³⁹² - Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб. 1871. – С. 192.
- ³⁹³ - Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб. 1871. – С. 147–148.
- ³⁹⁴ - Там же. С. 48.
- ³⁹⁵ - См. о перевозке этого колокола, стр. 50.
- ³⁹⁶ - Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб. 1871. – С. 300–301.
- ³⁹⁷ - Ibid. С. 266–267.
- ³⁹⁸ - Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 2. – СПб. 1871. – С. 283–284.
- ³⁹⁹ - Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга [и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. – Ч. 1.] – СПб., 1839. – С. 147.
- ⁴⁰⁰ - Там же. С. 287–288.
- ⁴⁰¹ - Пыляев М.И. Старый Петербург. – 2-е изд. – СПб. 1889. – С. 95.
- ⁴⁰² - Пыляев М.И. Старый Петербург. – 2-е изд. – СПб. 1889. – С. 241.
- ⁴⁰³ - Пыляев М.И. Старый Петербург. – 2-е изд. – СПб. 1889. – С. 268.
- ⁴⁰⁴ - Там же. С. 268.
- ⁴⁰⁵ - Там же. С. 82.
- ⁴⁰⁶ - Свињин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. – Ч. 4. – СПб., 1821. – С. 190.
- ⁴⁰⁷ - Георгиевский Н.И. Историко-стат[истическое] описание С[анкт]-Петербургской Скорбященской церкви, что за Литейным двором. – СПб., 1866. – С. 30.
- ⁴⁰⁸ - Свињин П.П. Указ. соч. – Ч.2.--- СПб. 1817. – С. 16.
- ⁴⁰⁹ - Георгиевский Н.И. Указ. соч. – Ч.2 – СПб., 1817. – С. 16.
- ⁴¹⁰ - Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф.Аммон. – Ч.1–2. – М., 1902. – С. 18.
- ⁴¹¹ - Там же. С. 12.
- ⁴¹² - Благовещенский А.А. Остров Эзель и его древности // Сборник археологического института [/ Под редакцией Н.В.Калачова]. – СПб., 1881. – Кн. 5, 1-я половина. – С. 197–198.
- ⁴¹³ - См. ниже о периодическом осмотре колоколов.

- 414 - [Пассек В.В.] Историческое описание Московского Симонова монастыря. – М., 1843. – С. 54–55.
- 415 - Третьяков А.А. Московский Симонов монастырь. – М., 1890. – С. 8.
- 416 - Сн[егирев] И.М. Новоспасский монастырь. – М., 1843. – С. 78.
- 417 - Там же. С. 81.
- 418 - Сергий (Спаский И.А.) Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на Старом Государевом дворе. – М., 1866. – С. 64.
- 419 - Об этом колоколе см.: Бондаренко А.Ф. Колокола династии Моториных конца 17 в. в собрании Покровского собора // Труды ГИМ. Вып. 100. – М., 1998. С. 185–192.
- 420 - Антушев Н.П. Летопись Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки в Москве. – М., 1897. – С. 161–162.
- 421 - Церковь эта находилась близ Большого театра и разобрана после 1812 г.
- 422 - Об этом колоколе см.: Бондаренко А.Ф. Колокола династии Моториных конца 17 в. в собрании Покровского собора.
- 423 - Эта церковь находилась также на Остоженке, разобрана в 1816 году, и на ее месте дом Алексеевского девичьего монастыря.
- 424 - [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – Ч. 2. – М., 1792. – С. 7.
- 425 - Колокол этот, будучи разбитым, находился в соборе до 1865 г., когда вместе с другим, также разбитым, был перелит в один.
- 426 - [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – Ч. 2. – М., 1792. – С. 45.
- 427 - Там же. – Ч.4. – М., 1793. – С.7.
- 428 - Следует читать “Псковитинов”.
- 429 - [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – Ч. 2. – М., 1792. – С. 264–265.
- 430 - Имя мастера – Кирилл Самойлов.
- 431 - [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопримечательностям московским. – Ч. 2. – М., 1792. – С. 207–208.
- 432 - Правильно: 1650 г.
- 433 - Перевод: “Меня делали в Давентрии. Любовь все побеждает. 1673 года, Генрих Тор Горст”.
- 434 - Правильно: 1687 г.
- 435 - Правильно: 1695 г.
- 436 - Снегирев И.М. Русская старина [в памятниках церковного и гражданского зодчества] / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд., доп. – Год 1. – М., 1852. – С. 34–35.
- 437 - Мостовский М.С. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. – М., 1883. – С. 159–161.
- 438 - Мостовский М.С. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. – М., 1883. – С. 161–162.
- 439 - Мартынов А. Московские колокола // Русский Архив. № 1–3. – 1896.
- 440 - Григорий (Воинов-Березовский И.И.), арх. Высокопетровский монастырь. – М., 1873. – С. 23.
- 441 - Там же. С. 43.
- 442 - Григорий (Воинов-Березовский И.И.), арх. Высокопетровский монастырь. – М., 1873. – С. 74.

- ⁴⁴³ - [Сергий (Спаский И.А.)] Историческое описание московского Спасо-Андронникова монастыря. – М., 1865. – С. 77.
- ⁴⁴⁴ - Там же. С. 81–83.
- ⁴⁴⁵ - [Богоявленский В.В. Надписи на двух колоколах в церкви Елгомского прихода //] Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – № 75[26 сентября, ч. неофиц. – С. 875].
- ⁴⁴⁶ - Имя мастера Henrick Tor Horst, название города Davenport.
- ⁴⁴⁷ - Нам видится правильным следующее прочтение надписи: “Soli Deo Gloria Assver Koster me fecit Amstelodami”.
- ⁴⁴⁸ - Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 126.
- ⁴⁴⁹ - [Вести из экспедиции И.П.Толмачева //] Известия Русского географического общества. – 1905. – Т. 41, вып. 3. – [Колокол с голландской надписью в Туруханске (Сибирь).] – С. 611.
- ⁴⁵⁰ - Нам видится правильным следующее прочтение надписи: “Soli Deo Gloria Anno 1647”.
- ⁴⁵¹ - [Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп.] Церковно-историческое описание города Старая Руса. – Новгород, 1866. – С. 29.
- ⁴⁵² - Тюменев И.Ф. На среднем Плесе // Исторический вестник. – 1904. – Т. 95. Кн. 1. № 1. – С. 209–257; № 2. – С. 679–720.
- ⁴⁵³ - Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. – Ч. 1–2. – М., 1860. – С. 478.
- ⁴⁵⁴ - Иванчин-Писарев Н.Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. – М., 1843. – С. 25–26.
- ⁴⁵⁵ - Представление о том, что для лучшего звучания колокола в сплав добавлялось серебро – ошибочно. На самом деле, серебро, даже в очень малом количестве, значительно ухудшает звук колокола.
- ⁴⁵⁶ - Иванчин-Писарев Р.Д. Указ. соч. С. 232.
- ⁴⁵⁷ - Расшифровка содержит неточности, имеет место неправильное прочтение текста. Надпись, приведенную выше следует читать: 1-я строка – “Лета 7071 года апреля в 28 день при благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всея Росии”, 2-я строка – “и при архиепископе Новаграда и Пскова владыки Пимини по благословлению игумена Мисаила”, 3-я строка – “сей колокол перелит и наново, а старый колокол был весом семь пудов /..”, 4-я строка – “Николы чудотворца Селифонтова монастыря вкладчиком Илия Тимофеев сын Масленик”. Далее, согласно приведенному тексту нам видится так: “Славковой улицы с своими детьми с Петром да с Ерофеем, а новой меди прибавили четыре пуда с осьминою”.
- ⁴⁵⁸ - “Славкова окличин” следует читать как Славкова улица.
- ⁴⁵⁹ - Правильно: в 1566 г.
- ⁴⁶⁰ - Конкордин А., свящ. Описание Новгородского кафедрального Софийского собора. – Новгород, 1901.
- ⁴⁶¹ - Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 111.
- ⁴⁶² - Плечко А.М. Москва. – М., 1883. – С. 51.
- ⁴⁶³ - [Надпись на колоколе //] Журнал «Колокол». – 1891. – № 25/26. – С. 420.
- ⁴⁶⁴ - Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 1–2. – Нижний Новгород, 1857–1859. – С. 64.
- ⁴⁶⁵ - Правильно: в 1735 г.

⁴⁶⁶ - Из разбитого Годуновского колокола в 1654 г. был вылит Царь-колокол Е.Даниловым, в 1655 г. из разбитого “даниловского” колокола был вылит Царь-колокол А.Григорьевым, а уже из разбитого в 1701 г. “григорьевского” колокола в 1735 г. был вылит последний Царь-колокол Иваном и Михаилом Моториными.

⁴⁶⁷ - А.Олеарий был в Москве не только в 1636 г., но также в 1634, 1639 и 1640-е годы.

⁴⁶⁸ - Олеарий, Адам. Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1639 годах. – Москва, 1870. – С. 109, 228, 345.

⁴⁶⁹ - Речь идет о Емельяне Данилове.

⁴⁷⁰ - Речь идет об Александре Григорьеве.

⁴⁷¹ - Вероятно, на Ивановской площади.

⁴⁷² - Так как автор часто называет дворцом весь Кремль, то под именем «Дворцовой площадки» надо, скорее, разуместь Ивановскую площадь.

⁴⁷³ - Т.е. воротов.

⁴⁷⁴ - Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине 17 в.–Вып.1–4. – М., 1896–1898.

⁴⁷⁵ - Патриарх Макарий выехал в Новгород 4-го августа, а вернулся в Москву 20-го сентября.

⁴⁷⁶ - Павел Алеппский ошибочно принял олово за серебро.

⁴⁷⁷ - В подлиннике ба', мера равная 5 ф. 9д.

⁴⁷⁸ - Последующие путешественники, барон Мейерберг в 1661 г. Стрюйс в 1669 и другие, говоря об этом колоколе, дают почти те же размеры, что и Павел Алеппский, но вес указывают несколько меньший, а именно, около 10000 пудов.

⁴⁷⁹ - Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине 17 в. – Вып. 1–4. – М., 1896–1898.

⁴⁸⁰ - Мейерберг Августин фон (Августинус де Майерн) (1612–1688) – австрийский дипломат. Был в России по главе австрийского посольства в 1661–1662 годах.

⁴⁸¹ - Правильно: 1655 г.

⁴⁸² - См.: Мейерберг А. Путешествие по России.../ Ред. и пер. О.Бодянского. – М., 1874.

⁴⁸³ - Стрюйс Йенс Йенсон (Ян Янсен Стрейс) – голландский путешественник. Свои впечатления о России описал в “Путешествии по России голландца Стрюйса в 1668 году”.

⁴⁸⁴ - Кильбургер Иоганн Филипп – был в Москве в 1674 г. в составе шведского посольства.

⁴⁸⁵ - Таннер Бернгард Леопольд Франциск – чешский путешественник, был в Москве вместе с польским посольством Черторыйского и Сапеги с 1678 по 1682 гг.

⁴⁸⁶ - См.: Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Ред. и пер. Ивакина И. – М., 1891. С. 164.

⁴⁸⁷ - См.: ПСРЛ. Т. 13. Стлб. 161; Т. 20. Стлб. 418.

⁴⁸⁸ - Рейтенфельс Якоб, уроженец Курляндии, в 1670–1673 годах жил в Москве.

⁴⁸⁹ - См.: Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Ред. и пер. М. Станкевича. – М., 1906.

⁴⁹⁰ - Конрад ван Кленк – чрезвычайный посол Генеральных Штатов Соединенных Нидерландов в Москву в 1675–1676 гг.

⁴⁹¹ - См.: Ловягин А.М. Посольство Конрада ван Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. – СПб., 1900.

- 492 - Корб Иоганн Георг – секретарь австрийского посольства Игнатия Гваиента в Россию. Был в Москве в 1698–1699 гг.
- 493 - Корб И.Г. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента / Перев. с латин. Б.Женева и М.Семевского. – М., 1868 – С. 258.
- 494 - Там же. – С. 191.
- 495 - Горсей, Джером. Записки о Московии 16 века. – СПб., 1909. – С. 62.
- 496 - Таннер, Бернгард. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678. – М., 1891. – С 57–60.
- 497 - Янтаря.
- 498 - Павел Алеппский «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине 17 века». – М., 1896. – С. 53, 54, 62, 74, 108, 109.
- 499 - Емельян Данилов умер в 1654 г. во время чумы.
- 500 - В било.
- 501 - Этот колокол, весом в 200 пудов, называется Балык и доселе висит на лаврской колокольне.
- 502 - Кинтар – 15 пуд. 25 фунт.
- 503 - Что имеет в виду автор под эмесским составом – непонятно.
- 504 - Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине 17 века. – М., 1896. С. 53, 62; вып. 2. С. 54, 74, 109.
- 505 - Описывается язычный идол о московских колоколах.
- 506 - Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине 17 века. – Т. 3. – М., 1896. – С. 115–116.
- 507 - В этой цитате речь идет о московских колоколах.
- 508 - Корнелий де Бруин (Корнилий Лебрен) – голландский путешественник и живописец. Посетил Россию дважды: в 1701–1703 и в 1707–1708 гг.
- 509 - Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Перев. П.П. Барсова. – М., 1873. – С. 80, 81, 84.
- 510 - Путаница: название колокольни просто автоматически перенесено на колокол.
- 511 - Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф. Аммон. – Ч. 2. – М., 1902. – С. 36.
- 512 - Там же. С. 140.
- 513 - В 1709 г. никакого колокола для Троицкой лавры не отливалось. Самый большой лаврский колокол, отлитый на рубеже 17–18 вв. весил 3555 пудов, вторым по величине был колокол Ф.Моторина (1275 пудов), третьим – Годуновский колокол А. Чохова (1080 пудов).
- 514 - Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф. Аммон. – Ч. 2. – М., 1902. – С. 180.
- 515 - [Снегирев И.М., Мартынов А.А. Московский Царь-колокол //] Русские достопамятности. – 1880. – Т. 3. – С. 2.
- 516 - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 301.
- 517 - Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. – М. 1893. – С. 136.
- 518 - Правильно: 1836 г.
- 519 - Правильно: 1836 г.
- 520 - Правильно: 25 марта.
- 521 - Дата ошибочна, так как Павел I стал императором в 1796 г.
- 522 - В тексте на колоколе допущена ошибка – Царь-колокол отлит не в 1733, а в 1735 г.

- 523 - Monferrand Auguste Ricard. Description de la grande cloche de Moscou. – Paris, 1840. – С. 5–11.
- 524 - [Спасский Г. О колоколах достопримечательных по своей величине //] Горный журнал. – 1833. – Ч. 1, кн. 1, разд. 6. – С. 123–134.
- 525 - Правильно: 7209 г.
- 526 - Правильно: 1701 г.
- 527 - Правильно: 1731 г.
- 528 - Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. – М., 1893. – С. 137–138.
- 529 - О деятельности о. А.А.Израилева см. ниже.
- 530 - См.: Предисловие Стасова В.В. к книге: Израилев А.А. Ростовские колокола и звоны. – СПб., 1884. С. 6.
- 531 - Сведений о проекте Н.В.Подчиненова в литературе не найдено.
- 532 - Пекинский колокол “Та-Чжун” весит около 40 тонн, т.е. более чем на 1500 пудов меньше указанного веса.
- 533 - Следует читать не “над” а “в”.
- 534 - Источник не выявлен.
- 535 - Правильно: 1819 г.
- 536 - Исправлено, в оригинале: Екатерине.
- 537 - Правильно: 1761 г.
- 538 - О каком колоколе идет речь – непонятно.
- 539 - Правильно: около 2500 пудов.
- 540 - Правильно: 1668 г.
- 541 - Рычин Ф.И. Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890. – С. 144–145.
- 542 - Мекензи Уоллес, известный корреспондент газеты «Times», прожил в России более 6 лет, изучая ее язык, нравы, обычаи и историю. Им написана большая книга «Россия», переведенная на все европейские языки.
- 543 - Отрывок из книги Мекензи помещен в «Древней и Новой России», 1879 г., октябрь. Том 15. С. 110.
- 544 - В 1505–1508 г. храм Иоанна Лествичника, построенный в 1329 г., за ветхостью был разобран, и вместо него итальянским мастером Боном Фрязином был возведен двухъярусный столп с церковью Иоанна Лествичника в первом ярусе.
- 545 - Колокольня был надстроена и заавершена позолоченным куполом по велению Бориса Годунова в 1600 г., что было увековечено надписью золотыми буквами по черному фону у основания колокольни.
- 546 - Правильно: Никоновской.
- 547 - Эти каменные палаты без сомнения составляли каменные палаты Бориса Годунова, стоявшие до начала прошлого столетия против келейного здания Чудова монастыря.
- 548 - Вельтман А.Ф. Достопамятности Московского Кремля. – М., 1843. – С. 76–77.
- 549 - Полная надпись: “Изволением Святыя Троицы, повелением великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержца и сына его благоверного великого государя царевича и великого князя Федора Борисовича всея Руси храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108 году”.
- 550 - Петрок Малой – обрусевший итальянский зодчий.
- 551 - Забелин Иван Егорович (1820–1908) – историк, археограф, публикатор памятников письменности, археолог, коллекционер, организатор музейного дела.

- ⁵⁵² - Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. Ч. 1. – М. изд. автора, 1905. – С. 155–156.
- ⁵⁵³ - Это неправильное указание И.М. Снегирева в «Памятниках Московской древности» повторяют и последующие описатели достопамятностей Москвы: Розанов Н. История Московского епархиального управления. – Ч. 3, кн. 2. – М., 1871. – С. 98, примеч. 263; Рычин Ф.И. Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890. – С. 139–142; Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. – М., 1893. – С. 132.
- ⁵⁵⁴ - К Ивану Великому, возведенному в 1508 г. и надстроенному в 1600 г., в 1532–1543 г. была пристроена церковь Воскресения Христова, а в 1620-е году к ней примкнула сооруженная по распоряжению патриарха Филарета пристройка, получившая название Филаретовской.
- ⁵⁵⁵ - См. ниже.
- ⁵⁵⁶ - Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. – М., 1862. – С. 278–279.
- ⁵⁵⁷ - Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. Ч. 1. – М. изд. автора, 1905. – С. 178.
- ⁵⁵⁸ - Рычин Ф.И. Путеводитель по Московской святыне. 5-е изд. – М., 1890.
- ⁵⁵⁹ - См.: Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Ред. и пер. М.Станкевича. – М., 1906.
- ⁵⁶⁰ - См.: Эрколе Зани. Реляция о путешествии в Московию / Ред. и пер. И.И.Вакина. – СПб., 1901.
- ⁵⁶¹ - Кильбургер Иоганн Филипп. См. выше.
- ⁵⁶² - Источник не выявлен.
- ⁵⁶³ - Имеется в виду Большой Успенский колокол, отлитый К.Слизовым в 1761 г.
- ⁵⁶⁴ - Колокол при падении был поврежден.
- ⁵⁶⁵ - Правильно: 1819 г.
- ⁵⁶⁶ - Колокол был отлит на заводе М.Г.Богданова под руководством мастера Якова Завьялова.
- ⁵⁶⁷ - Вес колокола около 4000 пудов.
- ⁵⁶⁸ - О Царь-колоколе см.: Рубцов Н.Н., Богуславский Г.А. Царь-колокол. – М., 1969; Костина И.Д. К истории создания «Царь-колокола» // Колокола. История и современность. – М., 1993.
- ⁵⁶⁹ - Otte, Heinrich, D.Dr. Clockenkunde. – Leipzig, 1884. – С. 153.
- ⁵⁷⁰ - Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т. 4, ч. 1–2. – СПб., 1863. – С. 70, прим. 9.
- ⁵⁷¹ - Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 2. – Нижний Новгород, 1859. – С. 104
- ⁵⁷² - [Серебреников В. Об угличских колоколах, взятых Петром Великим для пушек //] Ярославские губернские ведомости. – 1856. – № 21, ч. неофиц. – С. 196–197.
- ⁵⁷³ - Лавров Н.Ф. О взятии Петром I с города Углича меди четвертой части – веса колоколов в 1701 г. // Ярославские епархиальные ведомости. – 1873. – № 13, 28 марта, ч. неофиц. – С. 107–108.
- ⁵⁷⁴ - Здесь и далее цитата по: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т.4, ч. 1–2. – СПб., 1863.
- ⁵⁷⁵ - Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: В 5 т. – Т. 4, ч. 1–2. – СПб., 1863. – С. 70.
- ⁵⁷⁶ - Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. 1709 / Пер. Ю.Н. Щербачева // «Русский Архив», 1892, кн. 1, № 3. С. 284.

- 577 - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 316.
- 578 - См. Галицко-Волынскую летопись в “Памятниках литературы Древней Рус. 13 век”. – М., 1981. С. 347.
- 579 - [Макарий (Миролюбов Н.К.), архиеп.] Церковно-историческое описание города Старая Руса. – Новгород, 1866. – С. 11.
- 580 - Blavignac J.D. La Cloche. Études sur son histoire et sur ses rapports avec la société aux différents ages. – Paris, 1877.
- 581 - Имя мастера Харитон Иванов.
- 582 - Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. – 2-е изд. – Казань, 1850. – Ч. ПП. – С. 7–8.
- 583 - Колокола в Ростове разбились в 1305 г. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 228.
- 584 - См.: ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 285.
- 585 - Скворцов П. Московская церковная старина. Уничтожение в московском Китай-городе церквей // Московские церковные ведомости. — 1895. – № 42. – С. 400.
- 586 - Снегирев И.М. Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве // Русские достопамятности / Изд. А.Мартынова. – Т. 4. – М., 1883. – С. 21.
- 587 - Правильно: 1761 г.
- 588 - См. примеч. 566.
- 589 - Прогулка по Кремлю // Отечественные Записки. – 1822. – Ч. 9, № 25, май. – С. 241.
- 590 - Прогулка по Кремлю // Отечественные Записки. – 1822. – Ч. 9, № 25, май. – С. 247, примечание 1.
- 591 - Вес колокола составляет 420 пудов.
- 592 - Надпись приведена с неточностями. Кроме того, на колоколе не одна, а две надписи. 1-я: “ЛЕТА ЧЕТЫРЕДЕСЯТОГО ПОВЕЛЕНИЕМ БЛАГОВЕРНАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСУДАРЯ ВСЕЯ РУСИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ПРИ ЕГО СЫНЕ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ СОЛЪЯН БЫСТЬ СЕЙ КОЛОКОЛ ВО ПРЕИМЕНИТОМ И СЛАВНОМ ГРАДЕ МОСКВЕ”, 2-я: “NIKŁWAS OBRAKER 1532. A ДЕЛАЛ НИКОЛАЙ. Подробнее о колоколе см.: Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы 16 – первой половины 17 в. // Колокола. История и современность. – М76 1993. С. 88.
- 593 - Пыляев М. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 292.
- 594 - Вельтман А.Ф. Достопамятности Московского Кремля. – М., 1843. – С. 78.
- 595 - [О колокольной фамилии: Указ Святейшего патриарха Иоакима 1689 /] Древняя Российская вивлиофика. – 1789. – Ч. 11. – С. 254.
- 596 - На самом деле колокольного Ивана Великий является лишь одной из трех составных частей комплекса Кремлевских звонниц: столб Иван Великий, звонница палатного типа с церковью Воскресения Христова (в 1554–1555 гг. переосвященный в Рождество Христово с приделом Воскресения Христова) и Филаретова колокольная (См.: Кавельмахер В.В. Указ. соч.)
- 597 - Называемый Н.И. Оловянишниковым “Годунов столб” (он же “Иван Великий” или храм Ивана Спесителя Лествицы) был построен итальянским мастером Боном Фрязиным в 1508 г. при Борисе Годунове в 1600 г. он был лишь настроен до своей настоящей высоты.
- 598 - См.: Кавельмахер В.В. Указ. соч.
- 599 - Замечания о Иване Великом // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 11, № 27, июль. – С. 126–131. Подпись: «Старожил московский».
- 600 - Следует читать “в 17 в.”.

⁶⁰¹ - Здесь и далее изложение и частичное цитирование из книги: Толстой М.В. Древние святыни Ростова Великого. – М., 1860.

⁶⁰² - Правильно: 1688 г.

⁶⁰³ - Правильно: 1682 г.

⁶⁰⁴ - Толстой М.В. Древние святыни Ростова Великого. – М., 1860. – С. 43.

⁶⁰⁵ - Отсюда и до с. 231 – глобальная цитата всей брошюры: Израилев А.А. Ростовские колокола и звоны. – СПб., 1884.

⁶⁰⁶ - Под простыми колебаниями подразумевается полужахание звучащего тела, его прямое или обратное движения. В России и во Франции в 19 в. было принято одно колебание рассматривать как пару простых (см.: Гельмгольц Г. Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки. – СПб., 1875. С. 25). Чтобы представить звуковые частоты, которые дает А.А.Израилев в современном виде, их необходимо делить на два.

⁶⁰⁷ - А.А.Израилев производил измерения при температуре 15 градусов Цельсия (1 градус Реомюра равен 5/4 градуса Цельсия).

⁶⁰⁸ - Имеется в виду эталон камертона ля первой октавы, соответствовавший в то время 87–ти простым колебаниям в секунду, то есть 435 Гц (см.: Установление Гос. совета, отд. 1. № 58555, Высочайше утвержденное 23 мая 1878 г. “О камертоне ля с частотой 870 простых колебаний при +10 градусах 100 градусного термометра...” // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1880. Т. 53. С. 363–364).

⁶⁰⁹ - Лебедь здесь разумеется гласный (Cugnus musicus), потому что эта птица при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего, производит громкий звук, подавший повод к сказке о «лебединой песне».

⁶¹⁰ - 1682 г.

⁶¹¹ - 1688 г.

⁶¹² - 1690 г.

⁶¹³ - Колокол “Козел” был перелит на заводе П.И.Оловянишникова в другой колокол с таким же названием, весом 18 п. 22 ф.

⁶¹⁴ - На месте ясака можно повесить другой подобный ему колокол, находящийся на колокольне кремлевской церкви Иоанна Богослова.

⁶¹⁵ - Израилев А.А. Ростовские колокола и звоны // Чтения в Обществе любит. древней письменности. Вып. 51. – СПб., 1884. – С. 1–24.

⁶¹⁶ - Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. – 2-е изд. – Казань, 1850. – С. 135.

⁶¹⁷ - Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue séculier. – Paris, 1881. – La page 3.

⁶¹⁸ - Кабанес О. и Насс Л. Революционный невроз / Перевод Д.Ф. Коморского. – СПб., 1906. – С. 174.

⁶¹⁹ - Jadart, Henri. Le bourdon de Notre-Dame de Reims. – Reims, 1884 (Travaux de l'Academie de Reims; T. 73). – La page 21–27.

⁶²⁰ - Отлитый в 1791 г. и переплавленный в 1874 г. колокол Barby, кантон Rethel (ardennes) имел следующую надпись: «Я свобода, я возвещаю закон и религию» (“Je suis la liberte, j'annonce la joy et la religion”).

⁶²¹ - Jadart, Henri. Le bourdon de Notre-Dame de Reims. – Reims, 1884 (Travaux de l'Academie de Reims; T. 73). – La page 72–77.

⁶²² - Colas, Alphonse. Les Cloches au point de vue séculier. – Paris, 1881. – La page 4.

⁶²³ - Donnet, Fernand. Les cloches d Anvers. Les fondeurs Anversois. – Anvers, 1899. – La page 108–142.

- 624 - Здесь и далее до с. 259 материал из книги: Donnet, Fernand. Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversois. – Anvers, 1899.
- 625 - Donnet, Fernand. Les cloches d'Anvers. Les fondeurs Anversois. – Anvers, 1899. – La page 108–142.
- 626 - Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 11.
- 627 - О колоколах и колокольном звоне в Брюгге см. С. 271–278.
- 628 - Otte Heinrich. Glockenkunde. – Leipzig, 1884.
- 629 - Шиллер Ф. Полное собрание сочинений: В 3-х т. – 7-е изд. – СПб., 1893. – Т. 1. – С. 122.
- 630 - [Посещение главного Бурятского храма на Гусиных озерах //] Северная пчела. – 1846. – № 25. – С. 100.
- 631 - [Снегирев И.М., Мартынов А.А. Московский Царь-колокол //] Русские достопамятности. – 1880. – Т. 3. – С. 15.
- 632 - Барсов Е.В. Из истории колонизации и культуры Ростовского края. – М. 1902. – С. 8.
- 633 - Филимонов Г.Д. Сванетия в археологическом отношении // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1874–1876. – № 1–5; 1875. – № 6–9; 1876. – № 11–12. – С. 80–94.
- 634 - Пыляев М.И. Старое жительство. – СПб. 1892. – С. 316–317.
- 635 - Havard, Henry. Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. – Paris, 1897. (Les Arts de d'ameublement). – La page 108–109.
- 636 - Пазухин А. Серебряный колокол. – М., 1907. – С. 4–7.
- 637 - Данилов, Кирша. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – 3-е изд. по 2-му полному изд. – М., 1878. – С. 178. «Былина о царе Сауле, Леванидовиче».
- 638 - Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1897. – Т. 5. – С. 299.
- 639 - Статейный список посольства Никифора Михайловича Тологанова в Грузию 1718 (1650) года // Древняя Российская вивлиофика. – 2-е изд. – 1788. – Ч. 5. – С. 193.
- 640 - Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. С. 12.
- 641 - См.: Цилиндрические колокола / / “Нива”, 1984, №4. С. 93.
- 642 - Данилов, Кирша. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – 3-е изд. по 2-му полному изд. – М., 1878. – С. 267.
- 643 - См.: Роденбах Ж. Звонарь: Роман / Пер. с фр. А. Мирэ. – М., [1909].
- 644 - Гюйсман, Жорис Карл. Полное собрание сочинений: В 3-х т. – Т.1: Бездна. – М.: «Современные проблемы», 1912. – С. 46–47.
- 645 - См.: Гюйсман, Жорис Карл. Полное собрание сочинений: В 3-х т. – Т.1: Бездна. – М.: «Современные проблемы», 1912, С. 46–47.
- 646 - Otte, Heinrich Glockenkunde. – Leipzig, 1884. – S. 60.
- 647 - Н.Р О колоколах и о колокольном искусстве // Московские ведомости. – 1850. – № 49. – С. 568–569; № 50. С. 578–580; № 51. – С. 586–588.
- 648 - Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1996. – С. 47–48.
- 649 - Со слов “Будучи идеалистом...” автор пытается обобщить (не цитируя) материалы книги С.Г.Рыбакова о творчестве звонаря Смагина и его роли в искусстве русского колокольного звона. При этом имеет место некорректное высказывание о стройности колокольного звона, на которое якобы обратил внимание Смагин, используя оттенки. Следует различать в первом случае акустический строй колоколов, к которому

- Смагин, в отличие от А.А.Израилева, был равнодушен, и громкостную динамику. Последняя действительно была важной особенностью исполнительского стиля звонаря.
- ⁶⁵⁰ - Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 69.
- ⁶⁵¹ - Правильно: деревня Шаляпинская.
- ⁶⁵² - Правильно: Дмитрий Иванцов.
- ⁶⁵³ - См.: Самоучка-механик, изобретатель механического церковного звона Аристарх Израилев (1817–1901). Труды, публикации, исследования. – М., 2–1. 828 с.
- ⁶⁵⁴ - О протоиерее Аристархе Александровиче Израилеве см.: Протоиерей Аристарх Израилев (1817–1901). Труды, публикации, исследования. – М., 2001. 828С.
- ⁶⁵⁵ - Правильно: Аничкова дворца.
- ⁶⁵⁶ - См. выше, описание ростовского звона.
- ⁶⁵⁷ - Финляндский.
- ⁶⁵⁸ - См.: Израилев А.А. Музыкально-акустические работы // “Известия императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии”. Т.41, вып. 2. – М., 1884. С. 67–72.
- ⁶⁵⁹ - Следовало сказать: на резонансовых ящиках.
- ⁶⁶⁰ - [К.И. Гармонический звон церковных колоколов (Из путевых впечатлений): О настройке А.А. Израилевым 14 колоколов в усадьбе В.П. Мордвинова // Литовские епархиальные ведомости. – 1893. – № 34. – С. 285–286.
- ⁶⁶¹ - Музыкально настроенные протоиереем Израилевым колокола в настоящее время имеются: 1) в С.-Петербурге: а) на колокольне собственного Его величества Аничкова дворца, б) на колокольне Казанского собора и в) при временной часовне, построенной на месте горестного события 1-го марта 1881 года; 2) в Москве при церкви, сооруженной гг. Первушиными в ставропигиальной Донском монастыре; 3) в Варшаве при домово́й церкви первой женской гимназии; 4) в Нижнем Новгороде в Дворянском институте императора Александра II; 5) в Киеве во дворце великой княгини Александры Петровны; 6) в Белеве во Вдовьем доме при церкви, устроенной в память в Бозе поичвающей госуадрны императрицы Елисаветы Алексеевны; 7) в Крыму в имении покойного великого князя Константина Николаевича Орианде, и 8) в Палестине при храме во имя св. равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. (См.: Протоиерей Аристарх Александрович Израилев. (Ко дню 50-летия служения в священном сане): 1841 – 18 июля 1891. 2-е изд. — СПб.: тип. С.Добродеева, 1892. – С. 20, 21.)
- ⁶⁶² - Самый большой благовестный весит 24 пуда 24 фунта.
- ⁶⁶³ - Протоиерей Израилев уроженец села Петровского на р. Ухре, Романов-Борисоглебского уезда.
- ⁶⁶⁴ - См.: Сооружение и освящение в 1892 и 1893 г. четырнадцати колоколов, музыкально настроенных протоиереем Аристархом Александровичем Израилевым на звоннице при церкви во имя преподобного Александра Свирского в усадьбе Владимира Павловича Мордвинова с. Ваулове Романов-Борисоглебского у. Ярославской губ. – СПб., 1893. С. 27, 29–35 и С. 1–23.
- ⁶⁶⁵ - Doorslaer G. van. Les Carillons et les Carillonneurs à Malines. – // Annales de 22e congres Federation archeologique et historique de Belgique. – Malines, 1896. – La page 1.
- ⁶⁶⁶ - Doorslaer G. van. Op. cit. La page 1–8.
- ⁶⁶⁷ - Doorslaer G.van. Le Carillons et les Carillonneurs a Malines. – Malines, 1896. La page 13–17.
- ⁶⁶⁸ - Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. – Ч. 1–2. – М., 1850. – С. 42–43.
- ⁶⁶⁹ - Закревский Н.В. Описание Киева. – Т. 2. – М., 1868. – С. 689.

- 670 - Там же. С. 177.
- 671 - Белокуров С.А. Материалы для русской истории. – М., 1888. – С. 1 – 80. – Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 год).
- 672 - Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. V. – СПб., 1819. – С. 238–239.
- 673 - Плечко А.М. Москва: Исторический очерк. – М., 1883. – С. 39.
- 674 - Источник не установлен.
- 675 - Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 401.
- 676 - Источник не установлен.
- 677 - Вологодские губернские ведомости. – 1851. – С. 233
- 678 - 293 Имеются в виду часы с 12-часовым циферблатом. До начала XVIII в. на Спасской башне находились часы, построенные совершенно по другому принципу. Посол австрийского императора барон А. Мейерберг, бывший в России в 1661–1662 гг., писал об этих часах, что они были самые большие в Москве и показывали дневные часы от восхода до захода солнца. Летом, когда день длиннее, они били 17 раз днем и 7 раз ночью. Вокруг диска были размещены 17 медных букв и сочетаний букв кириллического алфавита, а внутри круга – арабские числа от 1 до 17. Диск медленно вращался, так что луч солнца, расположенного над диском, показывал настоящее время. Середина часов была лазоревого цвета с размещенными на ней золотыми и серебряными звездами, луной и солнцем. Золоченые цифры достигали полуметровой высоты. Диаметр колеса-круга составлял около 3,5 метра. Часы погибли в пожаре 1701 г.
- 679 - Пыляев М.И. Старая Москва. – СПб., 1891. – С. 407.
- 680 - Полное имя мастера Петр Антонио Солари.
- 681 - Правильно: 1628 г.
- 682 - Архидиакон Павел пишет ошибочно. Как было упомянуто, пожар случился пятого октября.
- 683 - См.: Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в России в половине XVII в. Вып. 1–4. – М., 1896–1898.
- 684 - Забелин И.Е. История города Москвы. 2-е изд. – Ч. 1. – М.: изд. автора, 1905. – С. 189.
- 685 - Источник не выявлен.
- 686 - Источник не выявлен.
- 687 - Источник не выявлен.
- 688 - Архив Мин[истерства] Юстиции, дела Сенатской канцелярии. № 7712
- 689 - Гостев М.С. Статист[ическое] описание Москвы. – М., 1841. – Ч. 1. – с. 57
- 690 - Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. I. – М., 1905. – С. 186–193.
- 691 - Киссель, Федор. История города Углича. – Ярославль, 1884. – С. 383.
- 692 - Историко-статист[ические] сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869. – С. 61.
- 693 - Историко-статист[ические] сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869. – С. 65–67.
- 694 - Флоринский Д.И. Собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. – СПб., 1882. – С. 12–24.
- 695 - Историко-статист[ические] сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. – Вып. 1. – СПб., 1869. – С. 71–72.

- ⁶⁹⁶ - Пекарский П.П. Петербургская старина // Современник. – 1860. – Июнь. – С. 311.
- ⁶⁹⁷ - Navard, Henry. Les bronzes d'art et d'ameublement. Paris, 1897 (LesArts de l'ameublement). – La page. 102–103.
- ⁶⁹⁸ - Якушкин Павел. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. – СПб., 1860. – С. 97–98.
- ⁶⁹⁹ - Барсов Е.В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Т. 2, № 9. – Грозный царь Иван Васильевич. – С. 409.
- ⁷⁰⁰ - Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. – М., 1853. – С. 34.
- ⁷⁰¹ - Пыляев М.И. Исторические колокола // Исторический вестник. – Т.42.– 1890.
- ⁷⁰² - Правильно: 1591 г.
- ⁷⁰³ - Правильно: 1595 г.
- ⁷⁰⁴ - Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге. – 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894. – С. 49–50.
- ⁷⁰⁵ - См.: ПСРЛ. Т. III–IV. Новгородские летописи. – СПб., 1841. Стлб. 2.
- ⁷⁰⁶ - См.: ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 27.
- ⁷⁰⁷ - Толстой М.В., граф. Святыни и древности Великого Новгорода. – М., 1862. – С. 8.
- ⁷⁰⁸ - Полное собрание русских летописей / Изд. Археогр. ком. – Т. 3. Новгородская 1-я летопись. – СПб., 1841. – С. 2.
- ⁷⁰⁹ - 304 См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. 2-е изд. Т. 7. – СПб., 1819. Примеч. 64.
- ⁷¹⁰ - Борзаковский В.С. История Тверского княжества. – СПб., 1876. – С. 132, примеч. 988.
- ⁷¹¹ - Имеются ввиду, вечевые колокола.
- ⁷¹² - См.: ПСРЛ. Т. 12. Стлб. 281.
- ⁷¹³ - Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд.– Т. 7. – СПб., 1819. – Примеч. 66.
- ⁷¹⁴ - Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. 7. – СПб., 1819. – Примеч. 383.
- ⁷¹⁵ - Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Ч. 1. – Нижний Новгород, 1859. – С. 10, примеч. 89.
- ⁷¹⁶ - Правильно: 1510 г.
- ⁷¹⁷ - Герберштейн С., барон. Записки о Московии / Перев. И.Анонимов. – СПб., 1866. – С. 116.
- ⁷¹⁸ - Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 18.
- ⁷¹⁹ - Верховский Т.А., прот. Стародубье. – Ч. 2. – Казань, 1874. – С. 15.
- ⁷²⁰ - ПСРЛ. Т. 12. Стлб. 285.
- ⁷²¹ - Пыляев М.И. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 293. – Приводя этот факт, Пыляев ссылается на Словцова «Исторический обзор Сибири», кн. 1, с. 198, но у Словцова мы ничего подобного не нашли.
- ⁷²² - Правильно: 1589 г.
- ⁷²³ - Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1897. – Т. 5, № 9. – С. 287.
- ⁷²⁴ - Русские ведомости. – 1897. – № 207.
- ⁷²⁵ - Правильно: 1685 г.

- ⁷²⁶ - Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. – Ч. 4. – М, 1828. – Ст. 493, № 170.
- ⁷²⁷ - Указ «об отдаче Нарве церкви, именуемой Александровской, с предоставлением им на основании 10 пункта мирного трактата с Швецией, свободного богослужения». – ПСЗРИ. – СПб., 1830. – Т. IX. – С. 29–30 (Указ Анны Иоанновны от 12 февраля 1733 г. № 6323).
- ⁷²⁸ - Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. – Ч. 4. – М, 1828. – Ст. 493, № 170.
- ⁷²⁹ - Вологодские губернские ведомости. – 1851. – С. 184,230,233,223–225.
- ⁷³⁰ - Шлун Д. Осада города Риги царем Алексеем Михайловичем в 1656 году // Отечественные записки. – 1822. – Ч. 9, № 24, апрель. – С. 37.
- ⁷³¹ - Правильно: «Део».
- ⁷³² - Пыляев М.Н. Старое житье. – СПб., 1892. – С. 292–293.
- ⁷³³ - Иллюстрация. – 1862. – № 214, 5 апр.
- ⁷³⁴ - Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1873. – С. 179.
- ⁷³⁵ - Снегирев И.М. Памятники Моек, древности. – М., 1842–1845. – С. 302.
- ⁷³⁶ - Карамзин Н.М. История государства Российского. – 2-е изд. – Т. 10. – СПб., 1824. – С. 241, примеч. 101.
- ⁷³⁷ - Древняя Российская вивлиофика. – 1774. – Ч. 6. – С. 176.
- ⁷³⁸ - Снегирев И.М. Русская старина [в памятниках церковного и гражданского зодчества] / Сост. А.А. Мартынов. 3-е изд Год 1. – М., 1852. С. 115–116.
- ⁷³⁹ - Правильно: 1674 г.
- ⁷⁴⁰ - Щекотов А., Максимович Л.М. Географический словарь Российского государства: В 7 т. – М., 1801–1809.
- ⁷⁴¹ - Снегирев И.М. Русская старина... / Сост. А.А. Мартынов. – 3-е изд., доп. – Год 1. – М., 1852. – М., 1852. – С. 117.
- ⁷⁴² - См.: Указ царя Алексея Михайловича о пожарных набатах в Москве 1668 г. // ЧОИДР. Км. 1. – М., 1899. С. 14–15.
- ⁷⁴³ - Петрей де Ерлезунда, Петр. История о Великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. – М., 1867. – С. 224.
- ⁷⁴⁴ - Демьянов Г.Л. Путеводитель по Волге. – 2-е изд. – Нижний Новгород, 1894. – С. 175.
- ⁷⁴⁵ - [Город Рязск и его соборный Благовещенский храм //] Рязанские епархиальные ведомости. – 1876. – № 3,1 окт., прибавл. – С. 65.
- ⁷⁴⁶ - Вестовой колокол (ом же набатный) – своим звоном извещающий о чем-либо горожан. В XVII в. вестовые колокола были в каждом русском городе.
- ⁷⁴⁷ - Есипов Г.В. Набатный колокол // Исторический вестник. – 1881. – № 2.– С. 418–419.
- ⁷⁴⁸ - Библиотека для чтения. – СПб., 1840. – Т. 43. – С. 97.
- ⁷⁴⁹ - Коробейников Трифон. Второе хождение Трифона Коробейникова [О пути к Царю граду от Москвы и до Иерусалима. Рук. Московского публ. музея из собр. А.Н. Попова, № 2416, XVII в, скор, в 4° л. 40–48] / С предисл. С.О. Долгова. – М.: издание чтений, 1887. – С. 16.
- ⁷⁵⁰ - Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. – М. 1862. – С. 199–200.
- ⁷⁵¹ - Казанский П.С. Село Новоспасское, Деденево тож и родословная Головиных, владельцев оногo. – М., 1847. – С. 9.

- ⁷⁵² - Куприн А.И. Мой паспорт [: Пасхальное стихотворение в прозе]// Собрание сочинений: В 2-х кн. – СПб., 1911. – Т. 1, кн. 2. С. 99–108.
- ⁷⁵³ - Корсунский Н.Н. Благовест. – 3-е изд. – Ярославль, 1887. – С. 12.
- ⁷⁵⁴ - Там же, С. 30–33.
- ⁷⁵⁵ - Гаршин В.М. Ночь // Первая книжка рассказов. – 8-е изд. – СПб., 1897. – С. 153.
- ⁷⁵⁶ - Приведено стихотворение Акинфиева из книги: Рычин Ф.И. Путеводитель по Московской святыне. – 5-е изд. – М., 1890.
- ⁷⁵⁷ - Н.А. Римский-Корсаков.
- ⁷⁵⁸ - Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – С. 17–18.
- ⁷⁵⁹ - Сахаров И.П. Сказания русского народа. – 3-е изд. – Т. 1, кн. 1. – СПб., 1841. – С. 92–93. – № 25–34–72.
- ⁷⁶⁰ - Демьянов Г. Путеводитель по Волге. – Нижн. Новгород, 1894. С. 133.
- ⁷⁶¹ - Отсюда и далее цитируется по: Радонежский А.Л. Солнышко: Кинга для чтения. 8-е над. – СПб., 1894. С. 4. | Рассказ «Мальчик и церковный колокол»).
- ⁷⁶² - Корсунский Н. Благовест. – Ярославль, 1887. – С. 41–44.
- ⁷⁶³ - «Солнышко» книга для чтения / Сост. А. Радонежский. – СПб., 1804. – С. 4. Рассказ под заглавием «Мальчик и церковный колокол» (10).
- ⁷⁶⁴ - Барсов Е.В. Причитанья Северного края. Ч. 1. – М., 1872.
- ⁷⁶⁵ - Дмитриевская Е. Семейные песни Олонецкой губ. // «Русский Архив», 1901. №2. С. 246.
- ⁷⁶⁶ - Княжевин Д.М. Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. – СПб., 1822.
- ⁷⁶⁷ - Древняя и новая Россия: Исторический ежемесячный сборник. – 1879. – Т. 2. – С. 8.
- ⁷⁶⁸ - Красносельский В. Поднятие нового 300-пудового колокола в с. Боронишине Московского у., слитого крестьянами в память государя Императора Александра II // Ярославские епархиальные ведомости. – 1882. – №15, ч. неофиц. – С. 117–118.
- ⁷⁶⁹ - Живописное описание монастырей и обителей. Издание А.Н. Величкова. – М., 1903. – Вып. 6. – С. 83.
- ⁷⁷⁰ - Марченко. Приключения русских колоколов, отправленных в Сербию в 1863 г. // «Русская Старина», 1898. Кн. IV. С. 149–153.
- ⁷⁷¹ - Карамзин Н.М. История Государства Российского. – Т. 9. – 3-е изд. – СПб., 1831. – С. 98.
- ⁷⁷² - Мамонтов С. На пепелище Грозного царя // Русское слово. 1910. № 166.
- ⁷⁷³ - Петрей де Ерлезунда, Петр. История о Великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. – М., 1867. – С. 168.
- ⁷⁷⁴ - Шавельский Г.И., протоиерей. Суворовская Кончанская что при Николаевской академии Генерального штаба церковь. (1786–1906). [Исторический очерк]. – СПб., 1906
- ⁷⁷⁵ - Рачинский А.В. Нилова Пустынь в первые полутора столетия ее существования: Исторический очерк по старинным монастырским бумагам. – М., 1876. – С. 8.
- ⁷⁷⁶ - Мартынов А. А. Московские колокола // Русский архив. – 1896. №3. – С. 396–397.
- ⁷⁷⁷ - Тюменев И. Александро-Свирский монастырь // Нива. – 1899. №5, – С. 95.
- ⁷⁷⁸ - Правильное название урочища Чертолье.
- ⁷⁷⁹ - Фадеев А.М. Воспоминания // Русский архив. – 1891. – № 10. – С. 229–232.
- ⁷⁸⁰ - Бартенев П. Рецензия о первом издании книги Н. Оловянишникова «История колоколов... [Ярославль, 1906/7]» // Русский архив. – 1907. – Кн. 3, № 10. – С. 2–3

облож.

- ⁷⁸¹ - Гиляровский В. Иван Великий // Русское слово. – 1909. – № 89. – С. 5.
- ⁷⁸² - Пыляев М.И. Старая Москва. – СПб., 1891. – С. 295–296.
- ⁷⁸³ - Хватов М. Описание России и ее достопримечательности. – Ч. 1. – С. 273.
- ⁷⁸⁴ - Серафим (Веснин С.Л.). Письма Святогорца к друзьям своим о Св[ятой] горе Афонской. – Ч. 1. – СПб., 1850. – С. 159–161, письмо 11.
- ⁷⁸⁵ - Корсунский Н.Н. Благовест. – 3-е изд. – Ярославль, 1887
- ⁷⁸⁶ - Пределы отклонения от указанной пропорции между медью и оловом в колокольном сплаве разумно полагать, исходя из требований благозвучности и долговечности колокола: «Эта пропорция колеблется между 77–80 % меди и 23–20 % олова – такой результат дал неоднократно повторенный химический анализ старых, признанно хороших колоколов» (Bockeler H. Beitrage zur Glochenkunde. – Aachen, 1882. С. 111–112).
- ⁷⁸⁷ - Havard, Henry. Les bronzes d'art et d'ameublement. Paris, 1897 (LesArts de l'ameublement). – La page 108–109.
- ⁷⁸⁸ - Подобные высокие оценки меди, выплавленной на основанных Демидовыми Невьянском и Колыванском заводах, можно встретить и в зарубежной специальной литературе тех лет: «Лучшая медь – сибирская, или русская» (Bockeler H. Beitrage zur Glochenkunde. – Aachen, 1882. С. 112).
- ⁷⁸⁹ - 1083° С.
- ⁷⁹⁰ - Температура плазмы в шнуре электрической (вольтовой) дуги при атмосферном давлении и силе тока в несколько ампер составляет 5000–6000° абсолютной шкалы температур.
- ⁷⁹¹ - 232° С.
- ⁷⁹² - Кислород в колокольной бронзе образует оксиды Si₂O и SnO₂.
- ⁷⁹³ - Это ликвация (расслоение металлов в растворе) по плотности (плотность Si = 8,94, Sn = 7,29).
- ⁷⁹⁴ - Примерно 1,5%.
- ⁷⁹⁵ - Исследования Т.Б. Шашкиной показали, что суммарное количество примесей не должно превышать 1,0%.
- ⁷⁹⁶ - Причина хрупкости – снижение пластичности. Оно обусловлено избытком интерметаллида Cu₃₁Sn₈ (при содержании Sn 22%).
- ⁷⁹⁷ - «Узкие» формы, которые предшествовали в Европе современной форме колокола, называются улей (или теофилов колокол, по имени монаха Теофила, оставившего описание отливки колоколов такой формы) и сахарная голова (см. рис. 1, 2). Рис.1 «Улей» Рис.2 «Сахарная голова»
- ⁷⁹⁸ - В звуке европейского колокола современной формы отчетливо ощущается наличие различных частичных тонов. С тех пор, как сложилась эта форма, стали предприниматься попытки объяснить этот акустический феномен. Рассуждения обычно начинались с того, что колокол (см. рис. 3; воспроизводится по: С. Seselschreiber, рукопись, 1524) мысленно делился горизонтальными плоскостями на кольцевые зоны (само по себе подобное деление целесообразно: можно провести аналогию между ним и современным методом конечных элементов, но которому успешно проектируются колокола и анализируется их звучание). Далее предполагалось, что каждая из полученных зон издает отдельный частичный тон. В русле таких представлений лежат суждения, к которым относится данное примечание (начиная со слов «С акустической стороны колокол можно рассматривать как изогнутую круглую пластину...» – см. 9-ый абзац на с. 398). Однако такие представления не соответствуют действительности.

Рис.3. Кольцевые зоны и их тоны⁷⁹⁹ Побуждая колокол издавать лишь один частичный тон (например, приставив к его стенке ножку звучащего хроматического камертона, настроенного на такой тон), можно обнаружить, что вибрирует вся стенка колокола, а не одна какая-то ее часть. При этом некоторые ее точки остаются в покое, и для каждого частичного тона расположение этих точек свое. Они сливаются в узловые линии, пролегающие либо в меридианальных направлениях (меридианы покоя), либо параллельно краю колокола (параллели покоя; среди них особое положение занимает параллель, находящаяся в непосредственной близости от края; на рис. 4 она отмечена пунктиром). Колебание стенки звучащего колокола можно представить себе, как сумму таких элементарных вибраций, называемых модами колебаний. Каждая из них в каждый момент времени имеет определенную амплитуду. Рис. 4. Звуковые колебания в колоколе⁸⁰⁰ Соответственно, звук колокола можно представить, как сумму частичных тонов, каждый из которых порождается одной из мод, причем его интенсивность соответствует амплитуде моды. Все эти частичные тона, представленные в координатах «частота-интенсивность», образуют акустический спектр колокола (см. рис. 5). В продолжение звучания колокола он меняется: интенсивность частичных тонов понижается и притом неравномерно, однако частота каждого из них остается постоянной. Называемая Н.И. Оловянишниковым мода колебаний колокола, характеризуемая четырьмя меридианами покоя и отсутствием параллелей покоя («от удара образуются в нем четыре узловых линии»), – лишь одна из мод, возбуждаемых в колоколе ударом языка о его стенку. Описывая далее эксперименты со смычком, Н.И. Оловянишников косвенно указывает на существование мод с шестью и восемью меридианами покоя. Рис. 5. Акустический спектр колокола

⁷⁹⁹ - При строгом геометрическом подобии указанное соотношение между размерами колокола и его весом соблюдаются точно.

⁸⁰⁰ - Если учесть, что $(1 \frac{1}{4})^3 = 2$, то станет ясно, что при увеличении размеров колокола на четверть его вес увеличивается приблизительно в два раза. Подобным образом объясняется и переход к 150-пудовому колоколу от 100-пудового путем увеличения его размеров на одну седьмую: $(1 \frac{1}{7})^3 = 150/100$.

⁸⁰¹ - Navard, Henry. Les bronzes d'art et d'ameublement. Paris, 1897 (LesArts de l'ameublement). – La page 105–106.

⁸⁰² - См. о нем выше.

⁸⁰³ - Существует точка зрения, согласно которой в качестве монументального пленэрного музыкального инструмента рассматривается колокольня (или звонница) с подбором колоколов (Благовещенская Л.Л. Звонница – музыкальный инструмент // Колокола. История и современность. – М., 1985).

⁸⁰⁴ - Так называется резкий, краткий звук, который раздается в момент удара языка о стенку колокола. По нему оценивается и йотируется высота звучания колокола. Определяется на слух путем его сравнения со звучанием хроматического камертона, варьируемым до ощущения совпадения высот того и другого звука. Может отсутствовать в акустическом спектре колокола и потому не фиксироваться акустическими приборами – в этом состоит так называемый парадокс основного тона. Объяснение парадокса, получившее наибольшее признание, таково. Источники музыкальных звуков в большинстве своем имеют акустические спектры, в которых есть частичный тон наименьшей высоты, оцениваемый слуховым аппаратом как высота звука в целом, а далее следуют частичные тона с частотами, кратными наименьшей. В акустическом спектре колокола присутствуют несколько таких частотных рядов; в том из них, что соответствует наиболее интенсивным в момент удара частичным тонам, может отсутствовать частота, кратными которой являются все другие частоты этого ряда. Так, в акустическом спектре колокола, приведенном в примечании 310, есть частичные тона

с частотами 510, 765, 1020 Гц, кратными частоте 255 Гц, однако частичного тона с этой частотой нет. В таких случаях слух человека, воспитанный музыкальными звуками с «нормальными» спектрами, субъективно дополняет «обедненный» звук недостающим частичным тоном и принимает его высоту за высоту звучания колокола. Неопытный слух, возможно, такого дополнения не совершит и примет за высоту звучания колокола высоту наиболее интенсивного в момент удара частичного тона – в приведенном примере 510 Гц, поэтому два человека, слыша один и тот же КОЛОКОЛ, могут по-разному оценить его высоту – с расхождением в октаву. Как правило, определенный на слух основной тон колокола близок к частичному тону, порождаемому модой колебаний с четырьмя меридианами и одной параллелью покоя (вот почему этот частичный тон именуется примой, более низкий унтертоном, а более высокие обертонами). Нормой считается, когда оба тона – основной и прима – совпадают. Тогда ничего парадоксального в звучании колокола нет. За секунду-другую после удара акустический спектр колокола существенно меняется: частичные тона, наиболее интенсивные в момент удара, уступают в этом качестве другим. Поэтому основной тон колокола, особенно если он не совпадает с одним из частичных, отличается краткостью.

⁸⁰⁵ - В книге ни здесь, ни в других местах не говорится, какая именно теория имеется в виду и в каких источниках она излагается.

⁸⁰⁶ - Можно сопоставить этот абзац с утверждением выше, что гармонически созвучные колокола имеют различные профили, не подчиненные геометрическому подобию. Несоблюдение подобия подтверждается таблицей из книги В.С. Кнаббе «Литейное дело» (Библиотека промышленных знаний. – СПб., 1901. Т. 6. Ч. 6. С. 222), где приведены веса и размеры нескольких гармонически подобранных колоколов: у наибольшего из них отношение толщины боевой части к диаметру составляет 1:14, у наименьшего 1:12,5. Таким образом, нельзя утверждать, что это отношение обусловлено лишь тем, в какое время был отлит колокол.

⁸⁰⁷ - Исправлено. В оригинале: 1:3.

⁸⁰⁸ - См.: Chladni E.F.F. Schwingungen einer Glocke und überhaupt einer gekrummten Fläche. – Leipzig, 1802.

⁸⁰⁹ - Описанные соотношения (см. также 11-й абзац на с. 399) количественно описываются формулой Хладни (Chladni E.F.F. Op. cit.; Weissenback A., Pfundner J. Tonendes Erz. – Graz-Koln, 1961): $V_i = (C_i \cdot d) / D^2 \cdot \sqrt{E/\rho}$ где V_i – частота одного из частичных тонов, издаваемых колоколом, занимающего i -тое место в их ряду; d – толщина стенки колокола (например, наибольшая, то есть в ударной части); D – его размер (например, наибольший диаметр); ρ – плотность сплава, из которого отлит колокол; E – модуль упругости сплава (с этой величиной следует соотносить встречающиеся здесь и в других местах книги слова жесткость и хрупкость); C_i – коэффициент пропорциональности.

⁸¹⁰ - Сходные суждения издавна и нередко встречаются в campanологической литературе, в том числе и в тех источниках, которыми мог пользоваться Н.И. Оловянишников при написании своей книги. Однако эти суждения носят умозрительный характер и не сопровождаются количественными данными соответствующих экспериментов, например: «Как показывает опыт, давление [металла] придает колоколу большую плотность» (Sprengel P.R. Der Roth-, Stuck- und Glockengießer. – Berlin, 1770. С. 56; Krunitz J.G. Glocken, Glockenspiel, Glockenturm etc. // Oekonomische Encyclopedic, Bd. 19. – Berlin, 1780. С. 129; цитируемый текст одинаков в обеих книгах).

⁸¹¹ - Акустический спектр колокола определяется профилем его стенки. Всякое изменение этого профиля, в том числе и подточка стенки, вызывает соответствующие изменения в акустическом спектре колокола. Выработанные многовековой практикой эмпирические приемы коррекции этого спектра без нарушения его общей структуры (см. рис. 6) позволяют достичь лишь незначительного, не более чем на четверть тона,

изменения частот некоторых частичных тонов (Amet J. Praktische Glockenkunde. Sempach, 1927; Weissenback A., Pfundner J. Op. cit.). На эту незначительность, вероятно, и указывает фраза о невозможности исправить добавочные тона (т. е. унтертон и обертоны). Рис. 6

⁸¹² - Точное количественное подтверждение таких наблюдений, могли бы дать диаграммы звукового давления в среде, окружающей звучащий колокол. Однако, по всей вероятности, ко времени написания книги таких диаграмм еще не существовало. О методике и некоторых результатах, относящихся к таким экспериментам см.: Fchroeder H.-J. Optische Schallfelddarstellung mit Phasen und Amplitudenaufzeichnung // *Acustica*, v. 13 (1963), pp. 92–108).

⁸¹³ - Всякая волна, в том числе звуковая, меняет свое направление, пересекая границу раздела двух сред различной плотности. Говоря вообще, любая неоднородность среды искривляет распространение волн и вызывает их рассеяние. Степень рассеяния тем больше, чем выше частота волны. Неоднородность атмосферного воздуха в значительной мере вызывается неравномерностью, с которой земная поверхность и ее покров нагреваются солнечным светом. Наличие в воздухе мелких частиц иной плотности, нежели он, также является фактором неоднородности. С этой точки зрения становятся понятными сведения о том, что низкие частичные тона колокола слышатся дальше, чем высокие, поскольку рассеиваются слабее; что ночью и в мороз звук колокола кажется более сильным, чем днем и в жару, когда атмосфера становится неоднороднее; что снег задерживает звук и что на него также влияют облака, поскольку то и другое вносят неоднородность в атмосферный воздух.

⁸¹⁴ - Известна также и другая методика изготовления формы для отливки колокола, когда используется лишь один, но постепенно урезаемый шаблон (см. Кнаббе В.С. Указ. соч.).

⁸¹⁵ - Имеется в виду формовочный песок, применяемый в литейном производстве. Относительно природного песка некоторые руководства по колокольному делу предупреждают: его избыток в глине может привести к тому, что внутренняя поверхность литейной формы при ее контакте с жидким сплавом, заливаемым в форму, станет шелушиться, разрушаться, и это испортит отливку (Harzer F. GlockengieBerei. – Weimar, 1854. С. 109).

⁸¹⁶ - В разных отечественных источниках по-разному указывается порядок, в котором литейная форма опускается в яму, удаляется фальшивый колокол, и форма ушей приставляется к кожуху (Н.И. Оловянишников называет его рубашкой). В ряде источников описывается изготовление литейной формы в яме, в не на ее берегу, как у Оловянишникова (ср. Бабин 1-й. О русских колоколах // «Горный журнал», 1861, №11; Де Геннин Г.В. Описание уральских и сибирских заводов. – М, 1937; Кнаббе В.С. Указ. соч.; Н.Р. О колоколах // «Московские ведомости», 1850, 27 апр.).

⁸¹⁷ - Теофил – монах-бенедиктинец. См. прим. 17.

⁸¹⁸ - См.: Подчиненное Н.В. Устройство и установка железной конструкции для привеса колоколов на древней колокольне московского Данилова монастыря. – 1909.

⁸¹⁹ - Правильно: 1622 г.

⁸²⁰ - Правильно: 1626 г.

⁸²¹ - Ореанда – поселок вблизи Ялты в Крыму.

⁸²² - Вес колоколов указан приблизительно. Ниже приводятся веса колоколов и их тоны по хроматическому ряду с погрешностью веса не более чем на 5% (веса даны по возрастанию, аппроксимация – по экспоненциальной кривой): 20 ф. – Ля; 22 ф. – Соль-диез; 25 ф. – Соль; 29 ф. – Фа-диез; 34 ф. – Фа; 1 п. – Ми; 1 п. 7 ф. – Ре-диез; 1 п. 15 ф. – Ре; 1 п. 22 ф. – До-диез; 1 п. 30. – До; 2 п. – Си; 2 п. 12 ф. – Ля-диез; 2 п. 25 ф. – Ля; 3

п. – Соль-диез; 3 п. 20 – Соль; 4 п. 10 ф. – Фа-диез; 5 п. – Фа; 6 п. – Ми; 7 п. 10 ф. – Ре-диез; 8 п. 20 ф. – Ре; 10 п. – До-диез; 12 п. – До; 14 п. 20 ф. – Си; 17 п. 30 ф. – Ля-диез; 21 п. – Ля; 25 п. – Соль-диез; 30 п. – Соль; 36 п. – Фа-диез; 43 п. – Ми; 52 п. – Ре-диез; 64 п. – Ре; и т. д. (– Ред.).

⁸²³ - Список источников Н.И. Оловянишникова выверен, нормализован в соответствии с современными стандартами для библиографических записей и приводится в алфавитном порядке. – А.Б.

⁸²⁴ - Николай Евгеньевич Прянишников является прямым потомком (внуком) Н.И. Оловянишникова, хранителем семейных традиций.

⁸²⁵ - Купеческим сыном считался неотделивший отпрыск, торговавший вместе с отцом.

⁸²⁶ - ЦИАМ, ф. 203. оп. 750, дело 30, л. 537 об., 538.

⁸²⁷ - История колоколов и колокололитейное дело на заводе П.И. Оловянишникова сыновья. – М. – Ярославль, 1906. 152 стр.; 9 таблиц; 8 илл.; 41 п. библ.

⁸²⁸ - История колоколов и колокололитейное искусство, изд-во Т-ва Оловянишниковых. – 1912. 435 стр; 11 табл.; 49 илл.; 246 п. библ.

⁸²⁹ - Список колоколов весом более 100 пудов, отлитых с 1870 по 1905 г. и весом более 20 пудов с 1905 по 1912 г. на заводе товарищества П.И. Оловянишникова сыновья. – Изд. в Ярославле; без даты и указания автора-составителя.

⁸³⁰ - Труды ярославской губернской архивной комиссии. Книга VII, вып. 1-ый. – Ярославль, 1914. С. 65.

⁸³¹ - Сохранились сведения об активном участии П.И. Оловянишникова в подготовке к памятной дате – 600-летия кончины Святого и Благоверного князя Федора Ростиславовича Черного (ярославского), где П.И. взял на себя хлопоты по выпуску памятных образков-медальонов и контакты с выпускавшими их фирмой Жако. (см. Труды ЯГУАК, кн. VI, вып. 1, Ярославль; с. 117).

⁸³² - ЦИАМ, ф. 2126, оп. 1, ед. хр. 217, лл. 128 и 129 об

⁸³³ - РГИА, ф. 1081, оп. 1, д. 303, лл. 1,2,3,3 об., 4.

⁸³⁴ - Документ публикуется с частичным изменением орфографии (с заменой «i», «ъ», «ѣ»), хотя остальные стилистические особенности сохранены. К сожалению, в имеющейся у нас копии отсутствуют дата и месяц выхода документа. Ее можно установить по помете писаря: решение Департамента Герольдии Сената от 12 октября, утверждение 18 октября. Публикация Н.Е. Прянишников. Выражаю большую благодарность Л.М. Сеселкиной (хранителю РГИА) за разыскание этих документов.

⁸³⁵ - Судя по тому, что в Департаменте Герольдии Сената содержится 13837 дел, число семей потомственных почетных граждан не превысило 14 тысяч. Представители этого сословия могли жаловаться (награждаться) лично Государем за отличия, освобождалось от рекрутской повинности, подушного налога и телесных наказаний.

⁸³⁶ - Департамент Сената.

⁸³⁷ - Единую систему мер и весов для всей России начал создавать Петр I. В 1845 г. это процесс, в основном был завершен.

⁸³⁸ - Многие меры различались в зависимости от места, а также изменялись со временем. Источники: 1) Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Кн. 1. – М., 1999; 2) Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. I–IV. (2-е изд. – 1880–1882, ..., 1998).

⁸³⁹ - Настоящий библиографический список содержит, в основном, работы, вышедшие после книги Н.И. Оловянишникова «Колокола и колокололитейное искусство», и является дополняющим к библиографии Оловянишникова. – Ред.